ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИТОГИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВЫВОДЫ ПОБЕЖДЕННЫХ

К. ТИППЕЛЬСКИРХ, А. ХЕССЕЛЬРИНГ, Г. ГУДЕРИАН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Настоящая книга является попыткой группы немецких военных специалистов и государственных деятелей обобщить опыт, накопленный во время войны 1939–1945 годов, и сделать некоторые выводы на будущее, главным образом на основе анализа решений оперативного руководства Вермахта в важнейшие моменты войны на суше, на море и в воздухе. В книге разбираются также вопросы развития вооружения и боевой техники, использования различных видов транспорта, организации финансирования войны и т. д. Материал сборника представляет значительный интерес при изучении истории Второй мировой войны.

- Итоги Второй мировой войны. Выводы побеждённых
- Предисловие
- Идеи и силы, господствовавшие в период между двумя мировыми войнами
- Вернер Пихт
  -
  - Воин-солдат
  - Прусская военная организация
  - Фридрих Великий
  - Военная реформа Шарнгорста
  - Армия в XIX веке
  - Первая мировая война
  - Ноябрьская революция
  - Добровольческие корпуса
  - Рейхсвер
  - Военная реформа национал-социалистов
  - Вторая мировая война
  - Конец германского вермахта
- Генерал пехоты в отставке
  -
  - Молниеносные войны
  - Молниеносная война, которая не удалась
  - Безыдейность руководства войной
- Генерал-фельдмаршал в отставке
  - Война в бассейне Средиземного моря
  - Война в Африке
  - Борьба за Италию
  - Итог войны на Средиземном море
- Генерал-полковник в отставке

    - Опыт войны с Россией
    - Шведский король Карл XII
    - Наполеон I
    - Как возникло решение Гитлера о нападении на Советский Союз
    - Война с Россией
    - Наступление 1942 года
    - Оборона на Востоке с 1943 года и до конца войны
    - Итог
- Генерал-полковник в отставке
    - Партизанская война
    - Партизанская война и международное право
    - Партизаны на Балканах
    - Партизанская война в России
    - Партизанская война в Польше
    - Движение сопротивления во Франции
    - Партизанская война в Италии
- Вице-адмирал в отставке
    - Война на море
- Контр-адмирал в отставке
    - Подводная война
    - Новые технические и тактические возможности
    - Первый боевой опыт
    - Кризис торпедного оружия
    - Новая обстановка после операции в Норвегии
    - Недостатки морской авиации
    - Начало трагедии
    - Война с помощью радиолокации
    - Путь к созданию океанской подводной лодки
    - Заключение
- Генерал-фельдмаршал в отставке
    - Немецкая авиация
    - Взлет и падение немецкой авиации. Итог
- Генерал-майор пожарной охраны в отставке
    - Воздушная война в Германии
    - Итог
- Проф. Хейдте
    -
    - «Солдаты падают с неба»
    - Как были созданы немецкие парашютные войска
    - Оснащение, вооружение и подготовка немецких парашютных войск
    - Проблема выброски парашютистов
    - Боевое применение парашютных войск

- Моральный фактор
- Д-р Пауль Леверкюн
  - Служба разведки и контрразведки
- Генерал-майор в отставке
  - Каждый человек на своем посту
- Генерал-лейтенант в отставке, инженер
  - Техника и развитие оружия в войне
  - Развитие оружия с 1935 года, после достижения Германией военного суверенитета
  - Новое ракетное и реактивное оружие
  - Радарная война
  - Управление вооружений сухопутных войск
  - Руководство и организация военной промышленности
  - Заключение и выводы
- Расцвет и упадок германской науки в период Второй мировой войны
  -
  - Отсутствие единства в науке
  - Наука в период «молниеносных войн»
  - Сигнал бедствия в науке
  - Предметы исследований и достижения германской науки
  - Судьба исследователей в конце войны
  - Взгляд на будущее
- Ганс Керль
  - Военная экономика и военная промышленность
  - Состояние германской экономики в начале войны
  - После войны на Западе
  - Развитие военной экономики в 1942–1943 годах
  - Военная экономика и воздушная война
  - Конец
  - Заключение
- Инженер Вальтер Кумпф
  - Организация Тодта в войне
  - Трудовая повинность в Германии во время войны[106]
- Герман Теске, полковник в отставке
  - Военное значение транспорта
  - Пути сообщения
  - Средства сообщения
  - Вооружённые силы и транспорт
  - Организация военно-транспортной службы
  - Примеры и опыт
- Министр финансов в отставке Лутц граф Шверин фон Крозиг

    - Как финансировалась вторая мировая война
    - Изменения, вызванные первой мировой войной
    - Вооружение Германии перед второй мировой войной
    - Система централизованного управления экономикой
    - Введение твердых цен и замораживание заработной платы
    - Финансовое обеспечение производства вооружений
    - Покрытие военных издержек
    - Общий размер военных расходов
    - Проблема покрытия расходов
    - Налоговые сборы
    - Размеры и значение государственного долга
    - «Бесшумное» обременение долгами
    - Формы кредита
    - Участие банковского кредита в финансировании войны
    - «Упрощение» обращения
    - Итоги
- Статс-секретарь в отставке Ганс-Иоахим Рике
    - Продовольственная проблема и сельское хозяйство во время войны
    - Ошибки первой мировой войны
    - Отсутствие продовольственных планов на случай наступательной войны
    - Организация продовольственного хозяйства
    - Резервы продовольствия в начале войны
    - Продовольственное хозяйство военного времени
    - Нормирование пищевых продуктов
    - Продовольственные трудности
    - Блокада и внешняя торговля
    - Оккупированные районы
    - Аграрные планы для будущей Европы
    - Производство сельскохозяйственных продуктов в Германии
    - Снабжение углем и транспорт
    - Нерациональное кормление скота
    - Поведение населения
    - Заключение
- Немецкие женщины и война[129]
- Проф. К. Г. Пфеффер
    - Немцы и другие народы во Второй мировой войне
    - Национальная политика без концепции
    - Между двух стульев
    - Судьба военнопленных

- Немецкие солдаты и их отношение к другим народам
- Иностранцы в военной экономике Германии
- Общение с народами, находившимися в военном союзе с Германией
- Нечеловеческое отношение к другим народам

- Рудольф Зульцман
  - Пропаганда как оружие в войне
  - Рождение военной пропаганды
  - Пропаганда ужасов
  - Ложь — плохое средство
  - Пропаганда во второй мировой воине
  - Психологические ошибки
  - Этапы развития немецкой пропаганды
  - Результаты пропаганды
  - РЕЗУЛЬТАТЫ ПИСЬМЕННОГО ОПРОСА ПЛЕННЫХ, ПРОВЕДЁННОГО АМЕРИКАНСКИМ ОТДЕЛОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (в %)
  - Пропаганда в будущем
- Д-р Ганс Латернзер
  - Вторая мировая война и право
    - Могли ли процессы над военными преступниками создать новое международное уголовное право?
    - Противоречие между военной необходимостью и военным правом
    - Заложники, репрессалии и пленные
    - Выполнение приказа
    - Правовые гарантии в будущем
- Вальтер Людде-Нейрат
  - Конец на немецкой земле
  - Психологическая ситуация
  - Уроки тотальной войны
  - Тактика «выжженной земли»
  - Было ли бессмыслицей продолжать борьбу?
  - Трагедия Восточной Германии
  - Можно ли было избежать катастрофы в Восточной Германии?
  - Безоговорочная капитуляция
  - Правительство Деница
- Проф. Гельмут Арнтц
  - Людские потери во Второй мировой войне
  - СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА НАСЕЛЕНИЯ (В ТЫС.) ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН, УЧАСТВОВАВШИХ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (КРОМЕ ГЕРМАНИИ И

СОВЕТСКОГО СОЮЗА)
- Генерал в отставке Хассо фон Мантейфель
  - На переломе
  - Преобразованный мир
  - Силы, преобразующие мир
  - Преобразованная война
  - Стратегия идей
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36

- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80

- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124

- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168

- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182

Итоги Второй мировой войны. Выводы побеждённых

Ценный сборник — охвачено практические всё, за исключением специфики Третьего рейха. Много малоизвестных фактов. Весьма интересна статья Рендулича о борьбе с партизанами, а также исследование Ганса Румпфа о последствиях стратегических бомбардировок. А вот профессора Пфеффера явно недоденацифицировали в своё время. Этот безумный учёный застыл во времени, как клоп в плевке. Зато порадовал пропагандист Зульцман — душевно написано, со знанием дела, жаль, что мало.

Предисловие

Книга «Итоги второй мировой войны» состоит из статей, написанных в начале 1950-х годов бывшими крупными военачальниками и государственными деятелями гитлеровского рейха, которые попытались обобщить опыт германских войск и фашистской государственной машины в период второй мировой войны. Советская историография рассматривала этот труд не только как историческое исследование, помогающее лучше узнать прошлое, но и как рекомендации тем, кто «намерен развязать новую войну». Причиной такой неоднозначной оценки сборника, не оставившего без внимания ни одной области стратегического руководства войной, явилось то, что в нем наряду с анализом прошлого опыта, даются выводы на будущее, которые получили противоречивые отзывы. Но утилитарные цели авторов дать практические советы потомкам поставили их перед необходимостью быть объективными в освещении фактов и событий, содержащих много интересных сведений, которые помогают воспроизвести прошлое и взглянуть на него с новой, иногда совсем неожиданной точки зрения.

Более чем двадцать статей сборника весьма разнообразны по тематике. Они написаны компетентными и знающими людьми, целью которых было изложить исторический опыт второй мировой войны в ее различных областях и сделать некоторые предостерегающие выводы.

Особое внимание в книге привлекают статьи, написанные известными представителями гитлеровского вермахта К. Типпельскирхом, А. Кессельрингом, Г. Гудерианом, Л. Рендуличем, К. Ассманом и другими. В публикациях значительное место занимает оценка стратегического руководства войной, разбор крупнейших операций на суше и на море, описание войны партизан, боевых действий военно-воздушных сил и парашютных войск Германии, деятельности немецкой службы разведки и контрразведки.

Открывает военную серию публикаций статья генерала пехоты Курта Типпельскирха «Оперативные решения командования в критические моменты на основных сухопутных театрах второй мировой войны». (Этот же автор в 1951 году опубликовал книгу «История второй мировой войны».) В кратком

вступлении к статье К. Типпельскирх приводит высказывания двух теоретиков прусской военной школы К. Клаузевица и К. Мольтке, ставшие теоретической основой его собственной статьи. Первое: «Оборонительная форма войны сама по себе сильнее, чем наступательная… но она преследует негативную цепь» (Клаузевиц, «О войне»). Второе: «Ни один оперативный план не остается в его первоначальной форме после первого столкновения собственных сил с главными силами противника. Только профан может думать о какой-то заранее намеченной и тщательно продуманной идее, последовательное осуществление которой якобы можно проследить в течение всего хода войны» (Мольтке, «О стратегии»).

Уже в первом разделе, названном «Молниеносные войны», К. Типпельскирх утверждает, что в силу огромного военного превосходства немцев, умелого использования ими новейших средств борьбы им удавалось добиваться успехов вопреки двум приведенным положениям классиков прусской военной мысли.

После 1941 года, когда положение существенно изменилось, и противники фашистской Германии научились использовать новые виды оружия и техники, оба этих закона войны, по мнению автора, опять восторжествовали.

В этом же разделе К. Типпельскирх обосновывает причины успехов немецких войск в начальный период второй мировой войны до нападения на Советский Союз (имеется в виду Балканская кампания и война против Польши и Франции). Автор считает, что залогом военных побед вермахта были во-первых, разработанная немцами новая тактика, соответствующая применению тех видов вооружения, которые получили свое окончательное развитие в период между двумя мировыми войнами; во-вторых, им удавалось создавать громадный перевес в силах и средствах на решающих направлениях.

Следующий раздел статьи К. Типпельскирха «Молниеносная война, которая не удалась». Здесь автор анализирует ход войны против Советского Союза с самого начала до контрнаступления Красной Армии под Москвой.

Раскрывая стратегические и оперативные замыслы германского командования и описывая ход боевых действий на советско-германском фронте, основную причину провала замыслов Гитлера К. Типпельскирх видит в отсутствии единства в

планировании и руководстве операциями между верховным командованием вермахта и главным командованием сухопутных сил, а также в том, что «направленное на сокрушение противника наступление, у которого не хватает смелости лететь прямо в сердце неприятельской страны, никогда не достигнет своей цели» (Клаузевиц), чего, по мнению автора, не мог понять Гитлер.

Как и в своей книге «История второй мировой войны» К. Типпельскирх признает, что перед тем, когда было принято решение о повороте войск группы армий «Центр» на юг, наступление немецких войск на центральном участке Восточного фронта зашло в тупик. Он пишет: «…И все же немецкое командование не сумело вывести свои войска на оперативный простор. 3-я танковая группа, которая, согласно первоначальному плану, должна была наступать на Южном фронте группы армий «Север», оказалась скованной в районе севернее Смоленска, а 2-я танковая группа (Гудериана) вынуждена была помогать правому крылу группы армий «Центр», застрявшему в районе Рославля. Кроме того, выяснилось, что танковые соединения нуждаются в отдыхе и пополнении…» Таким образом, успех наступления германской армии на Москву в этот период был более чем проблематичен.

Здесь же К. Типпельскирх пишет, что «…операции всех трех групп армий… не привели ни к быстрому уничтожению… вооруженных сил противника, ни к подавлению морального духа и мужества войск Красной Армии… Части и соединения русских войск продолжали стойко сражаться даже в самом отчаянном положении». Автор также признает полный провал «блицкрига» в связи с контрнаступлением Красной Армии под Москвой. Он, правда, утверждает, что по плану советского командования контрнаступление зимой 1941–1942 годов должно было привести к полному уничтожению сил гитлеровцев на Восточном фронте, и что, «благодаря железной воле Гитлера и ценой больших потерь в людях и технике», осуществление этого замысла было сорвано. Как известно, советское командование в то время не ставило перед собой таких больших задач.

В третьем, заключительном разделе «Безыдейность руководства войной» К. Типпельскирх прослеживает дальнейшее развитие событий второй мировой войны с лета 1942 года. Интересен его вывод о том, что даже в случае, если бы гитлеровское командование добилось обеих целей, которые оно ставило перед собой в летней кампании 1942 года (захват

нефтяных источников Кавказа и взятие Сталинграда), все равно «наступательная мощь немецкой армии иссякла, да и сама армия, как и армии сателлитов Германии, была слишком слаба даже для того, чтобы на 2000-километровом фронте от Кавказа до Воронежа выдержать натиск русского контрнаступления». Исходя из этого, К. Типпельскирх утверждает, что следовало обороной сломить силу советских войск. По его мнению войну можно было привести к ничейному исходу после сталинградского разгрома, а также после сокрушительных ударов нашей армии под Курском и даже в 1944 году. Это выглядит невероятным, но автор приводит свои обоснования…

Если в статье К. Типпельскирха (хотя и называется она «Оперативные решения командования в критические моменты на основных сухопутных театрах второй мировой войны») речь идет почти исключительно о советско-германском фронте, то публикация бывшего генерал-фельдмаршала немецкой армии Альберта Кессельринга[1] освещает ход второй мировой войны в бассейне Средиземного моря. И это не случайно. А. Кессельринг с 1941 по 1945-й год являлся главнокомандующим войсками Юго-Запада (Средиземноморье, Италия) и Запада (Западная Германия).

Говоря о роли Средиземного моря для Германии, А. Кессельринг указывает, что уже в первый год войны оно стало для немцев воротами в мир, откуда они могли получать необходимое для войны сырье, которого не было в самой Германии. Еще большее значение Средиземное море приобрело для Германии, когда она отказалась от вторжения в Англию. Автор подчеркивает, что именно в момент, когда уже окончательно сложилось решение не нападать на острова Великобритании, Германия была обязана сделать Средиземное море своим основным стратегическим направлением. Игнорирование средиземноморского театра военных действий, по мнению А. Кессельринга, явилось причиной того, что «козырь, который обеспечил бы державам оси максимальные шансы на выигрыш, был потерян».

Основываясь на личном опыте, А. Кессельринг описывает ход войны в Африке и борьбу за Италию, в заключение он подводит итоги боевых действий на Средиземном море. По мнению автора, удачно проведенные здесь кампании могли стать решающими для исхода всей войны. Однако их возможности были «принесены в жертву нуждам на других театрах военных действий». А в

остальном действия немецких войск в Средиземноморском бассейне генерал-фельдмаршал А. Кессельринг называет «шедевром искусства ведения войны на отдельном, автономном театре военных действий». Можно не соглашаться с этим и другими выводами А. Кессельринга, но надо отдать должное компетентности автора. Она позволила ему в небольшой статье дать насыщенную картину второй мировой войны в бассейне Средиземного моря.

Следующая статья сборника «Опыт войны с Россией» написана бывшим генерал-полковником немецкой армии Гейнцем Гудерианом[2] (1888–1954). Он еще до войны изложил в различных трудах свои взгляды на применение бронетанковых войск. Главную роль в успехе наступательных операций и войны в целом он отводил массированному применению танков. В 1939–1940 годах Г. Гудериан командовал танковым корпусом, принимал участие в подготовке нападения на СССР. В июне 1940 года он был назначен командующим 2-й танковой армией, но в декабре, после поражения под Москвой с должности снят и отчислен в резерв. Вернули Г. Гудериана в строй после поражения немцев под Сталинградом: в марте 1943 года он стал генералом-инспектором танковых войск, а в июле 1944 года его назначили начальником генерального штаба сухопутных войск. В марте 1945 года за поражение на Восточном фронте Г Гудериан был уволен в запас. После войны он написал мемуары «Воспоминания солдата», «Танки вперед!», которые в 50-х годах были переведены на русский язык.

В статье «Опыт войны с Россией» генерал Г. Гудериан в основном высказывает те же мысли, что и в книге «Воспоминания солдата». Так, он останавливается на характеристике качеств нашей армии и делает из этого следующие выводы: «Русский солдат всегда отличался особым упорством, твердостью характера и большой неприхотливостью… Русским генералам и солдатам свойственно послушание. Они не теряли присутствия духа даже в труднейшей обстановке 1941 года. Об их упорстве говорит история всех войн. Следует воспитывать в солдатах такую же твердость и упорство. Несерьезность в этой области может привести к ужасным последствиям».

Здесь же Г. Гудериан делает выводы из истории различных войн, происходивших на территории России, и пишет, что в будущем можно рассчитывать на то, что русские будут еще интенсивнее использовать выгоды своей огромной страны. Все

нападения армий западноевропейских государств на Россию носили до сих пор чисто фронтальный характер и были, как правило, ограничены сушей. Все они успеха не имели. Если наступающий будет обладать превосходством на море, то авиация и флот могут создать ему предпосылки для успешного вторжения в Россию при условии, что авиация и флот будут тесно взаимодействовать с достаточным количеством наземных войск и что их действия будут носить характер не фронтального наступления, а охватывающего удара по самой важной цели.

Вот такими рекомендациями тем, кто попробует воевать с нашей страной в будущем, заканчивается статья одного из выдающихся военачальников гитлеровского рейха. Основной причиной поражения Германии на Восточном фронте Гейнц Гудериан считает то роковое обстоятельство, что Гитлер не хотел считаться с печальными уроками, данными судьбой его предшественникам Карлу XII и Наполеону I.

Автор следующей публикации — бывший генерал-полковник доктор Лотар Рендулич. Он был хорошо известен среди генералитета фашистской Германии. Старый австрийский офицер, он вступил в нацистскую партию в 1932 году — задолго до аншлюса Австрии. Активно выступал за присоединение Австрии к Германии. В то время, как многие другие австрийские офицеры после потери Австрией независимости были уволены из армии, генерал Рендулич назначается начальником штаба 17-го армейского корпуса. Его имя неоднократно упоминалось на страницах советской печати в годы Великой Отечественной войны. 52-я пехотная дивизия, которой он командовал с упорными боями прошла кровавый путь через Бобруйск, Рогачев, Брянск и дошла до Козельска. С октября 1942 года Л. Рендулич командует 35-м армейским корпусом, а после Курской битвы в конце августа 1943 года становится командующим 2-й танковой армии, штаб которой к этому времени был переброшен в Югославию.

В июне 1944 года Гитлер назначает генерала Л. Рендулича командующим 20-й горной армией, действующей в Северной Финляндии и Норвегии. Через полгода командующим группой армий «Курляндия» становится Л. Рендулич. Весной 1945 года, после поражения группы немецких армий «Юг» в Венгрии ее командующий генерал О. Велер отстраняется от должности, и его место 7 апреля 1945 года занял генерал Л. Рендулич, считавшийся к тому времени специалистом по ведению упорной

обороны. Вместе с фельдмаршалом Шернером генерал-полковник Рендулич был последним командующим группой немецких армий, который приказывал своим солдатам сражаться против советских войск даже после того, как 8 мая 1945 года германское верховное командование подписало акт о безоговорочной капитуляции. На Нюрнбергском процессе Рендулич был осужден на 20 лет, но в 1951 году был досрочно освобожден. После этого он написал ряд работ, которые нельзя назвать историческими мемуарами. В них автор на основе своего боевого опыта в минувшей войне дает поучительные выводы для возможного использования их в современных конфликтах. Предвидя развитие партизанских войн, он написал на эту тему несколько книг и статей.

В данном сборнике помещена статья Л. Рендулича, которая называется «Партизанская война». Автор подчеркивает, что во второй мировой войне партизанское движение сыграло очень большую роль. Он характеризует партизан на Балканах, описывает партизанскую войну в России, Польше, Италии, показывает особенности движения сопротивления во Франции. Для немецкого командования, утверждает Л. Рендулич, партизанское движение в оккупированных войсками Германии странах было совершенно неожиданным. Немцам пришлось уже в ходе самой войны изучать формы контрпартизанской борьбы. Л. Рендулич называет войну партизан противозаконной, не предусмотренной Гаагской конвенцией, что «борьба партизан противоречила нормам международного права… партизаны… не выполняли ни одного параграфа положений… о ведении легальной войны. Поэтому партизаны были поставлены вне закона». Этим автор пытается оправдать «репрессии против населения», т. к., якобы, не было «никаких других средств для прекращения или ослабления поддержки партизан со стороны населения…».

Лотар Рендулич замечает, что вопрос партизанской войны «находится в историческом развитии и имеет свою собственную закономерность независимо от того, сожалеем мы об этом или нет. Несомненным является то, что партизаны никогда не будут придерживаться норм международного права, потому что это противоречит существу современной партизанской борьбы». К сожалению, более сорока лет, прошедшие после написания данной статьи, подтвердили этот вывод бывшего немецкого генерала. В последние годы мир потрясают террористические методы, применяемые в партизанской войне. Вывод Л. Рендулича

предсказал развитие партизанской войны в будущем.

Статьи бывших руководящих деятелей германского флота вице-адмирала Курта Ассмана «Война на море» и контр-адмирала Эбергарда Годта «Подводная воина» являются одними из первых публикаций, в которых дается описание событий морской войны 1939 1945 годов. В статье К. Ассмана особое внимание привлекает анализ соотношения военно-морских сил Германии и Западных держав, который проведен по немецким и английским источникам. Э. Годт в своей публикации осветил историю применения подводных лодок в первой и второй мировых войнах, показал развитие способов и средств борьбы с ними.

Важное значение для оценки развития техники и оружия в Германии в 1935–1945 годах имеет статья бывшего генерал-лейтенанта Эриха Шнейдера. Особенно интересен последний ее раздел «Заключение и выводы», в котором он пишет: «Исход второй мировой войны был в конечном счете решен массовым применением моторов». В выводах автора содержится ряд положений о роли различных родов войск и различных видов оружия в будущей войне. Большой интерес представляет также статья «Расцвет и упадок германской науки в период второй мировой войны», в подготовке которой использованы материалы бесед с многочисленными учеными и экспертами в различных областях науки и техники.

В сборнике опубликована целая серия статей, характеризующих состояние экономики Германии во время войны: промышленности, в том числе и военной, сельского хозяйства, финансов, транспорта. Статьи эти принадлежат перу виднейших специалистов гитлеровского рейха. Они дают всестороннюю характеристику как хозяйства Германии, так и его руководства. Эти публикации содержат много фактического материала, представляющего значительный интерес для историков.

В статьях по идеологическим вопросам внимание привлекает публикация Рудольфа Зульцмана «Пропаганда как оружие в войне». Рассказ об этом мощном оружии XX века автор начинает с повествования об истории рождения военной пропаганды, ее методах и видах во время войны 1914 1918 годов. Одно из достоинств статьи насыщенность документальным материалом. Особый интерес в публикации Р. Зульцмана представляют разделы, где автор анализирует роль германских средств

массовой информации в войне против Англии и Советского Союза, реакцию населения на деятельность печати и радио. Здесь также рассказывается о формах пропагандистских передач, о «секретах» успеха выступлений радиокомментатора Ганса Фриче, которые имели «величайший пропагандистский успех». В специальном разделе описаны психологические ошибки, которые допускала пропаганда противников в своем воздействии на немецких солдат и население Германии.

В статье отражены этапы развития немецкой пропаганды в нацистской Германии, которая связана прежде всего с именем Пауля Йозефа Геббельса. Автор показал особенности деятельности «пропагандиста № 1 в рейхе», то изменение акцентов и лозунгов в геббельсовской пропаганде, которое происходило в зависимости от хода войны. Проблемы, поднятые в статье, вызывают особый интерес в связи с тем, что и в современных региональных конфликтах оружию пропаганды информационно-психологическим операциям, как его теперь называют, придается важное значение.

Любопытный фактический материал о людских потерях во второй мировой войне содержится в статье профессора Гельмута Арнтца. Он исчислял потери для главных воюющих государств Германии и Советского Союза в 10 % по отношению ко всему населению этих стран. Но замечал, что «20 млн. человек это наиболее приближающаяся к истине цифра общих потерь Советского Союза во второй мировой войне».

И другие статьи, помещенные в сборнике, содержат обширные сведения, касающиеся хода второй мировой войны, дают ряд объективных оценок и выводов. В целом имеющийся в книге фактический материал представляет значительный интерес при изучении истории второй мировой войны.

Полковник запаса *Н. Волковский,*
кандидат исторических наук,
доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Идеи и силы, господствовавшие в период между двумя мировыми войнами

Настоящая книга имеет целью подытожить исторический опыт второй мировой войны. Следовательно, она должна содержать не хронику событий, а суждения и выводы, не взгляд назад, а глубокий анализ и взгляд вперед, в недалекое будущее. Ведь истинно исторический опыт возникает только в результате столкновения с множеством фактов в жизни, физической и духовной. Поэтому речь может идти только лишь о действительных фактах последней войны, на основе которых мы должны решать поставленные сегодня перед нами задачи.

* * *

Какие идеи и силы господствовали в период между 1918 и войной 1939–1945 годов? Теми, кому судьба повелела сознательно прожить этот период истории и все-таки остаться в живых, завладела главным образом одна неведомая Сила, которая начиная с 1914 года. вероятно по каким-то высшим законам метафизики, подчинила себе и отдельных людей и народы и до сих пор вызывает одно потрясение за другим. Тот, кто в ходе событий этих десятилетий сохранил способность здраво мыслить или только приобрел ее, чувствует, что эта сила навлекала и будет навлекать на нас одну катастрофу за другой до тех пор, пока и людям и народам, может быть, все же удастся постигнуть и конкретно представить себе то, что заставляет действовать эту силу.

Что же порождает эту страшную силу? Некоторые пытаются утверждать: новая идея. Но это утверждение нуждается в уточнении, чтобы ясно понять ответственность человека перед историей. Как раз об этом здесь и пойдет речь. Внутренним стимулом такой силы, вызывающей целый ураган событий, является не идея, а ее зародыш — открытый призыв или намек на призыв к переустройству мира. А идею как таковую в ее понятном для всех виде люди и народы должны отыскать сами. Удастся им найти эту идею и жить, руководствуясь ею. значит, духовные силы народа не исчезнут, а будут сообщены прежней сущности в новой найденной форме. Итак, либо люди и все народы — а

может быть, и какой-то отдельный народ — найдут сдерживающую идею, либо эта потрясающая сила будет продолжать свое разрушительное дело.

К чему же призывает господствующая в наше время сила? К созданию нового порядка вещей, потому что старый европейский порядок уже на протяжении нескольких столетий не является больше настоящим порядком. Но такой призыв возникает не внезапно. Нельзя сказать, что он возник, скажем, летом 1914 года, когда храбрый серб бросил свою бомбу. Нужны более глубокие трещины для того, чтобы господствующая сила привела к землетрясению. То, что сегодня вылилось в окончательное требование, зрело в Европе на протяжении нескольких столетий, еще с конца средневековья. Проблема заключается в том, чтобы опять во всех сферах жизни найти новую форму для выражения принципа существования Европы — комплекса свободы и единения. Согласно законам противоположностей, определяющим жизнь, освобождение одних ведет к закабалению других. В понятие порядка входит все; туда же входят и бог и человек, потому что определенная связанность, обусловленная по-настоящему только свободой, может привести к порядку народ, государство, труд и экономические связи между народами и отдельными странами только одним-единственным путем. На протяжении последних веков развитие европейского духа во всех народах Европы шло своими особыми путями. Возникли всевозможные идеи и течения: протестантизм, просвещение, рационализм, романтизм, либерализм, естествознание и техника… Но ни внутри самого общества, ни в его мировоззрении, ни в социальном строе, ни в определении понятия денег, ни в организации экономики, ни в самой жизни и вере не возникло нового единого порядка.

Произошло страшное отчуждение от бога. от природы, от принципов порядка, дошедшее до разрушительной философии материализма и до осознания политической классовой идеи. Это отчуждение не смогли сдержать никакие силы противной стороны, ибо они также не имели определенной системы. В связи с мировым господством, которого Европа добилась как раз за эти столетия, и в особенности за последние десятилетия, предшествовавшие 1914 году, это ниспровержение старых принципов начало распространяться по всему миру.

По этим причинам, по-видимому, одной брошенной сербом бомбы было достаточно, чтобы возникла эта неизвестная сила с

ее призывом к установлению нового порядка вещей. И до тех пор, пока она не будет осознана, старая система будет сотрясаться и даже разрушаться. При этом — и каждый из нас испытал это на себе — существующие еще в душе человека устои постепенно слабеют, таящиеся в глубине социального строя силы или демонически вырываются из старой системы в виде безудержного насилия и только увеличивают сотрясения, или они способствуют брожениям и увеличивают тягу к изменению существующего порядка и призыв к созданию нового строя.

Исторический опыт этих десятилетий сводится в основном к тому, что ответ, действительно правильный ответ на вопрос, в чем состоит эта сила, имеющая в своей основе определенную идею» найти не удалось. Не удалось, несмотря на большие потрясения, на борьбу и на появление у отдельных личностей и у целых народов некоторых великих идей и достаточных духовных сил и умственных способностей.

Таким образом, наши пробелы в знаниях должны быть заполнены, а наши попытки распознать эти демонические силы и возникающие из них идеи повторены не только с учетом прошлого, но и с глубоким сознанием ответственности за будущее.

* * *

Попытка придать новые формы нашему мировому и жизненному порядку, ставшему особенно неустойчивым в период июльского кризиса 1914 года, посредством мирного решения всех европейских вопросов не удалась, несмотря на ту угрозу, которую представляли для Европы и ее дальнейшего существования армии, флоты, железо, огонь и динамит. Ответственность за это лежала тогда не на самих народах, а лишь на немногих лицах: на князьях, министрах и дипломатах Все они, будь то Грей. Бетман-Хольвег, Сазонов, Пуанкаре, Берхтольд, Тисо, царь, кайзер, оказались слишком слабыми для действительного разрешения этой задачи.

Что представляла собой для них Европа как очаг угрозы, как возможность создания нового? Хотя такие великие государственные деятели и мыслители Европы, как Лейбниц, Меттерних, Штейн или, наконец, Бисмарк, в известной мере и чувствовали себя ответственными за судьбу Европы, но и они воспринимали опасность войны вовсе не как призыв к новому, а как угрозу для существующего строя.

Для того чтобы еще в 1914 году, в период кризиса, по-настоящему увидеть это новое и еще до начала войны разобраться в нем, требовался человек, который, занимая решающий пост. обладал бы исключительной творческой силой и высочайшим чувством ответственности. Такого человека не оказалось. При этом Европа хотя и была на протяжении десятилетий полна глубоких трещин и противоречий и, не имея сил, чтобы справиться с собой, была далека от определенного метафизического центра какого-либо порядка, она все же «не пришла к концу». Напротив, в ней появились новые силы, которые пришли в движение еще задолго до начала войны, силы, которые стремились к новой культуре и к новому полному единству внутреннего и внешнего мира. Достаточно напомнить такие имена, как Франц Марк и Кандинский, Рильке и Георге, Планк и Эйнштейн.[3]

Может быть, именно по этой причине зов великой судьбы был дан лишь в 1914 году. в первые часы зарождения нового. Если не между народами, то внутри самих народов было достигнуто единство, длившееся в течение нескольких месяцев. Переживания, возникшие в результате раскола европейской семьи народов и из сознания того, что «народ стал армией», что теперь по-новому понимаются и долг, и достоинства, и авторитеты, что, участвуя в эпоху цивилизации, на грани двух столетий в насыщенных техникой сражениях, человек стал неуверенным в самом себе, — породили чувство возможности приблизиться к разрешению стоящей перед народами исторической задачи.

Но, как бы там ни было, эти сражения не привели к рождению идеи о новом порядке. Чувство не перешло в ясное, определяющее, критическое сознание. И ведущие войну, то есть те, которые не сумели увидеть в возникающих войнах призыв к новому и разобраться в обстановке, не смогли также понять и того, что в сознании многих людей стихийно возникло нечто пока еще не ясное, но имеющее большую силу. Все предпринятое для отыскания новой идеи оказалось лишь неудачной попыткой.

Однако возникшие силы превратились в насилие. Россия — и, следовательно, половина Европы — лопнула и попала (не без трагической вины Германии) во власть идей диалектического материализма, во власть полного разрушения и искоренения старого социального строя, старого понимания экономических отношений и веры в единство народов.' Эти идеи, действовавшие

на протяжении нескольких десятилетий внутри находившегося под угрозой строя как опасный Элемент, сразу обрели господство в большей части Европы с претензией на то, что они являются единственным ответом на призыв к новому не только в Европе, но и во всем мире. Вместо поверженного царизма теперь Германии стала угрожать еще большая опасность — большевизм. Немецкий народ вместе с народом Австрии оказался со всех сторон подверженным давлению и, не отыскав подлинную идею нового, не смог выдержать это давление в течение длительного времени. Но Франция и Англия не могли одни одержать победу над «центральными державами». Лишь с помощью другого континента, то есть Америки, а не с помощью лучших идей и тем более не за счет рождения нового строя им удалось их победить.

* * *

С поражением Германии и. следовательно, с поражением самого сердца Европы, с уничтожением ее военной силы в лице немецкого народа, с разрушением старых европейских традиций, с разложением всей Юго-Восточной Европы, с ликвидацией австрийской монархии и с возникновением в России большевизма, враждебного всей старой Европе, задача создания в ней нового порядка была теперь поставлена перед Францией и Англией, перед Западом. Для ее решения, даже в том случае, когда не все имевшиеся возможности оказывались использованными, все же представлялась исключительная возможность: мир! Мир мог быть установлен, конечно, в зависимости от исхода войны, исключительно этими державами. Против справедливого мира, который потребовал бы совершенно нового содержания для таких вещей, как взаимопонимание народов, разоружение, право наций на самоопределение, со стороны бывших противников не выступил бы ни один народ, ни одна партия. Такой мир был бы воспринят с исключительной готовностью.

И после того, как кончилась первая мировая война, ответственность за этот мир продолжала лежать главным образом на руководителях стран Запада. Но, как и в 1914 году. они не осознали ни важности момента, ни широты призыва к новому. Вероятно, если бы они и отнеслись к этому с б**о**льшим вниманием, им пришлось бы вести упорную борьбу против своих же народов, потому что как руководители, так и их народы были охвачены искусственно раздуваемой ненавистью. Доведенные до ожесточения войной, длившейся столько лет, они остались в стороне от тех преобразований, которые сами напрашивались для

упорядочения территориальных отношений и для развития духовных сил народов.

Франция — вместе с Россией — вступила в эту войну с целью разгромить центральные державы. Она исходила из своих национальных планов, а не из интересов всей Европы, будь это даже ради сохранения равновесия между державами. Англия как ключевая держава, от которой зависела изоляция Германии, хотя и нерешительно, но все же последовала за Францией. Обе державы использовали в войне свои африканские и азиатские войска, чтобы выиграть этот чисто внутриевропейский спор. Как англичане, так и французы стремились к получению максимальной военной помощи от Америки и одержали победу над Центральной Европой в пользу Запада только за счет ее материальной и моральной поддержки. Откуда же мог взяться тот конструктивный образ Европы, который мог бы обеспечить прочный мир после окончания войны? Начало событий 1914 года дало народам возможность временно устранить противоречия только внутри своих государств, но никак не противоречия между собой. Более того, многие народы объединились в военные коалиции, направленные друг против друга. Это относится в равной мере и к немецкому народу. Представляется крайне сомнительным, чтобы в случае победы немцев в 1916 или в 1917 году они могли дать Европе вполне справедливый мир. Это должно быть всем ясно, и в этом надо открыто признаться.

Однако страшные опустошения, которым подверглась Германия в последние годы войны, а также ее поражение пробудили в немецком народе огромную потенциальную силу. У победителей же, напротив, собственные успехи не вызвали такого явления. Таким образом. Версальский мирный договор не дал желаемого результата.

Создавшаяся после поражения Германии территориальная раздробленность Центральной Европы продолжала усиливаться в результате заключения мира, который не учитывал ни жизнеспособности отдельных государств, ни опасности, грозившей им теперь со стороны большевизма, а бремя репараций окончательно расшатывало экономику Германии; немецкому народу был нанесен моральный удар тем, что материальная ответственность за войну была возложена целиком и полностью на Германию; робкое оживление духовных сил народа, проявившееся в демократизации Германии, скорее ослабляло мощь Германии, чем служило делу свободы и порядка. В связи с

тем, что виновной за развязывание войны была признана одна лишь Германия, народы Центральной Европы пережили сильное моральное потрясение. Провозглашенное право народов на самоопределение в большинстве случаев (Немецкая Австрия) не выполнялось.[4]

Благодаря Клемансо Америка практически была наполовину отстранена от участия в мирном договоре. Сомнительное право государств на владение колониями сохранялось без изменений, хотя передача немецких колоний другим странам и управление ими могли дать новый повод к пересмотру существовавших положений, учитывая, что в ходе этой войны была потрясена вся империалистическая система в целом. Без участия стран Центральной и Восточной Европы была создана Лига Наций. Такой важный проблемный вопрос, как распространение материализма на всю Восточную Европу, был обойден.

Политика ближайших лет была направлена не на ревизию, а на сохранение и упрочение в корне подорванного мирового порядка. На Востоке была прекращена поддержка белогвардейской армии, боровшейся против революции, и, наконец, дело дошло до заключения пактов с Советским Союзом.

Любой мирный договор должен полностью разрешать все проблемы, которые привели к войне и которые возникли в ходе самой войны, ибо в противном случае он вместо охраняющей силы сам становится возбудителем новой войны. Версальский же мир не разрешил ни одной проблемы.

Таким образом, для народов Европы, для Европы в целом и в некотором смысле для всего мира оставался нерешенным вопрос большой жизненной важности: родилась ли или хотя бы наметилась ли в общих чертах у народов Европы идея нового порядка после пережитой ими войны, поражения и после создания крайне непрочной мировой системы?

Поскольку и победители оставили проблему нового порядка неразрешенной, она снова встала перед побежденными. Найдут ли они теперь необходимую точку опоры, несмотря на все выпады и угрозы по их адресу?

Официальные круги Германии, правительство и партии той точки опоры не нашли. Идя навстречу требованиям Америки, они внутри страны придали своему поражению форму переворота. Но

никогда в сознании германского народа этот переворот не будет считаться настоящей революцией, то есть полной реорганизацией старых и созданием новых форм жизни, ибо он ничего не создал, а только породил постоянное брожение умов и послужил больше процессу углубления противоречий, чем разрешению насущных проблем. Так получилось не благодаря широкому размаху этой революции, а вследствие ее половинчатости. Она была вызвана главным образом сознательной волей марксистки настроенного рабочего класса создать новый социальный строй. Но сама социал-демократическая партия не чувствовала себя способной возглавить его. Рабочий класс, который в течение десятилетий находился под влиянием марксистской пропаганды, распространяемой социал-демократами, теперь разочаровался в ней и стал все больше и больше тянуться к коммунизму. Партия революции 1918 года потеряла свою силу.

То же самое происходило и за пределами страны: остатки сухопутной армии старой империи боролись с большевизмом. но этим самым они, с одной стороны, служили Германии Веймарской конституции, которую в принципе отрицали, а с другой — отстаивали свое национальное достоинство и свои социальные принципы, что, по сути дела, не являлось уже их непосредственной задачей и не было больше традицией армии.

И, наконец, та же картина наблюдалась в политических лагерях Центральной Европы: победители вместе с революцией 1918 года занесли сюда демократию. Большая часть немецкого бюргерства обратилась к ее идеям. Но одних идей и внутренних сил оказалось недостаточно, чтобы совершить грандиозный переход от теоретического либерализма к созданию настоящей национальной демократии, которая отвечала бы интересам народа и была бы направлена на коренное преобразование его жизненных условий. Движение распалось, и осталась только неспособная к действию и к активным преобразованиям буржуазная середина.

Время, однако, все равно потребовало бы наверстать то, что было упущено в течение нескольких веков, потребовало бы не сохранения всего существующего, а преобразования его. Одна лишь проблема безработицы, никогда по существу не находившая разрешения, указывала уже на имевшиеся внутренние беспокойства и волнения.

Эта внутренняя опасность угрожала не только немецкому

народу; эту угрозу чувствовали также Италия и Испания. Свое наступление на большевизм Европа начала именно в этих странах.

Но в силу традиций и особого понимания исторического момента в Италии возник фашизм, искавший новую связующую идею. В центре его внимания лежало государство и авторитарная дисциплина. Идея фашизма быстро перенеслась и в Испанию. В обеих странах фашистам удалось изолировать народы от большевизма и этим спасти значительную часть Европы. Охватила ли, однако, эта фашистская идея государства все пришедшие в движение внутренние силы и способствовала ли она созданию комплекса свободы и единения?

В такой обстановке огромное значение и силу приобрело то, что в различных социальных слоях немецкого народа, пережившего свое военное поражение и теперь искавшего путей к новому, возникли контуры идеи нового порядка, гораздо более глубокой, чем идея фашизма, идеи о народе как обществе и народном сотрудничестве. Благодаря огромному влиянию немецкой романтики понятие народа как общества стало центральным исходным пунктом для создания нового порядка. Это понятие было воспринято не только как органическое, созданное природой единство, но толковалось многими как явление, изначально присущее природе и имеющее в своей основе духовное начало и идейные взаимосвязи. То, что во время войны у солдат и в различных социальных группах, а также в быту молодежи было принято считать чувством коллективизма, нашло теперь в этой идее народа-общества свое конкретное выражение. Казалось, была найдена та отправная точка, исходя из которой можно было вывести руководящие принципы для множества частных вопросов и областей жизни в их совокупности и взаимосвязи. Казалось, что два появившихся в течение последних десятилетий и находившихся в крайнем противоречии жизненных явления — национализм и социализм — могут быть окончательно приведены к разумному единству и взаимопроникновению. Это же, по-видимому, давало силу и для упорядочения проблем, касающихся таких вещей, как экономика, капитал, труд, коренных вопросов взаимоотношений отдельного индивидуума и общества и определения функций государства в рамках нации и для нации.

Эта идея народа-общества, возникшая в результате серьезного национального бедствия, но своими корнями уходившая в богатое прошлое немецкой романтики, несла в себе

зародыш будущей мирной организации европейских народов. Идея о народе как обществе, понятая таким образом, предполагал а уважение к каждому народу, как созданному непосредственно богом, и. таким образом, означала отказ от всякого империализма.

Казалось, была затронута проблема огромного исторического значения. Казалось, что сила, толкающая к войнам, может быть скована.

Но скована она не была. Наоборот, судьба позволила только что возникшему внутреннему движению, собиравшемуся из многих источников и находившемуся на пути к созданию политической силы, попасть в руки Гитлера, который, конечно, был далек от осознания этого внутреннего движения. В период его власти мысли о народе-обществе и о положении человека в нем утратили свой подлинный характер. Чисто метафизическую мысль о народе как обществе он превратил в открытый национализм, а борьбу за настоящий порядок в Европе — в борьбу против Версальского договора. Из метафизического признания каждого народа в отдельности он создал теорию о праве на неограниченное господство одного какого-либо народа. Гитлер допустил превращение здоровой политики подчинения расовых элементов в расизм, который разлагал на составные части даже собственную нацию. Вместо органически-метафизического мышления он ввел биологически-материалистическое. Этим самым он устранил всякую реальную возможность сближения борьбы за создание нового порядка с христианством. Он отверг такие чувства, как уважение и почтение, заменив их грубой покорностью физической силе. отрицающей и человека, и душу, и традиции, и все новое, что стремится пробить себе дорогу. Вместе с тем Гитлер пренебрег необходимостью создать подкованную в идейном отношении прослойку политических руководителей. Он предпочел назначить на решающие посты людей своего стиля, а подобных ему, то есть таких, которые в сущности были выброшены за борт нового демократического строя, было больше чем достаточно. К политическому руководству пришли демонические силы. Объявленная вначале готовность служить народу и общей задаче создания нового строя превратилась в эгоцентрическое использование власти.

Как могло случиться, что Гитлеру удалось захватить власть? Как стало возможным то, что движение к новому порядку изменялось из года в год до тех пор, пока, наконец, его.

первоначальные формы не превратились в свою разрушительную противоположность?

Это стало возможным потому, что как раз те идеалы, достоинства и добродетели, которые в ту эпоху глубоко волновали каждого немца, были сделаны политическими лозунгами, используемыми для вербовки людей. Это стало возможным потому, что часто образованные немцы были слишком аполитичными и слишком пассивными, чтобы взять на себя руководство в области политики. Данный факт является важным историческим открытием. Это стало возможным — и это тоже является важным историческим открытием — также и потому, что условия и программа Версальского договора осуществлялись слишком бесперспективно и безыдейно (французская политика финансовых уступок Германии, торпедирования моратория Гувера, препятствий в создании таможенного союза и т. д.). Наконец, это. стало возможным — и в этом самое важное и предостерегающее историческое открытие, — потому, что остальные идеологические и политические силы: церковь, партии Веймарской республики и профессиональные союзы — были недостаточно активными, чтобы остановить натиск грубой силы и бороться за новое развитие Германии. Гитлер сумел захватить власть потому, что угроза Германии со стороны большевизма в связи с усилением влияния коммунистов внутри страны стала настолько непосредственной, что за спасение от этого влияния, субъективно оцененного многими как разрушение, началось настоящее соревнование. Не менее веской причиной явилось и то, что большинство бывших сторонников национального движения, переходивших теперь на сторону Гитлера, обладало слишком примитивным мышлением, не позволявшим ему выделить хорошее из его совокупности с плохим.

Политическое лицо Германии после 1933 года характеризовалось большим разнообразием и противоречивостью тех сил, которые, собираясь из разных источников, устремлялись в широкое русло нового движения. Поэтому, конечно, и само оно не имело единых форм. С одной стороны, был сделан шаг вперед: ликвидирована безработица, в основу движения положена коммунистическая идея порядка, которая подняла сознание людей до готовности служить обществу и вселила в них новую надежду на улучшение жизни; возродились вооруженные силы, и Центральная Европа была защищена от дальнейшего раскола. Присоединение Судетской области и Мюнхенское соглашение

1938 года явились, по-видимому, кульминационным пунктом процесса формирования территории Германии. Но, с другой стороны, параллельно с этим процессом действовали и элементы зла и насилия: создавались концентрационные лагери, вводились формы унизительного принуждения, уничтожались хорошие традиции, началась антирелигиозная борьба, старые идеи переводились на рельсы материализма, право узурпировалось в интересах партии, развернулось преследование политически инакомыслящих и, наконец, усилилась направленная против человека расовая ненависть.

Аннексия Чехословакии означала, что кульминационный пункт пройден.

Возможность без новой войны объединить всех немцев в одно общее государство, чтобы способствовать мирному сближению стран Центральной Европы и тем исторически преодолеть Версальский договор, была упущена.

Надеть ярмо империалистического гнета на любую нацию, которая видела и Ренессанс, и Просвещение, и Французскую революцию и прошла через многовековое формирование национального государства, в наши дни уже невозможно. Поэтому вместе с актом захвата Чехословакии стрелки часов европейской истории были опять отведены назад, к эпохе абсолютизма, который всегда и неизбежно порождал европейские братские войны. Доказательством тому было незамедлительное начало второй мировой войны.

Таким образом, демоническая, неограниченная власть победила.

Перед настоящей книгой поставлена цель изложить исторический опыт второй мировой войны в ее различных специальных областях и сделать некоторые предостерегающие выводы.

Все помещенные здесь статьи в равной мере имеют дело с внутренним противоречием между идеей, обосновывающей порядок, и демонической силой, постоянно его разрушающей. Именно это противоречие стало причиной того. что величайшие духовные, идеологические, философские и организационные достижения внутри страны оказались в одном ряду со столь же величайшей неудачей и катастрофой, независимо от того,

проявилось ли это в руководстве войной или в политике, проводившейся в отношении Франции и России. Авторы всех этих статей сходятся на признании того, что немецкий народ оказался почти полностью дезорганизованным своим собственным руководством, которое развязало войну, чтобы закрепить свое величие. Они, наконец, сходятся на признании почти полного нарушения мирного порядка, уничтожения свободы и справедливости в Европе и во всем мире, для воссоздания которых Запад вместе с Америкой начал крестовый поход против Германии.

Историческая ценность всех этих статей заключается в том, что в них признается возможность объединения усилий только в том случае, когда все участники чувствуют, что их объединяет одна идея, одна цель, когда они одинаково понимают важность исторического момента и умеют правильно разобраться в окружающем.

Исторический опыт последних десятилетий показывает, что, во-первых, до сих пор никому не удалось понять задачу, выполнявшуюся стихийной силой, и, во-вторых» остается неясным. в какой степени народы Европы, в том числе и немецкий, оказались не в состоянии бороться с ней. Борьба с этой силой охватила весь мир, но и по сей день вопрос о создании в Европе нового порядка ждет своего разрешения.

Для немецкого народа и его подрастающего поколения, несмотря на сильнее потрясение и громадную катастрофу, которые они пережили, еще не все потеряно. Бо́льшая доля вины не лишает их права на существование. Надо серьезно подумать над тем, могли ли они заранее предугадать свою судьбу. Нельзя говорить, что у немецкого народа нет будущего, пока судьба не предпримет все попытки найти необходимое решение, ибо то, что уже испробовано, не могло дать правильного ответа. Необходимы новые попытки, чтобы результат снова не оказался половинчатым.

Большое значение имеет то, что из всего приобретенного им немецкий народ, несмотря на разрушения, не потерял ничего: ни своей храбрости, ни действительных идеалов. В дальнейшем даже при смене поколений не должно пропасть ничего из того, что было достигнуто в идеологическом отношении за эти десятилетия с 1914 года. Не следует забывать ни плохого, демонического, потому что в будущем необходимо познать

причины его появления и сделать так, чтобы оно больше не повторилось, ни хорошего, ибо потом оно может завладеть людьми настолько, что в конце концов действительно исчерпывающая идея окажется потерянной. Новая Европа начинается нес 1945, а с 1914 года, и пусть ее не мучают опрометчивые выводы.

Нельзя также сказать с уверенностью, что немецкий народ не сможет уже внести свой вклад в дело отыскания подлинной связующей идеи и создания в Европе нового внутреннего и внешнего порядка. От географического положения нельзя освободиться, Европа не должна быть только «западной» или только «восточной» и не должна оставаться расчлененной. Новая Европа должна стать единой и, следовательно, после того, как она справится с большевизмом, и в зависимости от того, как она с ним справится, должна включать также и Россию как равноправную составную часть. В противном случае Россия будет только предметом аннексии и ее внутренние и внешние позиции будут окончательно потеряны. Но для этого необходимо, чтобы большевизм, с которым связан вопрос о порядке, доведенном до крайности, преодолевался так успешно, чтобы из него, наконец, могла родиться идея настоящего порядка, то есть организации новой Европы по принципу единства и различия и на основе урегулирования экономики, установления порядка в отношениях между отдельным человеком и обществом, укрепления денег, поднятия роли труда и соединения жизни и веры.

Если это удастся, то Европа не потеряет своих мировых позиций. Подобно тому как беспорядок возник из духовного разлада и до сих пор приводит мир в волнение, новый мирный порядок может успокаивающе подействовать на возбужденные народы и континенты. Результатом этого может и должно стать не новое империалистическое господство Европы, а новая политика, направленная на разрешение данной метафизической проблемы.

Но такое разрешение невозможно без идеологического и политического участия немецкого народа в делах Европы — в этом и. состоит исторический опыт не только последних десятилетий, но и всей истории Европы начиная с раннего средневековья. Разрешение вопроса будет зависеть толь ко от самого немецкого народа, и прежде всего от того, способен он на сильные моральные переживания или нет. Некоторую надежду на то. что он способен на подобное, дают опыт второй мировой

войны, а также последующие годы глубоких страданий.

Вернер Пихт
Немецкий солдат

У вдумчивого читателя может возникнуть вопрос: почему в книге, в которой должны излагаться итоги и опыт второй мировой войны, приводятся рассуждения о немецком солдате? Разве недостаточно наглядно показан он на страницах самой истории? Разве в памяти старых солдат нет таких глубоких впечатлений, что им достаточно только порыться в них, чтобы в полных блеска, страданий и позора воспоминаниях увидеть отражение солдатской действительности, о которой печатное слово может дать лишь весьма слабое представление?

Кто задает подобные вопросы, тот не признает исчезновения солдатских традиций из сознания немцев. Главные события прусско-немецкой истории уже давно перестали быть для нас современностью. Хуже того, в нашем сознании они совершенно изменили свой образ. Их вытеснили другие. Разговоры о ремилитаризации пробуждают сейчас сохранившееся у нас в душе чувство обиды за собственное солдатское прошлое, и часто даже старые солдаты теряют основные понятия о войне. Говорят, что немцу надоела солдатчина. Это не является следствием тотального поражения, понесенного хотя и на поле боя, но не в результате плохой боеспособности войск. Нормальной реакцией народа на неудачный исход войны, вызвавшей такие колоссальные жертвы, является то, что он чувствует себя усталым от всего, что напоминает ему о войне. Это — факт. Но здесь речь идет о другом.

Национал-социалистское перенесение военных форм на все области жизни привело к опошлению военной идеи. Армия не оправдала тех надежд, которые многими возлагались на нее, как на единственно возможного противника, способного оказать сопротивление силам зла внутри Третьей империй. На генералитет ложится ответственность за то, что он не препятствовал развязыванию войны, которую он не одобрял. Те рассуждения об ответственности и судьбе, в которых запутались немецкие генералы, мало интересуют общественное мнение и не влияют на его приговор. Уважение к человеку зависит от того, как он действует в роковой для него час. Если у него не хватает сил, то над ним ломается шпага, даже если он может привести в свое

оправдание самые веские доводы. Систематически осуществлявшийся верховным командованием подрыв вооруженных сил, правда, встречал в войсках удивительно сильное моральное сопротивление, но не мог не вызвать и определенных последствий. Немногие оставшиеся в живых из тех, что когда-то носили военную форму, по своему опыту хорошо знают, как безупречно несли солдаты свою службу.

Выводом из всего этого является то, что немец начал сомневаться в полезности своей военной службы. Она стала для него сомнительной! Это не так странно, как может показаться на первый взгляд. История говорит, что в мирное время вооруженные силы никогда не имели за собой сомкнутых рядов немецкого народа. В период абсолютной монархии этого вообще не могло быть. А то, что в освободительных войнах народ «поднимался» и «спешил к знаменам», является только легендой. С тех пор как буржуазия и рабочий класс выросли в политические силы, армия стала не только объединяющим союзом, но одновременно и яблоком раздора немецкой нации, которую на славу и позор не без оснований называли «солдатской». Но отнюдь не все слои населения относились с почтением к военной службе. Особенную антипатию к пруссачеству питали немцы южных и юго-западных районов, называвшие его «милитаризмом». Это не удивительно. Ведь вся Пруссия представлялась населению южных густо населенных провинций с их более мягким климатом как бы одетой в военный мундир. Но на поле битвы новая империя под прусским командованием нашла свое место. Во дворе казармы все непрусское — будь то по происхождению или по складу мыслей — противопоставлялось прусскому, причем в самой вызывающей форме. Конечно, не следует думать, что военная служба за пределами прусских провинций была непопулярной. Склонность к военной службе и одаренность в этом отношении не были только прусским качеством. Но на военной службе, как в фокусе, сходилось все то противоречивое. что скрывалось в этом неприятном и неудобном образе жизни.

В военной службе — иначе не может и быть — ярче, чем в любой другой области, выступает основное внутреннее противоречие Германии — отсутствие единства немецкого народа.

К внутри германским проблемам прибавляется еще одна, имеющая всемирно-исторический характер, которая отчуждает

наших современников от военной службы и заключается в том, что война в собственном смысле этого слова, как военный конфликт между вооруженными силами соперничающих держав, благодаря технике не только претерпевает изменения, но уже стала жертвой техники. Этим самым солдатская служба в той форме, в которой мы ее понимаем, ставится под вопрос. Становится понятным, почему поражение германских вооруженных сил совпадает с уменьшением роли солдата на поле боя, а также с концом эпохи национального государства, "в котором современная военная служба выполняет одну из функций.

Начертанный судьбой путь немецкого солдата во второй мировой войне приводит к совершенно неизбежному концу, и поэтому он должен рассматриваться только в целом. Немецкая военная история, продолжавшаяся в течение двух тысячелетий, прервана. Это не значит, однако, что немец, если он опять возьмется за оружие, освободится от своих исторических устоев и традиций. Если даже он займется созданием новой формы борьбы, не связанной с его историческим опытом, то все равно он вынужден будет во всем придерживаться уроков истории. В незначительной степени пострадают и внутренние законы солдатской службы. И все же воин будущего принадлежит к новой эре военной истории. Если такой воин действительно появится, то он придет не как простой носитель оружия, а как прямой наследник современного солдата, и это может осуществиться только в результате творческого акта, в котором наиболее жизнеспособные элементы прошлого соединятся с силами, творящими современную историю.

На грани между вчерашним и завтрашним необходимо попытаться понять те события, свидетелями которых мы были, сопоставляя их с опытом прошлого. Лишенные прав на солдатскую службу и отстраненные от борьбы за власть, мы стоим сейчас в положении созерцателя, и эта позиция дает нам возможность уже сегодня видеть в правильных пропорциях те события, в которых, действуя и страдая, мы принимали участие.

Воин-солдат

Нам кажется само собой понятным, что войны ведутся солдатами. Но это понимание, происходящее из прусско-германской истории, не учитывает историческую обусловленность типа солдата. Солдата знал еще античный мир. Марширующие воины, как их изображает искусство беотийцев, уже символизируют военную службу. Рим вел свои войны при помощи солдат, и именно оттуда представление о сущности солдата перешло в христианское мышление Запада. Но в период средневековья на Западе носителем военных действий являлся не солдат, а воин. Для него борьба являлась смыслом существования и в конечном счете — самоцелью. Применение оружия, даже в битве. означало борьбу между двумя людьми, как это было у гомеровских героев. Носитель этой индивидуализированной формы борьбы являлся одновременно и членом и творением порядка, не строящегося на военной дисциплине. Начиная с германских дружин, через рыцарство и до связанных товарищеской клятвой отрядов ландскнехтов военные формирования всегда имели органическую жизненную структуру, которая по своим обычаям, традициям и внутренним связям хотя и могла явиться помехой для выполнения той или иной ближайшей задачи на поле боя, однако ей была присуща власть гораздо более сильная, чем простой приказ командира. Но даже крупные сражения пехоты ландскнехтов были простой борьбой человека против человека, без тактической перспективы и с минимальным вмешательством командиров в управление боем. Группа воинов распускалась, и каждый боролся и шел напролом, кто как мог. К этому общему знаменателю элементарной тактики воинов можно привести всю тысячелетнюю историю тактики западных стран.

В противоположность воину солдат является частью точного механизма, который служит для выполнения определенной функции в определенном месте и подчиняется нажатию центрального рычага. Как miles perpetuus (вечный воин), каким он приходит на смену ландскнехта и открывает эру регулярных армий, он не вырастает из своей первоначальной формы, то есть из воина, а является строго целенаправленным типом, созданным княжеской волей. Как отдельная личность, он поступает в подчинение своему полководцу, а в его отсутствие — военным начальникам. Не подвергаясь влиянию никаких других сил, кроме

военных, он представляет собой пригодный для обработки сырьевой материал, в мастерской военного аппарата, что вполне отвечает требованиям абсолютной монархии. Внешне этот радикальный военно-исторический акт подчеркивается введением военной формы, которая становится отличительным признаком вечного воина.

Объяснять появление военной формы стремлением обезличить человека нельзя, так как это является неправильным толкованием существа данного исторического явления. Солдатская форма происходит от одежды магистратских сторожей и городских конных стражников, которые одевались в цвета своей общины, а сукно для форменной одежды получали от магистрата. Введение военной формы означало первоначально вступление в военную историю нового сословия — бюргерства, то есть такого сословия, для которого, в отличие от рыцарства и ландкнехтства. была важна не сама борьба, а только защита своих жизненных интересов и того ограниченного района, от которого оно получало боевое задание, военную форму и удостоверение на право ношения оружия.

Современный солдат своим происхождением обязан отнюдь не немцам. Организация вооруженных сил, с помощью которой государственная центральная власть преодолевала сопротивление сословий, соответствует развитию форм государства от ленной системы эпохи феодализма до абсолютной монархии. Поэтому не случайно, что впервые военная организация встречается во Франции.

В Германии появление солдата относится не к периоду становления империи. Попытка Максимилиана Первого, этого «последнего рыцаря», который отлично понимал своеобразие исторического момента, введением «кирасиров» переплавить ландскнехтов в солдат не увенчалась успехом по причине экономической слабости империи. Носителями новой организации вооруженных сил стали отдельные княжества, и в первую очередь Пруссия. Здесь новая форма солдатской организации подверглась образцовой чеканке. С этого времени Пруссия и немецкий солдат оказались связанными одной общей судьбой.

Прусская военная организация

Прусское государство по своей природе и истории является творением вопреки воле творца. То же самое можно сказать и о его военной организации.

Когда великий курфюрст создал регулярную армию, это произошло вопреки интересам германской империи, войска которой подвели его в борьбе против шведов и которая при заключении мира в Сен-Жермене гнусно изменила ему. Когда его правнук Фридрих «Единственный», как его называли современники, при помощи этой армии поднял Пруссию до положения великой державы, он сделал это как отъявленный враг империи, против которого Габсбург даже заключил союз со своим заклятым врагом Бурбоном. Но в то время как во Франции, чью, по выражению Мейнеке,[5] «почти совершенную структуру власти» Фридрих заимствовал в качестве идеального образца для своего государства, нация и государство взаимно перекрывались, прусский король решил влить государство в нацию и завоевать ему место внутри нации. В этом и только в этом смысле справедливо изречение Мирабо: «La Prusse n'est pas un Etat qui possede une armee, c'est une armee qui a conquis une nation».[6]

Прусское государство является военным, потому что оно было создано и утверждено только путем вооруженного насилия. Открытое со всех сторон и окруженное врагами, оно держалось на штыках. Но оно не было «милитаристским» в смысле перенесения военного мышления и действий на гражданские стороны жизни и не проявляло ни малейшей склонности к угрожающей миру захватнической политике. Отделение гражданских функций государства от военной службы — великое государственно-правовое достижение немецкой нации эпохи реформации — не прекратилось с развитием прусской военщины. Ведь ее второй опорой в государстве было чиновничество с его «глубоко античным пониманием государства» (Дилти). К тому же в принципы Фридриха Великого, как явствует из его «Lettres sur 1'amour de la Patrie»,[7] входит строгое разделение функций каждого сословия. Солдатское сословие стало таким же сословием, как и все другие. Стремление к экспансии у государства фридриховской концепции должно было быть ограничено пределами нации. Поэтому, когда Фридрих Вильгельм II, человек совершенно невоенный, участвуя в двух

разделах Польши, присвоил себе не немецкую территорию, этим самым он согрешил против прусской концепции государства. Но история не забывает ничего: за это непрусское действие она отплатила линией Одер — Нейсе. Для такого выдающегося прусского государственного деятеля, как Бисмарк, соблюдение меры являлось по государственным и этическим соображениям само собой разумеющимся делом. Но когда Гитлер — ликвидатор Пруссии — нарушил свое обещание ограничиться воссоединением нации, он привел империю к разгрому.

Характер прусской армии соответствовал той ситуации, исходя из которой и для которой она была создана. Армия не выросла из народа и не зиждилась на нации, она являлась единственно творением государства, или, точнее, воли к созданию государства, потому что военная организация Пруссии предвосхищала власть порядка, установлению которого она была призвана служить. Вооруженные силы строились не из органических сил народа, а параллельно им и уж никак не из самых порядочных элементов народа. В этом государстве гражданское и военное противостояли друг другу, «как два чужеродных тела». В соответствии с этим сила военной организации заключалась не в ее убеждениях — последнее было в известной степени привилегией офицерского корпуса, — а в ее дисциплине.

Суровость, аскетизм и духовное единообразие людей, Да и сами географические особенности страны, лежащей восточное Эльбы, создали основные отличительные признаки прусской солдатчины во всех ее проявлениях. Подобно тому как возникла профессиональная солдатская организация, была создана и профессиональная мораль, в которую вошел весь набор качеств, считающихся с тех пор «прусскими». Тут и дух порядка, и чувство долга, и приверженность к организации, и пунктуальность, и деловитость. Но в то время как о милитаризации народа не могло быть и речи, прусская мораль — чувство долга — распространилась на весь народ, благодаря чему ее благороднейший носитель, армия, стала образцом нравственности и примером единства народа, где каждый, какое бы место он ни занимал, должен был выполнять «свой проклятый долг и повинность».

Таким образом, армия, непосредственной и главной основой существования которой было не что иное, как потребность в надежном инструменте власти, превратилась в потенциальную

моральную силу, хотя властители, создавшие ее, исходили из более глубоких социальных причин. Вместе с тем она была наполнена определенным глубоким идейным содержанием и теперь являлась уже не только инструментом для ведения войны, но и органом, который был в состоянии поднять в глазах других и наперекор другим достоинство простого человека. Тот, кто наделен высокой нравственностью, не принадлежит к категории людей, используемых в качестве человеческого материала или пушечного мяса. Изменить это положение средствами насилия и муштры невозможно, как невозможно в английских средних школах поколебать путем палочных наказаний идеал джентльмена. Тем не менее Фридрих Вильгельм I в лице прусской военщины, в ее несколько доморощенной форме, создал лишь внешнюю оболочку этой военной службы. Для того чтобы наполнить ее идейным содержанием, потребовался гений его сына, как для французской военной организации был нужен гений Наполеона, чтобы это «цезарево явление», выражающее господство совершенно другого рода, приобрело тот высокий смысл, который оно сохраняет и до сих пор. В этом даре истории и заключается тайна германской военной службы, сделавшая ее для окружающего мира непонятной, подозрительной и в основных чертах даже невидимой.

Фридрих Великий

То, что Фридрих Великий стал носителем огромной исторической силы, определить размеры которой нельзя исходя из одной лишь государственной и военной истории Пруссии, свидетельствует его влияние на Гёте, который был «сторонником Фрица», хотя «Пруссия его нисколько не касалась». Гёте утверждал, что благодаря Фридриху Великому «в немецкую поэзию впервые вошло правдивое и высокое жизненное содержание», причем и в настоящее время мы дорожим этим определением поэзии как формы действительного выражения высокой сущности, которое оставил нам Гёте.

Великий король являет собой удивительный пример стройного сочетания господина и слуги. Те, кому случалось войти в соприкосновение с ним, становились благодаря послушанию частицей власти, как и сам король — «первый служитель государства», который с момента вступления на трон подчинил все свое существование строгому закону миссии властителя. Он стал символом власти как определенной исторической силы, которая узаконивается благодаря своей способности к созданию устойчивого государственного строя. Эта творческая формирующая сила действует изнутри. Она группирует элементы своего силового поля вокруг центра. Она имеет иную сущность, нежели величественное, но эгоистическое господство «короля солнца», принцип которого «L'Etat c'est Moi»[8] отрицает наличие каких бы то ни было обязательств, не имеющих прямого отношения к собственной персоне короля. Сравнение «грабительских войн» Людовика XIV с военными походами Фридриха Великого резко подчеркивает противоположность между законом и произволом.

Анализ принципов правления Фридриха делает очевидным то, что приказание и повиновение здесь представляют собой две стороны одного итого же дела, причем стремление повиноваться может иметь большую силу. чем сам приказ. Но именно это и является внутренним законом иерархической структуры военного сословия. Поскольку на данном этапе истории этот закон укоренился в прусско-немецкой военной организации в своей самой действительной форме в качестве стимулирующего принципа, то и немецкая военная организация в свете основного закона истории о силах порядка стала военщиной «kat exochen».

[9]

Такое «крещение солдата» в духе Фридриха продолжается и теперь, подобно тому как Пруссия на протяжении всей своей истории оставалась верной принципам своего короля и не могла потерять их из поля зрения, не изменив при этом себе самой. Если человек, одаренный сверхъестественной силой гения, накладывает свою печать на какое-либо историческое явление, как, например, император Август на Римскую империю, то оно — на радость или горе — остается верным ему и его закону. Таким образом, понятие «дисциплина» превратилось в лозунг немецкой военной системы и продолжало быть им вплоть до явления рабского повиновения, когда сила законного авторитета вытеснила систему приказов и распоряжений, а повиновение было низведено до механической реакции. Таким образом, офицерский корпус никогда не терял полностью ни характера ордена, который придал ему Фридрих, ни своего аскетического, а во времена Фридриха даже монашеского образа жизни, оставшегося в силе как идеальное требование и как основной принцип воспитания молодежи (кадетские учебные заведения) и нашедшего через сто лет в лице Мольтке воплощение всех индивидуальных особенностей такого типа солдата.

Каста командиров получила свою образцовую форму: «Люди, которые умеют быть молчаливыми и решительными и умеют в одиночестве довольствоваться незаметной деятельностью и быть постоянными» (Ницше). Эти качества достигают своего трагического предела у генерал-полковника барона фон Фрича. последнего главнокомандующего сухопутной армией перед войной, смещенного по воле Гитлера. Обусловленная временем слабость фридриховской военной организации заключалась в том, что в непосредственных отношениях с королем мог быть только офицер, а остальные были отданы муштре, другими словами, она заключалась, во-первых, в пренебрежении к личности рядового солдата, что вполне соответствовало как общему понятию miles perpetuus, так и скептицизму «философа Сансуси»,[10] и, во-вторых, в принципиальном разделении армии и народа.

Таким образом, армия, стоявшая на глиняных ногах, должна была разрушиться, когда в период правления слабого монарха она подверглась испытанию на прочность со стороны более сильного противника. Но именно эта катастрофа открыла людям глаза на то, что фридриховская система военной организации

способствует объединению всех духовных сил, которые не допускают ломки старых внешних форм, а создают возможность для их внутреннего обновления. Такое возрождение — поистине чудо феникса — является тем более замечательным, что Германии пришлось пережить не только военное поражение, но одновременно политический и моральный крах.

Военная реформа Шарнгорста

В результате акта, имевшего революционизирующий характер, армии освободилась как от профессиональных, так и от сословных уз. Государственная армия, абсолютной монархии превратилась в патриотическую армию национального государства. Этим начинается вторая фаза истории немецкого солдата. Постепенно человеческое и солдатское начинают взаимно проникать друг в друга. Немец открывает в себе некие солдатские, по общему признанию, врожденные черты. В одном общем хоре сливаются звуки военных оркестров и пение борцов за свободу. Если раньше человеческий материал поставлялся армии из низших слоев народа, то новый солдат является уже представителем образованных кругов общества. Военная служба становится частью духовной жизни нации.

Свою задачу Шарнгорст и его сторонники видели в том, чтобы «сделать солдатами весь народ» и таким образом вернуть ему свободу.[11] Так родилась мысль о создании народной армии, основной принцип которой — всеобщая воинская повинность — одновременно является правом свободного человека, находящегося на службе отечеству, носить оружие. Долг и право, по словам Гегеля, являются идентичными всеобщей и частной воле.

В фридриховской эпохе были заложены и элементы будущего. В самом конце ее возникла идея всеобщей, воинской повинности, и оказалось, что она только и ждала сигнала, чтобы выступить на исторической сцене. Если Фридрих Великий не считал военную службу низкого по происхождению человека дедом чести (еще в эдикте от 1780 года он охарактеризовал ее как наказание), то теперь «смерть за отечество» воспевалась под впечатлением силезских войн поэтами Клоп штоком и Эвальдом фон Клейстом и восхвалялась Томасом Аббтом, восторженным поклонником «короля-героя». в его знаменитом сочинении, где он открыто говорил о каждом прусском верноподданном. А разве не была идея всеобщей воинской повинности облагорожена уже тем, что во время битвы король — был вместе с солдатами? «Идол гренадеров» жил в каждом солдате, воевавшем под его знаменами. Солдаты принадлежали ему и, следовательно, принадлежали «империи гения». Это являлось их «социальной» привилегией и не было дозволено ни одному бюргеру. Фридрих II

в опубликованных после его смерти в 1796 году «Lettres sur l'Education»[12] пророчески возвестил, что отныне национальное воспитание и подготовка каждого к полезной государственной деятельности являются главнейшей задачей и, означают нравственное совершенствование каждого человека, а следовательно, и солдата.

Тем не менее народная армия нового времени оставалась все же королевской армией, ее правовое положение только теперь приведено в полное соответствие с понятием народной армии. Солдатские традиции были сохранены, и немецкая армия продолжала существовать в форме императорской армии вплоть до первой мировой войны. Отношение к монарху стало лейтмотивом всей истории прусско-немецкого военного права на протяжении целого столетия.

Армия в XIX веке

Военная реформа Шарнгорста осталась незавершенной. Время для создания народной армии тогда еще не назрело. Патриотические лозунги, выдвигавшиеся реформаторами, не успели еще сделаться всеобщими. Идея о национальном государстве находилась лишь в стадии зарождения, к тому же монархия упорно сопротивлялась этой идее. Однако народная армия и народное государство взаимно обусловливали друг друга. Отсюда и возникло «противоречие между военными и гражданскими учреждениями» (барон фон Штейн), а также внутреннее противоречие в системе военной организации. По словам депутата Мюллер-Мейнингена, выступавшего по поводу конфликта в Цаберне[13] (1914 год), армия всеобщей воинской повинности оставалась «в известной мере государством в государстве», хотя и с меняющейся ориентацией.

Вначале система военной организации в противоположность абсолютистскому государственному аппарату воплощала революционный принцип государства, основанного на национальной общности духа; позднее она превратилась в орудие защиты монархистского государства от попыток ограничить его власть парламентом. Этот парадокс возник в результате внутренней необходимости. После того как исторический момент для создания такого народного государства, каким его представляли себе Штейн и Шарнгорст, был упущен, армия в конфликте королевской власти с революционерами 1848 года была вынуждена стать на сторону королевской власти. Вопрос о том. должна ли армия остаться «королевской» или стать «парламентской», был, само собой разумеется, решен в пользу короля. Правда, в кайзеровской империи парламент имел более широкие законодательные полномочия в военной области, однако сохранение за императором права неограниченно распоряжаться армией говорит за то, что основной принцип монархической армии отброшен не был.

Дальнейшее развитие империи, и особенно в период Бисмарка, привело к структурным изменениям в устройстве государства. Усиление буржуазно-конституционного строя, с одной стороны, и узаконенное господство короля во всех военных вопросах — с другой, привели к расколу государства на два лагеря. Ценой ограничения сфер влияния вооруженным силам

удалось сохранить свою автономию. Армия, формируемая на основе всеобщей воинской повинности, все больше теряла органическую связь с нацией и государством. Вынужденный быть одновременно и солдатом и гражданином, немец находился в постоянном конфликте с самим собой.

Первая мировая война

В таком же положении немецкий солдат вступил и в первую мировую войну.

Немецкая нация осталась в долгу перед своими солдатами за то, что их четырехлетняя борьба и заслуги не получили должного отражения в печати. Величие и непостижимость боевых подвигов немецких солдат становятся наиболее понятными при рассмотрении двух основных моментов.

Во-первых, немецкая военная организация с момента своего зарождения всегда была монархической. Попытка распространить эту организацию на всю нацию существенных изменений не вызвала. Армия не колебалась в своем намерении защищать под предводительством монарха ту государственную систему, которая противоречила всей ее сущности как народной армии. Но в решающий момент она оказалась брошенной своим верховным вождем на произвол судьбы. «Серьезный случай»[14] заставил кайзера отказаться от военного и политического руководства. Оказалось, что господство монарха над армией, этот «фундамент вооруженных сил», давно уже стало фикцией.

Во-вторых, военная служба в патриотической армии, строящаяся на сознательности, нуждается в направляющей идее, которая оправдывала бы самопожертвование солдат и придавала бы ему определенный смысл. В борьбе за освобождение от наполеоновского гнета движущей силой был пафос стремления к свободе. В 1870–1871 годах через армию лежал путь к объединению немецкого народа, а вознаграждением за ее победы было осуществление мечты о возрождении Германской империи. В 1914 году солдат вступил в войну, не имея никакой другой цели, кроме защиты своего отечества.

То, что происходило тогда, вполне соответствовало законам и всему ходу развития немецкой военной системы. Как защитник отечества, солдат патриотической армии с подъемом встречал призыв к обороне. Благодаря этому он не замечал неудовлетворительного состояния государства и общества, которые он защищал. Для него остались в стороне и несостоятельность монарха и даже полная непригодность военного командования в первом акте этой драмы, скрыть

которую в обстановке фронта было невозможно. Но чем дольше продолжалась война, тем яснее и отчетливее проявлялся ее тотальный характер. Для посылки на фронт всех людей, пусть даже не воспитанных в солдатском духе, но способных носить оружие, и для мобилизации всех сил народа для нужд войны теперь была необходима такая идея, которая, объединив под своим знаменем всю нацию, вселила бы в нее уверенность в том, что высшие силы стоят на ее стороне и что она выражает то дело, сила которого проявляется не столько в победе, сколько в готовности людей пожертвовать для нее своей жизнью.

Мы стоим на пороге века идеологических войн. Этому соответствовало все предвоенное поведение Запада, который придал своей борьбе характер крестового похода с целью to make the world fit for democracy.[15] Ответить на это в идеологическом отношении Германия не могла ничем. Литераторы и философы, взявшие на себя задачу дать убедительную картину «немецкого миропонимания», не сумели этого сделать не только для всего мира, но даже для самого немецкого народа. Таким образом, когда война затянулась на неопределенное время, а шансы на окончательный успех в ней были потеряны и лишения народа усилились, в тылу действующей армии началось разложение общественных и моральных устоев. Удивительно то, что это произошло тогда, а не значительно раньше.

Ноябрьская революция

Ноябрьская революция представляла собой солдатскую забастовку. Позднее стало известно, что во французских и английских войсках, несмотря на несравненно меньшую нагрузку и благоприятную для них обстановку, имело. место аналогичное забастовочное настроение. Остается открытым вопрос, ограничивает ли уровень цивилизации западного полушария при нормальных условиях участие своих граждан в войне и, следовательно, боеспособность войск народной армии и в какой мере продолжительная пассивность солдата в условиях позиционной войны является для него переносимой? Оба эти момента, вероятно, и послужили причиной того, что в конце первой мировой войны солдаты некоторых стран стали отказываться от борьбы даже там, где им (в противоположность немцам) отнюдь не «грозил конец».

Когда в ноябре 1916 года соединения немецкой гвардии проходили через Бранденбургские ворота, рейхсканцлер Эберт, которого никак нельзя заподозрить в милитаризме или пустословии, приветствовал в их лице армию, возвратившуюся с фронта непобежденной. Этим самым он укрепил в войсках, поскольку они остались невредимыми, справедливое чувство несломленной гордости. Позднее противники увидели, что ошиблись, предоставив немецкой армии возможность свободного отхода и избавив ее таким образом от созерцания собственного поражения. Эта ошибка была исправлена «нокаутом» во второй мировой войне.

Отвод армии означал, что основная моральная сила, предохранившая Германию, а с ней вместе и всю Центральную Европу от хаоса разрушения, осталась несломленной. Правда, полки старой армии быстро исчезли, но некоторые решительные командиры сумели создать из остатков армии крепкие добровольческие отряды. Из них-то и вырос новый рейхсвер, который до поры до времени был чем-то вроде «прусской военизированной полиции» или вооруженного исполнительного органа прусского правительства. При помощи этих отрядов правительству удалось навести порядок и спасти единство Германии. Пруссия в последний раз выполнила свою историческую миссию, и своим существованием Веймарская республика обязана ее армии.

Однако судьба готовила ей новые испытания.

Добровольческие корпуса

Среди общего смятения, в котором находилась тогда империя, остатки немецкого боевого духа, которым некогда были проникнуты миллионы людей, скопились, по-видимому, в тех оставленных на произвол судьбы войсках, которые после падения фронта все еще продолжали отбивать натиск многократно превосходящих сил противника и по собственной инициативе защищали на Балтике и в Силезии восточные немецкие провинции. Кто из молодежи знает сейчас что-либо об истории ожесточенных боев за Латвию и Литву, длившихся в течение всего 1919 года? Кто знает что-нибудь о битве у Аннаберга в мае 1921 года и о спасении Верхней Силезии от поляков? Наш народ забыл о подвигах, совершенных немцами уже после первой мировой войны, когда сами сражавшиеся были больше ландскнехтами, нежели солдатами. Память о них объявлена преступлением.

Даже собственное правительство, по указке союзников, приказало своим войскам атаковать сражавшихся с тыла и тем самым поставило их на край гибели. Оно заклеймило их борьбу как действие, за которое наказывают тюремным заключением или денежным штрафом. Оно не увидело того, что скрывалось в душе у этих людей, которые, пребывая в состоянии крайнего отчаяния, решили продолжать борьбу, невзирая на все политические и общественные силы, и стали символом безвыходного положения нации.

Молодежь ощущала позор, которым покрыли Германию ее победители, как нож в сердце, и, стремясь восстановить потерянную честь, хотела прыжком в неизвестность избежать дальнейших пыток. Когда Веймарская республика выразила ей свое недовольство, она этим самым положила начало своему падению. В добровольческих корпусах, которые новая армия, проникнутая духом генерального штаба, еще не успела поглотить и растворить в себе, возникли военные союзы действия, из рядов которых вышли убийцы Эрцбергера[16] и Ратенау, пребывавшие в состоянии «амока, вызванного благородными импульсами». Это был тот период, когда национал-социализм еще только овладевал искусством подчинять себе эти импульсы.

Рейхсвер

Характер новой армии, рейхсвера, был предопределен всем процессом развития вооруженных сил в ходе войны, той ролью, которую она была призвана сыграть в новом государстве, и теми рамками, которыми ее ограничили страны-победительницы. По Версальскому договору Германия могла иметь профессиональную армию численностью не более 100 тыс. человек. Тем самым, по оценке создателя новой армии фон Зекта, предполагалось, между прочим, изолировать армию от народа.

Новая армия строилась на принципах, прямо противоположных принципам народной армии. Этому — планомерно и постоянно противодействовало командование новой армии. Оно надеялось на то, что в лице рейхсвера продолжает существовать императорская армия. В результате того что кадровые воинские части перешли целиком из старой армии в добровольческие корпуса, а оттуда в рейхсвер. многие из прежних полков были представлены в рейхсвере в том виде, в каком они существовали и при кайзере. Там, где этого не было, старые части устанавливали в новых формированиях прежние порядки. Таким образом, охранялись и поддерживались не только солдатские традиции и добродетели, но и народность солдатской службы. Армия, которая, по мнению победителей, была полностью ликвидирована, приняла лишь другие формы, позволившие ей преодолеть все трудности и проникнуться уверенностью, что в скором времени она опять сможет развернуться.

Однако противник не видел подобных возможностей. Не подумал он и о другом. Изоляция немецкого солдата, к которой стремился противник, означала его отделение не только от немецкого народа, но одновременно и от той формы государства, которую после свержения монархии требовала западная демократия и которую она собиралась поддерживать. Ликвидировать старую армию не удалось. А изоляция и старые натянутые отношения между государством и армией способствовали развитию у солдат антипатии к республиканской системе. Во время войны армия в связи с поражением монархии стала учреждением, предоставленным целиком и полностью самому себе. То, что тогда обусловливалось необходимостью, теперь поднялось до положения добродетели. По воле Зекта

армия должна была держаться на определенной дистанции от государства Веймарской республики. Таким образом, военная система приобрела свой прежний вид, не претерпев почти никаких изменений и только усилившись в результате строгого подбора кадров и максимального повышения требований. Несмотря на вынос всех армейских дел на рассмотрение в парламент, армию все же удалось изолировать от влияния каких бы то ни было партий. Итак, армия, как и во времена Бисмарка, стала государством в государстве. Но если тогда это расценивалось как слабость, то теперь подобное состояние армии было сознательно превращено в выгодную стратегическую позицию.

Оперативный план любого начальника штаба имеет всегда определенную логичность и последовательность. Но у генерального штаба, создавшего новую армию, у этой высшей школы военных специалистов, отсутствовал внутренний контакт не только с народом, но даже с собственным солдатом. Поэтому он не мог заранее определить, какую скрытую опасность для армии и всего государства представляет собой подобная раздвоенность военного и гражданского мира, существующая на протяжении целого столетия, и в какой степени эта опасность может стать смертельной, если армия в период революционного преобразования всей жизни государства окажется глухой к новым требованиям истории. Такое положение создалось в результате возврата к старым традициям и к политике отгораживания армии от окружающего мира, даже если это отгораживание и относилось только к демократически-либералистским учреждениям и их идеям.

Военная реформа национал-социалистов

Следствием политики отгораживания была неспособность армии разгадать сущность национал-социализма. До сих пор остается непонятным то, что даже инстинкт самосохранения не предостерег это прочно скрепленное и единое по духу общество от явления, противоречащего всему его существу. Но национал-социализм расставил свои сети с дьявольским искусством. «Ефрейтор первой мировой войны» предстал перед миром как политический солдат, имевший якобы историческую миссию ликвидировать раздор, посеянный Версальским договором, обновить нацию, вселив в нее боевой дух, приобщить к политике армию, отделенную от государства, привести всё гражданское и военное к одному военному знаменателю и таким образом сделать возможным всеохватывающее народное сотрудничество. Возвращение к всеобщей воинской повинности (16 марта 1935 года) принесло стотысячной армии осуществление ее заветной мечты. Чтобы как-то оправдать свои действия, фюрер сделал поистине гениальный ход, обратившись к посредничеству генерал-фельдмаршала Гинденбурга, олицетворявшего традиции старой армии, и призвав на помощь дух Фридриха Великого. Заклинания на его могиле свидетельствуют о том, что противник пруссачества более правильно оценил значение Фридриха как гения немецкой военной организации, чем сам немецкий солдат, в сознании которого великий король был лишь достойным уважения экспонатом из музея восковых фигур. То, что произошло в Потсдаме 21 марта 1933 года,[17] напоминает не пропагандистскую комедию — наша эпоха предпочитает банальные толкования, — а низвержение духа прусско-немецкой военной службы ее демоническим противником. В дальнейшем события, вплоть до окончательной победы Гитлера над армией и отставки генерал-полковника фон Фрича, развивались автоматически. Тот факт, что сам фон Фрич, этот солдат sans peur et sans reproche,[18] в котором еще раз воплотился идеальный тип немецкого офицера, стоящего во главе армии, оказался столь же слепым, как и бессильным перед силами и методами национал-социализма, говорит о том, что судьба немецкого рейхсвера была решена. Башня из слоновой кости, в которую он отступил, была достаточной защитой от проникающего влияния «передовых» идей. Однако устоять перед натиском новой стихии эта башня не смогла, потому что находившаяся в ней армия потеряла свои корни в народе, а ее безупречная выучка оказалась бесполезной.

В возвращении к принципу всеобщей воинской повинности армейцы видели лишь restitutio in integrum[19] военной службы, что вполне соответствовало их консервативному, хотя и не реакционному, мышлению. Лишь позднее они поняли коренное различие между народной армией государства фюрера и армией патриотов XIX века. Правда, нельзя сказать, что в тотальной армии третьего рейха отсутствовал элемент сознательности, но эта сознательность была коллективной. Шарнгорст, Гнейзенау и Мольтке целиком посвятили себя служению своему отечеству. Они представляют в этом отношении идеальное воплощение прусского характера, но это является качеством, присущим только им. Они — патриоты, потому что, по выражению Стеффенса,[20] взяли на себя миссию «хранить в своей душе судьбу того государства, которому они отдали свою любовь». Добровольцы периода освободительных войн внесли в немецкую военную историю новый тип солдата армии патриотов, которому присущи элементы моральной свободы, наложившие, несмотря на закон о всеобщей воинской повинности, отпечаток на все дальнейшее развитие армии. Об этом же свидетельствуют и моральные качества добровольцев первой мировой войны. Но в тоталитарном государстве все отношения между законом и свободой основаны на принципе: «свобода — для фюрера, закон — для общества». Иными словами, государство ставит перед личностью такие проблемы, которые исключают возможность какой бы то ни было субъективной оценки.

Взгляд на народ, как на тотальное военное общество, вполне соответствует исторической логике. Она вытекает из той формы, которую приняли современные войны. Необходимой предпосылкой для ведения современной войны является объединение фронта и тыла в единый военный лагерь. Такие понятия, как «тотальная война» и «воюющий народ», являются идентичными и означают новую ступень военно-исторического развития. В то время как Запад стремился как можно скорее укрыться за барьером мирных договоров, руководители национал-социалистского государства разрабатывали принципы ведения будущей войны. Это и обусловило превосходство немецких войск на начальном этапе войны.

Вторая мировая война

Новые вооруженные силы Германии приняли первое боевое крещение раньше, чем закончился процесс их до предела ускоренного создания. Вопреки воле и убеждению немецких военных руководителей на них опять была возложена задача ведения мировой войны.

Парадоксальное положение, в котором оказался немецкий солдат в период второй мировой войны, было беспрецедентным. Если в первую мировую войну монархическая армия оказалась лишенной своего монархического руководства, то теперь народная армия тоталитарного государства была отдана в руки «фюрера и главнокомандующего вооруженными силами», для которого солдат ввиду его замкнутости и своеобразной профессиональной морали по отношению к нацистскому мировоззрению был не чем иным, как чуждым и подозрительным инструментом, и который злоупотребил им до такой степени, что этот инструмент оказался полностью разрушенным. Для фюрера боец был лишь частью техники, неким подобием моторизованного оружия. Как к солдату, так и к технике в этой войне, ведшейся без всякого учета сил и средств, предъявлялись чрезмерные требования, выполнить которые они были не в состоянии. Цель войны ввиду ее необъятности вполне соответствовала склонности военных руководителей к гигантомании. Стратегия и тактика приняли формы «мировоззрения». Гибкость была подменена догматизмом. Учет возможных неудач — это основное правило в руководстве боевыми действиями войск — был запрещен. Жертвы, принесенные, например, в Сталинграде, где упорно удерживались по сути дела уже потерянные позиции, были бессмысленными. Высокие качества войсковых командиров не нашли себе применения, потому что их сковывала воля дилетанта и фанатика, стремящегося к безраздельной власти. Одновременно с этим нацистская партия бессознательно работала над моральным разложением солдат, дух сопротивления которых был ослаблен в результате превращения армии в многомиллионную. Сомнение в победе считалось достойным смерти, вера в непогрешимость фюрера — высшим законом. Стремление к сохранению своего уже почти потерянного престижа привело командование к принятию роковых ошибочных решений. Двойной натиск, изнутри и извне, угнетал мыслящих людей сверх всякой меры. Широко

разветвленная система террора душила всякие оппозиционные настроения в самом их зародыше. И все же среди представителей офицерского корпуса, которые разбирались в событиях, а также в невоенных кругах возникла мысль о сопротивлении. В конфликте между долгом и разумом зрело решение о покушении на главу вооруженных сил. Это был акт, посредством которого немецкая военная система могла одновременно поднять себя в глазах других и ликвидировать. В нем, помимо личной опасности, заключалось последнее величие жертвы. Однако предотвратить то. что было предначертано судьбой, этот акт уже не смог.

Единственная в своем роде катастрофа, поглотившая германские вооруженные силы, отличается большой резкостью контрастов. Армия Фридриха Великого, которая погибла под Иеной и Ауэрштадтом, будучи вверенной неспособному командованию с устаревшими взглядами, была лишь тенью самой себя. Ее слава целиком утонула в жалком поражении. Но в период второй мировой войны тотальный разгром армии последовал непосредственно за ее блестящими историческими победами. В своем последнем походе немецкая армия располагала командирами самых необыкновенных способностей. Разложение формы и духа армии совпадает по времени с ее наибольшими военными успехами.

Несчастье, которое постигло Германию, преступления, в которые ее вооруженные силы были втянуты помимо их воли, а также победы союзников, планомерно развенчивавшие немецкого солдата, стерли память о славных походах армии сквозь ад второй мировой войны. Действия армии стали предметом политических и идейных споров, и этим была ликвидирована возможность правильно анализировать их сущность. О них вспоминают со стыдом, и теперь считается неприличным говорить о победах армии, которая воевала под фальшивыми знаменами. Но существуют события, которые становятся понятными только как целое и открываются только для внутреннего анализа. Величие и бессилие, слава и позор неразрывно связаны между собой в этом походе немецкой армии к своей гибели. Понять трагедию поверженной армии может только тот, кто вместе с ней смог пережить и ее триумф, и ее унижение.

Дело в том, что и тот головокружительный успех, который армия пережила в начале войны, является существенной частью этой драмы. Конечно, в первую мировую войну армия также вела

победоносные наступления, например в Сербии и Румынии. Но они лежали на периферии событий. Наступление же на решающем фронте во Франции уже через несколько месяцев дало уверенной в победе немецкой армии первый урок отступления, отступления, которое явилось началом бесконечного бедствия позиционной войны. Танненберг был единственным случаем «славной победы», но ведь это было оборонительное сражение. В целом же немецкая армия в течение четырех лет воевала «под мрачным небом». Поскольку с немецкой стороны война велась без зажигающих лозунгов, постольку и успехи на фронте не имели того, что окрыляет человеческую фантазию.

Вторая мировая война имела совсем другой характер. Армия вступила в войну без того наивного воодушевления, которое наблюдалось в августе 1914 года. Ни народ, ни армия войну не одобряли, ибо она в противоположность предшествовавшим войнам противоречила принципам народной армии, созданной только для обороны. Но уже начало войны с Польшей в сентябре 1939 года принесло солдату неожиданную для него славу. Вместо затяжной войны с применением большого количества техники получилась война молниеносная. В безудержном продвижении вперед, как например при «штурме Львова», солдат испытал ни с чем не сравнимую радость победы. На карте военных действий вырисовывалась картина безукоризненно проведенной операции больших масштабов. В течение трех недель была захвачена вся Польша, уничтожена вся польская армия. Количество пленных достигло сотен тысяч. Собственные потери оказались самыми незначительными. Если до начала этой войны у кого-нибудь еще и были сомнения в отношении ее справедливости, то уже в первые дни они полностью рассеялись под впечатлением зверств, совершаемых поляками над польскими немцами, как это было, например, в «кровавое воскресенье» в Бромберге (3 сентября 1939 года). Таким образом, фронтовой солдат получил оправдание своим действиям. Операция в Норвегии (не против Норвегии) в апреле — июне 1940 года своим блеском затмила успехи Польского похода. Победа в Польше была одержана при явном превосходстве немецких войск. В успехе войны не было сомнения с самого ее начала. Смелость верховного командования заключалась в том, что оно решило начать операцию в Норвегии при наличии фланга, прикрытого только блефом Западного вала. Этот факт дошел до сознания общественности лишь значительно позднее. Норвежская операция превзошла своей быстротой и размахом все считавшееся до сих пор возможным и уже потому увенчалась успехом. На виду у значительно превосходящих сил

английского флота немецкие войска были высажены по побережью Норвегии, вплоть до самой северной ее оконечности. В этой операции впервые было осуществлено взаимодействие крупных сил армии, флота и авиации. Здесь впервые были проведены действия, характерные для молниеносной войны, в условиях горной местности. Борьба и победа баварских горных стрелков под командованием генерала Дитля под Нарвиком надолго запечатлелись в сознании народа. Разгром английских войск повысил у солдат и офицеров чувство собственного достоинства. Казалось, что при таком командовании для немецких войск нет ничего невозможного.

Рог изобилия, давший немцам столько успехов, еще не иссяк, но то, что в действительности это был ящик Пандоры, понимали немногие. В то время, когда в Норвегии еще продолжались бои, немецкая армия Западного фронта начала наступление, и в течение четырех недель Франция оказалась разгромленной наголову. Бельгия и Голландия были оккупированы, а англичане выбиты с материка. То, что в предыдущих кампаниях только ощущалось, теперь стало вполне очевидным: победы немецкой армии были достигнуты в конечном счете благодаря ее высокому моральному духу, существенно отличавшемуся от морального духа противника. Дипломат и писатель Жиродо прекрасно передал отношение французской буржуазии к войне, когда он — я не пытаюсь иронизировать — как начальник службы пропаганды заявил в декабре 1939 года в Американском клубе в Париже: «Золото находится в глубочайших подвалах, армия — за бетонными стенами укрепленных линий. Это те клады, которые следует хранить неприкосновенными как можно дольше и только тогда поставить на карту, когда все будет казаться потерянным». Это «безумие Мажино» стоило французской армии ее морального духа и привело Францию к военному поражению. Да и как могла подобная склонность народа и правительства к «апатичной войне» заставить свою армию оказать сопротивление той революционной динамике, с которой немецкие вооруженные силы, смело используя новые тактические возможности, открывшиеся в связи с появлением авиации, танков и моторизованных соединений, в одно мгновение прорвали пояс укреплений, считавшийся доселе неприступным, и разбили самую славную — наряду с немецкой — армию Европы нынешнего века.

Сочетание фантазии, военного искусства и солдатского энтузиазма совершило чудо. Количество пленных, насчитывающее почти два миллиона, дает представление о

масштабе операции. Тот факт, что кампания велась «против Версаля», и то, что войска проходили по местам боев первой мировой войны, воспринималось немцами как избавление от позора за прошлое поражение. И это окончательно решило ее исход. То был один из редких случаев в истории войн, когда армия завоевывала себе столь пышные лавры. Вспоминается троянский Гектор, которому Зевс перед концом битвы дал еще один глоток из сосуда славы.

Вскоре Германии удается еще одна в совершенстве подготовленная и проведенная операция: весной 1941 года в течение двенадцати дней одерживается победа над Югославией, располагавшей армией в 1400 тыс. человек. Не проходит и двух месяцев, как Греция, несмотря на ее мощные горные укрепления, лежит у ног Германии. После польской равнины, после области полярного круга, после пресыщенной культурой земли Франции театром военных действий становится страна античной культуры. Захват английской колонии — острова Крит — парашютными и воздушно-десантными войсками является опять-таки беспримерным достижением тактического искусства.

Война на Балканах была заключительным аккордом той героической симфонии, того военного торжества, которое привело немецкую армию на востоке, западе, севере и юге к самым дальним границам Европы. В той легкости, с которой жаждущая подвигов немецкая молодежь со стальными шлемами на головах или просто с непокрытой челкой проходила в начале войны через нашу часть света, не было легкомыслия, и война, за исключением кампании в Польше, велась еще без всякой ожесточенности. Исключительный подъем морального духа немецких войск был обусловлен всей военной обстановкой. Успехи войны в Европе привели — да и как могло быть иначе — к неограниченной вере в командование. Но «солдаты фюрера» не чувствовали себя — и это до сегодняшнего дня остается для всех фактом — соучастниками бессовестного насилия над окружающими народами, которое вершил национал-социализм. Армия не имеет обыкновения ни в бою, ни тем более в условиях победы предаваться политическим размышлениям. Но она может быть окрылена какой-нибудь исторической и политической идеей общего характера и находить в ней моральное оправдание своим действиям. В данном случае идея заключалась в том, что германскую империю ее руководители изображали державой, борющейся за порядок в Европе. За пределами Германии эта идея имела по крайней мере потенциальную силу убеждения, хотя для

ее осуществления национал-социализму недоставало ни материальных, ни моральных сил. Следовательно, война не представлялась лишённой смысла. Солдат чувствовал, что он находится на службе великой идее, осуществление которой казалось ему возможным с предельно малыми жертвами как с той, так и с другой стороны. Казалось, что Европа навсегда собиралась положить конец своим войнам. Старый солдатский дух был еще достаточно сильным, чтобы, несмотря на вторжение национал-социализма, влиять на моральное поведение войск в целом. Это является изумительным доказательством силы и преемственности солдатских традиций. Дух национал-социализма еще не успел проникнуть в армию. Немецкая армия отличалась от войск SS, представляя собой не политическую «армию мировоззрения», а армию солдат. Особенно сильно это различие ощущалось в оккупированных районах.

Немецкие вооруженные силы были призваны выполнить еще одно, хотя и ограниченное, но славное дело. Полные приключений боевые действия африканского корпуса под командованием «лиса пустыни» Роммеля не уступают кампаниям в Польше, Норвегии и Греции. Танковые сражения в пустыне были по существу единственными за весь период военной истории, а внезапные шахматные ходы подвижных войск Роммеля вряд ли когда-нибудь смогут быть повторены. Но эта кампания кончилась полным поражением немецких войск. Превосходство англичан на Средиземном море, где они сумели сорвать снабжение войск Роммеля, а также сосредоточение колоссальных вспомогательных сил союзников в Египте буквально сломили боевую силу немецкого корпуса «Африка». Однако как раз эта кампания, проведенная с безупречным рыцарством, сохранила свое зажигательное действие в сердцах солдат. И когда окончательно потухла звезда немецкой армии, тогда и только тогда искра разгорелась в пламя. В этот единственный момент противник увидел немецкого солдата таким, каким он был в действительности. И все же на всех театрах военных действий немецкий солдат оставался одинаковым. Только, может быть, благодаря такому старому и опытному военачальнику, как Роммель, здесь ярче, чем где-либо, проявилось фронтовое единство, войск и командования.

К тому времени уже началась война против России, которая коренным образом изменила положение немецкого солдата (говоря о войне в России, я имею в виду только солдата, а отнюдь не операции, которые там проводились). Обстановка сразу стала

неясной. Правда, в колоссальных битвах первой фазы войны немецкой армии удалось окружить и разбить русские армии, продвинуться до ворот Москвы и дойти до самого сердца Кавказа. Выступая против большевизма плечом к плечу с вооруженными силами Финляндии, Италии, Венгрии, Румынии, а также вместе со словацкими и хорватскими частями и добровольцами из Испании. Швеции, Дании и даже из Франции, Бельгии, Голландии и Норвегии, то есть с представителями тех стран, с которыми он только что воевал, немецкий солдат мог чувствовать себя защитником Европы. Но при выполнении этой задачи. которая казалась ему исторической миссией, оправданной всем ходом истории, он попал в безвыходное положение. В то время как немец был убежден, что защищает дело Запада, Запад нанес ему удар в спину. До самого горького конца нас не покидала надежда, что Запад, наконец, поймет и признает, что мы защищаем Германию и, следовательно, всю Европу. Такая надежда, по-видимому, и побуждала немецких солдат продолжать борьбу даже тогда, когда война была уже проиграна.

В добавление к этому на солдат легло еще более тяжкое бремя в виде неумелого руководства со стороны собственного командования. Идеологическая ненависть и отчаяние, в которое оно впало в связи с совершенно непредвиденными трудностями (ведь Гитлер надеялся покончить с Россией в течение нескольких недель), привели к изменению форм борьбы. Противник был заклеймен как человек низшей расы, по отношению к которому разрешаются любые действия. Население оккупированных областей, готовое вначале приветствовать немцев как своих освободителей, оказалось порабощенным. Это привело к усилению партизанского движения. За линией фронта эсэсовские отряды устраивали еврейские погромы. Нечеловеческое обращение с военнопленными привело к тому, что противник воевал крайне ожесточенно, до последнего патрона. И чем дальше немецкий солдат оставался в этой стране, тем большим адом становилась она для него.

Да и со стороны своего же командования он видел к себе такое же нечеловеческое, презрительное отношение. Невыносимые нагрузки в боях, суровый климат и бесконечные сюрпризы противника превзошли предел человеческой выносливости. Дорога побед стала дорогой могил. Тот факт, что при таких невероятных испытаниях, далеко превосходящих все пережитое в первой мировой войне, морально-боевой дух немецкой армии не был сломлен, не поддается объяснению, как и

всякий большой нравственный подвиг.

Тому, что в конце войны не повторились события 1918 года, помешали два обстоятельства. Во-первых, известно, что основная масса действующих войск даже в беде не потеряла доверия к своему верховному командованию, которое по сути дела было недостойно его. Эта вера в «фюрера» сложилась вначале в кругах самих национал-социалистов и уже затем распространилась на народ. Но в вооруженных силах благодаря неизвестному ранее искусству пропаганды она была построена прежде всего на успехах первых лет войны. Вера армии в своего полководца, приведшего ее к победе, всегда была и остается существом солдатской службы. С этой верой солдат может пережить любое поражение. Кроме того, стратегия противника, рассчитанная на полное уничтожение, была направлена не только против армии, но и против всего немецкого народа. А известно, что тот, кто не ждет пощады, всегда борется с мужеством отчаяния.

Конец германского вермахта

Выдержка немецкого солдата, проявленная им в конце войны во время боев в окружении, которые не могли не привести армию к гибели, все же вызывает удивление. Обманутый собственным командованием и, наконец, открыто им преданный, что выразилось, во-первых, в подчинении армии резерва Гиммлеру, во-вторых, в формировании народно-гренадерских дивизий как «основы истинно национал-социалистской народной армии», наконец, в-третьих (во время призыва к партизанской борьбе), в презрении к его «устарелым представлениям о методах ведения так называемой гражданской войны», солдат в конце войны был предоставлен самому себе. Патетические лозунги совершенно исчезли. Убеждения, которые носила в себе армия патриотов национального государства, сгорели на костре революции вместе с другими ценностями отжившего мира. Все идеологические опоры рухнули. При таком общем хаосе военная служба, по-видимому, потеряла всякий смысл. В подобном положении всякое подбадривающее слово оскорбляет, как ложь. Поэтому о долге и чести уже не могло быть и речи. Солдат отвечал только тогда, когда к нему обращались с восклицанием: «Эй, парень!» Такая боязнь лишней фразы не может быть источником моральной силы. Свершившаяся катастрофа сорвала с этой армии все венки и лавры, возложенные на нее историей. Ей ничего не оставалось, как возвратиться к тому, с чего она начала. Этим апофеозом долга и замыкается круг.

ЛИТЕРАТУРА

Benoist Mechin, Histoire de l'Armee Allemande (1919–1936), Editions Albin Michel, Paris, 1938. (Книга посвящена истории немецкой армии эпохи Веймарской республики.)

Huber E. R., Heer und Staat in der deutschen Geschichte, Hamburg, 1938. (К истории немецкого военного законодательства XIX века.)

«Kriegsbriefe gefallener Studenten», Verlag R. Wunderlich, Tubingen. 1952.

Picht W., Vom Wesen des Knegswesen der Deutschen, Fr. Vorwerk, Stuttgart, 1952.

Rosenstock E., Die europaischen Revolutionen, Jena, 1931.

Генерал пехоты в отставке Курт фон Типпельскирх

Оперативные решения командования в критические моменты на основных сухопутных театрах Второй мировой войны

В своем классическом труде «О войне» Клаузевиц, характеризуя оборону, говорит, что «оборонительная форма ведения войны сама по себе сильнее, чем наступательная», но добавляет при этом, что она «преследует негативную цель».[21]

Мольтке в своей статье «О стратегии» (1871) указывает: «Ни один оперативный план не остается в его первоначальной форме после первого столкновения собственных сил с главными силами противника. Только профан может думать о какой-то заранее намеченной и тщательно продуманной идее, последовательное осуществление которой якобы можно проследить в течение всего хода войны».[22]

Молниеносные войны

Аксиома Клаузевица, основанная на природе вещей, и учение Мольтке, созданное им на основе опыта войн 1866 и 1870–1871 годов, всегда находившие себе подтверждение в истории войн, включая и войну 1914–1918 годов, оказались, по-видимому, уже недействительными в тех войнах, которые Германия вела с 1939 по 1941 год в Польше, Франции и на Балканах. Потеряли ли законы и опыт военного искусства, казавшиеся непреложными, свою силу или возникли какие-то новые чрезвычайные обстоятельства, которые наряду с общими правилами создали целый ряд исключений и тем самым только подтвердили силу этих законов?

Дело в том, что в первую мировую войну и после нее у войск появились новые средства ведения войны, которые после 1935 года стали вводиться в общее вооружение немецкой армии самым последовательным образом. Это привело к различию не только в организации сил обеих сторон, но и к выработке различных принципов руководства. Это же явилось и причиной превосходства немцев в отношении морально-боевого духа армии.

Когда противная сторона стала все шире вводить у себя новую боевую технику и наряду с подавляющим превосходством в людских силах производить ее в громадном количестве, когда, кроме того, немецкое командование стало все больше отклоняться от непреложных законов военного искусства, тогда «военное счастье» изменило немецкой армии.

Большое количество техники и умение командиров использовать ее было в Балканской кампании 1941 года настолько ошеломляющим, что в успехе похода с самого начала не было никаких сомнений. Подобные предпосылки, хотя и не столь ярко выраженные, имелись у немецкой армии и в войне с Польшей в 1939 году. К этому следует прибавить то, что польское командование оказало немцам «любезную услугу» тем, что пожелало удерживать внешние границы своего государства на театре военных действий, с трех сторон окруженном немецкой армией, и даже, исходя из этого расположения, начать наступление, несмотря на превосходство немцев в людях и технике.

Французское командование в 1940 году захотело воспользоваться «обороной как наиболее сильной формой ведения войны», чтобы остановить немецкое наступление на кратчайшей линии фронта: линия Мажино, р. Маас (до Намюра), Антверпен — и позднее добиться победы по образцу первой мировой войны, то есть блокировав Германию и дав союзникам (Великобритании и, как оно надеялось, Соединенным Штатам) возможность вооружиться. Французское командование, избрав более сильный метод ведения войны, преследующий — вначале — негативную цель, глубоко верило в возможность такого исхода войны. Несмотря на опыт только что прошедшей войны в Польше, оно еще не понимало, что в боевые действия немцы внесли два новых элемента: оперативное использование подвижных соединений и применение авиации для поддержки сухопутных войск.

Эти новшества давали немцам возможность осуществлять такие прорывы, локализовать которые если и было возможно, то только при таком руководстве войсками, которое могло что-либо противопоставить этим новым формам немецкого наступления.

Такого руководства французы обеспечить не смогли. Полагаясь на опыт первой мировой войны, французское командование не верило в возможность внезапных прорывов с хода, стремительность которых не допускает принятия каких-либо мер для восстановления положения. Затруднительным для французского командования было и то, что прорыв немецких войск последовал на реке Маас между Седаном и Намюром, то есть там. где оно меньше всего ожидало наступления. Решение нанести главный удар в этом направлении было найдено немецким командованием не без труда. Окончательно сформулировано оно было после предложения, сделанного генералом Манштейном, ставшим впоследствии фельдмаршалом. По части использования танковых войск с ним согласился и Гудериан. Главное командование сухопутной армии поспешило тогда присвоить его предложение себе. Иодль в феврале 1940 года пишет в своем дневнике: «Удар на Седан является с оперативной точки зрения окольным путем, на котором можно оказаться пойманным только богом войны».

В том, что бог войны был милостив по отношению к немцам и помог им добиться ошеломляющего успеха, немалую роль сыграла неправильная расстановка англо-французских сил, которая не отвечала всем оперативным требованиям. Это

выразилось в том, что французское командование, имея девятнадцать французских и английских моторизованных дивизий, три бронетанковые дивизии и три легкие дивизии, не сосредоточило хотя бы часть их в качестве резерва на центральном участке, что дало бы ему возможность своевременно перебросить их к местам прорыва.

Вместо этого французское командование, как и польское, оказало немецкому командованию «любезную услугу» и впоследствии не раз вспоминало слова Мольтке о том, что «ошибка, допущенная в первоначальной расстановке сил, едва ли может быть исправлена в ходе всей войны».[23] Оно бросило основные силы своих подвижных соединений, используя их моторизованность только в качестве транспортного средства, в район бельгийско-голландской границы, где они были немедленно скованы немецкой группой армии «Б».

Обстановка могла бы сложиться совершенно иначе. если бы французское командование, остановив свои войска западнее линии Мажино у французско-бельгийской границы с ее мощными полевыми укреплениями, доверило бы вопреки всяким политическим соображениям бельгийцам и голландцам помешать наступлению немецких армий и держало бы в резерве за линией фронта основные силы своих подвижных войск. Этого решения представители немецкого командования опасались больше всего, поэтому сообщение о вступлении трех армий левого фланга (1-й и 7-й французских и английской) на бельгийскую территорию вызвало у всех вздох облегчения. Конечно, если бы французы поступили таким образом, то превосходство германской авиации и оперативное использование немцами своих подвижных соединений оказались бы весьма эффективными, если не решающими, но во всяком случае «первое столкновение с главными силами противника создало бы совершенно новую обстановку»[24] и немецкому командованию было бы значительно труднее пробиться к морю и, отрезав три армии левого фланга, запереть их в котле Лилль — Дюнкерк.

Оперативный план, который с самого начала был рассчитан на окружение трех армий противника при создании по рубежам рек Эн и Соммы постоянно удлиняющегося фронта сковывающей группировки, можно было теперь осуществить почти без всяких трудностей. В военной истории он будет расцениваться как начало новой эпохи военных операций. Причина неполной удачи этого плана заключалась, собственно, не в способах его

осуществления, а в принятии непродуманных решений.

Таким образом, Дюнкерк не был критическим моментом кампании.

Какие средства требовались для того. чтобы завершить уничтожение окруженных армий северного крыла англо-французов, было вопросом чисто тактической целесообразности. Из боязни, что танковые дивизии будут скованы в своих действиях на труднопроходимой местности, а также под влиянием Геринга, внушавшего ему, что авиация одна сможет справиться с задачей уничтожения окруженной группировки противника, Гитлер приказал ввести в бой недостаточные в тактическом отношении силы. Немалую роль сыграло при этом и то, что он недооценил опасность, возникшую в связи с уходом с материка основной части сил британского экспедиционного корпуса, и переоценил боевую мощь французских армий, находившихся на рубеже Соммы и Эн. Эта ошибка, не повлиявшая на развитие событий во втором периоде французской кампании, имела, однако, в стратегическом отношении очень большие последствия.

Немецкая армия, поддерживаемая авиацией, завоевавшей себе полное господство в воздухе, настолько превосходила по своим силам французскую армию, потерявшую около двух пятых своих лучших дивизий и ослабленную за счет выхода из строя армий Бельгии, Голландии и Англии, что в кампании во Франции так и не возникло определенных критических моментов, которые потребовали бы принятия новых решений.

После 5 июня немецкому командованию пришлось принять только одно оперативное решение, которое ускорило поражение французской армии. После того как 6 июня в районе Перонна удался прорыв танковой группы Клейста, а 11 июня — прорыв танковой группы Гудериана, немецкое командование решило примкнуть танковую группу Клейста к танковой группе Гудериана, оттянув ее на юго-восток, и расширить клин, вбитый в разорванный фронт французов, до 100 км, направив его острием на юг. Перевес сил у немецкой армии был тогда настолько велик, что французские войска, находившиеся на Сомме, были разгромлены, а группировка французов, оборонявшая линию Мажино. была окружена и разгромлена.

Молниеносная война, которая не удалась

Ошеломляющий успех войны на Западе привел Гитлера к убеждению, что такой же успех будет обеспечен ему и в войне против Советского Союза. Все оперативные соображения при этом были отодвинуты на задний план соображениями психологическими. «Следует ожидать, — говорил Гитлер в беседе с командующими армиями 5 декабря 1940 года, — что русская армия при первом же ударе немецких войск потерпит еще большее поражение, чем армия Франции в 1940 году».[25] В другом разговоре с командующими армиями, происходившем 9 января 1941 года, он дополнил это высказывание, заявив, что «русские вооруженные силы представляют собой глиняный колосс без головы. У них нет хороших полководцев, и они плохо оснащены, но недооценивать их нельзя. Целью операций должно явиться уничтожение русской армии, захват важнейших и разрушение остальных индустриальных районов, кроме того, должен быть захвачен район Баку».[26] На основании этого убеждения возникла директива № 21 от 18 декабря 1940 года — «План Барбаросса», в первом абзаце которой говорилось: «Немецкие вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы… победить Советскую Россию путем быстротечной военной операции».

Здесь не место анализировать, правильной ли была оценка способности Советского Союза к сопротивлению, которая была сделана на основе материалов, имевшихся тогда в распоряжении немцев. Германский генеральный штаб был настроен более скептически. Оперативные планы, как и в трех предыдущих военных походах, строились на предположении, что «с первого же столкновения с главными силами противника немецкой армии удастся на протяжении длительного периода времени диктовать ему свою волю».

Цель первых операций, согласно директиве № 21, заключалась в следующем: «Центр тяжести операции на театре военных действий, разделенном болотами реки Припяти на северную и южную половины, нужно наметить севернее реки Припяти. Здесь следует развернуть две группы армий. Южной из этих двух групп, образующей центр общего фронта, предстоит задача с помощью особо усиленных танковых и моторизованных войск… уничтожить русские вооруженные силы, находящиеся в

Белоруссии. Таким образом, должна быть создана предпосылка для поворота крупных подвижных сил на север с тем, чтобы во взаимодействии с группой армий «Север», наступающей из Восточной Пруссии в направлении Ленинграда, уничтожить войска противника, действующие в Прибалтике. *Лишь после выполнения этой важнейшей задачи,* за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует продолжать наступательные операции по овладению важнейшим военно-индустриальным центром и узлом коммуникаций — Москвой. *Только неожиданно быстрое подавление сопротивления русской армии позволит преследовать обе цели одновременное.*

В соответствии с «Планом Барбароссы» группе армий «Юг» в директиве от 31 января 1941 года были поставлены несколько видоизмененные задачи, заключавшиеся в том, что «своим сильным левым крылом она должна продвигаться под прикрытием подвижных войск в общем направлении на Киев, уничтожить русские силы в Галиции и в Западной Украине до отхода их за Днепр и своевременно захватить переправы через Днепр в районе Киева и южнее для продолжения операций по ту сторону Днепра».[27]

Гитлер был уверен, что с началом первых операций, как и в предыдущих кампаниях, ему удастся разбить основные силы русской армии и получить в результате этого полную свободу действий. Когда после первых операций этого все же не произошло, в войне настудил первый большой кризис. Правда, операции всех трех групп армий, и особенно на направлении главного удара — в центре общего фронта, — прошли успешно, но они не привели ни к быстрому уничтожению всех вооруженных сил противника, ни к подавлению морального духа и мужества войск Красной Армии, на что Гитлер так надеялся. Части и соединения русских войск продолжали стойко сражаться даже в самом отчаянном положении.

Тогда-то и случилось, что верховное командование сухопутной армии вынуждено было прекратить разговоры о первоначальном плане решающих операций, предусматривавшем обеспечение «важнейшей задачи — уничтожение северной группировки противника и захват Ленинграда». а также «полное уничтожение русских войск, находящихся на Украине».

Поскольку немецкая армия не смогла до 10 июля нанести войскам противника сокрушительный удар в полосах действия

групп армий «Юг» и «Север», а только отбросила их назад и лишь в центре в ходе последовательных окружений в районах Белостока и Минска уничтожила основные силы противника, вопрос о продолжении операций потребовал принятия нового решения, которое Гитлер еще 4 июля назвал *труднейшим* в этой войне.[28] Выработка его затянулась на целых шесть недель. Оно обсуждалось посредством письменного и устного обмена мнениями, в котором уже тогда обнаружились разногласия между Гитлером и главным командованием сухопутной армии, однако они еще не были так остры. Необходимость в этом решении проявилась с наибольшей силой, когда в конце июля группа армий «Юг» уничтожила в Уманском котле силы Красной Армии, находившиеся на Украине западнее Днепра, и когда было сомкнуто кольцо окружения в районе Смоленска, а группа армий «Север», обеспечивая свое наступление активными действиями правого фланга, дошла до города Луги и стала готовиться к наступлению на Ленинград. И все же немецкое командование не сумело вывести свои войска на оперативный простор. 3-я танковая группа, которая, согласно первоначальному плану, должна была наступать на южном фланге группы армий «Север», оказалась скованной в районе севернее Смоленска, а 2-я танковая группа вынуждена была помогать правому крылу группы армий «Центр», застрявшему в районе Рославля. Кроме того, выяснилось, что танковые соединения нуждаются в отдыхе и пополнении, на которые уйдут две-три недели. Принятие решения пришлось отсрочить еще раз. Гитлер по-прежнему упорствовал, заявив, что на первом месте по важности стоит Ленинград, на втором месте — Юг и лишь на третьем месте — Москва. Со своей стороны главное командование сухопутной армии всеми средствами стремилось, используя активную поддержку Иодля, убедить Гитлера в ошибочности его мнения. В оперативной сводке от 10 августа Иодль довольно ясно выразил свою точку зрения, что «по сравнению с важнейшей целью — уничтожением сильнейшего противника перед фронтом группы армий «Центр» и захватом Москвы — все остальные довольно заманчивые оперативные возможности соседних групп армий отступают на задний план».[29] Он предлагал предпринять в конце августа общее наступление на Москву, имея полевые армии в центре, а танковые группы — на крыльях. Согласно этому, группы армий «Юг» и «Север» должны были сначала «опрокинуть оборону противника в своих полосах с расчетом на то, что в дальнейшем они будут эффективно поддержаны группой армий «Центр», которая, осуществив наступление на Москву, перейдет к преследованию отходящего противника».

В этом же смысле главное командование сухопутной армии внесло 18 августа и свое предложение: продолжать операции группы армий «Центр» во взаимодействии с группами армий «Юг» и «Север» — и выдвинуло в качестве оперативной задачи группы армий «Центр» «уничтожение находящихся перед ней крупных сил противника и прорыв фронта обороны русских». Главное командование подчеркивало, что боеспособность подвижных войск допускает их ввод только в решающий момент операции, и указывало, что для продолжения операций группа армий «Центр». учитывая условия климата, имеет в распоряжении только два месяца: сентябрь и октябрь. Усилия группы следовало направить на достижение только этой цели. Все другие частные задачи, не имеющие решающего тактического значения, не должны были отвлекать внимание от главного. «В противном случае, — говорилось в предложении, — у группы армий «Центр» может не хватить сил и времени на то, — чтобы еще в этом году уничтожить основную часть живой силы противника, а это должно быть главной целью верховного командования».[30]

В то время как его военные советники (даже в главном штабе вооруженных сил) придерживались того основного \77 — карта \ принципа, «что уничтожение неприятельских вооруженных сил — первенствующая и преобладающая цель из всех, которые могут преследоваться на войне»[31}, Гитлер опять выдвигал на первый план идеологические соображения (Ленинград — крепость большевизма) и экономические цели (индустриальные центры на Украине и источники нефти на Кавказе, «которые следует по крайней мере изолировать от противника»). Он не мог понять того, что «нельзя ставить главное наступление в зависимость от хода действий в соседних районах» и что «направленное на сокрушение противника наступление, у которого не хватает смелости лететь стрелой прямо в сердце неприятельской страны, никогда не достигнет своей цели»,[31] Гитлер опять выдвигал на первый план идеологические соображения (Ленинград — крепость большевизма) и экономические цели (индустриальные центры на Украине и источники нефти на Кавказе, «которые следует по крайней мере изолировать от противника»). Он не мог понять того, что «нельзя ставить главное наступление в зависимость от хода действий в соседних районах» и что «направленное на сокрушение противника наступление, у которого не хватает смелости лететь стрелой прямо в сердце неприятельской страны, никогда не достигнет своей цели».[32]

20 августа он отклонил оперативный план главного командования сухопутной армии с той мотивировкой, что «наступление на Москву и сосредоточение на этом направлении крупных сил не имеют для него такого значения, как вывод из строя предприятий русских промышленных центров или их захват для использования в собственных целях».

Вопрос о выделении части сил из группы армий «Центр» для оказания помощи группе армий «Север» в овладении Ленинградом был обойден молчанием, потому что для этого не имелось достаточных сил. Группа армий «Центр» продолжала обороняться. Действовавшие на южном крыле группы армий «Центр» 2-я армия и 2-я танковая группа были оттянуты в южном направлении, чтобы во взаимодействии с группой армий «Юг» уничтожить находящегося перед ней противника. Правда, в сражении за Киев, длившемся до 26 сентября, было уничтожено несколько русских армий, взято в плен 665 тыс. человек, захвачено 3718 орудий и 884 танка. Но зато какой ценой!

Наступление на Москву, начатое 2 октября, остановилось. войска не достигли своей цели. Армиям, наносившим удар на юге, удалось лишь на некоторое время овладеть Ростовом-на-Дону, который уже в конце ноября пришлось отдать обратно. В руках противника продолжал оставаться и Ленинград. Более того, русские войска оказались достаточно сильными, чтобы вместе с резервами, подтянутыми с Дальнего Востока, перейти на центральном участке фронта от обороны к контрнаступлению. Меч возмездия был обнажен. «Быстротечная операция», в ходе которой Советская Россия «должна была быть побеждена», провалилась; вызвавший поначалу столь большие споры оперативный план оказался несостоятельным после «первого столкновения с главными силами противника». Не смог также и «полководец… постоянно придерживаться своих основных целей, не поддаваясь влиянию меняющейся обстановки»,[33] потому что «полководцем» в данном случае была целая корпорация, имевшая два противоположных полюса, в которой относительно «основных целей» с самого начала не было никакого согласия.[34]

Немецкой армии благодаря железной воле Гитлера и ценой больших потерь в людях и технике все же удалось воспрепятствовать русским, надеявшимся в ходе своего контрнаступления добиться уничтожения сил немецкого Восточного фронта, осуществить свои планы.

Безыдейность руководства войной

В 1942 году немецкое командование, учитывая общую стратегическую обстановку, еще раз попыталось добиться окончательной победы на Востоке. Однако ввиду значительной протяженности фронта сил. необходимых для наступления на всех трех направлениях, было недостаточно. На операцию, начавшуюся 28 июня 1942 года, Гитлер с самого начала наложил печать двойственности, характерной для его мышления. Он пытался объединить экономические и военные цели и вдобавок стремился к захвату двух совершенно различных районов — Сталинграда и низовьев Волги, с одной стороны, и нефтяного района Кавказа — с. другой. Однако успехи в овладении индустриальными районами России могли быть действительно прочными только в том случае, если, продвигаясь в этих направлениях, немецкая армия решительным ударом разбила бы войска русского южного фронта. В результате наступления, начавшегося с рубежа Курск — Таганрог, к концу июля от противника была очищена вся излучина Дона от Ростова до Воронежа, но, несмотря на тяжелые потери русских, немецким войскам нигде не удалось окружить значительные силы русских, как это было в предыдущем году. Русское командование научилось искусно уклоняться от окружения. Отсутствовали «орудия и пленные как подлинные трофеи победы и как ее мерило, ибо в их количестве отражаются с полной несомненностью размеры победы».[35]

Когда в конце июля правое крыло немецкой группы армий «Юг» переправилось в районе Ростова и восточное него через Дон и устремилось к нефтеносным районам на северных отрогах Кавказских гор, до которых оставалось 350–750 км, когда 6-я армия фронтально, а 4-я танковая армия, ослабленная передачей части сил своим южным соседям, с юга начали наступление на Сталинград, имелась ли тогда возможность добиться решающего военного успеха, который обеспечил бы и облегчил захват областей, имеющих важнейшее экономическое значение для Советского Союза? Если такая возможность вообще существовала, то ее следовало искать на северном участке фронта наступления. Чисто теоретическим вопросом, выходящим за рамки данной статьи, является и вопрос о том, сумело бы немецкое командование организовать оборону по нижнему течению реки Дона и, сосредоточив свои силы, начать наступление на север с

целью глубокого охвата и уничтожения русских войск центрального фронта? В конце июня ясно было только одно. что ни на пути к Кавказу, ни при наступлении на Сталинград немецкая армия нигде не встретила основных сил русских войск и не нанесла им решающих ударов. Сверх того, ведение одновременно двух, операций привело к тому, что немецких сил не хватало ни для овладения важнейшими нефтяными районами, ни для захвата и прочного удержания Сталинграда и берега Волги. Таким образом, и эта операция ввиду ее противоречивости не достигла своей цели. Впрочем, она не имела бы успеха даже и в том случае, если бы в результате ее немецкой армии удалось захватить Сталинград и продвинуться до Грозного. Дело в том, что наступательная мощь немецкой армии иссякла, да и сама армия, как и армии сателлитов Германии, была слишком слаба даже для того, чтобы на 2000-километровом фронте, от Кавказа до Воронежа, выдержать натиск русского контрнаступления. Когда в конце июля было принято решение и в дальнейшем преследовать две цели, исход войны со всеми его последствиями был окончательно предрешен.

Сделать правильные выводы о наступлении, не удавшемся в отношении военных и экономических целей, можно было еще в октябре — ноябре 1942 года. Недостатка в предостерегающих сигналах не было. Наличие у русских достаточных резервов, чтобы на многочисленных участках центрального и северного фронтов наносить отвлекающие удары и тем сковывать крупные силы немецких войск, а также постоянное уклонение русских от решающих действий указывали на то, что сопротивление противника на юге не было сопротивлением из последних сил. Германское командование не могло не знать, что армии сателлитов — Румынии, Италии и Венгрии, — которые на Дону прикрывали растянутый фланг немецкой армии между Сталинградом и Воронежем, не смогут отразить интенсивные удары русских. Если в ноябре 1941 года еще имелась какая-то надежда добиться решающего успеха, если тогда Гитлер и его военные советники, рискуя прозевать кульминационный пункт наступления, проводили наряду с отвлекающим ударом на Киев еще и наступление на Москву, то для того, чтобы вести бесплодные операции теперь, осенью 1942 года, на таком растянутом до предела фронте, не было никаких оснований. Пора было, наконец, понять, что сломить силу русских сможет только оборона и что к ней нужно перейти сознательно и добровольно, не дожидаясь того момента, когда она станет вынужденной.

После того как в середине марта 1943 года был преодолен тяжелый кризис на южном участке фронта благодаря тому, что продвинувшиеся до Запорожья войска «юго-западного фронта» русских были отброшены назад, на повестку дня снова стал вопрос о том, каким образом продолжать начатые операции. Обстановка была крайне напряженной: под Сталинградом осталась вся 6-я армия; три армии союзников Германии оказались разгромленными; глубоко вдававшиеся в расположение русских бастионы Ржев — Вязьма и Демянск в течение февраля — марта были эвакуированы, для того чтобы высвободить, наконец, столь необходимые для командования резервы; кончился период распутицы, давший обеим сторонам некоторую передышку. Нужно было действовать. То, что напрашивалось еще осенью 1942 года, стало совершенно необходимым после тяжелых потерь, понесенных зимой. Сейчас нужно было организовать эластичную оборону, которая при использовании захваченного предполья дала бы немецкой армии возможность своевременно уклониться от мощных ударов русских и использовать всякий благоприятный случай, чтобы контрударами, рассчитанными во времени и пространстве, разбить силы противника, как это уже удалось южнее Харькова. Для этого было нужно, чтобы во всех группах армий имелись достаточные резервы, и в первую очередь резервы подвижных войск. Предпосылок для такого ведения операций весной 1943 года было вполне достаточно.

Но Гитлер стремился к большему и в этом стремлении встретил поддержку начальника генерального штаба и нескольких представителей высшего командования Восточного фронта. Правда, ему было ясно, что осуществить решающее наступление летом 1943 года уже невозможно. Но он надеялся, что, даже находясь в обороне, немецкая армия в кампании 1943 года сумеет остаться в выигрыше. Его оперативный приказ от 15 апреля 1943 года, предусматривавший наступление с ограниченной целью на Курскую дугу, гласил:

«Я решил, как только позволят условия погоды, осуществить первое в этом году наступление «Цитадель»

Это наступление имеет решающее значение. Оно должно быть осуществлено быстро и решительно. Оно должно дать нам инициативу на весну и лето.

Поэтому все приготовления должны быть осуществлены с большой осторожностью и большой энергией. На направлениях

главного удара должны использоваться лучшие соединения, лучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления.

Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира».

Цель этого наступления состояла в том. чтобы «массированным и быстро нарастающим ударом одной армии из района Белгорода и одной армии из района южнее Орла окружить и в ходе концентрического наступления уничтожить силы противника, находящиеся в районе Курска».

Конечная цель операции состояла в ликвидации выступа и в выходе на линию восточное Курска. Для наступления с других фронтов были сняты почти целиком все резервы и значительно увеличен фронт соединений, оставшихся в обороне. В результате удалось создать две группировки из пятнадцати танковых и двадцати трех пехотных дивизий. Это наступление, которое первоначально планировалось предпринять внезапно сразу же после окончания периода весенней распутицы и которое было одобрено со стороны командиров, можно было бы считать оправданным, если бы первоначальный замысел был осуществлен до конца. Но в действительности, главным образом по техническим соображениям, поскольку Гитлер упорно настаивал на применении 300 новых танков «Тигр» и «Пантера», наступление было отложено до июля. Таким образом, несмотря на все меры предосторожности, момент внезапности обеспечить не удалось. Поэтому русские успели весьма основательно укрепить этот участок фронта.

В результате наступление, начавшееся 5 июля, в оперативном отношении было абсолютно неудачным, а в тактическом отношении дало лишь незначительные успехи на севере и весьма значительные, но не решающие — на юге. Вдобавок к этому русские сумели создать не только сильную оборону на участке наступления, но и накопить восточнее и севернее Орла настолько крупные резервы, что уже на шестой день немецкого наступления ударили во фланг и тыл северной ударной группировке 9-й армии. Под угрозой окружения 9-я армия вынуждена была через три дня боев прекратить наступление, отойти на исходные позиции и бросить основную массу своих сил для отражения ударов русских войск восточнее и севернее Орла.

Неудавшееся наступление, которое должно было «дать в руки немцев инициативу на весну и лето», окончилось тем, что инициатива теперь окончательно и при тяжелых обстоятельствах перешла в руки противника, а имевшиеся у немецкой армии крупные резервы оказались если не израсходованными, то все же значительно ослабленными.

Потребовалось почти три месяца, чтобы отвести немецкие войска южного и центрального фронтов, потерпевшие большие неудачи и поражения, на новый оборонительный рубеж по Днепру. Ни у кого не было сомнений, что краткая передышка в начале октября сделана русскими только для того, чтобы пополнить свои дивизии.

Немецкое командование должно было теперь решить, окажется ли армия Восточного фронта способной вести активную оборону на достигнутых ею рубежах, и если да, то имеются ли возможности создать лучшие условия для проведения операций? В стратегические планы верховного командования, конечно, не входила добровольная сдача территорий, как это имело место, например, на юге. Оно опасалось, что Турция изменит свою нейтральную позицию, и хотело, чтобы фронт проходил как можно дальше от жизненно важных для армии румынских нефтяных районов. Наконец, после выхода Италии из лагеря стран оси оно не намерено было давать аналогичный повод и своим союзникам из Юго-Восточной Европы. Но какая польза была, в том, что, исходя из этих требований, немецким войскам была поставлена такая задача, для решения которой у них не было сил, и противник мог вынудить их к тому, что они не желали делать добровольно? Никакой, кроме упадка морально-боевого духа собственных войск и значительного ослабления всего военного аппарата.

Чтобы создать на фронте более сносную оперативную плотность, нужно было эвакуировать из Крыма все равно ненужную там германо-румынскую армию и отвести войска на линию Николаев — Киев, что сократило бы фронт на 200 км и обеспечило бы армии те резервы, без которых она не могла успешно вести оборону. Сокращение фронта лишило бы противника возможности провести операцию по охвату выступающего на восток южного фланга немецких войск.

Гитлер пренебрег подобными соображениями и решил начать

действия на старых позициях.

Зима 1943/44 года окончилась тем, что фронт, растянутый от Финского залива до Крыма, был прорван в четырех местах: на севере после прорыва по обе стороны от Ленинграда линия фронта переместилась к старой границе прибалтийских государств; на стыке между группами армий «Север» и «Центр» прорыв в районе Неволя привел к глубокому вклинению русских между двумя группами армий, в результате которого русские оказались у Полоцка; на стыке групп армий «Центр» и «Юг» возникла оперативная брешь, которая была пробита в конце октября в районе севернее Киева и ликвидирована лишь в апреле 1944 года уже на 400 км дальше к западу в районе Ковеля; группа армий «Юг» была отброшена до Карпат и своим южным крылом удерживала только большой плацдарм в устье Дуная. опирающийся на нижнее течение Днестра.

В распоряжении немецкого главного штаба вооруженных сил, несмотря на серьезность обстановки на театрах военных действий в Африке, а затем в Италии и на Балканах, вплоть до весны 1944 года имелся нетронутый резерв — оккупационная армия во Франции. Правда, использование части этих сил существенно не изменило бы положения на Востоке. где война буквально пожирала войска, но оно могло настолько смягчить катастрофические последствия поражений немецкой армии, что ни одно из русских наступлений не смогло бы окончательно разбить армию Восточного фронта. Приближалась развязка. Готовилось вторжение. Если стать на точку зрения тогдашнего верховного командования, которое весной 1944 года еще не считало войну проигранной, то его план — сначала отразить вторжение на западе, а затем, используя этот успех, развязать себе руки в тылу и всеми силами обрушиться на русских — представляется весьма логичным, ибо в этот период, как никогда, нужно было ослабить противника на Востоке, планомерно используя для этого «более сильную форму борьбы», и ни при каких обстоятельствах не допускать дальнейших катастроф с армиями Восточного фронта. Поэтому немецкой армии следовало поставить такую задачу, которая была бы для нее в пределах выполнимого. Она была не в силах удерживать огромный фронт от Черного моря до Финского залива с оставшимися на нем после зимней кампании большими выступами, где немецкие войска прямо-таки подставляли себя под окружение. Нефтяной район Плоешти был бы достаточно защищен с суши, если бы армии южного фронта удалось отвести в узкий район между дельтой

Дуная и Южными Карпатами. В центре Восточного фронта требовалось втянуть выступавшую далеко на восток дугу Бобруйск, Могилев, Орша, Витебск. Полоцк, срезав ее по хорде, образуемой рекой Березиной. Для обороны этого нового рубежа было бы достаточно двадцати дивизий из тех тридцати, которые с трудом обороняли выступ. Наконец, надо было подумать о том, чтобы отвести фронт группы армий «Север» до Двины, несмотря на то, что по политическим мотивам и из соображений морской стратегии это было крайне нежелательным.

Определить степень эффективности подобных мероприятий для удержания фронта летом 1944 года не представляется возможным. Ясно одно, что группы армий «Центр» и «Южная Украина» в результате этого избежали бы тех катастроф, первая из которых, заключалась в том, что войска группы армий «Центр» были отброшены назад до границы Восточной Пруссии, а вторая — в том, что русские одним рывком продвинулись до Венгерской низменности.

Если предпосылка для катастроф, происшедших летом 1944 года, заключалась уже в решении удерживать фронт таким, каким он был весной этого года, то осуществлению русских замыслов способствовало и то. что немецкое верховное командование исходило из предвзятого мнения, что главный удар противника будет направлен против группы армий «Северная Украина» с целью отбросить ее к Карпатам и разорвать весь Восточный фронт. От этого предвзятого мнения командование не отказал ось даже тогда, когда в середине июня на участке группы армий «Центр» против дуги фронта от Бобруйска до Витебска стали заметны явные признаки развертывания крупных сил противника. Исправить эту ошибку в оценке сил противника было уже невозможно. Прежде чем удалось перебросить по железной дороге (нехватка горючего вынудила к использованию этого вида транспорта) достаточные силы из группы армий «Северная Украина» на участок группы армий «Центр», ее фронт, оборонять который ей было приказано, несмотря ни на что, был прорван в нескольких местах, поэтому из котлов в районе Бобруйска, а также восточное Минска и Витебска вышли лишь остатки 3-й танковой, 9-й и 4-й армий. Этот первый решающий успех русских нарушил и без того крайне неустойчивое равновесие. У всех остальных групп армий пришлось взять часть сил, чтобы уже на границе Восточной Пруссии, у Нарева и в среднем течении Вислы кое-как заполнить брешь шириной более 200 км. Теперь русским было легко прорвать в середине июля фронт группы армий

«Северная Украина» и, отбросив ее к р. Сан и к Карпатам, нанести в конце августа сокрушительный удар группе армий «Южная Украина» так, что лишь остаткам ее сил удалось спастись бегством через Карпаты.

После того как это произошло, необходимо было задержать мощное наступление русских как можно дальше к востоку. Это значительно облегчило бы обстановку, особенно в начальной стадии русского наступления, если бы к тому же Гитлер принял постоянно предлагавшееся ему решение отвести группу армий «Север» за Западную Двину и за счет этого выкроить себе новые резервы. Это решение, однако, не было принято вначале из-за Финляндии, затем из соображений морской стратегии и, наконец, когда эти мотивы стали уже неубедительными ввиду потери Финского залива, просто из пустого упрямства Гитлера.

Летом 1944 года немецкому верховному командованию в последний раз представилась возможность, исходя из обстановки и соотношения сил, добиться определенных успехов в обороне на Восточном фронте, проявив достаточную гибкость в руководстве боевыми действиями своих войск,

Но после потерь, понесенных в летне-осенней кампании 1944 года, и после того, как союзникам удалось осуществить вторжение, предпосылок для успешного ведения даже оборонительных действий у немецкой армии не осталось совершенно. В течение последних девяти месяцев до капитуляции было сделано много оперативных ошибок, в результате которых пролилось много лишней крови. Общая обстановка на всех театрах войны приближалась к той, которая сложилась в начале июня 1940 года во Франции: в военном отношении она была непоправимой. Немцы уже не могли надеяться на такие критические моменты, которые потребовали бы принятия новых оперативных решений, ведущих к известному успеху. Вопрос о том, не лучше ли было бы ради усиления немецкой армии на Востоке отказаться от наступления в Арденнах, обреченного на неудачу из-за громоздкости своих оперативных задач, и перебросить использовавшиеся там силы на Восточный фронт, относится уже к области стратегии, то есть к вопросам, связанным с общим руководством войной.

Если рассматривать весь ход войны с точки зрения оперативного руководства на отдельных театрах, не принимая во внимание (по недостатку места) событий, происходивших после

1941 года на юге и западе, то становится совершенно очевидным, что все операции носили такой же характер, что и на востоке (слишком долгое удерживание позиций у Эль-Аламейна, отказ от эвакуации Туниса, неоправданно упорная оборона отдельных пунктов во время вторжения и т. д.).

Непреложные законы войны немецкое командование могло игнорировать до тех пор, пока оно опиралось на необычное превосходство в командном составе, вооружении и боевой подготовке, а также на многократное превосходство морально-боевого духа своей армии, которое оно умело искусно использовать. Когда же эти предпосылки постепенно отпали, война снова стала «нормальной».

Признать это Гитлер не хотел. Если в операциях первых лет войны большую роль играла смелость войск, о которой сам Клаузевиц говорит, что «на войне у смелости особые привилегии», что «сверх учета пространства, времени и сил надо накинуть несколько процентов и на нее»,[36] то с 1942 года появилась ложная смелость, которая, чтобы не выразиться еще более сильно, по словам Клаузевица, заключается в том, чтобы «дерзать против природы вещей, грубо нарушая законы вероятности».[37] Операции немецкой армии были в конце концов лишены всякой разумной основы, а руководящие ими лица были скованы в своих действиях. Поэтому они были заранее обречены на провал.

ЛИТЕРАТУРА

Greiner H., Die Oberste Wehrmachtfuhrung 1939–1943, Wiesbaden, Limes Verlag, 1951.

Paget R., Manstein, seine Feldzuge und sein ProzeB, Limes Verlag, Wiesbaden.

Plettenberg M., Guderian. Hintergrunde des deutschen Schicksals 1918–1945, ABC–Verlag, Dusseldorf.

Генерал-фельдмаршал в отставке Альберт Кессельринг

Война в бассейне Средиземного моря

Сегодня, когда наш разум с быстротой молнии постигает мировое пространство и его геополитическое, политическое и военное значение и связи, мы уже почти не представляем себе, каким узким был наш кругозор в продолжение десятилетий, предшествовавших второй мировой войне. Даже наша маленькая Европа вызывала у нас благоговение своими громадными, да что там, — бесконечными просторами. В то время как другие народы в течение целых столетий пытались покорить мир, мы, немцы, воевали внутри своих границ и наряду со многим другим теряли перспективу, теряли возможность предвидеть грядущее. В этом виновны не одни мы. Континентальное положение нашего народа, окруженного подчас враждебными ему державами, вынудило нас быть осторожными и ограничиваться концентрацией своих сил главным образом для защиты от Востока и Запада. Немецкие генералы, привыкшие смотреть в этом направлении, стали в ходе истории виртуозами ведения только континентальной войны. В этом ничто не изменилось даже тогда, когда развитие техники позволило нам создать мощный военно-морской флот и такую же авиацию.

Чем был для нас, немцев, Средиземноморский бассейн? Страной, куда мы мечтали совершить поездку; районом, где когда-то происходили величайшие исторические события; рынком сбыта да, может быть, такой областью, где можно найти союзников, которые могли бы обеспечить защиту границ Германии с юга.

Война 1914–1918 годов, после того как уже в самом ее начале Германия потеряла свои колонии, стала чисто континентальной. Осторожное проникновение немцев в Средиземноморский бассейн имело целью только защиту южного австрийского фланга, когда в войну против Австро-Венгрии вступила Италия.

В 1939 году в Берлине надеялись, что итальянцы с самого начала будут на стороне Германии. Однако, когда Италия отказалась от этого партнерства, немецкие политики были явно разочарованы. И лишь когда они научились по достоинству ценить те выгоды, которые может при нести воюющему народу соседнее дружественное и невоюющее государство, тогда это разочарование сменилось полным удовлетворением.

Италия своим «сапогом» и островами, расположенными на юге и западе, глубоко вдается в Средиземное море, воды которого в южной части омывали в ту пору берега итальянской колонии в Северной Африке — Триполитании. Италию с ее североафриканскими владениями можно было считать единым целым, коммуникации которого были достаточно защищены мощным итальянским военно-морским флотом и внушительными силами авиации, имевшими достаточное количество морских и воздушных баз. Этими силами Италия в случае войны должна была забаррикадировать пролив между Тунисом и Сицилией, имеющий решающее значение для господства на всем Средиземном море, а также захватить остров Мальту.

Великобритания как вторая держава, сильно заинтересованная в Средиземном море, владела подходами к нему: Суэцким каналом на востоке и Гибралтарским проливом на западе. Благодаря тому что в ее руках находился остров Мальта, она создала себе опорный пункт в самой центральной части Средиземного моря, который имел огромное значение как в оборонительном отношении — для охраны британских морских путей из Гибралтара в Порт-Саид, — так и в наступательном отношении, в качестве постоянной угрозы итальянским морским коммуникациям между метрополией и Триполитанией. На случай войны, в которой Италия и Великобритания выступят противниками, обе страны уже имели первую задачу. Для Италии она заключалась в захвате острова Мальты, для Англии — в его обороне.

С точки зрения сухопутной войны условия обороны итальянской Триполитании были хотя и не идеальными, но и не внушали опасений. Со стороны Египта как места сосредоточения крупных английских резервов на суше, на море и в воздухе ничего не могло угрожать, так как силы обеих сторон разделяла негостеприимная пустыня, а слишком растянутые коммуникации были бы в постоянной опасности. Французская Северная Африка также не могла вызывать опасений, так как французские колониальные войска, как показал опыт, при возникновении войны в Европе были бы сразу же переброшены для обороны метрополии. Усиленные с материка сухопутными, морскими и воздушными силами войска, находящиеся в Триполитании, не должны были встретить особых трудностей.

Эти вопросы никем не поднимались до тех пор, пока к концу

войны Германии с Францией — 11 июня 1940 года — Италия также не объявила Франции войну. Несмотря на то, что уже в течение нескольких месяцев Италию постоянно занимала мысль о войне, для ведения ее она была не подготовлена и не вооружена.

Если очень незначительные первоначальные успехи на итало-французской границе еще как-то оправдывались трудными условиями борьбы в Приморских Альпах, то отсутствие блокады острова Мальты было вообще нарушением правильной идеи войны на средиземноморском театре. Эта кардинальная ошибка явилась с течением времени причиной всех неудач в Северной Африке и на Средиземном море, так как именно на Мальте, господствующей в этом районе и не затронутой военными действиями, и решилась окончательно судьба всей войны в Африке и — я говорю это с полной уверенностью — всей мировой войны.

Было ли значение Средиземноморского бассейна действительно столь решающим?

В мирное время средиземноморские пути играли исключительно важную роль для наций, ведущих по ним торговлю с другими странами. Они оставались открытыми и во время войны до тех пор, пока ни одно государство, располагавшее крупным флотом и авиацией и лежавшее на Средиземном море, не вступало в войну. Для Германии Средиземное море с помощью итальянцев уже в первый год войны стало воротами в мир, откуда она могла получать различное необходимое для войны сырье, которого не было в самой Германии. Для Великобритании оно было кратчайшим путем к источникам силы империи. С вступлением Италии в войну положение изменилось: снабжение держав оси из невоюющих стран почти полностью прекратилось, Великобритания в связи с усиливающейся опасностью вынуждена была использовать наиболее крупные силы для защиты своего жизненного пространства.

Средиземное море приобрело для Германии еще большее значение, когда она отказалась от вторжения в Англию и последняя стала для нее постоянной и все увеличивающейся опасностью. Именно в этот момент, когда уже окончательно сложилось решение не нападать на острова Великобритании, Германия была обязана сделать Средиземное море своим основным стратегическим направлением. Явные преимущества этого заключались в следующем:

1. Господство над Средиземным морем одних лишь морских и воздушных сил оси нарушило бы сообщение Англии со странами Британского содружества наций, и этим самым подвоз предметов снабжения был бы замедлен, а возможно, и значительно сокращен.

2. Гибралтар, Мальта, Александрия и Суэцкий канал не оставались бы в течение всей войны «бревном в глазу» Для Германии. Средиземное море стало бы действительно «mare nostro».[38]

3. С устранением британского влияния в Египте его объединение с державами оси при разумной политике со стороны Германии было бы не проблемой, а вопросом времени. Оно обеспечило бы державам оси базу для широких действий в тылу русского фронта.

4. Несомненно, что Испания, балканские государства, Турция и арабские страны должны были бы открыто высказаться за или против Германии. Можно с уверенностью предположить, что большинство из этих государств стало бы на сторону Германии, так как это представляло для них определенный военный, политический и экономический интерес. Великобритания, таким образом, лишилась бы основы своего владычества.

5. Из схемы на стр. 99 видно, что районов, откуда западные союзники могли организовать наступление на такую обширную территорию держав оси, оставалось бы чрезвычайно мало. Наконец, у союзников в их последующих операциях не было бы такого опыта крупного десантирования, какой они получили на средиземноморском театре.

Короче говоря, недостаточная моральная и материальная подготовленность Италии к войне, возникающие отсюда недостатки в выборе стратегической цели, односторонняя континентальная политическая направленность Германии и связанное с этим игнорирование средиземноморского театра — все это явилось причиной того, что козырь, который обеспечил бы державам оси максимальные шансы на выигрыш, был потерян.

Война в Африке

Наступление войск маршала Грациани в Египте, начавшееся 12 сентября 1940 года, желаемых результатов не принесло. Напротив, итальянцы вынуждены были отступить и оставить 22 января 1941 года Тобрук, а к 8 февраля 1941 года — всю Киренаику. В ходе этого сражения почти все итальянские силы, насчитывавшие до 130 тыс. человек, были рассеяны.

Военная кампания против Албании и Греции, начатая Италией 28 октября 1940 года, вызвала принципиальное несогласие Гитлера. Она вскрыла односторонние политические и экономические интересы Италии, а также показала недостаточное понимание необходимости концентрации всех сил на достижение главной цели войны на Средиземном море — на завоевание Северной Африки. Результаты этой ошибки не замедлили сказаться.

Действия британского военно-морского флота, предпринятые с трех опорных пунктов Великобритании на Средиземном море, которым Италия, несмотря на весь свой современный флот. не сумела дать решительного отпора, постепенно парализовали и без того плохо организованное сообщение между Италией и Африкой.

Для того чтобы восстановить прежнюю обстановку, оба противника должны были найти соответствующие решения.

Великобритания встала (с 1 марта 1941 года) на путь поддержки Греции и этим значительно ослабила себя для продолжения войны в Северной Африке.

Германия оказалась вынужденной, откликнувшись на призыв Италии о помощи в Северной Африке, сформировать немецкий корпус «Африка». Этот корпус после довольно трудной переброски в Триполи (24 февраля 1941 года) начал свой победный марш через Аджедабию (3 апреля 1941 года), Дерну (8 апреля 1941 года) на Эс-Саллум, однако овладеть упорно оборонявшимся Тобруком он не смог. Затем Германия была вынуждена 6 апреля 1941 года (то есть еще до начала войны с Россией) ввести свою армию на Балканы, чтобы после уничтожения югославской армии (с 17 по 27 апреля 1941 года)

предотвратить поражение итальянской экспедиционной армии занятием греческой метрополии до 1 июня 1941 года захватить остров Крит, выбросив там воздушный десант. Англичане наряду с тем. что пострадал их престиж, потеряли также важный опорный пункт в южной части Европы и в Средиземноморском бассейне.

Только что изложенные мероприятия 1941 года показывают, что как у англичан, так и у держав оси существовало стремление обеспечить себе господствующее положение на Средиземном море путем захвата наибольшего количества подходов к нему. Не делая практических выводов из военно-политического соотношения сил, обе державы, предпринимали шаги. которые были лишь паллиативами, не способными вызвать решающих изменений в расстановке сил и не повлиявшими даже на выбор стратегических целей. Однако поражение Великобритании в Египте и Триполитании заставило британское командование понять важность этих целей, что вместе со сменой командования и усилением английских войск сделало их последующие операции более успешными.

Державы оси были удовлетворены невероятно быстрым и грандиозным успехом Роммеля, показавшего свое высокое мастерство в командовании, и ограничились обычными полумерами. Если прискорбная сдержанность Гитлера в отправке сил на Средиземное море была понятной уже ввиду большой потребности в войсках на востоке, то у итальянского командования отсутствовали всякое понимание обстановки и твердая воля действовать в соответствии с ней. Для него война в Северной Африке все еще представляла собой колониальную войну, которая хотя и принимала все более европейские формы, но велась при затрате несравненно меньших сил и средств. Оба партнера имели растянутые и находившиеся под непрестанной угрозой коммуникации. Их немногочисленные армии не были обучены для ведения войны м пустыне и не имели воли добиться решающего исхода на средиземноморском театре военных действий. И все же англичанам было значительно легче, так как они лучше немцев понимали значение средиземноморского театра для ведения войны в целом и вдобавок к тому у них не было забот о каком-то втором театре войны. Британской метрополии уже ничто не угрожало. Что же касается держав оси, то итальянцы уже устали и в глубине души были настроены отрицательно к продолжению борьбы и тем более к мысли о тотальной войне. Немцы в силу континентального склада своего

мышления считали, что они слишком много вложили в войну на востоке, чтобы еще направлять свои силы и средства на средиземноморский театр. В результате всего этого слабые немецкие и итальянские военно-морские и воздушные силы очень быстро потеряли господство на море и в воздухе. Из общего количества итальянских и немецких конвоев в конце 1941 года около 80 % оказались потопленными. О снабжении, отвечавшем требованиям войны, уже не могло быть и речи. Недостаточное снабжение итало-немецких войск и наряду с этим эффективное усиление британских сил вынудили Роммеля 6 декабря 1941 года прекратить бои за Тобрук, после того как в ноябре англичане начали свое давно ожидавшееся общее наступление. В конце декабря 1941 года войска держав оси вынуждены были после вторичной потери Бенгази отойти к Сирту. Долгие, слишком долгие колебания партнеров Германии привели в конце ноября 1941 года к переводу штаба 2-го воздушного флота в Италию. Ему была поставлена задача ударами с воздуха по Мальте обеспечить надежность морских коммуникаций между Италией и Триполитанией. Разрешение вопросов о порядке подчинения в районе военных действий, долгие приготовления немецких эскадр в портах Сицилии, Крита и Греции, а также действующая на нервы затяжка в переброске авиации — все это хотя и позволило значительно снизить потери конвоев (в январе 1942 года потери составили вместо 80 % только 20 %) благодаря концентрированному применению незначительных сил авиации для их охраны, но к полному разрешению проблемы не привело. В этот промежуток времени удалось пополнить немецко-итальянские войска людьми и техникой, так что нанесенный Роммелем 21 января 1942 года с позиций у Эль-Агейла внезапный удар имел полный успех, в результате чего его войска при эффективной поддержке воздушного флота «Африка» к 6 апреля 1942 года достигли Эс-Саллума.

Таким образом, Мармарика[39] опять перешла в руки держав оси.

Существенным для этого периода боевых действий было, между прочим, и то, что обе воюющие стороны снова почувствовали сильный недостаток в снабжении. В период наступления англичане, так же как и немцы, не могли наладить бесперебойное снабжение своей армии, ушедшей вперед на целых 2 тыс. км, в условиях бездорожья, потому что единственная железная дорога, проходившая по Египту, кончалась в 180 км от ливийско-египетской границы. Удивительно, что даже такие

порты, как Дерна и Бенгази, которые были вполне пригодны для стоянки судов, англичане использовали не в полной мере. Державы оси сделали для себя из этого выводы на будущее. Однако этим проблема снабжения не разрешалась: большие расстояния от фронта до двух крупных портов Триполитании (Триполи — 1,5 тыс. км и Бенгази — свыше 500 км) вызывали чрезмерную перегрузку автотранспорта, а перевозка морем была по-прежнему ненадежной.

Существенное улучшение наступило лишь тогда, когда начались воздушные налеты на Мальту. Эти налеты проводились с 2 апреля по 10 мая 1942 года. Теперь стали возможными снабжение воюющих войск в Мармарике, пополнение всех военных складов в Триполитании и подтягивание пополнений и новых соединений. Можно было приступить к выполнению более крупных задач, ставших безотлагательными. К ним относились: *захват острова Мальты* с одновременным нарушением движения английских конвоев из Гибралтара на восток и обратно; *продолжение наступления в Северной Африке* с целью захвата Тобрука и закрепление успехов путем овладения всей территорией итальянской колонии вплоть до границы, а при известных обстоятельствах и до Сиди-Баррани и, наконец, подготовка и проведение наступления для захвата Египта (Александрия, Каир), стабилизация положения держав оси в средиземноморском бассейне и возможное тогда проникновение на Ближний Восток и Кавказ.

Гитлер и Геринг, хотя и рассуждали каждый по-своему, однако оба были противниками захвата Мальты. Лишь в феврале 1942 года командующему войсками Юга было дано разрешение на подготовку и проведение этой операции.

Наступление на Мальту было совершенно необходимо, так как для операции, нацеленной в глубь африканской территории, овладение островом было предпосылкой для организации правильного снабжения армии. Если, несмотря на это, с согласия всех командиров соединений, принимавших участие в операции, было решено сначала предпринять наступление против 8-й британской армии, а затем — наступление на Мальту, то это вызывалось тем, что обстановка на сухопутном театре военных действий существенно изменилась. Наступление, начавшееся 26 мая 1942 года, было в своих начальных стадиях весьма рискованным, но затем 21 июня 1942 года, получив большую поддержку с воздуха, оно привело к быстрому захвату Тобрука и к

большим потерям англичан убитыми и пленными. Этот большой успех войск держав оси, снова поднявший престиж Италии, побудил фельдмаршала Роммеля, наперекор обоснованному возражению главнокомандующего войск Юга, но с личного согласия Гитлера и Муссолини, продолжить наступление до Нила. 3 июля 1942 года он вынужден был остановиться у Эль-Аламейна, когда против потрепанных сил его армии и авиации выступили значительные свежие силы англичан. Недостатки этого наступления были очевидными. Чтобы пополнить свои войска и удержать позиции у Эль-Аламейна, необходимо было значительную часть сил держав оси, предусмотренных для наступления на Мальту, перебросить в Северную Африку. Это было равносильно отказу от вторжения на Мальту; но это означало также, что снабжение африканских войск держав оси и населения итальянской колонии ставится в дальнейшем под вопрос. Средиземноморский бассейн сыграл, даже с точки зрения континентального наблюдателя. свою роковую роль. Единственная коммуникация, Греция — Крит — Тобрук, оставшаяся у держав оси в качестве последней добычи, не могла даже приблизительно компенсировать потребности армии. Из близко расположенного Египта, находящегося под английским господством, наши конвои подвергались все большей опасности нападения флота и авиации противника.

К этой неблагоприятной обстановке, сложившейся на востоке, прибавилась еще не известная по своим масштабам и целям, но все же ощутимая опасность в виде готовившейся в западной части Северной Африки новой крупной операции союзников. Даже самый оптимистический наблюдатель должен был признать, что средиземноморский театр в руках союзников стал козырной картой. Так, в конце 1942 года на средиземноморском театре военных действий поднялся занавес к прологу трагедии Германии.

Теперь своего разрешения потребовали и дальнейшие крупные оперативные проблемы.

Первая проблема касалась обстановки в Египте. Поскольку цели» которые ставили перед собой немцы при движении к устью Нила, достигнуты не были, следовало подумать над тем, что правильнее — наступать или немедленно начать отход. С нашего всеобщего согласия Роммель решился на первое. Позиция у Эль-Аламейна была исключительно хорошо оборудована. Войска были пополнены, и их теперь было больше, чем в предыдущие периоды.

Недостатки в снабжении касались только горючего, но, как показал опыт прошлого, при успешном наступлении запасы горючего можно было легко пополнить из оставленных противником складов и хранилищ. Важно было суметь провести наступление еще до конца августа, то есть в тот момент, когда силы Монтгомери еще не находились в полной боевой готовности. Для продолжения наступления к Нилу имелись довольно веские причины. Поскольку взять Мальту было уже невозможно, нужно было попытаться создать новые коммуникации в восточной части Средиземного моря путем захвата Александрии. К этому прибавлялось и то, что за счет успешного наступления на Востоке можно было разрядить обстановку, складывавшуюся в связи с готовящимся наступлением союзников на Западе. К сожалению, наступление, начавшееся 30 августа 1942 г., не оправдало наши самые минимальные расчеты. Вследствие сильного превосходства англичан в воздухе и обилия минных заграждений войска остановились на первом этапе наступления. Этим был дан исчерпывающий ответ на вопрос о правильности и целесообразности наступления. Было бы лучше либо с самого начала перенести оборону в тыл на позицию у перевала Хальфая, либо достигнуть этого рубежа, ведя сдерживающие бои, чтобы затем организовать здесь прочную оборону.

Решение отдать всю Северную Африку (подобная идея разбиралась наряду с другими) было в то время уже неосуществимо вследствие превосходства противника на море и в воздухе, а также готовящейся им операции в западной части Средиземного моря. С началом наступления Монтгомери (23 октября 1942 года), которое принудило Роммеля к отступлению, думать об эвакуации войск было уже некогда. Однако немецко-итальянская танковая армия смогла в скором времени оторваться от противника так далеко, что ее отход мог совершаться вполне организованно.

Загадка на Западе как второй вопрос, подлежавший разрешению, оставалась неразрешенной вплоть до 8 декабря 1942 года, причем обвинять кого-либо в преступном бездействии нельзя. Навязанная союзниками война нервов оставляла открытыми любые возможности, начиная с прохода их войск через Африку и до высадки десанта в Северной Африке, в Южной Франции. Италии и на ее островах и даже в Греции. Несмотря на самые убедительные просьбы командования, Гитлер отказался помочь корпусу «Африка» и послать в Сицилию достаточно

крупные силы, чтобы в случае высадки противника где-либо в Тунисе или на самой Сицилии иметь возможность оказывать посильное влияние на ход боевых действий. Первая крупная десантная операция союзников на алжирском побережье не встретила, откровенно говоря, никакого сопротивления. Второму воздушному флоту пришлось увеличить радиус действия вплоть до Алжира и, следовательно, сократить соответственно бомбовую нагрузку. Французские войска оказали сопротивление лишь в нескольких пунктах, а затем с переходом Дарлана на сторону союзников и вообще прекратили его. Французские моряки потопили свои корабли в собственных портах. Франция вышла из игры, и державы оси были предоставлены самим себе.

Теперь, как это часто случалось в ходе второй мировой войны, необходимо было сымпровизировать оборону Туниса, представлявшегося нам всегда недоступным раем, и «поддержать» несуществующий мост в Триполитанию к немецко-итальянской танковой армии. То, что это все-таки было осуществлено, представляется нам сегодня почти чудом. Несомненно, что по сравнению с прошлым мы имели тогда решающие преимущества: самый короткий путь из Сицилии в Тунис и Бизерту был в наших руках. К тому же 8-я английская армия все еще находилась на расстоянии 3 тыс. км от Туниса, а не привыкшая к войне англо-американская армия вторжения, помимо больших трудностей, какие она встретила в горах и пустыне, должна была преодолеть расстояние до Туниса, равное 500 км. Но трудности, с которыми приходилось сталкиваться армии держав оси, были еще более серьезными; у итальянских войск уже не было прежнего боевого духа, немецкие войска прибывали очень медленно и в недостаточном количестве. Снабжение продовольствием и материальной частью полностью не отвечало суточному расходу, а транспортные средства в виде кораблей охранения, присланных сюда для пополнения транспортного флота (от крупного судна до парома), даже приблизительно не удовлетворяли ежедневно увеличивающийся спрос. Несмотря на это, удалось создать и удержать предмостное укрепление восточное Туниса, наладить важное для снабжения сообщение с Роммелем и согласовать отход немецко-итальянской танковой армии со строительством оборонительных позиций в Тунисе. Но широко задуманная операция на внутренней линии, то есть против открытого правого фланга экспедиционной армии союзников, а также наступление на 8-ю английскую армию успеха не имели. Таким образом, после ожесточенных, но ставших бесперспективными боев группа армий «Тунис» была вынуждена в ночь с 12 на 13 мая 1943 года оставить

Тунис. 250 тыс. немецко-итальянских солдат попали в плен. Воздушные и морские силы смогли, взяв на борт материальную часть войск, отойти в Сицилию. Фельдмаршал Роммель избежал горького конца — ликвидации этого театра военных действий, — генерал-полковник фон Арним, его негласный преемник, принял на себя это тяжкое бремя.

Борьба за Италию

Взгляд на карту, помещенную рядом, убеждает нас в том, что с потерей Туниса Средиземное море целиком перешло в руки противника, что он открыл ворота в Европу и что действия его авиации и танков-амфибий стали возможными во всех \101 — карта\ направлениях. Над Италией нависла непосредственная угроза вторжения. Следовало ожидать, что народ и армия, уставшие от войны, начнут колебаться. К этому прибавилось еще одно отягчающее обстоятельство — по непонятным причинам итальянцы придавали организации обороны своего полуострова весьма малое значение. Строившиеся немецкими управлениями строительных работ укрепления, сооружение которых форсировалось главнокомандующим войск Юга и итальянским верховным командованием, нигде не соответствовали нормам прочности. Не было достигнуто и какое-либо заметное улучшение в строительстве оборонительных рубежей в Сицилии.

Обстановка с каждым днем становилась все более напряженной. Невероятным счастьем, однако, было то, что союзники, наслаждаясь своей победой, сразу же не начали преследования. Это было не только выгодно, но и внесло ясность в создавшуюся обстановку. Нар яду с концентрацией в Сицилии крупных итальянских сил командованию немецкой армии удалось привести там в боевую готовность еще две немецкие дивизии, в Сардинии — усиленную немецкую дивизию и на Корсике — усиленную бригаду. Кроме того, на всех островах были сосредоточены очень крупные силы авиации. Главнокомандующий немецкими войсками в Италии полагал, что союзники сделают Сицилию своим основным направлением, а вспомогательный удар нанесут по Реджо-ди-Калабрии. Предполагать, что их постигнет неудача при их численности и превосходстве в воздухе и на море, союзники не могли. 10 июля 1943 года, захватив в течение 11–12 июня итальянские острова Лампедузу и Пантеллерию и подавив в результате налетов крупных сил авиации с 19 мая по 11 июня всю противовоздушную оборону острова, союзники силами двух армий, имея около 2800 судов, начали операцию по захвату Сицилии. Однако победа досталась Александеру нелегко. Риск был и на стороне союзников. Боевые действия немецких войск (итальянские дивизии почти полностью выпали из обороны) облегчались тем, что союзники распылили свои силы по всему острову в

совершенно ненужных направлениях. Лишь 17 августа 1943 года под прикрытием сплошной завесы огня зенитной артиллерии немцы покинули остров через Мессинский пролив, захватив с собой всю находившуюся там технику.

В то время когда в Сицилии уже шли бои, 25 июля 1943 года был свергнут Муссолини, и это вызвало сильные колебания в политических и военных кругах Италии, которые, однако, совершенно не отразились на состоянии немецких войск. Но дальнейшее взаимодействие с итальянским командованием и в меньшей степени с итальянскими фронтовыми командирами было во всяком случае значительно затруднено.

Со взятием союзниками Сицилии началось их первое настоящее вторжение на европейскую территорию, которое позволило осуществить широкие операции как против самой Германии, так и против подвластных ей территорий. Но и тут державам оси улыбнулось счастье, ибо союзники не продолжили наступление сразу же до Реджо-ди-Калабрии. Поэтому до 3 сентября 1943 года, то есть до того дня, когда Монтгомери начал переправу через Мессинский пролив, чтобы затем двинуться на Реджо-ди-Калабрию, немецкие войска смогли усилить свои оборонительные рубежи на многих направлениях. Наступление Монтгомери имело целью выяснить, сумеет ли итальянское командование сдержать данное им немецкому командованию слово бороться до последнего солдата. Если бы это было так, то даже превосходящим силам союзников удалось бы захватить итальянский полуостров только с большими потерями и в длительных боях. Однако цели дальнейших действий союзников еще не были ясны. Переправа союзников через Мессинский пролив и наступление против немецких войск в Реджо-ди-Калабрии еще не говорили за то, что борьба велась именно за Италию. Конечно, этого нужно было ожидать в первую очередь. Однако противник мог переправиться и на Балканский полуостров, скажем из Апулии через Адриатическое море, и оттуда начать общее наступление на южное крыло Восточного фронта. Высадка войск союзников в бухте Салерно, начавшаяся 8 сентября 1943 года и сопровождавшаяся высадкой на второстепенном направлении в районе Таранто, должна была развеять последние сомнения. С почти полной уверенностью можно было говорить о том, что союзники собираются осуществить вторжение в Европу через Италию. С занятием Апулии союзники получали в руки такую область, из которой они при наличии тяжелых самолетов могли вести воздушную войну

против южных и юго-восточных провинций Германии. А по достижении долины реки По они получали возможность усилить воздушную войну против южных районов Германии, используя для этого даже легкие бомбардировщики. Это неизбежно отразилось бы на объеме промышленной продукции и на безопасности сообщения внутри страны. В оперативном отношении англо-американцам были открыты ворота на восток и на запад. При продвижении союзников в восточном направлении южное крыло немецкого Восточного фронта оказывалось повисшим в воздухе, а при наступлении через Западные Альпы могло быть очень быстро и легко осуществлено вторжение в приатлантические области Европы.

С выпадением Италии из коалиции стран оси и с высадкой десанта союзников в бухтах Салерно и Таранто положение немецкого командования стало чрезвычайно серьезным. Чтобы найти выход из создавшегося положения, нужна была очень сильная воля. А обстановка складывалась так: немногочисленные немецкие дивизии были расставлены между итальянскими дивизиями для ведения береговой обороны; пять отборных итальянских дивизий находились вблизи Рима и имели задачу поддержать предполагавшийся воздушный десант союзников в районе Рима, атаковать стоявшие там две слабые немецкие дивизии и уничтожить немецкие штабы сухопутных и воздушных сил; более крупные немецкие силы на островах Сардиния и Корсика могли быть легко отрезаны от остальных немецких войск. Ожидать, что главный штаб вооруженных сил пришлет какие-то свежие силы из Север ной Италии, было бесполезно. Последнее означало, что немецкие войска, находившиеся в южной и центральной частях Италии, были своим верховным командованием совершенно сняты со счетов.

Однако насколько благоприятными были предпосылки для союзников, настолько незначительными были их действительные успехи. Немецкому командованию удалось боевыми действиями и инженерно-техническими мероприятиями настолько замедлить продвижение союзников, что последние только в самом конце 1943 года достигли позиции «Густав», центром которой был знаменитый Монте-Кассино. Большинство критических для немецкой армии моментов преодолевалось ею, как например в районе Термоли (3 октября 1943 года), в упорных и кровопролитных боях ввиду сильного превосходства союзников на суше и в воздухе. Выгодным при этом было то, что союзники почти полностью отказались от опережающих морских и

воздушных десантов. Операции союзников по-прежнему проходили без изменений. Это облегчало принятие эффективных контрмер. После устранения неясностей в порядке подчинения войск в Италии путем передачи командования целиком и полностью в руки главнокомандующего войск Юго-Запада оборонительные сооружения в тылу этого района с передним краем, проходящим по Апеннинам между Специей и Римини, а также на побережье Лигурийского и Адриатического морей, были доведены до необходимого уровня боевой готовности.

После нескольких мощных подготовительных ударов с суши и с воздуха, проведенных с начала января до конца Марта 1944 года по позиции «Густав» на участке между Тирренским морем и Монте-Кассино, и после внезапной высадки союзников 22 января 1944 года в районе Анцио, Неттуния союзники начали (12 мая 1944 года) штурм немецкой обороны на рубеже Гарильяно, Монте-Кассино. Англо-американцы мобилизовали для этого наступления все, что могло привести к успеху. Против 26 немецких дивизий, из которых только 18 находились в районе операции, в то время как другие соединения были заняты обороной побережья или выполнением других задач, было выставлено 36 дивизий союзников. Прямоугольное расположение позиций Анцио — Неттуния и «Густав» толкало союзников к мысли об охвате. Сами собой напрашивались параллельные высадки морских десантов в любом месте лигурийского побережья и воздушных десантов в углу, образованном обеими системами позиций.

Главнокомандующий войск Юго-Запада[40] должен был рассчитывать на возможность таких действий со стороны союзников. Правый фланг так называемого «Гарильянского фронта» был не в силах отразить атаки действовавшего на направлении главного удара французского экспедиционного корпуса и не мог устоять перед превосходящими в технике силами американцев. Наступление 6-го американского корпуса с плацдарма Анцио (с 23 мая по 4 июня 1944 года) было успешным. То, что группа армий смогла без больших потерь провести эту чрезвычайно трудную операцию в условиях неблагоприятной местности, можно объяснить только необычайной стойкостью немецких войск и высокими деловыми качествами немецкого командования. Было принято решение сдать Рим без боя, как «открытый город». После сдачи Рима главнокомандующий войсками Юго-Запада мог уже в районе озера Больсена замедлить темп отступления, чтобы спустя некоторое время перейти к

обороне у Тразименского озера. Отступая дальше на север, немецкие армии в начале августа 1944 года достигли заранее подготовленных оборонительных позиций за рекой Ар но, а в середине сентября на высоте гребня Апеннин организовали стабильную оборону на так называемой «зеленой позиции». В конце октября и начале ноября союзники достигли на всем фронте тех позиций, на которых они оставались всю зиму и которые шли от гребня Апеннин юго-западнее Болоньи и далее через долину реки По, где было много удобных для обороны рубежей, до озера Валли-ди-Коммакьо.

В январе — феврале 1945 года тщательный анализ обстановки на всем фронте показал командованию вполне удовлетворительную подготовленность немецких войск к ведению обороны и хорошее моральное состояние войск. Поэтому поставленную немецким армиям задачу — отбивать атаки противника на занимаемых позициях — можно было оставить в силе. Однако было предусмотрено, что в случае необходимости армии должны отступить на более сильные и развитые тыловые позиции. Тем временем проходили дипломатические переговоры между представителями главнокомандующего войск Юго-Запада и начальника службы SS и полиции данного района, с одной стороны, и союзниками — с другой. Они давали основание полагать, что по взаимному соглашению обеих сторон войне на этом фронте скоро будет положен конец.[41]

К сожалению, весной 1945 года было приказано произвести смену высшего командования войск Юго-Запада, которая в данном случае была не простой заменой лиц. так как при этом были нарушены особые секретные политические связи. Начавшееся 5 апреля 1945 года общее наступление союзников имело решающий успех. Капитуляция группы армий, хотя и была уже подготовлена дипломатически, стала теперь практической необходимостью.

Следует отметить, что в этот последний период боевых действий чрезвычайно сильные и распространившиеся повеем фронтам подвижные партизанские соединения сыграли также немаловажную роль в капитуляции всех вооруженных сил Германии. Но нельзя пройти и мимо того факта, что, несмотря на большие потери и крайнее напряжение моральных сил командования и войск, основная их масса боролась до самой капитуляции с предельным мужеством. Капитуляция немецких войск в Италии началась лишь тогда, когда на других фронтах

война уже закончилась. Опасения, что балканская группа армий останется изолированной, не оправдались.

Итог войны на Средиземном море

Как явствует из вышесказанного, значение средиземноморского театра военных действий и его влияние на исход войны в первые годы не понимались никем. В особенности это касается держав оси. Начиная с последних лет войны и особенно в ходе послевоенных дискуссий не было выявлено истинное значение этого театра военных действий.

Союзники объявили итальянский театр военных действий второстепенным с целью связать как можно большие силы держав оси в нерешающих пунктах — фикция, которая после всего сказанного выше не может быть оправданной.

Нельзя забывать, что война на средиземноморском театре военных действий явилась для союзников прекрасной подготовкой к решающему вторжению в Нормандию с последующими за ним маневренными операциями. Приведем всего лишь один пример: американские войска прибыли на североафриканский театр военных действий в ноябре 1943 года, не имея никакого военного опыта, и встретились там со старыми, испытанными в боях соединениями немецкой армии, для которой они могли бы стать весьма легкой добычей. Но с каждым месяцем картина менялась. Несмотря на то, что у американских солдат то и дело проявлялись присущие всем американцам черты характера, действия их дивизий в Тунисе под командованием замечательного генерала Паттона положили начало зарождению «армии больших возможностей». Салерно, Анцио, Неттуния, Апеннины и другие этапы войны в Италии подняли американские войска до уровня высококачественных фронтовых войск. Но нельзя никогда забывать, что американские дивизии располагали самой современной техникой, причем такой мощности и численности, которая для нас, немцев, была дотоле неизвестной.

Итальянцы устали от предыдущей войны с Абиссинией и поняли все значение этого театра военных действий лишь тогда, когда внутренняя сила сопротивления народа была уже сломлена и стало уже очевидным приближение политического кризиса.

Немцы были слишком заняты на других театрах военных действий, чтобы уделять должное внимание отдаленному от них «заморскому» театру военных действий. К этому прибавилось еще

и то, что национал-социалист Гитлер не решался вмешиваться в дела правления дружественного ему государства фашиста Муссолини. Когда Гитлер, наконец, решился, было уже слишком поздно. Немецкая армия могла свободно, не истощая военный потенциал Германии. удержать Триполитанию и даже захватить Египет. Использовав все итальянские военно-морские и воздушные силы при небольшом усилении их немецкой авиацией, державы оси могли бы сравнительно легко завоевать и удержать господство на средиземноморском театре. Тогда захват Мальты не представил бы никаких трудностей и немецко-итальянское командование могло создать все предпосылки для длительного и надежного снабжения своих армий в итальянских колониях. Все это существенно изменило бы ход и, возможно, исход войны. Даже после эвакуации войск из Триполитании было бы возможно удержать Тунис по крайней мере еще год, если к этому времени военные руководители поняли бы стратегическое значение средиземноморского театра для ведения войны в Европе и если бы ему была немедленно оказана помощь со стороны Германии. Так, если бы, например, Тунис пришлось оставить не в мае 1943 года, а весной 1944 года, то эффективных воздушных налетов соединений тяжелых бомбардировщиков союзников на южные области Германии и Австрию можно было ожидать не раньше конца 1944 и начала 1945 годов. Кроме того, можно предположить, что для обороны Туниса в 1943–1944 годах немецких сил потребовалось бы на одну треть больше, но эти силы даже приблизительно не достигли бы численности тех войск, которые в дальнейшем были использованы Германией для ведения войны в Италии. Сэкономленных таким образом пятнадцати немецких дивизий вполне хватило бы для того, чтобы заполнить многие бреши на других театрах военных действий, и они оказали бы существенное влияние на ход боевых действий.

Большие возможности для ведения широких операций представляла как союзникам, так и державам оси восточная часть Средиземноморского бассейна. Удачно проведенные здесь кампании могли бы явиться решающими для исхода всей войны. Однако эти соображения были принесены в жертву нуждам на других театрах военных действий. В остальном действия немецких войск в Средиземноморском бассейне явились шедевром искусства ведения войны на отдельном, автономном театре военных действий. Тесное сплетение сухопутных и морских направлений на весьма ограниченном участке требовало четкого взаимодействия всех родов войск под единым командованием. Как показал опыт, раздельное командование

значительно уменьшало успех боевых действий. Различные природные условия: резкие колебания температуры от морозов до тропической жары, наличие высоких гор. протяженных лесных массивов и карровых полей, больших речных рубежей, впадин и пустыни — требовали от каждого солдата и всех войск в целом такого умения приспосабливаться, которое в такой мере никогда и нигде ранее не требовалось.

В данном анализе опыта войны на Средиземном море недоставало бы самого основного, если бы мы ничего не сказали о немецком солдате, который на своих плечах вынес всю тяжесть этих боев. Был ли то «старик» или семнадцатилетний доброволец, он выполнял задачи невероятной трудности с исключительной храбростью. Немецкий солдат, на протяжении веков тяготевший к южным странам, снова принужден был заплатить кровью за свою попытку овладеть этим районом. Но его борьба была проникнута таким высоким моральным духом, который дал нам веру на будущее в немецкий народ и в его вторичное сближение с итальянским народом.

ЛИТЕРАТУРА

Badoglio P., L'ltalie dans la Guerre Mondiale, Paris, 1946.

Cavallero Q., Commando Supremo, Diario 1940–1943 del

Capodi S. M. G., Rocca san Casiano, 1948.

Rommel E… Krieg ohne HaB, Heidenheimer Verlagsanstalt, Heidenheim.

Churchill W., Die Befreiung Africas, Scherz and Coverts Verlag, Stuttgart — Hamburg, 1948.

Montgomery, Von El Alameinzum Sangro — Von der Normandie zur Ostsee, J. P. Toth Verlag, Hamburg, 1948.

Генерал-полковник в отставке
Гейнц Гудериан

Опыт войны с Россией

Как возник миф о непобедимости русского колосса? Не считая похода Лжедмитрия, в результате которого в начале XVII века польские войска (под руководством самих же русских) дошли до Москвы, Россия за свою историю пережила пять нападений чужеземных армий.

Шведский король Карл XII

Шведскому королю Карлу XII (1682–1718) было 18 лет, когда постоянные угрозы со стороны датчан, поляков и русских заставили его начать войну. «Господа, — сказал он, обращаясь к своим военачальникам, — я решил никогда больше не вести несправедливых войн, но всякую справедливую войну заканчивать только разгромом моих врагов. Мое решение твердо: первый, кто проявит враждебные замыслы, будет атакован, а когда он будет побежден, я надеюсь, и другие противники убоятся нас». Наступление датчан на шурина Карла герцога Голштинского дало повод к войне. Этот конфликт принял большие размеры в связи с выступлением на стороне датчан саксонских, бранденбургских, брауншвейгских и гессенских войск, а на стороне шведов — войск Англии и Голландии. 8 мая 1700 года Карл покинул Стокгольм, а уже 5 августа подписал в Травендале[42] мирный договор с Данией. Боевые действия в этой кампании продолжались только шесть недель.

Между тем польский король Август II Сильный осадил Ригу, а русский царь Петр со своей стотысячной армией шел на Нарву. Однако узнав о приближении Карла, поляки сняли осаду Риги. Благодаря этому Карл получил свободу действий против русских. Во второй половине ноября он подошел со своим 8-тысячным войском к Нарве и 30 ноября 1700 года одержал над русскими блестящую победу.

Август и Петр объединились для совместных действий против победителя, но Карл после кратковременной зимней передышки атаковал саксонцев и поляков, собравшихся на Западной Двине у Риги. Он переправился под прикрытием искусственной дымовой завесы через реку и разбил их. В результате этой победы шведы овладели Польшей, причем неприятности, возникшие у Августа II с польской шляхтой, сильно им помогли. 5 мая 1708 года Карл XII взял Варшаву.

Неутомимый в преследовании разбитых поляков и саксонцев, Карл захватил почти всю Польшу. И тогда он пришел к убеждению, что судьба самым необычным образом хранит его, что само провидение назначило его для свершения величайших подвигов. Ничто не казалось ему слишком трудным. В Альтранштедте он вынудил Августа Сильного заключить мир. Там

же он принял послов почти всех европейских государств, в том числе и герцога Мальборо, предка Уинстона Черчилля. Герцог Мальборо утверждал впоследствии, что Карл XII решил свергнуть русского царя. Он не заблуждался.

Шведский король, ослепленный своими победами, рассчитывал на то, что сможет выполнить эту задачу в течение одного года. Кроме того, он поставил унизительные условия немецкому кайзеру и даже послал своих офицеров в Египет и Ближнюю Азию с целью рекогносцировки местности и изготовления топографических карт. Затем он обратился против своего главного врага — царя Петра, тщательно сохраняя в тайне все свои замыслы.

В сентябре 1707 года во главе 43-тысячной армии Карл вступил в Россию. Его противник находился в этот момент под Гродно, в Литве. В январе 1708 года Карл выбил его оттуда и начал преследовать в направлении Минска и дальше к реке Березине, на которую он вышел 25 июня 1708 года в районе Борисова. Там он снова атаковал Петра и снова нанес ему поражение. Преследование привело Карла XII к Днепру, через который он переправился в районе Могилева.

После победоносной битвы под Смоленском в конце сентября 1708 года Карл — совершенно неожиданно для своих приближенных — принял решение прекратить наступление на Москву и повернуть на Украину. К этому решению его склонил гетман Украины Мазепа, который обещал дать ему в качестве поддержки 30 тыс. человек, полностью вооруженных и снабженных продовольствием и деньгами. Карл последовал этому совету вопреки желаниям всех своих офицеров. Но Мазепа не смог сдержать своего слова, потому что русские узнали о его замыслах и казнили его.[43]

Правда, в октябре на помощь Карлу вышел, имея много людей и военной техники, шведский генерал Левенгаупт, но царь Петр сумел уничтожить его войско. Левенгаупт появился перед своим королем без боеприпасов и запасов продовольствия, имея всего лишь 5 тыс. солдат. Карл XII провел зиму в больших лишениях. Его армия сократилась на 18 тыс. человек и четыре орудия. Но эта неудача не поколебала его в своем решении. В конце мая 1709 года он повел свои войска в наступление на Полтаву. Но ему пришлось остановиться, поскольку было получено сообщение о приближении царя Петра с армией в

70 тыс. человек. Несмотря на тяжелое ранение, король Карл решил атаковать превосходящего в силах противника. 8 июля 1709 года в районе Полтавы началась решающая битва, которая после непродолжительной борьбы, проходившей с переменным успехом, завершилась полным поражением шведов. Карл бежал через Днепр и Буг и остановился в Бендерах, в Бессарабии, где он стал гостем Высокой Порты.[44] Столь блестяще начавшаяся карьера полководца и государственного деятеля на этом и закончилась.

Наполеон I

Сто лет спустя, в 1811 году, французский император Наполеон I, не будучи в состоянии справиться со своим главным врагом, Англией, и после того. как континентальная блокада, имевшая целью сорвать торговлю Англии, оказалась недостаточно эффективной, решил начать войну против России. Трафальгар уничтожил Францию как морскую державу. В результате этого готовившаяся десантная операция против Британских островов стала невыполнимой Смирить ненавистного врага могла только континентальная блокада, ведшаяся теперь в форме торговой войны. Одно за другим государства европейского материка были втянуты в эту экономическую борьбу. Что касается «царя всея Руси» Александра I, то он вступил в нее добровольно. Однако большого эффекта блокада не давала, поскольку завоевать Испанию и Португалию Наполеону помешала Англия и потому, что русский царь участвовал в блокаде крайне пассивно. Таким образом, несмотря на то, что противник находился у него в тылу — на Пиренейском полуострове и не был разбит на море, Наполеон решил вести войну на два фронта.

Война против России готовилась с большой тщательностью. Тем не менее император, бывший до сих пор непобедимым полководцем, допустил две грубые ошибки. Он надеялся одним мощным ударом разгромить огромную страну в течение каких-нибудь двух месяцев, еще до наступления зимы, и, заключив мир с царем, создать благоприятные условия для продолжения континентальной блокады.

«Великая армия» была поэтому оснащена для ведения войны только в летних условиях. Никто и не думал заботиться о зимней одежде для личного состава или о специальном железе для ковки лошадей зимой.

В обстановке неуверенности, создавшейся в Париже весной 1812 года. начало военных действий было отложено на два месяца. Но ничто не могло рассеять оптимизм Наполеона. Он отклонял все возражения знатоков той страны, в которой хотел вести войну. Тщетно пытался отговорить его и французский посол в Петербурге Коленкур, Напрасны были и усилия попавшего в немилость бывшего министра иностранных дел Талейрана возобновить и расширить союз Франции с Турцией и Швецией.

23 июня 1812 года «Великая армия» переправилась через Неман, чтобы нанести главный удар на Москву через Вильно, Борисов, Смоленск. Центральной группировкой французской армии Наполеон командовал сам. В противоположность Карлу он не колебался в выборе Москвы целью своего наступления.

Фланги «Великой армии» справа прикрывались армейской группой Шварценберга, состоявшей главным образом из австрийцев и саксонцев, а слева — корпусом Макдональда, который целиком состоял из пруссаков и баварцев. В общей сложности «Великая армия» насчитывала 617 тыс. человек и 1372 орудия, против которых русский царь выставил 300 тыс. человек. Тактика русских заключалась вначале в отходе; там, где они вступали в бой, как например под Смоленском и под Бородино на реке Москве, они оказывались разбитыми. Французы переправились в районе Борисова через Березину, затем форсировали Днепр и взяли Москву.

Но, рассчитывая на то, что после потери Москвы царь Александр поспешит заключить мир. Наполеон жестоко ошибался. Пожар в русской столице поставил французов в трудное положение, не улучшившееся и тогда, когда Наполеон сидел в Москве, ожидая, что русские сами предложат ему мир. Прождав, таким образом, целых пять недель, Наполеон решил отступить. На реке Березине севернее Борисова ему пришлось с боем овладевать переправой, занятой армией адмирала Чичагова, подошедшей тем временем из Волыни. Хотя переправа и удалась, русская зима почти совершенно уничтожила «Великую армию» и без того уже сильно потрепанную.

5 декабря 1812 года в Сморгони Наполеон покинул остатки своей армии и выехал в Париж, чтобы наскрести новые силы. Второе крупное вторжение на территорию Русской империи провалилось. Следствием этого явилось то, что Франция потеряла все свои позиции в Европе. Моральное впечатление, которое оставило поражение, невозможно было изгладить на протяжении нескольких десятилетий.

Оно оказало влияние даже на коалицию, войска которой с 1854 по 1856 год в Крыму пытались подавить стремление царя к агрессии. Даже в первую мировую войну победоносные немецкие армии и союзные с ними австрийцы и венгры вели войну в России с предельной осторожностью, в результате чего они и избежали

катастрофы. Только революция привела царскую империю к краху и положила начало господству большевиков, вождями которых были сначала Ленин, затем Сталин.

Как возникло решение Гитлера о нападении на Советский Союз

После прихода к власти фашистов в Италии и национал-социалистов в Германии казалось, что против идеологии большевизма найдено новое сильное оружие — идея свободного социализма. Носители этой новой идеи, и особенно сам Гитлер, были настолько проникнуты ею, что считали возможным решить проблему создания нового порядка в Европе путем войны. Утверждения о непобедимости Красной Армии вызывали у Гитлера и его сообщников желание опровергнуть их на деле. Однако непосредственной причиной для принятия такого решения было не это. Гитлер замышлял обеспечить для планируемой им «Великой германской империи» необходимое «жизненное пространство». Эта идея не встретила сочувствия у западных держав, и началась война. Попытки Гитлера помириться с западными державами после войны с Польшей провалились. Таким образом, весной 1940 года Гитлер был вынужден начать войну с Западом. Первое наступление немецкой армии привело к большому и быстрому успеху, какого немецкое командование совершенно не ожидало. К сожалению, возможность развить успех со всей быстротой и ударной силой, свойственной современным подвижным войскам, была упущена. Благодаря этой ошибке англичане сумели спасти основные силы своих войск, уведя их на остров, но оставив при этом на континенте всю военную технику.

Была упущена и возможность непосредственно после успешного завершения войны с Францией окончательно устранить Англию, как противника либо путем заключения мира, к которому англичане не проявляли никакой склонности, либо высадкой десанта на побережье Северной Африки и продолжением операций в направлениях на Каир, Суэцкий канал и Гибралтар с предварительным захватом Мальты. Десантная операция против Англии, так называемая «операция Зеелёве», ввиду своей непродуманности не обещала решительных успехов, ибо состояние морских приготовлений и боеспособность немецких воздушных сил никак не отвечали требованиям, предъявленным этой задачей. К такому быстрому перенесению стратегического направления на опаснейшего и сильнейшего противника рейха немецкое верховное командование не было подготовлено ни материально, ни морально. Образ мышления,

присущий руководителям континентальных стран, мешал Гитлеру решительно перестроить свои планы.

Таким образом, в конце лета 1940 года у Гитлера, как и в свое время у Наполеона I, возникла мысль двинуться на Восток и ликвидировать русскую опасность, прежде чем будет окончательно ликвидирована опасность на Западе. Снова на поверхность всплыл миф о непобедимости России в войне. Но Гитлер, увлеченный победами 1939–1940 годов, был абсолютно уверен в удаче и сумел убедить и себя и других, что покончит с этой «призрачной» восточной опасностью так же быстро, как и с западной, которую его военные советники будто бы значительно переоценили. Эти советники совершенно запутались в оценке своих противников и в оценке способностей своего верховного главнокомандующего как стратега, которого Геринг и Риббентроп превратили в «величайшего полководца в истории всех времен». Такая непонятная заносчивость привела немцев к убеждению, что, подобно кампаниям в Польше и Франции. война на Востоке будет также молниеносной. Как и во времена Наполеона, распространилось мнение, что для разгрома Советского Союза немецкой армии потребуется восемь-десять недель. Предполагалось, что военная мощь России будет уничтожена еще до наступления осенней распутицы. Исходя из этого, Гитлер рассчитывал ограничиться созданием в России только одной линии опорных пунктов и думал отвести после этого обратно на родину до 60–80 дивизий. По этой причине запасы зимнего обмундирования ограничивались из расчета, что на каждые пять человек потребуется только один комплект.

Следствием всего этого была перестройка военной промышленности, главным образом в ущерб авиации. Все приготовления сводились к подготовке исключительно летней кампании, которая должна была привести к политическому разложению большевистского государства и к разделу России на мелкие государства, организованные по принципу областного целения. В пользу таких рассуждении говорил и мало благоприятный для Советского Союза исход войны с Финляндией (октябрь 1939 — март 1940 года), немало способствовавшей недооценке немцами своего противника на Востоке.

Может быть, замыслам Гитлера, которые в данном случае разделялись главным штабом вооруженных сил и главным командованием сухопутной армии, и суждено было осуществиться, если бы операции начались весной 1941 года. Но

этому помешали два обстоятельства: необычайно затянувшаяся весна 1941 года и непредвиденная война на Балканах. Оба они привели к тому, что удар по восточному гиганту оказался возможным только в конце июня.

Война с Россией

22 июня, то есть почти в тот же день, что и их великий предшественник Наполеон, немецкие армии начали наступление на Восток. Чтобы привести свои планы и решения в соответствие с суровой обстановкой, которая сложилась в ходе наступления, нужно было с самого первого дня кампании проводить операции быстро, целеустремленно и решительно.

Первым замыслом Гитлера было создать для ведения войны в России три группы армий, из которых левая группа армий под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба получала задачу овладеть Ленинградом (Петербургом), установить связь с дружественными немцам финнами, наладить снабжение левого фланга армий по Балтийскому морю и этим полностью обеспечить левое крыло Восточного фронта. После этого Гитлер хотел направить свои войска на Москву, которая была своего рода ключом ко всей советской системе. Как город, где находилось правительство, как важный индустриальный район, как крупнейший узел коммуникаций и политический центр с резиденциями иностранных представительств, этот столичный город, еще больше, чем Париж во Франции, был важен для немцев в том отношении, что овладение им имело решающее значение в военном, экономическом и политическом отношениях. Захват Москвы для немцев в 1941 году был гораздо важнее, чем для Наполеона в 1812 году, потому что этот город уже не стоял на втором месте после Петербурга, как это было при царской власти, начиная с царствования Петра Великого, а стал первым и главным городом Советского Союза.

И наконец, только в третью очередь немецкие войска должны были оккупировать Украину, которая со своими богатыми сельскохозяйственными районами и залежами полезных ископаемых имела большое экономическое значение.

Между тем все произошло совершенно не так, как думало немецкое верховное командование.

План войны на Востоке предусматривал в общем чисто фронтальное наступление на превосходящего по силам противника. Такая стратегия редко приводит к успеху. Единственным облегчением для такой континентальной державы,

как Германия, в начале войны могли быть захват Ленинграда и установление связи с финнами, то есть охват северного крыла русских и, следовательно, выход в тыл всему русскому фронту. Но Гитлер вдруг отказался от захвата Ленинграда с. его миллионным населением, хотя это и не выходило за рамки возможного. Он колебался, не зная, что лучше: продолжать наступление на Москву или повернуть на Украину. Наконец 22 августа 1941 года, после переправы через Березину в районе Борисова и после успешного сражения под Смоленском. Гитлер решил повернуть крупные силы группы армий «Центр» фельдмаршала фон Бока на юг. а часть сил направить на юго-запад и овладеть Украиной до занятия Москвы и Ленинграда. Он не мог правильно рассчитать операцию во времени и пространстве и вместе с тем не хотел слушать советов генерального штаба, потому что после первых успехов, которые он приписывал своей персоне, считал его неспособным дать правильную оценку политической и военно-экономической обстановки. Поэтому Гитлер не поступил, как Наполеон, который все же дошел до Москвы, а выбрал путь Карла XII со всеми последствиями, вытекавшими из поворота войск на Украину.

С отказом от прежних замыслов стало ясно, что теперь к трудностям фронтального наступления добавятся еще и тяготы, созданные зимними условиями, к которым войска были совершенно не подготовлены. Но даже и это не смогло ничего изменить в создавшейся обстановке. Гитлер по-прежнему полагал, что, несмотря на раннее похолодание, он еще до наступления зимы сможет достичь конечной цели — Москвы. В этом он убедил и своих военных советников из главного штаба вооруженных сил и главного командования сухопутной армии. Таким образом, война продолжалась, но ни армия, ни авиация не получали более необходимых им резервов и пополнений. Потери в людях, в конском составе и в технике, увеличившиеся в результате непрерывного наступления, в расчет не принимались. Пыльные, неблагоустроенные дороги быстро выводили из строя машины, портили автоматическое оружие. Особенно сильным был износ моторов. Значительно снизилась мощность танков и тягачей. Пополнение прибывало лишь в ограниченном до минимума количестве. Обмундирование и в особенности обувь пехотинцев износились. Войска не имели, наконец, ни суконного обмундирования, ни белья и потому встретили осень в довольно плохом настроении. Паразиты и мухи вызывали самые разнообразные болезни. Никто не захотел заранее подумать о тех трудностях, с которыми, как показал опыт Карла XII и Наполеона

I, могли столкнуться наступающие в этой стране. Напротив, Гитлер был убежден в том, что современная техника дает возможность преодолеть любые трудности. Он не хотел по-серьезному отнестись к «мифу», а убеждал себя и окружающих в том, что достаточно одной лишь воли национал-социалистской партии и вооруженных сил, чтобы привести войну к победному концу.

Таким образом, прежнее стратегическое направление, к всеобщему удивлению, было забыто, войска повернуты на юг и еще во время боев за Киев принято решение овладеть Украиной, уничтожив находящуюся там русскую группу армий, и только тогда начать наступление на Москву. Правда, сильные русские контрудары на Курском направлении и в районе Ельни еще в период киевского сражения показали, что силы Советского Союза далеко не иссякли, но, поскольку эти удары не имели успеха и не могли изменить судьбу русской группы армий под Киевом, утверждения немецкого верховного командования о том, что противник ослабел, остались неопровергнутыми. Командование скорее склонно было считать, что, несмотря на потерю времени в связи с переносом основного стратегического направления на Украину, напряжение, которое потребуется немецкой армии для достижения основной цели, будет последним. Гитлер, главный штаб вооруженных сил и главное командование сухопутной армии были теперь в этом вопросе едины.

В то время как войска северного крыла растянутого Восточного фронта, закончив кровопролитные бои под Тихвином, в основном перешли к обороне по Волхову, а группа армий «Юг» продвинулась до Ростова, группа армий «Центр» 2 октября 1941 года (а 2-я танковая группа еще 30 сентября) начала наступать в направлении на Москву. Вначале благодаря хорошей погоде наступление развивалось успешно, и первый этап его закончился захватом линии Орел, Брянск, Вязьма и далее на север. Этот успех создал у главного командования сухопутной армии победное настроение, которое не отвечало состоянию войск и предстоящей осенней непогоде. Главнокомандующий сухопутной армии заявил: «Теперь дело обстоит иначе, чем под Минском и под Смоленском, теперь можно осмелиться начать преследование немедленно». 7 октября он отдал приказ начать преследование всеми имевшимися силами. А с 10 октября осенняя погода ухудшилась, и мы впервые попали в период грязи и распутицы. Но ни горький опыт Карла XII и Наполеона, вынесших на себе всю тяжесть осенней распутицы, ни неоднократные указания нашего

последнего военного атташе генерала Кестринга на трудности ведения войны в этих условиях, да еще при наличии транспорта, предназначенного только для дорог Центральной Европы, но отнюдь не для лишенных всякого покрытия грунтовых дорог России, — все это ни в коей мере не способствовало тому, чтобы уберечь нас от самых неприятных неожиданностей.

Уже в течение коротких дождливых периодов летом 1941 года войска должны были почувствовать, какие трудности могут возникнуть перед ними осенью на грунтовых проселочных дорогах России. Снизившаяся мощность машин и усталость лошадей значительно увеличивали трудности бездорожья. Наступление группы армий «Центр» остановилось по всему фронту. Колесный транспорт удавалось сдвинуть с места только с помощью гусеничных автомашин, но и они из-за слишком узкой гусеницы едва справлялись с этой задачей. Иногда снабжение войск, действовавших в стороне от железных дорог, осуществлялось только транспортной авиацией. Однако при всем желании транспортных самолетов было недостаточно, чтобы разрешить столь огромные задачи. Уже в октябре, когда установилась сырая погода, в войсках стала остро чувствоваться нехватка обмундирования, а рассчитывать на то, что оно прибудет, было бесполезно. Даже горючее для автомашин приходилось доставлять на самолетах. Подразделениям и отдельным автомашинам, застрявшим на бесконечных дорогах, самолеты, кроме продовольствия и обмундирования, сбрасывали пучки веревок, чтобы облегчить буксировку тракторами и тягачами. Но и этих мероприятий оказывалось недостаточно. Войска медленно тащились по грязи к своим далеким целям. Потеря времени была использована противником. Пока в руках русских оставался важный железнодорожный узел — Москва, они могли подтягивать резервы из отдаленных частей своего огромного государства и подбрасывать их к важнейшим участкам боев, создавая таким образом неожиданный перелом в сражении, что при сильно снизившейся подвижности немецких войск часто приводило к критическим моментам.

Наибольшие трудности были связаны с перевозкой артиллерии пехотных дивизий. Тяжелая артиллерия на конной тяге безнадежно застревала. Несмотря на то, что еще в мирное время Управлению общих дел настойчиво предлагалось перевести ее на механическую тягу, этот вопрос был упущен. Для перевозки легких орудий иногда приходилось на одну пушку вместо обычных 6 ставить 24 лошади.

25 октября большая часть войск группы армий «Центр» была вынуждена перейти к обороне под натиском свежих русских сил, прибывших из Сибири.

Медленное продвижение по грязным дорогам в условиях непрекращающихся боев со свежими силами противника подтачивало и без того уже ослабевшую ударную мощь немецких войск. И хотя об этом факте неоднократно сообщалось верховному командованию, — оно отказывалось этому верить. В ставке, находившейся в Восточной Пруссии, строили такие планы, словно армия состояла сплошь из свежих войск и все они вели наступление по хорошим дорогам в летнее время. В те дни наше командование превзошло в безрассудном упрямстве и Карла XII и Наполеона I. Весь опыт прошлого был отброшен. Надеялись, что одной лишь силы воли командования было достаточно, чтобы исправить положение; но оно уже не могло повысить ни материальные, ни моральные силы войск. Командование же было убеждено в том, что стоит только посильнее нажать на своих якобы уставших подчиненных — и, несмотря на трудности, все поставленные задачи будут выполнены. И оно жало!

В то время как группа армий «Центр» вследствие изложенных выше трудностей была почти остановлена, группа армий «Юг», используя благоприятную погоду и лучшие дорожные условия, сумела продвинуться вперед и взять наконец Ростов-на-Дону, из которого она в начале декабря была выбита контрударом русских.

Трудности снабжения могли быть уменьшены, если бы удалось быстро перешить полотно железных дорог и сделать их пригодными для использования в интересах армии. Но этому мешали разные обстоятельства. Не хватало ни людей, ни строительных материалов. А самым больным местом было отсутствие паровозов. Из русских ширококолейных паровозов в наши руки попала в исправном состоянии лишь небольшая часть. Этих паровозов было, конечно недостаточно для организации сообщения по не перешитым дорогам. Наши паровозы для нормальной колеи[45] в противоположность русским паровозам, рассчитанным на дрова, были снабжены у голь ной топ кой. и поэтому обеспечивать их топливом на больших расстояниях было труднее. Кроме того, они оказались неприспособленными к эксплуатации в зимних условиях и. когда наступили сильные морозы, совершенно вышли из строя. Следовательно, лошади отказались служить нам от истощения, автомашины — из-за

нехватки горючего, зимней смазки и таких вспомогательных средств, как снеговые цепи, каталитные печи для разогрева моторов и глизантин для радиаторов, а железные дороги — из-за недостатка паровозов и значительных повреждений, которые противник умел весьма искусно причинять там. где ему позволяло время. Если учитывать те большие расстояния, которые приходилось преодолевать от станции погрузки до районов боевых действий войск, а также частые случаи возникновения пробок в местах наибольшего скопления железнодорожного транспорта, как например в Бресте и Варшаве, то наши трудности были, в сущности, неудивительны. Удивляться приходилось другому, а именно — недостаточному пониманию создавшейся обстановки нашим верховным командованием. Для всей группы армий «Центр» суточный подвоз в середине ноября 1941 года составил 23 эшелона, в то время как потребности войск достигали 70 эшелонов в сутки.

В этой обстановке началась русская зима. Вначале небольшое похолодание временно оживило подвижность войск тем, что они стали продвигаться вперед по подмерзшим дорогам. Но картина совершенно изменилась, когда термометр стал показывать 30°, а в середине декабря 40° ниже нуля. Лошади и моторы одинаково отказались служить. Появившиеся вместо них крестьянские подводы при их небольшой емкости и большой потребности в возчиках отнюдь не разрешали проблему снабжения. Авиация при всем желании не могла выполнять предъявляемые к ней требования. К тому же крупные силы авиации пришлось отдать на африканский театр военных действий, чтобы ликвидировать возникший там кризис.

Недостаточное количество помещений заставило войска часто располагаться биваком. Люди все реже и реже получали горячую пищу. Вследствие перебоев в снабжении войска перестали получать такие облегчавшие им жизнь вещи, как табак и шоколад. Но самым худшим было отсутствие зимнего обмундирования, которое было предусмотрено лишь для каждого пятого солдата в армии. Но даже и эта незначительная часть зимней одежды не попала в армию до самого наступления холодов. Таким образом, армия начала терять людей из-за обморожений, и этих потерь было гораздо больше, чем потерь от огня противника. Численность действующих войск уменьшалась настолько быстро, что это оказывало сильное моральное воздействие на остававшихся в строю. Наши превосходные солдаты, которым до сих пор была под силу любая задача, начали

теперь сомневаться в безупречности своего командования и стали критиковать его.

Следует еще коротко остановиться на вопросе о зимних квартирах. Как уже упоминалось, согласно первоначальному плану, зиму предполагалось провести на одной линии опорных пунктов, для охраны которой нужна была лишь часть немецкой Восточной армии. Все необходимые приготовления для зимовки на этой линии опорных пунктов и для строительства на ней различных сооружений были сделаны и нашли свое отражение на выставке в Берлине, которую в начале декабря главнокомандующий сухопутной армии продемонстрировал лично Адольфу Гитлеру. Но даже когда война вопреки всем ожиданиям не закончилась осенью 1941 года, когда вся Восточная армия, включая немногочисленные оставшиеся целыми резервы, вынуждена была всю зиму вести маневренную войну, когда суровые холода стали наносить войскам тяжелый урон, в методах верховного командования все осталось без изменений. Сильные морозы все в большей мере подрывали силы изголодавшихся, плохо одетых и размещенных где попало войск. Командование не принимало этого факта в расчет, что и явилось главной причиной неудачи последнего немецкого наступления 1941 года.

Уже в 1941 году появились новые трудности, которые поставили командование перед совершенно незнакомыми до сего времени проблемами. Растянутый тыловой район с малопроходимыми лесами и болотами облегчил русским создание и широкое использование банд, или так называемых партизан, которые состояли из бежавших военнопленных, отчаявшихся и боявшихся трудовой повинности местных жителей, а также из диверсионных и разведывательных групп, сброшенных с парашютами. Действия этих банд, заключавшиеся в нападении на отдельных солдат и в совершении диверсий (взрывы мостов, полотна железных дорог и других важных объектов в нашем тылу), становились все более неприятными и требовали принятия решительных контрмер. Необходимо было создать звено особых начальников тыловых районов, которые, имея в своем распоряжении войска, могли бы обеспечить сообщение в тылу и снабжение армии. Нельзя умалчивать и о том, что назначенные руководством национал-социалистской партии и министерством по восточным делам имперские комиссары принимали иногда жестокие и несправедливые меры, насильственно угоняя людей на принудительные работы, что еще больше усиливало партизанское движение и заставляло партизан сопротивляться

ожесточеннее. А это в свою очередь вызывало соответствующие контрмеры с немецкой стороны. Однако во время наступления 1941 года немецкие войска еще мало, а то и вообще не страдали от партизан. Но по мере того, как война принимала затяжной характер, а бои на фронте становились все более упорными, партизанская война стала настоящим бичом, сильно влияя на моральный дух фронтовых солдат.

После суровой зимы 1941/42 года весной снова началась распутица, которая сковала передвижение войск и задержала переход к наступательным действиям.

Наступление 1942 года

Весной 1942 года перед немецким верховным командованием встал вопрос, в какой форме продолжать войну: наступать или обороняться. Переход к обороне был бы признанием собственного поражения в кампании 1941 года и лишил бы нас шансов на успешное продолжение и окончание войны на Востоке и на Западе. 1942 год был последним годом, в котором, не опасаясь немедленного вмешательства западных держав, основные силы немецкой армии могли быть использованы в наступлении на Восточном фронте. Оставалось решить, что следует предпринять на фронте длиной 3 тыс. км, чтобы обеспечить успех наступлению, проводившемуся сравнительно небольшими силами. Было ясно, что на большей части фронта войска должны были перейти к обороне и что предполагаемое наступление имело шансы на успех только при сосредоточении на его направлении всех подвижных сил и лучших пехотных дивизий. Решение облегчалось появлением на фронте войск союзников Германии — итальянцев, румын и венгров — общей численностью до 35 дивизий. Правда, вооружение и боевая подготовка этих войск были не на должной высоте и опытом ведения войны на русском театре военных действий они не располагали, однако, если бы этот большой резерв свежих сил был введен в немецкую оборону и перемешан с немецкими войсками, эксперимент, очевидно, удался бы. Немецкое командование решило между тем использовать союзные войска на отдельном участке фронта, а именно — вдоль реки Донец, а позднее на Дону, и этим самым прямо-таки предложило русским, безусловно осведомленным о состоянии и боеспособности союзных войск, нанести удар на этом участке.

Немецкое верховное командование приняло решение начать наступление на юге Восточного фронта, решение, в котором большую роль играли военно-экономические соображения: наличие нефти на Кавказе и на Каспийском море, а также богатые сельскохозяйственные и индустриальные области Восточной Украины. Попытки русских помешать весной 1942 года подготовке немецкой армии к наступлению дали лишь незначительные успехи местного значения.

28 июня 1942 года пять немецких, две румынские, одна итальянская и одна венгерская армии начали свое наступление.

Сначала они наносили главный удар от Изюма и Харькова в восточном направлении. Все армии были сведены в две группы армий, из которых южная (группа армий «А») должна была достигнуть низовьев Дона, в то время как северная (группа армий «Б») должна была на широком фронте выйти к Волге по обе стороны Сталинграда. Наступление должно было снова быть чисто фронтальным. Вначале оно развивалось планомерно. Но очень скоро левый фланг был задержан сильным сопротивлением русских и не смог форсировать Дон и продвинуться на восток, хотя при этом и было захвачено несколько плацдармов. На этот раз русские не допустили окружения своих армий, а совершили планомерный отход, сохранив целостность своего фронта. Они, конечно, понесли большие потери, но окончательного их разгрома не последовало.

С этого момента обе группы армий начали двигаться в разные стороны. Гитлер настаивал на продолжении наступления группы армий «А» в направлении к нефтяным районам Кавказа, в то время как группа армий «Б» своим правым флангом должна была наступать на Сталинград, чтобы перерезать якобы важный коммуникационный путь — Волгу и парализовать промышленность Сталинграда. Выполнение этих приказов расширило фронт обеих групп армий от 500 км между Таганрогом и Курском почти до 2 тыс. км между Туапсе, Эльбрусом. Моздоком, Элистой. Сталинградом и Воронежем. Глубина оперативного района составила теперь 750 км. Неудивительно, что вскоре возникли непреодолимые трудности со снабжением.

Такое разделение немецкой ударной группировки на две части привело к тому, что в одном решающем месте под Сталинградом 6-я армия генерала Паулюса, усиленная несколькими дивизиями других армий, образовала узкий клин, вершина которого хотя и достигла города, но его массы не хватило на то, чтобы захватить и удержать город и, кроме того, обеспечить надежную защиту своих флангов. Своим упрямством Гитлер помешал устранить это опасное положение своевременным отходом армии Паулюса. Он превратил Сталинград в символ и настолько утвердился в своем решении не отказываться от него, что отговорить его от этого было невозможно.

Сталинградская катастрофа, вызванная упрямством Гитлера, не нуждается в подробном описании. Она началась 19 ноября

1942 года прорывом русскими фронта 3-й румынской армии северо-западнее Сталинграда. Одновременно был прорван и фронт 4-й румынской армии южнее Сталинграда. 22 ноября Сталинград был окружен. Разработанный Паулюсом план прорыва из окружения был Гитлером запрещен. Склонить Гитлера к иному решению было невозможно еще и потому, что Геринг со своей стороны сумел заверить его в том, что снабжение окруженной армии можно обеспечить доставкой ежедневно 500 т необходимых грузов воздушным путем. Однако среднесуточная мощность авиации в снабжении 6-й армии лишь изредка достигала 100 т. Таким образом, из-за бессовестного отношения верховного командования к своим войскам судьба 6-й армии была окончательно решена. Попытка Манштейна предпринять освобождение 6-й армии деблокирующим ударом успеха не имела.

В качестве вывода из этой печальной главы немецкой военной истории следует записать, что в широких просторах восточного театра военных действий, при отсутствии надежных наземных тыловых коммуникаций, снабжение войск можно до некоторой степени обеспечить только с помощью очень мощного воздушного флота. Столь смелые операции, как сталинградская, в большой степени зависят от наличия таких возможностей. Доставка предметов снабжения по воздуху должна прикрываться авиацией, которая одна только может обеспечить господство в воздухе над районом боевых действий. В то время таких сил авиации у немцев уже не было.

В декабре 1942 года русским удалось разбить 4-ю румынскую армию севернее Сталинграда и этим самым ликвидировать все попытки освободить 6-ю армию из окружения, а также добиться ухода немецкой армии с Кавказа. 30 января 1943 года 6-я армия капитулировала. В тот день, когда завершилось ее окружение, она насчитывала 265 тыс. человек. Из этого количества 90 тыс. человек попало в плен, 34 тыс. раненых было вывезено из Сталинграда на самолетах и свыше 100 тыс. человек погибло. С большим трудом генералу Клейсту удалось спасти свою группу армий «А», отведя ее в начале января 1943 года за Дон в нижнем его течении. В конце января 1943 года на северном участке бывшего фронта наступления немецкой армии пришлось оставить Воронеж.

Итак, летняя кампания 1942 года закончилась для немецкой армии тяжелым поражением. С этого времени немецкие войска на

Востоке навсегда перестали наступать.

Оборона на Востоке с 1943 года и до конца войны

Обширная территория, оккупированная немецкой армией в первые два года войны, давала ей большие возможности для организации и ведения обороны. Конечно, нельзя было не видеть, что и эта территория когда-нибудь будет потеряна, и на всякий случай следовало бы подумать о строительстве тыловых позиций, однако немецкое верховное командование никак не хотело уделять этому должного внимания. Армейские генералы все настойчивее просили об этом Гитлера, но тщетно. Гитлер вбил себе в голову ту идею, что немецкие генералы только потому и выступают за строительство тыловых позиций и оборонительных сооружений, что надеются сразу же отступить на эти позиции по окончании их постройки. Это совершенно необоснованное и вместе с тем совершенно беспрецедентное недоверие к своим генералам и их способности к сопротивлению привело к тому, что всякие серьезные шаги к осуществлению подобных мероприятий были им запрещены. И только отдельным командирам, прибегавшим к различным уловкам и хитростям удалось обойти этот запрет.

Отсутствие тыловых позиций давало русским возможность в случае любого их прорыва создавать опасность полного поражения. Хроническая нехватка резервов еще больше усугубляла эту ошибку верховного командования. Нехватка стала еще более чувствительной, ибо для отражения предполагавшегося вторжения западных держав нужно было при любых обстоятельствах в течение 1943 года привести в боевую готовность на Западе необходимое количество боеспособных войск. А войска можно было снять только с Восточного фронта, где и без того шли тяжелые бои.

Беда Германии, заключавшаяся в том, что, сжатая со всех сторон противником, она вела войну на два фронта, давала знать о себе все больше и больше. После потерн Северной Африки и последовавшей за этим высадки союзников в Италии возник третий фронт. Воздушные базы противника угрожающе приблизились к границам Германии.

Видя эти трудности, тогдашний начальник немецкого

генерального штаба хотел сделать попытку снова взять инициативу на Востоке в свои руки и решающим образом ослабить наступательную мощь русских. Он предложил Гитлеру осуществить наступление на выступ русского фронта под Курском, глубоко вдававшийся в расположение немецких войск. Гитлер долго колебался, потому что он хорошо понимал трудности этого предприятия, о которых ему, кстати, очень убедительно рассказал командующий войсками под Курском генерал-полковник Модель. Но под конец Гитлеру пришлось все-таки согласиться с мнением генерала Цейтлера.[46] Наступление провалилось. Армия понесла тяжелые потери, невосполнимые при нашем бедственном положении. Инициатива на Восточном фронте окончательно перешла к противнику. С этого времени немецкая армия постоянно отступала. Истощенные в боях дивизии беспорядочно отходили, не образуя сплошного фронта и не находя поддержки в тылу. Организация тыла была не налажена, в связи с чем войска несли излишние потери, а при тех недостатках, которые мы имели во многих областях, они вели к еще большему ослаблению фронтовых войск и к огромным затруднениям в ремонте техники и боевого снаряжения. Недостаток запасных частей для ремонта особенно пагубно влиял на авиацию и танковые войска. Взятый с самого начала неправильный курс на ограничение технического роста этих двух основных родов войск привел к тому, что мы с каждым днем становились слабее нашего противника. Нехватка горючего снижала подвижность войск и до минимума сокращала срок обучения летчиков и танкистов.

Интенсивные, поглощающие людей и технику бои на Востоке отрицательно влияли на оснащение Западного фронта для отражения вторжения союзников. В то время как русские продолжали наносить свои удары и летом 1944 года совершили огромный прорыв на фронте группы армий «Центр», союзники весьма удачно осуществили высадку своих войск на Западе и провели ряд операций в Италии, а партизаны на Балканах усилили свою борьбу. Доверие к верховному командованию заметно снизилось. Некоторые политические деятели и высшие офицеры надеялись изменить положение, устранив Гитлера от власти и создав таким образом предпосылки для заключения мира. Неудачное покушение на фюрера 20 июля 1944 года положило конец этим надеждам. Склонить Гитлера к заключению мира не удалось ни до покушения, ни после него. Он знал, что противники не намерены вести с ним переговоры. и поэтому со своей стороны резко пресекал всякие попытки решить этот

вопрос. Такой же политики отказа придерживался он и в отношении мирных предложений Сталина, сделанных ему в предыдущие годы.

По мере ухудшения обстановки на фронте немецкое верховное командование становилось все более упрямым. Всякая часть фронта, выступавшая на Восток, должна была удерживаться до тех пор, пока оборонявшие ее войска не оказывались полностью окруженными. Большое число солдат и огромное количество материальной части было потеряно исключительно по причине такого безответственного поведения командования. Только осенью 1944 года начальнику генерального штаба сухопутной армии удалось добиться от Гитлера разрешения на оборудование тыловых позиций и старых восточных крепостей. Но было уже поздно. Формирование гарнизонов и оснащение крепостей удалось осуществить не везде, да и средства для этого были весьма скудными. И все же начиная с января 1945 года эти слабо защищенные укрепления и их гарнизоны оказали немалое влияние на ход событий, обеспечив войскам опору и замедлив русское наступление настолько, что демаркационной линией между западными державами и Советским Союзом стала Эльба, а не какой-нибудь другой рубеж еще дальше к западу. В противном случае исход войны стал бы еще более неблагоприятным и положил бы конец существованию нашего народа. Положение Германии было бы гораздо лучшим, если бы Гитлер зимой 1944 года вместо наступления в Арденнах направил бы все свои усилия на Восток. Из двух противников, стоявших у порога Германии, несомненно, самым опасным для дальнейшего существования немецкой нации был Советский Союз.

8 мая 1945 года немецкие вооруженные силы, не будучи в состоянии изменить создавшуюся обстановку, капитулировали. Они выполнили свою присягу и долг до последнего конца. Не по их вине эта тяжелая борьба окончилась полным уничтожением рейха.

Итог

Выводы из истории различных войн, происходивших на огромной территории России, могут быть сведены к следующему.

1. Вся русская территория вплоть до берегов Тихого и Ледовитого океанов широко использовалась Советским Союзом во время второй мировой войны в военном и промышленном отношениях. В будущем можно рассчитывать на то, что русские будут еще интенсивнее использовать выгоды своей огромной страны, что они увеличат добычу таящихся в ее недрах запасов полезных ископаемых, а также значительно улучшат состояние путей сообщения на суше, на море и в воздухе.

2. Все нападения армий западноевропейских государств на Россию носили до сих пор чисто фронтальный характер и были, как правило, ограничены сушей. Все они успеха не имели. Если наступающий будет обладать превосходством на море, то авиация и флот могут создать ему предпосылки для успешного вторжения в Россию при условии, что авиация и флот будут тесно взаимодействовать с достаточным количеством наземных войск и что их действия будут носить характер не фронтального наступления, а охватывающего удара по самой важной цели.

3. Исход любых боевых действий, как правило, а в особенности в России, намечать заранее нельзя. Поэтому ни один военачальник, сколько бы он ни планировал, не может положиться на успех «молниеносной войны» в России. Глубина и ширина территории, условия погоды и состояние дорог делают ненадежными всякие расчеты, обычные для условий западных стран.

4. Недооценка противника всегда ведет к просчету. Это относится и к русским как в области людских резервов, так и в области техники. Оружие и прочее военное снаряжение, а также обмундирование солдат должны быть заготовлены с учетом своеобразия восточного театра военных действий.

5. Вопрос о надежности всех военных баз приобрел сейчас, в век авиации и подводных лодок, особо важное значение. Базы должны быть хорошо укреплены, снабжены всеми запасами продовольствия и военных материалов, а также иметь различные

ремонтные мастерские.

6. Русский солдат всегда отличался особым упорством, твердостью характера и большой неприхотливостью. Во второй мировой войне стало очевидным, что и советское верховное командование обладает высокими способностями в области стратегии. Было бы правильно и в дальнейшем ожидать от советских командиров и войск высокой боевой подготовки и высокого морального духа и обеспечить хотя бы равноценную подготовку собственных офицеров и солдат. Русским генералам и солдатам свойственно послушание. Они не теряли присутствия духа даже в труднейшей обстановке 1941 года. Об их упорстве говорит история всех войн. Следует воспитывать в солдатах такую же твердость и упорство. Несерьезность в этой области может привести к ужасным последствиям.

7. Для укрепления воинской дисциплины Сталин счел необходимым оживить старые традиции и напомнить о великих исторических примерах. Непонятно, почему другие державы часто выбрасывают за борт свои славные боевые традиции в погоне за призрачными, еще ни разу не проверенными идеями.

ЛИТЕРАТУРА

Rohden H., Die Luftwaffe fiber Stalingrad, Limes Verlag, Wiesbaden, 1950.

Thorwald J., Es begann an der Weichsel. Steingruben Verlag, Stuttgart.

Генерал-полковник в отставке
д-р Лотар Рендулич

Партизанская война

История войн не знает ни одного примера, когда партизанское движение играло бы такую же большую роль, какую оно сыграло в последней мировой войне. По своим размерам оно представляет собой нечто совершенно новое в военном искусстве. По тому колоссальному воздействию, которое оно оказало на фронтовые войска и на проблемы снабжения, работы тыла и управления в оккупированных районах, оно стало частью понятия тотальной войны. Партизанское движение, с годами постепенно усилившееся в России, в Польше, на Балканах, а также во Франции и Италии, повлияло на характер всей второй мировой войны.

Для немецкого командования партизанское движение и движение сопротивления были совершенно неожиданными. Ему пришлось уже в ходе самой борьбы изучать формы партизанской борьбы, так как найти какой-либо исторический пример подобной «войны из-за угла» оно не могло.

Поэтому не удивительно, что вопрос о пересмотре старых и уже не соответствующих современности правовых норм партизанской войны занимал на послевоенных конференциях и судебных процессах одно из самых важных мест.

Партизанская война и международное право

В Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны[47] изложены общие правовые нормы и положения, которые имеют отношение к партизанской войне и движению сопротивления:

1. Согласно положениям конвенции, сопротивление населения страны или ее части войскам противника допускается только до того, как страна оккупирована войсками противника, и никак не после оккупации. Что касается второй мировой войны, то теперь установлено, что все европейские страны в момент возникновения в них партизанского движения уже были прочно заняты немецкими войсками и что в большинстве из них оно началось спустя много времени после оккупации (в некоторых странах на это ушли целые годы). Уже по одной этой причине партизанская борьба противоречила международному праву.

2. Известно далее, что некоторые из оккупированных стран, например Югославия, Греция и Франция, подписали капитуляцию, на основании которой они расформировывали свои войска и отказывались от дальнейшего сопротивления. Согласно международному праву, подписанная капитуляция является обязательным документом для всех граждан капитулировавшей страны, и если какой-либо гражданин этой страны заявит, что он не признает капитуляцию, это явится грубым нарушением международного права. В этом заключается вторая причина, почему партизанская борьба в трех названных странах не соответствовала нормам международного права.

3. Международное право требует также, чтобы руководство партизанами осуществлялось через определенных ответственных лиц. Ясно, что подобные полномочия предоставляются только суверенному правительству данной страны. Правительство чужой страны или правительство, находящееся в эмиграции, таким правом не обладает. Из всех вышеупомянутых стран только Россия и Италия имели правительства, пользовавшиеся своими суверенными правами. Правительства других государств находились либо в эмиграции, либо в изгнании и потому не могли иметь непосредственной власти в своих странах. Созданное

де Голлем в Африке «правительство» Франции не было даже эмигрантским, а имело скорее характер контр правительства. Его действия были тем более необоснованными, что, даже согласно американским «Rules of Land Warfare»,[48] любое эмигрантское правительство лишается права призывать народ к партизанской войне.

4. Правительство, находящееся в эмиграции, по существу, даже не имеет возможности ставить какие-либо задачи отдельным группам партизан. Так. например, югославский король не мог дать Тито, который был его открытым противником и ярым врагом четников военного министра югославского эмигрантского правительства, генерала Михайловича, никакого сколько-нибудь серьезного задания. В таком же положении оказался и греческий король, который был не в состоянии ставить какие-либо задачи руководимой коммунистами Единой народно-освободительной армии (ЭЛАС).

5. Наконец, международное военное право требует соблюдения партизанами общих правил вооруженной борьбы. Оно требует, чтобы партизаны носили какую-то форму или заметные издали знаки отличия и не прятали своего оружия. С этим последним положением несовместимо никакое коварство. Русские и итальянские партизаны, однако, вообще не признавали и не носили ни единой формы, ни знаков отличия, а французские партизаны и частично партизаны на Балканах носили форму лишь при соединении их с регулярными войсками или при зачислении их в эти войска. Но даже и в этом случае они все же оставались партизанами и сохраняли присущие им особенности.

Таким образом, любая из приведенных выше причин говорит о том, что борьба партизан противоречила нормам международного права. Не считая русских и итальянских партизан, действиями которых руководили суверенные правительства, все партизаны других театров военных действий не соблюдали ни одного параграфа положений международного права о ведении легальной борьбы. Поэтому партизаны были поставлены вне закона. Именно такую правовую ситуацию нужно брать за основу при оценке партизанской войны на любом театре военных действий.

История партизанской войны нашего времени еще не написана. Надежных источников для этого имеется очень мало. Война из-за угла, в которой бойцы маскируются большей частью

под обыкновенных мирных жителей, когда удар всегда наносится из засады, а. наносящий его постоянно уклоняется от открытого боя и бесследно исчезает, такая война уже по своему существу не поддается ни письменной фиксации, ни, тем более, документированию. Потребуется собрать воедино много отдельных рассказов и воспоминаний участников, чтобы по-настоящему осветить это явление второй мировой войны. Проделать такую работу необходимо, так как это представляет большой интерес не только для историка. Чем большее место завоевывает себе в современной стратегии маневренная война, чем больше теряют значение государственные границы и чем сильнее развиваются в народах идеологические и политические противоречия, а вместе с ними и классовая борьба, тем сильнее становится опасность того, что формы партизанской войны наложат свою печать на все конфликты, которые могут возникнуть в будущем.

Поэтому проблема партизанской войны заслуживает самого серьезного внимания. Здесь прежде всего следует сделать попытку хотя бы в основных чертах изложить ход партизанской борьбы на отдельных театрах второй мировой войны.

Партизаны на Балканах

Балканы являются классической, областью в истории партизанской борьбы. Зарождение ее здесь относится еще к тому времени, когда наибольшая часть территории Балкан оказалась под властью турок. Небольшие группы населения или просто отдельные лица то и дело поднимались на партизанскую борьбу с захватчиками. Жестокость турок порождала и ответные жестокие методы ведения партизанской борьбы, которые постепенно стали традицией.

Уже в то время боевые действия партизан были бы немыслимы, если бы их тайно не поддерживало все население. Оно снабжало их одеждой и продовольствием, предостерегало их в случае опасности и укрывало от преследований. Таким образом, партизан стал национальным героем балканских народов. Его подвиги воспевались в многочисленных песнях, которые и сегодня еще печатаются в школьных учебниках балканских стран и продолжают жить в легендах.

Сама природа и местность Балканского полуострова предоставляют для ведения партизанской борьбы совершенно идеальные условия. Высокие и труднодоступные горы составляют значительную часть территории. Эти горы покрыты бесконечными почти девственными лесами. Глубокие долины и ущелья прорезают горы, оставляя место только для водопада или узкой горной тропинки. Здесь почти нет дорог. Таким образом, на этой местности могут найти себе укрытие и убежище даже значительные силы партизан. Разыскивать их и бороться с ними здесь необыкновенно трудно. В районах, где местность имеет равнинный характер, очень удобными укрытиями для партизан служат большие кукурузные поля, на которых, прячась в растениях, превышающих рост человека, они исчезают, не оставляя никакого следа. Немецкая оккупация Югославии и Греции во второй мировой войне была осуществлена после подписания этими странами в апреле 1941 года акта о капитуляции. Оба государства обязались при этом расформировать свои вооруженные силы и прекратить дальнейшее сопротивление. Правительства эмигрировали. Все германские, итальянские и болгарские войска, оккупировавшие Югославию и Грецию, насчитывали вначале 46 дивизий. Этот факт важно отметить, потому что этим справедливо определялась

«эффективность» оккупации, сохранившаяся даже тогда, когда после ухода немецких сил в Россию там оставалось еще 30 дивизий. Международное право определяет эффективность оккупации как предпосылку, исключающую всякое сопротивление населения оккупационным властям. С точки зрения международного права это так же важно, как и то, что оккупация была осуществлена задолго до возникновения партизанского движения.

Действия партизан начались в Сербии под влиянием русских и англичан всего лишь немногим более двух месяцев после окончания самой войны на Балканах, то есть в июле 1941 года, в Хорватии — зимой 1941 года, а в Греции — лишь в ноябре 1942 года. Этот факт необходимо отметить, потому что международное право разрешает населению оказывать сопротивление только противнику, вторгающемуся в страну; сопротивление же, которое начинается после оккупации, не соответствует никаким правовым нормам.

Вспыхнувшее в Сербии партизанское движение явилось для немецких войск полной неожиданностью. Оно было начато двумя большими партизанскими отрядами, враждебно настроенными друг к другу и объединявшимися только общей целью. Один отряд был создан и возглавлен Тито, присланным на Балканы из Москвы. Отряд строился на коммунистических принципах. Его бойцами были рабочие сербских предприятий, молодежь Белграда. Другим отрядом руководил генерал Михайлович, представлявший сербских националистов. Члены его называли себя «четниками». Обе эти организации не выходили тогда за рамки мелких и мельчайших партизанских отрядов. Последние вели борьбу, нападая на автомашины, на места расквартирования немецких штабов и подразделений и даже на отдельных солдат. Кроме того, они минировали дороги, взрывали железнодорожные и шоссейные мосты, резали телефонный кабель. От коварных действий партизан несли большие потери даже крупные немецкие подразделения. Нападения партизан отличались традиционной жестокостью.

Войскам приходилось вести тяжелую борьбу за свое существование. Чтобы подавить партизанское восстание, нужно было действовать активно и энергично. Методы борьбы партизан заставляли немецкое командование пользоваться аналогичными методами, дабы быстро расправляться с восставшими и спасать жизнь собственных солдат. Через несколько месяцев

оккупационным войскам удалось сломить партизанское движение и восстановить спокойствие. Михайлович, видя, какие потери несет его народ от партизанской войны, прекратил борьбу. Таким образом, осенью 1941 года в Сербии опять было восстановлено нормальное положение, не считая отдельных рецидивов со стороны мелких отрядов, переставших подчиняться Михайловичу. Нормальные условия просуществовали здесь вплоть до самой эвакуации немецких войск из центральной части Балкан в конце осени 1944 года. Партизаны Тито были оттеснены из Сербии в Боснию. Там они образовали центр новой партизанской организации, впоследствии развернувшей свою деятельность в Хорватии.

Тито немедленно приступил к созданию новых регулярных войск. Когда он объявил о мобилизации, к нему начало стекаться большое количество людей. Партизанская армия, вначале состоявшая из разрозненных отрядов, постепенно становилась настоящей армией. До осени 1943 года было сформировано 34 «дивизии» и много отдельных «бригад», которые были сведены вначале в восемь, а позднее в десять «корпусов». Дивизии насчитывали до 3–5 тыс. человек каждая и были вооружены большей частью винтовками и пулеметами. Благодаря такому вооружению они были очень подвижны. В редких случаях они располагали отдельными орудиями и минометами. Большую помощь принесли крупным соединениям присланные англичанами радиостанции. Тито отдавал свои приказы большей частью по радио и таким же путем получал донесения. Осенью 1943 года немецкому командованию удалось достать ключ, при помощи которого партизаны шифровали свои радиограммы, так что все немецкие командные инстанции были хорошо осведомлены о всех приказах и донесениях, передававшихся в районе боевых действий партизан.

Лишь небольшая часть немецких войск стояла в городах, основные же их силы находились в деревнях и поселках, расположенных вдоль важнейших железных и шоссейных дорог. Оккупация всех населенных пунктов страны была безусловно невозможна, поэтому отдельные районы часто оказывались под контролем партизанских, отрядов. Там они устраивали склады продовольствия, примитивные мастерские и госпитали. Священникам этих районов не возбранялось отправлять религиозные обряды, в которых принимали участие и сами партизаны.

До осени 1944 года партизаны носили обычную гражданскую одежду. Некоторые пользовались и отдельными предметами немецкой, итальянской, греческой и югославской военной формы. На головной убор многие прикрепляли небольшую красную звезду, которую, однако, можно было отличить только на расстоянии не более тридцати шагов. Продовольствие большей частью реквизировалось у местного населения, которое в условиях войны само имело лишь очень скудные запасы. Поэтому партизаны постоянно испытывали большой недостаток в продуктах питания. Только чрезвычайной неприхотливостью балканских народов и можно объяснить ту выносливость партизан, которая помогала им преодолевать неимоверные лишения. Небольшое количество продовольствия они получали от союзников, доставлявших его по воздуху. Таким же образом, но, правда, в ограниченных размерах им забрасывалось оружие и боеприпасы. Единственное, в чем союзники им не отказывали, была взрывчатка. Позднее союзники стремились осуществлять снабжение по морю. Предметы снабжения доставлялись на острова Далмации, затем на побережье Хорватии, а оттуда — в глубь страны. Но этот путь был закрыт, когда немецкие войска оккупировали острова и стали зорче охранять берега Югославии.

С 1943 года в ставке Тито в качестве офицера связи находился английский бригадный генерал Маклин, а также русская военная миссия.

Крупные партизанские соединения подолгу под ружьем не находились. Просуществовав некоторое время, они расформировывались, бойцы увольнялись в отпуск. Они растворялись в гуще населения и принимались за мирный труд. Путем радиоперехвата можно было постоянно наблюдать такой круговорот роспуска и создания частей партизанской армии. Крупные соединения действовали чаще всего в отдаленных районах, не оккупированных немецкими войсками. Они, как правило, избегали открытого боя, кроме тех случаев, когда им представлялось выгодным напасть на малочисленные немецкие подразделения или когда они в результате действий немецких войск против тех районов, в которых они обосновались, были вынуждены оборонять свои склады и сооружения. Но и тогда их сопротивление редко бывало ожесточенным.

Наряду с организованными партизанскими соединениями существовали еще и так называемые «домашние партизаны». Последние жили, стараясь не вызывать подозрений,

преимущественно среди деревенского населения и, казалось, занимались мирным трудом, как всякие крестьяне и ремесленники. Днем они покидали свою деревню якобы для работы в поле, используя эту возможность, а также и все ночное время для осуществления своих диверсионных актов. Они собирали сведения о дислокации немецких войск, о местах стоянок и маршрутах транспортов, давали приют связным партизанских соединений, находили знающих дорогу проводников и снабжали продовольствием партизанские отряды, проходившие через их деревни. Поскольку «домашние партизаны» жили в непосредственной близости от немецких войск, то многим из них удавалось даже получать работу в немецких комендатурах. Бойцы временно расформированных партизанских соединений, отпущенные на родину, сами становились «домашними партизанами».

Жизнь немецких войск здесь была бы намного легче, если бы в качестве противника они имели перед собой только крупные партизанские соединения. «Домашние партизаны» оказались между тем значительно более опасным противником. Именно они являлись исполнителями тех враждебных актов, от которых немецкие войска могли защититься лишь с большим трудом и в результате которых они несли большие потери. Поймать «домашних партизан» было необычайно трудно, а то и вовсе невозможно, так как они ничем не отличались от остального населения. Народ в значительной части либо симпатизировал им, либо не осмеливался выступать против них, боясь репрессий. Лишь в очень редких случаях некоторые жители тайно сообщали немцами о местопребывании партизан или об их замыслах. Без такой прямой поддержки со стороны населения партизаны не смогли бы осуществить и части своих планов.

Боевые действия рассеянных по всей стране «домашних партизан» отличались особым коварством. Они убивали отдельных солдат, нападая из засады, снимали посты в населенных пунктах, бросали ночью гранаты в солдатские казармы, обстреливали связных, уничтожали автомашины, поджигали гаражи, взрывали мосты, закладывали мины у входов в помещения и в переулках населенных пунктов, занятых немецкими войсками, а также на шоссейных дорогах и на полотне железных дорог. Самая важная для снабжения немецкой армии железная дорога Аграм — Белград за одну только ночь была взорвана в 80 местах.

Атаки и налеты совершались очень часто, а коварство партизан приобретало все новые и притом самые неожиданные формы. Из множества случаев приведу два наиболее характерных, относящихся к первому периоду боев. Однажды группа немецких солдат, проходя по дороге, встретила нескольких крестьян, несших в руках сельскохозяйственные орудия. Едва солдаты успели пройти мимо, как эти «крестьяне» обстреляли их сзади из автоматов. Большая часть солдат была убита. В другом месте безобидные с виду крестьяне приблизились к караулу, охранявшему мост, вынули пистолеты и убили нескольких и ранили остальных солдат караула.

Жестокость партизан была беспредельной. Захватив пленных, они в большинстве случаев подвергали их пыткам, увечили и убивали. Подобные действия совершались довольно часто, из чего можно заключить, что это не являлось чем-то исключительным, а было своего рода обычаем, существовавшим здесь уже много веков. Многочисленные заявления о жестокостях партизан, снабженные фотоснимками, были переданы в свое время Женевскому бюро Красного Креста.

Среди других форм преследования «домашних партизан» репрессии против населения рассматривались солдатами как нечто самое отвратительное. Но никаких других средств для прекращения или по крайней мере для ослабления поддержки партизан со стороны населения, кроме допускаемого международным правом взятия заложников, не было Если немецкие солдаты продолжали погибать от действия партизан, заложников расстреливали. Как правило, заложников брали из тех слоев населения, которые симпатизировали партизанам, а также среди лиц, заподозренных в том, что они сами являются партизанами. Таким образом, население вполне сознавало ту опасность, которой оно само себя подвергало. Число диверсий благодаря этим мерам значительно уменьшилось, хотя, разумеется, прекратить их окончательно не удалось. Без этой меры, вызванной инстинктом самосохранения, масштабы партизанской войны стали бы поистине безграничными и привели бы немецкие войска к еще большим потерям. Бесспорно, что убийство невинных людей является противоестественным. Но ведь и немецкие солдаты, убитые партизанами столь противозаконным и коварным способом, были в равной степени невинными жертвами. Другого выхода из конфликта между человечностью и военной необходимостью не могло и быть.

Главная задача немецких войск заключалась в том, чтобы выслеживать, атаковать и уничтожать крупные партизанские соединения и мелкие партизанские отряды. Напряженные безостановочные марши, бои и почти всегда сопровождающие их преследования партизан по труднопроходимой местности с ее неприветливыми жителями, да еще в условиях зимы, предъявляли к немецким войскам чрезвычайно высокие требования. Завязать бой с крупными партизанскими соединениями было очень трудно. Поэтому серьезные предприятия имели место лишь в самых редких случаях. Одно из них началось в январе 1943 года, когда на северо-западе Боснии были замечены крупные силы партизан. Несколько немецких дивизий, незаметно стянутых в северо-западный район Боснии, перешли в наступление с целью охвата этого района, двигаясь в общем направлении на юго-восток. На юге их действия поддержали итальянские дивизии. Бои и преследования продолжались в течение нескольких недель. Немецкие войска гнали партизан через горы Боснии и Герцеговины до тех пор, пока остатки партизанских отрядов, недостаточно оснащенных для борьбы в зимних условиях и понесших большие потери, не были совершенно рассеяны в горах Черногории. Когда же там сформировались новые крупные партизанские отряды, они были в мае 1943 года снова окружены и почти полностью уничтожены.

В последующие месяцы начались затяжные операции против партизан, во время проведения которых немецкому командованию однажды пришлось ввести в бой сразу пять дивизий. В этом бою было уничтожено восемь партизанских дивизий, которые потеряли до 5 тыс. убитыми и 10 тыс. пленными.

Когда удалось обнаружить новую ставку Тито в южно-хорватской деревне Дрвар, во второй половине мая 1944 года по этому населенному пункту был нанесен концентрический удар, начавшийся с выброски батальона стрелков-парашютистов на его восточной окраине. Тито с большим трудом спасся от плена бегством в горы, граничащие с деревней Дрвар и покрытые большими лесными массивами. Затем он покинул Хорватию и до начала эвакуации немецких войск с Балкан находился на оккупированном англичанами острове Вис.

В то время как действия партизан в Хорватии и Боснии были в полном разгаре, партизанское движение в Греции еще только разворачивалось. Оно началось лишь в ноябре 1942 года и было

организовано Англией. Первым большим успехом греческих партизан в этот период был подрыв моста в Агропотамосе.

Греческие партизаны создали два отряда, нередко воевавших и между собой. Один назывался ЭЛАС и был организован коммунистами, второй следовал национальным принципам и назывался ЭДЕС. Но обеим этим группам не хватало той четкой организации, которую сумел дать своим силам Тито. В Греции, как и в Югославии, имелись свои «домашние партизаны». Однако общая численность партизан в Греции была меньшей, и, следовательно, они не играли здесь такой роли, как в Югославии. Несмотря на это, они сумели все же причинить немецким войскам большой ущерб. Их методы почти не отличались от методов титовских партизан, поэтому с ними приходилось бороться теми же средствами. Немецкие войска в Греции были вынуждены вести против партизан такие же крупные боевые действия, главным образом в Фессалии, Эпире и на Пелопоннесе. Греческие партизаны в своей борьбе также не придерживались положений Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны.

Когда немецкие войска начали эвакуацию Балканского полуострова, югославские и греческие партизаны стали действовать крупными соединениями, не боясь вступать и в открытый бой.

Партизанская война в России

Особенно ярко стремление сделать партизанскую борьбу неотъемлемой частью всей войны выразилось в России. Еще на московском партийном съезде в 1928 году[49] говорилось о настойчивой необходимости проведения таких мероприятий, которые в случае войны позволили бы организовать широкое партизанское движение. В 1933 году в качестве наставления появилась «Инструкция о партизанской борьбе». Однако настоящей партизанской организации в начале немецко-русской войны 1941 года у русских почти не было.

Вскоре после начала войны появились первые, большей частью мелкие отряды, которые минировали пути подвоза снабжения, обрывали телефонные провода и убивали из засады отдельных солдат. Уже в первые месяцы войны деятельность партизан стала принимать все более широкие размеры. Они стали нападать на небольшие немецкие подразделения, караулы мостов, опорные пункты связи и даже на казармы и места стоянок войск. Весной 1942 года они уже представляли серьезную опасность для тыловых коммуникаций немецкой армии, поэтому для решительной борьбы с ними немецкому командованию приходилось стягивать в уже оккупированные районы большие силы, а для проведения крупных операций в областях, где движение приняло наиболее угрожающие размеры, — снимать отдельные части с фронта.

Советские люди сами различали регулярных и диких партизан. Регулярные партизаны действовали, поддерживая тесную связь с Красной Армией, и при помощи радио и самолетов находились в постоянном контакте с ее штабами. Среди высшего руководства таких партизан было немало офицеров Генерального штаба Красной Армии. Централизованность руководства партизанскими отрядами была очевидна. ибо при подготовке и проведении какого-либо значительного наступления немецких или русских войск партизаны в этом районе немедленно активизировали свои действия с целью дезорганизации снабжения и срыва связи между частями немецкой армии, захвата и ликвидации складов с боеприпасами и нападения на места расквартирования войск. Эти действия стали тяжелым бременем для армии и представляли собой немалую опасность. Ни на одном другом театре военных действий не было такого тесного

взаимодействия между партизанами и регулярной армией, как на русском. Бывали случаи, когда во взаимодействие с частями Красной Армии вступали силы партизан, насчитывавшие до 10 тыс. человек. Сильно растянутый фронт немецкой армии чрезвычайно облегчал партизанским соединениям маневрирование и отход. Да и подвоз оружия, боеприпасов и продовольствия при таких условиях больших трудностей для них не представлял.

Основная масса партизан состояла из добровольцев из местного населения, но были и случай принудительной записи в партизаны. Командный состав и офицеры связи партизан обучались в специальных партизанских школах и затем сбрасывались в немецком тылу с самолетов или тайно переводились через линию фронта. Особенно действенную помощь партизанам оказывали различные военные специалисты, как например минеры, которые своей изобретательностью ставили немецких солдат каждый раз перед новыми неприятными неожиданностями.

Русское командование использовало партизан в значительной степени для выяснения обстановки и для выслеживания противника. Партизаны проявляли большую сноровку и доставляли советскому командованию весьма ценный материал. Советские агенты и шпионы готовились и действовали не по принципу тщательного отбора и личных качеств, а массами, что является очень характерным для коллективного мышления советских людей. Командование, очевидно, не придавало особого значения тому, что если несколько сотен агентов сбрасывалось на парашютах над одним районом, то 90 % из них погибало. Для него было важно, чтобы кто-нибудь из них достиг поставленной цели.

Экономический ущерб, наносимый партизанами, был повсюду весьма серьезным. Кроме того, партизаны занимались пропагандой среди крестьян, причем материалом им служили бесконечные ошибки, совершаемые немецкой администрацией в управлении восточными областями. Целью этой пропаганды, проводимой зачастую с помощью угроз и принуждения, было сокращение производства сельскохозяйственной продукции и отказ от выполнения поставок для немецкой армии.

Дикие партизаны были большей частью очень слабо связаны с армейскими командными инстанциями, а то и вообще не имели с

ними никакой связи. Выступая мелкими и мельчайшими группами, они нередко вели самостоятельную борьбу в определенном районе и таким образом доставляли немецким войскам много неприятностей. По коварству и жестокости они часто даже превосходили регулярных партизан. Они мало чем отличались от «домашних партизан» на Балканах. После освобождения Красной Армией областей, в которых действовали дикие партизаны, они, как правило, немедленно брались органами НКВД под надзор и отправлялись на переобучение в отдаленные лагери, а иногда и в штрафные роты с особенно строгой дисциплиной. Их подчеркнутая недисциплинированность — следствие ничем не стесненного образа жизни — казалась советскому командованию недопустимой для регулярных войск.

Метод борьбы советских партизан характеризовался такой ожесточенностью, которая не отмечалась ни на одном другом театре военных действий. Они не считались ни с какими правилами ведения войны и уничтожали пленных.

Об успехах партизанской войны в России имеются следующие официальные советские данные.[50]

Советские партизаны уничтожили свыше 300 тыс. немецких солдат и солдат армий союзников Германии, в том числе около 19 тыс. — в Крыму. Ими было подорвано или уничтожено другими путями: 3 тыс. железнодорожных эшелонов, 1191 танк, 476 самолетов, 890 различных складов и хранилищ.

Хотя к этим цифрам, учитывая источник, из которого они взяты, нужно подходить с большой осторожностью (в число убитых русские, по-видимому, включили и своих соотечественников, которые были убиты и казнены за сотрудничество с немцами), все же они дают достаточное представление о масштабах партизанской войны в России.

Советские партизаны воевали в гражданской одежде, а также пользовались формой военнослужащих немецкой, румынской, итальянской и других армий.

В заключение нельзя не сказать о той сумасбродной, антинародной политике, которую проводил гаулейтер Кох на Украине. Официальная пропаганда того. что советский человек — существо «низшей расы», невыполненные обещания о самоуправлении, о проведении земельной реформы и

предоставлении украинскому народу определенных прав — все это привело к тому, что Германия потеряла на Востоке совершенно неоценимые возможности на успех. Население обширных районов России вначале видело в немецком солдате своего освободителя. Совершенно неправильная политика притеснения народа вконец подорвала доверие народа к немецкой армии и немцам и лишила Германию возможности проводить какую-либо политику, что в условиях горького разочарования местного населения создало партизанам все предпосылки для расширения масштабов своей борьбы.

Партизанская война в Польше

За свою многовековую историю Польше так часто приходилось защищаться от чужеземных захватчиков и чужеземного господства, что поляк с течением времени стал почти прирожденным партизаном. Борьба польских партизан в прошлом была обращена главным образом против царской России. Главной отличительной чертой любого подпольного движения в Польше всегда являлся открытый шовинизм. Из-за противоречий между националистами и коммунистами польские партизаны в период второй мировой войны долгие годы не имели единого командования. История партизанского движения в Польше представляет собой историю ожесточенной внутренней борьбы за власть и руководство.

Вначале политическое и военное сопротивление было организовано буржуазией, и его руководство находилось в руках «Центра подпольных групп борьбы», созданного весной 1940 года. Как только завязалась германо-русская война, начали действовать и коммунисты, которые под влиянием советских эмиссаров стали с весны 1942 года формировать свои партизанские соединения. Цели и методы их борьбы были те же, что и у партизан других театров военных действий. Несколько крупных террористических актов было совершено в Варшаве, и развернувшаяся после этого по всей Польше партизанская борьба стала вскоре большой помехой для снабжения Восточного фронта, шедшего через эту страну. Разрушение железнодорожных сооружений и уничтожение многочисленных эшелонов вынудили немецкое командование принять меры защиты, введя в действие достаточно крупные силы.

Когда вследствие налетов авиации противника на территорию Германии многие предприятия военной промышленности были эвакуированы на восток, партизаны стали совершать налеты на эти фабрики и заводы, разбивая машины и уводя с собой рабочих, отчего выпуск военной продукции значительно снизился. Совершая террористические акты против крестьян, уничтожая скот и зерно, партизаны сильно сократили производство сельскохозяйственных продуктов, вследствие чего в стране начался голод.

1 августа 1944 года в Варшаве вспыхнуло крупное восстание,

руководитель которого генерал Бур-Комаровский сумел сосредоточить там около 40 тыс. человек. Хотя Красная Армия к тому времени уже заняла правый берег Вислы, она не оказала польскому восстанию, носившему чисто буржуазный характер, никакой поддержки, а только издали наблюдала, как оно постепенно подавлялось. Один советский генерал, разрешивший польской роте, которая действовала в составе войск Красной Армии, оказать помощь восставшим, был немедленно снят с поста. 2 октября 1944 года восставшие капитулировали.

К концу войны польские партизаны распространили свои действия и на восточные приграничные районы Германии.

Движение сопротивления во Франции

Партизанское движение во Франции возникло в 1941 году одновременно с началом германо-русской войны. Это движение организовали коммунисты. До тех пор пока между Германией и Советским Союзом существовал пакт о ненападении, французские коммунисты проявляли максимальную сдержанность. В противоположность другим странам во Францию из враждебных государств засылалось, главным образом по воздуху, большое количество агентов-диверсантов, которые выполняли поставленные им диверсионные задания и почти всегда возвращались невредимыми в свою страну. Управляла ими британская Secret Service.[51]

Партизанское движение, к которому вскоре примкнули и националисты, получало новый стимул и увеличивало свои масштабы всякий раз, когда становились известными неудачи немецкой армии на фронте: провал зимнего наступления в России, уход немецких войск из Французской Северной Африки, катастрофа под Сталинградом и т. д. Росту партизанского движения сильно способствовало и недовольство, вызванное принудительным перемещением французских рабочих в Германию, а также нечеткая внешняя политика Германии по отношению к Франции, которая всегда оставляла французов в неведении относительно того, какую роль отведет им победитель.

Французские партизаны в своей борьбе применяли те же методы, что и партизаны на Балканах и в России. Да и по своей жестокости они почти не уступали друг другу. Они также не носили никакой форменной одежды, не имели никаких знаков различия и никогда не носили оружие открыто. Только некоторые иностранные агенты носили форму, обязательно прикрывая ее гражданской одеждой, которую в момент взятия в плен они обычно сбрасывали.

Жертвами партизан пали тысячи немецких солдат, немецких и французских полицейских и французов, дружественно настроенных по отношению к Германии. Они совершили тысячи нападений на железные дороги и мосты, уничтожили большое количество военных материалов, предназначавшихся для германских вооруженных сил, а также произвели много налетов на французские военные заводы. Действия иностранных агентов

сводились главным образом к актам саботажа. Оружие и взрывчатые вещества партизаны брали из скрытых от немцев запасов бывшей французской армии. В большом количестве получали они его от союзников по воздуху. Благодаря тому что немецким органам безопасности удалось захватить несколько партизанских радиостанций, в большом количестве разбросанных по стране и служивших для связи с иностранными руководящими органами, и включиться в партизанскую радиосеть, большая часть сбрасываемого с воздуха оружия перехватывалась немецкими войсками, а многочисленные группы агентов уничтожались.

Движение сопротивления постепенно распалось на две большие группы, расколотые внутри борьбой за власть и нередко даже воевавшие между собой. Это были основанная националистами Organisation Resistance de l'Armee[52] и руководимое преимущественно коммунистами движение Mouvements Unis de Resistance,[53] из которой затем возникли Franctireurs, Travailleurs, et Partisans.[54] В момент высадки десанта союзников в Нормандии обе эти партизанские группы были объединены в одну организацию Forces Francaises de rinterieure[55] под руководством генерала Кенига. С этого времени они уже должны были носить форму и нарукавные повязки как регулярные войска. 15 июля 1944 года союзники объявили по лондонскому радио, что членам этой организации отныне надлежит подчиняться нормам международного права о комбатантах.

Главнокомандующий немецкими войсками Запада 24 июля 1944 года отказался признать это заявление, ссылаясь на заключенное в 1940 году перемирие с Францией, запрещавшее любому французу вести вооруженную борьбу против Германии и ставившее этих борцов на положение вольных стрелков.[56]

Но под влиянием изменившейся военной обстановки командующий войсками Запада признал законность партизанских групп при том условии, «что они будут сведены в подразделения и части, станут действовать совместно с войсками противника на фронте и будут носить знаки различия в виде нарукавной повязки и т. п.».

Партизанская война в Италии

Еще до выхода Италии из союза с Германией в кругах, близких к маршалу Бадольо, были проведены некоторые серьезные мероприятия для организации партизанской борьбы. Вскоре после того, как Италия 8 сентября 1943 года вышла из состава стран оси и новый глава правительства Бадольо призвал народ к партизанской борьбе, в отдельных районах страны развернулось партизанское движение.

Основой партизанских отрядов были итальянские солдаты, дезертировавшие в горы или бежавшие из плена. Впоследствии к ним присоединилось большое количество мужчин и женщин из гражданского населения. Вначале руководство партизан имело тенденцию к объединению местных отрядов в очень непрочные по своей структуре «бригады». Более четкая организация сложилась лишь в последние годы войны. Главное командование партизан находилось в ставке союзников в Италии. К более крупным соединениям партизан прикомандировывались союзные офицеры связи.

Партизаны обеспечивали себя продовольствием и одеждой, конфискуя их у населения. Позднее предметы снабжения доставлялись им союзниками по воздуху, а также на подводных лодках, подходивших к неохраняемым участкам побережья. В противоположность партизанам на Балканах продовольствием они были обеспечены в достаточной мере. Не испытывали они недостатка и в оружии, боеприпасах и взрывчатых веществах.

Вначале деятельность итальянских партизан не была эффективной, но весной 1944 года она приобрела большое значение, и особенно в Тоскане. Следуя новому призыву Бадольо, сделанному им совместно с английским фельдмаршалом Александером, партизаны довели общую численность своих отрядов летом 1944 года пример но до 100 тыс. человек. Резкое увеличение численности не могло не повлиять на эффективность боевых действий партизан. Однако почему-то зимой количество партизанских налетов резко сократилось. Зато весной 1945 года партизаны насчитывали в своих рядах уже около четверти миллиона человек. Теперь они перешли к решению задач, имевших весьма большое практическое значение. Воспрепятствовать их действиям можно было только путем

решительных мероприятий военного и политического характера.

Итальянские партизаны воевали особенно коварно и применяли самые бессовестные методы. Ни на одном другом театре военных действий не было, например, случаев отравления воды в колодцах. А между тем у населения страны партизаны везде встречали значительную поддержку.

Как и повсюду, немецкое командование вынуждено было прибегнуть к обычным в таких случаях контрмерам; это объясняется сущностью партизанской борьбы и борьбы войск за свое существование в особенно тяжелых условиях. Борьбу с партизанами в непосредственной близости от фронта, а также на последних участках обороны побережья должны были вести полевые армии, а в остальных случаях эта задача возлагалась на старшего полицейского начальника и начальника службы «СС». Согласно нормам Гаагской конвенции ведения сухопутной войны, итальянские партизаны были также поставлены вне закона.

* * *

Сказать что-либо окончательно сформулированное о сущности современной партизанской войны пока еще нельзя. Этот вопрос находится в историческом развитии и имеет свою собственную закономерность независимо от того, сожалеем мы об этом или нет. Несомненным является то, что партизаны никогда не будут придерживаться норм международного права, потому что это противоречит существу современной партизанской борьбы. Поэтому совершенно необходимо обеспечить солдату более широкие полномочия и не ограничивать их, как это предусматривает 4-я Женевская конвенция от 1949 года. Однако и таким путем нельзя найти удовлетворительного решения этого вопроса.

Даже если нам и удастся достичь каких-то определенных результатов, исследуя этот вопрос, все равно придется сделать еще очень многое, для того чтобы внести наконец полную ясность в правовые нормы партизанской войны в международном масштабе. Неясность здесь может только увеличить путаницу. При этом следует помнить прежде всего одно: неясность в правовом отношении этого, хотя и достойного сожаления, но совершенно неизбежного нового вида народной борьбы особенно сильно увеличивает страдания мирного населения. Население в случае войны будет сдавлено двумя враждующими группами:

партизанами, с одной стороны, и регулярными войсками — с другой. Мы все окажемся в положении страуса, ищущего спасения у себя под крылом, если сообща не предпримем самых серьезных мер к ограничению форм партизанской войны, причем не на основе какой-то отвлеченной теории, а на конкретном опыте прошедшей войны.

ЛИТЕРАТУРА

Bolhuis J. J., Onderdruking en verzet. Nederland in oorlogstjd, Bd. 1–3, Amsterdam. Meulenhoff, 1948–1952.

Fjord F., Norwegens totaler Kriegseinsatz. Europa Verlag, Zurich, 1944.

Michel H., Histoire de la Resistance 1940–1944. Presses Universitaires de France, 1950.

Rendu1ic L., Gekampf, gesiegt, geschlagen, Welsermuhe, Vowinckel, Heidelberg, 1952.

Strobel G.W., Die polnische Widerstandsbewegung seit 1939, Zeitrschrift «Osteuropa», 1952. H. 3.

Abetz O., Das offene Problem, Greven Verlag, Koln.

Вице-адмирал в отставке
Курт Ассман

Война на море

Когда 3 сентября 1939 года Англия объявила войну Германии, политические руководители последней были неприятно удивлены. Гитлер, не обращая внимания на настойчивые и неоднократные предупреждения британского премьер-министра Чемберлена и британского посла Невилла Гендерсона, до самого последнего момента считал, что та угрожающая позиция, которую Англия заняла в германско-польском конфликте, является простым блефом. Вступление в войну Англии, поддержанное буквально через несколько часов аналогичным заявлением Франции, означало, что отныне война между Германией и Польшей, которую Гитлер намеревался локализовать на территории последней, превращается в мировую войну, которая для Германии, если она вообще собиралась воевать с Великобританией, должна была стать прежде всего войной на море.

Германский военно-морской флот был явно не подготовлен к ведению такой войны, так как не имел ни материальной базы, ни соответствующих планов. До весны 1938 года Гитлер постоянно указывал главному командованию военно-морского флота, что о войне против Англии не может быть и речи. За несколько лет до этого — в 1935 году — было заключено англо-германское морское соглашение, по которому между германским и британским флотами устанавливалось новое соотношение, 35:100. В этом соглашении говорилось, что Германия, исключая всякое соперничество с английским военно-морским флотом, может строить свой военно-морской флот в мире и дружбе с Англией.

Только после того, как в вопросе о судетских немцах Англия стала открыто проявлять свое недовольство, германский морской флот получил первое предупреждение, что в будущем возможен конфликт и с Англией. До этого момента строительство германского военно-морского флота постоянно отодвигалось на задний план теми большими требованиями, которые в ходе общего вооружения Германии предъявляли сухопутная армия и военно-воздушный флот. Не были использованы даже те возможности, которые предоставлялись англо-германским морским соглашением. Теперь, с началом войны с Англией, на передний план выступили вопросы, связанные с созданием

военно-морского флота, хотя по-прежнему армии и авиации принадлежала ведущая роль. Ввиду большого количества времени, потребного для строительства военных кораблей, Германии пришлось бы потратить многие годы, если не десятилетия, чтобы создать такой военно-морской флот, который можно было бы противопоставить английскому флоту. Главное командование германского военно-морского флота составило исчерпывающий, план постройки кораблей, предусматривавший до 1943–1944 годов построить такое количество кораблей, включая линкоры и авианосцы, которое дало бы германскому флоту возможность соперничать с английским в борьбе за владычество на океанах. До этого момента, как убеждал Гитлер командование военно-морского флота, германско-английский военный конфликт считался невозможным.

Но уже следующей весной произошла решающая перемена в германско-английских отношениях, которая в течение нескольких месяцев привела к войне. В это время, конечно, ни один из военных кораблей, запланированных к постройке, еще не был готов.

Соотношение сил между Германией и западными державами в начале войны показывает следующая таблица, которая составлена по немецким и частично по английским источникам.

Из помещаемой ниже таблицы ясно видно подавляющее превосходство военно-морских сил Англии и Франции над немецким военно-морским флотом. Особенно большим недостатком Германии для ведения войны в океане было полное. отсутствие авианосцев: оба корабля этого класса («Граф Цеппелин» и «В»), находившиеся в начале войны на верфях, так и не были достроены. Из 57 немецких подводных лодок только 22 были пригодны для плавания в Атлантике, а остальные, водоизмещение которых не превышало 250 т, могли быть использованы только в Северном море. То, что к 3 сентября 1939 года Германия имела такое же количество подводных лодок, как и Великобритания, было чистой случайностью. Однако отсюда у многих возникло неправильное представление[57] о том, что Германия якобы полностью исчерпала паритетные права, предоставленные ей в строительстве подводного флота англо-германским морским соглашением. Английские подводные лодки были значительно крупнее, чем немецкие, так что. если бы Германия сделала свой подводный флот по тоннажу равным английскому, она к началу войны должна была бы иметь 160

подводных лодок принятого в германском флоте водоизмещения. [58]

	Германия		Англия		Франция	
	готовые	строящиеся	готовые	строящиеся	готовые	строящиеся
Линкоры	—	4*	12	7****	—	—
Линейные крейсеры	2	—	3	—	7	3
Броненосцы**	3	—	—	—	—	—
Авизаносцы	—	2***	9	6	2	2
Тяжелые крейсеры	1	4*	15	—	19	2
Легкие крейсеры	6	—	49	19	—	—
Эсминцы	22	16	184	38****	59	16
Миноносцы	20	10	—	—	12	14
Подводные лодки	57	40	58	24	77	14

*Из них закончены были только два линкора — «Бисмарк» и «Тирпиц» и два тяжелых крейсера — «Блюхер» и «Принц Ойген».

**За границей они назывались «карманными» линкорами.

***Два не закончены.

****Включая 6 эсминцев, предназначавшихся вначале для Бразилии.

При оперативном планировании войны на море главному командованию германского военно-морского флота прежде всего нужно было ввиду превосходства английского флота отбросить как абсурдную всякую мысль о ведении крупных морских сражений. Следовало выбрать другой путь, для того чтобы нанести противнику смертельное поражение. Англия, как известно, государство островное, она ни в коем случае не может обеспечить себя продовольствием и необходимым военным сырьем за счет ресурсов своей территории. Существование Англии целиком зависит от сохранения ею своих морских коммуникаций, связывающих ее с другими континентами. Если бы путем блокады, или точнее «борьбы на коммуникациях», Германии удалось нарушить связь Великобритании с остальными странами настолько эффективно, что она не смогла бы дальше существовать, а не то что воевать, тогда ее поражение было бы делом решенным. Этим же путем шел и штаб оперативного руководства войной на море в период первой мировой войны, когда оказалось, что преимущество Германии над Англией в крупных морских сражениях обеспечить невозможно. Штаб надеялся, что тогда еще новое оружие — подводные лодки — будет для этого как нельзя более подходящим средством. «Неограниченной подводной войной» Германия создала для Англии самую большую угрозу ее существованию, которую та когда-либо переживала за всю свою историю и от которой она избавилась только при помощи американцев.

Казалось вполне благоразумным, что германский военно-морской флот, учитывая опыт первой мировой войны, в 1939 году должен был идти тем же самым путем, тем более что блокада была вообще единственным путем, следуя которому Германия могла использовать свои скромные силы с максимально возможной пользой для войны в целом. Не вызывало никаких споров и то, что подводная лодка и на этот раз будет нести основную тяжесть блокады и что главная роль в ожидаемых успехах будет принадлежать ей, Однако ввиду незначительного количества имеющихся в распоряжении подводных лодок штаб оперативного руководства войной на море не сомневался в том, что от одного подводного флота в борьбе против морских коммуникаций Англии нельзя ожидать решающих для исхода войны успехов.

Поэтому целью германского верховного командования с самого начала было использовать все средства для борьбы с торговым флотом противника, и причем не только подводные лодки, надводные корабли, вспомогательные крейсеры, мины, но и авиацию. Оно надеялось, что такое концентрирование сил с течением времени принесет решающие результаты в войне на коммуникациях противника. При этом большие надежды возлагались на поддержку современной авиации, которой в первую мировую войну еще не имелось в арсенале средств осуществления блокады. Недостаток в подводных лодках должен был со временем восполниться за счет форсированного строительства новых подводных лодок.

Между тем оптимистической оценке перспектив войны на коммуникациях противника мешали различные привходящие факторы отчасти на собственной стороне, отчасти на стороне противника. Первым таким фактором была авиация. Как средство ведения войны на море она до сих пор еще не была испытана. Кроме того, программа строительства германской авиации в мирное время осуществлялась, исходя из чисто континентальных потребностей и принципов; задачи морской войны не учитывались, и поэтому вопросу создания морской авиации достаточного внимания не уделялось. Командующий ВВС генерал-фельдмаршал Геринг, разумеется, думал о постройке таких самолетов, которые были бы способны вести войну на море. Но проблемы, связанные с морской войной, несмотря на настойчивые требования представителей военно-морского флота, постоянно отодвигались на второй план. До осени 1939 года для этого не было времени. К тому же фельдмаршал хотел держать в

собственном подчинении и власти то, что он уже создал, хотя у него и не было достаточных специальных знаний и он не учитывал, что руководство войной на море должно находиться в одних руках — в руках ответственного за это главнокомандующего военно-морским флотом. Недостатки, вытекавшие отсюда в деле практического руководства морской войной, были самыми разносторонними и, как потом оказалось, роковыми.

Другим фактором, вносившим в руководство морской войной определенную неуверенность, была система оборонительных мероприятий противника, развития которой следовало ожидать в двух направлениях, а именно: с одной стороны, в быстром увеличении и усовершенствовании средств борьбы с подводными лодками и самолетами, с другой — в форсировании строительства торговых судов для возмещения потопленного тоннажа. И то и другое требовало времени в той же степени, в какой Германии оно было нужно для увеличения средств нападения. Однако время работало на противника, тем более что общая военная обстановка требовала усиления германских вооруженных сил для ведения в первую очередь сухопутной войны. Один из важнейших уроков подводной войны 1914–1918 годов, с которым руководящие круги военно-морского флота были недостаточно знакомы, состоит в том, что подводная война может привести к успеху только в том случае, если начинающий ее будет обладать численным превосходством в подводных лодках. Иначе и не может быть, ибо борьба противника с подводными лодками и постройка новых судов взамен выбывших из строя могут вестись гораздо быстрее, чем строительство подводных лодок. Требуется почти полтора года. прежде чем заложенная на стапеле океанская подводная лодка будет окончательно готова к выходу на задание. Поэтому решающего успеха в войне на коммуникациях противника нужно было добиваться в первые же годы войны. Как только стало очевидным, что количество вновь построенных противником судов превосходит количество потопленных, подводная война с транспортами противника оказалась обреченной на неудачу. Шансы выиграть подводную войну, прежде чем наступит это состояние, были у немцев весьма незначительными, ибо вначале войны они не имели для этого необходимых средств и возможностей их усовершенствования. Кроме того, исходя из той враждебной позиции, которую президент Рузвельт занял по отношению к национал-социалистской Германии, следовало ожидать, что в скором времени Соединенные Штаты бросят на

чашу весов свой неистощимый военный потенциал.

Единственное, что мог сделать штаб оперативного руководства войной на море сразу же после начала войны, это перестроить всю программу мирного времени на строительство тех военных кораблей, которые были в первую очередь необходимы для уничтожения транспортов противника и могли быть построены сравнительно быстро, то есть подводных лодок, быстроходных торпедных катеров, минных заградителей, вспомогательных крейсеров, а также многочисленных мелких кораблей вроде тральщиков и т. п… которые могли быть использованы как вспомогательные силы для ведения войны на коммуникациях. Эта перестройка была осуществлена уже в первые дни сентября 1939 года. Из крупных кораблей теперь продолжали строиться только те, которые были почти закончены.

Вместе с тем выполнение программы строительства подводных лодок, рассчитанной на мирное время, ежемесячно увеличивало подводный флот лишь на 2–3 лодки, а нужно было, чтобы каждый месяц со стапелей сходило 20–25, а затем — до 30 подводных лодок. Однако эти планы, несмотря на постоянные напоминания штаба оперативного руководства войной на море как раз в первые годы войны, когда они имели решающее значение, выполнены не были. Как выяснилось, возможности выполнять требования военно-морского флота наряду с растущими потребностями сухопутных и воздушных сил были слишком ограничены из-за недостатка рабочей силы и сырья. Когда летом 1940 года. после поражения Франции, перевод германской военной промышленности на выполнение заказов для военно-морских и военно-воздушных сил в связи с предстоящей борьбой против Англии был уже решенным делом, новым препятствием явились начавшиеся тогда приготовления к войне с Россией, потребовавшие нового распределения имеющихся средств и обусловившие преимущественное положение сухопутной армии и авиации.

К наступательным задачам немецкой авиации в войне на море относились прежде всего борьба с военными и торговыми судами противника, минирование входов в порты и воздушные налеты на порты противника. Немалое значение имели и задачи, которые немецкая авиация должна была выполнять по обеспечению кораблей и соединений военно-морского флота, и в особенности подводных лодок, разведывательными данными, а также по защите собственных кораблей от воздушных налетов

противника. Немецкая авиация, состояние которой было обусловлено программой мирного времени, уже не могла добиться решающих успехов в войне на море: Наибольший ее недостаток заключался в том. что командование военно-морского флота, встречая сопротивление главнокомандующего военно-воздушными силами, не могло добиться создания своей собственной морской авиации, специально подготовленной для выполнения задач войны на море, и взаимодействия с военно-морскими силами, какая, например, была создана еще задолго до войны в японских вооруженных силах и в самом начале войны сразу же была введена в действие, обеспечив японской армии большие успехи. Серьезным недостатком было и то, что у германского флота совершенно отсутствовали авианосцы, которые могли бы увеличить радиус действия авиации до самых отдаленных уголков океана, которых невозможно было достичь с сухопутных баз.

Штаб оперативного руководства войной на море надеялся, что магнитная мина явится тем оружием, которое окажется наиболее эффективным в борьбе с торговым флотом Англии. Это была тяжелая донная мина. которая взрывалась, если над ней проходил железный корпус корабля, даже не прикасаясь к ней. Выловить ее обычными до этого времени средствами траления мин было нельзя. Правда, новые мины можно было применять только на довольно неглубоких местах, так как по мере опускания их на большую глубину магнитная индукция, исходящая от плывущего над ней корабля, постепенно уменьшалась и прекращала свое действие на взрывательный механизм. С октября 1939 года магнитные мины устанавливались у входов в порты и в устьях рек, но. к сожалению, имевшиеся в то время запасы таких мин были недостаточными, чтобы применять их в большом количестве. Постановкой мин занимались эсминцы, самолеты и вспомогательные суда. Результаты применения новых мин вначале вызвали у англичан тревогу, так как бороться с этими минами прежними средствами траления оказалось невозможным. Вскоре, однако, из-за неточности. допущенной немецкими летчиками при сбрасывании. две мины оказались во время отлива на отмели и попаду в руки англичан, которые, тщательно исследовав их. раскрыли, наконец, секрет их конструкции. После этого они начали с лихорадочной энергией работать над устранением новой опасности и достигли того. что отчасти за счет размагничивания корпуса корабля, отчасти путем усовершенствования методов траления в конце 1939 — начале 1940 года потери английского флота в значительной мере

снизились.

* * *

Значительную роль в оперативных планах германского штаба оперативного руководства войной на море с самого начала войны играло использование надводных сил флота, и не только эсминцев, как наиболее пригодных в качестве быстроходных минных заградителей, ной тяжелых кораблей. Поскольку не могло быть и речи о том, чтобы навязывать противнику крупные морские сражения, война с транспортным флотом была единственным путем добиться какого-либо успеха. После неудачного исхода первой мировой войны в адрес тогдашнего штаба оперативного руководства войной на море поступило много упреков. Штаб обвиняли главным образом в том, что он, как и британское адмиралтейство, воздерживался от использования эскадр своих линейных кораблей.

Эти упреки сильно повлияли на гросс-адмирала Редера, который ни при каких обстоятельствах не желал снова сделать военно-морской флот объектом подобной критики. Поэтому те немногие тяжелые корабли, которыми немецкий флот располагал в 1939 году. были все же введены в действие, несмотря на подавляющее превосходство флотов западных держав. Их личный состав проявил при этом такую беспримерную отвагу, которой совершенно не отмечалось во всей истории предыдущих войн. Немецкому флоту была дана директива избегать боевых действий с равными или превосходящими силами противника, так как оперативной целью войны на море являлось не уничтожение военных кораблей противника, а потопление торговых судов на коммуникациях, для чего он должен был как можно дольше сохранять свои силы. Если же бой был неизбежен, то его надлежало вести с полной отдачей сил.

Географическое положение, которое играет очень большую роль в войне на море, не разрешало Германии, так же как и в первую мировую войну, использовать в войне на коммуникациях противника свои тяжелые боевые корабли. На Северном и Балтийском морях, где находились основные немецкие военно-морские базы. жизненно важных морских коммуникаций Англия не имела, а сам британский остров, расположенный на выходе в Атлантику, был для Германии чем-то вроде стража. Каждое судно, выходившее в Атлантический океан, должно было сначала пройти либо через Ла-Манш, либо через проливы между Шотландией.

Исландией и Гренландией. Оба прохода могли легко контролироваться британскими вооруженными силами и быть просто забаррикадированы превосходящими силами противника. И лишь в одном отношении положение было несколько легче, чем в первой мировой войне. Дело в том, что тяжелые корабли кайзеровского военно-морского флота вообще не имели возможности проходить через эти проливы, так как они не обладали необходимым для этого радиусом действия. Напротив, тяжелые корабли современного немецкого флота благодаря переводу двигателей на новое топливо — нефть могли не только прорываться через эти проливы, но и вести кратковременные операции в открытом океане, не расходуя запасов горючего, необходимого для возвращения на родину. И все же для более длительного пребывания в районе операций кораблям требовалось дополнительное горючее, подвозившееся им танкерами, которые штаб оперативного руководства войной на море предусмотрительно посылал в морские районы, находящиеся в стороне от районов с развитым судоходством, где военные корабли встречались с ними для пополнения запасов горючего. Эта система, организованная штабом оперативного руководства войной на море с большим искусством, просуществовала вплоть до лета 1941 года.

Наиболее подходящими для ведения войны на морских коммуникациях считались три германских броненосца типа «Дейчланд». Они имели дизельные двигатели с очень малым расходом горючего и могли пройти около 10 тыс. миль. не пополняя его запасы. Корабли этого класса своим созданием были обязаны тем ограничениям, которые Версальский договор наложил на германский военно-морской флот. Сочетание основных характеризующих элементов — вооружения, скорости и брони — было настолько удачным, что броненосцы оказались боеспособнее любого крейсера и быстроходнее всякого линкора. Поэтому, исключая другие неблагоприятные обстоятельства, единственным более или менее опасным противником для, них могли быть только линейные крейсеры противника, превосходившие их в боеспособности и в скорости. Еще до начала войны, когда отношения с Англией еще только начинали приобретать натянутый характер, два корабля этого класса — «Дейчланд» и «Граф Шпее» — вышли в Атлантический океан, в те районы, которые им отводились на случай войны. Их появление в океане принудило англичан к проведению значительных контрмероприятий в Северной и Южной Атлантике, которые поглотили у них довольно крупные силы. Броненосец «Дейчланд»,

выполнив ряд незначительных заданий, в ноябре 1939 года возвратился в Германию. Крейсерство броненосца «Граф Шпее», проникшего в Индийский океан и вызвавшего тревогу в британском адмиралтействе, после серьезных успехов закончилось самым печальным образом в Атлантике в середине декабря 1939 года: команда затопила корабль после неудачного морского боя, у устья реки Ла-Платы.

Этот бой является весьма интересным в тактическом отношении, поэтому он заслуживает краткого описания. Крейсируя в Южной Атлантике, броненосец. «Граф Шпее» 13 декабря 1939 года встретил у устья реки Ла-Платы отряд английских крейсеров в составе тяжелого крейсера «Эксетер» и двух легких крейсеров «Аякса» и «Ахиллеса». Противник вначале был принят на броненосце за 1 крейсер и 2 эсминца, поэтому командир броненосца капитан 1 ранга Лангсдорф решил принять бой и пошел на сближение. Когда оказалось. что противник определен неправильно, уйти от боя было уже невозможно. «Граф Шпее» направил тяжелую артиллерию (6 — 280-мм) против крейсера «Эксетер». а среднюю артиллерию (8 — 150-мм) — против «Аякса» и. «Ахиллеса». «Эксетер» скоро получил большие повреждения и вышел из боя. Тем временем английские легкие крейсеры подошли на близкое расстояние и нанесли броненосцу «Граф Шпее» большой урон метким огнем своих шестнадцати 150-лш орудий. После выхода из строя «Эксетера» «Граф Шпее» направил свою тяжелую артиллерию против легких крейсеров. На броненосце было много попаданий, однако они лишь незначительно повлияли на боеспособность корабля, сильно снизив, однако, его мореходность; командир броненосца был ранен. В свою очередь и английские крейсеры получили серьезные повреждения: на легком крейсере «Аякс» вышла из строя половина артиллерии. Обе стороны не имели представления о том, насколько эффективными были их попадания. В этой обстановке капитан 1 ранга Лангсдорф решил прекратить бой и укрыться в порту Монтевидео. где, как он надеялся, ему удалось бы отремонтировать броненосец на судоверфи. В этом и заключалась трагическая ошибка командира броненосца. В тот самый момент, когда Лангсдорф принял это решение, командир английских кораблей коммодор Гарвуд признал со своей стороны, что игра для англичан проиграна. Повреждения на броненосце «Граф Шпее» были ему неизвестны. Против шести орудий калибра 280 мм и восьми 150-мм орудий противника он имел только двадцать 150-мм орудий. Поэтому он отдал команду: «Прекратить огонь! Отойти!»

Английские крейсеры повернули и пошли курсом на восток. Но когда они увидели, что «Граф Шпее» продолжает идти на запад, по направлению к устью реки Ла-Платы, они опять повернули обратно и стали преследовать его до тех пор, пока не стало ясно, что противник идет в Монтевидео. Коммодор Гарвуд мог торжествовать свою победу. С заходом броненосца в Монтевидео его судьба была решена. Уругвайское правительство под сильным нажимом Англии отказалось предоставить верфь для ремонта-корабля, английская разведывательная служба сумела при помощи радио создать у командира броненосца впечатление подхода крупных английских сил, в том числе и линкора «Ринаун» к устью реки Ла-Платы. В этих условиях любая попытка поврежденного корабля прорваться в океан казалась бесполезной гибелью команды корабля, насчитывавшей тысячу человек. Броненосец «Граф Шпее» был затоплен в устье Ла-Платы на мелком месте без помех со стороны противника, а команда корабля интернирована аргентинскими властями. Командир корабля, который с самого начала решил разделить судьбу своего корабля, покончил жизнь самоубийством, — после того как команда сошла на берег.

Броненосец «Граф Шпее» вел бой в одиночку, на расстоянии 8 тыс. миль от родины, не имея ни помощи, ни опорных пунктов. Повреждения, полученные им в бою, снизили его мореходные качества и должны были поставить под вопрос не только дальнейшее использование корабля в районе операций, но и возможность возвращения на родину. Тяжелый крейсер «Эксетер», получивший еще более сильные повреждения, двигаясь со скоростью 7 узлов, сумел достичь близлежащей английской военно-морской базы на Фолклендских островах и был затем отправлен в Англию для ремонта. В мае 1941 года в бою за Крит и его постигла горькая судьба: он был потоплен немецкими авиабомбами.

Очень ценным дополнением войны на коммуникациях были действия многочисленных, разбросанных по всем океанам вспомогательных крейсеров. Характерной особенностью этого рода войны было то, что перестроенные для этой цели торговые суда, вооруженные артиллерией, торпедами и минами, выглядели внешне, как безобидные транспортные суда. Вплоть до самого открытия огня они шли под флагами нейтральных держав и ничем не выдавали своей принадлежности к военным кораблям. Они наносили противнику немалый ущерб, ставя мины у входов в

крупные порты, и, что еще важнее, заставляли своих противников вводить крупные военно-морские силы, чтобы уменьшить опасность, которой постоянно подвергались их морские коммуникации.

* * *

Весной 1940 года война на коммуникациях была значительно ограничена операцией, начавшейся в Норвегии, для проведения которой германский военно-морской флот должен был сконцентрировать почти все свои силы. Война Германии против Норвегии всегда будет занимать в истории войн особое место и вызывать большой интерес, потому что она была первой «комбинированной операцией» большого масштаба, в которой все три вида современных вооруженных сил — армия, флот и авиация — были использованы в тесном взаимодействии и приблизительно в равных пропорциях. К этому следует прибавить еще одно обстоятельство, которое сделало эту войну заслуживающей особенного внимания и придало ей почти драматический характер. Это был один из тех редких случаев, когда оба противника одновременно, почти в один и тот же день и час намеревались наложить свою руку на одну и ту же цель — на Норвегию, и поэтому до последнего момента было неизвестно, кто из них опередит другого. Если в первые годы после войны, и в частности на Нюрнбергском процессе, во время вынесения приговора гросс-адмиралу Редеру, которого обвиняли главным образом в приготовлениях к «агрессии» против Норвегии, еще имелись сомнения в этом вопросе, то теперь они окончательно рассеяны очень откровенными заявлениями Черчилля. а также разъяснениями, опубликованными в первом томе официальной британской военной истории. Союзники замышляли после постановки мин в территориальных водах Норвегии, предусмотренной ими на 8 апреля, захватить как раз те норвежские порты, которые выбрали для себя и немцы, но перестроили свои планы на оборону, когда узнали, что в северном направлении двигаются крупные силы немецкого военно-морского флота. Благодаря счастливому стечению обстоятельств высадка немецких десантов утром

9 апреля была удачной во всех предусмотренных пунктах и прошла без помех со стороны британских вооруженных сил. Дерри[59] подчеркивает, что замыслы англичан и французов сводились к тому, чтобы высадить свои войска в Норвегии только в том случае, если немцы в ответ на минирование норвежских вод

первыми вступили бы на территорию Норвегии, и добавляет при этом, что союзники должны были начать захват портов только в том случае, «если мы получили бы явное доказательство, что они (немцы) также намерены это сделать». Эта фраза имеет решающее значение, ибо она совершенно очевидно показывает параллельные планы союзного командования. Ведь немцы высадились в Норвегии, потому что они из достоверных источников могли заключить, что союзники затевали то же самое. На основании этого давно установленного факта становится совершенно непонятным, каким образом наши бывшие противники могли допустить, что неправильное обвинение, предъявленное гросс-адмиралу Редеру на Нюрнбергском процессе, до сих пор еще не подвергалось пересмотру.

Главную тяжесть первого этапа операции — внезапного захвата портов Норвегии — должен был вынести германский военно-морской флот. Ввиду господства английского флота на море норвежская кампания была связана с таким большим риском для нашего флота, что она всегда будет считаться одной из самых отважных операций германского военно-морского флота. Операция была настолько смелой, что англичане, узнав о немецких замыслах, не хотели верить этому до тех пор, пока для принятия контрмер у них не осталось времени. Тяжелые потери, которые германский военно-морской флот понес в боях с англичанами, последовавших за оккупацией Норвегии, и в частности потеря 10 новейших эсминцев в Уфут-фьорде у Нарвика, остались невозмещенными на протяжении всей войны.

Попытка англичан изгнать немецкие войска из Норвегии была с самого начала обречена на неудачу, потому что была предпринята недостаточными силами и потому что англичане боялись использовать свой флот в тех районах, над которыми германская авиация господствовала в воздухе. Новым во всей этой ситуации было то, что с применением авиации в качестве оружия для ведения войны на море возникли условия, давшие немцам возможность в определенных морских районах компенсировать недостаточное господство на море господством в воздухе.

Летние месяцы 1940 года германский военно-морской флот провел в приготовлениях к «операции Зеелёве», то есть к вторжению в Англию. Эта операция не была проведена главным образом потому, что в этом районе немцы не сумели компенсировать действия флота действиями авиации. Несмотря

на тяжелые беспрерывные воздушные бои над Южной Англией, немецкая авиация не добилась в этом периоде войны. названном англичанами «Battle of Britain»,[60] поражения британской авиации. Но даже если бы это ей и удалось, то все равно можно было с уверенностью сказать, что эта операция не имела бы решающего успеха, потому что в данном случае «заменить господство на море господством в воздухе» было вообще невозможно. Ведь дело шло не просто о переправе через Ла-Манш. Даже если бы немецкие войска при счастливом стечении обстоятельств и переправились через пролив, то за этим началась бы самая главная трудность — снабжение высадившейся армии в течение нескольких месяцев в условиях борьбы с противником, который изо дня в день, используя ресурсы собственной страны, становился бы все сильнее и сильнее. Представлялось совершенно невероятным — тем более, когда наступило неблагоприятное для полетов время года, — что немецкая авиация, в высокой степени зависимая от условий погоды, сможет одна помешать решительному и готовому к большим жертвам противнику, обладающему к тому же превосходством на море, использовать свой флот для дезорганизации снабжения немецкой армии. В различных десантных операциях, которые вполне успешно проводились нашими противниками в последующие годы войны на европейском континенте, положение вещей было совершенно иным: во всех случаях они имели подавляющее превосходство и в воздухе и на море.

10 июня 1940 года Италия объявила войну Англии. Это открыло войне ворота в район, в котором Британская империя была уязвимой настолько, что противник, даже не имевший равного по величине морского флота, мог нанести ей здесь смертельную рану. Средиземноморский район был чем-то вроде морского и до некоторой степени сухопутного моста между английской метрополией и странами Британского содружества наций, расположенными в Восточном полушарии, и являлся одной из основных позиций Англии как мировой державы. Защита этого района на протяжении веков была вверена ее линейному флоту. Но роль Средиземного моря в век авиации, подводных лодок, мин, мелких быстроходных кораблей и других современных средств ведения войны на море снизилась до роли «внутреннего моря», которое сильно ограничивало операции крупных морских сил. После поражения Франции, Германии следовало перенести центр тяжести войны на Средиземное море. чтобы в союзе с итальянскими вооруженными силами, концентрированно используя все имеющиеся военно-морские

силы и создав таким образом численный перевес. подорвать английское господство на Средиземном море. Возможность этого доказали впоследствии события зимы 1941/42 года, когда, несмотря на отвлечение германских вооруженных сил войной в России, вполне хватило лишь части сил германской авиации и военно-морского флота, чтобы изгнать британский флот из Средиземного моря. Однако это положение просуществовало сравнительно недолго. потому что именно тогда, когда было достигнуто соотношение сил, обеспечившее немецко-итальянским войскам в Северной Африке небывалый успех, немецкое верховное командование опять возвратилось к полумерам, уверившись в том, что Средиземное море — лишь второстепенный театр войны, перебросило отсюда часть военно-воздушных сил в Россию для подготовки там летнего наступления 1942 года и дало возможность англичанам, которые отправили для усиления своих сил на Средиземном море все, что имели. вернуть потерянное господство на море.

От утверждения своего господства на Средиземном море зависел успех или провал боевых действий немецко-итальянских войск в Северной Африке, так как все их снабжение осуществлялось по Средиземному морю. Если бы державам оси удалось прочно обеспечить себе это господство, то при наличии превосходящих сил сухопутной армии, которую они имели, захват Египта и стран Ближнего Востока был бы лишь делом времени. Но, когда господство на море окончательно перешло к англичанам, неуспех африканской кампании оказался неизбежным. Немецкое верховное командование, настроенное исключительно на ведение континентальной войны, не видело ни тех чрезвычайно больших шансов, которые давало ему овладение Средиземноморским бассейном, ни тех больших опасностей, которые вытекали из его потери. Все попытки гросс-адмирала Редера склонить Гитлера к тому, чтобы перенести центр тяжести войны не в Россию, а на Средиземноморский бассейн, оставались безуспешными. Для высшего немецкого командования этот район оставался всегда второстепенным театром военных действий, воспринимаемым как дополнительное бремя, тогда как для англичан он был главным. Поэтому исход войны на Средиземном море не мог вызывать никаких сомнений.

Весной 1941 года германский линкор «Бисмарк», считавшийся сильнейшим боевым кораблем того времени, был окончательно готов вступить в строй; завершалось и строительство однотипного корабля «Тирпиц». Надежды штаба

оперативного руководства войной на море на то, что в борьбе с торговым флотом противника примут участие крупные силы надводного флота, значительно возросли. В связи с захватом летом 1940 года атлантического побережья Франции германскому военно-морскому флоту был открыт свободный доступ в Атлантический океан. Линейные крейсеры «Шарнгорст», «Гнейзенау», броненосец «Шеер» и тяжелый крейсер «Хиппер» в начале года месяцами крейсировали в Атлантическом океане и достигли больших успехов, потопив много кораблей противника, причем англичанам ни разу не удалось вступить с ними в бой. И все же штаб оперативного руководства войной на море с самого начала понимал, что настанет день, когда постепенно усиливающаяся активность англичан на море положит конец начатой нами агрессивной и беспощадной надводной войне. Поэтому все стремились как можно лучше использовать оставшееся время. О том, что перелом в военных действиях на море, которого опасался штаб оперативного руководства, должен был наступить уже в самом недалеком будущем, он даже и не думал.

В апреле 1941 года два линейных крейсера «UJaphгорст» и «Гнейзенау» пришли в Брест, закончив свой рейд по Атлантическому океану. Они были вынуждены на несколько месяцев уйти на ремонт: «Шарнгорст» — вследствие неисправности машин. «Гнейзенау — в результате повреждений, причиненных вражескими торпедами и бомбами. Для продолжения операций с участием тяжелых кораблей, таким образом, оставался только линкор «Бисмарк». Он находился еще в Германии. Короткие и светлые летние ночи создавали большие трудности для его незаметного прорыва через Фарерско-Исландский порог. Штаб оперативного руководства войной на море решил поэтому выиграть время и оставить всё сомнения в целесообразности использования отдельного линкора в это время года.

«Бисмарк» получил приказ выйти в море. Для сопровождения ему был придан тяжелый крейсер «Принц Ойген». Командование этим соединением было поручено лично командующему флотом адмиралу Лютьенсу, который в период с января по марте большим искусством провел уже одну операцию линейных крейсеров. Некоторые сомнения, которые он осторожно выразил в беседе с гросс-адмиралом Редером относительно успеха этой операции, были недостаточно убедительными, тем более, что он не мог отказываться от проведения операции, которой сам

должен был командовать. Перед выходом в море адмирал Лютьенс сказал одному своему товарищу, что он сумеет справиться с английскими линкорами. «Англичане, — заявил он, — народ упрямый. Единственно, чего я опасаюсь, так это как бы один из английских торпедоносцев не сбил своим «угрем» рулевое управление!»

Трагический конец «Бисмарка» известен. Вопрос о том. почему адмирал Лютьенс, уничтожив в Датском проливе английский линейный крейсер «Худ» и имея серьезные повреждения, не пошел обратно в Норвегию, а решил взять курс на Сен-Назер. в результате чего рулевое управление «Бисмарка» оказалось выведенным из строя прямым попаданием роковой воздушной торпеды, никогда не будет выяснен, так как командующий флотом и весь его штаб погибли.

Эта операция преподнесла германскому штабу оперативного руководства войной на море весьма неприятный сюрприз. Англичане за это время настолько усовершенствовали свои радарные установки, что могли следить даже за теми судами, которые были невидимы для глаза. Таким образом, защита, которую до сих пор давала немецким военно-морским силам пасмурная погода и ночная темнота, оказалась ненадежной.

Для штаба руководства войной на море потеря линкора «Бисмарк» явилась своего рода шоком. Если до сих пор при использовании тяжелых кораблей он смело брал на себя риск. иногда даже более смело, чем это делали высшие морские начальники, то отныне в его действиях со все возрастающей силой стала появляться осторожность, которая позднее оказалась нежелательной для ведения всей войны. Решающее значение при этом имело и то. что вслед за потоплением линкора «Бисмарк» англичане систематическими поисками совершенно расстроили немецкую систему снабжения флота горючим с танкеров. Активизация действий британского военно-морского флота, постоянное увеличение радиуса действия английской морской авиации, ее растущая активность и интенсивный рост числа британских авианосцев постепенно положили конец действиям немецких тяжелых надводных кораблей. Когда в одну декабрьскую ночь в 1943 году во время очень неудачной атаки на конвой противника в Северном Ледовитом океане линейный крейсер «Шарнгорст» был уничтожен огнем превосходящих сил англичан, этим практически и закончилось всякое применение тяжелых надводных кораблей в войне с английским торговым

флотом, начатой столь обнадеживающе. Эта операция была весьма необычной с чисто технической точки зрения: крейсер «Шарнгорст» был обстрелян кораблями, которых нигде не было видно. Это означало, что англичане настолько усовершенствовали радиолокационную аппаратуру, что с ее помощью они не только устанавливали присутствие и производили пеленгацию невидимого корабля, но даже определяли точное расстояние до него и потому вели прицельный огонь, оставаясь в то же время вне поля зрения атакуемого.

* * *

7 декабря 1941 года нападением на Пирл-Харбор Япония начала войну на Тихом океане. Почти сразу же после этого Германия объявила о том, что она находится в состоянии войны с США.[61] Вступление Японии в войну было радостно встречено германским штабом оперативного руководства войной на море. Однако существенного облегчения в войне на море оно Германии не принесло. Широкого стратегического взаимодействия обоих союзников, к сожалению, достигнуть не удалось, да и сам Адольф Гитлер не придавал ему никакого значения. Новый противник в лице США также не внес в войну ничего, что создало бы Германии какие-либо новые трудности в войне на море, ибо американская военная промышленность благодаря политике Рузвельта[62] уже давно почти целиком работала на Великобританию. Но как бы там ни было, а тот факт, что отныне все оковы, наложенные на действия Германии самим Гитлером, призывавшим учитывать «нейтралитет» Соединенных Штатов, упали и немецким подводным лодкам открылось новое поле для охоты, полное весьма заманчивых целей и совершенно не подготовленное к обороне, способствовал вначале активизации действий германских военно-морских сил.

В начале 1942 года Гитлер приказал сосредоточить все германские морские силы в Норвегии. Он был одержим навязчивой идеей о том, что Скандинавский полуостров представляет собой для англичан самый удобный район, для того чтобы нанести удар могуществу Германии в Европе. Для этого он задумал провести находившиеся в Бресте корабли «Шарнгорст», «Гнейзенау» и «Принц Ойген» через Ла-Манш на родину. Гросс-адмирал Редер пробовал убедить его, что этот прорыв, который должен был происходить в непосредственной близости от английского побережья, был связан с величайшим риском и что он означал отказ от Бреста, представлявшего, несмотря на

большую опасность с воздуха, которой там подвергались корабли, основной опорный пункт для ведения войны в Атлантическом океане, а это чувствительно ухудшало стратегическую обстановку в войне с торговым флотом противника. Тем не менее 12 февраля 1942 года прорыв был осуществлен. Он удался только благодаря тщательно подготовленной и проведенной поддержке с воздуха. Англичане восприняли предпринятый на их глазах прорыв как тяжелое поражение, однако Черчилль заявил в палате общин, что он с величайшим облегчением приветствует уход германских кораблей из Бреста, где они служили постоянной угрозой для английских коммуникаций в Атлантическом океане.

Годом позже, 31 января 1943 года. гросс-адмирал Редер ушел в отставку с поста главнокомандующего военно-морским флотом. Его преемником стал адмирал Дениц. Внешним поводом для отставки было расхождение во мнениях с Гитлером о дальнейшем использовании тяжелых надводных кораблей. Гитлер не хотел прибегать к их помощи, так как считал, что они уже не могут принести никакой пользы, и намеревался использовать их оружие и личный состав в другом месте. Расхождение мнений было в сущности только предлогом. Гросс-адмирал, который в больших решающих вопросах ведения войны чаще всего выражал мнения, расходившиеся с планами Гитлера, и всегда оказывался прав, стал просто мешать Гитлеру. Это стало тем более заметным, когда его преемник уже через месяц после вступления в должность также стал настаивать на использовании тяжелых боевых кораблей.

Представления Гитлера о ведении морской войны были, естественно, крайне примитивными. Не говоря уже о все еще имевшихся шансах на успех в применении тяжелых кораблей, он не понимал и того, какое облегчение для англичан и какое осложнение обстановки для сателлитов Германии должен был принести их выход из строя. Каждый тяжелый немецкий корабль сковывал в отечественных водах по меньшей мере два английских корабля такого же класса, которые в связи с таким решением немцев освобождались теперь для других театров военных действий.

Уход Редера в отставку, казалось, вполне соответствовал всей обстановке, ибо преемником Редера стал бывший командующий подводным флотом, а подводная война была к моменту этой замены единственным козырем немецкого военно-морского флота, имея который, можно было еще как-то воздействовать на

Англию и США. Но, впрочем, и здесь наступил уже поворот, не заметный еще в ежемесячных сводках о потопленных судах, зато очень хорошо различимый в балансе между потопленным тоннажем и количеством вновь построенных кораблей противника, которое с конца 1942 года стало превышать размеры потерь. Решительную перемену в обстановке, заметную даже неискушенному, принес месяц май, когда цифра потерь немецких подводных лодок дошла до 39. Между тем противолодочная оборона приняла, главным образом за счет расширения службы ВНОС и оборудования постов радиолокационными приборами, такие формы и размеры, которым германские подводные лодки, несмотря на героические усилия экипажей, противостоять уже не могли. Тактические и технические контрмеры, которые должны были помочь подводным лодкам преодолеть новые опасности, принесли некоторое облегчение, но предотвратить поражение они уже не могли. Находившиеся в стадии разработки новые типы подводных лодок, успех которых основывался на том, что они могли выполнять задания, не поднимаясь на поверхность, то есть быть вне пределов досягаемости авиации противника, до конца войны так и не были созданы.

Германское командование, несмотря на перемены, произошедшие в обстановке, до самого конца войны усиленно стремилось к оживлению подводной войны и продолжало видеть в подводном флоте средство, могущее решить исход войны.

За весь период войны противником было уничтожено 630 немецких подводных лодок[63] с общей численностью личного состава в 30 тыс. человек. Таким образом, на последние предшествовавшие разгрому 24 месяца, когда уже для каждого трезвого наблюдателя было ясно, что решить исход войны на море подводный флот не может, у Германии оставалось еще 428 подводных лодок.

Сделать сейчас какие-либо конкретные выводы из хода второй мировой войны не представляется возможным, так как отдельные нации, разумеется, хранят в тайне полученный ими опыт ведения войны с применением новейшего оружия и новейших методов. Но общие тенденции дальнейшего развития морской стратегии и тактики, которые можно было прочитать между строк во всем вышеописанном, уже вполне наметились. При этом главным источником для оценки опыта морской войны является восточно-азиатский театр военных действий, на котором сошлись два крупных морских противника. Однако ход боевых

действий на этом театре не может быть освещен здесь ввиду ограниченности места.

Одним из важнейших нововведений морской войны является огромное влияние авиации на морскую войну. Раньше это влияние было ограничено сравнительно небольшим радиусом действия сухопутных самолетов, базировавшихся на сухопутные аэродромы. Теперь их радиус действия стал настолько большим, что даже в войне на океанах они могут использоваться для разведки и для боевых действий. А там, где радиус действия является все же недостаточным, «сухопутным аэродромом» служит авианосец. В составе современных флотов авианосцы занимают теперь одно из основных мест. Взлетающие с них самолеты, вооруженные бомбами и торпедами, играют в современном морском бою решающую роль. Это особенно наглядно проявилось на тихоокеанском театре военных действий, где исход многочисленных морских сражений решался большей частью не на воде, а над водой. Главная роль в уничтожении японского линейного флота принадлежит американской авианосной авиации.

В общей сложности в прошедшей войне было уничтожено 26 линкоров, из них в боях корабль против корабля — 5, в таких же боях, но при поддержке авиации — 3, только авиацией — 12, совместными усилиями авиации и подводных лодок — 1, одними подводными лодками — 3, прочими средствами — 2. Таким образом, доля участия авиации в этих сражениях составила 50 %.

Однако, несмотря на развитие авиации, линкор не утратил своего решающего значения сильнейшей боевой единицы военно-морских сил. Это его значение вновь подтверждается главнокомандующим американским военно-морским флотом адмиралом Кингом в его итоговом отчете об опыте войны на Тихом океане. Он называет опыт борьбы линейных кораблей «одной из интереснейших страниц истории» войны на Тихом океане. В другом месте этого же отчета говорится: «Последним и важнейшим уроком этой войны является то, что американские военно-морские силы должны оставаться самостоятельным элементом вооруженных сил и иметь собственную (sic!) авиацию». Поэтому старый спорный вопрос о том, что лучше — «линкор или самолет», — найдет свое разрешение в будущем составе военно-морских флотов в формуле «линкор + авианосец».

В подводной войне будущего найдет применение и такая

быстроходная подводная лодка, которая будет действовать исключительно в погруженном состоянии. Как это оправдается практикой войны и какие средства защиты от нее будут найдены, предвидеть нельзя.

Шансы на успех применения атомной бомбы против военных кораблей, по-моему, пока еще трудно определить. Безусловно, применение атомных снарядов в корабельной артиллерии и введение реактивных управляемых снарядов вызовут в морской войне большие изменения. Дальнейшее усовершенствование радиолокационных приборов, введение самолетов и снарядов, управляемых на расстоянии, создадут новые условия, которые в прошедшей войне наблюдались в зародышевом состоянии.

Но как бы там ни было, развивающаяся гигантскими шагами современная техника сделает возможными в морской войне будущего такие разрушения, которые народам лучше было бы предотвратить, вообще отказавшись от войны, как от ultima ratio[64] политики.

ЛИТЕРАТУРА

Creswell J., Sea Warfare 1939–1945, London, 1950.

Derry T. K., The Campaign in Norway, H. M. Stationary Office, London, 1946.

Grenfell R., The Bismarck Episode, Faber Books, London. 1948.

HubatschW., Die deutsche Besetzung von Danemark und Norwegen 1940, Musterschmidt, Gottingen, 1952.

Puttkamer K. J., Die unheimliche See, Hitler und die Kriegsmarine, Karl Kuhne, Wien. Ruge F., Entscheidung im Pazifik, H. Dulk. Hamburg, 1951.

Контр-адмирал в отставке
Эбергард Годт

Подводная война

Может ли подводная лодка вообще найти себе применение в будущей войне? Этот же вопрос ставился и в немецком военно-морском флоте в 1938 году, когда опасность мировой войны, казалось, миновала, но для прозорливых людей стала совершенно отчетливой опасность войны между Германией и Англией.

Вопрос этот поднимался не случайно. Подводная война 1914–1918 годов после напряженных ожиданий потерпела неудачу. Более того, в Англии раздавалось много голосов, утверждавших, что успехи, достигнутые в противолодочной защите, окончательно устранили опасность, создаваемую подводными лодками. А усовершенствования, которым подверглась конструкция подводной лодки, были весьма незначительными. В списках флотов всех государств ее тактико-технические данные оставались такими же, что и в 1918 году. Но разве можно было отказаться от использования оружия, которое однажды поставило Англию в исключительно тяжелое положение? О том, что это действительно было так. свидетельствуют факты и высказывания авторитетных кругов Англии, которые нельзя объяснить простым желанием англичан приукрасить собственные успехи. Англия всегда и в любой войне будет существенным образом зависеть от состояния ее морских путей. Оспаривать у нее господство на море, помешать ей использовать свои морские коммуникации и закрепить их за собой было бы для Германии при слабости ее надводных сил совершенно бесперспективным. Единственным средством немецкого военно-морского флота в его борьбе с главным противником — Англией — могли быть только подводные лодки, с помощью которых можно было проникнуть в контролируемые Англией моря, «подорвать» ее господство на море и нанести ей удар в самое чувствительное место — торговлю, осуществляемую морским путем.

Новые технические и тактические возможности

За время, прошедшее с 1918 года, подводные лодки претерпели ряд конструктивных изменений, позволивших увеличить возможности их тактического применения. Повышенный радиус действия позволил проводить более длительные операции. Была значительно повышена и живучесть подводной лодки при атаках глубинными бомбами. Далее, если подводная лодка образца 1918 года при каждой атаке выдавала свое присутствие воздушным пузырем, получавшимся от выпускания торпеды, а видимые на поверхности пузырьки от торпеды позволяли противнику уклоняться от нее, то теперь выпуск торпеды происходил без образования пузыря и отсутствие пузырькового следа от торпеды обеспечивало подводной лодке при атаке основные преимущества: внезапность и невидимость.

Но прежде всего современные лодки получили новые тактические возможности. Введение союзниками в 1916 году конвойной системы уже тогда показало необходимость концентрации подводных лодок для атаки групповых целей. Однако в то время для осуществления этого отсутствовали еще необходимые технические средства связи. Теперь же обширные возможности взаимной радиосвязи на коротких и длинных волнах, даже на весьма значительной глубине, обеспечили, по крайней мере принципиально, связь между подводными лодками и командованием на берегу, передачу разведывательных данных от одной лодки к другой, стягивание подводных лодок, находящихся на большом удалении друг от друга, к пункту, где обнаружен конвой, массирование атак подводных лодок по групповым целям.

И все же одна проблема, связанная с центральным руководством операциями подводных лодок, осталась неразрешенной. Командный пункт, который с его обширными сооружениями связи мог быть размещен только на суше, даже при безупречно действующей связи получал лишь ограниченную картину действительной обстановки в районах боевых действий подводных лодок, отдаленных иногда на тысячи миль. Ввиду этого сначала попробовали перенести командование подводными лодками в море. Однако уже в первые месяцы войны выяснилось,

что постоянное воздействие противника, заставлявшее такой «командный пункт» то и дело уходить под воду, сильно ограничивало возможности радиосвязи, и потому от непосредственного командования на море пришлось отказаться. Поэтому не оставалось ничего другого, как руководить действиями лодок с берега. Возникающие при этом трудности должны были устраняться воспитанием самостоятельности у командиров подводных лодок, четкостью донесений, подробным анализом предстоящих и проведенных операций, а также периодической заменой офицеров штаба командирами действующих подводных лодок.

Конечно, существенные недостатки самой подводной лодки выправить не удалось: небольшая скорость, делавшая ее под водой почти неподвижной, оставалась прежней. Ничего не было сделано и для того, чтобы увеличить ее весьма ограниченное поле видимости, не позволявшее ей успешно вести разведку. Попытки устранить эти недостатки взаимодействием с авиацией не вышли за пределы начинаний ввиду недостаточного количества пригодных для этого самолетов. Впоследствии немецкому флоту пришлось очень горько поплатиться за это.

Утверждения англичан об усилении противолодочной защиты относились главным образом к созданию гидролокаторов (Asdic). Однако работы немецких конструкторов в этой области давали основание предполагать, что англичане сильно преувеличивали свои успехи. Неофициальные английские отчеты 1939 года также подтверждали это предположение.

Естественно, следовало ожидать, что развитие средств противолодочной обороны будет во время войны усиленно стимулироваться. Но никто не мог предвидеть, когда и насколько эти средства будут эффективны, чтобы совершенно свести на нет успехи подводной войны. Если позднее и утверждалось, что немцы с самого начала рассчитывали закончить подводную войну в течение двух лет, то это следует расценивать как простую подтасовку фактов. Во всяком случае, предвидеть ту смертельную опасность, которой подводная лодка подвергалась после обнаружения самолетом ее местонахождения, было невозможно, даже если и признать самолет способным своевременно обнаружить лодку, лишить ее тем самым основного преимущества — невидимости и внезапности, принудить ее к погружению и, следовательно, лишить маневренности.

В том состязании, которое происходит между любым оружием и средствами защиты от него, подводная лодка технически вряд ли отстала от средств обороны, а ее тактические недостатки компенсировало то преимущество, какое ей давала система конвоев.

На тактическое и техническое развитие подводного флота большое влияние оказал его командующий, тогда еще коммодор, Дениц. Суровой и прошедшей не без потерь боевой подготовкой он воспитал экипажи подводных лодок в духе самоотверженного выполнения своего долга, в духе постоянной боевой готовности, доверия к своему оружию и восхищения им. Сохраняя этот дух вплоть до самого конца войны, подводники уверенно смотрели навстречу новым боевым заданиям.

Первый боевой опыт

К войне против Англии немецкий военно-морской флот подготовлен не был. Еще в конце июля 1939 года главнокомандующий военно-морским флотом гросс-адмирал Редер объявил офицерскому составу подводного флота, что о войне против Англии не может быть и речи. Поэтому программа строительства подводных лодок не была рассчитана на выполнение тех огромных задач, которые предстояло выполнить в войне. В начале войны немецкий военно-морской флот имел в строю только 56 подводных лодок, из которых максимум 46 могли быть приведены в боевую готовность. В свою очередь только 22 из них были вообще пригодны для использования в Атлантическом океане. И хотя командующий подводным флотом обучил и нацелил своих подчиненных на выполнение задач по уничтожению конвоев противника, все равно при имеющемся количестве подводных лодок главному противнику на море — Англии — могли быть нанесены лишь булавочные уколы. Поэтому для ведения длительной войны нужно было в самый короткий срок построить крупный подводный флот, а до этого времени использовать имеющиеся незначительные силы как можно целесообразнее.

Использование подводных лодок против военно-морских сил противника успеха не сулило. Скорость подводной лодки в надводном состоянии лишь незначительно превышает скорость быстроходных надводных кораблей, чтобы занять необходимую для атаки «передовую» позицию. К тому же наличие у крупных кораблей противника сильного охранения делало подобные атаки бесцельными, а значительное численное превосходство противника на море не позволяло надеяться на какие-либо серьезные успехи собственного флота.

Основных успехов следовало ожидать от войны с торговым, флотом противника, которую следует понимать только как подводную войну. Но при незначительном количестве подводных лодок она не могла проводиться в проверенной в мирное время форме операций групп подводных лодок. Подводные лодки должны были самостоятельно, в одиночку отыскивать свои цели, переходя из одного района в другой, в зависимости от складывающейся обстановки. Их главным оружием была торпеда, которая, как ожидалось, должна была применяться и для

уничтожения крупных целей. Наряду с этим в мине, выбрасываемой из торпедных аппаратов, подводные лодки располагали таким оружием, успех которого хотя и зависел от случая, однако мог оказаться весьма большим, если мина ставилась у входа в порт или в районе наиболее интенсивного судоходства противника. Наилучшие результаты применение мин давало там, где длительное пребывание подводных лодок ввиду наличия у противника интенсивной обороны прибрежных районов было затруднено.

Война с торговым флотом вначале велась по нормам, установленный международным призовым правом, и была сильно ограничена в наступательных действиях. Без предупреждения могли атаковаться только войсковые транспорты, торговые суда, конвоируемые военными кораблями или самолетами, а также корабли, которые непосредственно участвовали в боевых действиях или поддерживали их передачей разведывательных данных. От этого метода ведения войны немецкий подводный флот прошел длинный путь через объявление отдельных участков морей районами боевых операций и до так называемой «неограниченной подводной войны». Изложить весь этот путь в данной статье не представляется возможным. Командование подводным флотом хотя и настаивало на ослаблении ограничений, однако вынуждено было подчиниться директивам политического руководства Германии.

В оправдание постепенному обострению подводной войны можно привести и тот факт, что в послевоенных процессах в Нюрнберге материалы по подводной войне не были использованы для вынесения приговора гросс-адмиралам, после того как было произведено сравнение действий немецкого и англо-американского подводных флотов.

Операцией в Норвегии закончился первый период борьбы подводных лодок в одиночку. Имеющиеся типы немецких подводных лодок вполне себя оправдали. Кроме способности быстрого погружения и маневрирования, они имели очень большой радиус действия, при этом — в противоположность подводным лодкам других военно-морских флотов — они были весьма небольшими, трудноразличимыми в ночное время, простыми и надежными в обслуживании и, кроме того, обладали удивительной живучестью при атаках глубинными бомбами, этим наиболее эффективным средством противолодочной обороны. Хотя до планомерных операций по уничтожению конвоев

группами подводных лодок дело не дошло, однако, когда нескольким подводным лодкам случалось действовать совместно, всегда оказывалось, что разработанные еще в мирное время принципы тактического взаимодействия были правильными.

Кризис торпедного оружия

Норвежская операция окончательно подтвердила те подозрения, которые постоянно возникали в первые месяцы войны: торпеды, усовершенствованные в мирное время, оказались оружием, непригодным для войны. Магнитный взрыватель, который должен был детонировать и взрывать торпеду на заданном расстоянии под целью, часто давал осечки. Ударный взрыватель, к которому пришлось снова возвратиться, имел очень много конструктивных недостатков;

управление рулями глубины торпеды, правильная работа которых являлась первым условием попадания торпеды с ударным взрывателем, оказалось ненадежным. Такое положение привело к тому, что осуществить точное соблюдение всех инструкций и наставлений в трудных условиях боя было невозможно, и благодаря этому успех боевых действий подводных лодок зависел в большей или меньшей степени от случайностей, а то и просто от счастья.

На окончательное устранение этих недостатков ушло несколько лет. Трудно определить, насколько они снизили эффективность действий немецких подводных лодок. Только за время операции в Норвегии безуспешными оказались: 1 атака по линкорам, 7 атак по крейсерам, 7 атак по эсминцам и 5 атак по войсковым транспортам, в успехе которых не было сомнения. Если бы они увенчались успехом, то картина боевых действий немецкого флота у Нарвика была бы совершенно иной. Причину этого следует искать в том, что разработка и испытание торпедного оружия было сосредоточено в одних руках и поэтому отсутствовал необходимый в таких случаях беспристрастный контроль. Вполне естественно, что подобная неудача подводных лодок не могла не подействовать угнетающе на личный состав экипажей. Однако и здесь сказалось влияние их командира. который сумел преодолеть кризис, после того как, несмотря на сильные сомнения, верховное командование решило продолжать борьбу даже в этих условиях.

Принятие этого решения оказалось делом нелегким, но оно было тем более необходимо, что подводный флот увеличивался, а имевшие большой боевой опыт экипажи нужно было как-то использовать. Упущения, сделанные в мирное время как в

отношении торпед, так и отдельных элементов конструкции в целом хороших подводных лодок, не могли быть восполнены в ходе самой войны без больших потерь.

Новая обстановка после операции в Норвегии

Операция в Норвегии потребовала напряжения всех сил подводного флота, поэтому после ее окончания численность его значительно сократилась, но зато захваченные на побережье Атлантики опорные пункты позволили ему решающим образом улучшить свое положение. Английские морские коммуникации лежали теперь, как говорится, «у порога»; длинные, опасные и иногда бесполезные переходы через Северное море и вокруг Англии стали ненужными, так же как еще раньше стал не нужен пролив Ла-Манш.

Начавшееся одновременно с войной выполнение строительной программы хотя еще и не дало больших результатов, однако увеличение потопленного тоннажа противника с 500 до 1 тыс. брт на каждую подводную лодку в день указывало на высокую боеспособность немецких подводных лодок.

С 1941 года количество действующих подводных лодок начало увеличиваться. Благодаря этому становилось возможным участить групповые атаки подводных лодок по конвоям противника. Правда, употребляемые англичанами названия «Тактика волчьих стай» и «Волчья стая» могут создать неправильное представление об этих действиях.

Уже вскоре оказалось, что ограничить инициативу командиров в принятии решений на основании их личной оценки обстановки в районе боя было нельзя. Поэтому для командования стало основной задачей создать группы подводных лодок, которые могли бы контролировать широкие участки моря с большими промежуточными районами там, где на основании тщательного анализа всех сведений о противнике, о погоде и другом с наибольшей вероятностью ожидались вражеские конвои. Позднее расшифровка радиосигналов противника иногда позволяла сообщать подводным лодкам точные данные о часе и месте пребывания конвоев. Если какой-нибудь подводной лодке удавалось обнаружить конвой противника, то она. как правило, действовала самостоятельно. Центральное руководство должно было на основании часто противоречивых сообщений давать

подводным лодкам ясную картину о противнике. Оно должно было организовать радиосвязь с таким расчетом, чтобы все подводные лодки получали необходимые сообщения и сведения, а при потере какой-либо лодкой конвоя противника направлять туда другие подводные лодки (о их местопребывании командование часто могло только догадываться), так чтобы они могли наверняка сблизиться с противником. При этом право выбора времени и места для атаки предоставлялось самим командирам. Отличное знание командирами штурманского дела и тактики противника, храбрость и стойкость экипажей способствовали тому, что часто в условиях плохой видимости и многодневного шторма промокшие и переутомленные, вынуждаемые самолетами противника то и дело уходить под воду лодки преодолевали сотни миль, незаметно и внезапно сближались с конвоями противника, прорывали внешнее и внутреннее кольцо кораблей охранения и, успешно атаковав, уходили от преследования, чтобы снова идти вперед, выискивая новые цели. Большинство этих боев происходило ночью, так как только темнота позволяла подводным лодкам выйти на сближение с противником.

Но у подводных лодок имелся и очень крупный недостаток, заключавшийся в том, что они, будучи по сути дела не «подводными», а только «ныряющими», вынуждены были пользоваться поверхностью моря как для совершения больших переходов, так и для зарядки аккумуляторов, необходимых для подводного плавания. Поэтому Англия с самого начала войны направляла все свои усилия к тому, чтобы контролировать наиболее опасные морские районы при помощи самолетов с радиолокационными установками, имевшими, правда, еще ограниченный радиус действия. Благодаря этому ей удалось постепенно отогнать немецкие подводные лодки от прибрежных морских районов, где они являлись постоянной угрозой для судоходства, в глубь Атлантического океана, где пути конвоев были рассеяны от Гренландии до Азорских островов. Это повело к тому, что главной проблемой подводных лодок с их ограниченной видимостью стала проблема отыскания цели, которая иногда представляла большие трудности, чем проблема самого боя.

Недостатки морской авиации

Увеличить ограниченные разведывательные возможности подводной лодки мог только самолет. После того как для взаимодействия подводных лодок с авиацией было создано первое соединение таких самолетов, оказалось, что наверстать все то, что было упущено в мирное время, либо трудно, либо вообще невозможно. При всем желании экипажей самолетов выполнить задание им вначале недоставало подготовки, необходимой для полетов над широкими морскими просторами, и точных знаний порядка донесений. Как только эти трудности начинания были преодолены и созданы предпосылки, в частности в отношении службы связи, для их успешного взаимодействия, решающую роль во многих атаках на конвои противника стали играть наблюдения, полученные с самолетов. Но эти успехи снижались недостаточной численностью, малым радиусом действия и низкой боеспособностью самолетов. Взаимодействие практически прекратилось, когда подводные лодки в связи с все большим усилением английского господства в воздухе были вынуждены перенести свои действия в те морские районы, которых немецкие самолеты уже не могли достичь.

В первой половине 1942 года, после вступления в войну Соединенных Штатов, командованию флотом еще раз представилась возможность перенести боевые действия подводных лодок ближе к американскому побережью, в район густого сплетения морских путей противника. Таким образом, возможность отказа от борьбы с конвоями в открытом море была использована командованием не потому, что подводные лодки были не в состоянии продолжать эту борьбу, а потому, что командование решило вести борьбу там, где можно было легче всего найти цели и при отсутствии серьезной обороны добиться наибольшего успеха. Однако начиная с середины года усилившаяся оборона американского побережья и прилегающих к нему морских районов заставила наши подводные лодки вернуться обратно в Атлантический океан. До мая 1943 года центр тяжести операций немецких подводных лодок находился в открытом океане, а действия их распространились по всему Атлантическому океану. Между тем время готовило такие события, которые положили конец войне немецких подводных лодок с торговым флотом противника.

Начало трагедии

Когда летом 1942 года главным районом боевых действий немецких подводных лодок в связи с усилением обороны американского побережья снова стала центральная часть Атлантического океана, союзники приняли серьезные меры для борьбы с ними. Количество кораблей охранения в конвоях увеличилось, «дыра в Атлантике», прикрыть которую самолетами было либо трудно, либо совсем невозможно, значительно сократилась. Самостоятельно действовавшие поисковые группы в составе эсминцев и корветов взяли на себя задачу преследования подводных лодок, обнаруженных самолетами. Несмотря на это, положение здесь в целом существенно не изменилось. Напротив, в Бискайском заливе, главном районе курсирования подводных лодок, положение стало значительно серьезнее.

При сильном наблюдении и радиолокации, которые противник вел с воздуха, подводные лодки здесь могли совершать переходы только под водой и при выходе на поверхность, необходимом для зарядки аккумуляторов, подвергали себя большой опасности.

Еще в марте 1943 года имело место самое крупное и успешное за всю войну в Атлантике сражение подводных лодок с конвоями. Но в мае противолодочная оборона союзников стала настолько сильной, что тяжелейшие потери, понесенные подводным флотом, вынудили его практически прекратить войну на коммуникациях. Потери превысили количество вводимых в строй подводных лодок, а успехи продолжали оставаться незначительными. Решающим в этом деле явилось применение союзниками радиолокации для засечки подводных лодок с самолетов, благодаря чему авиация противника стала теперь господствовать над всем Атлантическим океаном. Самолеты поднимались как с берега, так и с авианосцев, обнаруживали подводные лодки с больших расстояний, вынуждали их к погружению и держали под водой до тех пор, пока вызванные ими поисково-ударные группы не брали их «измором», и тогда, вынужденные выйти на поверхность, они становились жертвой превосходящих надводных сил противника.

Война с помощью радиолокации

Опасности, связанные с обнаружением подводной лодки с самолета или со сторожевого корабля, стали известными еще в мае 1942 года, и с этого времени стали изыскиваться всевозможные способы их предотвращения. Вполне осуществимыми казались тогда следующие из них:

1. Оснащение подводных лодок радиоизмерительными наблюдательными приборами, которые должны были сигнализировать экипажу лодки о том. что она замечена самолетом противника, и, таким образом, давать ей возможность своевременно уйти под воду. Эти приборы постепенно совершенствовались, но с переходом к радиолокации на ультракоротких волнах (сантиметровые волны) они стали справляться с этой задачей лишь после многих неудач.

2. Установка на подводных лодках радиолокационных приборов для засечки самолетов. Существенный недостаток этого способа состоял в том, что, посылая направленные радиоволны, подводная лодка выдавала свое присутствие.

3. Обшивка корпуса защитной оболочкой, которая частично поглощала направленные радиоволны и таким образом сокращала радиус действия радиолокационных средств противника.

4. Оснащение подводных лодок зенитным оружием, которое позволяло им принимать бой с самолетами, находясь в надводном положении. Этот способ себя не оправдал: в борьбе с подводной лодкой самолет сохранял свое превосходство.

5. Создание помех в работе радиолокационных приборов противника мощными мешающими передатчиками, установленными на берегу. Этот план практически оказался неосуществимым.

Все эти способы были испробованы, многие из них весьма успешно, однако техническое превосходство союзников как в увеличении выпуска самолетов, так, и в оснащении их радиолокационными приборами решило исход борьбы и лишило нас возможности догнать их.

Путь к созданию океанской подводной лодки

Существенно изменить обстановку на море можно было только созданием мощной океанской подводной лодки. Первым шагом, принесшим положительные результаты, явилось изобретение так называемого «шнорхеля». Он позволял подводным лодкам идти на дизелях, заряжать свои аккумуляторы и пополнять запасы свежего воздуха, не выходя на поверхность. В условиях боевых действий и в походах, продолжавшихся целыми неделями, подводным лодкам требовалось теперь выходить на поверхность только для производства небольшого ремонта. Таким образом, они были надежно укрыты от самолетов противника даже во время длительных переходов, но одновременно с этим значительно снизилась их скорость, так что соотношение между пребыванием в походе и в районе операций стало даже более неблагоприятным, чем прежде. Для боя же, будь то атака или оборона, «шнорхель» не дал никаких преимуществ.

Решающим для облегчения войны на море было создание таких подводных лодок, которые и под водой имели бы постоянную высокую скорость как на переходах, так и в бою. Но до тех пор, пока эти лодки не вступили в строй, подводники должны были продолжать суровую борьбу старыми средствами. Они вели ее с большой самоотверженностью, молчаливо выполняя свой долг, и их поведение было выше всяких похвал.

Смысл борьбы заключался теперь в первую очередь в приковывании как можно большего количества сил и средств противника к противолодочной обороне. Более чем 1500 самолетов дальнего действия и свыше 3 тыс. различных кораблей использовались противником исключительно для выполнения задач противолодочной обороны. Прекращение подводной войны означало бы высвобождение этих сил и всей стоящей за ними наземной организации и судоверфей для непосредственной борьбы против Германии. Связать эти силы лишь частью своих средств было бы просто невозможно. Более того, прекратив однажды подводную войну, командование не было в состоянии ни тактически. ни психологически возобновить ее. Если предполагалось, что новые подводные лодки должны полностью соответствовать требованиям современного боя, то при постройке

и оснащении кораблей, а также при подготовке их экипажей необходимо было учитывать и усовершенствование оборонительных средств противника, и развитие надводных и подводных средств локации, и новые методы ведения поиска и борьбы с подводными лодками. То, что этим лодкам не суждено было вступить в строй, можно было предвидеть, так же как и окончательный проигрыш войны в мае 1945 года мог быть определен не задним числом, как это случилось, а еще в 1943 году.

Но как бы там ни было, а задача подводного флота оставалась прежней — способствовать ведению войны даже в самых тяжелых условиях.

Надежды, которые подводный флот возлагал на новые подводные лодки, были, конечно, небезосновательными. Еще в 1937–1938 годах велась разработка нового типа лодок с парогазовыми турбинами инженера Вальтера. Вначале, по причине скептического отношения к этому новшеству, исследовательские работы шли весьма медленно, но с 1943 года они стали проводиться очень усиленно. На испытаниях новые лодки показали гораздо большую скорость (25 узлов) по сравнению с прежней подводной скоростью (5–6 узлов). Правда, пока еще запас особого горючего, необходимого для столь быстрого хода, был рассчитан только лишь на восемь часов работы двигателя.

Когда в 1942 году оказалось, что для введения в строй этих подводных лодок потребуется еще длительное время, был сделан заказ на постройку такого типа подводных лодок, которые могли двигаться под водой со скоростью 16–17 узлов в течение одного часа. а со скоростью 12 узлов — в течение 10 часов. Такое увеличение скорости по сравнению с прежней, практически не превышавшей 6 узлов, существенно изменяло положение. Эту скорость могли развить далеко не все корабли охранения, и поэтому подводные лодки могли на высокой скорости прорывать их кольцо и, проведя атаку, уходить от преследования. «Шнорхель», покрытый хорошей защитной оболочкой, поглощавшей волны радиолокатора, можно было поднимать на поверхность лишь на несколько часов в день. Опасности, которым подвергались многие подводные лодки во время переходов, были этим самым значительно сокращены. При атаках торпеды выпускались на глубинах до 50 м. Прицеливание осуществлялось при помощи шумопеленгаторов. По конвою производился залп

веером 5–6 торпедами, которые, достигнув площади, занимаемой кораблями противника, покрывали ее всю, совершая зигзагообразные ходы.[65] К концу войны были подготовлены и обучены командиры и экипажи, способные вести новые лодки в бой с кораблями противника. Качества подводных лодок были испытаны самым тщательным образом, и первые такие лодки на практике доказали свою боеспособность. Так завершилось создание новых подводных лодок, которые в других условиях могли бы целиком изменить весь ход войны на море

Но плоды этих усилий попали в руки противника.

Теперь мы знаем, что о любом появившемся у нас усовершенствовании немедленно становилось известно на Западе. В руки союзников попали образцы подводных лодок всех типов. Даже новейшие подводные лодки с парогазовыми турбинами Вальтера, потопленные собственными экипажами в конце войны, были позднее подняты союзниками. Немецкие технические специалисты работали, хотя и временно, в Англии и Соединенных Штатах.

Советский Союз, подводный флот которого на сегодняшний день насчитывает около 300 единиц, имеет в своем строю, согласно надежным источникам, большое количество бывших немецких подводных лодок, включая электрические подводные лодки, обладавшие высокой подводной скоростью хода, но не имеет подводных лодок с турбинами Вальтера. Вряд ли можно предположить, что Советский Союз имел доступ к техническим документам, содержавшим описания этих усовершенствований, проводившихся исключительно на западе Германии. О том, что ведущие специалисты, работавшие над усовершенствованием подводных лодок, поступили на службу к русским или работали у них в порядке принуждения, ничего не известно. Поскольку эти утверждения исходят от самих военных специалистов-подводников, все другие заявления можно считать вымыслом.

Заключение

Прошло уже 8 лет с тех пор, как Германия оказалась лишенной права участвовать в техническом прогрессе, связанном со строительством подводных лодок. Сообщения крупных морских держав дают основание заключить, что во всех областях развития подводного оружия и средств. обороны против него ведутся самые оживленные работы. Это относится прежде всего к Соединенным Штатам и Советскому Союзу — двум противоположным полюсам мировой политики.

Состояние подводного флота в конце войны дает право предполагать, что в соревновании между средствами нападения и средствами обороны от него подводная лодка одержала первенство. Исход всякой новой войны, которой весь мир стремится избежать, будет успешным для той стороны, которая не захочет ограничиться только обороной своего автаркического[66] континента и обратит внимание главным образом на развитие своего морского флота. Более слабый на море противник никогда не сможет воздержаться от того, чтобы не атаковать жизненно важные морские коммуникации своего врага, пусть даже обладающего господством на море и в воздухе. И уж, конечно, ему не удержаться от использования подводной лодки. Независимо от того, в каком морском флоте будет действовать подводная лодка, она везде найдет множество таких задач, разрешить которые сможет только она одна.

Конечно, сейчас развитие подводной лодки ограничено определенными рамками, значительно более узкими, чем при ее появлении на свет в 1915 году, когда, преувеличивая ее возможности, мы видели в ней именно то оружие, при помощи которого несколько столетий спустя можно будет решить исход любой войны. Но подводная лодка не устарела. как парусное судно, замененное паровым. Предпосылками для ее успешного использования в будущей войне наряду с техническими являются также моральный дух, выучка и самостоятельность экипажей. А это как раз то, что в последней войне было присуще немцам в исключительно высокой степени. И если борьба немецких подводников не имела успеха, то это является не их виной, а их бедой.

ЛИТЕРАТУРА

The Battle of the Atlantic», The Official Account, London, 1946.

Morrison S. E., The Battle of the Atlantic, Boston.

Frank W., Die Wolfe und der Admiral, Stalling Verlag, 1953.

Генерал-фельдмаршал в отставке Альберт Кессельринг

Немецкая авиация

Статья 198 Версальского договора гласит: «Германия не должна иметь собственных военно-воздушных сил ни на суше, ни на море». Согласно этому, все военные самолеты, в том числе 5 тыс. вполне боеспособных машин, передавались правительствам стран Антанты и их сообщников.

Выполнение этих требований означало конец для германского военно-воздушного флота. Он был создана 1913 году как «Прусская королевская авиация» и насчитывал четыре воздушных батальона и 12 воздушных рот. Насколько примитивными по нынешним понятиям были воздушные силы того времени, видно хотя бы из того, что в 1914 году средняя скорость самолета составляла около 80 км/час., а к концу войны достигла 220 км/час. Германская авиационная промышленность построила во время первой мировой войны 47 931 самолет. 3200 немецких машин было сбито в боях. За всю войну противник потерял 8400 самолетов. Из них 6800 самолетов было сбито немецкой истребительной авиацией, а приблизительно одна десятая часть этих последних была уничтожена истребительной эскадрой Рихтгофена. Своим исключительно рыцарским поведением в бою немецкие пилоты заслужили высокое уважение даже со стороны своих соперников, и поэтому пропаганда противника не могла значительно повлиять на симпатии пилотов противника к немецким летчикам. В самой Германии такие имена, как Рихтгофен, Бельке и Иммельман, вызвали у народа огромное восхищение перед этим новым родом оружия.

Поскольку после первой мировой войны идея полета завладела всем человечеством, и особенно молодежью всех стран, а техническое усовершенствование авиации приняло самые неожиданные размеры, оковы, наложенные на германскую авиацию Версальским договором, оказались особенно тяжкими и невыносимыми. Вооруженные силы без авиации были немыслимы.

Одним из основных недостатков этого договора в психологическом отношении было то, что Германию при помощи ограничений и прямых угроз отстранили от участия в осуществлении заветной мечты всего человечества. Если бы ей с самого начала было отведено достаточное место в общем деле

создания авиации, то это оказало бы немалое влияние на дальнейшее развитие политики.

Поэтому не приходилось удивляться, что сразу же после окончания войны немецкие мужчины, военные летчики и молодежь, увлекающаяся воздушным спортом, начали серьезно заниматься проблемами современной авиации. Этим самым была положена основа для дальнейших практических работ по изучению проблем, связанных с развитием авиации, по отысканию новых форм самолетов в конструкторских бюро, по созданию новых типов самолетов в мастерской и по испытаниям их на аэродроме. Появилось множество конструкторов и изобретателей, подавших новые технические идеи, появились организаторы и финансисты, которые поняли важность новых задач и стали шаг за шагом приближаться к их разрешению, преодолевая все трудности, возникавшие на их пути.

Но, в сущности, это было только начало. Долго сдерживаемые силы смогли по-настоящему проявить себя только тогда, когда Версальский договор был окончательно нарушен и Германия встала на путь свободного развития.

В этой обстановке задача возрождения авиации была возложена на Германа Геринга. Он был представителем старшего поколения авиаторов, но под влиянием таких теоретиков авиации, как генерал Дуэ, создал себе ясную картину будущего современной авиации. Как же выглядела эта картина.

Прежде всего Геринг считал «идеальной» такую авиацию, которая выполняла бы любые задачи современной войны. Под единым руководством главнокомандующего ВВС должна была быть объединена вся оперативная авиация, как сухопутная, так и морская, и ей нужно было обеспечить единство действий и в обороне и в наступлении. Всякое другое решение в той обстановке влекло за собой раскол. Девизом стало: medio tutissimus ibis.[67] Выходя за рамки своей прежней ограниченной деятельности летчика-истребителя, Геринг задался целью создать мощный бомбардировочный флот, который, имея большой запас тяжелых и сверхтяжелых бомб и обладая огромным радиусом действия. мог решать оперативные задачи, нанося сокрушительные удары по стратегическим и оперативным объектам. Интересы сухопутной армии и военно-морского флота по части оснащения их современной авиацией он отодвигал на второй план. Он надеялся удовлетворить их запросы введением

пикирующих бомбардировщиков, доведенных впоследствии до совершенства, для поддержки сухопутной армии и тяжелых самолетов (Do-17 и др.) для ведения морской разведки. Все это, конечно, осталось бы теорией, если бы Геринга не поддерживали военные специалисты, одаренные высокими оперативными и организаторскими способностями, и выдающиеся инженеры из министерства авиации и других ведомств. Вошедшая в поговорку апатия Геринга, которая обычно наступала после подобной взрыву быстрой разрядки идей, имела то преимущество, что другие могли в это время работать спокойно, не боясь контроля или проверки.

Разработанная генеральным штабом программа действий содержала один особый пункт, предопределивший создание так называемого «рискованного флота».[68] Этот флот, доведенный до умеренной численности, замышлялся не как наступательное оружие, а как заслон и охрана от внезапных нападений извне, когда Гитлер своей политикой шаг за шагом устранял Версальский договор.

Однако его развитию с 1936 года значительно помешала посылка немецких войск в Испанию для поддержки Франко, имевшая вместе с тем свои преимущества, заключавшиеся в том, что местом испытаний всех новых видов оружия: пикирующих бомбардировщиков типа Stuka-87, истребителей Ме-109, 88-мм зенитных пушек, — а также местом, где можно было проверить правильность уставных положений, стал настоящий театр военных действий. Это «внеплановое обучение» способствовало зарождению у нашей молодой авиации чувства уверенности в своих силах и принесло блестящие успехи в польской кампании.

Введение всеобщей воинской повинности (1935 год) и оккупацию Рейнской области (1936 год) Гитлер осуществил, не имея за своей спиной почти никакой военной силы. Однако подготовка и проведение аншлюсса Австрии в марте 1933 года, захвата Судетской области в сентябре того же года и даже установление протектората над Богемией и Моравией в марте 1939 года были такими политическими мероприятиями, осуществление которых должно было опираться на авиацию.

Всякому поверхностному наблюдателю строительство новых ВВС должно было казаться вполне удовлетворительным в отношении темпа и качества, но военному специалисту сразу становились заметными многие недочеты. Административный и

командный аппарат был, казалось, доведен до совершенства, самолеты с недостаточными боевыми качествами были незамедлительно сняты с вооружения, пограничная аэродромная служба на восточной и западной границах была приведена в соответствие с современными требованиями, а боевая подготовка проводилась весьма добросовестно и основательно. И все же, когда началась польская кампания, несмотря на различные попытки избежать ее. немецкая авиация оказалась не совсем подготовленной и боеспособной. Тем не менее воздушная война против Польши по своему замыслу и проведению явилась образцом для последующих сухопутных войн.

Каждый воздушный флот взаимодействовал с какой-либо группой армий, а зенитная артиллерия, главным образом артиллерия резерва главного командования, была подчинена сухопутной армии. Порядок подчиненности был выбран неудачно: он грешил против правил нормального руководства вооруженными силами. И только там, где старшие авиационные начальники были органически связаны с сухопутной армией и во всех вопросах, касающихся поддержки армии, добровольно считали себя подчиненными ей, никаких недоразумений тактического характера не возникало.

Задачи по организации аэродромной службы и противовоздушной обороны, включая и противовоздушную оборону самой Германии, были возложены на военно-воздушные округа. В последующих военных походах штабы военно-воздушных округов особого назначения придавались воздушным флотам или воздушным корпусам, и после окончания войны они превращались в военно-воздушные округа захваченных областей (например, военно-воздушный округ «Голландия», «Бельгия» и т. д.).

Небольшие размеры польской территории не позволили применить оперативную авиацию для решения своих специфических задач, и подразделениям оперативной дальней разведки приходилось действовать главным образом в тактических зонах. Незначительная глубина района боевых действий была даже выгодной, так как тяжелые бомбардировщики (He-111 и Do-17) могли использоваться для решения задач по поддержке армии. Концентрация всех этих сил отчасти компенсировала недостаточную численность нашей ближней бомбардировочной авиации и привела нашу армию к беспримерному успеху, закрепившему за этой войной и

последовавшими за ней другими войнами название «молниеносной». Но при этом часто не учитывают того, что подобные кратковременные войны придавали действиям авиации неправильный, искаженный характер, и поэтому техническое развитие авиации из-за чересчур большого оптимизма и недооценки общей обстановки отодвигалось на второе и даже на третье место. Впоследствии немецкой авиации пришлось самым горьким образом расплачиваться за свои ошибки.

Что касается ближней бомбардировочной авиации, то ее командование наладило с командными инстанциями сухопутной армии образцовое взаимодействие. Бомбардировщики ближнего действия исключительно успешно уничтожали опорные командные пункты и пункты связи противника, бомбили места расквартирования войск, разрушали коммуникации, железнодорожные узлы и мосты, уничтожали скопления живой силы противника, выводили из строя аэродромы и совершали «беспокоящие» налеты на различные объекты противника. Армейская и военно-морская авиация решала также некоторые задачи и по борьбе с военно-морскими силами противника. В последующие годы авиация ближнего действия была еще больше усилена. Я считаю себя вправе предположить, что она послужила примером для всех военно-воздушных сил мира. Уже сегодня историки единодушны в том, что основная заслуга в успехе молниеносных войн принадлежала немецким военно-воздушным силам.

Немецкая авиация в начале второй мировой войны, по данным Рикоффа, насчитывала: 30 бомбардировочных групп (1180 бомбардировщиков), 13 истребительных групп (771 истребитель), 9 групп пикирующих бомбардировщиков (336 пикирующих бомбардировщиков), 10 групп истребителей-бомбардировщиков (408 самолетов) и 1 группу штурмовиков (40 самолетов). К этому следует прибавить 552 транспортных самолета, 23 эскадрильи дальней и 30 эскадрилий ближней разведывательной авиации (721 разведывательный самолет), а также 14 эскадрилий береговой авиации, 2 эскадрильи корабельных и 2 эскадрильи авианосных самолетов (всего 240 самолетов), составлявших ядро морской авиации. Кроме того, имелось 55 самолетов специального назначения. Зенитная артиллерия, согласно другому источнику, насчитывала в общей сложности около 10 тыс. зенитных орудий.

Время, прошедшее между польской кампанией и войной на

Западе, было использовано для оценки и изучения боевого опыта и для совершенствования и усиления противовоздушной обороны Германии. Генерал-лейтенант в отставке Нильсен, бывший на протяжении долгих лет начальником штаба воздушного флота «Рейх», заметил по этому поводу следующее: «Очень важной составной частью современной войны стало не только уничтожение материальных ценностей противника, но и подавление его морального духа. В прошлых войнах, ведшихся главным образом континентальными державами, эту же цель пытались достигнуть блокадой берегов, так как не имеется ни одного народа, который в своей собственной стране имел бы все необходимое для снабжения продовольствием населения и для обеспечения сырьем своей военной промышленности.

В последней войне формы борьбы с гражданским населением и уничтожения военного потенциала противника совершенно изменились благодаря использованию большого количества бомбардировщиков дальнего действия. Поскольку жилища гражданского населения и источники материальных сил обоих противников расположены более или менее открыто, неудивительно, что воюющие стороны стали с самого начала использовать свои воздушные силы для ударов по этим наиболее уязвимым местам. Следует, однако, отдать должное немецкому верховному командованию, которое стремилось не допускать нарушений норм международного права, запрещающих ведение воздушной войны против гражданского населения, и если все же, как это выяснилось впоследствии, его усилий в этом направлении оказалось недостаточно, оно не имело никакого намерения санкционировать подобные действия, если бы его к этому не вынудил сам противник. Случайные попадания в мирные жилища во время налетов авиации на военные, объекты были неизбежны и не могли служить доказательством обратного.

Надежда на то, что одни только благие намерения помогут избежать разрушительных бомбардировок, имевших место впоследствии и целиком противоречивших международному праву, не оправдалась. Поэтому главное командование ВВС Германии еще до начала войны полностью осознало необходимость сделать все, что было в его силах, для защиты своей родины. О характере же необходимых для этого мероприятий имелись весьма различные и не совсем ясные представления. Опыта не было.

Вначале предполагалось, что требования воздушной войны

удовлетворены созданием многочисленных полков зенитной артиллерии и большого количества истребительной авиации с широкой сетью службы ВНОС.

В оперативном отношении противовоздушная оборона на родине подчинялась либо постоянным, либо временно создававшимся управлениям ПВО военно-воздушных округов. Запрашиваемые ими средства ПВО выделялись по распоряжению командования военно-воздушных округов для главного командования ВВС Германии в зависимости от обстановки.

Проявлявшаяся в начале войны обоими противниками некоторая сдержанность не способствовала изменению существующей организации. Войны с Польшей и Францией, выигранные в столь короткое время благодаря использованию почти всех имевшихся сил авиации, привели к тому, что главное внимание при планировании стали уделять усилению авиации поддержки сухопутной армии. Опыт этих кампаний позволил сделать вывод, что уничтожение ВВС противника на земле гораздо больше способствует успеху. чем сильная противовоздушная оборона Германии.

Но когда уже на втором году войны были произведены отдельные налеты на столицу Германии, начались поиски новых путей в противовоздушной обороне. В частности, атаки на Берлин заставили главное командование ВВС Германии осенью 1940 года поручить генерал-полковнику Вейзе, опытному специалисту по зенитной артиллерии, реорганизацию противовоздушной обороны в 3-м военно-воздушном (столичном) округе. Это выразилось в сосредоточении огня всей зенитной артиллерии вокруг Берлина по определенным участкам и в установке здесь большого количества прожекторов.

Что же касается фронтовой авиации, то она была отчасти пополнена, отчасти оснащена новыми типами самолетов (Ju-88, Me-110), а летный состав ее переобучен в соответствии с требованиями войны. Военно-морская авиация вела войну на Северном море вплоть до берегов Великобритании и уже успела выработать принципы ее ведения. Зенитная артиллерия ВВС, которая должна была действовать совместно с сухопутной армией, была сведена Герингом в зенитные корпуса или в зенитные дивизии. Благодаря этому они стали — говоря языком Кромвеля — «железными боками» того боевого порядка, о который в последующих войнах должны были разбиваться

танковые атаки противника. Однако «двум господам» служить трудно, и поэтому в более поздние времена, когда господство в воздухе перешло от нас к противнику и он грозил разбить нашу армию, наша зенитная артиллерия превратилась в противотанковую.

Война на Западе велась по тем принципам, которые были испробованы в польской кампании. И здесь германская авиация в кратчайшее время завоевала господство в воздухе и создала этим самым основу для третьей молниеносной войны, после того как немецкие летчики сыграли главную роль в обеспечении успеха операции в Норвегии. Предвидя дальнейшие события, главное командование ВВС Германии развернуло обучение стрелков-парашютистов и разработало принципы их использования (начало его относится к вступлению немецких войск в Судетскую область). Появление воздушных десантов в Голландии было, например, настолько неожиданным, что сразу же решило исход боев на правом фланге немецкой армии. Но уже в ходе борьбы немецкой авиации с экспедиционным корпусом англичан в районе Дюнкерка стало ясно, что потрепанные соединения немецкой авиации не смогут добиться решающих успехов против упорно сражающихся подразделений английских истребителей. На втором этапе войны во Франции выявились первые заметные результаты в борьбе немецкой морской авиации против флота союзников, эвакуирующегося из портов Нормандии, однако особенно большого опыта приобрести не удалось.

Подготовка к вторжению в Англию и интенсификация войны на море и над морем, а также неясность обстановки, созданная туманными приказами и распоряжениями командования, поставили немецкую авиацию перед новыми трудными задачами. Трудности заключались в следующем:

1. Поскольку верховное командование не собиралось серьезно начинать вторжение в Англию и только лишь «играло в возможность», приказы его были лишены ясности и четкости. Не было ни планов подготовительных мероприятий, ни контакта между командными инстанциями армии, флота и авиации, так что сомнения, появившиеся у многих в связи с этой операцией, были вполне обоснованными.

2. Техническое несовершенство самолетов в отношении дальности полета, высоты подъема, скорости, вооружения и бомбовой нагрузки значительно снижало боевые и тактические

возможности немецкой авиации. Целый ряд важных объектов на острове остался для нее вообще вне пределов досягаемости.

3. Недостаточная подготовленность всего личного состава немецкой авиации к новым методам и формам воздушной войны.

Поскольку верховное командование долгое время не решалось утвердиться в своем решении продолжать войну и часто отказывалось от тех задач, выполнение которых иногда сулило явный и немедленный успех, общее руководство действиями авиации чрезвычайно усложнялось. Немецкие летчики накопили большой боевой опыт в действиях над морем, в налетах на промышленные объекты противника, а также научились летать на большие расстояния и в условиях плохой погоды. К сожалению, анализ этого опыта, если он вообще проводился, все же далеко отставал от темпов его приобретения. Проекты создания мощной четырехмоторной машины с большим радиусом действия, сильным вооружением, увеличенной бомбовой нагрузкой и обладающего высокими летными качествами истребителя дальнего действия так и остались проектами. Этот факт был тем более печальным, что немецкая авиация уже давно имела надежный самолет Не-116. А поскольку было известно, что Ме-110 как истребитель не оправдал на практике теоретических расчетов, то от истребителя дальнего действия пришлось отказаться. Имевшиеся на вооружении реактивные истребители могли бы при дальнейшем усовершенствовании конструкции стать основным средством противовоздушной обороны страны, но для наступательных действий они не годились.

Следует особенно отметить, что военным специалистам были известны недостатки немецкой авиации, что конструкторы были готовы принять самые эффективные и своевременные меры к их исправлению и что верховное командование оказалось в этом вопросе не на высоте. Его главной виной было отсутствие единого плана ведения войны, в противном случае уже в 1940 году оно не ограничилось бы совершенствованием тех типов самолетов, которые могли быть в наикратчайший срок изготовлены для фронта. Чудо, выразившееся в появлении пикирующего бомбардировщика, выгодного в связи с небольшой стоимостью его производства, но Непригодного в качестве самолета дальнего действия, не вызвало более или менее продолжительного удивления. Наконец, высшему военному руководству Германии не следовало в 1941 году ограничиваться только «выдвижением» проблемы строительства самолетов на первый план. Это весьма

сомнительное по своему значению мероприятие при недостатке сырья и огромном количестве запросов со стороны других видов вооруженных сил, а также при непостоянстве руководства того времени не могло быть действительно исчерпывающим решением проблемы. Нужно было еще раньше без всяких оговорок сделать задачу усиления ВВС действительно первоочередной и в ущерб другим безусловно законным требованиям придерживаться раз принятого решения. И если этого не случилось, то основная вина за это лежит на верховном командовании вооруженных сил и главном командовании ВВС Германии, ибо исход войны в конечном счете во многом зависел именно от такого решения.

Блестящие успехи немецкой авиации на первом году войны в России способствовали тому, что предыдущий боевой опыт, имевший огромное значение для развития воздушных сил, был более или менее предан забвению. Господство в воздухе было завоевано уже в первые два дня этой войны, когда несколько тысяч русских самолетов оказались выведенными из строя. В то время войска немецкой армии еще не чувствовали себя в одиночестве на поле боя. Но и здесь главным козырем была авиация ближнего действия, и именно ей было отдано все лучшее, что имелось у армии на Востоке. Задачи оперативного характера по-прежнему оставались исключением, несмотря на то, что уже сама по себе глубина русской территории предоставляла для этого большие возможности. С самого начала войны (21–22 июня 1941 года) из ставших шаблонными действий немецкой авиации выделяются лишь налеты на Москву — политический и экономический центр и важнейший узел дорог России, — проводившиеся вполне успешно на протяжении нескольких месяцев. Несомненно, что эти налеты во многом способствовали той панике, которая возникла в Москве в октябре 1941 года. Тогда немецкая авиация могла действительно решить исход войны, если бы наступление немецкой сухопутной армии не застряло под Москвой сначала в болотах, а затем в снегах русской зимы. В последующие годы войны в России роль немецкой авиации постепенно снизилась, так что к концу войны она могла быть использована только в качестве «пожарной команды» для борьбы на наиболее «горячих» участках фронта. Боевые действия немецких летчиков хотя и были успешными, но авиация уже не удовлетворяла потребностей сухопутной армии, которая ввиду своей слабости нуждалась в двойной поддержке с воздуха, к тому же у русских появилось большое количество легких самолетов. Хочется отметить некоторые довольно важные моменты этой войны.

1. Первый сокрушительный удар по русской авиации способствовал тому, что она смогла оправиться только к концу войны. Преимущество германской стратегии становится убедительным, если учесть, что восточная часть Германии в течение ряда лет оставалась нетронутой воздушными налетами противника.

2. Постоянные интенсивные налеты немецкой авиации на Севастополь в значительной степени способствовали его падению.

3. Снабжение по воздуху 6-й немецкой армии, окруженной под Сталинградом, и других немецких войск, находившихся в «котлах», вызвало большие потери в немецкой авиации и особенно в ее учебных соединениях. Вместе с потерями над Средиземным морем они сильно повредили делу подготовки новых кадров летчиков и, следовательно, уменьшили возможность пополнять фронтовые авиационные части опытными летчиками в требуемом количестве. С другой стороны, были сильно ограничены и возможности снабжения войск сухопутной армии по воздуху. Необходимость такого снабжения не вызывала никаких сомнений. Но опыт показал, что в данном случае требовалась особая организация и пригодные для выполнения этой задачи тяжелые транспортные самолеты.[69]

Война на Средиземном море, позволившая, хотя и в очень сжатой форме, наблюдать усиление и спад воздушной войны, с новой силой вскрыла недостатки действий немецкой авиации. Благодаря усиленной зенитной и противовоздушной обороне союзников боеспособность соединений тяжелых самолетов над морем очень скоро снизилась. Замена выбывших из строя самолетов и экипажей, так же как и перебазирование новых авиачастей осуществлялись медленно. Однако самолетов было бы достаточно для того, чтобы нанести удар по Мальте, что удалось, однако, лишь в мае 1942 года. Их хватило и для того, чтобы нанести большой ущерб конвоям противника. Экипажи эскадрилий, действовавших в пустыне и временно усиленных авиационными подразделениями из Италии и Греции, не только убедительно показали подвижность воздушных сил в использовании их для решения тактических и оперативных задач, но и подали пример героической поддержки своей армии в ее наступательных и оборонительных боях в Африке и решающим образом способствовали быстрой сдаче Тобрука (1942 год). Зенитные батареи, сведенные в более мощные и крупные

подразделения и весьма успешно отражавшие атаки английских танков в ущерб противовоздушной обороне, стали принимать все большее участие в наземном бою, и главным образом в роли противотанковой артиллерии. Начиная с Эль-Аламейна, все последующие бои представляли собой серьезную расплату за игнорирование противовоздушной обороны. Однако в районе Бизерты и над Мессинским проливом артиллеристы-зенитчики доказали своими 88-мм пушками с повышенной начальной скоростью полета снаряда и 120-хм пушками свое тактическое и техническое мастерство. Несомненным является тот факт, что ни один энергично наступающий противник не может долго отбиваться от авиации обороняющегося только за счет усилий зенитной артиллерии и что успех противовоздушной обороны заключается прежде всего во взаимодействии зенитной артиллерии с истребительной авиацией.

По мере приближения конца войны все реже появлялись в небе немецкие самолеты. Союзники завоевали безграничное господство в воздухе со всеми ужасными последствиями для немецкого населения и армии. Все технические и тактические мероприятия, которые свидетельствовали об упорном стремлении «не дать себя покорить», носили печать штурмовщины и, конечно, не могли привести к каким-либо ощутимым результатам. Маневренная война с ее многочисленными возможностями ввиду отсутствия достаточно сильной бомбардировочной авиации ближнего действия была обречена на провал. О переходе авиации снова к решению задач оперативного характера в сложившейся обстановке думать больше не приходилось. Никакой, даже самый гениальный полководец не смог бы этого сделать, ибо немецкая авиация была уже уничтожена.

И все же мы, немцы, и особенно летчики, должны гордиться, читая, что пишет летчик-истребитель Клостерман в своей книге о неслыханно упорных, проходивших с переменным успехом воздушных боях последнего года войны и усовершенствовании наших истребительных самолетов: «Ме-262 был… самолетом, который вызвал сенсацию… и мог считаться королем истребителей. Он имел феноменальную скорость (около 1000 км/час), исключительно мощное вооружение и хорошую броневую защиту. Это был такой самолет, который мог бы произвести революцию в воздушной войне… «Народный» истребитель «Хеншель» был также очень хорошим самолетом…» и т. д.

О снижении эффективности противовоздушной обороны

Германии генерал-лейтенант в отставке Нильсен, много лет занимавший пост начальника штаба воздушного флота «Рейх», рассказывает следующее: «Несмотря на постоянное усиление зенитной артиллерии и истребительной авиации, а также на большие потери противника, количество налетов начиная с 1942 года постоянно увеличивалось, а сила их росла.

Вместе с тем органы ПВО Германии вынуждены были отдавать часть своих сил для защиты растянутых фронтов, что не могло не привести к значительному ослаблению противовоздушной обороны страны в целом и к серьезнейшим разрушениям на территории Германии в результате участившихся налетов авиации противника, в которых теперь принимали участие и американские самолеты».

Такое непрерывное ослабление собственных сил и постоянное изменение и совершенствование противником своих навигационных приборов и прицельных приспособлений требовали изыскания новых форм обороны. Зенитная артиллерия перешла к созданию усиленных батарей, а в действиях ночных истребителей появились новые тактические приемы вроде «небесной постели», «дикой свиньи» и т. д.,[70] с помощью которых они стремились достигнуть успеха и приспособиться к методам борьбы своего противника.

Все мероприятия по борьбе с противником, планомерно готовившимся начать широкие действия с целью уничтожения наших источников силы, оставались безуспешными, ибо в то время у нас уже не было сил, достаточных в количественном и качественном отношении. Трудности из-за нехватки личного состава в зенитной артиллерии и службе ВНОС были временно преодолены путем сокращения численности соединений. В 1943 году потребовалось увеличить вдвое количество зенитных частей и соединений, поэтому было принято решение привлечь на службу в зенитную артиллерию лиц, несущих государственную трудовую повинность, занятых в различных вспомогательных службах ВВС, женщин, хорватских, итальянских и венгерских солдат, а также некоторых добровольцев из числа советских военнопленных. Ограниченная пригодность этих пополнений к службе в армии и продолжавшаяся интенсивная передача сил в распоряжение фронта еще сильнее снизили боеспособность зенитной артиллерии, и поэтому ни улучшение методов стрельбы, ни прочие мероприятия не могли улучшить состояние противовоздушной обороны страны. Даже при самой сильной

концентрации средств ПВО для обороны одного какого-либо объекта зенитной артиллерии ни разу не удавалось отбить воздушный налет противника или причинить ему значительный урон.

Когда противник начиная с 1943 года перешел к методу «бомбовых потоков» и стал производить налеты под прикрытием истребителей, немецкая истребительная авиация оказалась в особенно тяжелом положении. Большие потери постоянно снижали ее боеспособность. Качество подготовки новых летчиков, пополнявших ряды авиации, уже не отвечало тем требованиям, которые предъявлялись к летчикам новыми формами обороны. Наряду с ощутимой нехваткой преподавателей и инструкторов, учебных самолетов и прежде всего горючего для учебных и боевых полетов в последние два года войны стала заметной сильная утомленность летного персонала и снижение его боевой готовности.

Однако причины окончательного поражения немецкой авиации лежат гораздо глубже. Нет сомнения в том, что германское правительство, так же как и главное командование ВВС Германии, знало о планах противника в области вооружений. Несмотря на то, что в распоряжении немецкой авиации еще в 1942 году имелся реактивный истребитель, наладить его серийный выпуск и ввести его в строй в большом количестве не удалось. Типы самолетов, находившихся на вооружении с самого начала войны (Ме-109 и FW-190), были усовершенствованы только в отношении мощности, но и то не настолько, чтобы они могли соперничать с противником.

Только когда в 1944 году командование ВВС группы армий «Центр» было превращено в командование воздушным флотом «Рейх» во главе с генерал-полковником Штумпфом, были предприняты и энергичные меры к тому, чтобы заполучить этот нужный для фронта самолет. Неправильное представление Гитлера о том, что реактивный самолет может быть использован как истребитель-бомбардировщик, мешало этой машине вступить в строй до самых последних месяцев войны. Протестуя против применения реактивного самолета в качестве истребителя, несмотря на то, что такое мероприятие означало бы коренное изменение обстановки в воздухе в нашу пользу. Гитлер дошел до того, что запретил даже упоминать ему об этой машине.

Между тем авиация противника разрушала одно

промышленное предприятие за другим.

Непрерывно подвергались налетам и уничтожались заводы синтетического горючего, а немецкие города превращались в развалины. Дикое экспериментирование с так называемыми «особыми уполномоченными» внесло неописуемый хаос в военную промышленность, и особенно в производство самолетов и самолетов-снарядов. Реактивными истребителями удалось оснастить всего лишь несколько Авиачастей, да и то к самому концу войны. Сокращение персонала аэродромной службы, трудности боевой подготовки в связи с нехваткой горючего и недостатком кадров, пригодных для службы в авиации, окончательно подорвали боеспособность немецкой авиации. Судьба ее. а вместе с ней и судьба всей Германии в конце 1944 — начале 1945 годов была окончательно решена.

Части и подразделения зенитной артиллерии, входившие в систему ПВО, вынуждены были в конце войны отдавать последнее, что у них имелось, в распоряжение фронта. переместившегося теперь на территорию самой Германии, в результате чего от системы ПВО остался лишь один скелет. Только для того. чтобы организовать оборону при вторжении союзников во Францию, у войск ПВО было взято 20 групп дневных и 1 эскадра ночных истребителей. 140 батареи тяжелой зенитной артиллерии, масса превосходных зенитных железнодорожных установок и 50 легких батарей. К тому же на этот фронт еще раньше было отдано 3,5 тыс. средних и легких орудий. До конца февраля 1945 года. кроме выделения крупных сил зенитной артиллерии для защиты мостов через Рейн и для использования ее в наземных боях в качестве артиллерийского пополнения, из системы ПВО Германии было изъято и передано на Восточный фронт четыре истребительные эскадры и около 400 тяжелых и 100 легких зенитных батарей. Наконец, даже стационарные батареи, входившие в систему ПВО Берлина, были сняты и отправлены в распоряжение Восточного фронта на молочных цистернах фирмы «Болле» и на автомашинах берлинской пожарной охраны.

Различные предложения, делавшиеся командующим ПВО Германии главнокомандующему ВВС, не могли в силу их ограниченности обеспечить улучшение обстановки на более или менее длительный период. Постоянный нажим и угрозы со стороны имперских комиссаров обороны не могли способствовать укреплению обороны; напротив, они крайне затрудняли ее

организацию, потому что. имея право непосредственно докладывать Гитлеру обо всем происходящем на территории их области или края, они своими эгоистическими и порой не относящимися к делу аргументами вызывали у обороняющихся постоянное беспокойство и этим самым значительно ослабляли оборону. «Анархия в командовании» — вот то выражение, которое очень правильно определяет положение, создавшееся в Германии в конце войны.

Взлет и падение немецкой авиации. Итог

Нужно отметить, что ни правительство, ни главное командование ВВС Германии своевременно не поняли необходимости совершенствования форм и методов противовоздушной обороны страны. Успехи на фронте помешали им увидеть то, что требовалось для организации обороны отечества, этого мозга фронта. При более дальновидном планировании в мирное время и четком порядке подчиненности во время войны можно было бы избежать многих ошибочных решений. Опыт прошедшей войны говорит о том, что действия противовоздушной обороны Германии как самостоятельного элемента войны должны планироваться заранее и так же тщательно, как планируется любая операция на фронте. Таким образом, территория любой страны, ведущей войну, становится самостоятельным театром военных действий.

Огромным напряжением воли «третьей империи» удалось еще в первые годы своего существования создать так называемый «рискованный воздушный флот», оказавшийся самым лучшим среди воздушных флотов других держав.

Сама по себе блестящая идея создания пикирующих бомбардировщиков, которые сделали возможным ведение молниеносных войн и вполне отвечали требованиям, возникшим в связи с нашими экономическими трудностями, привела к недооценке бомбардировщика дальнего действия, ставшего необходимым на обширных театрах военных действий. Технические специалисты оказались прозорливее и сконструировали такие самолеты. Однако использовать их на фронте оказалось невозможно из-за совершенно неуместного требования свыше о приспособлении этих машин для пикирования, а также из-за простого нежелания некоторых ответственных лиц из ставки главного командования ВВС Германии. Как бы ни были велики последствия этой ошибки, решающего влияния на ход войны они не оказали. Более важным было то. что Гитлер не отвел авиации положенного ей первого места в вооруженных силах, а Геринг не сумел сделать из перспективы неограниченной воздушной войны никаких тактических, технических и организационных выводов. Людей для претворения в жизнь этих идей в Германии было достаточно, но их усилия растрачивались на мелочи, а их дельные

предложения, не выдержав борьбы мнений, отбрасывались по самым незначительным причинам. Короче говоря, верховное командование строило надежды на решающую весь ход войны оперативную авиацию, которой оно, увы, уже не имело, и не задумывалось над тем, чтобы, следуя логике, перенести основное внимание на истребительную авиацию. В поражении оказались виновными не немецкие летчики и не немецкая авиационная техника, — виной всему была неправильная концепция о войне вообще и неправильное реагирование на несомненные признаки появления нового в частности.

Таким образом, судьба немецкой авиации и последствия ее поражения представляют собой чрезвычайно дорого оплаченный урок на будущее и заключаются в следующем:

1. В вооружении страны авиация должна занимать первое место. Авиация требует для своего развития больше времени, чем всякое другое оружие. Создание авиационного хозяйства также требует многолетнего перспективного планирования.

2. Особенности авиации и требования, предъявляемые к ней, настолько разносторонни, что решающий успех возможен только при сосредоточении ее сил на направлении главного удара для атаки тех или иных групп целей. А это требует централизации командования ВВС в одних руках.

3. Идея концентрации сил на отдельных театрах военных действий и согласования боевых действий всех видов вооруженных сил, действующих на данном театре, также требует единого командования, то есть централизации командования всеми находящимися на театре военных действий вооруженными силами в одних руках.

4. Каждая страна должна иметь для ведения воздушной, сухопутной и морской войны специальные воздушные силы, размеры которых зависят от масштабов задач, однако при этом должна быть учтена возможность введения в бой всех однотипных самолетов всей авиации на направлении главного удара. Это означает необходимость создания оперативных бомбардировочных, парашютных и транспортных соединений; соединений бомбардировщиков ближнего действия; соединений морской авиации и чисто авианосных соединений, а также авиации для защиты территории своей страны.

5. Несмотря на различные новые требования и задачи современной тактики, основные элементы боевого порядка, в котором действуют самолеты, изменений не претерпевают. Это говорит о том, что летная подготовка остается всегда одинаковой (она должна быть такой по соображениям чисто экономического характера). В этом заключается и причина того, что авиационная техника должна в своем развитии идти одним путем и (по экономическим соображениям) иметь одну базу. В системе ВВС технике уделяется особое место, но она всегда остается зависимой от стратегического и оперативного планирования, а также от требований тактического характера.

6. Если военно-воздушные силы ввиду неудовлетворительного планирования и подготовки недостаточно обширной аэродромной службы окажутся неподвижными, то одно это явится преступлением против самого существа ВВС и воздушной войны.

Военно-воздушные силы являются самым сильным средством политики и поэтому должны всегда оставаться хорошо организованными, подвижными и боеспособными.

Генерал-майор пожарной охраны в отставке
Ганс Румпф

Воздушная война в Германии

Цель — уничтожить экономический потенциал противника и этим самым лишить его армию всего необходимого — была впервые достигнута на практике в гражданской войне в Соединенных Штатах Америки. В первую мировую войну эту же цель имела и блокада стран Центральной Европы державами Антанты. С развитием оперативной авиации в период между двумя мировыми войнами все настойчивее пробивала себе дорогу мысль превратить этот новый метод насилия в один из методов тотальной войны. Воздушная война как стратегическое наступательное средство политики справедливо воспринималась всеми как самый большой переворот, произведенный за последнее время в формах ведения войны. Она дала войне, ведшейся до сих пор в двух измерениях, третье измерение, что позволило пересечь линию фронта и проникнуть в глубь атакуемой страны. Однако первые апологеты воздушной войны (генерал Дуэ и др.), утверждавшие, что авиации будет принадлежать первенствующая роль по отношению к армии и флоту, попросту перестарались. Более умеренные представители неодуэизма ставили авиацию наравне с другими видами вооруженных сил.

После того как все надежды на запрещение неограниченной воздушной войны международным правом оказались напрасными и стало ясно, что различные конвенции. в том числе и Гаагская, не сумеют остановить государство, вверившее себя новому оружию, европейские народы на основании заключений и советов международных экспертных комиссий начали приблизительно с 1930 года создавать свою гражданскую противовоздушную оборону. Германии, разоруженной и не имевшей никакого воздушного прикрытия, державы-победительницы также разрешили с 1926 года заниматься пассивными мероприятиями по организации противовоздушной обороны.

При этом особое внимание уделялось защите гражданского населения от боевых отравляющих веществ, применяемых в воздушной войне. Во всех этих международных приготовлениях немецкие эксперты приняли живое участие и проделали большую теоретическую работу. Однако практическое осуществление защитных мер проводилось Германией весьма нерешительно. После 1933 года об этом лишь много говорилось, но в

действительности даже в настоящее время очень многое в этой области осталось недоделанным. Национал-социалистские руководители никак не желали учесть возможность войны на территории Германии. Решающим считалось ускоренное создание такой сильной собственной авиации, чтобы всякое воздушное нападение на германскую территорию стало бы для нападающего смертельным. Утверждение Геринга о том, что ни один самолет противника никогда не появится над Германией, было встречено с почти слепым доверием.

Это привело к тому, что гражданский сектор противовоздушной обороны страны был отодвинут на второе место. К этому прибавилось еще и то, что принятие законов по организации противовоздушной обороны оказалось крайне трудным, так как основные условия, необходимые для защиты населения, выходя далеко за пределы собственно военных, затрагивали частные и общественные интересы, а в некоторых случаях были им диаметрально противоположны. В погоне за властью имперский министр авиации взял на себя также и заботу о гражданской противовоздушной обороне. Было бы разумнее возложить эту неблагодарную задачу, как и во всех других странах, на административное управление, которое руководило бы и авиацией, входившей в систему ПВО страны. Города, об обороне которых в конце концов и шла. речь, практически были исключены из этой системы, их оборона ограничивалась лишь тем. что они предоставляли в распоряжение органов ПВО различное оборудование.

Если бы воздушные налеты союзников, как это предсказывали некоторые пророки неограниченной воздушной войны, были предприняты в самом начале войны, то немецкие города оказались бы почти беззащитными. К началу войны Германия построила один лишь фасад гражданской противовоздушной обороны. По-настоящему создание обороны, так же как и строительство всех вооруженных сил, началось уже в ходе войны и прекратилось в 1944 году.

Вначале противники отнюдь не стремились проводить крупные налеты бомбардировочной авиации и в своих первых незначительных атаках во время так называемой «сидячей войны» ограничивались бомбардировкой чисто военных объектов. После такого, казалось бы вполне умеренного начала, 11 мая 1940 года, то есть на другой день после того, как Черчилль возглавил новый военный кабинет, английская авиация атаковала город Фрейбург

(в Бадене). 06 этом налете в документальном отчете помощника британского министра авиации Дж. М. Спэйта говорится следующее:

«Мы (англичане) начали бомбардировки объектов в Германии раньше, чем немцы стали бомбить объекты на Британских островах. Это исторический факт, который был признан публично… Но так как мы сомневались в психологическом влиянии, которое могло оказать пропагандистское искажение правды о том, что именно мы начали стратегическое наступление, то у нас не хватило духа предать гласности наше великое решение, принятое в мае 1940 года. Нам следовало огласить его, но мы, конечно, допустили ошибку. Это — великолепное решение. Оно было таким же героическим самопожертвованием, как и решение русских применить тактику «выжженной земли».[71]

По мнению Дж. М. Спэйта и других военных критиков, не кто иной, как сам английский премьер-министр, развязал эту воздушную войну, «не делающую исключений», как ее окрестили в Англии. Английский военный историк генерал Фуллер пишет, например: «Если Черчилль, являясь главнокомандующим британских вооруженных сил, не мог сам стать полководцем, то он преодолел это затруднение тем, что повел свою «личную» войну, использовав для этого бомбардировочную авиацию английских ВВС в качестве своего дворцового войска». 11 мая 1940 года он приказал бомбить Фрейбург (в Бадене). Гитлер вначале не ответил на этот удар, однако нет основания сомневаться в том, что налеты на Фрейбург и другие города определенно толкали его к тому, чтобы также перейти в наступление.

Лишь пятью месяцами позже, 4 сентября 1940 года, после того как многие другие города, и в том числе Берлин, восемь раз подверглись налетам, немецкая авиация предприняла ответный контрудар, совершив свой первый дневной налет на Лондон. Таким образом, Германия, справедливо признав свою вину во всем остальном, ни в коем случае не несет ответственности за развязывание «тотальной» воздушной войны.

«Ответные воздушные удары» были нанесены главным образом под влиянием органов пропаганды, чтобы успокоить поднимающийся в народе ропот. Пропаганда специально создавала у народа такое впечатление, будто усиливающиеся атаки англичан немецкая авиация встретит мощными

контрударами. В действительности же с началом «воздушной войны без разбора» оба противника решили при первой возможности использовать бомбардировку целей невоенного характера как новое средство террора всеми имеющимися для этого в их распоряжении силами. «Многие утверждают, — говорит сэр Реджинальд Пэйджет,[72] — что наши бомбардировки явились своего рода мщением, но это отнюдь не верно. Они были вызваны исключительно исторической необходимостью». Бомбардировка как средство стратегического порядка, по мнению Спэйта, также не служила делу мести, а была лишь частью сознательно осуществлявшегося стратегического плана. Сам командующий английской бомбардировочной авиацией отрицает то, что бомбардировки немецких городов были вызваны чувством мести. «Меня часто обвиняли в том, — пишет он, _ что я в своих мыслях и действиях стремился к мести и потому. мол, разрушал немецкие города. Но такая мысль появилась у меня всего один-единственный раз. когда я увидел кафедральный собор Святого Павла, объятый пламенем. Это была самая худшая ночь из всех. которые я когда-либо пережил, и, движимый каким-то мгновенным чувством; я сказал тогда сопровождавшим меня людям: «Они сеют ветер, а пожнут бурю». В другом месте он добавляет: «Черчилль также не хотел, конечно, разрушения немецких городов. У него не было стремления к реваншу, он просто стремился добиться успеха в войне, и никто не понимал так отчетливо, как он. что единственным для этого средством были последовательно осуществляемые бомбардировки».[73]

По мнению Спэйта, решение англичан о начале террористических бомбардировок, толкнувшее Европу в адскую пучину современной «научной» войны с ее морем огня, крови и слез, было поистине «великолепным и героическим». Действительно, кроме Хиросимы, вряд ли найдется в истории войн более ужасное решение, чем решение объявить войну и смерть западной цивилизации, развивавшейся на протяжении длительного времени, культуре, которая на протяжении целых тысячелетий учила людей смотреть на войну, как на дело мужчин, и заставляла щадить женщин и детей.

Многое из того, в чем немцы после войны, в ходе различных судебных процессов, были признаны виновными, при более углубленном анализе действительной связи событий оказывается несостоятельным. Каждый из противников, ведя воздушную войну, хорошо понимал, что бомбы, сброшенные «по ту сторону», рано или поздно «возвратятся», и каждый все равно шел на этот

риск. Всякому было ясно, что «налеты по Бедекеру»,[74] как например на Гейдельберг, Любек и Росток, вызовут ответные налеты на такие города, как Кембридж, Бат и Эксетер. но делать отсюда circulus vitiosus[75] какой-то мести значит впасть в заблуждение.

По общепринятому мнению, бомбардировка города Ковентри 14 ноября 1940 года считается началом гигантских воздушных бомбардировок. По крайней мере так было сказано органами официальной немецкой военной пропаганды. На самом же деле этот налет, совершенный четырьмястами средних бомбардировщиков на центр английской авиамоторной промышленности, был вообще самым крупным налетом германской авиации, но по своим результатам (0,5 кв. км. городских построек разрушено до основания) он был сравнительно скромным. Производство авиационных моторов прекратилось лишь временно и через 2 месяца было вновь налажено. Прошло целых 6 месяцев, прежде чем последовал второй, менее интенсивный налет. Представление о том, что «причина наших бед» — Ковентри и что не будь налета на Ковентри, немецкие города не лежали бы в развалинах, — очень примитивно. Бомбардировочные флоты воюющих сторон были военными соединениями, и их командующие руководствовались не морально-идеологическими соображениями, а доводами оперативно-стратегического характера. Разрушительные действия с обеих сторон были результатом войны, следствием новой стратегической концепции, которая оправдывала подобные акты насилия якобы значительным сокращением продолжительности войны. Среди объяснений, выдвигавшихся в свое оправдание инициаторами этой варварской войны, наиболее часто встречается утверждение о том, что было бы преступлением перед, собственным народом оставлять неразрушенными города противника и этим самым ставить на карту жизнь своих собственных солдат. Если бы в английском кабинете министров руководствовались только стремлением «отквитаться», то бомбардировки городов Германии, вероятно, закончились бы после налета англичан на Росток в конце апреля 1942 года, так как, по признанию британского маршала авиации Гарриса, «общая площадь разрушенных городов Германии увеличилась после этого налета на 3,5 кв. км, что позволило нам свести счеты с немцами». Когда думаешь об этом, невольно содрогаешься, но тем не менее это факт. А какой смысл мог иметь реванш для американцев, на чью страну никогда не падала ни одна немецкая бомба?

Решившийся на такую крайность глава английского государства нашел в лице маршала авиации Гарриса исключительно подходящего человека для осуществления своих планов «тотальной» воздушной войны. Он сумел создать и воспитать корпус бомбардировочной авиации Британских королевских ВВС и (редкий случай в войне) остаться его командиром с 1942 по 1946 год. Он был одним из самых последовательных поборников теории абсолютного превосходства метода стратегических бомбардировок над всеми другими формами ведения войны. Когда Англия потеряла всех своих союзников и должна была один на один бороться за свое существование, тогда вспомнили о Гаррисе. Его назначение на пост командующего бомбардировочной авиацией означало полный переворот в использовании бомбардировщиков. Если раньше они действовали во взаимодействии с другими силами авиации, то теперь бомбардировщики превратились в самостоятельный инструмент войны, способный оказать решающее влияние на ее ход. Гаррис создал огромную, не известную дотоле разрушительную машину и с ее помощью стал осуществлять свой план с максимальной быстротой и неумолимой жестокостью. Если сравнить Гарриса с Герингом, то можно сказать, что первый оказался последовательней, целеустремленней, прямей и удачливей своего противника. В многолетней ожесточенной и упорной борьбе он сумел шаг за шагом, методично завоевать господство в воздухе. Он поставил английскому правительству требование предоставить ему 4 тыс. тяжелых бомбардировщиков дальнего действия и 1 тыс. скоростных самолетов типа «Москито». Это давало ему возможность постоянно держать над Германией до 1 тыс. самолетов. Однако в связи с нехваткой в Англии сырья эти условия были признаны утопическими, и он не получил такого количества самолетов. 1350 первоклассных четырехмоторных ночных бомбардировщиков грузоподъемностью до 9 т каждый и несколько крупных соединений скоростных бомбардировщиков составили тот максимум сил, на которые он мог рассчитывать в моменты предельного напряжения. С начала 1943 года к этой цифре прибавилось еще около 1 тыс. тяжелых бомбардировщиков из состава 8-го американского воздушного флота. Гаррис использовал данную ему «исполнительную власть» по отношению к своему высокоцивилизованному противнику так же сурово и деловито, как и тогда, когда, будучи командиром мелких бомбардировочных соединений, проводил карательные экспедиции против бунтовавших туземных племен Индии,

Месопотамии и Трансиордании. Непрерывно совершенствуясь и добиваясь все большей эффективности в действиях своих соединений, он последовательно осуществлял разрушение городов Центральной Европы даже тогда, когда победа союзных армий была уже обеспечена.

Подобная деятельность Гарриса не встретила большого одобрения, и конец его карьеры не лишен известного трагизма. Очень скоро сплошные руины немецких городов отрезвили победителей, и на голову «бомбардиров» со всех сторон посыпались упреки. Некогда превозносившемуся до небес «Нельсону воздуха» пришлось выдержать весьма суровую критику. У наиболее влиятельных соперников в Англии его действия уже давно вызывали ярость, а независимое и привилегированное положение, которым пользовалась бомбардировочная авиация, стало бельмом на глазу даже у его «коллег». Теперь они все ополчились против того «воздушного специалиста», который еще недавно возомнил, что он один может решить исход войны. К этому прибавилось еще и то, что Гаррис был резким, суровым человеком. Его никогда не окружала восторженная толпа друзей. Чтобы осуществлять свои планы, он должен был сначала доказывать правильность своих тезисов все новыми и новыми успехами и постоянно до предела напрягать свои силы. Среди британских ВВС потери бомбардировочной авиации были всегда наибольшими. Руководствуясь присущей ему строгостью поведения, Гаррис по вполне понятным причинам не терпел вблизи аэродромов ничего предосудительного, вроде присутствия женщин и т. п. Когда после войны четыре маршала авиации, занимавшие в королевской авиации самые высшие посты, были возведены в дворянское достоинство, единственным, кто не удостоился этой чести, был Гаррис. А в книгу почета погибших при обороне острова, находящуюся в Вестминстерском аббатстве, не занесен ни один погибший летчик бомбардировочной авиации. «И никто не знает почему».[76] Вскоре новая внутриполитическая и международная обстановка, а также уход с политической арены его прежних покровителей и заказчиков заставили Гарриса покинуть Европу. Оставив о себе недоброе воспоминание, он возвратился в Родезию, откуда прибыл в качестве добровольца еще во время первой мировой войны. По случаю коронации этот «забытый герой второй мировой войны» был задним числом возведен королевой в бароны и награжден большим орденом. Это награждение, однако, не вызвало никаких симпатий у всех тех, кто в его отставке видел определенный назидательный жест всему миру и кто теперь

ставил себе вопрос: зачем понадобилось сейчас это запоздалое признание? Очень скоро Гаррис в своей книге «Стратегические бомбардировки» грубо и откровенно показал, что он не из тех, кто готов занять место на скамье бедных грешников или дать свалить на себя всю ответственность за «те жестокие разрушения, которые даже Аттила счел бы для себя позорными».

Английский командующий бомбардировочной авиацией рассматривал возложенную на него задачу разрушения Центральной Европы таким образом:

«Основные объекты военной промышленности следовало искать там, где они бывают в любой стране мира. то есть в самих городах. Следует особенно подчеркнуть, что, кроме как в Эссене, мы никогда не делали объектом налета какой-нибудь определенный завод. Разрушенное предприятие в городе мы всегда рассматривали как дополнительную удачу. Главной нашей целью всегда оставался центр города. Все старые немецкие города наиболее густо застроены к центру, а окраины их всегда более или менее свободны от построек. Поэтому центральная часть городов особенно чувствительна к зажигательным бомбам. Целью наших бомбардировок было остановить военное производство. Мы надеялись достигнуть этого с таким же успехом путем косвенного воздействия, то есть разрушением жилых помещений и жизненно важных учреждений, а также и путем уничтожения самих заводов».

Бомбометание без прицела, по площадям, было вызвано, очевидно, не столько внутренним убеждением, сколько сложившимися обстоятельствами, которые мешали английским летчикам производить дневные налеты и прицельно бомбить отдельные заманчивые объекты. Гаррис приводит в свою защиту такой аргумент:

«Бомбардировки, имеющие целью сломить моральный дух противника, являются своего рода актом отчаяния, объяснить который можно только неудавшимися ранее налетами на заводы ключевых отраслей промышленности».

Эта задача была впоследствии возложена на американские бомбардировочные соединения, обученные в просторах Калифорнии «точному бомбометанию».

1942 год был в Англии годом подготовки к общему

наступлению. Началось интенсивное строительство тяжелых бомбардировщиков, временно вытеснивших из общей программы вооружений все остальные виды оружия. Однако в конце 1942 года бомбардировочная авиация составляла лишь самую маленькую часть английских ВВС. Для того чтобы от экспериментирования перейти теперь к твердым представлениям и нормам, нужно было путем кропотливой научно-исследовательской работы создать необходимую теоретическую основу бомбометания и подкрепить ее летной практикой. Воздушные налеты на Любек, Росток, Оснабрюк и налет тысячи бомбардировщиков на Кёльн в первой половине 1942 года служили главным образом задаче получить при данных обстоятельствах наиболее полный эффект.

Последовавшая за этим серия налетов на Эссен, Кассель, Хамм, Мангейм, Бремен и Дюссельдорф носила опять-таки учебный характер. Для нападающих и обороняющихся стало известно следующее: налет средними силами (400–500 бомбардировщиков) может вывести из строя противовоздушную оборону одного среднего по величине города, но для того чтобы прорвать систему ПВО большого города и парализовать ее на длительное время, не предпринимая крупных повторных ударов, требуется участие не менее тысячи бомбардировщиков. Поскольку над Рурским индустриальным районом постоянно стоит облако дыма и копоти, а навигационные приборы и радиолокационные установки того времени были еще несовершенными, все операции, проводившиеся союзниками во второй половине 1942 года, оказывались безуспешными. Рур работал и производил даже больше, чем когда-либо.

«Хотя мы постепенно и добились столь необходимой нам точности попадания в ночных условиях, военная промышленность Германии и моральная сила сопротивления ее гражданского населения бомбардировками 1942 года сломлены не были. Мы недооценили силу немецкого народа» (Черчилль).

Общее наступление началось только весной 1943 года, после того как на конференции в Касабланке были определены основные моменты стратегического руководства:

«Необходимо настолько расстроить и разрушить военную, хозяйственную и индустриальную мощь Германии и так ослабить моральный дух ее народа, чтобы он потерял всякую способность к военному сопротивлению».

В соответствии с этим командующему английской бомбардировочной авиацией было дано краткое и ясное указание: «Начать самые интенсивные бомбардировки промышленных объектов Германии». Гаррис истолковал его таким образом: «Практически я получил свободу бомбить любой немецкий город с населением в 100 тыс. человек и более». Воля немецкого гражданского населения к сопротивлению должна была быть сломлена в стенах его же собственных городов.

Общее воздушное наступление, продолжавшееся целый год, проводилось по трем основным направлениям: против Рура, где в результате усовершенствования англичанами радарных самолетных установок их действия стали более успешными; по городам восточное Рура с целью их планомерного разрушения и против столицы Германии, где целая серия интенсивных налетов в конце осени и зимой 1943/44 года не дала решающего успеха. Среди многочисленных налетов этого периода войны особенно выделяется массированный многодневный налет трех тысяч бомбардировщиков на Гамбург в конце июля — начале августа 1943 года. В течение 9 дней было совершено 4 ночных, 3 дневных и множество беспокоящих налетов. Было сброшено 9 тыс. различных бомб, главным образом легких зажигательных, и тяжелых воздушных мин, предназначенных для разрушения целых кварталов.

Как и все налеты на города, это был открытый террористический налет, имевший целью произвести как можно больше разрушений в густо застроенных жилых районах. Этот «звездный налет» английских ВВС на миллионный город, стоивший ему 40 тыс. человеческих жизней и уничтоживший 4/5 всей жилой площади, означал как для наступающих, так и для обороняющихся, что в воздушной войне произошел значительный сдвиг. Однако Гарриса этот налет убедил в том, что даже такое колоссальное предприятие не может решающим образом приблизить окончательное поражение противника. Это невозможно было сделать, ибо у англичан пока еще не хватало сил для быстрого и почти одновременного разрушения по меньшей мере шести таких крупных городов, как Гамбург. Командующий бомбардировочной авиацией разочарованно замечает по этому поводу: «Я не могу больше надеяться на то, что мы сможем нанести поражение с воздуха крупнейшей промышленной державе Европы, если для этого мне дается в распоряжение всего лишь 600–700 тяжелых бомбардировщиков».

[77] После налета на Гамбург бомбардировочная война стала оказывать действие, обратное тому, которое от нее ожидалось. Большинство немецких городов было уже сожжено до основания, но этот террор, казалось, скорее повышал, чем подрывал силу сопротивления немцев. Ужасный танец смерти немецких городов продолжался, как часть планомерной войны на измор.

Налет на Гамбург был переломным моментом воздушной войны не только для наступающих, но в первую очередь для противовоздушной обороны Германии. С этого времени превосходство противника в воздухе не могли скрыть никакие ухищрения и приемы немецкой пропаганды. После этой беспрецедентной катастрофы население еще не подвергшихся налетам городов ожидало рано или поздно той же участи. Начались широкие мероприятия по эвакуации населения, не занятого в производстве. Эта эвакуация приняла размеры какого-то «переселения народов» в восточные районы Германии, до сих пор не подвергавшиеся такой опасности. Этим самым немецкое командование открыто признало, что оно уже не в состоянии защитить население своей страны. После налета союзников на Гамбург авторитет Геринга был окончательно подорван.

Бомбардировки, имевшие целью разрушить немецкие города и вывести из строя промышленность, переносились теперь все дальше на юг и восток, в то время как объектами дневных налетов, производившихся американцами, как правило. становились заводы самолетостроительной и нефтеперерабатывающей промышленности. В период с мая по сентябрь 1944 года германский тыл получил чувствительную передышку, так как перед стратегической бомбардировочной авиацией союзников была поставлена новая задача «бомбами расчистить путь» для своих высаживающихся во Франции десантных войск вторжения. Но как только бомбардировщики освободились от этой задачи, Гаррис опять всей мощью своих усиленных соединений обрушился на немецкие города. Несмотря на то, что в большинстве городов гореть было уже нечему, груды развалин снова и снова устилались «бомбовыми коврами» из усовершенствованных фугасных бомб сильного разрывного действия, чтобы окончательно «выгнать в поле» людей, прячущихся еще в подвалах разрушенных зданий. Воздушный террор против гражданского населения, особенно страшный в прифронтовых областях из-за внезапных налетов истребителей-бомбардировщиков на населенные пункты и коммуникации, принял апокалиптические размеры. Районы действий авиации

противника, летавшей теперь совершенно беспрепятственно целыми тучами над постоянно сужающейся территорией Германий, каждый день окаймлялись новыми полосами разрушенных немецких городов и деревень. Под конец войны налетам подверглись Вюрцбург, Байрейт, Зоэст, Ульм, Гейльбронн, Ротенбург и другие жемчужины Германии, оставшиеся нам от эпохи позднего средневековья и спасенные от разорения во время Тридцатилетней войны. Благородная архитектура этих памятников старины вызывала некогда восхищение у всего мира. Для наступающего противника, пребывавшего тогда в состоянии военного психоза, они были не чем иным, как picture postcard stuff.[78] Наступила последняя фаза вырождения методов войны, жертвой которой стал Дрезден; трагическая судьба этого города превосходит все известное до сих пор, а число погибших там людей ставит его в один ряд с Хиросимой. «Тот, у кого нет больше слез, заплачет снова, видя гибель Дрездена». Эти слова принадлежат 83-летнему Гергарту Гауптману и являются, пожалуй, самым ценным высказыванием о современных воздушных бомбардировках.

* * *

Угроза применения с воздуха боевых отравляющих веществ всегда была своего рода кошмаром. Во второй мировой войне народы были избавлены от этого ужаса. Химическое оружие, действие которого даже трудно себе представить, не было применено, и это является совершенно непостижимой загадкой.

Размеры материального ущерба, причиненного Германии настолько огромны, что их до сих пор еще не удалось определить. В общем хаосе поражения многие документальные отчеты либо уничтожены, либо пропали, либо были конфискованы и отправлены за границу. Все, что было опубликовано. совершалось без нашего участия. Лишь теперь в осязаемых цифрах и понятиях вырисовывается общая картина этого страшного события. Из всех возникающих при этом вопросов выделяются два главных: а) судьба и поведение гражданского населения на «внутреннем» фронте; б) размеры материального ущерба, причиненного военной промышленности, жилищам и культурным ценностям.

Мероприятия, которые намечалось провести согласно закону 1935 года об организации ПВО городов и промышленных предприятий, были хорошо продуманы, но ввиду нехватки людских резервов и техники не осуществлены до конца. Защита в

убежищах была обеспечена только для 1,5 млн. человек. При этих обстоятельствах налет на большие скопления людей производил опустошающее действие. Объектом налетов, стремившихся подавить моральный дух населения, был человек. Наибольшие потери оказывались не там, где падали осколочно-фугасные бомбы, а там, где население задыхалось и сгорало в пламени огромных пожаров и превращалось в пепел. В Гамбурге в результате одного лишь налета с применением зажигательных бомб таким ужасным образом погибло 40 тыс., в Касселе — 9 тыс., в Гейльбронне — 7,5 тыс., в Дармштадте — 5 тыс. человек. Количество жертв в Дрездене подсчитать невозможно. По данным Госдепартамента, в этом городе погибло 250 тыс. жителей, однако действительная цифра потерь, конечно, гораздо меньше; но даже 60-100 тыс. человек гражданского населения, погибших в огне за одну только ночь, с трудом укладываются в человеческом сознании.

Цифры потерь среди гражданского населения были вначале весьма завышены. В таком виде они доходили до общественности и запечатлевались глубже, чем последующие более точные данные. Пока еще не представляется возможным дать окончательные сведения о потерях в каждом отдельном городе, ибо необходимо еще провести дифференциацию между количеством жертв, вызванных воздушными налетами, и количеством людей, пропавших без вести. А это может быть сделано только на основании подсчетов, произведенных опытными специалистами. Ценнейшими данными для этого являются отчеты Федерального статистического управления. Однако они ограничиваются более общими цифрами, давая лишь сумму потерь каждой из четырех зон оккупации, и, следовательно, не сообщают о потерях отдельных городов. По подсчетам этого у правления, в западной и центральной частях Германии было убито минимум 500 тыс. человек гражданского населения и 620 тыс. тяжело ранено. При этом не учтено число немецких беженцев из восточных районов страны, погибавших тысячами во время бомбардировки перенаселенных городов и обстрела дорог авиацией противника с бреющего полета. Кроме того, не учтены потери среди военнослужащих, иностранных рабочих и военнопленных и, наконец, среди австрийцев, судетских немцев и так называемых «фольксдейче».[79]

Подсчет числа убитых в результате воздушных налетов произведен с учетом возраста и пола; во всех возрастных группах потери среди женщин превышают потери среди мужчин

приблизительно на 40 %. Что касается количества погибших детей, то оно очень высоко и составляет 20 % всех потерь. Большой процент (22 %) составляют потери среди населения старших и самых старших возрастов. Таким образом, упрек, сделанный нами союзникам, что их стратегические бомбардировки во время второй мировой войны были направлены главным образом на уничтожение женщин, детей и стариков, является вполне справедливым.

Поведение немецкого городского населения в эти «беспощадные» годы, безусловно, заслуживает уважения и нуждается в более детальном изучении.

Частичную оценку поведения немцев дает командующий английской бомбардировочной авиацией, когда он в своих воспоминаниях отмечает:

«Идея того, что наши налеты будут действовать в первую очередь на моральный дух противника, оказалась совершенно ошибочной. Когда мы разрушили почти все немецкие индустриальные центры, население не потеряло голову. Мы. конечно, не ожидали, что налеты окажут немедленное действие, но из опыта воздушных боев над Англией и бомбардировок городов Северной Италии мы знали, какое влияние имеет бомбардировка на население города».

Как и всегда, решающим здесь является то, какую оценку даст этим событиям сама история, однако уже сегодня несомненно то, что поражение Германии надо рассматривать не как неспособность народа к сопротивлению. а как позорный результат совершенно неправильной политики. Количество жертв, вызванных воздушной войной, в Англии исчисляется в 60,5 тыс. человек (Черчилль), из них половина приходится на Лондон, включая и жертвы от действий реактивных снарядов. Потери Франции в воздушной войне составляют, по данным правительственной статистики, 59 тыс. убитыми и ранеными, причем большинство этих жертв связано с воздушными налетами союзников.

Материальный ущерб подсчитан более точно. Согласно статистике последствий войны, на территории Федеральной республики 1042 городам с населением более 3 тыс. человек воздушными налетами был причинен следующий материальный ущерб:

РАЗРУШЕНО ЗАСТРОЕННОЙ ПЛОЩАДИ

1-10 процентов — 696
11-20 процентов — 95
21-30 процентов — 85
31-40 процентов — 62
41-50 процентов — 42
51-60 процентов — 18
61-70 процентов — 23
71- 80 процентов — 15
81-97 процентов — 6

ПЕРЕЧЕНЬ ГОРОДОВ, В КОТОРЫХ ПЛОЩАДЬ РАЗРУШЕНИЙ СОСТАВЛЯЕТ 50 % И БОЛЕЕ ОБЩЕЙ ПЛОЩАДИ ПОСТРОЕК

50 % Людвигсгафен, Вормс.
51 % Бремен, Ганновер, Нюрнберг, Ремшейд, Бохум.
52 % Эссен, Дармштадт.
53 % Кохем.
54 % Гамбург, Майяц.
55 % Некарсульм, Зоэст.
56 % Ахен, Мюнстер, Хейльбронн.
60 % Эркеленц.
63 % Вильгельмсгафен, Кобленц.
64 % Бингербрюк, Кёльн, Пфорцгейм.
65 % Дортмунд.
66 % Крайльсгейм.
67 % Гисен.
68 % Ханау, Кассель,
69 % Дюрен.
70 % Альтенкирхен, Брухзаль.
72 % Гейленкирхен.
74 % Донаувёрт.
75 % Ремаген, Вюрцбург.
78 % Эмден.
80 % Прюм, Везель.
85 % Ксантен, Цюльпих.
91 % Эммерих.
97 % Юлих.

Общий объем развалин составляет 400 млн. куб. м. Наиболее грандиозные по площади развалины находятся в Берлине, Гамбурге, Кёльне, Дортмунде, Эссене, Франкфурте, Нюрнберге,

Дюссельдорфе, Ганновере и Бремене.

При расчете объема развалин на душу населения на первом месте среди крупных городов стоят: Кёльн, Дортмунд. Кассель, Нюрнберг, Эссен, Ахен, Франкфурт, Гамбург; в числе средних: Гисен, Юрен. Даттельн, Вюрцбург, Дармштадт, Пфорцгейм, Клеве, Цвейбрюккен, Хамм.

Наибольшие разрушения жилищ отмечены в таких городах, как Берлин, Гамбург, Кёльн, Дортмунд, Эссен, Дюссельдорф, Дуйсбург, Мюнхен, Франкфурт и Ганновер. Еще лучше сопоставить общий объем развалин и площадь разрушенных и сожженных жилых домов. Тогда становится ясным, что самый большой ущерб был причинен не крупным, а средним городам.

Особенно болезненной для Германии оказалась потеря всевозможных памятников культуры и архитектурных сооружений, представляющих большую ценность для истории искусства. Согласно сводке управления по охране исторических памятников, 495 архитектурных памятников совершенно уничтожены, а 620 повреждены настолько, что восстановление их либо невозможно, либо сомнительно. Многие из красивейших городских сооружений, церквей и бесчисленных архитектурных памятников эпохи бюргерства потеряны для нас. навсегда. Многие города в результате разрушения центральной части совершенно потеряли свой облик, который они сохраняли со времен средневековья. План этих городов представляет сейчас нечто вроде яйца с выеденной сердцевиной и остатками скорлупы в виде окраин, не представляющих интереса в культурном отношении. Культурным сокровищам множества остальных городов также причинен громадный ущерб. Нет почти ни одного музея, ни одной галереи, ни одной библиотеки или архива, где когда-то были собраны уникальные творения европейской культуры, которые не были бы полностью или частично разрушены бомбардировкой. Всей европейской культуре, таким образом, причинен невозместимый ущерб, потому что большинство разрушенных памятников культуры, как и все великое в области искусства, имело огромное культурное значение для всей семьи западных народов.

Результаты бомбардировок объектов военной промышленности были сразу же после капитуляции исследованы на месте особыми комиссиями держав-победительниц и изложены в самых подробных отчетах. Однако до сих пор еще до конца не

выяснен вопрос о том, каким образом военная промышленность, испытывая на себе всё усиливавшиеся удары авиации противника, не только не снизила, но наоборот, постоянно до мая 1944 года увеличивала выпуск продукции, а кульминационная точка производства самолетов пришлась даже на середину лета 1944 года. И только с этого момента продукция лишь некоторых ее отраслей стала идти на убыль, причем не столько в результате разрушения самих заводов, сколько в результате все более ухудшавшегося состояния транспорта. Одна из главных причин этого удивительного явления заключается в том, что города принимали на себя главную тяжесть воздушных налетов и тем самым служили во время общего авиационного наступления щитом для военных предприятий. Из общего количества в 955044 тонн бомб, сброшенных английской авиацией на Германию, 430747 т бомб упало на города и только 143585 т бомб — на промышленные объекты (97914 т — на нефтеперегонные заводы, 25 977 т — на самолетостроительные заводы и 19694 т — на предприятия других ключевых отраслей промышленности).

Само собой понятно, что даже на стороне противника никто серьезно не верил в то, что, бомбя центральные районы городов, можно нанести решающий урон немецкой военной промышленности. В лучшем случае там можно было найти лишь мелкие и средние заводы пищевой промышленности, крупные же современные заводы находились за пределами городов, и причиненный им ущерб можно было, как правило, быстро компенсировать за счет увеличения производительности труда. Жизненный нерв военной индустрии был парализован только тогда, когда американцы перешли к концентрированным ударам по основным объектам ключевых отраслей промышленности, в частности по 12 крупным заводам, производившим синтетическое горючее, и вывели из строя почти всю дорожную сеть Германии. Однако к этому моменту многие города были уже бесцельно уничтожены.

Согласно показаниям германского министра вооружений и боеприпасов Шпеера, сделанным им Международному военному трибуналу в Нюрнберге, в производственно-техническом и экономическом отношениях война была проиграна еще в начале лета 1944 года, то есть производство было уже недостаточным, чтобы удовлетворить все потребности, связанные с войной. Хотя бомбардировке подвергалось все большее количество заводов, общая мощность промышленности была ослаблена гораздо меньше, чем противник мог предположить. Если разрушались

здания заводов, станки продолжали работать под открытым небом. В то время как бой велся уже на отвалах, горняки в шахте еще продолжали работать. Машины останавливались только тогда, когда танки уже въезжали в заводские дворы. В этом отчаянном состязании между разрушением и восстановлением первенство вплоть до лета 1944 года принадлежало нашей промышленности. Военная литература стран-победительниц объясняет эту способность к сопротивлению «полицейской системой» нацистского режима. Ни один разумный человек не будет, конечно, оспаривать влияния военной диктатуры на военную экономику, однако средства для повышения производства продукции отнюдь не были средствами полицейского государства. Они были в сущности такими же, что и в странах западной демократии: усовершенствование оборудования, новые изобретения, техническое обучение, пропаганда, премии за высокие показатели в работе и прежде всего (как раз в районах, наиболее подверженных воздушным налетам) железная трудовая дисциплина и готовность немецких рабочих, как мужчин, так и женщин, к самопожертвованию.

То, что стало известно о результатах воздушной войны из отчетов специальных комиссий по расследованию, созданных нашими бывшими противниками, позволяет предположить, что каждый партнер стремился во время и после войны доказать правильность своих теорий. Так, англичане, например, считали правильным неприцельное бомбометание по площадям и разрушение городов, американцы — бомбометание по точечным целям и уничтожение отдельных объектов промышленности и транспорта. Каждый из партнеров претендует на верность своего метода, и оба переоценивают эффективность своих действий. Только тогда, когда события этих лет будут беспристрастно исследованы при участии самих немцев, можно будет говорить о том, кто из них прав.

Но в одном вопросе, самом важном для Германии как для центрального государства Европы, мнения, по-видимому, сходятся. Это — отрицание необходимости налетов исключительно на города. Планомерное разрушение 80 важнейших немецких городов в качестве главных промышленных центров сегодня рассматривается как ошибка. Налеты на города почти не способствовали победе, а лишь морально отягощали воздушную войну. Английский историк Фуллер говорит, что «города, а не груды развалин являются основой цивилизации!». Поэтому в мемуарных трудах видных участников

войны и замалчиваются налеты авиации на города. По-видимому, люди начинают все больше убеждаться в том, что «моральная бомбардировка» представляет собой общее несчастье. Так, английский военный критик Лиддел Гарт в своем недавно опубликованном труде «Цель в войне» пишет:

«Несмотря на большую и кропотливую исследовательскую работу, по-прежнему очень трудно определить действительную эффективность, этого вида воздушных налетов и их вклад в дело победы. Объективная оценка результатов воздушной войны затрудняется предвзятыми мнениями тех, кто оправдывает «воздушные налеты на промышленные объекты»,[80] и тех, кто по различным мотивам выступает против них. Правильная оценка становится еще более трудной и даже невозможной, когда наряду с путаницей, которую вносит в дело подобная разноголосица, оно обременяется еще и массой дополнительных второстепенных фактов. Но даже если устранить эти неприятные запутывающие моменты, то все же представляется весьма вероятным, что воздушные налеты на города играли менее важную роль, чем действия воздушных сил против стратегических военных и промышленных объектов. Во всяком случае они были не столь решающими. При анализе каждого периода этой войны становится также очевидным, что достигнутые успехи далеко не оправдывали расчетов тех, кто руководил этими воздушными операциями».

Что касается мероприятий, проведенных органами гражданской противовоздушной обороны, то необходимо признать, что если они и не смогли задержать общую катастрофу, то все же действия ее подразделений и добровольческих команд, на протяжении целого ряда лет выдерживавших столь неравную борьбу, достойны высокой оценки. Здесь уместен один вопрос: что случилось бы, если бы у нас не было этой широкой гражданской вспомогательной организации? Встретив вначале энергичную поддержку авиации, силы ПВО остались затем, по мере ослабления авиации, а следовательно, и всей системы противовоздушной защиты, в одиночестве и были буквально задавлены воздушными налетами противника. Однако они продолжали бороться на дымящихся руинах своих городов и держались до последнего, сохраняя жизнеспособность городов вплоть до дня капитуляции. И все же достигнутое тогда не получило признания в мирное время. Эти подвиги не записаны нив одной книге. Но тысячи людей обязаны им своей жизнью и здоровьем, и многие тысячи — своим домашним очагом, своим

сохранившимся жилищем. Не следует забывать и то, что в рядах бойцов ПВО было много женщин. В отрядах самозащиты и — на других постах они сменяли уходивших на фронт мужчин повсюду, где только могли. В конце 1944 года в одних лишь городских отрядах пожарной охраны было 270 тыс. женщин и девушек в возрасте от 18 до 40 лет. Они были прекрасными помощницами и стойко переносили непривычные для них тяготы военной службы. Они старались по мере своих слабых сил продолжить дело мужчин, не страшась опасностей и даже смерти.

Итог

1. Эффективная самооборона территории отечества может быть достигнута только тогда, когда активная военная оборона (воздушное наблюдение, воздушная и наземная оборона) и пассивная гражданская оборона (люди и техника) разумно дополняют друг друга.

2. Средства гражданской противовоздушной обороны рассчитаны только на то, чтобы лишь частично локализовать и ослабить последствия воздушного налета противника, отразить который не может иногда даже самая сильная активная противовоздушная оборона.

3. Так как наступательная тактика (бомбометание по площади и по точечным целям) и средства воздушного нападения (зажигательные, фугасные и атомные бомбы, предназначенные для особых целей) не подвергнутся в будущем существенным изменениям, методы действий органов ПВО, в основном оправдавшие себя, могут остаться прежними. Значительно больших успехов в деле организации самообороны можно добиться повышением чувства коллективной ответственности, то есть передачей больших полномочий городским и окружным органам управления.

4. Ни одна организация местной ПВО не располагает достаточными средствами, чтобы своими силами устранить крупные повреждения. Поэтому она нуждается в поддержке со стороны центральных органов ПВО. имеющих необходимые подвижные силы и средства, которые могут оправдать себя только при высоком уровне боевой подготовки и высококачественном снаряжении.

5. Необходимая дисциплина органов противовоздушной обороны достигается в приказном порядке. Гражданская противовоздушная оборона должна рассматриваться как часть военной обороны государства. Она не сможет успешно выполнять свои задачи, если будет строиться только на основе добровольности и благотворительности.

6. Поскольку в последней войне 75–80 % всего материального ущерба было причинено пожарами,[81] то в мероприятия по

организации ПВО должна обязательно входить систематическая подготовка бойцов в предупреждении и тушении пожаров.

7. Все органы, планирующие жилищное и городское строительство, должны в своей работе учитывать опыт, накопленный во время войны, то есть планировать широкие улицы, делать больше площадей и бульваров, создавать более густую сеть искусственных водоемов. Здания не должны быть слишком высокими, внутри домов и между ними нужно ставить противопожарные щиты и другие устройства, не должны остаться забытыми и различные убежища для людей. Промышленные предприятия военного значения должны быть постепенно вынесены за пределы города. Город должен быть застроен только жилыми зданиями.

8. Все стремления обеспечить населению, не занятому в военном производстве, защиту в так называемых «зонах безопасности», в особенности предложения международного комитета Красного Креста и других организаций, должны быть всячески поддержаны.

9. Для страны, побежденной в воздухе, имеется выбор: капитуляция или хаос разрушения.

Страна, которая не проводит подобных и других мероприятий по укреплению своей обороноспособности или проводит их лишь пассивно, считая, что они все равно не создают полной уверенности в обеспечении действительной защиты с воздуха, не имеет также сил и воли воспрепятствовать дальнейшему вырождению методов «тотальной» воздушной войны и сделать возможным переход от эпохи слепого разрушения к новой эре, в которой высшим законом должна снова стать неприкосновенность гражданского населения.

ЛИТЕРАТУРА

Harris A., Bomber-Offensive. Collins, London. 1947

Rumpf H., Der hochrote Hahn, E. S. Mittler and Sohn, Darmstadt, 1952.

Spaight J.M., Bombing Vindicated, Bles, London, 1944.

U.S. Strategic Bombing Survey — European War — U.S.S.B.S.I.

Backett, Angst, Krieg und Atombomben, Steinberg Verlag, Zurich, 1950.

Проф. Хейдте

Парашютные войска во Второй мировой войне

«Солдаты падают с неба»

Солдаты консервативны. Военное дело развивается медленно. и до тех пор, пока возможно, все военные руководствуются практическим опытом. В истории военного дела имеется очень мало больших вех. Открытие сомкнутого линейного пехотного строя, которому лук и арбалет дали возможность поражать противника с большей дистанции, применение огнестрельного оружия и, наконец, первое использование самолета как средства ведения войны — вот, пожалуй, и все основные вехи в истории развития военного искусства. Каждое такое открытие производило полную революцию в способах и средствах ведения войны. В такие моменты внезапно отбрасывалось все то, что однажды уже было испытано и оправдало себя. приходилось искать новые формы, ведения войны, разрабатывать новые средства обороны.

Когда в первую мировую войну в бою впервые принял участие самолет, войне открылось новое поле деятельности. Если до сих пор местом боевых действий оставались суша и вода, то теперь война стала вестись и в воздухе. *Воздушное пространство превратилось в третий театр военных действий.* Вначале авиация использовалась только в качестве средства дальней разведки или в качестве сверхдальнобойной артиллерии, посылавшей свои «снаряды» в отдаленные районы, лежащие вне пределов действия обычной полевой артиллерии. Но многие смелые люди уже тогда предугадывали. что настанет время, когда самолет будет перебрасывать через позиции противника не только наблюдателей и бомбовые грузы, но и людей.

Впервые самолеты были применены в большом количестве для транспортировки пехоты в гражданской войне в Испании (1936–1939 годы). Быстрая переброска по воздуху антикоммунистических соединений из Испанского Марокко в наиболее угрожаемые районы боевых действий в начале этой войны обеспечила тогда победу.

Самолету всегда требуется соответствующим образом оборудованная посадочная площадка. Самолет быстр и гибок только в воздухе, при посадке же он становится неуклюжим и медленным. Приземляющийся самолет — очень удобная цель для противника. Поэтому высадка воздушного десанта с самолетов

возможна только там, где не ожидается внезапная встреча с противником в месте высадки. Но как доставить войска в такой район, в котором посадка самолетов невозможна либо из-за отсутствия посадочных площадок, либо потому, что в районе высадки десанта может оказаться противник? С этим вопросом связан другой. Дело в том, что приземление даже одного самолета в населенной местности скрыть нельзя. Как же в таком случае доставить отдельные группы, имеющие особые задания (дальняя разведка или саботаж), незамеченными по воздуху в тыл противника? В первые годы после первой мировой войны оба эти вопроса занимали военных специалистов всех стран. Решение было, наконец, найдено (трудно сказать, кто нашел его первым) в России: был применен парашют.

Солдаты, спрыгнувшие с парашютом, могут приземляться всюду, даже на местности, где не может сесть ни один самолет. Парашютистов можно сбрасывать буквально в самую гущу противника, при этом они не становятся — как самолет — обязательной жертвой противника. Наконец, сбрасывание с парашютом дает возможность незаметно доставлять мелкие группы разведчиков в глубокий тыл противника.

Применение парашютов в современной войне, ведущейся в трех измерениях, представляет собой новое исключительное явление в истории войн. В ходе второй мировой войны это новое оружие прошло хорошее испытание в немецких войсках и в войсках других стран. Правда, как раз потому, что парашют был новым средством, возможности его применения не были до конца использованы обеими сторонами. Если теперь, по прошествии многих лет, мы хотим подвести итог опыту, полученному во второй мировой войне, чтобы понять, какие знания потребуются солдату в будущем, то необходимо обстоятельно проанализировать боевые действия и опыт использования парашютных войск.

Как были созданы немецкие парашютные войска

К началу второй мировой войны немецкие парашютные войска были самым молодым родом войск в германских вооруженных силах. Им не было еще и 10 лет, и по сути дела они только начинали выходить из стадии эксперимента. В конце 20-х годов в немецкой сухопутной армии (рейхсвере) появился первый парашютно-пехотный батальон. При его создании использовался опыт, накопленный русскими. При реорганизации[82] немецкой авиации один батальон полка «Генерал Геринг», то есть пехотного полка авиации, был подготовлен и оснащен, как парашютный батальон. За несколько дней до оккупации Судетской области парашютно-пехотный батальон сухопутной армии и батальон стрелков-парашютистов германских ВВС были объединены в часть Особого назначения германских ВВС под командованием генерала Курта Штудента.

Благодаря этому решению вопрос о том, должны ли германские парашютные войска стать частью сухопутной армии или частью авиации, был решен в пользу последней. Таким образом, Германия не последовала примеру многих других государств, парашютные соединения которых входили в состав сухопутной армии. Подобное разрешение вопроса имело в основном столько же преимуществ, сколько и недостатков. Возможность тесного взаимодействия с авиацией оказалась выгодной главным образом при выполнении парашютными войсками самостоятельных задач оперативного характера. При выполнении же более мелких тактических задач, когда отдельные парашютные части и подразделения использовались во взаимодействии с крупными силами сухопутных войск в масштабе одной операции, принадлежность их к авиации создавала трения между командованием ВВС и сухопутной армии и затрудняла их снабжение. Делу обучения парашютистов и прежде всего офицерских кадров принадлежность парашютных войск к авиации также не приносила никакой пользы. Военные авиационные училища были рассчитаны главным образом на то, чтобы подготовить кадры командиров для летного состава и для зенитной артиллерии. Обучение сравнительно небольшого количества курсантов и офицеров парашютных войск не входило в круг задач училищ и учебных заведений ВВС и потому

игнорировалось.

Объединение двух парашютных подразделений возрождающихся германских вооруженных сил в системе ВВС означало одновременно важное решение относительно использования этого нового рода оружия: он должен был решать оперативные и тактические задачи и ни в коем случае не расчленяться и не выполнять задач диверсионного характера. Этим парашютные войска были резко отграничены от таких войск, которые у англичан назывались «командос». Задачи, подобные тем, которые ставились отрядам «командос», то есть диверсии мелкими группами за линией фронта, действия отвлекающего характера и т. д., были позднее возложены на особую часть, так называемый 800-й полк особого назначения, из которого впоследствии выросла дивизия «Бранденбург».

Это разделение существовало уже тогда, когда оба парашютных батальона были объединены и переданы в подчинение генералу Штуденту. Между парашютными войсками в собственном смысле и воздушно-десантными войсками, которые с помощью планеров можно высаживать за линией фронта, тогда еще не существовало строгого различия. Оба вида их использования — выброска с парашютом и высадка с планеров — входили в общий круг задач парашютных войск. Для переброски на транспортных самолетах, которая становилась возможной только тогда, когда перед этим в результате операций парашютистов захватывался какой-либо аэродром, предназначались, наоборот, не сами парашютные войска, а части сухопутной армии, а именно — части 16-й пехотной дивизии.

В течение последних лет перед второй мировой войной генерал Штудент неутомимой личной работой добился того, что парашютные войска стали равноправным членом вооруженных сил. Парашютные войска, по численности составлявшие не больше двух пехотных полков, были объединены в 7-ю авиационную дивизию. В военном планировании, которое предшествовало судетскому кризису, впервые предусматривалась оперативная задача для этого еще молодого оружия. Но ни этот, ни другие планы, согласно которым в начале второй мировой войны парашютные части должны были использоваться в Польше или в большой парашютной и воздушно-десантной операции, намечавшейся в районе Гента, осуществлены не были.

При оккупации немецкими войсками Норвегии в апреле 1940

года немецкие парашютисты были впервые сброшены на территорию противника. Аэропорт Осло был захвачен ротой немецких стрелков-парашютистов, другая усиленная рота была выброшена в районе Домбоса в центральной части Норвегии с задачей оседлать дорогу, соединяющую Южную и Северную Норвегию и имеющую большое оперативное значение. Ведя бой против численно превосходящего противника, эта рота, несмотря на неблагоприятную погоду, продержалась там вплоть до подхода основных сил. Кроме того, стрелки-парашютисты и горные стрелки были сброшены в районе Нарвика для усиления действовавших там войск. Через месяц после окончания Норвежской операции, 10 мая 1940 года, все парашютные части были направлены в Северную Бельгию и Голландию для участия в двух самостоятельных десантных операциях, до известной степени дополнявших друг друга. Первая десантная операция имела целью захват так называемой «крепости Голландия».[83] В ходе боевых действий одна группа парашютистов высадилась в районе столицы Голландии, в самом центре «крепости Голландия». Однако в результате упорной обороны противника, а может быть, и тактических ошибок со стороны немецкого командования эта группа решающего успеха не имела. Другие боевые группы захватили с воздуха аэродром Валгавен близ Роттердама и ворвались в город вместе с частями 16-й (воздушно-десантной) дивизии сухопутной армии, высаженными с самолетов Ju-52 на этом аэродроме и на автостраде Гаага — Роттердам. Еще одна группа парашютистов овладела мостами через Холандшдип и, таким образом, открыла немецким танкам с юга ворота в «крепость Голландия». В ходе второй десантной операции немецкие стрелки-парашютисты заняли в районе северо-западнее Льежа переправу через канал Альберта, в то время как отборный взвод хорошо обученных саперов под командованием капитана Коха высадился на рассвете на планерах перед самыми бронеколпаками форта-заставы Эбен-Эмаэль, севернее Льежа, и разбудил ничего не подозревавший гарнизон форта, взорвав эти колпаки специальными усиленными полыми зарядами. Этим двойным ударом стрелки-парашютисты пробили ворота для своих сухопутных войск в Северную Бельгию в самых решающих пунктах.

Успехи 7-й авиационной дивизии в Голландии и Северной Бельгии побудили немецкое верховное командование увеличить численность парашютных войск. В начале лета 1940 года 9-й авиационный корпус был превращен в воздушно-десантный. В него вошли: бывшая 7-я авиационная, а теперь воздушно-

десантная дивизия в составе 1-го, 2-го и 3-го парашютно-стрелковых полков, одного истребительно-противотанкового парашютного батальона, одной артиллерийской парашютной батареи (впоследствии из нее возник артиллерийский парашютный дивизион), одного парашютно-саперного батальона и одного парашютного батальона связи. Эта дивизия была исключительно парашютным соединением; кроме того, в корпус входила, по крайней мере согласно первоначальному плану, 16-я пехотная дивизия (сухопутной армии). Кроме того, один так называемый штурмовой полк, который был обучен как для действий с парашютом, так и для переброски на планерах, подчинялся непосредственно корпусу.

В таком составе, однако без 16-й пехотной дивизии, 9-й воздушно-десантный корпус провел «операцию Крит». Крит! Сегодня, спустя 12 лет, он все еще остается символом для наших друзей и врагов, символом смелого решения и героической борьбы. Четыре полка с четырех направлений атаковали с воздуха этот средиземноморский «зеленый остров»: штурмовой полк захватил аэродром Малемес, расположенный в северо-западной части острова, и оттуда пробил себе путь к столице; 3-й парашютно-стрелковый полк выбросился в долине, начинающейся от побережья и ведущей к столице острова — Кании, штурмом овладел высотами, господствующими над дорогой, проходящей вдоль берега, и, бросив свой первый батальон в обход еще не атакованных оборонительных позиций противника, после ожесточенных боев, длившихся целую неделю, проник с тыла в столицу острова и к бухте Суда — важнейшему военному порту в восточной части Средиземного моря; 2-й парашютно-стрелковый полк захватил район города Ретимнона, 1-й полк — район города Гераклиона в центре северного побережья острова, оба эти полка перерезали столь необходимую для оборонявшихся в северо-западной части острова береговую дорогу.

Во второй фазе боев за остров и при окончательной ликвидации сопротивления противника стрелки-парашютисты были весьма эффективно поддержаны частями горно-стрелковых войск, переброшенных сюда по воздуху. Как наступавшие, так и оборонявшиеся войска англичан, новозеландцев, южноафриканцев и греков воевали упорно и ожесточенно, однако по-рыцарски и справедливо, до последних дней внушая друг другу уважение.

Большие потери в некоторых парашютно-стрелковых частях

на Крите были причиной того, что от плана немедленной высадки немецких войск с острова Крит на Кипр пришлось отказаться. Эти потери, вероятно, и заставили немецкое верховное командование после высадки на Крите отказаться от использования парашютных войск по назначению, а применять их как отборные пехотные войска на суше.

Летом 1941 года один батальон 1-го парашютно-стрелкового полка был превращен в корпусной парашютно-стрелковый учебный батальон, к которому зимой 1941/42 года присоединился батальон, выделенный из 3-го парашютно-стрелкового полка в качестве 2-го учебного батальона.

Для действий в Африке в конце июля 1942 года была сформирована так называемая бригада Рамке в составе четырех усиленных батальонов, иначе называемых «боевыми группами». В нее входили также и два названных учебных батальона. Весной 1943 года из остатков бригады Рамке возникла 2-я парашютно-стрелковая дивизия, которая имела такую же организацию, как и 7-я воздушно-десантная дивизия, переименованная теперь в 1-ю парашютно-стрелковую дивизию.

После этого немецкие стрелки-парашютисты нашли себе применение лишь в сентябре 1943 года. Это была не крупная десантная операция одного соединения, а целый ряд небольших предприятий, которые стали необходимыми в связи с высадкой десанта союзников в Сицилии и капитуляцией Италии. 3-й парашютно-стрелковый полк участвовал в этих боевых действиях совместно с другими частями 1-й парашютно-стрелковой дивизии. Одна боевая группа 2-го парашютно-стрелкового полка сразу же после капитуляции Италии атаковала с воздуха ставку итальянского верховного командования у Монте Ротондо; подразделения 7-го полка высадились на планерах в районе Гран-Сассо, чтобы освободить Муссолини, а также заняли остров Эльбу; другая боевая группа внезапным ударом захватила с воздуха остров Леврос в Эгейском море.

Так называемое «освобождение Муссолини» двумя парашютно-стрелковыми ротами на планерах под командованием батальонного командира майора Морса и капитана барона фон Берлепша дало повод для дальнейшего увеличения парашютных войск. Были сформированы вначале еще две, а затем — целый ряд дивизий. Они были объединены в два воздушно-десантных корпуса. Дивизии, сформированные осенью 1943 года и в течение

1944 года, предусматривались для использования только в качестве пехотных соединений, и их личный состав большей частью уже не обучался прыжкам с парашютом.

В декабре 1944 года, когда исход войны был уже решен и борьба велась на германских границах, немецкие стрелки-парашютисты должны были провести еще одну и на этот раз последнюю операцию. В ходе наступления в Арденнах одна боевая группа, созданная специально для этого случая, получила задание занять проходы через труднодоступный горный район Эйфель на дорогах Вервье — Мальмеди и Эйпен — Мальмеди, чтобы обеспечить продвижение соединений 6-й танковой армии SS, которая наступала на Льеж. Только четверти всей боевой группы, вылетевшей из района Падерборна, удалось достичь места высадки. Эта небольшая затерявшаяся в лесах кучка людей ожесточенно сражалась там в течение целых шести дней до тех пор, пока не иссякли боеприпасы и продовольствие и солдаты сами не вынуждены были рассеяться.

Организация парашютно-стрелковых полков соответствовала в основном организации пехотного полка сухопутных войск. Только к концу войны в составе некоторых полков появились саперные» разведывательные и зенитно-пулеметные роты, так что каждый такой полк имел в общей сложности 17 рот. Парашютный, батальон, как и пехотный, состоял из трех парашютно-стрелковых и одной роты тяжелого оружия (пулеметной). Каждая рота состояла из трех взводов, а взвод, как правило, — из трех отделений. Каждое отделение имело на вооружении два ручных пулемета, то есть располагало в два раза большей огневой силой, чем отделение пехотных полков сухопутных войск. Роты тяжелого оружия стрелковых батальонов состояли из трех взводов станковых пулеметов и одного взвода средних минометов (80-мм). Каждый пулеметный взвод имел два отделения станковых пулеметов, по два пулемета в каждом. 13-я рота была вооружена минометами среднего калибра и состояла из трех взводов средних минометов (80-мм) и одного ракетного взвода, 14-я рота была истребительно-противотанковой ротой и имела различное вооружение. В порядке эксперимента в некоторых полках на каждый батальон и на каждую роту тяжелого оружия были созданы взводы подносчиков для обеспечения бесперебойного снабжения боеприпасами.

Оснащение, вооружение и подготовка немецких парашютных войск

Вооружение немецких парашютных войск почти не отличалось от вооружения пехотных войск сухопутной армии. В парашютных войсках раньше, чем в пехоте, были введены карабины облегченного типа, которые в отличие от облегченных карабинов сухопутной армии не требовали специальных боеприпасов и вполне оправдывали себя там, где имелось достаточное количество обычных патронов. В ракетном взводе 13-й роты применялась реактивная установка типа Do (200-мм), зарядный ящик которой одновременно служил и направляющей для стрельбы. Для саперных подразделений был сконструирован специальный сверхлегкий огнемет, который, однако, так и не появился на вооружении до конца войны. Так называемые полые заряды и навесные полые заряды применялись в саперных ротах парашютно-стрелковых частей еще раньше (в 1940 году) при атаке форта Эбен-Эмаэль. Противотанковые гранаты с полым зарядом и стабилизаторами были очень скоро вытеснены реактивной противотанковой гранатой «Панцерфауст». В парашютно-артиллерийских подразделениях применялась легкая артиллерия двух калибров — 75 мм и 105 мм. Эти орудия имели укороченный ствол, специальный уменьшенный заряд. Ствол, кроме того, имел суженное в виде сопла отверстие, расположенное там, где находится запирающий механизм. Благодаря этому при выстреле почти целиком отсутствовала отдача, поэтому можно было обходиться без тяжелого лафета и устанавливать ствол орудия на шасси из легкого металла. В условиях не слишком труднопроходимой местности два человека без особых усилий передвигали это легкое орудие в боевом порядке взвода. Трудности при использовании таких пушек парашютными частями были связаны только с доставкой сравнительно тяжелых боеприпасов, а также с довольно крутой траекторией полета снаряда, которая была обусловлена отводом в момент выстрела части газов назад. Легкие орудия успешно применялись как орудия сопровождения пехоты для быстрого подавления внезапно появляющихся целей. Они имели тот недостаток, что выстрел сопровождался очень ярким пламенем и сильным дымом, которые выдавали огневую позицию, поэтому после каждой, даже самой непродолжительной стрельбы нужно было обязательно менять позицию.

Еще на острове Крит считалось, я бы сказал, почти догмой, что с парашютом можно прыгать только на вполне доступной местности, только днем и только с личным оружием (пистолет или пистолет-пулемет). Однако в ходе войны эта догма была опровергнута действиями учебных батальонов парашютных войск. Они доказали, что стрелок-парашютист может свободно прыгать в лес, даже на деревню, на крыши домов и не только днем, но и ночью. При ночном прыжке в лесистой местности единственной трудностью был выход к месту сбора после прыжка. Для этого использовались звуковые сигналы, и в частности подражание крикам зверей. При спуске парашютистов на крыши домов очень полезным оказался специальный крюк. с помощью которого солдат мог удерживаться на крыше. Боевые действия парашютистов в лесу имели место только во время последней десантной операции немецких парашютистов в горном районе Эйфель в декабре 1944 года. А выброска парашютистов на деревню в сложной обстановке никогда не применялась.

При прыжке парашютистов ночью и в тумане главная трудность заключалась в том, чтобы правильно определить район выброски. Попытки использовать радиобуй, который можно было бы сбрасывать заранее днем и который мог бы передавать прибывающим самолетам по радио приказ о выброске парашютистов, большого успеха не имели. Поэтому во время последней десантной операции в декабре 1944 года парашютные войска пользовались довольно примитивными средствами: вылетающие вперед бомбардировщики обозначали район высадки десанта четырьмя «кустами» зажигательных бомб, образовывавших квадрат, в центр которого нужно было прыгать.

Проблема прыжков с оружием после ряда экспериментов обоих учебных батальонов была разрешена удовлетворительно. В последней десантной операции в декабре 1944 года стрелки-парашютисты брали с собой все легкое пехотное оружие. Станковые пулеметы, средние (80-мм) минометы и легкая радиоаппаратура разбирались на две части, и парашютисты также забирали их с собой. Правда, при сбрасывании среднего миномета и легкой радиоаппаратуры приходилось применять небольшой вспомогательный парашют. При этом радиоаппарат привязывался к человеку одним из свободных стропов. Таким образом, контейнеры освобождались исключительно для транспортировки боеприпасов, благодаря чему их можно было брать с собой значительно больше, в особенности боеприпасов

для тяжелого пехотного оружия.

Однако сбрасывание большого количества боеприпасов в зарядных и патронных ящиках поставило перед парашютными войсками новую проблему — проблему подвижности. Стрелки-парашютисты, безусловно, не в состоянии брать с собой столько груза, сколько перевозит планер; они должны быть в бою исключительно подвижными и легкими. Еще в ходе операции на Крите, где бои носили маневренный характер, оказалось необходимым выделять часть сил для подноски боеприпасов. Позднее делались попытки создать особые взводы подносчиков. Не оправдал себя и так называемый возимый контейнер для боеприпасов, который имел очень небольшой клиренс и потому скорее мешал войскам, чем приносил им пользу. Гораздо более удачным для транспортировки оружия, боеприпасов и т. п. оказалось использование легких вездеходных мотоциклов.

Не нашла более или менее удовлетворительного разрешения вплоть до окончания войны и проблема связи, причем не внутри парашютного соединения, где обычные переносные армейские рации в основном отвечали предъявляемым к ним требованиям, а между приземлившимися в каком-либо районе парашютными частями и полевыми войсками, ведущими бой в 50 или 100 км от них, а также прибывающими по воздуху новыми воздушно-десантными соединениями. Отсутствие связи между выбросившимся парашютным соединением и авиацией, действующей в районе выброски, было одной из причин роковой бомбардировки Роттердама. Командир высадившегося парашютного десанта генерал Штудент предъявил голландскому правительству ультиматум, требуя немедленной капитуляции: командующий голландскими войсками принял этот ультиматум с небольшим опозданием. Немецкий генерал угрожал бомбардировкой порта в том случае, если голландские войска не капитулируют. Но в тот момент, когда капитуляция была уже принята, немецкие пикирующие бомбардировщики начали налет на Роттердам. Напрасно генерал Штудент пытался всеми средствами установить связь с соединениями пикирующих бомбардировщиков и тем самым остановить налет. Густые клубы дыма от горящего в порту танкера помешали летчикам увидеть сигнальные ракеты, выпущенные с земли немецкими парашютистами, а других средств связи у них не было.

Недостаточная связь была также одной из причин того, что немецкое командование в первые дни боев на Крите не имело

ясной картины обстановки, создавшейся в районах выброски десанта.

Полное отсутствие связи с танковой армией, передовым отрядом которой они были, помешало парашютистам, высадившимся в декабре 1944 года в горном районе Эйфель, передать разведывательные данные, которые могли иметь для командования армии решающее значение.

Одно радио, конечно, не могло обеспечить парашютным войскам надежную связь с наземными войсками и с самолетами. Поэтому оно постоянно дополнялось, порой даже самыми примитивными средствами связи, как например почтовыми голубями и наземными сигналами. Приходилось заранее договариваться о местах, в которых должны были расстилаться соответствующие сигнальные полотнища. Может показаться анахронизмом, что в век технического прогресса еще говорят о почтовых голубях и примитивнейших сигналах, и, может быть. поэтому командующий 6-й танковой армией SS Зепп Дитрих не мог не рассмеяться. услышав просьбу командира одной парашютной группы, которая должна была быть введена в бой в ходе арденнского наступления в декабре 1944 года, дать ему почтовых голубей, и ответил ему, что он «не директор зоологического сада». Однако все операции парашютных десантов во второй мировой войне показали, что любое технически совершенное средство связи должно по возможности дополняться примитивными средствами связи, не обремененными такими факторами, как сложность обслуживания, чувствительность к удару, отказ источников питания, ошибки и отклонения в частотах, атмосферные помехи, поломка какой-нибудь детали, выводящая из строя весь аппарат, и другие неполадки, превращающие технически совершенные средства связи в излишний груз.

Основным парашютом в течение всей войны был введенный в самом ее начале парашют типа RGZ. В конце войны стал применяться треугольный парашют, устроенный по типу русского парашюта, который в значительной степени ослаблял раскачивание.

форма жестяного контейнера для боеприпасов не изменилась в течение всей войны. До самого конца войны нашим конструкторам так и не удалось решить проблему, какими средствами — акустическими или оптическими — можно

облегчить отыскание сброшенных контейнеров с боеприпасами, не привлекая к ним внимания противника, который мог взять под обстрел это место. Исследования в этой области закончены не были.

В качестве грузового планера применялся главным образом легкий планер типа DFS-230, который для пикирования был снабжен тормозным парашютом. При помощи специального стропа купол этого парашюта мог быть увеличен или уменьшен в объеме. В ходе войны был создан новый планер для перевозки тяжелых грузов, так называемый Go-242, имевший двойное хвостовое оперение. На нем можно было перебросить в район высадки 75-мм противотанковую пушку вместе с расчетом. Самым крупным немецким грузовым планером был так называемый «Гигант», который без труда мог перевезти взвод пехоты или легкий танк. Из этого планера впоследствии благодаря установке на нем шести моторов была создана мощная транспортная машина. Грузовые планеры буксировались транспортными самолетами с помощью буксирного троса и только в исключительных случаях, главным образом для экспериментальных целей, — на жестком буксире. В ходе войны немецкие конструкторы пытались создать для этого специальные транспортно-буксирные самолеты.

При использовании грузовых планеров необходимо было добиться от них наиболее правильного пикирования. Для этого грузовой планер буксировался на большой высоте (3–4 тыс. м) и на определенном расстоянии от места посадки отцеплялся. Над местом посадки он начинал пике и падал до тех пор, пока до земли не оставалось приблизительно 250 м, тогда планер выходил из пике и приземлялся непосредственно у цели. Пробег при посадке был при этом исключительно коротким. Шасси планера отделялось сразу же после старта, полозья имели тормозящие выступы (часто просто обмотку из колючей проволоки) или небольшие тормозные якоря. В порядке эксперимента в носовую часть планера пробовали вмонтировать ракету, которая срабатывала при первом толчке от соприкосновения с землей и оказывала на планер тормозящее действие. Благодаря этому пробег при посадке сократился до 35 м. Насколько мне известно, пикирующие грузовые планеры применялись немцами во второй мировой войне только один раз, чтобы доставить противотанковое оружие в окруженную «крепость» Великие Луки. При планировании операции по захвату острова Мальты предусматривалось, что за шесть часов до

выброски парашютного десанта один усиленный батальон неожиданно высадится с пикирующих грузовых планеров на позиции зенитной артиллерии англичан в южной части острова и этим сорвет всю противовоздушную оборону острова.

Успех действий любого парашютного десанта зависит главным образом от степени боевой выучки парашютистов.

Мнение о том, что достаточно обучить пехотинцев прыгать с парашютом, чтобы превратить их в «подготовленных стрелков-парашютистов», оказалось неправильным и опасным. Стрелок-парашютист должен обучаться не только прыжку, но и знать особенности боя в составе десанта. В то время как пехотинец медленно приближается к полю боя и лишь постепенно вступает в бой, стрелок-парашютист попадает в условия тяжелейшего боя из обстановки, я бы сказал, почти мирного времени. Этот бой начинается, как правило, в таких условиях, в которые пехотинец, например, никогда не попадает, то есть в условиях отсутствия точных сведений о противнике, получаемых в результате тактической наземной разведки. Провести такую разведку в условиях действий парашютного десанта невозможно без какой-либо поддержки тяжелого наземного оружия, что для пехотинца является само собой разумеющимся делом. Стрелок-парашютист, окруженный со всех сторон противником, должен сначала очистить от противника тот «котел», в котором он оказался по своей собственной воле, и затем атаками расширить его. Стрелок-парашютист начинает свои действия, как правило, в том положении, которое пехотинцу показалось бы отчаянным и безнадежным. Действовать в такой обстановке стрелку-парашютисту помогает предварительная боевая подготовка. Сравнительно большие потери немецких парашютных войск на острове Крит объяснялись частично тем, что стрелки-парашютисты были недостаточно обучены этой особой тактике и плохо знали специфику боя в особых условиях, когда десант оказывается в исходном положении. Обучение стрелков-парашютистов поэтому должно походить на обучение охотников или, если хотите, индейцев; во всяком случае нужно научить их принимать решения и действовать быстро и самостоятельно.

Одной из труднейших проблем всякой парашютно-десантной операции является снабжение сброшенных с парашютом или высаженных с самолетов и планеров войск. Снабжение боеприпасами должно осуществляться в первую очередь, даже в ущерб продовольственному снабжению. Стрелок-парашютист

обязан уметь голодать в боевой обстановке. Во время первого боя немецкие парашютисты, как правило, получали продовольствие лишь в исключительных случаях: приходилось ограничиваться носимым запасом продовольствия, а после приземления прямо в бою добывать его самым примитивным способом в окружающих населенных пунктах. На острове Крит в первые два дня боев в отдельных местах возникали настоящие кризисы снабжения. Объясняются они преимущественно тем, что стрелки-парашютисты заранее не научились расходовать боеприпасы как можно экономнее. Открывать огонь со средней дистанции стрелок-парашютист не должен уже потому, что он ограничен в боеприпасах. Он обязан научиться открывать огонь внезапно и лишь с ближних и ближайших дистанций. Хороший стрелок-парашютист всегда стремится достичь решающего успеха, ведя огонь с ближайшей дистанции и в рукопашном бою. Немецкие парашютисты; действовавшие в горном районе Эйфель во время наступления в Арденнах, смогли продержаться шесть дней только потому, что, несмотря на неоднократные атаки американцев, они выжидали и не открывали огня до самого последнего момента.

Стрелки-парашютисты всегда действуют в обстановке неизвестности, вступая в борьбу с превосходящими силами противника. Лучшим союзником в этих условиях является их собственная выдумка. Самое основное, к чему они должны стремиться, — это ввести противника в заблуждение, прибегая для этого к самым различным из дозволенных военных хитростей. В ходе последней немецкой десантной операции в 1944 году в Арденнах очень оправдало себя беспорядочное сбрасывание ночью с парашютами соломенных чучел. Этим самым удалось сбить противника с толку и расстроить его оборону.

Проблема выброски парашютистов

Первой предпосылкой для успеха любой десантной операции является доставка парашютиста на то место, где он должен действовать и выполнять свои задачи. Это зависит не только от действий самих стрелков-парашютистов, но также и от умения и выдержки летчиков, доставляющих десант в район боевых действий. Десантники вообще склонны в случае своей неудачи сваливать вину на летчиков и в особенности на наблюдателей, которые должны отыскивать место для выброски парашютистов и подавать сигнал к прыжку. К сожалению, не все ответственные командные инстанции германских ВВС полностью сознавали значение правильного подбора и тщательного обучения наблюдателей. Нередки бывали случаи, когда командиры авиационных и парашютных частей назначали в качестве парашютных наблюдателей совершенно неподходящих людей, которых потом приходилось спешно «снимать» с поста. Создавалось такое впечатление, что главное командование ВВС уделяло больше внимания обучению бомбардиров, чем наблюдателей парашютных войск, думая, вероятно, что последствия неточного бомбометания являются более тяжкими, чем последствия неточного сбрасывания парашютистов. Часть потерь парашютных войск на острове Крит, несомненно, следует объяснять ошибками при отыскании района выброски парашютистов. В результате этих ошибок большое количество десантников спрыгнуло в море и в искусственное озеро Аликиану и утонуло. Последняя операция немецких парашютистов в декабре 1944 года не имела успеха вследствие полной неопытности наблюдателей. Из 1200 человек только 300 спрыгнули в предусмотренном месте, а первые парашютисты этого десанта, район выброски которого находился южнее Эйпена, были сброшены в районе Бонна.

Подобные «ошибки» наблюдателей следует объяснять не только неправильным подбором и, следовательно, недостаточными личными качествами или недостаточным обучением, а большей частью отсутствием взаимодействия между парашютистами, наблюдателями и летчиками в период боевой подготовки и во время тренировок перед вылетом на задание. Парашютный наблюдатель не знал своих парашютистов, которым он давал сигнал для прыжка, а те в свою очередь не знали своего наблюдателя, от умения которого зависели не только успех их

действий, но и в значительной степени их жизнь. Летчики и наблюдатели знакомились со своими десантниками только перед самым началом боевых действий. Стрелок-парашютист испытывал при этом чувство кавалериста, который, не зная коня, садится на него перед самой атакой, и тот галопом несет его на противника. Немецкая транспортная авиация играла во второй мировой войне роль «мальчика на побегушках». Транспортные самолеты предоставлялись кому угодно и для чего угодно, однако получить их для обучения стрелков-парашютистов было трудно. Требования командования парашютных войск о закреплении во время тренировок и на маневрах летного состава и наблюдателей за определенными парашютными частями и подразделениями, с которыми им приходилось работать вместе, остались без ответа.

Место, характер, высота высадки и курс полета обсуждались командиром парашютного десанта с командиром авиационной транспортной группы еще до операции, и на основе этого обсуждения отдавался приказ. Как правило, решающее слово здесь — даже при операциях крупного масштаба — принадлежало командиру батальона. Он получал определенную боевую задачу и для выполнения ее устанавливал по своему усмотрению район высадки. Командир полка, как правило, не вмешивался в его решение. Опыт парашютно-десантных операций немецких, а также союзных войск показал, что при выборе батальонного района выброски постоянно подтверждалась правильность старого военного принципа, что простейшее решение обещает наибольший успех. Еще на острове Крит тактика расчленения парашютно-стрелкового батальона и распределения его по нескольким районам высадки оказалась ошибочной. Чем компактней была высадка по времени и пространству, то есть чем короче был промежуток времени, требующийся парашютистам для приземления, и чем меньше был район, в котором сбрасывался парашютный десант, тем вероятнее был успех. Массированное сбрасывание парашютистов обеспечивало им превосходство по крайней мере в районе высадки, который они вначале должны были очистить от противника и захватить и уж только потом думать о выполнении другой (своей собственной) боевой задачи. При этом, конечно, приходилось мириться с тем обстоятельством, что мелкие и мельчайшие подразделения внутри одного крупного десанта при этом часто сбивались с пути и теряли управление.

Боевые действия парашютистов на острове Крит показали, что пытаться строить боевые порядки сбрасываемого десанта еще

в воздухе путем тщательного выбора целого ряда ориентиров совершенно невозможно. Построение боевого порядка десанта можно производить только на земле, после приземления. Это являлось первой задачей всех командиров до командира батальона включительно, и выполнить эту задачу они могли лучше всего в том случае, если прыгали первыми. Командирам батальонов и рот, которые прыгали раньше своих солдат, удавалось быстрее собрать свои подразделения и увереннее держать их в руках. Такие командиры могли не бояться, что, появившись в районе высадки, они найдут свои подразделения в беспорядке. Нечего и говорить, что, прыгая первым, такой командир решительно поднимал морально-боевой дух своих солдат. Старое положение о том, что пехотой можно командовать, только находясь впереди нее, нашло себе новое подтверждение в опыте, полученном командирами парашютных десантов.

Определение высоты, с которой должна производиться выброска, зависит в одинаковой мере от тактической обстановки и от уровня технической подготовки высаживающейся части или подразделения. Высота прыжка должна быть тем ниже, чем более сильную оборону и, в особенности, сильную противовоздушную оборону противника рассчитывает встретить командир парашютного десанта. Высота в пределах 60-120 м затрудняет противнику борьбу с парашютистами в воздухе. Кроме того, малая высота обеспечивает необходимое для боя сосредоточение десантирующей части на земле сразу же после прыжка. Правда, некоторые парашютисты боятся прыгать на малой высоте, так как с уменьшением ее обычно увеличивается количество повреждений. Опыт второй мировой войны учит, что при высоте прыжка 60 м потери от повреждений при прыжке составляют 20 %, даже если речь идет о войсках, специально обученных и натренированных для такого прыжка. Имеются сведения, будто бы русские сбрасывали свои специальные парашютные войска без парашютов с высоты 5-10 м в глубокий снег.[84]

Курс полета для транспортных самолетов выбирался, как правило, с таким расчетом, чтобы затруднить действия противовоздушной обороны противника и по возможности обеспечить момент внезапности. Это достигалось заходом на район высадки с солнечной стороны, неожиданным изменением направления, когда транспортная группа сначала пролетала мимо района высадки и затем возвращалась к нему, описав большую дугу, а также выходом в район высадки десанта на очень малой высоте, прячась за предметами на местности, что у летчиков

получило название «прыжка из-за куста».

Боевое применение парашютных войск

Немецкие парашютные войска использовались во второй мировой войне для решения самостоятельных задач оперативного характера и тактических задач в рамках операций более крупных соединений сухопутной армии. Операция «Фройденталь». которую планировалось провести во время судетского кризиса, состояла в том, что немецкие стрелки-парашютисты должны были с тыла «открыть» чехословацкую линию укреплений. Она мыслилась как вполне самостоятельная операция. За ней последовали другие самостоятельные операции стрелков-парашютистов: удавшийся лишь частично захват «крепости Голландия» в мае 1940 года, захват острова Крит в мае 1941 года — крупнейшая и действительно самостоятельно проведенная воздушно-десантная операция, а также ряд более мелких операций, проведенных в восточной части Средиземного моря осенью 1943 года, после того как Италия разорвала союз с Германией. Планировавшийся в качестве крупного отвлекающего маневра десант немецких парашютистов в Северную Ирландию в конце осени 1940 года, а также неосуществленный план захвата острова Мальты летом 1942 года должны были быть самостоятельными операциями парашютных войск. Соединения армии, флота и авиации, назначенные для взаимодействия с парашютными десантами, должны были выполнять тактические задачи в рамках операций парашютных войск.

В основе всех наиболее крупных из названных воздушно-десантных операций лежал почти один и тот же замысел: сначала атаковать в нескольких местах с воздуха и создать несколько опорных пунктов, чтобы взломать изнутри систему обороны противника, помешать ему сосредоточить свои силы на каком-либо одном участке и перерезать необходимые для обороны коммуникации; затем выбрать один из созданных опорных пунктов, сконцентрировать на нем все имеющиеся и вновь прибывающие силы, чтобы они потом растекались, подобно чернильному пятну, до тех пор, пока основной опорный пункт не сольется с другими и не поглотит их. Этой тактике — я бы назвал ее «тактикой чернильного пятна» — немцы отдавали предпочтение во всех воздушно-десантных операциях в противовес тактике «ковра», применявшейся союзниками и заключавшейся в том, что на местности, подлежащей захвату, парашютисты с самого начала разбрасывались равномерно.

Тактика «чернильного пятна» оправдала себя как в Голландии, так и на Крите.

Наряду с использованием немецких парашютных войск для решения задач оперативного характера немецкое верховное командование в ходе войны все чаще стало возлагать на парашютистов тактические задачи в рамках боевых действий крупных фронтовых соединений. При этом парашютные войска использовались большей частью как передовые отряды или как арьергарды, то есть в некоторой степени уподоблялись модернизированной кавалерии. Действия парашютных войск в Норвегии — в районе Домбоса и на аэродроме Осло в апреле 1940 года — и атака саперным взводом парашютных войск форта Эбен-Эмаэль, захват и обеспечение переправ через канал Альберта и овладение переправами через Нижний Рейн 10 мая 1940 года могут рассматриваться как действия парашютных войск в роли передовых отрядов. При наступлении на Александрию Роммель также замышлял вначале использовать в качестве передового отряда четыре боевые группы бригады Рамке для внезапного захвата и разрушения противотанковых заграждений англичан. Планировавшееся использование одного из соединений парашютных войск для внезапного захвата нефтяного района северо-западнее Баку до того момента, когда отступающий противник уничтожит его, также ставило парашютные войска в роль передового отряда. Наконец, боевая группа фон Хейдте, сброшенная во время последних крупных боевых действий немецких парашютистов в декабре 1944 года в горном районе Эйфель для обеспечения северного фланга наступавших и для захвата горных проходов и дорог, была также передовым отрядом.

Само собой разумеется, что в рамках крупной воздушно-десантной операции небольшая часть стрелков-парашютистов, выброшенных с парашютом или приземлившихся на планерах, выполняет задачи передового отряда. Так, например, во время боев на Крите роты штурмового полка приземлились в районе Малемеса и восточное Кании на грузовых планерах раньше стрелков-парашютистов; при планировании операции по захвату острова Мальты вышеназванный батальон должен был, используя пикирующие грузовые планеры, вывести из строя зенитную артиллерию острова. Гораздо реже планировалось использование парашютных и парашютно-планерных десантов в качестве арьергарда. Так, в августе 1943 года части 2-й парашютной дивизии, высадившиеся в Сицилии на западных и южных склонах Этны с задачей оборудовать отсечную позицию между

отступающими и частично разгромленными итальянскими войсками и преследующими их частями противника и обеспечить создание мощного плацдарма у Мессинского пролива еще до того, когда войска будут эвакуированы из Сицилии, были своеобразным арьергардом. К использованию парашютистов в роли арьергарда до некоторой степени приближается и другой вид их боевого применения. На солдатском жаргоне он называется «тушением пожара». Состоит он в том, что стрелков-парашютистов бросают в возникшую брешь, чтобы восстановить непрерывную линию фронта. Как ни велико было количество случаев, когда парашютисты заменяли пехотные части, однако мне не известно ни одного примера, когда подобное «тушение пожара» было бы осуществлено с воздуха Парашютными и парашютно-планерными десантами. Правда, однажды верховное командование планировало подобное предприятие (для установления связи с окруженной немецкой группировкой в районе Холма весной 1942 года), но проведено оно не было.

Если проследить за ходом проведенных крупных немецких воздушно-десантных операций и за теми немногими случаями тактического использования парашютных войск, то неизбежно складывается такое впечатление, что германское верховное командование не умело использовать парашютные войска в соответствии с их особенностями. Оно нерешительно и неохотно принимало предложения, которые исходили от представителей самих парашютных войск, и в частности от генерала Штудента. Все это привело к тому, что столь ценное для армии соединение, состоявшее сплошь из отборных солдат-добровольцев и располагавшее прекрасным оснащением, вооружением и дорогостоящим оборудованием, превратилось в обычное пехотное соединение.

Действия немецких парашютных и парашютно-планерных десантов говорят о том, что страх командования перед большими потерями десантов был совершенно необоснован. Правда, потери парашютных войск в подобных операциях были, несомненно, тяжелыми, так как действия любого крупного десанта представляли собой ожесточенную тяжелую борьбу. Однако использование парашютного десанта всегда дает командованию возможность достижения оперативной или тактической цели при затрате гораздо меньших сил, чем в наземной операции сухопутных войск, где для достижения подобной цели должны быть использованы значительно более крупные силы. Даже если предположить, что целей, стоявших перед парашютными

десантами в Голландии (1940 год) и на Крите (1941 год), можно было достигнуть без применения десантов с воздуха, только за счет действий сухопутных войск, то на это потребовалось бы гораздо больше времени и гораздо больше сил, тогда как абсолютные цифры потерь были бы, конечно, не меньшими. Во всяком случае, использование стрелков-парашютистов всегда себя оправдывает, но для этого парашютные войска должны вводиться в бой на направлении главного удара. Они не должны применяться рассредоточено и выполнять различные второстепенные тактические задачи. Весьма сомнительно, соблюдало ли этот принцип командование 6-й танковой армии «СО» во время последнего десанта немецких парашютных войск в декабре 1944 года.

При выполнении тактических задач отдельной группе парашютистов необходимо предоставлять более широкую свободу действий. Нигде так не вреден штамп и трафарет, как при атаке с воздуха, будь то прыжок или действия с планера. Несмотря на это, приходится сознаться, что в ходе второй мировой войны немецкие парашютисты и планерные десанты применяли три основных вида воздушного нападения: выброска или высадка непосредственно на объект, выброска или высадка рядом с объектом и выброска или высадка вдали от объекта.

Непосредственная выброска на объект возможна только в том случае, если объект невелик по своим размерам. В таком случае эта форма нападения является даже необходимой. Типичным примером ее является высадка на форт Эбен-Эмаэль 10 мая 1940 года. Форт удалось взять только благодаря высадке непосредственно на объект. Точно так же при планировании операции по захвату острова Мальты предусматривалась высадка десанта с пикирующих планеров прямо на позиции зенитной артиллерии. Думал о высадке десанта на противотанковые заграждения и Роммель, когда он хотел осуществить наступление на Александрию. Первый английский парашютный десант, сброшенный в феврале 1942 года севернее Гавра, был также выброской на объект. Его задачей было ликвидировать немецкую радарную установку «Вюрцбург» и изъять из нее необходимые англичанам детали. Предмостное укрепление можно захватить с воздуха только в том случае, если высадка десанта производится непосредственно на мост, как это делали, например, немецкие парашютисты в 1940 году на Нижнем Рейне и в 1941 году на Коринфском перешейке. Игнорирование англичанами этого элементарного правила парашютной тактики в Арнеме в сентябре

1944 года стоило им потери одной из лучших парашютных дивизий. Захват моста требует выгрузки или высадки на оба предмостных укрепления, и это является бесспорным правилом.

Типичным случаем выброски или высадки рядом с объектом может быть захват аэродрома. Высадка непосредственно на объект при помощи планеров или парашютов вызвала бы здесь, в условиях открытой местности, совершенно излишние потери.

Выброска или высадка вдали от объекта лишена преимущества внезапной атаки с воздуха непосредственно на объект или рядом с ним. Если выброску или высадку непосредственно на объект или рядом с ним можно сравнить с атакой с хода, то высадка вдали от объекта является в сущности занятием исходной позиции для наступления. В данном случае после занятия исходной позиции десант начинает атаку, руководствуясь общими принципами действий пехоты. В качестве примера такой высадки вдали от объекта могут служить действия 3-го парашютно-стрелкового полка на Крите. Этот полк имел задачу овладеть столицей острова — городом Канией. Для выполнения задачи полк выбросился на парашютах на дороге Кания — Аликиану, приблизительно в 3 км юго-западнее окраины Кании. Затем из очищенного от противника района высадки полк стал планомерно развивать наступление в северо-восточном направлении, на главный город острова.

Командир отдельной парашютной части решится на выброску десанта вдали от объекта лишь в том случае, если объект имеет большую протяженность (площадь), а обстановка у противника совершенно неясна. В рамках крупной десантной операции командование парашютных войск будет использовать отдельную часть при известных обстоятельствах вдали от объекта также и потому, что в случае необходимости ей можно изменить задачу, приказав участвовать в наземном бою на других участках. В приведенном выше примере 3-й парашютный полк имел все указанные предпосылки.

Было бы ошибкой предполагать, что в тот момент, когда парашютные десанты оказываются на земле — будь то при высадке прямо на объект, рядом с ним ил и вдали от него, — действия стрелка-парашютиста теряют свои специфические особенности, и все, что происходит потом, принимает характер обычного пехотного боя, ведущегося по старым, испытанным правилам. Даже после выгрузки или высадки бой десантников

сохраняет свои особые черты. Бой в условиях десанта в отличие от боя нормальных пехотных подразделений характеризуется в основном тремя моментами: необходимостью обороняться со всех сторон, то есть вести круговую оборону; отсутствием предшествующей бою ближней разведки и разведки боем и, не в последнюю очередь, нехваткой артиллерии. Старая истина, что существо наступления заключается в гармоничном взаимодействии огня и движения, в условиях боя воздушного десанта теряет свое значение. В данном случае огонь отступает на второй план, освобождая свое место движению. Его подавляющее и парализующее действие оказывается не столь эффективным, как ошеломляющая внезапность, продуманный порядок и опрокидывающая сила движения, которые характеризуют атаку воздушного десанта. После приземления командир парашютно-десантного полка является уже не дирижером большого «огневого оркестра», а в известной степени «комиссаром по экономии боеприпасов», который стремится компенсировать недостаточную огневую мощь искусным и неожиданным огневым маневром своего тяжелого оружия. Там, где это искусство огневого маневра заменялось бомбардировкой и обстрелом с самолетов, например на острове Крит и в Южной Голландии (сентябрь 1944 года), там вместо четкого, дополняющего друг друга и обеспечивающего успех взаимодействия огня и движения получалось лишь неуклюжее и довольно бесполезное «содействие».

Во время последнего десанта немецких парашютистов в горном районе Эйфель в декабре 1944 года в состав боевой группы были включены передовые наблюдатели — дивизионов (батарей) дальнобойной артиллерии и артиллерийская команда связи, управлявшие огнем из глубокого тыла противника. Результаты их действий показали, что подобное использование наблюдателей вполне себя оправдывает.

Моральный фактор

История германских парашютных войск во второй мировой войне является не столько историей десантных боев, сколько историей действий парашютистов в обычном пехотном бою. Под Ленинградом, на Неве и у Волхова, в районе Ржева и Великих Лук, под Житомиром и Черкассами, в Северной Африке — на пути от Эль-Алзмейна до Туниса, в Италии — в битвах за Кассино и на плацдарме Анцио, Неттуния, в Нормандии — у Карантана, в Северной Бельгии и в Голландии — у устья реки Шельды, южнее Берген-оп-Зома, в районе Тиблурга, в районе Хертогенбоса и на реке Маас, а также в оборонительных боях на Рейне — на плацдарме западнее Везеля, в лесу Хюртгенвальд близ Ахена и в наступлении на Бастонь немецкие парашютно-десантные полки сражались в составе пехотных соединений и завоевали себе славу отборных войск. Секрет успеха немецких стрелков-парашютистов в наземном бою заключался не в какой-то особой их подготовке (в последние годы войны многие парашютные части получили далеко не прекрасную общую подготовку). Их успех не зависел и от какого-то специального оснащения или особых методов и приемов тактического руководства. Если немецкие парашютные войска во второй мировой войне завоевали уважение даже у своего противника, то этим они обязаны только наличию у них высокого морального духа. Это был дух особого товарищества, который независимо от чина связывал узами дружбы всех стрелков-парашютистов друг с другом и создавал из них единое целое. Это было сознание того, что форма и знаки различия, которые носил каждый член этого коллектива, обязывали его к высоким подвигам. Это было сознанием своего положения, которое, можно сказать, превращало этот род войск в какой-то особый орден или, во всяком случае, в связанный клятвой легион.

Основой такого замечательного единства, наиболее сильно проявлявшегося в старых парашютных частях, было взаимное доверие. Товарищ доверял товарищу и знал, что тот не бросит его в беде. Он верил своему «старому» офицеру, верил своему командованию и знал, что в случае необходимости оно поможет ему в любом вопросе. Именно в тяжелых боях парашютных десантов и можно было определить настоящего офицера-десантника и отличить его от простого солдафона и носителя погон. Как раз в этих боях и решался вопрос о производстве старослужащих унтер-офицеров. в офицеры, и часто поводом для

присвоения офицерского звания наряду с мужеством бывали не личные достоинства и боевые заслуги, а в гораздо большей степени профессиональное умение обучать людей.

Отношения между офицером и солдатом в парашютных войсках определялись уже тем, что во время высадки десанта офицер испытывал большое напряжение, терпел лишения, подвергался опасностям, нес физическую и моральную нагрузку, как рядовой солдат, и что земля, на которую он высаживался, была для него ничуть не мягче, чем для молодого солдата, падавшего рядом с ним. Одинаковые переживания, одинаковая опасность, одинаковый страх и даже одинаковая похлебка соединяли узами товарищества рядового парашютиста со своим офицером в той же степени, как и в других «хороших» частях, долгое время находившихся на фронте. Именно эта внутренняя спаянность, а не особая боевая подготовка и не особые предписания о «внутренней структуре» отличала немецкие фронтовые войска, и в особенности парашютные, и поднимала их на подвиги не только в бою, но и, что не менее важно, в трудных, полных лишений буднях.

Критерием для оценки качества войск является не только сам боевой подвиг, но и умение переносить трудности и лишения. Человека можно научить вести бой, а вот умение переносить трудности и лишения нужно в нем воспитывать. Один из основных уроков действий немецких парашютных десантов во второй мировой войне состоит в том, что не следует пренебрегать воспитанием и ставить на первое место специальную и боевую подготовку. Нужно помнить, что обучают муштрой, а воспитывают спортом, и немецкие парашютные войска убедились в справедливости этого положения раньше, чем другие роды войск немецких вооруженных сил.

Действия немецких парашютистов на всем протяжении от Домбоса до Арденн показали, что для того, чтобы стать стрелком-парашютистом, надо не только уметь воевать, но еще и уметь голодать и мерзнуть, а это гораздо тяжелее, чем просто воевать. Именно здесь и подвергается испытанию боевой дух войск. И можно сказать, что немецкие парашютисты с достоинством прошли через эти испытания.

Со дня окончания второй мировой войны прошло еще слишком мало времени, чтобы мы могли подвести окончательный итог, который дал бы нам правильную объективную оценку всему

накопленному опыту. Но уже сегодня можно отметить один основной момент, непосредственно касающийся парашютных войск: никакие современные вооруженные силы не могут обойтись без парашютных войск ни в наступлении, ни в обороне. Любая грядущая война будет вестись в трех измерениях, захватывая всю территорию воюющих государств. Она не может быть локализована на каком-то отдельном, ограниченном театре военных действий или на одном из его участков. Поэтому парашютные войска, без которых немыслима ни одна современная война, смогут лишь тогда выполнить свои задачи, если они будут отвечать высоким требованиям современного боя не только с точки зрения их подбора, организации, обучения, вооружения и оперативно-тактического руководства, но и с точки зрения того боевого духа, который во второй мировой войне помог нашим парашютистам и парашютистам западных держав совершать беспримерные подвиги и который по сей день живет в любом старом немецком парашютисте, уже давно занимающемся мирным трудом. Этот дух продолжает жить и в молодых парашютных войсках, которые сейчас ведут ожесточенные бои в Корее и Индокитае, используя опыт второй мировой войны, и вновь доказывают, какое огромное значение имеют парашютные войска в современной войне.

Д-р Паулъ Леверкюн

Служба разведки и контрразведки

Служба разведки и контрразведки германских вооруженных сил была известна во второй мировой войне под общим названием «контрразведка». Такое название следует объяснять тем, что при создании рейхсвера после первой мировой войны отдел имперского военного министерства, предназначавшийся для выполнения этих задач, именовался «отделом охраны» (контрразведки). Действительно, вначале основные функции этого отдела заключались прежде всего в охране создаваемого рейхсвера от глаз иностранных разведок. Таким образом, это название было вполне обосновано. Но оно сохранилось и тогда, когда большее значение приобрело добывание сведений, то есть активная разведка. С ростом вооруженных сил после событий 1933 года задачи отдела расширились, и он превратился, наконец, в самостоятельное управление при главном штабе вооруженных сил, названное теперь управлением разведки и контрразведки во главе с адмиралом Канарисом.

Активной разведкой ведал 1-й отдел,[85] контрразведкой — 3-й отдел. На 2-й отдел были возложены такие особые задачи, как организация саботажа и мятежей в тылу противника.

Разведывательная служба была с самого начала децентрализованной. При штабах семи, а позднее — двенадцати военных округов и штабах военно-морских баз были созданы органы контрразведки, которые впоследствии. при реорганизации сухопутной армии, были переданы корпусным штабам. Этим органам был указан круг задач, определявшийся главным образом их географическим положением и специализацией по отдельным областям. Так, например, отделения в Кенигсберге и Бреслау работали преимущественно «на Восток», отделения в Касселе, Висбадене, Штутгарте и Мюнстере — «на Запад», Гамбург занимался Францией и заокеанскими странами и только с 1938 года — Англией, Мюнхен и Вена занимались Балканами, Нюрнберг и Дрезден — Чехословакией и Польшей.

Центральный аппарат и органы контрразведки были созданы в каждом виде вооруженных сил, то есть в сухопутной армии, военно-морском флоте и авиации. Кроме того, имелись отделы, ведавшие вопросами технического порядка: криптографией, зашифровкой и расшифровкой донесений, радиосвязью. Во время

войны были созданы особые организации для разведки и контрразведки среди военнопленных. Децентрализованная система, оправдавшая себя в мирное время, в особенности в период оккупации Рейнской области, судетского кризиса и оккупации Австрии, была впоследствии распространена и на оккупированные области.

Разведка в Польше велась перед началом войны так называемым «ближним» методом, то есть непосредственно через границу между обоими государствами. В этом случае передача сведений, как правило, не представляла особых трудностей. На западе граница с Францией имела слишком малую протяженность, чтобы обеспечить разведку в западных районах Франции, а также в Англии и Соединенных Штатах. Поэтому приходилось ограничиваться только средствами дальней разведки, иными словами, передача сообщений должна была осуществляться через третью страну или по радио. Военно-морской флот и примерно в такой же степени авиация были вынуждены обходиться исключительно дальней разведкой. Поскольку Голландия и Бельгия не считались потенциальными противниками, то отсутствовала и какая-либо разведка, направленная против них. Эти страны играли роль исходных пунктов для проникновения во Францию, Англию и заокеанские страны, а также роль «релейных станций» для передачи донесений. Главные задачи разведывательной службы в мирное время сводились к тщательной разработке системы передачи донесений по почте через нейтральные страны, через особых курьеров и по радио.

В начале войны с Польшей верховному командованию были полностью известны организация польской армии, план стратегического развертывания и другие наиболее существенные данные военного и военно-географического характера. Поэтому в ходе кампании не возникло никаких непредвиденных случайностей, в результате которых могли бы обнаружиться пробелы в действиях органов германской разведки.

Средства, которые могли быть выделены в период существования рейхсвера из бюджета стотысячной армии для разведывательной службы, были весьма незначительными. Поэтому приходилось ограничиться лишь самым необходимым. Но и в 30-х годах, когда ассигнования на разведывательную службу значительно увеличились, разведка в доступных для нее странах не могла действовать планомерно, потому что Гитлер по

политическим соображениям временно запретил вести разведку в некоторых странах, например в Англии и Италии, а также потому, что некоторые нейтральные страны, как Голландия и Бельгия, были специально выпущены из поля зрения разведки, чтобы использовать их как промежуточные государства.

К этим странам относилась и Дания. Когда в начале 1940 года были разработаны планы кампаний против Дании и Норвегии, немецкой разведывательной службе была поставлена задача произвести разведку датских вооруженных сил в наикратчайший срок. Это удалось осуществить так, что ни датская, ни английская служба контрразведки даже не заметили деятельности немецких агентов. Оккупация Дании прошла без всяких осложнений. Второй задачей органов немецкой контрразведки в этот период было обеспечить скрытность приготовлений, связанных с погрузкой войск на суда в портах Бремерхафена и Штеттина. Это было осуществлено путем усиления слежки за подозрительными элементами, бродившими вокруг порта, а также за счет особо строгой цензуры телеграмм и писем. Кроме того, движение транспортов с войсками, боеприпасами и запасами продовольствия нужно было организовать с таким расчетом, чтобы не вызвать никакого подозрения в пунктах назначения. Удалось и это. Отделением контрразведки в Гамбурге были своевременно получены сообщения о снятии французами своих частей альпийских стрелков и отправке их в Северную Скандинавию. Для передачи этого сообщения с французского фронта в Гамбург потребовалось четыре дня. При наличии цензуры во всех странах это был очень короткий срок. Итак, пути, по которым шли донесения разведки, оказались вполне пригодными и надежными.

Оправдали себя и импровизированные органы разведывательной службы, спешно созданные в Норвегии. Когда германские самолеты приземлились в Осло, в порту находилось германское торговое судно, на борту которого был особый уполномоченный, имевший при себе радиостанцию. Во время боев за Осло он мог сообщать о каждой фазе развития боевых действий. Следует подчеркнуть, что радиоаппаратура судна при этом не использовалась. Бортовая радиостанция судна не могла быть использована по той причине, что при входе судна в порт она была тут же опечатана норвежскими властями.

В ходе подготовительных работ, проводимых органами разведки и контрразведки в мирное время, всегда остается

открытым вопрос о том. насколько эффективными окажутся в дальнейшем все осуществленные и намечаемые мероприятия. Войны в Польше и Франции показали, что подобные мероприятия вполне себя оправдали. Организация германской разведывательной службы была правильной и отвечала всем требованиям современной войны, и это касается не только органов разведки и контрразведки армии, но и подобных органов военно-морского флота и прежде всего органов, созданных в самом современном роде войск — авиации. Согласно положению Версальского договора в отношении самолетостроения, Германия была поставлена по сравнению с другими высокоразвитыми странами в очень незавидное положение. До начала войны нашим органам разведки удалось узнать многое о техническом прогрессе других стран и использовать их достижения для усовершенствования собственной авиации. Оккупация Дании и Норвегии доказала, в частности, что децентрализованная организация разведки была самой правильной. Децентрализация всегда предполагает дерзание и, кроме того, большую веру в инициативу младших командиров. Такое доверие всегда оправдывается. Импровизированная разведка может быть осуществлена в больших масштабах и может принести обильные плоды только в том случае, если руководителям и офицерам органов разведки и контрразведки на местах предоставляется большая самостоятельность и широкое поле деятельности и когда одновременно учитывается их опыт и специализация по какому-то определенному географическому району. Без практической помощи кадровых офицеров-агентов и офицеров запаса, живших в портах Норвегии и Дании, и без участия лиц, владевших иностранными языками, в данном случае скандинавскими, такое быстрое выполнение поставленных задач было бы невозможным.

Этот принцип оправдал себя и в дальнейшем. После войны с Данией и Норвегией все внимание было опять обращено на французский фронт. Высвободившиеся силы искали нового применения. При определении района наиболее вероятных действий отделение разведки и контрразведки в Гамбурге пришло к мысли усилить сбор информации на Средиземном море, и в частности в районе Эгейского моря. В результате этого годом позже, при вступлении немецких войск в Грецию, командование располагало всеми необходимыми сведениями о дорогах и морских портах. Это в свою очередь создало предпосылки для того, чтобы осуществить оккупацию острова Крит в самый короткий срок, считавшийся до сих пор вообще невероятным.

В войне с Францией, как и в предыдущей польской кампании, командование немецких войск располагало точными разведывательными данными о группировке французских войск и об имеющихся у противника оборонительных сооружениях. В этой войне большую пользу принес и 2-й отдел контрразведки, засылавший своих тайных агентов в тыл противника, которые своевременно ликвидировали попытки противника взорвать мосты в Бельгии и Голландии и этим самым обеспечивали на первом этапе наступления быстрое продвижение своих войск, благодаря чему боевые действия могли быть сразу перенесены на территорию противника.

2-й отдел контрразведки еще до начала войны работал рука об руку с отделом пропаганды вооруженных сил над задачей деморализовать французские войска посредством радио, листовок и радиопередач через линию фронта при помощи громкоговорителей. Во время военных действий на Балканах войска пожинали плоды разведывательной деятельности не только органов немецкой военной разведки, но и плоды осторожного и тщательно продуманного сотрудничества с венгерской, болгарской и частично с румынской службами военной разведки.

Советская Россия еще до начала войны представляла в отношении разведки особенно трудную проблему. Засылка в Россию агентов из Германии была возможна лишь в очень редких случаях. Контроль и проверка документов среди населения России как в городах, так и на транспорте проводились гораздо строже, чем в какой-либо другой европейской стране. Непосредственно граничащим странам — Финляндии, Эстонии, Латвии и др. — вести разведку было несколько легче, потому что в пограничных районах расовые и физиогномические признаки облегчали проникновение агентов через советскую границу.

После оккупации Польши Германия и Советский Союз стали непосредственными соседями. Поэтому за сравнительно короткий отрезок времени, с конца польской войны до начала войны с Советским Союзом в июне 1941 года, органам немецкой разведки удалось накопить достаточные сведения о дислокации, организации и вооружении русской армии.

Как выяснилось в ходе войны, количество советских дивизий, находившихся в западной части Советского Союза, было

определено совершенно правильно. Данные разведки. которые генеральный штаб считал преувеличенными, оказались точными. Не доверяли в верховном командовании и данным, собранным разведкой о советском экономическом потенциале и возможностях эвакуации советской промышленности на Восток. Война с Финляндией, в которой у русских неожиданно обнаружились большие недостатки в вопросах руководства и вооружения, способствовала тому, что немецкое командование стало недооценивать своего противника. Очевидно, не было доверия и к данным разведки в области техники. Поступавшие в органы сведения о технических усовершенствованиях оставлялись без внимания, поэтому появление русских танков было большой неожиданностью, заставившей всех много говорить о себе.

После захвата значительной части русской территории были созданы особые центры для получения и обработки сведений и для засылки агентов за линию фронта. Эти центры находились в постоянном контакте с офицерами разведывательной службы войск и с высшими штабами.

Генерал-фельдмаршал Манштейн в своих воспоминаниях об окружении немецких войск под Сталинградом в начале 1943 года пишет следующее: «Цифровые данные о соединениях противника выводились из суммы всех разведывательных данных. Последние почти всегда (в том числе и под Сталинградом) оказывались правильными, а не преувеличенными, как утверждал Гитлер». Эта фраза раскрывает одну из самых больших и постоянно возраставших трудностей, испытанных органами разведки в ходе войны. Она заключалась в том, что немецкое верховное командование не было склонно верить вполне правильным данным, собранным и обработанным органами разведки. Это отчасти объясняется характером Гитлера, который был человеком своевольным и был склонен принимать «свои» решения без трезвой оценки фактов, сообщенных разведкой, и хотел видеть обстановку такой, какая больше отвечала его намерениям. Этому способствовал ряд инстанций, которые, со своей стороны, из честолюбия пытались заниматься военной разведкой и надеялись, что можно обойтись без уже имеющихся органов военной разведки. Эти инстанции получали разведданные из самых различных источников.

Политической разведывательной службы в том смысле, в каком она существовала за границей, в Германии до 1933 года никогда не было. Английская Intelligence Service[86] формально

подчиняется министерству иностранных дел. В такой крупной колониальной державе, как Англия, политическая разведка крайне необходима, чтобы защищать государственные учреждения белых меньшинств от неожиданных политических выступлений в колониях. Такого рода политическая разведка имелась еще в древнем Риме. Она продолжала существовать у византийцев и была перенята турками. Австрия, богатая представителями различных национальностей, входивших в состав империи Габсбургов, вынуждена была также позаботиться о своей защите, создав специальные разведывательные органы.

Подобные мотивы были, однако, чужды Пруссии и другим германским странам. Их вполне удовлетворяла общая Полицейская информация. Третья империя, напротив, считала, что она не может обойтись без защиты своих интересов от врагов государства. Эта задача была возложена на тайную государственную полицию, сокращенно называемую «гестапо». Она была создана Герингом, когда он был еще министром внутренних дел Пруссии, но вскоре руководство ею было возложено на Гиммлера и Гейдриха.

Эти последние считали, что им удастся создать свои органы безопасности даже за границей. Поэтому и гестапо и органы службы безопасности (СД) стали развивать свою деятельность за границей, которая вначале имела характер полицейского надзора, но постепенно приобрела значение политической разведки крупного масштаба. Но этим самым Гиммлер и Гейдрих вторглись в область компетенции министерства иностранных дел. Видя это, Риббентроп пришел к мысли создать разведку в рамках своего министерства иностранных дел. Большого значения она, конечно, не имела. У германского министерства иностранных дел не было такой традиции, чтобы при подготовке и обучении своих сотрудников прививать им навык сбора информации, как это делалось, например, в британском или японском министерствах иностранных дел. Известно, что представители английских служебных инстанций, занимавшихся просмотром архивов министерства иностранных дел Германии после 1945 г., были удивлены тем, насколько плохо была поставлена служба информации в этом министерстве.

Развитие разведывательной службы внутри страны и за ее пределами оказало обратное влияние и на службу военной разведки, потому что органы гестапо и службы безопасности вскоре проявили честолюбивое желание вести разведку или по

меньшей мере «помогать» высшим инстанциям также и в области сбора военной информации. Но поскольку они не имели необходимой для этого подготовки, у них постоянно возникали серьезные недоразумения. Между адмиралом Канарисом, руководителем службы военной разведки, и Гейдрихом было достигнуто «демаркационное» соглашение, по которому органам контрразведки отводилась область чисто военной разведки.

Но вскоре между органами военной разведки, с одной стороны, и службой безопасности и министерством иностранных дел — с другой, возникли в области военной информации большие «ножницы», тогда как при разумном разрешении вопроса сведения той и другой стороны могли бы взаимно дополнять друг друга. Например, вопрос о том, останется ли Турция нейтральной или присоединится к западным союзникам, был важным как в общеполитическом, так и в военно-политическом отношении. На этот вопрос могли ответить, с одной стороны, политические представители в Турции на основании оценки политической обстановки в стране, с другой стороны — органы службы обеспечения, которые собирали ценную политическую информацию. В этой связи нельзя не вспомнить так называемого «дела Цицеро». Цицеро был агентом службы обеспечения, которому удалось изъять из сейфа английского посла в Анкаре секретные бумаги огромной важности. Однако в достоверность содержащихся в них фактов немецкое высшее руководство не верило, а если и верило, то не сделало из этого никаких выводов. Не могли на него ответить и органы военной разведки, наблюдавшей за военными приготовлениями Турции и граничащих с ней стран, причем крупные скопления войск на арабской территории могли предназначаться как для поддержки турецких сил в случае вторжения Турции на Балканы, так и для оказания нажима на Турцию, чтобы вынудить ее примкнуть к союзникам.

Помимо указанных выше источников, германские вооруженные силы имели также и другие каналы для получения информации. Один из таких каналов обслуживался органами ВВС и работал под названием «научно-исследовательского управления». Это «управление» осуществляло контроль главным образом над линиями телефонной и телеграфной связи. В сухопутных войсках существовала «служба подслушивания», а в военно-морском флоте эта же служба называлась «службой наблюдения». Все эти органы, равно как и служба инспектора связи вооруженных сил, занимались перехватом и расшифровкой

радиопередач противника. Расшифровка, или, как она часто именовалась, «разбивка кода», требует особого таланта, которым обладают сравнительно немногие. Удивительно то, что, несмотря на все усилия шифровальщиков и на все достижения техники, нет такого кода, который бы в конце концов не был расшифрован. Особых успехов в этой области добились венгры.

Еще одним каналом были военные атташе и обмен информацией с органами разведок дружественных стран. Этой деятельностью занималась группа «Заграница» управления разведки и контрразведки.

Наиболее хорошо подготовленный и многочисленный штат сотрудников управления военной разведки и контрразведки выгодно отличал это управление от всех остальных органов разведки. Оно было создано и обучено капитаном 1-го ранга, а впоследствии адмиралом Канарисом. Превосходство в постановке военной разведывательной службы в управлении Канариса перед другими органами разведки было настолько очевидным, что об адмирале Канарисе долгое время говорили с уважением, как о самом незаменимом человеке. Побуждаемые завистью, Гиммлер и Гейдрих долго искали предлога, чтобы устранить Канариса, а всю разведывательную службу передать в ведение главного управления безопасности. Лишь в начале 1944 года им удалось склонить Гитлера к тому, чтобы дать Канарису отставку. После этого Гиммлер возложил подчиненную ему теперь службу военной разведки и контрразведки на бригадного генерала Шелленберга, который на протяжении некоторого времени не производил в существовавшей организации никаких изменений.

Оценка добытого разведывательного материала была организована так, что обработанные в управлении разведки и контрразведки сведения направлялись затем соответствующим отделам генерального штаба, то есть отделу иностранных армий Востока и отделу иностранных армий Запада, а также соответствующим инстанциям ВМФ и ВВС. Там окончательно решался вопрос о том, как следует оценивать полученные сообщения и какой придавать им вес во время принятия ответственных решений.

Эта система вполне удовлетворяла верховное командование как в мирное время, так и в первые годы войны. Начальниками отделов управления разведки и контрразведки были высшие офицеры генерального штаба. Поэтому им было нетрудно в ходе

самой оценки решить вопрос о том, какие из сведений имеют наиболее важное значение в военном отношении. И все же эта система имела недостатки. Они были вскрыты уже в ходе войны. Дело в том, что разведывательная служба многими войсковыми офицерами и офицерами генерального штаба оценивалась неправильно, и, хотя офицеры генерального штаба, работавшие в контрразведке. имели хорошую штабную подготовку, лишь немногие офицеры генерального штаба, работавшие в других управлениях генерального штаба, имели соответствующую подготовку в области разведки и контрразведки. Когда же в результате убыли старых и увеличившегося притока молодых и неопытных офицеров уровень подготовки работников генерального штаба значительно снизился, обработкой разведывательных данных стали заниматься офицеры, которые, не обладая ни достаточной общей штабной подготовкой, ни, тем более, необходимыми познаниями в области разведки, не имели к тому же ни чуточки фантазии, чтобы правильно оценить поступающий к ним материал. Опыт и фантазия являются незаменимыми качествами для оценки разведданных. Чтобы оценить достоверность и значение донесения, необходимо знание международной обстановки, нужны комбинатор с кие способности, умение предугадать, какие решения намеревается принять командование вооруженными силами противника и какие решения оно примет наверняка, исходя из военной, экономической и политической обстановки. Отсутствие этих качеств не только у военных, но и у политических руководителей вплоть до представителей самых высших инстанций всегда приводит к роковым ошибочным решениям. Так, например, Гитлер совершенно не учел данных о военно-экономическом потенциале Соединенных Штатов и о росте этого потенциала во время войны. Он не проявил также и чутья к состоянию политического и военного планирования англичан и американцев, которые использовали очень большой отрезок времени на подготовку и, наконец, появились на европейско-африканском театре военных действий с такими крупными силами, которых до сих пор не знала история войн. Органы немецкой контрразведки заблаговременно сообщили ему о предстоящей высадке десанта союзников в Северной Африке. Кроме того, и ему и его политическим советникам было доподлинно известно, что такие же сведения были получены органами испанской разведки. Но командование по-иному поняло замыслы союзников и маневры их флота, и потому высадка десанта в Северной Африке была для немцев полной неожиданностью.

Еще во время войны неоднократно высказывались соображения о том, что добываемые сведения в ходе оценки и обработки должны обязательно сопоставляться с данными, добытыми по другим каналам. Несомненно правильно поступило бы верховное командование, если бы оно запретило отдельным видам вооруженных сил добывать сведения своими средствами и сконцентрировало бы это в собственных руках, для того чтобы опыт в методике добывания сведений мог быть немедленно использован всей службой военной разведки и контрразведки. Но передача непроверенных и не снабженных комментариями сведений служебными инстанциями, которые не были непосредственно связаны с добыванием сведений, могла давать удовлетворительные результаты лишь до тех пор, пока ответственные за это дело офицеры генерального штаба и контрразведки работали согласованно друг с другом. Так было только в мирное время и в первые годы войны. Но когда внутри этих аппаратов начались большие и частые перемещения, весь хорошо налаженный инструмент расстроился.

Ответ на вопрос о том, какая форма организации наиболее правильна, будет в дальнейшем зависеть главным образом от того, будет ли создан единый генеральный штаб и наладит ли служба разведки и контрразведки правильные отношения со всеми видами вооруженных сил или же каждый вид сохранит свой собственный генеральный штаб. В последнем случае рекомендовалось надлежащие отделы (при генеральном штабе сухопутных войск — отдел иностранных армий Востока и отдел иностранных армий Запада, при штабе оперативного руководства войной на море — 3-й отдел и при главном штабе ВВС — 5-й отдел) подчинить главному штабу вооруженных сил, объединив их для решения общих разведывательных задач.

Но не следует упускать из виду и то, что решающим в разведывательной службе будет всегда не форма организаций, а подбор кадров. Пригодность к разведывательной службе предполагает наличие у человека особых качеств и опыта, которые являются не обязательными и часто даже нежелательными для строевой службы в различных видах вооруженных сил. Солдат носит форму, и вооруженные силы требуют единого образа мыслей и единой воли. Человек же, пришедший на разведывательную службу, должен думать как угодно, но только не шаблонно. Подчиненные, наделенные большой фантазией, не всегда желательны в обычных условиях, а

в разведывательной службе они являются незаменимыми. Единообразие действий — это обязательная предпосылка для войск, своеволие — похвальное качество для разведчика. Он должен страстно любить свое дело, быть многосторонне образованным и хорошо разбираться в военных вопросах и проблемах своей страны и иметь способность «сживаться» с чужими народами и с теми «странными» людьми, которыми он призван руководить.

Решающее значение имеет и слово того, кто стоит во главе разведки. Этому учит не только опыт германской разведки, но и опыт разведок других стран. Немецкая служба разведки и контрразведки могла до начала войны достигнуть весьма значительных успехов только благодаря необыкновенным личным способностям самого адмирала Канариса. Говорят, что он имел по части информации буквально «шестое чувство». Его идейное богатство при решении новых задач было столь же замечательно, как и его решимость претворять полученные результаты в жизнь.

Когда обнаружилось, что Дунай незаменим для снабжения Германии, один из офицеров Канариса обратил его внимание на опасность того, что достаточно кому-нибудь потопить два парома или несколько барж с цементом у Железных ворот, как этот важный для Германии путь немедленно и на долгое время будет выведен из строя. Эта географическая точка находится, как известно, далеко за пределами самой Германии. Не оставалось ничего другого. как принять меры к тому, чтобы обеспечить в случае войны бесперебойное судоходство по Дунаю. Политически Румыния была тогда нейтральной страной, но была склонна скорее к союзу с Западом, чем с Германией. Канарису удалось убедить начальника румынской разведки в том, что для румынской экономики было бы большим ударом, если бы кому-нибудь удалось блокировать этот водный путь. С этого момента небольшие караулы сотрудников германской контрразведки, переодетых в гражданское платье, сопровождали все караваны судов на Дунае.

Подобным действиям, в которых сотрудники органов разведки принимали непосредственное участие, придавалось особое значение. Ведь как бы там ни было, а наемный шпион является средством добывания сведений, и поэтому значение его в глазах общественности значительно преувеличено. Это вполне понятно, потому что наряду с криминальным романом роман или кинофильм о шпионаже находят и всегда будут находить

хороший сбыт. Руководитель американской разведки генерал Донован сказал однажды: «Восемьдесят процентов разведывательной службы — это трудная работа, а остальные двадцать — могут быть отнесены к тому, о чем рассказывают наши романы и фильмы». В эти восемьдесят процентов «трудной работы» входит тщательный анализ сообщений газет и других периодических изданий, статистика, радиоперехват, подготовка разведывательных операций и отыскание путей связи. В нее входит и организация взаимодействия с войсковыми органами разведки. Еще в польской войне наступающим частям сухопутной армии придавались отряды контрразведчиков, которые должны были защищать войска от действий разведки противника тем, что при занятии сел и городов они немедленно принимали меры к выявлению всех подозрительных элементов и следили за тем, чтобы военнослужащие не разглашали данных, которые могли представлять интерес для противника, и немедленно сообщали бы органам контрразведки обо всех подозрительных личностях, пытавшихся вступить с ними в связь. Во время оккупации Дании немецким войскам впервые стали придаваться активные разведывательные группы, которые сообщали результаты предшествовавшей наступлению агентурной разведки Дании оперативно-разведывательным отделам штабов и командованию передовых частей и соединений.

Агенты, сопровождавшие караваны судов на Дунае, назначались 2-м отделом контрразведки. Еще в мирное время, в период кризисов, предшествовавших возникновению войны, стало очевидным, что при том значении, какое в современных условиях получила экономическая война, необходимо как можно раньше захватить в свои руки объекты, расположенные в полосе наступления за фронтом противника, и предохранить их от разрушения, чтобы сохранить и использовать в своих интересах экономический потенциал оккупированной страны. Эта необходимость была отмечена еще в первую мировую войну во время действий в районе румынских нефтяных промыслов. Во второй мировой войне польские промышленные предприятия в Верхней Силезии были захвачены благодаря тому, что перед самым началом наступления вперед были посланы одетые в гражданскую одежду отряды контрразведки с задачей отыскать наиболее важные заводы и помешать польским подрывным командам вывести их из строя. Еще во время нейтралитета Румынии на важные нефтяные промыслы и нефтеперегонные заводы, доступные для деятельности немецких агентов, посылались специальные команды для охраны предприятий от

возможных актов диверсии со стороны западных союзников. Такая «охрана» вполне отвечала румынским национальным интересам, и она постепенно распространилась и на предприятия, находившиеся под контролем западных союзников. Поэтому актов саботажа и диверсий в румынской нефтяной промышленности во второй мировой войне не было. Без таких предупредительных мер по охране нефтяных промыслов, нефтеперегонных заводов и путей подвоза румынской нефти в условиях роста моторизации современных войск не была бы возможна ни одна крупная операция немецких войск на фронте. Во время войны с Советским Союзом проводилась соответствующая подготовка к тому, чтобы своевременно захватить источники кавказской нефти. Для этих целей сначала был сформирован батальон, вскоре расширенный до полка, из которого в дальнейшем была создана дивизия «Бранденбург». Здесь обучались отборные солдаты и офицеры для выполнения особых задач, будь то прорыв фронта или забрасывание с самолетов за линию фронта. Они оправдали себя на всех театрах военных действий, и в особенности в пустынях Африки и в России. Они служили для тех же целей, что и так называемые «отряды командос» в английской армии. Эти отряды, посылавшиеся за линию фронта, получали задачу вести разведку скоплений войск противника в тылу и, собрав как можно больше разведданных, либо возвращаться через линию фронта, либо в течение долгого времени оставаться в тылу противника и передавать донесения по радио. Другой их задачей было двигаться перед наступающими войсками и захватывать важные объекты, в особенности мосты. Большей частью они делали это в маскировочной одежде, то есть в форме войск противника. Таким образом, например, был захвачен мост через Западную Двину, что облегчило войскам генерала Манштейна неожиданно быстро выйти в район Ленинграда. Особенно широко солдаты дивизии «Бранденбург» использовались в боях с партизанами на Балканах, так как они имели специальную подготовку для ведения такой войны. Главным здесь было не превосходство в огневой мощи и не наступление в составе крупных соединений, а умение вести бои в горах за отдельные упорно обороняемые объекты.

Упомянутые выше отряды и формирования, руководимые 2-м отделом контрразведки, были, разумеется, созданы из агентов и сотрудников управления разведки и контрразведки под непосредственным наблюдением адмирала Канариса. По существу, дивизия «Бранденбург» была весьма далека от разведывательной службы, и вопрос о целесообразности тесной связи между разведывательной службой и отрядами типа «команд

ос» остается пока открытым. Правда, такая связь была необходимой постольку, поскольку моральное разложение противника путем агитации и пропаганды среди национальных меньшинств всегда предполагает наличие какого-то контакта между ними, хотя бы для добывания и передачи сведений.

Этот контакт имеет существенное значение и для диверсионных актов на таких важных в военном и экономическом отношении объектах, как электростанции, промыслы и т. п. Основываясь на наблюдениях и опыте в области диверсий и подрывов объектов противника, офицеры контрразведки подали идею о создании такого особого вида оружия, как торпеды, управляемые одним человеком, и другие новые средства войны на море. Проекты, созданные вначале органами контрразведки, в дальнейшем совершенствовались специалистами ВМФ.

С началом войны контрразведка, естественно, приобрела еще более важное значение, чем в мирное время, так как в военное время следовало ожидать усиления разведывательной деятельности противника. Когда затем территорию Германии наводнили миллионы военнопленных и иностранных рабочих, которые использовались в сельском хозяйстве и промышленности для увеличения выпуска военной продукции» возросло значение и органов контрразведки внутри страны, что, конечно, не могло не привести к увеличению числа их сотрудников. Большая часть задач органов внутренней контрразведки носила не столько военный, сколько полицейский характер, за исключением работы, выполняемой 3-м отделом контрразведки, задачей которого было проникновение в разведывательную службу противника. Эта деятельность очень близка к активной разведке» и без нее немыслима вообще никакая разведывательная служба. Она была наиболее интенсивной в оккупированных районах на Западе и приобретала тем больший размах, чем сильнее развертывалось организованное Англией подпольное движение сопротивления. Немецкие контрразведчики стремились проникнуть в организации подпольщиков и принимали все меры к тому, чтобы перехватить агентов противника, сбрасываемых с самолетов и снабженных радиопередатчиками, немедленно после их приземления. Им удавалось «повернуть» некоторых агентов противника, то есть заставить их передавать англичанам заведомо фальшивые сведения и направлять десанты и оружие, посылаемые союзниками организациям сопротивления, туда, где они легко попадали в руки органов немецкой разведки. В других случаях немецкие контрразведчики захватывали

радиопередатчики и шифр и использовали последние для того, чтобы вступать в связь с разведкой противника и вводить ее в заблуждение. Это удавалось во многих случаях.

Задачи чисто наблюдательного характера возлагались в большинстве случаев на полицию или на организацию, специально созданную для этой цели. Весьма опасным явлением для органов разведки может стать раздутый бюрократический аппарат. Нежелательно также и обременение разведывательной службы задачами, не имеющими непосредственного к ней отношения, которые вместе с задачами по руководству большим бюрократическим аппаратом отнимают у руководителей органов разведки слишком много времени.

Поэтому, когда вопреки всякому здравому смыслу 1 мая 1944 года функции военной разведки и контрразведки были переданы созданному в системе главного управления безопасности новому «военному управлению», это означало конец разведывательной службы как самостоятельного органа вооруженных сил.

Адмирал Канарис был воспитан в кайзеровском военно-морском флоте. Он всегда придавал большое значение тому, чтобы его офицеры серьезно относились ко всем воинским традициям. Служба, которая в конечном счете имеет дело с людьми, не брезгающими изменой, должна постоянно добиваться того, чтобы ее верхушка и офицерский состав всегда удовлетворяли высшим интеллектуальным и моральным требованиям, предъявляемым к воину. Не случайно, что начальником американской разведки во время войны был испытанный фронтовик первой мировой войны — генерал Донован, командир прославленного нью-йоркского пехотного полка.[87] Английская разведка имела в первую мировую войну такую выдающуюся личность, как Реджинальд Хэлл. Тогда же в Каире англичанами была создана специальная группа, из которой впоследствии вышел Лоуренс — руководитель восстания арабов. Развившись из органов контрразведки, английская разведывательная служба, подобно немецкой, провела огромное количество операций, имевших большое влияние на весь ход войны.

Учитывая особое положение Германии, необходимо, чтобы не только высшие военные руководители, но и широкие общественные круги понимали в полной мере значение разведывательной службы. Значительная протяженность

сухопутных границ Германии делает ее наиболее доступной страной Центральной Европы для деятельности всех иностранных разведок. Нам важно, чтобы все немцы в достаточной мере понимали, насколько необдуманные высказывания или неосторожное обращение с секретными делами облегчают работу иностранных агентов.

С другой стороны, необходимо признать, что разведывательная служба сегодня имеет совершенно другое назначение, чем то, что обычно называется «шпионажем». Современная война является не только войной солдат и оружия, но главным образом войной экономической. Большой заслугой Канариса следует считать то, что он правильно понял это и, например, в борьбе за румынскую нефть, которая началась еще задолго до вступления Румынии в войну, соответствующими мероприятиями своевременно прибрал к рукам румынские нефтяные запасы, необходимые Германии для войны.

Разведывательная служба при правильном ее понимании является органом, который не только подготавливает народ и армию к войне, ной осуществляет контроль в ходе войны, а при известных обстоятельствах напоминает о том, что к опасности войны нужно относиться со всей серьезностью. Центральное географическое положение Германии в Европе требует, чтобы мы постоянно сравнивали свое военное мастерство и свои экономические возможности с мастерством и возможностями других стран. Несомненно, многое в решениях нашего верховного командования во второй мировой войне выглядело бы иначе, если бы у него имелась правильная оценка военного потенциала не только противника, но и своих союзников.

Термин «разведывательная служба» следует понимать в самом широком смысле, то есть не только как добывание сведений о том, что хранится в тайне от других, но и как изучение того, что открыто выставляется, публикуется и пишется противником. Конечно, при этом необходимо, чтобы оценка поступающего материала была правильной и полной.

ЛИТЕРАТУРА

Giskes H.J., Spione uberspielen Spione, Hamburg, 1951.

Moyzisch L.C., Der Fall Cicero, Frankfurt — Heidelberg, 1950.

Nico1ai W., Geheime Machte, 2 Aufl., 1924.

Pinto O., Spy-Catcher, London, 1952.

Ronge M., Kriegsund Industriespionage, Zurich — Leipzig — Wien, 1935.

Генерал-майор в отставке
Альфред Вейдеман

Каждый человек на своем посту

В центре всего происходящего в мирное и военное время всегда стоит человек, человек во всех своих жизненных проявлениях, человек как правитель, полководец, ученый, изобретатель и конструктор, как фермер, шахтер, промышленник и рабочий, как машинист, который доставляет на фронт продовольствие и боеприпасы, как администратор и, наконец, как солдат. Все задачи войны разрешимы только человеком и тесно связаны друг с другом. Так, например, солдат не может выполнить стоящую перед ним задачу, если сельское хозяйство, горная промышленность или транспорт прекратят свою работу; в свою очередь от процветающей экономики будет мало пользы, если военные задачи останутся нерешенными. Все, кто служит делу обороны, связаны одной общей судьбой. Из последовательного выполнения отдельных задач складывается и решение общей задачи. Для того чтобы нацелить достаточное количество подготовленных людских ресурсов нации на выполнение поставленных задач, требуется хорошее руководство. Наибольший успех в этом отношении будет достигнут только в том случае, если удастся «поставить каждого человека на свое место».

Для успешной обороны нашего отечества в будущем целесообразно критически использовать опыт последней войны и постараться сделать из этого опыта практические выводы. При этом, конечно, нельзя пройти мимо вопросов о том, что оправдало себя и может быть использовано в будущем, что может быть и должно быть сделано лучше.

Первым конкретным выводом, извлеченным из опыта второй мировой войны, является то, что в 1939 году Германия не имела никаких планов использования людских резервов, и, следовательно, война не была достаточно подготовлена. Даже в сентябре 1939 года высшие германские руководители не располагали достаточными данными о наличии людских ресурсов. Результаты переписи населения в мае 1939 года остались необработанными. Перевод экономики на военные рельсы не был подготовлен настолько, чтобы проводить его строго по намеченному плану. За период с 1935 по 1939 год только четыре годовых контингента молодежи (1914–1917) прошли курс современного военного обучения. Этой молодежи, а

также небольшого количества лиц более старших возрастов (1900–1913), прошедших «краткосрочную» подготовку, было недостаточно, чтобы создать запланированную генеральным штабом армию в 3,2 млн. человек (из них 2,4 млн. человек в сухопутных войсках). Потребовалось привлечь свыше 1 млн. участников первой мировой войны, то есть людей, из которых самому молодому было около 40 лет. В качестве «обученных резервов» имелись только эти старые годовые контингенты, однако они не были подготовлены к обращению с современным оружием. Основная масса годовых контингентов с 1900 по 1913 год не была переосвидетельствована, и поэтому количество людей, пригодных к военной службе, точно установлено не было.

Таким образом, война началась при отсутствии точных данных о наличии людских резервов, вследствие этого не представлялось возможным эффективно руководить переводом экономики на военные рельсы. Начались грубые импровизации, например объявление целых профессиональных групп «дефицитными» и т. п. В резерве не оказалось ни одного представителя младших годовых контингентов, прошедших боевую подготовку. Не имелось данных и о наличии пригодных к службе мужчин из числа необученных контингентов. Призыв на строевую службу более 1 млн. бывших военнослужащих — участников первой мировой войны — неизбежно нарушал здоровый принцип целесообразного использования людских резервов: молодых — для фронта, людей средних возрастов — для службы в тыловых частях, пожилых — для выполнения задач внутри страны. Призыв большого количества участников первой мировой войны затруднял равномерное распределение сил на протяжении почти всей войны, потому что снять с фронта этих «стариков» вскоре стало невозможно, а прибывавшие пополнения «новичков» использовались для покрытия потерь и формирования новых частей и соединений.

Когда с весны 1940 года стало ясно, что война будет затяжной и что имеющиеся людские резервы в армии и на производстве должны быть тщательно проверены и часть из них привлечена к выполнению задач военного характера, появилась определенная тенденция к созданию условий для уравнивания интересов вооруженных сил и гражданского сектора. Вначале это выразилось в издании отдельных директив, разработанных управлением общих дел главного командования сухопутной армии, занимавшимся вопросами комплектования всех вооруженных сил. Затем эти директивы были собраны в изданной

в ноябре 1940 года инструкции «Положение о предоставлении брони ввиду незаменимости на производстве». Согласно инструкции, бронь предоставлялась только тем, кто в интересах обороны страны являлся действительно крайне необходимым и незаменимым на своем рабочем месте. Предоставлять бронь не имели права ни частные лица, ни работодатели. Этим ведали только определенные служебные инстанции, контрольные органы и специальные организации, занимавшиеся вопросами мобилизации. Положения, содержащиеся в этой инструкции, вполне оправдали себя в ходе войны как «инструмент индивидуального управления кадрами».

Потребность в пополнении вооруженных сил определялась главным образом потерями в людях, количеством больных, которые уже не могли вернуться в строй, планированием операций с учетом вероятных потерь и возникающей отсюда потребности в новых формированиях, а также сокращением численности войск в связи с предоставлением брони. Потребность в резервах колебалась в каждом календарном году в пределах от 2 млн. до 2,4 млн. человек. Каждое изъятие сил из гражданского сектора требовало предварительного (за несколько месяцев) расчета того, как оно отразится на производстве. Заполнить возникающие здесь пробелы были уполномочены соответствующие служебные инстанции совместно с администрацией гражданских предприятий. Только благодаря тщательному и заблаговременному совместному планированию можно было обеспечить бесперебойную работу гражданского сектора в условиях растущей потребности в рабочей силе.

После войны с Францией германское правительство надеялось на возможность заключения мира. В соответствии с этим начиная с лета 1940 года в вооруженных силах были разработаны положения о демобилизации, которые частично, например в отношении увольнений в запас, вступили в силу. Было расформировано 17 дивизий; рабочие-специалисты и крестьяне старших возрастов были отпущены на родину.

Когда надежды на мир не оправдались и нужно было продолжать войну, военная промышленность стала усиленно расширять свою программу. Возникли огромные потребности в рабочей силе. Поэтому зимой 1940/41 года важнейшие заводы и фабрики были превращены в так называемые «спецпредприятия», весь персонал которых был освобожден от призыва на военную службу. Против этих очень грубых и в отдельных случаях

неправильных акций вооруженные силы не стали возражать, так как в это время собственная их потребность в резервах была незначительной.

Когда началась война с Россией, было достигнуто такое положение, что каждый военнообязанный немец был либо солдатом в вооруженных силах, либо выполнял какую-нибудь важную для войны работу на производстве. Таким образом, людские резервы были, по существу, исчерпаны. Каждый новый призыв на военную службу создавал брешь в гражданском секторе, и эта брешь могла быть заполнена лишь при помощи различных ухищрений. Вооруженные силы почти не надеялись на покрытие своих потребностей в живой силе за счет каких-то дополнительных резервов. Зато военная промышленность имела в своем распоряжении огромный резерв в лице женщин. Однако указание германского правительства использовать труд женщин пока только добровольно мешало эффективному привлечению женщин на производство вплоть до 1942 года. Только с 1942 года вступило в силу первое распоряжение Геринга о принудительном использовании женского труда, но и оно было выдержано еще в умеренном тоне и содержало много исключений.

Зима 1941/42 года проходила под знаком усиленной проверки всех случаев предоставления брони. Одновременно с этим предпринимались попытки ликвидировать особое положение «спецпредприятий». Предполагался более индивидуальный подход к оставлению рабочих в промышленности, который выражался в том. что все трудоспособное население должно было делиться на специалистов, подсобных рабочих, учеников, переквалифицируемых, чернорабочих и т. Д. В конце концов этот метод все-таки был введен в практику. Таким образом, можно было высвободить кадры молодых рабочих-специалистов из промышленности и заменить их рабочими старших возрастов из состава вооруженных сил, предоставив им бронь. В системе вооруженных сил также были проведены организационные мероприятия по рациональному использованию кадров: служебные инстанции объединялись или расформировывались, молодые люди заменялись людьми более старших возрастов; в целях высвобождения солдат для фронта писарями и телефонистами стали часто назначать женщин. Таким образом удалось обеспечить армию резервами на 1942 год.

Все эти мероприятия вызвали постоянное «движение людей»

из тыла на фронт и обратно. Общее количество таких «перемещаемых» достигло вскоре сотен тысяч. Оно увеличивалось еще больше от того, что центр тяжести постоянно перемещался из одной отрасли военной промышленности в другую, в результате чего специалистов приходилось перебрасывать с фронта на производство необходимых в данный момент военных материалов и предметов вооружения. Временами предпочтение отдавалось производству танков, временами — строительству авиационных моторов, изготовлению боеприпасов, строительству планеров, самолетов, изготовлению орудийных стволов, строительству подводных лодок и т. д. Каждая программа требовала новых специалистов. Так, например, слесаря — специалиста по авиационным моторам было не так легко перевести на производство танков. Верховное командование охотно уступало требованиям военной экономики, несмотря на все трудности с резервами, потому что даже простой фронтовой солдат с его «ограниченным кругозором» понимал, что военная промышленность в конечном счете служит его собственным жизненным интересам.

Борьба всех государств за новые успехи в военной технике потребовала, чтобы и в Германии был проведен ряд мероприятий для охраны науки и исследовательской работы. Введение особых уполномоченных и большая помощь со стороны вооруженных сил способствовали тому, что усилия государственных и частных научно-исследовательских организаций стали более координированными и целенаправленными. Этим самым удалось рациональнее организовать производство и экономнее использовать людские ресурсы.

«Поддержание в народе хорошего настроения» германское правительство и министр пропаганды пытались обеспечить посредством специального «циркуляра фюрера», в котором всем театрам, кино, варьете, циркам, спортивным клубам и кружкам предписывалось продолжать свою работу. В составленный партийной канцелярией список «избранных богом служителей искусства», которым высшей инстанцией было приказано предоставить бронь, вошли представители самых различных областей культуры — от киноактеров, скульпторов и музыкантов до «мастеров бицепса» (боксеров) и мастеров конькобежного спорта. Хотя количество лиц, упомянутых в этом списке, не особенно затрагивало интересы вооруженных сил, однако «ludi et circenses»[88] требовали немалого количества людей, среди которых было много военнообязанных младших призывных

возрастов, а их было бы важнее использовать в вооруженных силах. Слова Гитлера: «Я должен предоставить рабочему, зарабатывающему деньги, возможность тратить их, если он ничего не может на них купить», — сказанные им «для погашения излишней покупательной способности», не были достаточно убедительными для вооруженных сил. Верховное командование пыталось нарушить эту установку Гитлера, но ему удавалось заполучить лишь немногих, поэтому усилия в этом направлении оставались, по существу, бесполезными.

Таким образом, весь 1942 год и зима 1942/43 года прошли в трудной и кропотливой работе по высвобождению резервов для армии на 1943 год, которая дала весьма положительные результаты. Во всех областях народного хозяйства Германии были введены «особые уполномоченные». К таким «особым уполномоченным» принадлежал и генерал фон Унру,[89] о «действиях» которого и по сей день ходит немало слухов и кривотолков. Когда он «начал свою деятельность» весной 1942 года, берлинские остряки, пользуясь высмеиваемыми пропагандой типами ловкачей вроде «расхитителя угля» и «расхитителя средств», закрепили за ним кличку «расхитителя героев». Устная пропаганда и легенда приписывали ему до самого конца войны и даже после нее такие «деяния», которых он вообще не мог «совершить», ибо его «деятельность закончилась» еще осенью 1944 года. Свои «поездки по поручению фюрера» он «совершал» и в тыловые районы групп армий Восточного фронта, и на Балканы, И по территории Германии для «инспектирования» складов военного имущества и материальной части сухопутных войск на предмет немедленной отправки на фронт всего, что может быть использовано в войне. Он «устраивал проверки» в центральных министерствах в Берлине и в управлении промыслового хозяйства, «ездил» в оккупированные западные страны (Францию, Бельгию, Голландию) и в Италию. В системе вооруженных сил ему «было поручено» контролировать штатные расписания и «ставить вопрос» о необходимости существования тех или иных частей. Однако его «полномочия» не давали ему права распоряжаться предоставлением брони, отменять ее вовсе и посылать солдат прямо на фронт; его «деятельность» заключалась лишь в том, чтобы обращать внимание соответствующих инстанций на пути отыскания новых резервов, а также на возможные недостатки в работе и способствовать их устранению.

Начало 1943 года совпало с тяжелыми потерями на фронте, предвидеть которые несколькими месяцами раньше было

невозможно и которые даже при правильном планировании резервов не могли быть учтены. Это были потери немецких войск под Сталинградом и в Северной Африке. Теперь, чтобы уравнять силы, необходимы были какие-то новые чрезвычайные меры. Для урегулирования противоречий и сталкивающихся интересов вооруженных сил и гражданского сектора был создан верховный gremium[90] в составе трех человек: начальника канцелярии президиума Ламмерса в качестве представителя государственных ведомств, начальника канцелярии нацистской партии Бормана в качестве представителя политических ведомств и начальника штаба верховного командования вооруженных сил Кейтеля как представителя армии. На заседания этого органа приглашались по мере надобности и некоторые министры. Если в отдельных случаях члены этого органа не могли прийти к единому решению споров между вооруженными силами и промышленниками, то они апеллировали к самому Гитлеру. Таким образом, в 1943 году в распоряжение вооруженных сил удалось предоставить 1,5 млн. новобранцев из числа уже призванных возрастов и, кроме того, 550 тыс. человек очередного возрастного контингента. Убыль рабочих в промышленности компенсировалась притоком в нее женщин, иностранных рабочих и военнопленных. Благодаря этому численность рабочих, занятых в военном производстве, поддерживалась, а в отдельных случаях была даже увеличена, но в связи с неквалифицированностью новой рабочей силы производительность труда заметно снизилась.

В начале 1944 года впервые наступил такой момент, когда оба требования вооруженных сил — покрывать ежемесячные потери на фронте и формировать новые крупные соединения — наряду с прочими задачами выполнить было уже невозможно, не нарушая равновесия сил. Вследствие этого потрепанные фронтовые воинские части получали либо незначительные пополнения, либо не получали ничего. Для того чтобы все-таки обеспечить формирование новых частей и соединений, командованию приходилось мириться с тем, что одни соединения буквально «выгорали», другие ввиду недостаточной численности расформировывались и объединялись с такими же потрепанными соединениями. Значительное количество служащих ВМФ и ВВС переводилось в сухопутные войска.

Количество специалистов из числа призывных возрастов начиная с 1895 по 1925 год, оставленных на производстве, составило свыше 5 млн. человек. Большое количество людей, способных носить оружие, оставалось теперь только на

транспорте, в военной промышленности и сельском хозяйстве. Несмотря на это, в сельском хозяйстве число специалистов и других сельскохозяйственных рабочих было снижено до минимума. Дальнейшее изъятие рабочей силы из сельского хозяйства привело бы к срыву снабжения населения сельскохозяйственными продуктами. Остальные отрасли хозяйства тоже не могли уже выделять для армии большого количества людей, так как тогда они сами не смогли бы выполнить поставленные перед ними задачи. В феврале 1944 года вновь было объявлено о проведении более эффективных мероприятий в связи с тем, что тотальная война охватила все области жизни. Усилилась мобилизация женщин для работы в промышленности. Снабжение населения значительно сократилось. В первой половине 1944 года удалось влить в вооруженные силы еще 1 млн. человек.

В июле 1944 года вооруженные силы имели следующую численность: действующая армия — 4,4 млн. человек, армия резерва — 2,5 млн. (включая больных и раненых, находящихся на излечении в госпиталях, а также медико-санитарный персонал и части для охраны тылов, штабы и персонал тыловых учреждений, рекрутов, находящихся на обучении, и маршевые батальоны, готовящиеся к отправке на фронт), военно-морской флот — 0,8 млн., ВВС — 2 млн., войска SS — около 0.5 млн. человек. В общей сложности под ружьем находилось 10.2 млн. человек. Таким образом, численность вооруженных сил была примерно в 9 раз больше, чем в мирное время. Однако большая протяженность фронтов и размеры оккупированных районов значительно распыляли эти силы.

Выше уже говорилось, что руководство щадило определенные профессиональные группы в зависимости, конечно, от их удельного веса и важности для оборонной промышленности. Так, норма призыва на фронт горнорабочих (горнякам, работающим под землей, предоставлялись особые льготы) составляла 9 %, норма парикмахеров и поваров — 66 %. Между этими двумя границами колебались и нормы остальных профессиональных и производственных групп.

22 июля 1944 года Гитлер назначил Геббельса «особым уполномоченным по вопросам тотальной мобилизации ресурсов для нужд войны», возложив на него контроль и регулирование условий труда в гражданском секторе. Его деятельность должна была быть организована так, чтобы при этом не ущемлялись

полномочия соответствующих министров. Если теперь верховному командованию требовалось снять людей с какого-нибудь важного в военном отношении производства, оно должно было обращаться непосредственно к этому «особому уполномоченному».

Планированием было предусмотрено, что во второй половине 1944 года в армию будет призвано 1,3 млн. человек. Очередных возрастов для призыва и отправки на фронт уже не было: спрос мог быть покрыт только за счет гражданского сектора. Поэтому «особый уполномоченный» прибег к помощи местных политических руководителей национал-социалистской партии (гаулейтеров, крейслетеров и т. д.) и начал «прочесывание». В результате до рождества 1944 года ему удалось в несколько приемов высвободить 350 тыс. человек. Вооруженным силам ничего не оставалось делать, как покрывать потери сухопутных войск, переводя сюда сотни тысяч солдат из военно-морского флота и авиации. Тем не менее количество людей, мобилизованных «согласно программе», составило лишь часть потерь, понесенных сухопутными войсками и войсками SS с июля 1944 года. В соответствии с этим уменьшилась и численность войск на фронте.

К этому времени относится и начало формирования фольксштурма. Это мероприятие было организовано руководством нацистской партии. Фольксштурмовцы носили неуставную форму одежды и использовались для выполнения задач по обороне родины. Это были узкотерриториальные формирования. В ряды фольксштурма направлялись те мужчины, которые не могли быть призваны в армию по возрасту или из-за непригодности к строевой службе, а также подростки и специалисты, оставленные на производстве. В вопросах формирования и использования фольксштурм не имел никакого отношения к вооруженным силам. Отряды фольксштурма становились частями сухопутной армии и. следовательно, подчинялись войсковым командирам только в том случае, если они в ходе событий (например, в Восточной Пруссии) принимали непосредственное участие в боевых действиях сухопутных войск.

Теоретически в последней фазе войны Германия располагала еще достаточным количеством мужчин, способных носить оружие, так как несколько миллионов специалистов оставалось на производстве. Этих людей вполне хватило бы на то, чтобы в тот момент, когда еще можно было «перекатить тележку через гору»,

решающим образом усилить вооруженные силы. Но для того чтобы обмундировать, обучить и вооружить такую массу людей, не имелось ни возможности, ни времени. Исход войны был решен значительно раньше.

Генерал-лейтенант в отставке, инженер
Эрих Шнейдер

Техника и развитие оружия в войне

С самого первого дня прошедшей войны, когда немецкие подвижные войска, танковые и моторизованные дивизии, поддерживаемые мощной авиацией, перешли в наступление, современная техника придала всей войне совершенно новое лицо. Мотор в танке, мотор в самолете, радио и многие другие технические средства сделали войну «молниеносной».

Однако изменить принципиально формы и методы ведения боев и всей войны удавалось лишь с большим трудом, потому что старое поколение командиров и начальников все еще придерживалось своих прежних принципов и не прислушивалось к голосу новой эпохи, эпохи технических переворотов, эпохи неудержимого развития моторов. Поэтому сторонники моторизации и защитники новых идей по оперативному использованию танков и других новейших боевых средств оказались в Германии, начавшей строить свои вооруженные силы, исходя из опыта первой мировой войны, в весьма затруднительном положении.

Через полтора десятка лет после войны, 17 октября 1933 года, в новом германском полевом уставе «Вождение войск» были даны новые принципы управления войсками и ведения боев. И если в этом уставе еще играли какую-то роль ограничения Версальского договора, он все же вполне отражал мнения официальных военных кругов. В нем предусматривалось, что сухопутные войска будут состоять только из кавалерийских и пехотных частей, которые были сделаны «подвижными» исключительно благодаря конской упряжке. Решающим родом войск на поле боя должна была стать кавалерия. Те, кто так думал, находились еще, по-видимому, в плену у конных атак и пик!

Моторизованные войска причислялись к пехоте. Танки должны были использоваться только для поддержки наступающей пехоты. В 1932 и 1933 годах состоялись первые учения с макетами танков. Однако главенствующей роли танковых и моторизованных соединений в будущей войне немецкое верховное командование еще не осознало. Против моторизации войск часто выставлялся тот аргумент, что бензина и резины им не хватит. Между тем этот вопрос, несомненно, был бы успешно

решен германской химией, если бы заранее было принято четкое решение о широкой моторизации немецкой армии. Тенденция придерживаться старой организации решающим образом способствовала тому, что танковые и моторизованные соединения, которых так страстно и убедительно требовал генерал Гудериан, к началу второй мировой войны далеко еще не были полностью сформированы и оснащены.

При создавшемся положении вещей главное внимание до 1935 года официально должно было уделяться вооружению и оснащению пехотных дивизий, переведенных на конный транспорт. А между тем все развитие пехоты, инженерных войск, артиллерии и войск связи направлялось на подготовку к маневренной войне.

Развитие оружия с 1935 года, после достижения Германией военного суверенитета

Версальский договор запрещал немногочисленному рейхсверу иметь танки, тяжелую артиллерию, самолеты, зенитную артиллерию и химические боевые средства, поэтому и возможности для развития вооружения в Германии были слишком ограниченными. Германии разрешалось только совершенствовать оружие первой мировой войны и конструировать такие типы оружия, которые были на вооружении еще в 1918 году. Разумеется, другие страны проводили серьезную работу над усовершенствованием тех видов запрещенного для Германии оружия, которые наиболее оправдали себя в первой мировой войне. Германия рисковала в скором времени совершенно отстать от современного уровня военной техники. Ввиду создавшейся обстановки в 1936 году, то есть через несколько лет после Рапалльского договора, Германия договорилась с Россией о том, что совместно с русскими, на русской территории, она будет работать над улучшением тех видов оружия, которые были запрещены в самой Германии. Там германские офицеры и инженеры в трудных условиях создали те предпосылки для развития военной техники, которые оказались для немцев решающими после достижения Германией военного суверенитета и которые в то же самое время принесли, несомненно, большую помощь русским. В самой Германии ученые и военные пока ограничивались теоретической оценкой опыта войны. Но и в этом отношении их возможности были ограничены, так как военно-технические училища и исследовательские институты военного профиля были запрещены.

Только с 1935 года, после того как Германия снова стала суверенным государством, она смогла возобновить научно-исследовательскую работу по созданию современных видов оружия.

Германская пехота вступила в войну с таким оружием, которое отвечало современным тактическим требованиям. Правда, иногда различные виды легкого стрелкового оружия подвергались критике, а неудобную в обращении обычную винтовку 98-К предлагали заменить самозарядной, однако опыт

показал, что самозарядная винтовка, предназначенная для стандартных боеприпасов, была слишком тяжелой. Появилась необходимость создать ручное оружие совершенно новой конструкции, которое должно было выполнять одновременно задачи пистолета-пулемета, самозарядной винтовки и ручного пулемета. Результатом этого долголетнего труда был всем известный карабин образца 1944 года, который применялся как полуавтомат (самозарядная винтовка) для ведения прицельного огня одиночными выстрелами и как автоматическое оружие для стрельбы очередями по 8 выстрелов в секунду. Калибр карабина 1944 года — 7,92 мм, а вес — всего 4,2 кг, но стрелять из него можно было только усеченными патронами с уменьшенным зарядом, потому что при нормальном заряде отдача стала бы слишком большой и пули уходили бы вверх. Задержка в изготовлении боеприпасов вызвала отсрочку в принятии нового карабина на вооружение после проверки его в войсках на целый год. Это была, несомненно, грубая ошибка. Пехота и все другие рода войск очень сильно нуждались в этом оружии, а спрос на него мог быть покрыт далеко не в полной мере. Новое оружие значительно повысило огневую мощь пехоты. После войны конструирование такого оружия началось и в других странах.

Новый пулемет MG-34 также отвечал современным конструктивным принципам, то есть имел небольшой вес, высокую скорострельность и был дешевым в производстве. Его развитие пошло дальше в том же направлении и привело к созданию для немецкой пехоты лучшего пулемета второй мировой войны, отличавшегося очень настильным огнем. Вскоре его можно было встретить на всех полях сражений. Пулемет MG-42 весил 10 кг и обладал скорострельностью до 20 выстрелов в секунду. Но немецкие конструкторы на этом не успокоились и к концу войны создали пулемет MG-42 (v), называемый также MG-45. Вес этого пулемета составлял 6,5 кг, а скорострельность его была до 40 выстрелов в секунду. Такой скорострельности до сих пор не имело ни одно оружие. Однако пулемет MG-45 уже не мог быть принят на вооружение — он запоздал.

Миномет для стрельбы минами с оперением, созданный фирмой «Стокс-Брандт» еще в первую мировую войну, нашел себе применение и в новой немецкой армии. Пехота приветствовала появление легко транспортируемого, точно стреляющего оружия, при помощи которого она могла воздействовать на противника из-за любого укрытия. В начале войны немецкая пехота имела на вооружении легкий миномет (50-мм) и тяжелый миномет (81-мм).

Химические войска были оснащены 100-мм минометом для стрельбы химическими и бризантными минами. Минометы играли значительную роль в пехотном бою. Русские также с большим искусством и весьма широко использовали это оружие; их объединенные в батальоны[91]120-мм минометы приняли на себя основную часть тактических задач, которые обычно решались легкой дивизионной артиллерией. Немцы, убедившись в эффективности огня русских тяжелых минометов, сконструировали по их образцу свой миномет и в 1944 году создали минометные батальоны. Все минометы при ограниченной дальности полета мины имели сильное осколочное или фугасное действие и отличались от артиллерии очень малым весом при большой точности попаданий.

На протяжении всей войны особенно много хлопот доставляло пехоте всех стран противотанковое оружие. Применявшиеся в начале войны ослепляющие средства и бутылки с самовоспламенявшейся смесью, названной «молотовским коктейлем», были некоторым подобием примитивных зажигательных бомб и, по сути дела, недалеко ушли от связок ручных гранат времен первой мировой войны. Только кумулятивные заряды, соединенные с безоткатной системой, как например у «фауст-патрона», или в комбинации с ракетным двигателем, как у противотанкового ружья «панцершрек» («офенрор»), называемого в армиях западных держав ружьем «базука», явились довольно удачным средством ближней противотанковой обороны. Но такого противотанкового оружия, которое отвечало бы всем требованиям пехоты, создано не было. Пехоте нужно, чтобы противотанковое оружие обслуживал один человек и чтобы оно позволяло попадать в танк и выводить его из строя с дистанции 150, а по возможности и 400 м. Кроме такого легкого оружия, пехоте необходимо иметь еще и более тяжелое, но отличающееся большой проходимостью и подвижностью оружие, позволяющее уничтожать танки с дистанции 1,5–2 тыс. м. Это серьезное, но вполне справедливое требование пехоты не было выполнено ни одной из воюющих сторон.

Развитие немецкого танкового оружия началось в 1925 году созданием новых типов танков, которые были испытаны в России. Первые послевоенные[92] модели немецких танков, созданные по проектам управления вооружений (танки типов I, II. III, IV), были усовершенствованы для использования их в качестве оперативного оружия, однако конкретных установок для их тактического использования тогда еще не имелось. Когда в 1931–

1932 годах на испытания были представлены первые десять танков типа III и IV, изготовленных из обычной стали, тактические и оперативные принципы использования танков, выдвинутые Гудерианом, уже получили признание. Эти принципы, выраженные в четких и ясных требованиях, подтверждали правильность первых фаз и указывали пути дальнейшего развития. Поскольку для принятия на вооружение первых танков типа III и IV потребовалось несколько лет, а между тем войскам были нужны танки для боевой подготовки. у английской фирмы «Кардан — Ллойд» были куплены шасси легких танков, рассчитанные для зенитных установок. Они были дооснащены на заводах Круппа башнями со спаренными пулеметами. По этой же причине на Аугсбург-Нюрнбергском машиностроительном заводе был создан еще один легкий танк (тип II), вооруженный одной 20-мм пушкой и одним пулеметом. Танк типа III получил 37-мм пушку, которая впоследствии была заменена 50-мм пушкой.

Конструирование 50-мм пушки началось еще задолго до войны и было продиктовано необходимостью иметь на танках более сильное вооружение для борьбы с тяжелыми танками противника, чем 37-мм пушка. Впоследствии появилась еще и 75-мм пушка (калибр 48), которая могла использоваться и как противотанковая, и как танковая пушка.

Уже в то время планировалось конструирование тяжелого танка, позднее названного «Тигром». Несмотря на некоторые конструктивные недостатки, немецкие танки вполне оправдали себя в первые годы войны. Даже небольшие танки типов I и II, участие которых в войне не было предусмотрено, показывали себя в боях не хуже других до тех пор, пока в начале октября 1941 года восточное Орла перед немецкой 4-й танковой дивизией не появились русские танки Т-34 и не показали нашим привыкшим к победам танкистам свое превосходство в вооружении, броне и маневренности. Танк Т-34 произвел сенсацию. Этот 26-тонный русский танк был вооружен 76,2-мм пушкой (калибр 41.5), снаряды которой пробивали броню немецких танков с 1,5–2 тыс. м, тогда как немецкие танки могли поражать русские с расстояния не более 500 м, да и то лишь в том случае, если снаряды попадали в бортовую и кормовую части танка Т-34. Толщина лобовой брони немецких танков равнялась 40 мм, бортовой — 14 мм. Русский танк Т-34 нес лобовую броню толщиной 70 мм и бортовую — 45 мм, причем эффективность прямых попаданий в него снижалась еще и за счет сильного

наклона его броневых плит.

И все же новый русский танк имел один крупный недостаток: его экипаж был крайне стеснен внутри танка и имел плохой обзор, особенно сбоку и сзади. Эта слабость была вскоре обнаружена в бою и при осмотре первых подбитых танков Т-34 и быстро учтена в тактике наших танковых войск. Несмотря на это, русские, создав исключительно удачный и совершенно новый тип танка, совершили большой скачок вперед в области танкостроения. Благодаря тому, что им удалось хорошо засекретить все свои работы по выпуску этих танков, внезапное появление новых машин на фронте произвело большой эффект.

Начавшееся еще до войны конструирование и усовершенствование мощных танковых и противотанковых пушек и тяжелого танка типа VI («Тигр») продолжалось теперь с крайней поспешностью. Кроме того, были начаты работы по созданию нового, более легкого, чем «Тигр», 40-тонного тяжелого танка типа V («Пантера»), явившегося модернизированной моделью танка типа IV. Попытка создать танк по образцу русского Т-34 после его тщательной проверки немецкими конструкторами оказалась неосуществимой.

Началось соревнование между танком и бронебойным снарядом, которое продолжалось беспрерывно до самого конца войны. Калибры немецких танковых и противотанковых пушек увеличивались с 37 до 50 мм, затем до 75 и, наконец, до 105 и 128 мм. Длина ствола 83-мм пушки «Королевского тигра» равнялась 6 м 20 см.

Еще в начале войны русские имели на вооружении противотанковое ружье калибра 14,5 мм с начальной скоростью полета пули 1000 м/сек, которое доставляло много хлопот немецким танкам и появившимся позднее легким бронетранспортерам.

Недостатки противотанкового оружия конструкторы стремились компенсировать соответствующим увеличением толщины брони. У немецкого танка «Тигр» толщина лобовой брони возросла с 14 до 120 мм. Бортовую броню нельзя было делать очень толстой, чтобы не перегружать машину, поэтому конструкторы нашли способ защиты бортов танка от пуль русского противотанкового ружья, применив так называемые «передники». Это были навешиваемые сбоку дополнительные

броневые плиты. Примерно так же развивалась броневая защита танков и у русских. Толщина брони на русском танке «ИС» равнялась, например, 105 мм, а башня имела в некоторых участках еще более толстую броню. Обладая хорошим вооружением и очень сильной броней, русские танки отличались также большой проходимостью (широкие гусеницы), наличием мощных моторов (дизели) и современными методами изготовления (стальное литье, отсутствие излишней отделки и т. п.).

Танкостроение западных держав значительно отставало от немецкого и русского в отношении вооружения и броневой защиты. Немецкие самоходные артиллерийские установки своим появлением обязаны генералу Манштейну, ставшему впоследствии фельдмаршалом, который потребовал их создания еще в начале тридцатых годов, находясь на посту начальника оперативного отдела.[93] Это был как раз тот самый момент, когда танки уже перестали рассматриваться как «тараны» и были признаны основным средством поддержки пехоты на поле боя, хотя об оперативном их использовании тогда еще не было и речи. На смену отживающему орудию сопровождения пехоты времен первой мировой войны, перевозимому шестью лошадьми, пришла самоходная установка, которая, действуя в боевых порядках пехоты, должна была прямой наводкой уничтожать пулеметные точки и узлы сопротивления противника и таким образом прокладывать пехоте дорогу для атаки. Для этой цели самоходной установке была придана своеобразная форма приземистого танка без башни и с коротким стволом. В ходе войны, особенно в России, у немецкой пехоты появился очень опасный враг — танки. Поэтому со временем немецкая самоходная установка стала противотанковым средством всех пехотных дивизий, а с 1942 года, после того как на ней была установлена 75-мм пушка L/48, она превратилась в основное средство противотанковой обороны пехоты. До конца войны огнем этих пушек было подбито и уничтожено огромное количество танков противника.

Противотанковое орудие, транспортируемое лошадьми или автомашинами, не оправдало себя, несмотря на всю самоотверженность расчетов. Это орудие было до того малоподвижным, что не поспевало за быстро развертывающимся танковым боем. Если противотанковая пушка все же вступала в бой с танками, то она не имела возможности прекратить его: она должна была либо победить, либо быть уничтоженной, тогда как

танки в большинстве случаев могли быстро занять такую позицию, где огонь пушки становился для них малоэффективным. Потери противотанковой артиллерии в материальной части и в людях были очень велики. Для маневренной войны это оружие окончательно устарело. Успешные же действия самоходных установок по борьбе с танками противника привели в скором времени к созданию истребительно-противотанковых частей и подразделений, целиком посаженных на самоходные установки.

Самоходные артиллерийские и самоходные противотанковые установки закрепили за собой славу самого эффективного оружия танкового боя. Это оружие позволило вывести из строя очень большое количество танков противника. Если же вопреки своему назначению они использовались как танки, то, не имея возможности вести круговой обстрел в обычном огневом бою и будучи недостаточно гибкими в ближнем бою, они несли большие потери.

Еще до начала войны артиллеристы танковых дивизий стали требовать для своих батарей бронированные самоходные лафеты. Но ввиду того, что в первую очередь необходимо было обеспечить войска танками, самоходными установками, танками-истребителями и бронетранспортерами, артиллерия все больше отодвигалась на задний план и артиллеристы вынуждены были выходить из положения своими собственными средствами. Самоходные установки «Wespe» и «Hummel» возникли на базе обычных полевых орудий: легкой и тяжелой полевых гаубиц образца 1918 года в соединении с шасси старых танков, главным образом танка типа IV. Но даже эти импровизированные орудия оказались в бою лучше орудий на конной или механической тяге и в общем и целом оправдали себя. Но в это дело вмешался Гитлер и еще несколько видных, но мало компетентных господ из министерства боеприпасов, в результате чего четкая линия в развитии самоходной артиллерии была сломана. Это повлекло за собой большую неразбериху в отношении ремонта и снабжения запасными частями и еще большую перегрузку танковых заводов. Немецкая танковая промышленность в ходе войны никогда не могла даже частично удовлетворить спрос войск на танки всех типов. До войны, когда еще было достаточно времени, чтобы провести соответствующие приготовления, утверждениям сторонников танковой войны вроде Гудериана и других о решающей роли танков не придавалось никакого, значения. А в ходе самой войны общая загруженность промышленности, блокада и воздушные налеты мешали наверстать упущенное.

Особого упоминания заслуживают также и два танка специального назначения — «Голиаф» и «Маус». «Голиаф» представлял собой маленький танк без экипажа, вмещавший 600 кг взрывчатки и управлявшийся на расстоянии при помощи кабеля или по радио. Он применялся для уничтожения крупных оборонительных сооружений противника и для разведки и ликвидации минных полей. Применяя это оружие, войска добивались иногда очень больших успехов, но болезни, связанные с ростом и развитием нового оружия, не позволяли дать окончательную оценку его боевым качествам, хотя оно. между прочим, нашло себе интересную параллель в военно-морских силах.[94] Сомнительную славу приобрел построенный по личному указанию Гитлера танк «Maus». Этот 100-тонный танк, на котором в качестве главного оружия была предусмотрена 128-мм или 150-мм пушка, в военном отношении не представлял никакой ценности. Конструкция его была разработана Порше и Крупном. Но на испытаниях оказалось, что слишком тяжелый танк не мог пройти ни по одному мосту, служил удобной мишенью и имел недостаточно толстую броню, чтобы без риска подставлять лоб любому противотанковому оружию. На создание экспериментальной модели и подготовку серийного производства этого танка ушло много ценнейших материалов и труда, которые могли быть использованы для решения других, более срочных задач.

Танки типа IV, а затем «Пантера» и «Тигр» были настолько удачными, что могли соперничать со всеми иностранными танками. Развитие немецких танков шло не только по линии повышения их основных показателей, то есть огневой мощи, маневренности и броневой защиты, но и по линии улучшения управления танками на поле боя за счет расширения секторов обзора, обеспечения бесперебойной связи по радио между танками и усовершенствования внутританкового переговорного устройства. Этим отчасти следует объяснять тот факт, что немецкие танки и самоходные установки часто выходили победителями из боя с неизмеримо превосходящими силами противника. Что же касается самоходных установок, то они сослужили немецкой пехоте неоценимую службу.

Вопрос об установке на танках дизелей вызвал в Германии — стране, где впервые был создан этот тип мотора, — большие споры. За применение этого двигателя в танках говорили, между прочим, его более прочная конструкция, меньший расход горючего, приспособленность к самым различным видам

горючего и меньшая опасность воспламенения тяжелого топлива при попаданиях в танк. Своим танком Т-34 русские убедительным образом доказали исключительную пригодность дизеля для установки его на танке. Но если военные специалисты и ведущие фирмы моторостроительной промышленности открыто высказывались за этот двигатель, то его противники постоянно стремились задержать его введение.

С началом роста сухопутных сил в 1935 году и с распространением идей Гудериана об использовании танков новый толчок был дан и развитию средств связи. В то время как в моторизованных войсках иностранных армий вводилась ненадежная аппаратура, работающая на коротких волнах и отличающаяся наличием так называемых мертвых зон, немецкие танки были оснащены надежно работающими ультракоротковолновыми приемо-передатчиками. Этим было обеспечено лучшее и гибкое управление танками на поле боя. Для пехоты и артиллерии были созданы портативные радиопередатчики и радиотелефонные аппараты, которые по сравнению с чувствительной к обстрелу проволочной связью представляли собой значительный шаг вперед. Служба связи, получившая в свое распоряжение совершенно новые приборы оригинальной конструкции, разработанные полковником инженерной службы доктором Грубе, вполне справлялась с теми чрезвычайно серьезными задачами по обслуживанию огромной сети связи на обширных театрах военных действий, которые ставились ей средним и высшим звеном командиров и начальников. От сети кабельной дальней связи каждая группа армий прокладывала свое основное направление связи в виде «перекрестных осей связи», ответвления которых образовывали затем густую сеть связи. Линии этих «перекрестных осей» состояли из двух медных проводов, которые при подвеске от опоры к опоре поворачивались на 90° по отношению друг к другу. Благодаря этому изобретению были ослаблены помехи, создаваемые электромагнитными полями высоковольтных линий. Высокочастотная телефонная аппаратура работала на этих линиях без помех на расстояниях до 1,5 тыс. км.

Другим ценным средством связи в бездорожных или занятых партизанами местностях были так называемые «радиомосты». В них использовалось основное свойство дециметровых волн — направленность действия. Это оптическое свойство направленных радиоволн позволяло собирать их в один фокус и направлять по имеющимся участкам проводной связи, а также дублировать ее. С

помощью этих «радиомостов» можно было осуществлять связь как микрофоном, так и ключом. Блестящим примером такого вида связи могут служить переговоры, ведшиеся из Африки через остров Крит и Афины с Берлином. Участок в 700 км обслуживался аппаратурой на дециметровых волнах, а участок длиной 2500 км — постоянными кабельными линиями. Слышимость была прекрасной.

Согласно известным до сих пор данным, в области техники связи Германия была ведущей страной. Успехи, достигнутые ею. до и после войны, использованы сегодня в мирной области, в системе дальней почтовой связи. Подслушивание и наблюдение с помощью средств связи, создание помех для радиотелефонных переговоров противника, а также зашифровка и расшифровка всякого рода сообщений, то есть все средства так называемой «радиовойны», впервые разработанные в Германии, получили затем большое развитие во всех странах. С их помощью удавалось иногда получать сведения огромного военного и политического значения.

Что касается артиллерии, то во время войны она также получила несколько совершенно новых систем. В 1943–1944 годах четырем крупнейшим артиллерийским фирмам было дано задание сконструировать для полевых орудий лафеты кругового обстрела. Это задание было продиктовано тем, что артиллерии в современном бою очень часто приходится вести огонь во всех направлениях. Она должна быть в состоянии быстро защитить себя от прорвавшихся и наступающих со всех сторон танков. К сожалению, некоторые вполне удавшиеся проекты таких лафетов не были изготовлены по причине весьма напряженного положения в оборонной промышленности.

Действие снарядов полевой и зенитной артиллерии против живой силы и самолетов противника было значительно повышено к концу войны благодаря появлению нового электрического взрывателя. Дистанционные взрыватели электрического действия «срабатывают» в момент приближения снаряда к цели на определенном, весьма точно рассчитанном расстоянии и взрывают снаряд без всякого замедления. Эти снаряды, разрываясь в воздухе в самом выгодном месте над целью, производят опустошающее действие. В самом конце войны электрический взрыватель был с большим успехом применен и американцами в свой полевой артиллерии. Конструирование таких взрывателей началось в Германии еще до войны, но они так

и не были приняты на вооружение. Особенность этого взрывателя состоит в том, что в его корпусе помещен электрический колебательный контур, который при приближении к цели настолько расстраивается, что электрическая цепь замыкается и снаряд взрывается.

Развитие безоткатных орудий в Германии также началось еще до войны. Они были нужны для того, чтобы обеспечить артиллерией стрелков-парашютистов, и назывались «легкими орудиями». Впервые эти орудия были использованы во время высадки немецких парашютных десантов на острове Крит и явились для англичан большой неожиданностью.

Из тяжелой артиллерии в сухопутных войсках оправдали себя только 150-мм и 170-мм пушки, а также 210-мм мортиры, в то время как сверхтяжелая артиллерия и артиллерия большой мощности, как и в первую мировую войну, значительной роли не играли. Последняя использовалась главным образом для береговой обороны, а также на линиях долговременных укреплений. Учитывая то, что в непосредственной близости от западных и восточных границ Германии располагались сильно укрепленные форты противника, с которых тяжелые орудия могли вести огонь далеко в глубь страны, в Германии был создан целый ряд новых систем тяжелой артиллерии. Кроме известных ранее калибров 210-мм, 240-мм, 280-мм, 350-мм и 420-мм, было разработано и построено несколько типов орудий большой мощности.

Самоходная артиллерийская установка «Тор» была сконструирована и построена фирмой «Рейнметалл». Она имела гусеничный ход, весила 125 т и была вооружена двумя орудиями разного калибра. Ее 540-мм орудие стреляло фугасными снарядами весом 1250 кг, дальность стрельбы составляла 12 км; 600-мм орудие стреляло бетонобойными снарядами весом 2,2 т на дистанцию 4,5 км. В походном положении эти орудия двигались со скоростью 10 км/час и приводились в боевое положение опусканием лафета на землю в течение 10 минут. Несколько таких установок было. между прочим, использовано при наступлении на Брест летом 1941 года. Дальность стрел ьбы800-мм орудия фирмы Крупна равнялась приблизительно 25 км. Оно могло быть приведено в боевую готовность в течение нескольких дней и передвигалось по железнодорожным рельсам. Одно такое орудие было установлено под Севастополем и обстреливало бронированные колпаки старой крепости

бронебойными и бетонобойными снарядами весом в несколько тонн. И все же эти сверхтяжелые орудия имели больше пропагандистское, чем военное значение.

Ни одно долговременное укрепление, на которое было затрачено большое количество умственного труда, техники, материалов и рабочей силы, не оправдало в прошедшей войне даже приблизительно тех надежд, которые возлагали на него создатели. Даже такой мощный форт, как Эбен-Эмаэль, был легко взят группой отважных саперов-парашютистов, взорвавших его бронеколпаки усиленными подрывными зарядами. Линия Мажино с ее мощными укреплениями была взломана в наиболее слабом месте танками генерала Гудериана, а позднее прорвана в нескольких местах фронтальной атакой пехоты. Недостроенный и плохо укрепленный «Атлантический вал» был разбит авиацией и корабельной артиллерией союзников во время их вторжения в Европу и атакован в местах прорыва воздушными десантами. Севастополь и Брест были вначале подвергнуты усиленной артиллерийской обработке и только затем взяты пехотой. Немецким войскам не удалось задержать противника и на линии Зигфрида, ибо организовать устойчивую оборону было невозможно, а постоянного гарнизона уже не существовало. Опыт войны показал, что в современных условиях никакие оборонительные сооружения не могут задержать наступающего противника. Мощные бетонированные доты потеряли всякий смысл. Наилучшими оборонительными укреплениями оказались небольшие укрытия для пехоты и скорострельного оружия. Они успешно использовались полевыми войсками, например, на линии Зигфрида и в Гейльсбергском треугольнике (Восточная Пруссия). Оборудовав такие позиции, войска, проникнутые высоким боевым духом, могут длительное время сдерживать натиск многократно превосходящих сил противника.

Для этих целей, равно как и для защиты от атомного оружия, эти сооружения не потеряют своего значения и в будущем.

Немецкое верховное командование воздержал ось от применения средств химической войны. Из всех мероприятий, связанных с ее подготовкой, проводились только защитные и предупредительные. С одной стороны, для того чтобы защитить себя в случае возможного применения противником новых боевых отравляющих веществ, нужно было их знать, а для того чтобы узнать их, необходимо было вести научно-исследовательскую работу. С другой стороны, подготовка была рассчитана на то,

чтобы в случае развязывания противником химической войны суметь ответить на нее энергичным химическим контрнаступлением. На основе этих принципиальных соображений и была разработана обширная программа исследовательских работ в области химии, медицины и техники. Результаты этих исследований были положены в основу организации, оснащения и боевой подготовки химических войск, подразделения которых назывались «дымовыми».

Если бы противник начал химическую войну, немецкие химические войска могли бы ответить на это применением таких боевых отравляющих веществ, действие которых до сих пор было еще никому не известно. Следует благодарить судьбу за то, что в этой и без того чрезмерно жестокой войне не было пущено в ход химическое оружие. Последствия его применения в воздушной войне против гражданского населения были бы ужасными. И если наиболее эффективные боевые стравляющие вещества до сих пор не нашли себе применения в войне, то это не дает нам никаких оснований для того, чтобы в нашей подготовке не уделять должного внимания проблемам химической войны.

Немецкая авиация начала развиваться только после достижения Германией военного суверенитета и была создана в течение каких-нибудь четырех лет почти из ничего. Ее первые боевые соединения были оснащены реконструированными гражданскими самолетами Ju-52 и Do-11. Первые немецкие истребители Н-51 и Аг-65 были еще бипланами. Когда в Европе появились первые признаки политической напряженности, Германия имела так мало заводов по производству синтетического горючего, что боеспособность авиации зависела от прихода из Америки судна с грузом 600 т тетраэтил свинца. В 1939 году авиационные части получили на вооружение хорошие средние бомбардировщики типа Не-111 и Do-17. Большой успех имели и новые пикирующие бомбардировщики Ju-87 и 88. ставшие впоследствии неутомимыми и храбрыми помощниками немецких сухопутных войск. Дальний разведывательный самолет Ме-110 и ближний разведчик Не-46 оказались также вполне современными и выносливыми машинами. Небольшие подвижные самолеты типа "Физелер Шторх" стали вскоре незаменимым средством связи в звене среднего командования сухопутных войск. Благодаря этим самолетам германская авиация быстро добилась превосходства в воздухе в войне с Польшей и Францией. Однако последовавшая за этим воздушная битва над Англией стала для нее роковой. Несмотря на многие предостережения

авиационных специалистов, немецкой истребительной авиации уделялось меньше внимания, чем бомбардировочной. Радиус действия истребителей Ме-109 был явно недостаточным, чтобы обеспечить немецким бомбардировщикам надежное прикрытие во время их налетов на Англию. Английские истребители защищали свою родину с большой самоотверженностью и, несмотря на большие потери, нанесли немецким бомбардировщикам такой большой урон, что немецкое командование вынуждено было прекратить крупные воздушные налеты. После этих боев, в которых погибли лучшие летчики, немецкая авиация уже не могла оправиться. Осенью 1940 года Гитлер издал один из самых бессмысленных своих приказов. Согласно этому приказу, дальнейшее совершенствование тех видов оружия, которые не могли быть использованы на фронте в течение одного года, должно было быть прекращено. И после этого он начал войну против Советского Союза! Этот запрет особенно сильно отразился на авиации, поскольку дело шло об испытаниях четырехмоторных бомбардировщиков и совершенно новых реактивных истребителей, имеющих скорость 900 км/час, которые были призваны произвести революцию в авиации.

Осенью 1941 года стало ясным, что новый истребитель Ме-210 имеет массу конструктивных недостатков. Машина часто срывалась в штопор. Приказ о серийном производстве этих машин, отданный слишком преждевременно и без ведома инженерно-технического персонала, пришлось отменить и возобновить производство технически устаревших типов самолетов. Тяжелый бомбардировщик Н-177 с двумя спаренными V-образными моторами оказался весьма неудачным, поскольку к его конструкции были предъявлены совершенно излишние требования тактического порядка (способность пикировать). Слишком поспешное использование их под Сталинградом принесло сплошные неудачи. С появлением у союзников крупных соединений тяжелых четырехмоторных бомбардировщиков превосходство их в воздухе стало подавляющим. Наши славные истребители Ме-109 уже не могли дать отпор этим извергающим огонь громадам. А новый реактивный истребитель, конструирование которого было начато еще в 1940 году, не появлялся. Приказ Гитлера привел к тому, что был потерян целый год. А когда снова начались прерванные работы и испытания уже подходили к концу, Гитлер приказал, чтобы первые реактивные самолеты были использованы как «сверхскоростные бомбардировщики» и истребители-бомбардировщики. В результате этого было потеряно еще три четверти года. Когда

наконец в начале 1945 года[95] первые реактивные истребители были все-таки введены в действие, они уже ничем не могли помочь немецкой авиации выйти победительницей в борьбе с превосходящей по силам авиацией союзников. Из-за вмешательства некомпетентных лиц в техническое развитие немецкой авиации трагическим образом погибло это новое замечательное оружие.

Зенитная артиллерия была создана на базе семи моторизованных батарей рейхсвера. Основным ее орудием была 88-мм зенитная пушка образца 1918 года, зарекомендовавшая себя как лучшее зенитное орудие второй мировой войны. Огонь 88-мм зенитных пушек загонял самолеты на большие высоты. Это оружие являлось также грозой и для танков противника в наземном бою. В 1941 году эта пушка подверглась значительной модернизации. Ее снаряд имел начальную скорость 1000 м/сек. Имея небольшие габариты и вес (всего 7,8 т), она представляла собой непревзойденное до сих пор достижение артиллерийской техники. После 1945 года пушка была использована северокорейскими войсками и доставила американским бомбардировщикам много хлопот. Для стрельбы по снижающимся самолетам немецкая зенитная артиллерия располагала 37-мм и 20-мм автоматическими зенитными пушками. 20-мм автомат в счетверенной установке обладал очень большой огневой мощью и поэтому с успехом применялся в сухопутной армии и на кораблях. С появлением радарных установок зенитные прожекторы диаметром 60 и 150 см окончательно утратили свое и без того небольшое значение.

Действия зенитной артиллерии, которую столь часто критиковали во время второй мировой войны, были гораздо более эффективными, чем принято думать. В 1943–1944 годах американские бомбардировщики возвращались с заданий, имея повреждения в каждой четвертой машине. Это означало, что ежемесячно у союзников выходило из строя 4 тыс. бомбардировщиков. Ремонт самолетов был связан с трудностями и отнимал много времени, и необнаруженные повреждения при следующем вылете приводили к гибели всего самолета.

Новое ракетное и реактивное оружие

Очень ответственной и, быть может, самой интересной задачей немецкой военно-инженерной службы была разработка и осуществление совершенно новых идей в области военной техники, которые в большом количестве непрерывно и со всех сторон поступали в управление вооружений сухопутных войск в виде изобретений и рационализаторских предложений. К сожалению, использовать можно было лишь некоторые из них. Из огромной кучи соломы и мякины всегда трудно извлечь несколько драгоценных зерен пшеницы. В этом отношении генерал Беккер, ставший впоследствии начальником управления вооружений, был своего рода гением. Немцы первыми проложили путь для развития ракетного оружия. В развитии управляемого на расстоянии ракетного оружия они далеко опередили все другие государства. Но это техническое превосходство уже не могло повлиять на ход войны, так как в 1944–1945 годах отрасли германской военной промышленности, производившие это оружие, были парализованы воздушными налетами противника.

Пороховую ракету немцы начали испытывать еще в 1929 году. Годом позже, во время первых экспериментов с жидкостной ракетой, была признана возможность постройки большой ракеты дальнего действия. Создание ее было поручено ученым Дорнбергеру и фон Брауну.

Вначале думали, что пороховая ракета явится лишь более мощным и усовершенствованным преемником старого газомета. Для учебных целей ракеты наполнялись дымовыми веществами. Отсюда и возникло несколько необычное название ракеты «газомет». Для того чтобы иметь основание для использования химических войск в войне даже в том случае, если химической войны как таковой не будет, было решено дать химическим войскам на вооружение реактивные снаряды с разрывным зарядом. Благодаря тому, что заряд был весьма большим, реактивные установки имели определенный успех, особенно при использовании их сосредоточенно.

Позднее появились зажигательные снаряды, наполненные зажигательной смесью. Они были предшественниками нынешних напалмовых бомб и снарядов.

При введении всякого принципиально нового оружия производилась тщательная проверка на предмет применения его в других родах войск и видах вооруженных сил. Поэтому пороховая ракета вскоре появилась и в авиации в качестве вспомогательного средства для взлета самолетов, а позднее и как самостоятельная боевая ракета. Подобные реактивные снаряды с успехом применялись и в русских войсках. Авиационная ракета значительно облегчила борьбу авиации с танками, кроме того, она играла, известную роль в воздушном бою. Важнейшим средством противотанковой обороны ближнего боя было упоминавшееся выше ружье «базука», которое у немцев называлось сначала «офенрор», а позднее «панцершрек». Это оружие по своему внешнему виду напоминало самоварную трубу без колен длиной 2 м. Стрельба по танкам велась с плеча небольшими ракетами (80 — 100-мм), снабженными кумулятивным зарядом, на расстояние до 100–150 м.

Кумулятивный заряд в комбинации с пороховой ракетой также нашел себе очень большое применение. Особенность кумулятивного заряда состоит в том, что он выбрасывает в узком снопе пламени газы, образовавшиеся при детонации, со скоростью несколько тысяч метров в секунду. Обладая огромной кинетической энергией, массы этого газа легко пробивают даже очень толстую броню. Это замечательное физическое явление было открыто с помощью искровой кинематографии. Патент на это открытие был выдан еще до войны, и теперь управление вооружений ухватилось за него, видя в нем средство, которое могло помочь немецким саперам уничтожать и выводить из строя мощные бетонированные ДОТы противника. Об эффективности нового оружия свидетельствует вошедший в историю факт падения крепости Эбен-Эмаэль.

Принцип, на котором основывалось действие магнитных противотанковых мин, был использован в военно-морском деле для подрыва военных кораблей водолазами-лягушками и в артиллерийских и реактивных снарядах. Они стали известны в артиллерии как бронебойные снаряды HL.

«Фауст-патрон» так же, как и упомянутое уже противотанковое ружье «панцершрек», имел гранату с кумулятивным зарядом. Стрельба из него производилась по принципу безоткатного орудия — отсюда и пламя длиной 1.5 м, образующееся за тыльной частью «фауст-патрона». Кроме того, кумулятивные заряды нашли себе применение и в

противотанковых минах. При прохождении танка над такой миной срабатывал ее магнитный взрыватель и кумулятивный заряд пробивал танк снизу. Управляемая на расстоянии противотанковая ракета «Роткэпхен» хотя и была подготовлена к выпуску, однако появиться на свет уже не успела.

Кумулятивные заряды, введенные впервые в немецкой армии, были использованы во время войны всеми воюющими государствами. Вскоре после начала войны пороховая ракета была использована русскими в установках, известных под названием «сталинского органа».[96] Появившиеся вслед за этим в Германии обычные пороховые ракеты, запускаемые с установок, были усовершенствованы: помимо основных, в них были высверлены дополнительные дюзы, придававшие ракете вращательное движение и, следовательно, делавшие ее более устойчивой при полете. Разрывной заряд переместился в заднюю часть ракеты. Такие ракеты обладали большей точностью попадания и были значительно эффективнее, чем ракеты «сталинского органа». Англичане и американцы успешно применяли ракетные установки в десантных операциях, потому что их незначительная отдача давала возможность вести огонь с легких судов.

Когда в 1941 году воздушная битва над Англией была проиграна и немецкая авиация понесла большие потери, снова начались работы по созданию управляемой «летающей бомбы», прерванные в 1939 году. Самолет F-103, конструкции фирмы «Физелер-Верке», называвшийся также «киршкерн» и явившийся прототипом самолета-снаряда V-1, представлял собой реактивный самолет весом 2,2 т и длиной 8 м. Самолет нес 800 кг взрывчатых веществ. Запуск самолета-снаряда V-1 осуществлялся при помощи катапульты. Он имел простой воздушно-реактивный двигатель и мог подниматься на высоту до 3 тыс. м. Его максимальная скорость составляла около 600 км/час, а радиус действия равнялся 300 км. Бомбардировка этими самолетами-снарядами Лондона началась 13 июня 1944 года. то есть вскоре после начала вторжения. В общей сложности со стартовых площадок в воздух поднялось примерно 8–9 тыс. самолетов-снарядов V-1, из которых около двух третей достигло побережья Англии и около одной трети — Лондона. V-1 имел органы управления, снабженные пневматическим устройством, позволявшим снаряду автоматически менять высоту и курс полета.

Реактивный снаряд V-2 представлял собой управляемую на

расстоянии жидкостную ракету. Он был создан группой инженеров управления вооружений сухопутных войск под руководством ставшего впоследствии генералом доктора Вальтера Дорнбергера. Эти ракеты, обладающие очень большой дальностью полета, должны были заменить сверхдальнобойную артиллерию. 3 октября 1942 года первая большая ракета поднялась в воздух с испытательного аэродрома Пенемюнде и пролетела 192 км вдоль побережья Балтийского моря. Ее талантливый главный конструктор доктор Браун уже тогда мечтал, как и все конструкторы ракет, о ракете для полетов в межпланетное пространство.

V-2 имел длину 12 м и стартовый вес 12,6 т. Одна тонна веса приходилась на разрывной заряд, 8,9 т составляло горючее (этиловый спирт и кислород). Максимальная скорость снаряда достигала 1600 м/сек, потолок был равен 90 км, а дальность полета лежала в пределах 330 км. У цели скорость полета благодаря сопротивлению воздуха снижалась до 1 тыс. м/сек.

Боевое применение реактивных снарядов V-2 против Англии началось в сентябре 1944 года. В общей сложности по Англии, главным образом по Лондону, было выпущено 3165 реактивных снарядов.[97] Около 2 тысяч снарядов V-2 было выпущено в последней фазе войны по городам Антверпену, Брюсселю и Льежу.

Самолет-снаряд V-1 и реактивный снаряд V-2 имели разрывной заряд весом в одну тонну и при взрыве производили огромные, если не колоссальные разрушения. Но еще сильнее было их моральное действие. Самолет-снаряд V-1 приближался к цели в горизонтальном полете с хорошо известным нам теперь пронзительным ревом, напоминающим рёв современных реактивных истребителей, который вдобавок к бесконечным воздушным тревогам сильно действовал на нервы лондонцев. Налеты V-2 вызывали у англичан еще больший страх. Они приближались без всякого предостерегающего шума и действовали как гром среди ясного неба. Подлетающий снаряд с его огненным острием можно было заметить лишь случайно за несколько секунд до разрыва.

Отважные английские летчики сбивали самолеты-снаряды V-1 либо в атаке огнем пушек и пулеметов, либо тараня их сбоку. Но для борьбы со снарядами V-2 в то время не существовало еще никаких других средств, кроме обстрела и бомбардировки трудно

отыскиваемых и постоянно меняющихся стартовых площадок. В дальнейшем, когда сектор обстрела благодаря продвижению армий союзников в Европе уменьшился, против самолетов-снарядов V-1 стала успешно действовать и английская зенитная артиллерия.

Важнейшей составной частью V-2 был надежно работающий мощный жидкостно-реактивный двигатель, а у V-1 — воздушно-реактивный двигатель прямоточного действия. Не менее важными были также и приспособления для автоматического управления и управления на расстоянии.

Тем самым мы приходим уже к области совершенно новых, революционизирующих всю военную технику открытий. Таковыми наряду с устройствами для автоматического управления и управления на расстоянии являются все современные снаряды и прочие средства, снабженные локационными приборами и новыми взрывателями, которые срабатывают автоматически при приближении снаряда к цели.

Среди локационных приборов имеются «пассивные», то есть такие, которые только воспринимают исходящие от цели световые или тепловые лучи, и «активные», которые сами могут посылать световые, инфракрасные или радиолокационные лучи и регистрировать их отражения от цели. Между прочим действие взрывателей, срабатывающих вблизи от цели, было основано на отражении звуковых волн и влиянии электромагнитного поля цели. Наиболее успешно этот принцип был использован в военно-морском флоте При разработке новых типов мин и торпед. Опыт моряков был затем перенят и для создания новых типов самолетов-снарядов и реактивных снарядов, причем в этой работе принимали участие инженеры и техники всех видов вооруженных сил.

Одним из самых многообещающих проектов был проект управляемой на расстоянии 4-тонной жидкостной ракеты типа V-2, разработанный на опытном полигоне Пенемюнде. Ракета была сконструирована в 1943 году, а в конце 1944 года уже успешно прошла многочисленные испытания. Однако серийное производство ее не могло быть налажено, потому что германская промышленность к этому времени была парализована воздушными налетами. Используя тот же самый принцип, фирма «Рейнметалл» сконструировала зенитные ракеты «Рейнтохтер» и «Фойерлили», скорость которых уже превышала скорость звука, в

то время как две меньшие ракеты: «Шметтерлинг» профессора Вагнера и «Энциан» фирмы «Мессершмидт» (Аугсбург), имевшие форму самолетов, могли развивать лишь дозвуковые скорости. Эти зенитные ракеты также не были приняты на вооружение, хотя, безусловно, могли бы произвести в воздушной войне коренной переворот.

Сбрасываемые с самолетов управляемые на расстоянии планирующие бомбы были изготовлены раньше других. Результаты их применения были самыми различными. Авиационной бомбой SD-1400-X весом 1450 кг, изготовленной фирмой «Рейнметалл-Борзиг» по проектам доктора Крамера, в 1943 году был потоплен прямым попаданием итальянский линкор «Рома». Поданным инженера Майер а (см. «Наутикус», 1943. г.), управляемыми на расстоянии снарядами было потоплено более 400 тыс. т корабельного тоннажа, причем 40 % судов — за счет прямых попаданий. Чтобы избежать радиопомех, было создано приспособление для управления снарядами на расстоянии по кабелю, делались даже проекты установки телевизионной связи между снарядом и самолетом-маткой, чтобы дать летчику возможность направлять снаряд в цель из-за облаков или при изменении самолетом своего курса.

Для чисто воздушного боя были созданы истребительные ракеты X-4 (60 кг) и Hs-298 (298 кг). Ракета X-4 представляла собой жидкостную ракету, управляемую по проводам с самолета, ракета Hs-298 — управляемую по радио пороховую ракету. Обе эти ракеты также не были применены на фронте.

Немцы не могут без боли вспоминать о том, к каким изумительным достижениям пришли их исследователи. инженеры и специалисты во время войны и как эти достижения оказались напрасными, тем более, что их противники не могли противопоставить этим новым видам оружия ничего, что могло бы в какой-то степени равняться с ними.

Радарная война

Совершенно иначе проходило полное драматизма соревнование между Англией и Германией в развитии радарной, или радиолокационной, техники. Обе соперницы начали войну, имея приблизительно одинаковые достижения в этой области. И та и другая стороны основной упор делали вначале на крупные приборы для охраны своего воздушного и морского пространства, иными словами, они создавали такие установки, которые имели большой радиус действия. Мощная радарная установка, работавшая на сантиметровых волнах — «роттердамский прибор», — обеспечила англичанам в войне решающее преимущество и поставила немецкие военно-морские и воздушные силы в очень невыгодное положение.

Радиолокационная техника основывается на свойствах самых коротких электромагнитных волн, которые, подобно свету, распространяются почти прямолинейно, отражаются от твердых предметов и тем самым дают возможность очень точно измерять расстояния.

Германия еще в 1938 году имела радиолокационную установку с подвижной антенной, которая называлась «прибором Фрея» и позволяла обнаруживать самолет Ju-52 на расстоянии 120 км. В начале войны немецкие конструкторы уделяли главное внимание приборам дальнего действия, контролирующим движение самолетов, а также приборам управления зенитным огнем (ПУАЗО). В этом отношении вполне оправдала себя радиолокационная установка «Вюрцбург», снабженная сферической антенной. Своевременно были разработаны и способы наведения на цель ночных истребителей. Эту задачу выполняла мощная установка «Вюрцбургский великан». Но все немецкие радиолокационные приборы продолжали работать на дециметровых волнах, потому что более короткие волны имели меньший радиус распространения и, кроме того, были связаны с совершенно новой и сложной ламповой техникой.

Англия, напротив, в 1942 году добилась решающего успеха и неожиданных результатов благодаря переходу на сантиметровые волны. Поскольку немецкие подводные лодки выходили на поверхность только ночью, обнаружить их на просторах Атлантики было очень трудно. Для этого самолетам требовались

радарные установки. Чем короче волна, на которой работает установка, тем меньше может быть и антенна. Исходя из этих соображений, англичане и создали станции, работающие на сантиметровых волнах. Чтобы иметь возможность систематически просматривать с самолета обширную поверхность воды. установки были снабжены вращающимися антеннами и панорамными индикаторами. Прибор оказался весьма эффективным. При вспышке отраженного сигнала на панораме самолет разворачивался на цель, определял на ходу расстояние до нее, подойдя на дистанцию стрельбы, включал прожекторы и атаковал ничего не подозревавшую подводную лодку огнем бортового оружия и бомбами. Потери германских подводных лодок заметно увеличились. Тогда управлением вооружений было создано новое средство, названное «указателем волн». Этот прибор вначале предназначался для других целей, но в связи с необходимостью защиты подводных лодок был передан подводному флоту. Особенность этого прибора состояла в том, что он давал экипажу подводной лодки сигнал в том случае, если лодка оказывалась запеленгованной противником.

По этому сигналу подводная лодка могла своевременно уйти под воду. Другим защитным средством подводных лодок был небезызвестный «шнорхель», который ввиду малых размеров значительно затруднял обнаружение лодок. К концу войны, когда подводная лодка получила возможность без выхода на поверхность для пополнения запаса воздуха идти под водой на полной скорости, эффективность действий германских подводных лодок увеличилась. Волшебным средством, позволившим осуществить это, явилось смешение горючего с содержащими кислород химикалиями, как например ауролом и т. п.

Англичане вскоре обнаружили, что новые радарные установки, если их использовать на земле, могут дать еще более удивительные результаты. На панораме-индикаторе отражались контуры ландшафта! Радиолокационные лучи проходили беспрепятственно через туман, облака и темноту! Теперь англичане имели средство, с помощью которого они могли ночью и через самые густые облака безошибочно отыскивать любую цель и поражать ее. Перед волнами бомбардировщиков летели «следопыты», оборудованные новыми радарными установками, отыскивали цели, отмечали их световыми сигналами, так называемыми «рождественскими елками», и давали возможность бомбардировщикам сбрасывать бомбы на эти районы по точной схеме «бомбового ковра». Вскоре в руки немцев попал один из

таких приборов (H2S). Он был снят со сбитого английского самолета в районе Роттердама. Этот «роттердамский прибор» был немедленно освоен и изготовлен в Германии, а особому коллективу исследователей было поручено провести многосторонние испытания для определения возможности создания приборов, работающих на сантиметровых волнах. Радиолокационные приборы бомбардировщиков интереса для Германии не представляли, поскольку она уже давно не имела дальних бомбардировщиков. Поэтому новый прибор, работающий на сантиметровых волнах («Берлин-М»), был установлен в первую очередь на ночных истребителях. Морской флот также получил навигационные приборы для ориентировки ночью и в тумане и для отыскания минных заграждений. Несколько тяжелых кораблей были оснащены большими антеннами, чтобы можно было обнаруживать и атаковать корабли противника. Поскольку, кроме засечки кораблей, новые приборы могли точно измерять водяные столбы, возникающие при разрыве снарядов, они стали применяться в качестве отличного пристрелочного прибора для стрельбы без оптического прицела. К сожалению, жертвой, этого метода стрельбы стал линейный крейсер «Шарнгорст», который в рождество 1943 года был ночью обстрелян с расстояния 30 миль и потоплен соединением английских тяжелых кораблей, имевших радарные установки.

Обе воюющие стороны стремились, конечно, найти какое-то средство защиты от столь опасных радиолокационных установок. Западные державы, чтобы защитить свои бомбардировщики от немецких радиолокаторов, применяли листы алюминиевой фольги, которые при налетах сбрасывались центнерами с первых самолетов. Они задерживали радиолокационные лучи, «смазывая» изображения на экранах индикаторов.

Широко и весьма успешно применялись также и радиостанции, создающие помехи в эфире.

Управление вооружений сухопутных войск

До 1914 года в германском военном министерстве не было такой инстанции, которая специально занималась бы вопросами военной техники и военной промышленности.

Технические отделы различных родов войск занимались независимо друг от друга вооружением и оснащением, как одним из частных вопросов формирования войсковых частей. Эти отделы связывались по своему усмотрению с любыми фирмами и предприятиями. Такой с технической точки зрения бесплановый, неорганизованный метод работы зависел от разных случайностей и приводил к путанице, которая в 1915–1918 годах отрицательно сказалась на ведении войны.

Руководствуясь этим опытом, военные руководители Германии создали в министерстве рейхсвера в 1928 году одно центральное управление вооружений сухопутных войск, на которое возлагалась задача конструирования, испытания, производства, приемки и распределения всех видов оружия, боеприпасов, военной аппаратуры и приборов. Управление вооружений стало соединительным звеном между промышленностью, с одной стороны, и генеральным штабом и войсками — с другой. Военно-морской флот Германии также получил после первой мировой войны свое собственное управление вооружений. После снятия с Германии ограничений, наложенных на нее Версальским договором,[98] из личного состава управления вооружений сухопутных войск было организовано техническое управление ВВС, которое в своем развитии и методах работы пошло вопреки советам управления вооружений своими собственными, не всегда правильными путями.

Двенадцати отделам управления вооружений сухопутных войск было подчинено свыше десятка экспериментальных и артиллерийско-стрелковых полигонов, среди которых наиболее известными были Куммерсдорф, Гиллерслебен, Пенемюнде, Раубкаммер, Миттерзиль и Клаусдорф.

Общее руководство отделами возлагалось на войсковых офицеров, имевших высшее техническое образование или закончивших академию генерального штаба. Новым для этого

типа офицеров было то, что перед назначением на каждую высшую должность в аппарате управления они должны были пройти службу в войсках в соответствии со своим званием и получить непосредственный опыт командования. Таким образом, командование надеялось сделать офицера не только солдатом, но и инженером и успешно разрешить постоянно растущие проблемы ведения технической войны.

Для коренного улучшения массового производства многих предметов, в которых нуждались вооруженные силы, главным образом боеприпасов, оказалось целесообразным привлекать для работы в управлении опытных инженеров-производственников и нормировщиков из промышленности. Эти инженеры помогли разработать стандарты для выполнения всех чертежных работ и перенести эти стандарты на важнейшие элементы военного конструирования: Общие нормы германского промышленного стандарта (DIN) были распространены на строительные материалы, а также на рабочие и приемочные калибры и лекала, которыми проверяются размеры деталей. Благодаря этому вся приемка продукции была поставлена на твердую единую основу, которая исключала всякого рода неясности и споры.

Управления вооружений всех трех видов вооруженных сил работали в тесном контакте с промышленностью. Связь референтов управления с изобретателями и промышленностью часто порождала новые открытия и усовершенствования. «Тактические требования» генерального штаба были впервые сформулированы на совещаниях инспекторов войск с руководителями штаба. В дальнейшем они были переданы всем управлениям вооружений, где на их основе были разработаны соответствующие принципы конструирования новой техники. Сама же конструкторская работа в задачи управления вооружений не входила. Группа проектирования и испытания образцов материальной части сокращенно называлась «испытательной» группой управления вооружений, а ее отделы получили название «испытательных». Управления вооружений должны были только выдвигать проблемы, ставить технические задачи, подыскивать подходящие формы и конструкторов и при изготовлении конструкций оказывать помощь и давать советы лишь в том случае, когда конструктивно-технические соображения ученых и инженеров требовалось привести в соответствие с военными нормами.

Представленные управлению образцы новых типов оружия

испытывались на экспериментальных и артстрелковых полигонах с применением современных измерительных приборов. Затем образцы отсылались обратно с соответствующими указаниями и вновь представлялись на испытания, пока, наконец, не отдавалось распоряжение о принятии их на вооружение и не делался первый заказ промышленности.

В деле военно-технического планирования и в вопросах распределения заказов в промышленности первыми помощниками и советчиками всегда были многочисленные промышленные тресты и компании. Все комиссии и комитеты, создаваемые управлениями вооружений, а позднее министерством боеприпасов для руководства исследовательской работой и производством вооружения, отлично работали до тех пор, пока в них сотрудничали и осуществляли контроль представители вооруженных сил. В связи с этим следует сказать несколько слов и о министерстве боеприпасов.

Руководство и организация военной промышленности

С годами между генеральным штабом, инспекциями родов войск, управлениями вооружений и военной промышленностью выработался тот четкий рабочий ритм, благодаря которому выполнение многочисленных заказов по производству вооружения проходило без всяких осложнений, начиная с момента постановки задачи на проектирование и до отправки готового оружия в войска.

Однако в вышестоящих органах в системе вооруженных сил и в штаб-квартире Гитлера вопрос о военной технике был самым запутанным и не обнадеживающим. Еще до начала войны в главном штабе вооруженных сил слишком мало заботились о правильном решении основных военно-технических задач. В течение многих лет начальник управления вооружений генерал Беккер боролся за создание небольшого оперативного штаба для общего руководства всеми тремя управлениями вооружений. К осознанию необходимости такого органа он пришел после того, как сам убедился в пагубности таких ошибок, какие были допущены еще во время первой мировой войны. Все, кого непосредственно затрагивало создание подобного органа, то есть три главнокомандующих видами вооруженных сил. главный штаб вооруженных сил и представители военной промышленности, были против него. потому что надведомственное положение этого штаба отчасти ограничивало их сферу власти. В конце концов высшим инстанциям пришлось все же согласиться с неоспоримыми аргументами генерала Беккера. В апреле 1940 года главнокомандующие сухопутных сил, авиации и флота дали свое согласие и Гитлер подписал организационный приказ. Однако вечером того же дня он вновь отменил его. На него, по-видимому, повлияло заявление одного из воротил немецкой военной промышленности, утверждавшего. что промышленность не нуждается в военном руководстве и сможет дать армии гораздо больше военных материалов и вооружения, если в своих действиях она никем не будет стеснена. Генерал Беккер воспринял отмену приказа как личное оскорбление и покончил жизнь самоубийством. Таким образом, немецкая инженерно-техническая служба потеряла своего начальника прежде, чем он занял свой пост. Преемник Тодта в министерстве боеприпасов

Шпеер предоставил комитетам соответствующих отраслей военной промышленности слишком большие полномочия в руководстве военной индустрией. Отсутствие необходимого влияния при решении жизненно важных вопросов производства вооружения и оснащения армии причинило войскам немалый ущерб. Министерство боеприпасов с его почти неограниченными полномочиями, за получение которых управления вооружений армии, авиации и флота тщетно боролись в течение многих лет. мобилизовало все силы германской экономики, наладило выпуск огромного количества военных материалов и поддерживало его на высоком уровне до самого конца войны. Но его основным недостатком было то, что наряду со многими энергичными и способными людьми на важнейшие посты в министерстве проникали и неправильно направляли самоотверженный труд немецких рабочих и инженеров некоторые политические выскочки, не имевшие даже элементарных знаний дела. Попытка передать руководство всей военной промышленностью невоенным людям оказалась как в целом, так и особенно в отношении развития оружия, ошибочной.

Заключение и выводы

До первой мировой войны ни генералы, ни солдаты не уделяли достаточного внимания вопросам военной техники и развитию оружия. Когда летняя кампания 1914 года закончилась на Западном фронте безрезультатно и потрепанные армии воюющих сторон стали закапываться в землю, на помощь войскам для усиления их боевой мощи была призвана техника. Именно тогда немецкое верховное командование впервые обратило внимание на развитие военной техники как на одно из основных средств ведения войны. Тактические требования и связанные с ними новые виды оружия в соответствии с создавшейся обстановкой ориентировались по преимуществу на позиционную войну. Лишь к концу первой мировой войны начал проявляться интерес к такому оружию, которое сулило успех в маневренной войне.

В последующие годы мирного развития Германия и Англия стали выдвигать эти требования на первый план.

Мотор в автомобиле, в танке и самолете, а также электромагнитные волны, используемые для проводной связи и радио, позволили сухопутным, морским и воздушным силам вести во второй мировой войне крупные молниеносные и четко организованные операции и дали возможность нашим танковым армиям в первые годы войны одерживать одну победу за другой. Однако немецкая авиация очень скоро потеряла свое превосходство, проиграв воздушную битву за Англию, потому что истребительной авиации было уделено меньше внимания, чем бомбардировочной. Для сухопутных же войск роковой час пробил в Сталинграде, потому что Гитлер, как и в воздушной войне, своими безрассудными планами, вытекавшими из недооценки сил противника, слишком истощил свои войска.

Союзники все больше и больше завоевывали господство в воздухе как на фронте, так и над самой Германией. Их стратегическая авиация причиняла немецким городам страшные разрушения и терроризировала население. Однако сломить дух сопротивления немецкого населения она не смогла. Ни террор, ни месть не могли повлиять на исход войны. Эти методы, свидетельствующие о вырождении стратегии союзников, лишь увеличивали число невинных жертв и раздували ненависть. С

другой стороны, планомерное разрушение тех немецких городов, в которых производились бензин, синтетический каучук и взрывчатые вещества, Подорвали жизненную основу военной мощи Германии. Но несмотря на постоянные воздушные налеты и оккупацию союзниками части территории Германии, военная промышленность, производящая оружие, боеприпасы и прочее снаряжение, продолжала работать на поразительно высоком уровне благодаря тому, что производство было стандартизировано и типизировано, а заказы распределялись по предприятиям, рассредоточенным далеко друг от друга. Производство ракетного оружия, порученное отдельным специальным фирмам, сильно сократилось к концу войны из-за усилившихся бомбардировок с воздуха. Снабжение войск было нарушено только тогда, когда воздушные налеты и наступление армий союзников совершенно парализовали весь транспорт страны. Актов саботажа на военных предприятиях, несмотря на широкое использование иностранных рабочих, было удивительно мало, и большого влияния на ход войны они не оказывали. Слухи о том, что саботаж в военной промышленности способствовал общему поражению Германии, не соответствуют действительности.

Последняя фаза войны проходила в условиях огромного материально-технического превосходства западных союзников. Их танковые армии постоянно поддерживались мощной тактической авиацией, действовавшей почти беспрепятственно. Русские армии были сильно моторизованы за счет американского транспорта, что позволяло им осуществлять глубокие вклинения, оперативно используя каждый прорыв немецких позиций, обороняемых слишком слабыми и уставшими от боев соединениями. Исход второй мировой войны был в конечном счете решен массовым применением моторов. Из трех новых важнейших видов оружия второй мировой войны — реактивных снарядов, радарных установок и атомных бомб — большое влияние на ход войны оказала только радарная техника. Ракетное оружие произвело столь же малый эффект, как и атомная бомба, которая нанесла уже фактически побежденной Японии последний удар и этим самым ускорила ее падение, подобно тому как «танковый ужас» в 1918 году явился причиной поражения и без того сильно потрепанной германской армии.

Опыт второй мировой войны в области развития и использования военной техники сводится в основном к следующим важнейшим положениям:

1. Пехота настолько уступает механизированным войскам в огневой силе и подвижности, а бронетанковым войскам также и в сопротивляемости огневым средствам, включая сюда и атомное оружие, что она может использоваться теперь только на второстепенных театрах военных действий. Кавалерию в современной войне вообще невозможно применять. Если пехота используется на главных театрах военных действий, то она должна быть механизирована, должна иметь небольшую броневую защиту и оружие, отличающееся большой скорострельностью. Вести бой пехота будет прямо с машин. Спешенная, она будет действовать преимущественно ночью, в лесу, в болотистой местности и в горах, причем она будет больше обороняться, чем наступать. Этому должны соответствовать ее вооружение и оснащение. В ночном бою особенно большое значение будет придаваться инфракрасному освещению.

2. Ядром сухопутных войск в будущем явятся танки и моторизованные соединения. Все машины должны быть бронированными и иметь гусеничный ход.

3. Артиллерии необходимы надежно защищенные броней от огня танков противника самоходные установки для ведения кругового обстрела, а также новая система управления огнем, которая сделает возможной максимальную концентрацию огня с любых позиций и с хода в самый кратчайший срок. Эффективность огня артиллерии, особенно тяжелых орудий, значительно повысится благодаря применению электрических дистанционных взрывателей. Тяжелую и сверхтяжелую артиллерию заменит атомная артиллерия.

4. Противохимическая оборона должна рассчитывать на появление новых боевых отравляющих веществ и быть готовой к защите людей и материальной части от радиоактивных излучений. Зона действительного поражения атомных снарядов, которая в сто с лишним раз превосходит зону действительного поражения обычных снарядов, принуждает войска к соответствующему рассредоточению на марше и в бою до момента вклинения их в оборону противника.

5. Противотанковая оборона будет по-прежнему стоять в центре внимания всех войск, и особенно пехоты. До сих пор еще отсутствуют надежное средство ближней противотанковой обороны и легкий подвижный танк-истребитель. Разрешить эту

проблему могут снаряды кумулятивного действия для стрельбы из реактивных минометов и безоткатных орудий. Кроме того, большое значение приобретут и управляемые на расстоянии небольшие ракетные снаряды. Опаснейшим противником танков во второй мировой войне был также и низколетящий самолет с ракетами. Во время последней войны применялись только такие средства противотанковой обороны, которые были рассчитаны на прямое попадание. Между тем с появлением атомного оружия и напалмовой бомбы стали известны новые средства борьбы с танками, которые уничтожают танки на расстоянии нескольких сотен метров. В связи с этим возникает задача защитить танки от этого вида оружия.

6. Глубоким изменениям подвергнется и противовоздушная оборона. Для отражения низколетящих самолетов придется применять легкие многоствольные автоматические пушки с очень высокой скорострельностью и большой скоростью полета снаряда. Для борьбы с самолетами, летящими на средних и больших высотах, будут применены управляемые на расстоянии и самоуправляемые реактивные снаряды, которые начнут все больше и больше вытеснять зенитную артиллерию. Постоянное круговое наблюдение при помощи радаров за всем воздушным пространством страны и по возможности за пределами собственных границ будет еще больше, чем до сих пор, служить основой для противовоздушной обороны и защиты от управляемых на расстоянии беспилотных снарядов. Организация обороны должна будет предвидеть все попытки противника нарушить систему оборонительных мероприятий и принять надлежащие меры по обеспечению своей работоспособности. Управляемые на расстоянии и самоуправляемые ракетные и реактивные снаряды, в частности снаряды, снабженные радиовзрывателями, будут иметь большое значение в качестве средств противовоздушной обороны и в качестве артиллерии сверхдальнего действия. Они полностью заменят оперативную авиацию, расширят район воздушных операций и в то же время обеспечат атакуемому самолету надежное средство защиты.

Во всех этих видах оружия не исключено применение атомных зарядов.

7. Действие атомного оружия может быть значительно ослаблено при помощи устройства сравнительно простых подземных убежищ. В связи с этим особое значение приобретают зоны постоянных укреплений. В этих зонах противник может быть

временно остановлен. Если же он станет оборудовать исходные позиции для прорыва укрепленных зон или захочет обойти их, то сам окажется весьма удобной мишенью для атомного оружия.

8. Очень вероятно, что в будущем возрастут значение и масштабы воздушно-десантных и амфибийных операций. Современная техника постарается использовать здесь все свои возможности. Некоторые иностранные армии уже располагают такими средствами, другие добились значительных успехов в их развитии. Поскольку состояние военной техники неполно освещается в периодической и другой литературе, в оценку возможной военной обстановки следует включать и те направления, которые только что наметились в развитии вооружений, и приблизительные темпы, с которыми новые виды оружия будут совершенствоваться. Подлинного превосходства своего оружия добьются только те вооруженные силы, которым удастся использовать новое оружие в самом начале войны или уже в ходе войны внезапно применить его в достаточно большом количестве. Наглядным примером последнего может служить появление русских танков Т-34 и «ИО». То же самое можно сказать и о радарной установке англичан, и об атомной бомбе американцев, и о немецкой кумулятивной мине замедленного действия, и о первых ракетных и реактивных снарядах. Превосходство какой-либо страны в военной технике может и в мирное время иметь большое международное политическое значение, как это случилось, например, с атомным оружием.

В то время, когда писалась эта статья — 20 июня 1953 года, — в нью-йоркской тюрьме были казнены супруги Розенберг. Одновременно в главных городах Западной Европы коммунисты организовали движение протеста. Чудовищная измена — выдача важнейших военных секретов, касающихся атомной бомбы, — нашла свое запоздалое искупление. Президент Эйзенхауэр, отклоняя последнюю просьбу о помиловании, заявил: «Я могу только сказать, что Розенберги своими действиями усилили возможность возникновения атомной войны и, может быть, приговорили к смерти миллионы невинных людей во всем мире».

Это событие бросает свет на никогда не прекращающуюся и охватывающую весь мир тайную борьбу, которая ожесточенно и упорно ведется за превосходство в военной технике. При известных обстоятельствах эта борьба может решать судьбу мира и предопределять исход любой будущей войны.

Соблюдение военной тайны, над чем Запад любит посмеяться, имеет исключительно серьезное значение, так как оно гарантирует народу безопасность существования.

В настоящее время у Германии связаны руки. Она не может обороняться. Боевые качества немецких дивизий признаны во всем мире. Германия имеет также целый ряд талантливых ученых-исследователей, инженеров и техников, которые накопили во время прошлой войны большой опыт и знания. Для того чтобы действительно обеспечить коллективную безопасность в Европе, не следовало бы забывать про этот в основном еще не использованный духовный капитал.

Ракетное оружие дальнего действия и реактивные самолеты, районы действий и оперативные базы которых опутали всю Землю и сделали близкими самые отдаленные части света, значительно сократили расстояния на земном шаре. Затраты на исследование, усовершенствование и производство современных решающих видов вооружения возрастают до астрономических цифр. Их могут позволить себе только автаркические мировые державы.

Европейские национальные государства уже не в состоянии самостоятельно решать эти задачи. Это означает, что они теряют способность обороняться независимо от других государств, то есть теряют свой суверенитет. Современные средства массового уничтожения (атомное оружие, напалмовые бомбы и др.) создают для европейских государств с их высокой плотностью населения, сильной концентрацией промышленности и близким расположением источников сырья очень большую угрозу. Европа может защитить себя от этой смертельной опасности только в том случае, если она объединится, и чем раньше это произойдет, тем лучше для нее.

Все эти соображения не имеют ничего общего с «воинственностью». Европа, поставленная своими братоубийственными войнами на край гибели, больше, чем всякий другой континент, нуждается в мире, в настоящем длительном мире. Ее раздробленность, как показывают последние годы, не может быть ликвидирована сегодня или завтра, — ее можно будет преодолеть только в процессе исторического развития. Но чтобы выиграть для этого время, ей нужна полная гарантия Мира. Только тогда она сможет — и это относится прежде всего к Германии — из игрушки, из объекта политики

других государств снова стать действующим субъектом, для которого мир является первейшим условием, чтобы сохранить то небольшое, что у него еще осталось.

ЛИТЕРАТУРА

Deutsch Fr. W., Waffenlehre, E. S. Mittler and Sohn, 1938.

Dornberger W., V-2, Der Schuss ins Weltall, Bechtle Verlag, Esslingen.

Muther, Das leichte Gerat der Artillerie. «Nauticus 1953», E. S. Mittler and Sohn.

Расцвет и упадок германской науки в период Второй мировой войны

Исследование есть фундамент технического превосходства над противником. Исследование есть основа для всемирного соревнования.

Проф. П. Тиссен

С тех пор как последние мировые войны разрушили старую форму «героического сражения» между воинами и заменили ее «войной моторов», а солдат стал «ожидать своего часа» под шквалом ураганного огня, с тех пор как стало достаточно лишь нажать кнопки, открывающие бомбовые люки, чтобы моментально исчезли в пожаре и дыму памятники веками создававшейся культуры, с тех пор как атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, доказали, что одним ударом можно уничтожать сотни тысяч ни в чем не повинных людей, с тех пор, наконец, когда самоуничтожение человечества в современной атомной войне стало теоретической возможностью, можно с уверенностью сказать, что техника в корне изменила и формы и весь характер войны. Но в основе всякой техники лежит наука, больше того, техника — это сама наука. А это значит, что ход современной войны и, следовательно, судьбы ведущих ее народов решающим образом зависят от научных достижений и от потенциальных возможностей народов в области техники.

Старинная поговорка «В войне молчат музы», под которой, кроме всего прочего, подразумевается и ослабление духовной деятельности народа, в наш век совершенно неуместна. С лихорадочной поспешностью и максимальным напряжением сил ведутся работы в лабораториях и исследовательских институтах воюющих сторон, чтобы не только нейтрализовать технический прогресс противника за счет создания новых видов вооружения, но и превзойти его, что в свою очередь является для противника импульсом к новым изысканиям. Таким образом, современная война с точки зрения роста технических возможностей является неким подобием маятника, который с каждым взмахом поднимается на еще большую высоту. Такое явление наблюдается не только в области техники. В век идеологической борьбы и

борьбы взглядов и мировоззрений решающее значение имеет также и то, какое идеологическое оружие и какие силы могут вызвать подъем во всех областях науки. Поэтому «Итоги второй мировой войны» не могут быть написаны без того, чтобы все функции науки в этой эпохе остались неосвещенными.

Подводная война Германии против Англии и Америки, начавшаяся так эффективно, фактически была сведена на нет превосходством противника в радиолокационной технике, которое буквально парализовало усилия самоотверженных и храбрых немецких подводников. В воздушной битве за Англию технические данные германских истребителей оказались недостаточными для того, чтобы надежным образом защитить свои бомбардировщики. Когда впоследствии на экранах радаров противника, несмотря на темную ночь, туман и облака, стали различимы очертания городов и искомых целей, противовоздушная оборона германского жизненного пространства потеряла всякий смысл, а немецкая авиация, несмотря на все мужество ее солдат и офицеров, все более и более сдавала свои позиции.

На основании изучения всех этих событий возникает роковой вопрос: оправдала ли себя в этой войне германская наука? По окончании войны, по самым осторожным подсчетам, победителями было конфисковано 346 тыс. германских патентов. Результаты исследований в промышленности и во всех государственных и даже частных научно-исследовательских учреждениях были изъяты у их хозяев и исчислялись не количеством страниц, а количеством тонн, да! да! — тонн, как о том заявляла американская центральная научно-исследовательская станция Райт-филд (штат Огайо), вывезшая из Германии «безусловно самое значительное собрание секретных научных документов» общим весом в 1,5 тыс. т.

Проделав анализ всех захваченных материалов и осуществив многие идеи, содержавшиеся в них, американские специалисты, по их собственному признанию, «продвинули американскую науку и технику на годы, а в некоторых случаях на целое десятилетие вперед».

Австралийский премьер-министр Чифли, выступая по радио в сентябре 1949 года, сказал, что польза, которую Австралии принесли 6 тыс. доставшихся ей при дележке патентов и перемещение в Австралию 46 немецких специалистов и ученых,

совершенно не поддается выражению в денежных величинах. «Австралийские промышленники, — заявил он, — в состоянии с помощью немецких секретных материалов поставить свою страну в области техники в число самых передовых стран мира».

Если, таким образом, оценка достижений немецкой науки может быть столь противоречива, то есть, с одной стороны, опускаться до причины поражения Германии в войне, ас другой — подниматься до огромных высот, вызывая восхищение даже у самых высокоразвитых противников, значит, деятельность немецких ученых-исследователей во второй мировой войне не может быть приведена к какому-то общему простому знаменателю, а должна рассматриваться как разносторонний и всеобъемлющий комплекс научных связей. И действительно, в ту эпоху немецкая наука находилась не в каком-то определенном устойчивом состоянии, а в постоянном и до некоторой степени даже драматическом, противоречивом развитии. Поскольку от тех лет не осталось ни документов, ни самих ученых, разбросанных теперь по всему свету, составить полную картину их деятельности не представляется возможным.

Поэтому сейчас можно говорить только о некоторых наиболее характерных чертах немецкой науки того времени. Немецкий ученый той эпохи жил замкнуто, интересуясь только своей наукой и не ввязываясь ни в какую политику, не думая ни о государстве, ни об общественности. «Аполитичный немецкий профессор» стал той символической фигурой, которая часто появлялась на страницах немецкой и зарубежной печати в самом карикатур ном виде. В связи с этим напрашивается встречный вопрос: что могло заинтересовать немецкого ученого в политической жизни того времени? Германия не имела вековых национальных традиций, как например Франция. Германия никогда не шла по пути империалистического развития, как Англия. Она была неоднородным конгломератом мелких государств, не объединенных ни внешней, ни внутренней политикой. Когда в период между двумя мировыми войнами к власти пришел национал-социализм, «аполитичный немецкий интеллигент» предпочел укрыться в своей норе, чем выступить с каким-либо протестом. Новому режиму, однако, было не по себе, что такая большая и нужная ему профессиональная категория оставалась нейтральной по отношению к новому государству. Поэтому развернулась пропаганда, направленная против «интеллигентов» и «высокомерных академиков».

Национал-социалистская партия в то время стремилась перетянуть рабочего на свою сторону. Она старалась освободить его от марксистских традиций и сделать его националистом. Но это было нелегко, потому что классовое самосознание уже прочно укоренилось в среде рабочих. Тогда партия прибегла к более простому средству. Сословие «академиков» и «интеллигентов» стали поносить на всех перекрестках. Многочисленные партийные ораторы вплоть до самого начала войны не пропускали ни одного случая, чтобы не ругнуть ученых. Так, например, государственный деятель Роберт Лей, выступая на большом собрании рабочих военной промышленности, иллюстрировал свою мысль таким «ярким примером». «Для меня, — говорил он, — любой дворник гораздо выше всякого академика. Дворник одним взмахом метлы сметает в канаву сотни тысяч бактерий, а какой-нибудь ученый гордится тем, что за всю свою жизнь он открыл одну-единственную бактерию!».

Если мы сравним отношение к ученому и его работе у нас и в других странах, то получится следующая картина. В то время как другие государства придают развитию науки и техники огромное значение и связывают с ним судьбу и существование своих наций, Германия в этом отношении делала и делает слишком мало. Последствия этого мы ощущаем вплоть до сегодняшнего дня. Руководители нашего государства смотрели на науку как на нечто их не касающееся. Это видно хотя бы из того, что самый незначительный из всех германских министров — Руст — был министром науки. Характерно, что этот «министр науки» за всю войну, которая больше, чем все другие, была войной техники. ни разу не был на докладе у главы-государства. Да и сам Гитлер разговаривал с ведущими деятелями науки в последний раз в 1934 году. когда у него на приеме был Макс Планк, просивший разрешить своим коллегам евреям продолжать начатые ими крупные научно-исследовательские работы.

После 1933 года в результате «проверки мировоззрения» из высших учебных заведений Германии было уволено 1268 доцентов.

Сложившаяся ситуация наглядно показывает, что в «государстве фюрера», которое насильно подчиняло себе даже самые приватные области жизни, не было создано настоящей всеобъемлющей, планирующей в государственном масштабе научной организации, которая возглавила бы всю исследовательскую работу. На деле имелось лишь множество

частных учреждений, работавших каждое ъ своей области и, в сущности, независимых друг от друга. Координации в их работе не было почти никакой. Если такое положение еще можно допустить в мирное время, то в современной войне оно должно привести к самым роковым последствиям.

Отсутствие единства в науке

В Германии существовал большой научный сектор в системе высших учебных заведений, к которому принадлежали университеты и высшие технические учебные заведения. Сюда же входили и 30 научно-исследовательских институтов Общества кайзера Вильгельма. Эти учреждения организационно подчинялись министерству науки, воспитания и просвещения. В этой сети, охватывавшей тысячи ученых, имелся свой научно-исследовательский совет, который состоял из представителей различных областей науки (физики, химии, горного и литейного дела. медицины и т. д.). Каждый член совета являлся руководителем определенной группы ученых одного профиля и должен был направлять планирование и научно-исследовательскую деятельность этой группы.

Наряду с такой учебной научно-исследовательской организацией существовала совершенно независимая промышленная научно-исследовательская организация, или, как ее иначе называли, сектор, огромное значение которого стало ясно вообще только после того, как победители в 1945 году присвоили себе результаты его научно-исследовательской работы. Сюда относились лаборатории крупных промышленных предприятий, например концернов Фарбениндустри, Цейсса, Сименса, Всеобщей компании электричества, Осрама, Телефункена и др., которые, располагая крупными собственными средствами, высококвалифицированными специалистами и аппаратурой, отвечающей современным техническим требованиям, могли работать с большей производительностью, чем институтские лаборатории, не имевшие зачастую самых необходимых средств, чтобы осуществлять свои изыскания. Научно-исследовательская организация промышленности была независимой, не нуждалась в помощи какого-либо министерства, государственного научно-исследовательского совета или других ведомств, занимающихся вопросами контингентов. Эта организация работала для себя, и при этом — за закрытыми дверями. Следствием этого было то, что ученый-исследователь какого-либо высшего учебного заведения не только ничего не знал, но даже и не подозревал о тех исследованиях, открытиях и усовершенствованиях, которые производились в промышленных лабораториях. Так получалось потому, что любому концерну было выгодно из соображений конкуренции хранить изобретения и

открытия своих ученых в тайне. В результате знания текли не в общий большой котел и могли принести для общего дела лишь частичный успех.

Третьей крупной научной организацией был научно-исследовательский аппарат вооруженных сил. Но и этот аппарат был не единым, а опять-таки расколотым на части, разбросанные по отдельным видам вооруженных сил. Люди, понимавшие революционную роль науки и техники в современной войне и требовавшие единого руководства научно-исследовательской работой и работой по усовершенствованию, настаивали на том, чтобы общее руководство осуществлял генеральный штаб, но перевеса они не получили. При реорганизации вооруженных сил оказалось, что каждый вид вооруженных сил — армия, авиация и морской флот (а позднее даже и отряды SS) — создал свое собственное управление вооружений. Так возникло управление вооружений сухопутной армии со своими собственными исследовательскими учреждениями и опытными полигонами; так появился при главном командовании ВМФ самостоятельный отдел исследований, усовершенствований и патентов; так было создано техническое управление при главном командовании ВВС с хорошо оснащенными научно-исследовательскими и испытательными станциями в Геттингене, Адлерсгофе,[99] Брауншвейге, Оберпфафенгофене (близ Мюнхена), Айнринге и других городах.

Известный приказ Гитлера о неразглашении тайн и секретов, изданный в начале войны и разрешавший отдельному человеку знать только то, что касалось его непосредственно, а также, выражаясь осторожно, «благородная» борьба за первенство между видами вооруженных сил способствовали тому, что отдельные области исследования все больше и больше изолировались друг от друга, ухудшая этим общее положение дел в науке. Ученым в лабораториях высших учебных заведений было почти невозможно получить информацию даже о самой незначительной части научных и экспериментальных работ, проводившихся в аппарате вооруженных сил. Отдельному исследователю высшего учебного заведения была вверена лишь маленькая частица всей мозаики, отнюдь не дававшая ему представления об общей картине развития. От этих исследователей можно было часто слышать такую фразу: «Мы блуждаем в потемках, мы знаем слишком мало из того, что нам нужно знать. Мы не имеем представления о том, где у нас недостатки».

Но это еще не все. Наряду с исследовательскими секторами высших учебных заведений, промышленности и вооруженных сил имелся еще целый ряд частных, самостоятельных исследовательских учреждений. Из их числа упоминания заслуживают только исключительно хорошо оснащенные институты имперской почты, которые занимались не только усовершенствованиями в области техники связи на Дальних расстояниях, но и уделяли много внимания вопросам ядерной физики, проблемам инфракрасных лучей, электронной микроскопии и множеству других важных в военном отношении областей науки.

Читая эти строки, всякий задает себе вопрос: имелась ли хотя бы одна такая инстанция, которая обобщала результаты исследований всех научных секторов, руководила ими и направляла полученные данные в распоряжение тех учреждений, где они приносили наибольшую пользу как для военных, так и для гражданских целей? Нет. Такой инстанции не было. Всем научно-исследовательским работам в Германии недоставало связующего центрального органа, который суммировал бы опыт ученых и на его основе руководил бы их исканиями. Немецкая наука и техника были лишены головы, вместо нее имелись лишь отдельные связующие нервные волокна и примитивные координационные органы.

Государственный научно-исследовательский совет не имел никаких полномочий и полных сведений о том, что происходило вне сферы его влияния. И все же по собственной инициативе своих работников и по поручению различных управлений вооружений он подготовил и провел более 10 тыс. исследовательских работ, получивших у военных заслуженное признание.

Другим руководящим органом было Управление развития экономики, созданное согласно четырехлетнему плану Геринга и обслуживавшее 25 институтов, предусмотренных этим планом. Ассигнованные ему для этих целей крупные денежные средства ревностно использовались «только для целевого исследования», и бедствующие научно-исследовательские институты высших учебных заведений, выполнявшие до сих пор основную научную работу, не получили от них ни гроша. Поэтому в кругах научных сотрудников высших учебных заведений Управление развития экономики в насмешку называли «управлением развития концернов».

Во время войны приобрела чрезвычайно большой вес еще одна руководящая инстанция — министерство Шпеера. Поскольку в этот период значительно сократились возможности получения институтами сырья, кадров и лабораторного оборудования, поскольку необходимое и выполнимое уже нигде не могли встретиться и так как промышленность страны едва справлялась с заказами различных управлений вооружений, то это министерство стремилось в свою очередь получить полномочия на решение вопросов о том, какие исследовательские работы следует прекратить как ненужные, какие — продолжать дальше как имеющие «важное военное значение» и каким должно быть отдано предпочтение как имеющим «решающее значение для войны». Но науке никогда не приносит пользу такое положение, когда ее интересы решает инстанция, нацелившаяся только на усовершенствование и изготовление того, что наиболее отвечает интересам дня. Такая организация не в состоянии понять, какие возможности скрываются в планах и задачах исследовательских учреждений. Только потому, что наука оказалась лишенной руководства, учеными стали командовать чуждые науке инстанции.

Если, несмотря на это общее положение, в результате долгих научных исследований были все же созданы новые виды вооружения, новые искусственные материалы, открыты новые научные методы и новые профили науки, то за это следует благодарить, конечно, не жалкую организацию «руководителей», а только отдельных людей, которые во всех областях науки работали с пол ной отдачей своих сил и способностей. Сведений о том, над чем работали, что исследовали и совершенствовали ученые Германии, до сегодняшнего дня пока еще нет. Исчерпывающие данные об этом получили, применяя свой собственный «метод», только победители. Но и до этого немецкая наука в своем не лишенном драматизма развитии прошла много различных стадий и фаз.

Наука в период «молниеносных войн»

В 1939 году политические руководители Германии, руководствуясь опытом войны с Польшей, надеялись главным образом на кратковременную войну. Они, и в частности Геринг, резко выступали за то. что война должна быть выиграна тем оружием, с которым она была начата. Новые усовершенствования, которые «созрели для фронта» лишь в последующие годы. считались не представляющими интереса. Ученые, работы которых находились лишь в самой начальной стадии и которым еще требовались годы, чтобы добиться результатов, полезных для войны, не представляли для правительства никакой практической ценности. Поэтому ученые были отнесены к той категории людских резервов, из которых черпались пополнения для фронта. Само собой разумеется, что при таких обстоятельствах «гуманитарные» ученые рассматривались с самого начала как quantite negligeable.[100] В результате, несмотря на возражения управлений вооружений и различных других инстанций, несколько тысяч высококвалифицированных ученых из университетов, высших технических учебных заведений и различных научно-исследовательских институтов, в том числе незаменимые специалисты по исследованиям в области высоких частот, ядерной физики, химии, моторостроения и т. д., были еще в начале войны призваны в армию и использовались на низших должностях и даже в качестве рядовых солдат. Если Геббельс добился того. что артисты, музыканты, писатели, певцы, спортсмены и др. были избавлены от службы в армии, поскольку они были ему нужны для организации развлечений на родине и на фронте, то министр Руст ничего не смог сделать для своих исследователей. И когда ученые, и в особенности представители молодого поколения ученых и исследователей, покидали свои лаборатории и институты, чтобы отправиться на фронт скромными бойцами, это вызывало у всех даже гордость. Англичане (а не немцы) подсчитали, что ежегодно у всякого талантливого народа на один миллион населения появляется один исследователь. Как видите — урожай не особенно густой. И тот факт, что в век, когда один ученый-исследователь может иметь для ведения войны такое же важное значение, как и целые армии, этот дорогостоящий и порой незаменимый человеческий материал разбазаривался с такой легкостью, не мог пройти для нас бесследно.

После войны с Францией Гитлер отдал приказ прекратить все научно-исследовательские работы, которые не могут быть доведены до конца в течение одного года. Этот приказ оказался почти смертельным не только для авиации (в 1939 году уже имелся проект конструкции реактивного истребителя), от него пострадали и научно-исследовательские работы в области высоких частот, то есть как раз в той самой области, в которой противник в скором времени приобрел роковой перевес.

Сигнал бедствия в науке

Прошло некоторое время, и на немецкую армию посыпались отрезвляющие удары. Проиграна воздушная битва над Англией. Война в России в корне изменила свой первоначальный характер. В подводной войне превосходящая по качеству и количеству авиационная техника противника вызвала глубокий кризис. Не оставалось никакого сомнения, что без новых самолетов война будет проиграна, что оружие, оснащение и транспортные средства, используемые в России, должны отвечать убийственным условиям климата и местности, что техника высоких частот стала теперь важнейшим звеном всей военной техники.

Тогда руль был повернут в обратную сторону. Геббельсу пришлось издать директиву о том, чтобы впредь в прессе, по радио, в кино, в театре и в литературе больше не было выступлений против ученых и исследователей, против учителей и духовенства а, напротив, подчеркивалось бы большое значение их деятельности. Несмотря на то, что к науке Геббельс отнюдь не имел никакого отношения, он пригласил в Гейдельберг профессоров и директоров высших учебных заведений, чтобы объявить им о том, что государство высоко ценит труд ученых.

Энергичнее всех в этом деле оказался Дениц. Он самовластно отбросил запутанную систему научного руководства, лично созвал конференцию ведущих специалистов, сообщил им со всей откровенностью о техническом кризисе подводной войны, назначил одного из ученых начальником научно-исследовательского штаба ВМФ и исключил все промежуточные инстанции тем, что подчинил этого нового «начальника штаба» лично себе. То, что главнокомандующий непосредственно подчинил себе ученого-исследователя, было в области военной техники своего рода революцией.

Для всех ученых прозвучал сигнал тревоги. Одновременно с тем, как «генерал Унру» в качестве особого уполномоченного ездил по стране, «мобилизуя» на фронт последних оставшихся в тылу мужчин, в интересах науки и техники была проведена решительная контрмера: 10 тыс. ученых, техников, специалистов и инженеров были сняты с фронта и водворены на свои места для решения неотложных задач. Чтобы предотвратить вымирание целых научных дисциплин и сохранить незаменимые кадры, было

даже решено отозвать с фронта 100 ученых гуманитарных наук. Нужно было спасти то, что еще можно было спасти.

Но даже и эти меры не могли уже полностью восстановить прежнее состояние немецкой науки. Пользуясь своего рода «кулачным правом» и затирая тех, кто имел менее сильные кулаки, отдельные инстанции добились для себя полномочий, получили ученых, вспомогательный персонал, аппаратуру, химикаты, дефицитные материалы и денежные средства. Но наука и техника несовместимы с импровизацией. Государство, которое хочет получить настоящие плоды науки и техники, должно действовать не только с большой прозорливостью и искусством, но и уметь терпеливо ждать этих плодов.

Ясно, что из всего того, что замышлялось, познавалось, совершенствовалось и испытывалось в лабораториях высших учебных заведений, в научно-исследовательских учреждениях вооруженных сил и в лабораториях промышленных предприятий, только часть могла поступить в производство и использоваться на фронте, ибо, когда война была уже в разгаре, плоды умственной деятельности немецких ученых еще только зрели, скрываясь в стенах их лабораторий.

Предметы исследований и достижения германской науки

Работа, проделанная немецкими учеными в области создания новых методов исследования, в области открытия нового и совершенствования технологии старого при сегодняшнем положении Германии не поддается никакому обобщению. Во время войны исследовательская работа, связанная с вооружением, проводилась исключительно как «секретная», а некоторые исследования были даже снабжены грифом «государственный секрет». Обычного для мирного времени опубликования результатов исследований в специальных научных журналах не проводилось. Исследователь, работавший над каким-либо особым заданием, не имел права говорить о нем даже со своими коллегами.

Книгу о достижениях германской науки можно было бы сегодня написать значительно легче не в самой Германии, а за ее пределами, потому что основные оригинальные документы находятся там. В одном американском отчете говорится: «Управление технической службы в Вашингтоне заявляет, что в его сейфах хранятся тысячи тонн документов. Согласно мнению экспертов, свыше 1 млн. отдельных изобретений, фактически касающихся всех наук, всех промышленных и военных секретов нацистской Германии, нуждаются в обработке и анализе. Один чиновник в Вашингтоне назвал это собрание документов «единственным в своем роде источником научной мысли, первым полным выражением изобретательского ума целого народа».

Как могло так получиться? Почему противники Германии раньше нее поняли значение исследовательской работы в нынешний век техники не только для ведения войны, но и для мирной экономики и культурного развития во всех областях жизни?

Дело заключается в том, что они смотрели на захват ценных немецких изобретений, как на военную задачу. Еще во время вторжения на Западе отряды «коммандос» сразу же начали свою охоту за научно-исследовательскими материалами и за самими исследователями. Подготовленная союзниками операция «Пейпер-Клипс» осуществлялась в основном американцами.[101]

Однако английские, французские и советские войска принимали не меньшее участие в этом единственном в истории войн «трофейном походе».

Распространявшееся в конце войны иностранной пропагандой под влиянием общего военного психоза утверждение о том. что германская наука добилась лишь незначительных результатов и что в стране, где нет свободы, наука вообще не способна на многое, было вскоре опровергнуто многочисленными выступлениями самих иностранных ученых. В отчете Общества немецких ученых, озаглавленном «Исследование означает труд и хлеб» (сентябрь 1950 года). излагается целый ряд таких утверждений. По недостатку места я приведу лишь некоторые из них.

Так, например, мистер Лестер Уокер пишет в журнале «Harpers Magazine» (октябрь 1946 года): «Материалы о секретных военных изобретениях, которых еще недавно было всего лишь десятки, теперь представляют собой скопление актов общим количеством до 750 тыс…» Для того чтобы новым немецким понятиям подыскать соответствующие английские термины, потребовалось бы составить новый немецко-английский словарь специальных слов, куда вошло бы около 40 тыс. новых технических и научных терминов.

В американском официальном отчете приводится ряд отдельных изобретений и результатов исследований немецких ученых в области прикладной физики, в области исследования инфракрасных лучей, по изобретению новых смазочных средств, синтетической слюды, методов холодной прокатки стали и т. д., получивших всеобщее признание у американских ученых. Так, в отчете говорится: «Мы узнали из этих бесценных секретов способы изготовления самого лучшего в мире конденсатора. Конденсаторы миллионами применяются и в радиотехнике, и в производстве высокочастотной аппаратуры… но этот конденсатор выдерживает почти в два раза большее напряжение, чем наши американские конденсаторы. Это настоящее чудо для наших специалистов-радиотехников».

Относительно изобретений в текстильной промышленности в этом отчете говорится, что «в этом собрании секретов содержится так много нового, что большинству американских специалистов-текстильщиков стало не по себе…».

О трофеях из лабораторий концерна И. Г. Фарбениндустри говорится: «… однако самые ценные секреты были получены нами от лабораторий и заводов большого немецкого химического концерна И. Г. Фарбениндустри. Нигде и никогда не имелось такого ценного клада производственных секретов. Эти секреты относятся к производству жидкого и твердого топлива, к металлургической промышленности, к производству синтетического каучука, текстиля, химикалиев, искусственных тканей, медикаментов и красок. Один американский специалист в области производства красителей заявил, что немецкие патенты содержат способы и рецепты для получения 50 тыс. видов красящих веществ, и большинство из них — лучше наших. Нам самим, вероятно, никогда не удалось бы изготовить некоторые из них. Американская красочная промышленность шагнула вперед по меньшей мере на десять лет».

Можно привести и целый ряд других заявлений, содержащихся в различных отчетах: «Не менее внушительной была добыча специальных поисковых групп союзников и в области производства продуктов питания, в области медицины и военного искусства»… «совершенно необозримы «трофеи» в области последних достижений авиации и производства авиационных бомб». «Величайшее значение для будущего, — говорится в другом месте, — имеют германские секреты в области производства ракетных и реактивных, снарядов… как стало известно, немцы в конце войны имели в различных стадиях производства и разработки 138 типов управляемых на расстоянии снарядов… применялись все известные до сих пор системы управления на расстоянии и прицеливания: радио, короткие волны, проводная связь, направленные электромагнитные волны, звук, инфракрасные лучи, пучки света, магнитное управление и т. д. Немцы разработали все виды ракетного двигателя, позволявшего их ракетам и реактивным снарядам достигать сверхзвуковых скоростей».

После капитуляции Японии президент Трумэн приказал опубликовать конфискованные (364 тыс.) патенты и другие захваченные документы. 27 июля 1946 года 27 бывших союзных государств подписали в Лондоне соглашение, согласно которому все немецкие патенты, находящиеся вне пределов Германии и зарегистрированные до 1 августа 1946 года, были экспроприированы. Библиотека конгресса в Вашингтоне стала издавать библиографический еженедельник, в котором были указаны рассекреченные военные и научные документы, их

краткое содержание, количество и стоимость сделанных с них копий и т. д. Эти еженедельные бюллетени рассылались 125 библиотекам Соединенных Штатов, «чтобы сделать их более доступными для публики».

Американские дельцы сами признают огромное значение немецких открытий и изобретений для практического использования в промышленности и технике. «Общественность буквально пожирает опубликованные военные секреты», — говорится в одном из вышеупомянутых отчетов. «За один только месяц мы получили 20 тыс. запросов на технические публикации, а сейчас ежедневно заказывается около 1 тыс. экземпляров этих бюллетеней… уполномоченные фирм простаивают целые дни в коридорах Управления технической службы, чтобы первыми получить новую публикацию. Большая часть информации настолько ценна, что промышленники охотно дали бы многие тысячи за то. чтобы получить новые сведения одним днем раньше своих конкурентов. Но сотрудники Управления технической службы тщательно следят за тем. чтобы никто не получил отчет до его официального опубликования. Однажды руководитель одного исследовательского учреждения просидел около 3 час. в одном из бюро Управления технической службы, делая записи и зарисовки с некоторых готовящихся к публикации документов. Уходя, он сказал: «Премного благодарен, мои заметки дадут моей фирме по меньшей мере полмиллиона долларов прибыли».

Далее американский отчет говорит о представителях Советского Союза. Это место выдержано еще в наивных выражениях 1946 года, но сейчас, в обстановке 1953 года, оно заставляет читателя отнестись к нему внимательней. С наивной гордостью американцы сообщают: «Одним из ненасытнейших наших клиентов является Внешторг (Министерство внешней торговли Советского Союза). Какой-то их руководитель пришел однажды в бюро издательства с библиографией в руках и сказал: «Я хочу иметь копии со всего, что у вас есть». Русские прислали нам в мае заказ на 2 тыс. публикаций на общую сумму 5594 доллара 40 центов. Вообще они покупали любое выходившее издание».

Русские позаботились о том, чтобы заполучить себе плоды труда немецких деятелей науки и техники также и другим путем. Так, в конце войны они вывезли из Германии несколько сотен первоклассных специалистов, в том числе: профессора доктора Петера Тиссена — директора института физической химии и

электрохимии (Институт кайзера Вильгельма), являвшегося одновременно и руководителем сектора химии в государственном научно-исследовательском совете; барона Манфреда фон Арденне — крупнейшего немецкого ученого в области техники высоких частот, телевидения, электронной микроскопии н разделения изотопов; профессора Макса Фолльмера — ординарного профессора физической химии в высшем техническом училище (Берлин — Шарлоттенбург) и ведущего специалиста в области полупроводников и производства аккумуляторов, имевшего громадный авторитет в вопросах военной техники; профессора Густава Герца — занимавшего до 1938 года пост директора института Генриха Герца по исследованию колебательных явлений (Берлин), а впоследствии — руководителя исследовательской лаборатории № 2 «Сименс-Верке», знавшего все многочисленные секреты этого концерна; доктора Николауса Риля — директора научного отдела компании «Ауэр», известного специалиста по производству люминесцентных красок, имеющих большое значение для военной и гражданской промышленности.

Русским удалось вывезти к себе и доктора Л. Бевилогуа — ученика знаменитого на весь мир профессора Дебие, эмигрировавшего из Германии на Запад и награжденного Нобелевской премией. Дебие был директором института холода в Далеме.

Это всего лишь несколько имен. Но какую огромную пользу могут они принести Советскому Союзу! Профессор доктор Тиссен, например, занимал в научно-исследовательском мире Германии первостепенное положение. Тиссен был учеником виднейшего немецкого специалиста по коллоидной химии профессора Жигмонди из Геттингена.[102] Институт. возглавлявшийся Тиссеном. был крупнейшим из тридцати институтов Общества кайзера Вильгельма и имел штат, насчитывавший около 100 сотрудников. Он имел самое лучшее оборудование, а его денежные средства равнялись сумме бюджетов по крайней мере десятка других, конечно, тоже не менее важных институтов Общества кайзера Вильгельма. Из имевшихся тогда в Германии 25 электронных микроскопов три находились в институте Тиссена. Тиссен был также руководителем сектора химии в государственном научно-исследовательском совете. Это означало, что ему были известны все планы исследовательской работы в области химии, ход их выполнения и результаты. Тиссен был человеком, который мог обрабатывать эти результаты не только в административном порядке, но и лично просматривать их, давая

им критическую оценку. Люди, тесно сотрудничавшие с Тиссеном, говорят, что у него феноменальная память. Наконец, Тиссен был одной из главных фигур так называемого «химического штаба», который состоял из трех членов: председателя наблюдательного совета концерна И. Г. Фарбениндустри профессора Крауха, руководителя германского общества химиков государственного советника Шибера и самого Тиссена. Таким образом, Тиссен был осведомлен о состоянии дел во всей германской химии. Задачей химического штаба было обобщать результаты опытов, проведенных в лабораториях, и затем передавать накопленный опыт для дальнейшего использования его в производстве. Отсюда следует, что Тиссен знал не только направление исследовательских работ в области химии, но и был посвящен в тайны химической промышленности Германии, в ее методы, планирование и находился в контакте с самыми крупными химическими промышленниками. Он знал важнейшие секреты, которые используются теперь Советским Союзом.

Что касается немецких ученых, находящихся сейчас в Америке, то Пентагон в декабре 1947 года сообщил, что туда вывезено 523 немецких ученых и что эта цифра вскоре увеличится до 1 тыс. человек. Более точных сведений пока не имеется.

Наиболее сдержанными в своих сообщениях о взятых в плен ученых и специалистах были до сих пор англичане. Но профессора, возвратившиеся из лагерей предварительного заключения, сообщают, что там находится много «известностей и даже знаменитостей из всех областей науки». В общей сложности странами-победительницами вывезено более 2 тыс. немецких ученых и специалистов.

Вывоз из Германии немецких ученых является для нашего народа наиболее тяжелым последствием минувшей войны. Исследователей можно сравнить с мозгом нации. В конце войны наша нация подверглась тяжелой операции: этот мозг был вырезан у нее вместе со всем, чего достигла нация, то есть вместе со всеми результатами исследований, патентами и т. д. Все это досталось победителям и влилось в их научный и хозяйственный организм. Это, конечно, более современная форма экономического воздействия на побежденного, чем военные контрибуции и денежные репарации старого времени. Такая мера ведет к резкому сокращению духовного потенциала побежденного народа. Она представляет собой искусственное оплодотворение

науки, техники и хозяйства победителя. Американский журнал «Лайф» в номере от 2 сентября 1946 года вполне трезво подтверждает это, заявляя, что истинная цель репараций заключалась не в демонтаже промышленных предприятий Германии, а «в иссечении мозга немецкой нации», в захвате всего того, что было накоплено ею в области науки и техники.

Судьба исследователей в конце войны

Немецкая наука, получившая сильное развитие в первой половине нашего столетия, была в конце последней войны сведена почти на нет следующими тремя обстоятельствами: во-первых, потерей всех результатов научно-исследовательской работы, включая патенты, и распылением их по всему миру; во-вторых, перемещением ведущих немецких специалистов в страны бывших противников; в-третьих, дискриминацией оставшихся в Германии исследователей.

В результате политической чистки, проведенной еще при Гитлере, 1628 доцентов были изгнаны с кафедр и из исследовательских институтов. По данным, опубликованным в начале 1950 года в еженедельнике «Крист унд Вельт», это составляло 9,5 % всего преподавательского состава высших учебных заведений Германии. Это значит, что каждый десятый ученый был исключен из научной жизни страны. Жертвами следующей политической чистки, в 1945 году, пали еще 4289 доцентов, что составило уже 32,1 % всех ученых. Таким образом, в 1945 году каждый третий немецкий преподаватель высших учебных заведений потерял и свою кафедру, и возможность продолжать научно-исследовательскую работу.

О том, что думали американцы о «политической опасности» этих ученых, становится ясно из ряда официальных заявлений. Так. например, руководитель операции «Пейпер-Клипс» дал следующую директиву отрядам «коммандос», занимавшимся «ловлей» немецких ученых. «Если вам попадутся просто антифашисты, не представляющие ценности для науки, — не брать. Если же они могут иметь «для нас определенный научный интерес, то их политическое прошлое не играет никакой роли». И когда один американский сенатор выразил свои сомнения по поводу такого «импорта» немецких ученых, основывая их на том, что большинство из них являлось членами нацистской партии, представитель американского военного министерства ответил на это так: «Ученые обычно интересуются только своими исследованиями и лишь изредка — политикой».

Ущерб, понесенный немецкой наукой, отнюдь не ограничивается теми учеными, которые остались без места во время политических чисток периода власти Гитлера. Уже после

войны из университетов восточной зоны Германии в западную зону перекочевало еще 1028 доцентов в качестве безработных беженцев. Это составило 7,7 % всего преподавательского состава немецких высших учебных заведений. Если сложить все это вместе, то получится. что с 1933 по 1946 год. по данным Общества основателей немецкой науки, потеряли свою работу «по политическим причинам» 49,3 % всех преподавателей высших учебных заведений. Это составляет приблизительно половину общего количества немецких ученых. Ни одно другое профессиональное сословие Германии не было так обескровлено. Как такая ампутация отразится на немецкой интеллигенции, может показать только будущее.

Взгляд на будущее

Было бы неправильно сказать, что судьба, постигшая германскую науку во второй мировой войне, сегодня уже не беспокоит руководящие круги нашего государства. В самых различных слоях населения, вплоть до членов парламента при обсуждении ими государственных бюджетов, можно слышать один и тот же аргумент: «Такой обедневший народ, как немецкий, не может снова поднять свою науку на высокий уровень. Он должен сначала выйти из своего бедственного положения».

На это у нас, немцев, имеется только один ответ. Как раз потому, что германской науке причинен такой огромный ущерб, нас больше, чем всех других, касается та простая истина, что естественные науки сегодня создают предпосылки для техники завтрашнего дня, и сегодняшний рабочий не будет в состоянии прокормить своих сыновей, если дальнейшее развитие науки не создаст предпосылки для их самостоятельной работы завтра. Если наше поколение не исправит теперь чудовищные последствия войны, разорившей нашу науку, это принесет большой вред экономике и социальной структуре будущих поколений. Мы, немцы, должны сделать для нашей науки значительно больше других.

Однако цифры убедительно говорят о том, что делается еще не все. Так, например, Америка отпускает на финансирование своих научно-исследовательских институтов такие суммы, которые при расчете на душу населения составляют 71 немецкую марку; Англия — 25,2 марки, а Федеральная Республика — только 7,75 марки.

В связи с этим возникает другой вопрос. Было бы пустой иллюзией верить в то, что любой «ущерб» в науке может быть возмещен деньгами. Науку нельзя купить на деньги, как нельзя ее и заимствовать или «организовать». Деньги могут быть лишь вспомогательным средством, правда необходимым, но не решающим. Никакие деньги не помогут там, где нет таланта к научно-исследовательской работе. А подлинный талант к науке и к исследованию встречается в любом народе крайне редко: это — дар природы. Но то, как обращались с этим природным даром на протяжении нескольких последних лет и как буквально разбазаривали его в зависимости от того, насколько люди,

наделенные этим даром, отвечали тем или иным политическим требованиям времени, является отнюдь не актом мудрости, а актом исключительной политической близорукости и слепоты. Великий процесс излечения, который стал необходимым для нашей науки, снова начинает вызывать к себе глубокое благоговение и признание народа. Только тогда, когда будут созданы внешние предпосылки, то есть достаточное финансовое обеспечение, и внутренние предпосылки, то есть полное уважение к ученым и благоговение перед этим профессиональным сословием, мы сможем надеяться, что наше молодое поколение выделит из своей среды людей, одаренность и таланты которых позволят им обратиться к трудной профессии ученого. Ведь неудачи прошлого действуют отпугивающе весьма непродолжительное время.

* * *

Настоящая статья составлена по материалам бесед с многочисленными учеными и экспертами самых различных областей науки.

Ганс Керль

Военная экономика и военная промышленность

В начале первой мировой войны термин «военная экономика» почти не имел никакого содержания и значения. Моторизация армии переживала свое зародышевое состояние. Танки и самолеты стали настоящим оружием лишь несколько лет спустя, в ходе самой войны. Метод окопной войны, однако, привел к таким битвам, которые поглощали огромное количество техники. Расширение театров военных действий вызывало необходимость создания миллионных армий, считавшихся прежде невероятными. Огромные потери живой силы из года в год увеличивали потребности армий в людских резервах. Тотальная блокада, почти полностью лишившая германскую экономику возможности ввозить сырье, крайне ограничила новые капиталовложения в производство и расход сырья на нужды гражданского сектора.

Так, необыкновенно возросшая потребность в людских резервах и в технике вместе с экономической блокадой положили начало новым тотальным войнам. С самого начала первой мировой войны Вальтер Ратенау решительно указывал на огромное значение экономического фактора для ведения войны. Когда ему наконец удалось убедить в этом политических руководителей Германии, было уже слишком поздно. Колоссальные достижения немецкой промышленности и попытка приспособить военное производство к требованиям, предъявленным изменившимся характером войны, вместе с новыми принципами руководства экономикой страны, осуществлявшимися Ратенау с большим рвением и знанием дела, уже не могли отвратить удар судьбы. Материально техническое превосходство противника окончательно решило исход войны в его пользу.

Поэтому с конца первой мировой войны в Германии ни у кого не было сомнения в том, что обязательной предпосылкой для успешного ведения войны является мощная военная экономика. Война в наш век охватывает весь народ и всю экономику страны. Она стала тотальной. Первая мировая война наметила черты будущей тотальной войны: моторизация, воздушная война, битвы с участием огромного количества техники и максимальное

использование экономических и людских ресурсов всей страны.

Тотальная война революционизировала экономическую жизнь страны. Поэтому теперь военная экономика не может измеряться масштабами мирного времени. Она имеет свои собственные законы.

Военная экономика Германии в период второй мировой войны характеризовалась следующими моментами:

1. Привлечением миллионов рабочих в вооруженные силы (во второй мировой войне под ружьем находилось свыше 2/3 мужского населения в возрасте от 18 до 45 лет).

2. Мощным подъемом производства для удовлетворения нужд вооруженных сил и военной промышленности.

3. Необходимостью расширения промышленных мощностей и перевода гражданских предприятий на военное производство путем дополнительных капиталовложений.

4. Резкой активизацией деятельности транспорта (железные дороги, автотранспорт, флот, воздушный транспорт и т. д.) для снабжения вооруженных сил и переброски войск при расширении сухопутных театров военных действий.

5. Сильно возросшим спросом предприятий военной промышленности на сырье, в особенности на железо и другие металлы, резину, лес и т. д., а также на текстильные материалы и кожу для нужд вооруженных сил.

6. Необычайно возросшим спросом на взрывчатые вещества и всевозможное горючее для моторизованных войск, танков, самолетов, военных кораблей и т. д.

7. Сократившейся в результате блокады возможностью ввоза товаров и сырья. Затруднениями и срывами в работе транспорта. Сократившейся ввиду уменьшения доходов от экспорта платежеспособностью по различным статьям импорта.

8. Перебоями в промышленности и на транспорте, а также в производстве и распределении энергий, вызванными главным образом воздушными налетами противника.

Короче говоря, в военное время — в условиях сокращения количества рабочих рук и уменьшения подвоза сырья и готовой продукции, а также в условиях постоянно ухудшающегося быта трудящихся — военная экономика должна непрерывно расти за счет новых и новых капиталовложений.

Так как уже в мирное время вся экономика Германии полностью или почти полностью использовала свои возможности и резервы (рабочую силу, транспорт, источники энергии), автоматически возникла необходимость расширения производственных мощностей, с одной стороны, и сильных ограничений гражданского сектора — с другой. В условиях большой зависимости германской экономики в 1939 году от ввоза сырья следовало ожидать, что не все запросы сухопутных войск, авиации и флота будут своевременно и полностью удовлетворены. Наряду с общим недостатком экономических ресурсов военная экономика Германии еще до начала войны переживала отдельные трудности, которые в ходе войны были дополнены новыми экономическими затруднениями. Всякие же недостатки и трудности в военной экономике, которые не могут быть быстро и легко устранены, требуют от политических руководителей страны определенной гибкости в руководстве.

Для того чтобы решить сложнейшие задачи, поставленные тотальной войной, необходимо, чтобы руководство экономикой осуществлялось планово и было всесторонним и дальновидным. Его целью является удовлетворение военных нужд, которым следует отдавать предпочтение перед потребностями гражданского населения. Поэтому спрос, предъявляемый гражданским сектором в военное время, должен быть значительно сокращен за счет снижения норм потребления для гражданского населения, то есть за счет снижения жизненного уровня народа, а также благодаря изъятию значительной части предметов потребления, имеющихся в домашнем хозяйстве, торговле и промышленности, или, наконец, за счет прекращения и отсрочки общественных работ по строительству зданий, задержки дополнительных капиталовложений, приостановки ремонтных работ и т. п.

Если какая-либо промышленность не может удовлетворить полностью спрос на свою продукцию, то потребности гражданского сектора в этой продукции приравниваются к потребностям военного характера, ибо в данном случае такая продукция служит уже поддержанию работоспособности

человека, а следовательно, и делу продолжения самой войны. Поскольку, например, азот применяется одинаково и для производства взрывчатых веществ и для удобрений, то предоставлять промышленности, производящей взрывчатые вещества, неограниченное право использования азота нельзя, так как иначе азота не хватит для производства удобрений, а от этого сократится количество производимых сельскохозяйственных продуктов и, таким образом, будет поставлено под угрозу продовольственное снабжение самих вооруженных сил.

Господствующее в военных кругах мнение о том, что удовлетворить спрос вооруженных сил можно за счет снижения норм гражданского потребления, совершенно не соответствует действительности. Оно неправильно уже потому, что спрос военного характера концентрируется на определенном сырье (горючем, взрывчатых веществах, железе, металлах, резине и т. д.), на некоторых отраслях промышленности (самолетостроении, танкостроении, строительстве подводных лодок, производстве оружия), на которые никак не распространяется спрос гражданского сектора. А для того, чтобы обеспечить ввоз самых необходимых материалов для военной промышленности, нельзя забывать и о том, что определенный процент невоенной продукции должен быть оставлен для экспорта.

Для разрешения всех поставленных перед военной экономикой задач необходимо следующее:

а) подробный статистический учет всех производственных факторов, то есть создание полной картины всего экономического потенциала страны;

б) уточнение и регламентирование спроса, а также проверка количества и качества предметов потребления;

в) определение точных сроков для заканчивающихся, продолжающихся или вновь начинающихся промышленных и военных строительных работ;

г) постоянный контроль за тем. в какой степени производство обеспечивает все имеющиеся потребности.

Если военная экономика не в состоянии покрыть весь ранее установленный спрос, тогда должны быть определены новые

границы спроса, а при известных обстоятельствах должны быть сделаны и выводы об объеме и уровне оснащения того или другого вида вооруженных сил, что в свою очередь не может не оказать определенного влияния на стратегическое руководство в войне.

К решению всех вопросов об экономических возможностях страны следует подходить с точки зрения динамики событий. При этом нужно исходить не только из признания необходимости полного использования экономической мощи страны — нужно постараться исчерпать все имеющиеся возможности, чтобы увеличить эту мощь, обращая главное внимание на ликвидацию прорывов на отдельных важных участках производства, потому что такой прорыв значительно уменьшает весь объем выпускаемой продукции. Не было бы никакого смысла увеличивать производство боеприпасов, не обращая внимания на то, могут ли все находящиеся в производстве гранаты быть наполнены взрывчатым веществом. Нет смысла и строить самолеты без учета имеющегося в распоряжении авиационного горючего и т. д.

В последней мировой войне фактором, наиболее точно определяющим уровень военного производства, было главным образом сырье. В свою очередь в планировании использования сырьевых ресурсов «ведущим сырьем» было железо. Все остальные виды сырья, необходимые для какого-либо производства, планировались в зависимости от количества железа, выделенного для этого производства, иными словами, железо как дефицит определяло не только объем всей продукции, но и размеры капиталовложений. Поэтому распределение запасов железа стояло во время войны в центре всего хозяйственного планирования. Однако такое важное положение железа само по себе отнюдь не исключало широких мероприятий по регулированию снабжения почти во всех областях экономической жизни. Управление экономикой в войне является вопросом не мировоззрения, а целесообразности. Каждое цивилизованное государство обязано заниматься им для того, чтобы как можно эффективнее и разумнее использовать имеющиеся в его распоряжении ресурсы. Недостатки во время войны не могут быть оставлены без внимания. Нельзя надеяться на то, что развивающаяся экономика сама устранит их. Противник не ждет. Всякое руководство экономикой, и тем более тотальной экономикой во время войны, таит в себе опасность бюрократизма и застоя. Поэтому одна из главнейших задач руководителей

военной экономики — найти правильный синтез частной инициативы и государственного руководства. Совместная работа, общая направленность мыслей, единообразное приложение своих умений и знаний, равно как и идейное богатство экономистов являются такими предпосылками, которые в войне приобретают еще большее значение, чем в мирное время. Их нельзя заменить военными приказами. Знания специалистов в области экономики и промышленности должны использоваться не только в процессе производства, но и в процессе конструирования и при составлении производственных программ, так как современная война требует массового производства оружия, а всякое массовое производство требует простой конструкции, минимального числа усовершенствований и большой серийности. К сожалению. во второй мировой войне все эти истины были нами поняты и учтены слишком поздно. Решающим для успешного и целенаправленного развития военной экономики является полный учет того, что может дать вся военная экономика в целом. Ее руководители должны иметь полное представление о том, какие предпосылки определяют размеры промышленного производства. Они должны постоянно думать о том, какие из этих предпосылок можно изменить и в какой срок; они должны учитывать возможность экономического влияния на ход войны за счет увеличения производственных мощностей и снятия ограничений в использовании того или иного вида сырья и материалов. Разумеется, что перед каждой страной встают свои проблемы, связанные с военной экономикой, и, например, мощной экономике США присущи совершенно иные проблемы и задачи, нежели экономике Германии. Изоляция последней от мировых рынков сбыта, почти полное отсутствие экономических резервов и недостаток всех основных видов сырья не могут не оказать существенного влияния на выбор Германией стратегических целей и средств, с помощью которых эти цели могут быть достигнуты.

Получить максимальный эффект при затрате минимальных сил можно и должно в первую очередь в производстве вооружения. Тот, у кого имеются большие запасы сил и средств, может позволить себе производить такие виды оружия, о которых другой, не располагающий подобными средствами, не может и думать. Япония сделала для себя из этого соответствующие выводы. Например, строить линкоры мы не могли ни до войны, ни во время нее, потому что затраты материалов, рабочей силы и производственных мощностей не оправдывались теми результатами, которые можно было получить, применив это

оружие в войне. Не было смысла и увеличивать выпуск зенитных орудий, совершенно независимо от их эффективности, потому что мы просто не могли себе позволить растрачивать боеприпасы для такого оружия, которое на каждые две тысячи выстрелов производит одно попадание. Что же касается реактивного снаряда V-2, то колоссальные затраты на производство этого огромного и чрезвычайно сложного снаряда опять-таки не окупались эффективностью его действия. Ведь если взглянуть на это дело трезво, то такой снаряд является обыкновенной бомбой, несущей в себе всего-навсего 1 т взрывчатки, причем совершенно нельзя предугадать заранее, куда этот снаряд упадет. Пожалуй, единственным немецким оружием. отвечающим требованию максимальной эффективности при минимальной затрате сил и средств на его производство, было противотанковое ружье «фаустпатрон». Несмотря на то, что их появление относится к самому концу войны, даже в то время количество выпускаемых «фаустпатронов» доходило до одного миллиона штук в месяц. Это оружие можно назвать типичным оружием экономически бедных стран. Всякое крупное стратегическое планирование должно основываться на том, имеются ли для его осуществления необходимые экономические ресурсы (проблема перевозки войск на советской территории, обеспечение подвоза снабжения для африканского театра военных действий — наглядные примеры неправильного планирования).

Как чисто военное планирование, так и планирование военной экономики и военной промышленности обязательно предполагают наличие главного и второстепенных направлений. Если экономические ресурсы страны ограничены, то при подготовке любой крупной военной операции необходимо так рассчитать силы и средства и так ввести их в действие, чтобы получить максимальный эффект. Это опять-таки возможно только в том случае, если основное направление в военной экономике совпадает с решением верховного командования вооруженных сил. Но решения, конечно, следует готовить на основании данных, полученных в результате тщательного анализа обстановки, не оставляя места для интуиции. Путь, которым мы, к сожалению, шли во время второй мировой войны, по крайней мере в первые годы, когда мы вначале ставили военные цели, а затем каждый «потребитель», исходя из этих целей, выводил «свои» требования и заказы на различное оборудование и технику и тем вносил сущую неразбериху в военную экономику, — этот путь, безусловно, ведет к самым серьезным ошибкам, ибо в этом случае промышленность настолько загружается заказами, что

выполнить их не представляется возможным. Если все заказы в сумме являются невыполнимыми, то высший руководящий орган обязан решить, какими заказами можно или нужно пренебречь, чтобы удовлетворить более важные требования. Стратегические и тактические выводы для ведения войны и вообще всей политики, а если нужно, то и для заключения мира, делаются, как правило, на основании данных о состоянии вооруженных сил и экономики страны.

Состояние германской экономики в начале войны

Состояние германской экономики в начале войны может быть охарактеризовано следующим образом: к мировой войне Германия во всех отношениях была неподготовленной.

1. Снабжение сырьем, как важнейшая предпосылка всякого вооружения, было крайне ограниченным. Запасы сырья имелись лишь в некоторых районах и то в крайне недостаточных количествах. Ввоз сырья был сильно сокращен в результате блокады. «Заводы четырехлетнего плана», которые должны были значительно ослабить зависимость немецкой промышленности от импорта стратегического сырья, работали не на полную мощность. По плану они должны были расширить свое производство только в 1943 году. Спешные закупки, например, резины, а также черных металлов и легирующих металлов в июле и августе 1939 года не могли ликвидировать нехватку сырья. Германия не располагала ни одним видом сырья в достаточном количестве и не имела возможности добыть его в требуемых размерах. В самом начале войны один ответственный чиновник сказал автору данной статьи, что он имеет точные сведения о том, что война продлится «максимум семь месяцев, после чего запасы меди кончатся». Говоря так, этот чиновник, очевидно, не учел огромного количества меди, которое находилось в обращении в самой промышленности и, как потом оказалось, могло быть в значительной степени использовано для нужд войны. Положение с запасами меди характерно и для многих других видов сырья.

2. Размеры военного производства были самыми минимальными. В мае 1940 года, например, было произведено немногим больше 40 танков, в то время как в 1944 году, после двух лет бомбардировок, в результате которых многие заводы оказались разрушенными, ежемесячно выпускалось более 2 тыс. танков. В начале войны германская промышленность ежемесячно производила до 1 тыс. различных самолетов, включая гражданские, учебные и транспортные. Летом 1944 года одних лишь истребителей выпускалось ежемесячно 4 тыс. штук. Таких примеров можно привести очень много. Складов военного имущества имелось самое ограниченное количество. Поэтому за

первые 14 дней войны с Польшей немецкая бомбардировочная авиация истратила весь запас бомб. Немецкая артиллерия только потому не сумела израсходовать весь запас снарядов, что во время молниеносных кампаний в Польше и Франции артиллерия применялась значительно реже, чем это было предусмотрено военными планами. Доля военной продукции в валовой продукции германской промышленности составляла в 1940 году, то есть в первый год войны, менее 15 %, в 1941 году — 19, в 1942 году — 26, в 1943 году — 38 и в 1944 году — 50 %.

3. Положение с рабочей силой на всем протяжении войны было неудовлетворительным как в количественном, так и в качественном отношении. Предоставление брони производилось без учета квалифицированных кадров и специалистов. необходимых для научно-исследовательской и другой важной работы в тылу. Мобилизация женщин для работы в промышленности и на транспорте также отличалась большой непродуманностью.

4. Организация. В противоположность тому, насколько хорошо удалось решить организационно и технически проблему питания населения и армии, другие области хозяйства страны оказались в запущенном состоянии, руководство ими осуществлялось формально и совершенно не отвечало требованиям военного времени. Это объясняется отчасти всем ходом разработки и создания военно-экономических планов. Дело в том, что все планирование, в том числе и в области промышленности, находилось преимущественно в руках представителей вооруженных сил. Таким образом, первые хозяйственные планы составляли не хозяйственники, а солдаты. А когда война началась, то по соображениям секретности и ведомственного партикуляризма военные руководители не сочли нужным что-либо изменять в существующем порядке. Следствием этого явилось злополучное разделение промышленности на военные предприятия, подчинявшиеся вооруженным силам, и прочие заводы, которыми ведало министерство экономики. Правда, министр экономики Германии во время войны был возведен в ранг «генерального уполномоченного по экономике» и был посвящен в мобилизационные планы и приготовления. Но последние касались лишь формальной стороны дела и ничего не могли изменить в порочном разделении немецкой экономики на два лагеря. Последствия этого основного зла не были ликвидированы до самого конца войны. Наметив в 1936 году так называемый «четырехлетний план», руководители Германии

думали, что с его помощью им удастся добиться единого решения для всех экономических проблем. Однако осуществлялся этот план слишком неметодично и ограниченно, а затрачиваемые при этом усилия не объединялись и не направлялись общим руководством. Организация военной экономики страдала непоследовательностью и отсутствием единства. Заводское оборудование и методы управления хозяйством были унаследованы еще от довоенной системы. Возникшие еще перед войной экономические трудности и рост дефицита вызывали острую необходимость некоторых мероприятий по упорядочению управления экономикой. Постепенно число этих мероприятий выросло до внушительных размеров, однако привести их к общему знаменателю, то есть координировать их, никому не удалось. Руководители германской экономики не осознали необходимости «тотального» управления экономикой страны и потому, конечно, не могли придать ее развитию целостный характер, несмотря на то, что для организации такого центрального руководства у них еще до войны имелись достаточные организационные предпосылки.

С началом подъема экономики и осуществления «четырехлетнего плана», а также с началом производства вооружения важнейшие области экономики стали особенно нуждаться в дополнительных кредитах, в строгом контингентировании сырья и регулировании выпуска продукции. Все это осуществлялось системой так называемых «государственных управлений» (например, государственное управление по добыче железа, государственное управление по металлам, государственное управление по минеральным маслам и т. д.). Эти «управления» представляли собой центральные служебные инстанции. Являясь частью аппарата министерства экономики, они ведали всеми вопросами, связанными с каким-либо определенным сырьем или группой товаров. Они имели право распределять имеющееся сырье, регулировать его потребление, ограничивать капиталовложения в ту или иную отрасль промышленности или полностью изымать их, изменять по своему усмотрению производственные программы, создавать запасы готовой продукции и направлять товары по определенным каналам. Государственными управлениями руководили специальные имперские уполномоченные, назначавшиеся частично из самих промышленников, частично из чиновников. С годами эти уполномоченные довели руководство своими управлениями и, следовательно, соответствующими отраслями промышленности и хозяйства до совершенства.

В качестве мобилизационного органа была создана еще и районная ведомственная организация наподобие земельных, окружных и других управлений продовольственного снабжения. На них возлагалось, с одной стороны, распределение предметов широкого потребления и предметов обихода по указанию государственных управлений (то есть распределение карточек на предметы одежды, мыло, уголь и др.), а также выдача всевозможных удостоверений. С другой стороны, они должны были проводить государственные мероприятия по оказанию поддержки тем предприятиям, которые не были официально объявлены военными. Последние в свою очередь были подотчетны инспекциям вооруженных сил и военно-промышленных управлений, на которые со своей стороны опирались заготовительные инстанции всех трех видов вооруженных сил, а также военно-экономический штаб и штаб вооружений.

И все же полного разделения немецкой экономики на два лагеря не произошло и не могло произойти ввиду сильного переплетения интересов и внутренней связи всех промышленных предприятий между собой, что, однако, не могло не привести к бесконечному дублированию и путанице.

Нормирование предметов обихода и предметов массового потребления принесло вскоре весьма удовлетворительные результаты. Система нормирования вполне оправдала себя и тогда, когда начались воздушные налеты противника на немецкие города и когда основной задачей органов нормирования стало уже не снабжение населения карточками на промтовары, а обеспечение потерпевших от воздушных налетов предметами первой необходимости.

Регулирование выпуска готовой продукции и размеров капиталовложений все больше и больше страдало от наличия громадного количества служебных инстанций, занимавшихся этими вопросами. В данной статье слишком мало места, чтобы описать подробнее их деятельность. Однако во всей работе по управлению экономикой особое место занимали «чрезвычайные уполномоченные», направлявшиеся центральными органами власти на места для проведения «ударных» мероприятий. Постепенно центральным органам, в особенности органам управления земель и округов, удалось совместными усилиями уменьшить организационную путаницу и неразбериху на местах.

Благодаря проделанной колоссальной работе и желанию всех работать целеустремленно многие трудности, созданные вначале неправильной организацией руководства экономикой, были вскоре устранены. И все же полностью наладить четкое и эффективное руководство экономикой, несмотря на все принятые меры, не представлялось возможным. Это объясняется прежде всего тем, что в верхах не было ясного представления об общем росте и развитии экономики, не было общего учета экономического потенциала; отдельные мероприятия оставались несогласованными и, самое главное — не был выработан такой план развития экономики, который соответствовал бы нашим экономическим ресурсам. У нас не было кабинета министров.

Часто объем и рост капиталовложений и производства зависел больше от личной инициативы ответственных за это служебных инстанций и уполномоченных, чем от срочности и необходимости тех или иных заказов.

Промышленники, однако, обладали удивительной способностью ориентироваться в этом лабиринте служебных инстанций, которые зачастую буквально противоречили друг другу. Но нередко даже самые настойчивые из директоров промышленных предприятий не могли пробиться сквозь эту организационную трясину. Сотрудничество компетентных специалистов по экономике и производству вооружений было сначала недостаточным, и поэтому проблемы, связанные с серийным производством какого-либо вида продукции, часто оставались неразрешенными до конца. Всевозможные заказы военным заводам делались главным образом не с точки зрения рационального использования материалов и денежных средств, а большей частью исходя из практики недостаточно компетентных в вопросах экономики заготовительных инстанций, которые часто руководствовались ошибочными соображениями. После того как руководство германской экономикой было возложено на Шпеера, недостатки и пороки в аппарате управления, вызванные двойственностью подчинения и организационным хаосом, удалось частично устранить.

Отсутствие у руководителей Германии общей картины развития экономики привело в первые годы войны к неправильной оценке экономических возможностей и, следовательно, к решающим ошибкам в военном планировании.

После войны на Западе

Война на Западе резко изменила военно-экономическую обстановку в Германии. Во-первых, значительно улучшилось положение с сырьем. Норвегия, Голландия, Бельгия и главным образом Франция накопили в своих портах за первые семь месяцев войны огромные запасы стратегического сырья: металлов, горючего, резины, сырья для текстильной промышленности и т. д., которые теперь оказались в руках немцев в качестве военных трофеев. Промышленность этих стран также была хорошо снабжена сырьем и могла выполнять крупные немецкие заказы, не нуждаясь в новом сырье. База производства железа и стали была значительно расширена тем, что угольные шахты, рудники и сталелитейные заводы Голландии, Бельгии, Франции и Польши достались нам почти невредимыми. Германии, таким образом, была предоставлена исключительная возможность развить свою экономику за счет крупнейших промышленных предприятий захваченных стран. Положение с рабочей силой в сельском хозяйстве значительно улучшилось благодаря тому, что сюда было направлено около 1 млн. польских военнопленных, а нехватка рабочих рук в промышленности была компенсирована использованием на немецких заводах французских военнопленных. Количество военнопленных было так велико, что использовать их всех в Германии в то время оказалось невозможным и ненужным, поэтому сотни тысяч голландских и бельгийских военнопленных были отпущены к себе на родину. Позднее часть их с большим трудом была опять завербована для работы в Германии. В отдельных отраслях военной промышленности сильно увеличилась тяга к передаче заказов предприятиям оккупированных районов, как это было, например, с производством автомашин во Франции. Но в общем начиная с лета 1940 года Германия даже наполовину не исчерпала своих экономических возможностей. Решающего увеличения выпуска военной продукции, к сожалению, не наступило. Незначительный расход боеприпасов в войне на Западе привел к тому, что некоторые отрасли промышленности стали сокращать объем своей продукции. Расширению производства мешала также и неуверенность промышленников в необходимости выпускать новые типы танков, самолетов и орудий. Небольшие потери материальной части в только что закончившейся молниеносной войне привели к недооценке техники в современных кровопролитных и насыщенных техникой

сражениях. Надежда наших руководителей на быстрое завершение любой войны тормозила деятельность многочисленных служебных инстанций. Даже ответственные лица не обладали достаточной фантазией, чтобы представить себе масштабы будущей воздушной войны и принять соответствующие меры для организации активной обороны территории Германии с воздуха. Производство такого средства противовоздушной обороны, как истребители, оставалось поразительно низким, и количество выпущенных истребителей не превышало 10–20 % годовой продукции последующих лет. Оглядываясь назад, можно без преувеличения сказать, что экономически война была проиграна Германией еще в 1940–1941 годах. Ни мощь вооруженных сил, ни производительность военной промышленности не были доведены до наивысшего возможного уровня, и потерянное тогда время уже не могло быть наверстано.

В войну с Советским Союзом мы вступили в июне 1941 года, имея всего лишь 2,5 тыс. танков. Эта цифра соответствовала месячной продукции 1944 года. В 1942 году судьба самых решающих сражений на Востоке зависела от наличия или нехватки всего лишь каких-нибудь пяти-шести сотен танков, то есть такого количества, которое в 1943–1944 годах выпускалось в течение одной недели. То, что развитие военной экономики Германии пошло на убыль именно в течение этих двух лет, в немалой степени объясняется ее организационной раздробленностью и неправильным руководством. Одни военные органы управления, безусловно, не могли решить столь трудную и ответственную экономическую задачу. Это стало понятным уже вскоре после начала войны. Поэтому для большего напряжения усилий в этой области главный строитель немецких автострад доктор Тодт был назначен министром вооружений и боеприпасов. Он пытался разрешить эту задачу, руководя действиями управлений вооружений армии, авиации и флота, а также действиями заготовительных инстанций только с помощью своего сравнительно небольшого штаба. При этом он недооценил того момента, что его деятельность должны были неизбежно тормозить неповоротливость и бюрократизм ведомственного аппарата, охватывавшего не одну тысячу людей. Поэтому, несмотря на все усилия, он не мог добиться самого главного — быстроты. Правда, в некоторых ведущих отраслях военной промышленности были достигнуты большие успехи, но в конце 1941 года сам Тодт вынужден был признать, что его попытка расширить военное производство под руководством представителей вооруженных сил оказалась напрасной. Тогда у

него родилась идея возложить ответственность за производство вооружений на самих промышленников. Однако в январе 1942 года он погиб при воздушной катастрофе, а обязанности министра вооружений и военного производства принял в феврале 1942 года, то есть в тот момент, когда немецкая армия переживала кризис в России, не кто иной, как Альберт Шпеер.

Развитие военной экономики в 1942–1943 годах

Кризис немецкой армии в России зимой 1941 года создал чрезвычайно угрожающее положение и в отношении проблемы вооружений. Немецкая армия потеряла в России очень много военной техники. Нужно было заново вооружить целые дивизии и даже армии. Кроме того, требовалось сформировать и вооружить новые части и соединения. Вступление в войну США дало повод ожидать, что они увеличат производство вооружений, а это могло принести определенную пользу и России. Для того чтобы решить все эти задачи, нужно было значительно увеличить выпуск всех военных материалов. Шпеер был убежден, что осуществить это прежними методами ему не удастся, и поэтому переложил ответственность за производство всех важных предметов вооружения, а позднее и всей военной продукции на самих промышленников. Он потребовал для себя самых широких полномочий и получил их. Они касались всей военной экономики. Поэтому Шпеер если не формально, то фактически вступил на место Геринга. Ответственность за вооружение армии немедленно легла непосредственно на Шпеера. Несколько позднее, по желанию Деница, на него была возложена ответственность и за вооружение военно-морского флота. Однако полное право распоряжаться самолетостроением, что было отнюдь не в пользу немецкой авиации, Шпеер получил от Геринга лишь через некоторое время. Несмотря на это, Шпеер благодаря своим хорошим отношениям с фельдмаршалом Мильхом сумел оказать влияние и на эту отрасль промышленности.

Секрет успеха Шпеера состоял в том, что от него исходила какая-то огромная живительная сила, с помощью которой он увлекал за собой буквально всех. Кроме того, на него не повлияли и существовавшие до него недостатки и те противоречия, которыми была полна до него вся военная экономика Германии. Обладая способностью быстро и правильно оценивать обстановку, быстро принимать соответствующие решения и проводить их в жизнь, он весьма разумно использовал свои полномочия, никогда не руководствуясь предвзятыми мнениями. В течение нескольких месяцев им было создано много так называемых «комитетов» и «центров», где сотни специалистов-хозяйственников занимались планированием и практическим руководством военной

экономикой. В этой системе каждая отрасль военной промышленности имела свой «главный комитет», руководившийся специалистами в данной отрасли. Руководителями «главных комитетов» иногда назначались самые лучшие и активные промышленники. Комитеты имели право свободного подбора сотрудников, которые в большинстве своем приходили сюда из промышленности. Каждый «главный комитет» разделялся на подкомитеты, которые несли ответственность за определенный вид вооружения. Так, например, в главном комитете пехотного оружия один особый подкомитет руководил производством пулеметов, другой — производством полевых гаубиц и т. д. Наряду с этим для руководства поставками военных материалов создавались так называемые «центры». Именно в вопросах поставок и оказывалось всегда больше всего непредвиденных трудностей, без устранения которых невозможно было составить ясные производственные программы и рациональнее использовать производственные мощности. До появления «центров» военные заготовительные инстанции направляли свои заказы, скажем на танки, какой-либо ведущей танкостроительной фирме, а та в свою очередь «выбирала» для производства различных частей танков отдельные «подходящие» предприятия. Это приводило к неуравновешенной загрузке предприятий. Теперь же «центры» стабилизировали работу промышленности. Если, например, кому-то требовались зубчатые колеса, то все заказы шли в «центр зубчатых колес», который заботился о том, чтобы загрузка предприятий производилась равномерно и целесообразно. Для каждого комитета и центра составлялись определенные производственные программы, которые они должны были выполнять точно к установленному свыше сроку. В этих организациях день и ночь трудились тысячи специалистов-хозяйственников (это была почетная работа), которые в очень трудных условиях добивались исключительных результатов. Лейтмотивом всей работы была типизация выпускаемой продукции, экономия материалов и рабочей силы, устранение или предотвращение кризисов сырья и рационализация производства. «Комитеты» и «центры» Шпеера немало сделали и для того, чтобы максимально, насколько это позволяли условия воздушной войны, концентрировать и специализировать производство. Между отдельными заводами был налажен широкий обмен опытом, позволявший быстро передавать достижения лучших заводов другим предприятиям.

Кроме того, важной задачей «комитетов» было путем соответствующей организации производственного процесса

сократить необходимое количество специалистов на предприятиях и сделать возможным использование в промышленности неквалифицированных рабочих. Нет сомнения, что в ходе выполнения этой задачи удалось добиться существенных технических успехов. В то же время руководители «комитетов» и «центров» нередко в своей деятельности вмешивались в дела неподотчетных им организаций и служебных инстанций, что давало повод для возникновения многих трений. Но решающим оставалось то, что к работе в «комитетах» и «центрах» привлекались тысячи хозяйственников, не привыкших к бюрократии и имевших большой практический опыт. Действуя быстро, решительно и целеустремленно, эти хозяйственники буквально всколыхнули всю немецкую экономику и создали предпосылки для колоссального увеличения объема выпускаемой военной продукции. От руководителей предприятий, технического персонала и рабочих потребовалось не только исключительное напряжение сил и выдержка, но и большая изобретательность, чтобы под градом бомб и в условиях постоянных перемещений заказов выполнять поставленные им задачи по расширению производства. И ни саботаж, ни «итальянские забастовки» иностранных рабочих ни разу не сорвали выпуск военной продукции.

Наряду с расширением производства предметов вооружения Шпеер интенсивно увеличивал добычу угля, выплавку железа и производство других видов основной продукции. Для руководства угольной промышленностью было создано специальное имперское угольное объединение, а для руководства железоделательной промышленностью — имперское объединение по производству железа. Оба этих объединения возглавили наиболее опытные специалисты-хозяйственники. Распределением остальных сырьевых ресурсов и производством основных материалов, а также регулированием гражданского производства ведали созданные еще раньше хозяйственные группы. Их полномочия были теперь расширены, и они вполне успешно справлялись со своими задачами.

Выпуск предметов широкого потребления был ограничен. Эти предметы шли в первую очередь на удовлетворение нужд пострадавших от воздушных налетов. Таким образом удавалось высвободить некоторую часть производственных мощностей для производства военных материалов. Нехватка рабочей силы компенсировалась привлечением к работе на предприятиях женщин, перемещением заказов в оккупированные районы и

вербовкой иностранных рабочих. Гражданские заводы и фабрики переводились на военные рельсы настолько успешно, что, например, текстильные фабрики вскоре стали лучшими предприятиями по изготовлению электротехнического оборудования и даже боеприпасов. Как правило, немецкие заводы и фабрики не ограничивались только выполнением и перевыполнением производственных задач, они внедряли широкий режим экономии, и в особенности металлов и компонентов для очистки и повышения качества стали, что значительно сократило потребление сырья. Большое применение нашли себе и эрзац-материалы, особенно в тех случаях, когда нехватка сырья была совершенно непреодолимой. Благодаря производству и внедрению газогенераторов сильно снизился расход жидкого и твердого топлива. Регулярно проводились широкие кампании по сбору железного лома и металлов. Для того чтобы доставить промышленности необходимые ей резину и в особенности металлы для производства особых сортов стали, весьма успешно применялись прерыватели блокады.[103] Предприятия, имевшие особо важное значение, строились под землей для более надежной защиты их от бомбардировок с воздуха. В общем и целом нарисовать более или менее полную картину всех событий этих лет почти невозможно. Это была поистине гигантская и вместе с тем трагическая попытка в лихорадочной спешке и в условиях постоянного ухудшения обстановки на фронте наверстать упущения первых лет войны. И хотя руководители германской экономики поняли, что аппарат управления не в состоянии справиться с существующими в этой области беспорядками, они не смогли провести радикальной реформы управления хозяйством, потому что для этого у них не было ни сил, ни времени. Правда, определенного успеха удалось добиться за счет создания так называемого центрального планового управления, деятельность которого была направлена на то, чтобы получить не имевшуюся ранее общую картину положения в экономике, определить наибольшие трудности, дать правильные указания для их устранения или, если это оказывалось невозможным, сделать выводы из создавшегося положения.

Центральное плановое управление было создано слишком поздно (в ноябре 1943 года), однако оно сумело подготовить необходимые материалы, на основе которых «совет четырех» под председательством самого Шпеера принял соответствующие решения. Деятельность этого управления была особенно затруднена тем, что непрерывно ухудшающаяся обстановка на

фронте увеличивала потребность в вооружениях, причем в своих просьбах и требованиях каждая служебная инстанция стремилась заручиться «приказом фюрера», чтобы произвести наибольший эффект. В течение 1942 и 1943 годов центральное плановое управление разработало под руководством Шпеера нечто вроде общего плана, которым благодаря тщательному контингентированию железа как «ведущего сырья» был установлен приблизительный объем валовой продукции отдельных отраслей промышленности. В соответствии с установленными нормами распределения железа были определены и нормы расхода всех остальных видов сырья, рабочей силы, топлива, транспортных средств и т. д. В результате удалось постепенно ликвидировать ошибки руководства, связанные с постоянными изменениями, вносимыми в программу выпуска той или иной продукции, и неправильным контингентированием сырья. Между сопредельными отраслями промышленности, как например между танкостроением и производством бензина, между производством боеприпасов и взрывчатых веществ, были установлены более тесные и правильные отношения. Однако и центральное плановое управление не могло остаться в стороне от общей тенденции, вызванной сложившимися обстоятельствами, составлять завышенные производственные программы, которые промышленным предприятиям были иногда не под силу.

Последствия новой системы управления и планирования отразились на производстве вооружений, естественно, не сразу, но характерным признаком того, что эта система была правильной, явилось непрерывное увеличение выпуска продукции вплоть до середины 1944 года. Выше уже указывалось на увеличение доли военной продукции в валовой продукции всей германской промышленности. Наряду со значительным увеличением добычи и производства сырья и основных материалов (угля, железа, жидкого топлива, синтетического каучука, химического волокна и т. д.) эта эпоха характеризовалась сильным ростом производства вооружений. Эти достижения лучше всего видны из следующих показателей. [104]

Наименование продукции	1942	1943	1944
Танки, шт	9300	12700	27000
Орудия, шт	11800	17800	40000
Самолеты, шт	14500	25000	38000
Подводные лодки, т	191 000	202 000	233000
Боеприпасы*	1 270 000	1 650 000	3350000

*В расчетных тоннах генштаба

Приведенные выше данные за 1944 год не дают полного представления о степени. роста производства вооружений, так как начиная с сентября 1944 года оно резко сократилось, отчего общие цифры на 1944 год выглядят сильно заниженными. Средние цифры месячного производства в первой половине года значительно выше тех, которые можно вывести из общих цифр таблицы.

Несмотря на сокращение производства предметов широкого потребления, население не страдало от недостатка этих предметов. Здесь, так же как и в военной промышленности, были достигнуты значительные успехи в деле производства важнейших предметов потребления и обихода, необходимых для удовлетворения потребностей как внутри страны (особенно выросших в связи с налетами авиации противника), так и в вооруженных силах. В 1942 году, например, три миллиона солдат на Восточном фронте были обеспечены зимним обмундированием на 4–5 месяцев. Некоторое представление о снабжении населения предметами широкого потребления дают следующие цифры товарооборота розничной торговли Германии начиная с 1939 года (в млрд. марок):

1939 г. — 37,8
1940 г. — 35,7
1941 г. — 35,4
1942 г. — 33,7
1943 г. — 33,0

В количественном отношении сокращение производства предметов первой необходимости для гражданского населения является еще более сильным, если учесть, что розничные цены в среднем повысились на 10 %. И все же в тех условиях это было существенным достижением, если, например, доля торговли предметами домашнего обихода составляла 65 % всего товарооборота, а текстильными товарами и одеждой — 78 % по сравнению с 1939 годом. Совершенно исключительное значение приобрела задача удовлетворения предметами первой необходимости пострадавших от налетов авиации противника, если учесть, что к середине 1943 года общее количество пострадавших увеличивалось ежемесячно на 250–300 тыс. человек. Это были пострадавшие, которые потеряли буквально все, кроме того, что случайно оказалось одетым на них самих. (Понесшие частичный ущерб учтены наравне с потерявшими все).

Следствием воздушных налетов на крупные города, и в особенности на жилые кварталы, было также и уничтожение большого количества складов розничной и оптовой торговли, а также складов промышленных предприятий. Все это поглощало немалое количество текущей продукции. Наряду с производством вооружений и продукции мирного характера Германия поддерживала еще и значительное производство на экспорт в нейтральные, дружественные и оккупированные страны. Статистика важнейших статей экспорта приводится в нижеследующей таблице (в млн. марок):

Год	Общая стоимость вывезенных товаров	Общая стоимость вывезенных товаров (по ценам 1938 г.)	Общая стоимость вывезенных товаров (%) к 1938 г. (по ценам 1938 г.)
1938	5619	5619	100,0
1939	5222	5856	104,2
1940	4868	3756	67,0
1941	6841	4391	78,1
1942	7560	4451	79,2
1943	8600	4597	81,8

Военная экономика и воздушная война

С середины 1943 года на военную промышленность Германии и военную экономику в целом стали оказывать большое влияние участившиеся налеты авиации противника. Главное место в программе строительства немецкой авиации с давних пор занимало наступательное оружие, то есть бомбардировщики и истребители-бомбардировщики. Но их применение на фронте было весьма затруднено в связи с увеличением числа и расширением территории театров военных действий. Отсутствие достаточного количества аэродромов на Востоке увеличивало износ материальной части. Усиленные приготовления, проводившиеся Англией и США в области самолетостроения, не были своевременно учтены Германией ни в отношении их масштабов, ни в отношении той опасности, которую представляли собой новые радарные установки противника, позволявшие ему значительно повысить качество бомбометания. Все надеялись на то, что обеспечить ПВО страны удастся исключительно за счет зенитной, артиллерии. Лишь позднее Мильху удалось добиться увеличения производства истребителей. Но производство их для массового использования, учитывая очень быстрый износ, оставалось до начала 1944 года очень незначительным (до 1 тыс. машин в месяц). К тому же истребители, предназначенные для обороны самой Германии, постоянно изымались из системы ПВО страны для облегчения положения на фронтах.

Поистине серьезной воздушная обстановка над Германией стала с того времени, когда начались ужасающие массированные налеты авиации противника на жилые кварталы больших городов, в результате которых жилые дома один за другим превращались в сплошные развалины. Однако даже эти налеты не могли сломить дух сопротивления населения и решающим образом снизить выпуск военной продукции благодаря рассредоточению и перемещению многих строительных и сборочных заводов в другие районы. Потери в промышленности от воздушных налетов удалось значительно сократить. Стратегически важные предприятия были спрятаны под землю и уже впервой половине 1944 года стали давать продукцию.

За периодом бомбардировок густонаселенных городов последовал период налетов на предприятия ключевых отраслей

промышленности (танковые, моторостроительные, шарикоподшипниковые, автомобильные и другие заводы). С начала 1944 года главным объектом воздушных налетов стали авиационные заводы. В феврале 1944 года в течение нескольких дней воздушным атакам подверглось 50 % авиационных заводов, причем многие из них были почти целиком разрушены. Но благодаря огромным усилиям дирекций заводов и рабочих коллективов каждый раз удавалось вновь восстанавливать производство или перемещать заводское оборудование в другое место. Правда, выполнение программы замедлялось, но производство, несмотря на сыпавшийся сверху град бомб, непрерывно возрастало и достигло максимального уровня в июле 1944 года. Зачастую заводы продолжали выпуск продукции в таких условиях, в которых в мирное время всякая работа была бы прекращена. Производство вооружений в 1944 году находилось на таком уровне, который в нормальной обстановке позволял обеспечить любые потребности всех вооруженных сил. Но в этот момент на Востоке и на Западе противники нанесли немецкой армии совершенно небывалый урон. Отступая, немецкие войска бросали на поле боя огромное количество боевой техники. Наряду с созданием полных комплектов вооружения для новых крупных формирований приходилось уделять большое внимание вопросам пополнения и замены вышедшей из строя техники. Несмотря на эти крайне неблагоприятные обстоятельства и огромную дополнительную нагрузку от бесконечных воздушных налетов противника, валовый выпуск промышленной продукции в Германии увеличился в 1944 году в среднем на 60 % по сравнению с 1943 годом. Валовой продукции 1944 года вполне хватило бы на то, чтобы полностью вооружить и оснастить 225 пехотных и 45 танковых дивизий.

Программа строительства подводных лодок нового типа, защищенных специальной обшивкой от действия радарных установок противника, в основном выполнялась. Уже в декабре 1944 года военно-морскому флоту было передано свыше 30 таких подводных лодок. К тому же времени было построено и снабжено горючим на три месяца свыше 900 реактивных самолетов, однако никто и никогда не сможет сказать, почему эти самолеты не были использованы массированно для отражения воздушных налетов противника. Исход воздушной войны был решен, когда в конце апреля 1944 года противник начал бомбить электростанции и заводы по производству синтетического бензина, азота и синтетического каучука. Эти предприятия были наиболее уязвимыми, так как они в противоположность другим военным

предприятиям концентрировались по преимуществу в одном весьма небольшом по площади районе. Максимальные цифры добычи и производства сырья и основных материалов, то есть главным образом угля, железа и химических продуктов, были достигнуты в апреле 1944 года. Ниже приводится таблица, цифры которой наглядно показывают максимальный уровень добычи и производства основных материалов и катастрофический упадок в развитии германской экономики в 1944 году.

ДОБЫЧА И ПРОИЗВОДСТВО ОСНОВНЫХ МАТЕРИАЛОВ
(в тыс. тонн) в 1943–1944 гг.

	Среднемесячный выпуск 1943 г.	1944 год			
		март	июль	октябрь	декабрь
Каменный уголь	22300	24700	22600	16200	14300
Сырая сталь	2500	2700	2500	2000	1000
Минеральные масла	625	733	346	?	200
Азот	77	84	57	37	20
Синтетический каучук	9,6	12	10	5	1,8
Взрывчатые вещества	34	?	49	36	31

Производство важнейших видов продукции не снизилось только благодаря тому, что начиная с марта 1944 года в одной лишь химической промышленности более 250 тыс. рабочих непрерывно занимались восстановлением заводов, разрушенных неоднократными воздушными налетами противника. Весьма интересным является тот. факт, что, например, бензиновые заводы, на которые за один лишь налет было сброшено свыше 2 тыс. бомб и которые неискушенному наблюдателю представлялись грудой исковерканных труб и балок, были через 6–8 недель снова сданы в эксплуатацию, а через несколько дней опять разрушены. Поскольку вражеская авиация могла совершать лишь определенное количество крупных воздушных налетов в месяц, возникло настоящее соревнование за то. чтобы быстро налаживать вышедшее из строя оборудование хотя бы на несколько недель или даже дней. В сентябре 1944 года бывали дни, когда в Германии не производилось ни одной тонны бензина, а в октябре — ноябре того же года производство бензина снова налаживалось. До середины года еще кое-как удавалось обеспечить вооруженные силы горючим за счет предельной экономии и использования всех имеющихся запасов. Но с начала второй половины года, когда все запасы горючего оказались исчерпанными, нехватка горючего превратилась в существенную помеху, срывавшую или чрезвычайно замедлявшую подготовку и проведение всех оперативных мероприятий немецкого командования.

Конец

Экономические события 1944 года характеризуются, с одной стороны, сильным развитием военной экономики и увеличением выпуска военной продукции, а с другой — огромными разрушениями, вызванными воздушной войной. Поэтому общее положение стало настолько противоречивым, что нам представляется целесообразным подытожить все вышесказанное.

В течение первых четырех месяцев 1944 года германская военная экономика развивалась под знаком дальнейшего увеличения мощности. Показатели роста добычи сырья и производства основных материалов поднялись в марте и апреле на новую, высшую ступень. Осуществление мероприятий, начатых еще в 1943 году, сделало возможным и в дальнейшем увеличивать производство вооружения. И в этой области в июле и августе были отмечены новые, максимальные показатели.

Успешное продвижение союзников во Франции в июле 1944 года обусловило изменение военной и политической обстановки. Изгнание немецких войск из большей части оккупированных областей привело к ухудшению экономического положения Германии и глубоко повлияло на ее экономическую мощь. В связи с оккупацией противником Бельгии, Франции, а позднее Румынии, Балкан и Финляндии сырьевой базис оставшейся в руках немцев территории существенно изменился. Промышленное производство в связи с прекращением поставок из бывших оккупированных районов и возникновением угрозы для промышленности пограничных районов было поставлено в весьма критическое положение. Интенсивные воздушные налеты на немецкие авиационные заводы, начавшиеся в феврале этого года, не достигли своей цели. Производство самолетов постоянно увеличивалось. Зато начавшиеся с мая систематические концентрические налеты на заводы и склады горючего возымели свое действие и, несмотря на широкие восстановительные работы, положили начало резкому падению производства горючего и азота (производство их тесно связано). Начиная с осени нехватка бензина сильно отразилась на снабжении армии и населения. И все же, несмотря на все эти трудности, германская экономика в сентябре все еще не была сломлена и выпускала такое количество продукции, которое еще могло кое-как удовлетворять уменьшившиеся потребности в результате сокращения

территории.

С октября воздушным налетам стали подвергаться всевозможные объекты на транспорте: сортировочные станций, железнодорожные линии, мосты, каналы и т. д. Перемежаясь с дезорганизующими атаками самолетов на бреющем полете, бомбардировки парализовали всю транспортную сеть страны. Поэтому еще до поражения Германии на Восточном фронте, в январе 1945 года, германскую экономику можно было до некоторой степени восстановить, только полностью изменив обстановку в воздухе, то есть лишив авиацию противника господства в воздухе. Сосредоточение воздушных налетов на объекты транспорта обеспечило противнику наибольший успех. Если бы союзники сделали это не в самом конце войны, то военная экономика Германии была бы соответственно парализована гораздо раньше.

Анализ состояния германской экономики в конце 1944 года показывает, что, несмотря на все тяжелые испытания, разрушения и захват противником части территории, она обладала еще некоторой производственной мощью и совершенно необычайной живучестью. Прорывы в промышленности и на транспорте почти всегда удавалось ликвидировать своевременными и решительными мерами, которые своей эффективностью обязаны прежде всего дисциплинированности и самоотверженности всего населения страны.

Первые тревожные признаки существенного разлада на транспорте, личный состав которого в течение долгого времени, несмотря на все трудности, успешно выполнял свой долг, появились в конце 1944 года. Сокращение перевозок отрицательно сказалось на использовании оставшихся еще запасов сырья и материалов и привело к временной. а в некоторых случаях и к окончательной остановке многих предприятий.

С тех пор как после катастрофы под Сталинградом и выхода из войны Италии окончательно выявилось, что противник целиком захватил в свои руки все воздушное пространство Германии, рабочие военных предприятий совершенно потеряли всякую надежду на счастливый исход войны. И все-таки каждый независимо от политических убеждений продолжал упрямо стоять на своем посту. Люди верили в то, что им нужно выиграть время для каких-то «мирных переговоров», которые предотвратят

«безоговорочную капитуляцию». Поэтому сопротивление Германии окончательно было сломлено только тогда, когда вместо ожидаемого постепенного улучшения противовоздушной обороны (предполагалось использование в системе ПВО реактивных истребителей) население и промышленность страны оказались беззащитными от вражеских бомбардировок и обстрела с воздуха, когда большая часть Германии была оккупирована войсками противника и когда миллионные потоки беженцев с востока и запада создали такой невообразимый хаос, в котором навсегда исчезла всякая возможность организованной жизни и работы.

Заключение

Из истории военной экономики второй мировой войны теоретически может быть извлечено множество уроков. Но мы остановимся только на одном. Самый главный вывод для нас заключается в том, что создание мощной военной экономики и промышленности возможно только в том случае, если воздушное пространство страны защищено более или менее надежно. Возможности современной авиации в отношении скорости и дальности полета, появление атомной бомбы и сравнительная незащищенность Германии в смысле естественных условий создают такое положение, при котором защита с воздуха в настоящее время может быть обеспечена только за счет полного господства авиации в воздухе.

Инженер Вальтер Кумпф

Организация Тодта в войне

Огромный технический прогресс нашего века, большие масштабы операций, равно как и повышенные требования к полевым сооружениям, путям подвоза, мостам, аэродромам и т. п., вызвали необходимость наряду с сохранением всех существовавших традиций создавать крупные формирования строительных войск. Поэтому в книге об опыте второй мировой войны невозможно обойтись без краткого отчета о деятельности организации Тодта.

В последние мирные годы перед второй мировой войной стало ясно, что для разрешения всех огромных задач, связанных со строительством оборонительных и других сооружений, нужно найти новые технические методы и новые организационные формы.

Примером для строительства оборонительных сооружений, а именно «линии Зигфрида» (1937 год) явилась постройка «имперских автострад». Строительство этой особой сети дорог дальнего сообщения, начатое в 1934 году, поставило перед строителями и их руководством задачу невиданных до сего времени масштабов. Решить эту задачу удалось только благодаря тесному взаимодействию всех строительных организаций, а также в результате более рационального и эффективного использования всех имеющихся сил и средств. Между строительными и поставляющими организациями было установлено тесное деловое сотрудничество и урегулированы вопросы использования специалистов и оборудования. Сосредоточение большого количества рабочей силы на отдельных наиболее важных участках потребовало проведения особых мероприятий для организованного размещения рабочих неподалеку от места работ. Сверх того, в административном порядке были решены и некоторые вопросы, касающиеся трудового права, как например вопрос о заработной плате, о тарифных расценках и пр. Эти новшества были разработаны и осуществлены под непосредственным руководством генерал-инспектора путей сообщения Германии. Все предпринятые меры настолько себя оправдали, что опыт строительства дорог был использован и при строительстве «линии Зигфрида», правда, в несколько измененной и расширенной форме, отвечающей новым условиям. Этой формы придерживались во время проведения

оборонительных работ на всем протяжении от голландской до швейцарской границы. По имени вдохновителя и руководителя этих работ вся строительная организация вскоре стала называться организацией Тодта.

Все мероприятия организации Тодта проводились на основании подрядов на строительство и поставки, заключаемых между генерал-инспектором и фирмами или корпорациями, причем основой для них служили оправдавшие себя ранее положения и нормы различных инструкций вроде «Инструкции о подрядах» и др.

Новый вид организация Тодта приобрела тогда, когда в начале войны на Западе возникла необходимость использовать ее за пределами Германии для решения вопросов, связанных непосредственно с военными действиями. Из «строительных управлений линии Зигфрида» были созданы управления фронтового строительства, на которые в первую очередь возлагалась задача восстановления шоссейных и железнодорожных мостов, ремонт полотна шоссейных и железных дорог и т. п. При штабе каждой армии было создано главное строительное управление, куда входило определенное количество строительных управлений и строительных отрядов. Строительные отряды формировались строительными фирмами и в большинстве случаев носили их названия. Руководили ими сотрудники строительных управлений и фирм. Фронтовые соединения организации Тодта были моторизованы и могли следовать непосредственно за продвигающимися вперед войсками.

Во время первых работ организация Тодта не имела еще специальной формы одежды. Рабочие носили в основном гражданскую одежду, в которой они работали в самой Германии. Разумеется, что в районе боевых действий это оказалось невозможным. Поэтому из запасов бывшей чехословацкой армии рабочим была выдана единая форма оливкового цвета, значительно отличавшаяся от обычной военной формы цвета хаки. В связи с этим возникли новые трудности. В приказе командующего 6-й армией в начале июня 1940 года о новом обмундировании для организации Тодта отмечалось, что носящие такую форму — немцы, а не солдаты противника, что их нельзя ни обстреливать, ни брать в плен. Этот приказ весьма наглядно иллюстрирует создавшееся положение. Когда же и после приказа недоразумения не прекратились, к этой форме была введена

нарукавная повязка со свастикой. Таким образом, мероприятие чисто военно-делового характера привело к тому, что у многих сложилось впечатление, будто бы вся организация Тодта является партийной организацией.[105]

С этого времени ни одно крупное строительное мероприятие на фронте или в тылу было уже не мыслимо без организации Тодта, и нет такого театра военных действий, где бы ни использовались ее отряды.

Особым испытанием для организации Тодта была война на Востоке. Там наряду со строительными работами невиданных до того времени масштабов на нее была возложена и задача доставки из Германии строительных материалов, и обеспечение бесперебойного снабжения войск.

С течением времени между руководящими инстанциями организации Тодта и командованием немецких войск установились весьма тесные отношения. Постепенно на эту организацию были возложены все строительные задачи, имевшие военный характер. Руководители оперативных групп организации, находившихся в распоряжении групп армий, одновременно являлись и «строительными уполномоченными», возглавлявшими строительную службу этих групп армий. Им подчинялись и строительные части всех трех видов вооруженных сил.

К обширным и многосторонним фронтовым задачам организации Тодта во второй фазе войны прибавились еще и задачи в тылу: ликвидация последствий воздушных налетов противника и строительно-технические мероприятия, связанные с переводом особо важных промышленных предприятий в более надежные помещения.

Общее руководство организацией Тодта находилось в Берлине. В связи с ростом организации и расширением круга ее деятельности она превратилась из существовавшего при управлении генерального инспектора путей сообщения отдела в министерстве вооружений и военного производства в самостоятельное управление организации Тодта.

Организация Тодта была совершенно новым органом как для строительной администрации и всего строительного хозяйства, так и для армии. Она не числилась ни в одном мобилизационном

плане и не была связана ни с какими традициями. Собственно говоря, она являлась больше «импровизацией», чем «организацией». Прежде всего она не была «ведомством» в обычном понимании этого слова, хотя с течением времени ей приставили некоторое подобие «административной головы». Она представляла собой лишь некую форму сотрудничества хозяйственников и строителей с целью более рационального выполнения крупнейших строительных задач и полного учета военных нужд.

Именно в объединении хозяйства и администрации и заключалась сила этой организации. Всюду, где удавалось выявить хоть какие-либо экономические возможности для строительства, эта организация выполняла свои задачи настолько правильно и точно, как этого не сделали бы никакие другие строительные войска. В рамках данной статьи невозможно дать подробное описание всех мероприятий и работ, проведенных организацией Тодта за время войны. Однако следует все же указать на отдельные наиболее крупные и трудоемкие работы. К первым крупным укреплениям, построенным за пределами Германии, надо отнести огневые позиции для корабельных и железнодорожных орудий на французском побережье Ла-Манша, из которых впоследствии возник Атлантический вал с его многочисленными специальными сооружениями. Строительство крупных баз подводных лодок на побережье Атлантического океана выдвинуло такие проблемы, которые потребовали совершенно новых методов изготовления железобетонных и стальных конструкций. Действия войск и снабжение их в горных условиях (на Балканах и в Норвегии) поставили организацию Тодта перед таким объемом строительных работ, который в нормальных условиях в самой Германии потребовал бы для своего завершения не одно десятилетие. При этом надо учесть, что особые климатические условия северных областей Норвегии и Финляндии в значительной степени затрудняли планирование и проведение строительных работ. Совершенно новые проблемы, естественно, возникли и в широких просторах недостаточно обжитых (по западным понятиям) восточных районов: усиление проезжей части тысяч километров грунтовых и проселочных дорог и превращение их в мощные автогужевые дороги с современным тяжелым каменным или асфальтовым покрытием. На северном и центральном участках фронта, где из-за отсутствия твердого грунта нельзя было строить автогужевые дороги, приходилось сооружать бревенчатые гати и щитовые дороги, используя на это миллионы стволов деревьев. Было построено

большое количество мостов, причем многие из них имели такие огромные пролеты, какие до сих пор вообще не встречались в подобных деревянных конструкциях. А восстановление разрушенной Днепровской плотины в Запорожье следует рассматривать вообще как особое достижение, равноценное самым сложным инженерным сооружениям Запада. Для того чтобы расширить сеть русских железных дорог, не обеспечивавших регулярного снабжения немецких войск, необходимо было не только перешить их с широкой колеи на нормальную европейскую, но и построить новые магистральные и полевые железные дороги. Разрушенные в результате военных действий заводы тяжелой промышленности на Днепре и в Донбассе были полностью восстановлены и пущены в эксплуатацию. Чтобы более или менее правильно оценить проблемы, стоявшие перед строителями, членами, организации Тодта, нужно вспомнить о тех несомненно колоссальных трудностях, которые обременяли нас именно на восточном и юго-восточном участках фронта. Это были прежде всего ненормальные по нашим понятиям климатические условия; это были трудности, связанные с доставкой материалов, машин и оборудования с баз, расположенных в Германии и отдаленных иногда на несколько тысяч километров, по ненадежным и часто выходившим из строя путям подвоза; это были, трудности, вызванные необходимостью, не прибегая ни к чьей помощи, собственными силами защищать от партизанских налетов все строительные участки, места расквартирования рабочих, транспорт и склады материалов и оборудования. В котлах под Сталинградом, Холмом, Демянском и Никополем рядовой состав организации Тодта выполнял свой долг точно так же, как выполняли его солдаты всех прочих боевых частей.

Разумеется, большая доля импровизации и отсутствие всяких традиций, наблюдавшиеся в организации Тодта, вызывали и некоторую неурядицу в ее работе. Наиболее неприятным было отсутствие свободного предпринимательского сотрудничества с руководящим аппаратом вооруженных сил, работавшим в соответствии со строгими правилами и канонами. Для безупречной деятельности такой большой специальной организации совершенно необходимым было единое руководство, осуществляемое одной инстанцией. скажем, управлением организации Тодта министерства вооружений. Это было необходимо хотя бы из соображений рационального распределения сил и средств и удовлетворения огромных потребностей всех строительных отрядов в автомашинах,

оборудовании, инструментах и строительных материалах. Отдавая свое приказание о целях, месте и сроках окончания строительных работ, войсковой начальник уже больше ни о чем не заботился, предоставляя организации Тодта право найти лучшее решение и осуществить его, исходя из наличия имеющихся в ее распоряжении сил и средств.

Как и всюду, успех или неуспех совместной работы строителей и военных зависел в организации Тодта лично от ответственного лица и исполнителя. Однако, чтобы быть справедливым, нужно сказать, что совместные усилия администрации, хозяйственников и армейских командиров, основанные на высокой степени сознательности всех участвующих в строительстве, в условиях того времени полностью себя оправдали.

Трудовая повинность в Германии во время войны [106]

В конце войны с Польшей, 23 сентября 1939 года, главный штаб вооруженных сил опубликовал исчерпывающий заключительный отчет об этой войне. В этом отчете говорится: «Выдающиеся достижения различных служб тыла в деле восстановления и ремонта мостов, шоссейных и железных дорог, в которых наивысшей оценки заслуживают и действия военизированных отрядов трудовой повинности, чрезвычайно облегчили командованию решение его задач».

Эта особая оценка отрядов военизированной трудовой повинности верховным командованием показывает, что книга об опыте второй мировой войны не может обойти молчанием германскую службу трудовой повинности.

В американской прессе еще во время войны подчеркивалось, что германская система трудовой повинности была частью «тотальной мобилизации германской рабочей силы». «В первую мировую войну, — говорится там, — Германия не проводила подобной мобилизации рабочей силы (она была начата лишь на более поздней стадии войны), а во время второй мировой войны немцы смогли получить превосходство над своими противниками только благодаря тому. что их стратегия с самого начала основывалась на использовании рабочей. силы в очень крупных масштабах».

Создание немцами организации Тодта, а также германской службы трудовой повинности и службы чрезвычайной технической помощи входило в общие планы германской стратегии и оказалось важным не только для идеологического воспитания молодежи, но и дало большие практические результаты.[107]

Отряды военизированной трудовой повинности отражали самое существо современной германской стратегии, потому что основой ее были моторизованные подвижные соединения, которые нуждались в хорошей дорожной сети. Самолеты также могут использоваться только тогда, когда в распоряжении имеются стартовые и посадочные площадки, которые в случае

разрушения можно весьма быстро восстановить. При большой протяженности современных театров военных действий непрерывное снабжение может осуществляться только в том случае, если дорожная сеть, мосты и железные дороги — то есть все излюбленные объекты авиации противника — находятся в полной исправности или если они могут быть быстро отремонтированы после нанесения им какого-либо ущерба.

Служба трудовой повинности не была изобретением Третьей империи. Еще во время первой мировой войны главное командование сухопутных войск потребовало — параллельно с использованием солдат на фронте — организации «отечественной вспомогательной службы», которая, однако, в то время не получила большого развития. После первой мировой войны, когда экономика переживала упадок, когда молодежь почти не имела работы и безработица принимала все более угрожающие размеры, в различных областях по инициативе местных властей были созданы добровольные организации трудовой повинности. В чрезвычайной директиве германского правительства от 5 июня 1931 года говорилось, что трудовая повинность вводится в интересах лиц, не имеющих работы и получающих пособие по безработице. Это распоряжение было дополнено специальным разъяснением, что в отряды трудовой повинности может вступать не только безработный, но и каждый немец.

Национал-социалисты продолжили эти начинания, превратив трудовую повинность в мероприятие для воспитания молодого поколения в духе фашизма. 26 июня 1935 года был издан закон об обязательной трудовой повинности.

Согласно этому закону, «все немецкие юноши и девушки в возрасте от 19 до 25 лет» были «обязаны служить определенное время своему народу в системе государственной трудовой повинности». Это должно было убедить молодых людей в нравственной ценности труда, ослабить классовые противоречия, уничтожить пренебрежительное отношение к простому ручному труду и усилить общественное сознание всех слоев населения.

Война очень быстро превратила трудовую повинность, направленную прежде всего на выполнение задач невоенного характера, в чисто военный инструмент. В период всеобщей мобилизации 60 % руководителей лагерей трудовой повинности были призваны на военную службу. Вызванная этим нехватка руководителей для службы трудовой повинности послужила

причиной закрытия большого количества лагерей. В связи с растущим спросом на пополнения в последующие годы войны верховное командование вооруженных сил было вынуждено уменьшить возрастные ограничения для призыва в армию. При этом трудовая повинность должна была распространяться не только на очередные, но и одновременно на следующие, более молодые возрастные контингента. Продолжительность обязательной трудовой повинности, составлявшая в мирное время 6 месяцев, в ходе войны все более сокращалась. В 1944 году она равнялась уже 2 месяцам. Отбывающие трудовую повинность при уходе из системы государственной трудовой повинности переводились прямо в армию резерва, а иногда и в учебные сборно-призывные пункты действующей армии. Время перевода устанавливалось каждый раз в зависимости от потребности вооруженных сил в людях и определялось верховным командованием. Организовать нормальное обучение и воспитание в системе государственной трудовой повинности в этих условиях было весьма затруднительно. Использование лиц, отбывающих трудовую повинность в продолжение более длительного времени в качестве «воспитателей», допускалось лишь в исключительных случаях.

В начале войны многие отряды военизированной трудовой повинности были превращены в строительные батальоны. В эти батальоны было добавлено некоторое количество военнообязанных старших возрастов, которые не прошли в свое время кадровую службу в армии. Командирами этих батальонов были назначены армейские офицеры. Подобное объединение неоднородных по возрасту и подготовке людей не оправдало себя, и уже в 1940 году от таких строительных батальонов пришлось отказаться. Вместо этого было решено параллельно с созданием армейских строительных частей формировать строительные части военизированной трудовой повинности. Эти части проходили общую подготовку на родине, а затем по мере надобности главный штаб вооруженных сил объединял каждые 4–6 батальонов (по 200 человек в каждом) в группы и направлял их в распоряжение высших командных инстанций: групп армий, отдельных армий, воздушных флотов, авиагрупп и военно-морских станций. Командовали этими группами их старые начальники по службе трудовой повинности. Группы были оснащены главным образом велосипедами, отчасти грузовыми автомашинами, вооружены винтовками и частично пулеметами и обучены стрельбе.

При использовании таких групп в качестве обычных полевых войск в составе вооруженных сил командование ими осуществляли те высшие командиры и начальники, в распоряжение которых они поступали. Между начальником главного штаба вооруженных сил и имперским руководителем службы трудовой повинности существовала договоренность использовать эти формирования только для самообороны и лишь в исключительных случаях непосредственно в бою, потому что для этого они были недостаточно обучены и вооружены. Кроме того, было решено не использовать эти части трудовой повинности для охраны и надзора за военнопленными в лагерях и на строительстве, потому что выполнение подобных задач могло отрицательно сказаться на воспитании молодого поколения. Ответственность за выполнение поставленных задач нес командир группы (части) трудовой повинности, подчинявшийся непосредственно командующему того соединения или объединения, которому его группа (часть) была придана, причем распоряжаться бойцами трудовой повинности самостоятельно этот командующий не имел права, равно как и не имел права заниматься вопросами укомплектования отрядов трудовой повинности личным составом. Это вменялось в обязанности начальника имперской службы трудовой повинности. Таким образом, постоянно «молодевший» в ходе войны личный состав отрядов трудовой повинности получал вполне правильное воспитание. Такое распределение командных функций в системе трудовой повинности в общем быстро привилось и оправдало себя. Трудовые успехи и образцовое поведение строительных частей службы трудовой повинности нашли полную признательность со стороны командования вооруженных сил. Строительные части службы трудовой повинности использовались на всех театрах военных действий, за исключением Северной Африки и Италии. В России их перестали использовать с 1943 года по ходатайству начальника службы трудовой повинности, потому что большая физическая нагрузка, особые условия местности и суровость климата чрезвычайно отражались на здоровье молодежи.

Строительные части службы трудовой повинности занимались прокладкой и ремонтом дорог и путей, наводили временные мосты, помогали в строительстве постоянных мостов, строили и ремонтировали аэродромы, склады продовольствия и военных материалов, разгружали эшелоны, а также привлекались для строительства укреплений на побережье Франции.

В первые годы войны значительная часть отрядов трудовой повинности была занята на различных работах в пределах самой Германии. Однако особые условия войны в России постепенно изменили общую обстановку, и строительные части трудовой повинности, работавшие далеко на востоке, нередко вступали в бой, как это произошло, например, в оборонительном сражении под Ржевом летом 1942 года. Их боевые действия и высокая дисциплинированность личного состава и командиров заслужили особую похвалу и признательность со стороны командования фронтовых частей.

Если трудовая повинность для юношей в ходе войны потеряла свой прежний смысл и превратилась в обычную военную службу, то трудовая повинность для девушек приобрела большое значение вообще только во время войны. Призыв военнообязанных мужчин, особенно в сельскохозяйственных районах, вызвал нехватку рабочей силы. И без того перегруженные заботами сельские женщины нуждались теперь в поддержке еще больше, чем когда-либо. Эта задача и была возложена на женские отряды трудовой повинности. В сентябре 1939 года постановлением правительства добровольный призыв женщин и девушек на трудовые работы был превращен в обязательную трудовую повинность. Правда, осуществить это постановление в полном объеме было пока нельзя, потому что разместить целый годовой контингент при полугодовом сроке службы не представлялось тогда возможным. Трудовая повинность среди женщин приобрела большой размах уже в ходе самой войны за счет увеличения женских трудовых лагерей и подготовки достаточного количества начальствующего состава из женщин, так что в последующие годы в женских отрядах трудовой повинности одновременно находилось до 80 тыс. девушек.

Но даже и это не могло удовлетворить растущие потребности государства в рабочей силе. Поэтому по постановлению правительства была создана специальная «военно-вспомогательная служба», в системе которой «девушки-рабочие» должны были работать в течение полугода после прохождения ими службы — также в течение б месяцев — в отрядах государственной трудовой повинности. Девушки, находившиеся на военно-вспомогательной службе, привлекались для работы в военной промышленности, в военной администрации, на транспорте и т. д. Ответственность за качество работы они несли перед директором того предприятия, куда были назначены, а в остальном подчинялись руководящему составу службы трудовой

повинности. Их воспитанием в свободное от работы время занимались их прежние начальницы из отрядов и групп трудовой повинности.

* * *

Общее ухудшение обстановки на фронтах стало с 1943 года оказывать на службу трудовой повинности большое влияние. Чтобы высвободить для фронта побольше людей и одновременно пополнить личный состав зенитной артиллерии, 400 зенитных батарей были переданы службе трудовой повинности. Благодаря хорошо налаженной подготовке начальствующего состава службы трудовой повинности уже через некоторое время оказалось возможным сделать некоторых начальников отрядов командирами батарей.

В последний год войны служба трудовой повинности должна была оказать помощь армии резерва и взять на себя задачи боевой подготовки призывников. Из-за нехватки инструкторов и преподавателей военного дела и недостатка в учебном оружии, а также из-за отсутствия достаточного времени для обучения эта задача, вызванная исключительно тяжелой военной обстановкой, решалась весьма неудовлетворительно. К непосредственной службе в армии привлекались даже женские отряды трудовой повинности. Нередко целые отряды женщин и девушек целиком переводились в авиацию в качестве вспомогательных отрядов связи. В последней фазе войны женщинами из отрядов трудовой повинности было укомплектовано много прожекторных батарей ПВО Германии. Здесь уже тактическое и техническое руководство осуществлялось в зависимости от обстоятельств командованием военно-воздушных сил.

Таким образом, в течение последних двух лет войны под влиянием ухудшающейся военной обстановки служба трудовой повинности все больше и больше превращалась в импровизированную военную организацию. Правда, она еще называлась службой трудовой повинности, но от ее прежнего облика почти ничего не осталось. С этим приходилось мириться, и родители, если они сами не находились на фронте, вынуждены были скрепя сердце отдавать государству своих еще не оперившихся птенцов.[108]

Герман Теске, полковник в отставке

Военное значение транспорта

Не будучи специалистом, нельзя составить себе относительно правильного представления о том, какое решающее значение придается транспорту в современной войне и какую огромную роль он сыграл в победах и поражениях второй мировой войны. Между тем достаточно лишь взглянуть на карту, чтобы понять исключительные трудности, стоявшие перед немецким транспортом, когда оккупированная Германией территория простиралась от Атлантического океана до Волги и от Нордкапа до Ливии. На суше, на воде и в воздухе пролегали пути, по которым перебрасывались войска и осуществлялось снабжение. Наряду с точным и тщательным планированием и расчетом маршрутов, емкости транспорта и погрузочных мощностей транспортникам приходилось весьма часто прибегать и к импровизации. Это происходило тогда, когда транспорт утопал в грязи, когда шины лопались от осколков бомб и снарядов, а моторы стыли в условиях адских морозов русской зимы. Германская транспортная служба никогда не была в состоянии подготовиться к решению таких грандиозных задач. И можно сказать, что весь ход войны в конечном счете определялся тем, как выполнял свои задачи транспорт.

Основные цели транспорта в последней войне оставались такими же. как и во времена конных упряжек и парусного флота: работать быстрее противника и быть в состоянии перевезти большее количество людей и материалов, чем противник. Огромные расстояния, новые технические средства быстрого преодоления пространства и увеличившееся во много раз количество перевозок сделали транспорт решающим военным фактором.

Вопросы, связанные с транспортом, вызвали некоторое изменение и в работе штабов. Теперь оперативные отделы крупных штабов уже не могли принимать «кабинетных» решений и выдвигать свои требования службе тыла, а должны были сначала рассчитать, осуществимы ли их планы вообще с точки зрения снабжения и транспорта. «В современной маневренной войне тактика уже перестала быть главным объектом внимания. Решающим фактором является теперь организация такого снабжения, которое позволяет совершать маневр…».[109]

Именно этому и посвящена данная статья, написанная отчасти на основе собственных наблюдений автора.

Пути сообщения

В центре внимания любого оперативного планирования всегда находились и будут находиться вопросы, имеющие отношение к транспорту, к путям сообщения, их состоянию и пригодности для использования, а также вопросы, связанные со степенью их уязвимости для противника. Из-за того, что немецкое верховное командование пренебрежительно отнеслось к этим вопросам и осенью 1941 года не учло трудностей, которые встретились в России (распутица и суровая русская зима), судьба транспорта оказалась в этой войне поистине трагической.

Наиболее надежными и самыми эффективными путями сообщения во второй мировой войне были железные дороги. При высокоразвитой железнодорожной сети Западной Европы иного, разумеется, нельзя было и ожидать. В России значение железных дорог еще более возросло. Этому способствовали огромные расстояния, плохое качество шоссейных и грунтовых дорог, суровые климатические условия, а также необходимость быстрых переброс войск для усиления того или иного участка фронта. В конце концов железнодорожное сообщение превратилось в оперативный фактор первой величины, ибо от него зависело все, начиная со снабжения и кончая эвакуацией войск. Критерием общей мощности железнодорожной сети была не только пропускная способность отдельных участков пути, но и все эксплуатационные устройства и сооружения, то есть сеть связи, система сигнализации, железнодорожные мастерские и погрузочно-разгрузочная мощность станций. В то время как в Западной Европе почти все эти предпосылки были налицо, примитивное русское оборудование требовало затраты дополнительных усилий. Из всех работ, вероятно, самой простой была перешивка колеи. Наиболее трудоемким оказалось строительство временных полевых железных дорог в бездорожных районах, где из-за распутицы иногда совершенно прекращалось всякое сообщение.

Вторым по важности путем сообщения для преодоления больших расстояний являлась автогужевая дорога. Автомобильные дороги были в основном двух типов: во-первых, широко разветвленная сеть первоклассных шоссейных дорог (лучшие среди них — французские routes nationales[110] и, во-вторых, более мощные, но немногочисленные германские

автострады с раздельным движением. Интересно, что немецкое верховное командование с самого начала утверждало, что для войны эти дороги большого значения не имеют. Совершенно несомненным было то, что в случае воздушного нападения эти дороги легко отыскивались самолетами противника, а атакованному с воздуха крупному войсковому соединению такая дорога не давала почти никакой возможности уклониться. В ходе войны выяснилось также, что, несмотря на попытки замаскировать автострады, они всегда служили для авиации противника хорошими ориентирами.

Еще в начале войны было принято решение упорядочить и расширить сеть дорог в оккупированных районах, продолжив дорожную сеть Германии во все стороны, и обозначить сквозные дороги, идущие с востока на запад и с севера на юг, буквами и цифрами. В 1942 году, то есть в то время, когда протяженность сухопутных коммуникаций была максимальной, одна из них начиналась у Атлантического океана и заканчивалась у Волги. Конечно, степень пригодности дорог на отдельных участках была различной: широкие и прямолинейные французские дороги сменялись извилистыми и подчас очень узкими дорогами Германии, а в России начинались (не считая автостраду Минск — Москва и некоторые другие дороги в промышленных районах) так называемые «тракты», то есть естественные проезжие дороги, состояние которых, по европейским понятиям, было совершенно непригодным для эксплуатации.

В процессе расширения театров военных действий важными путями сообщения для германских вооруженных сил стали и морские пути вдоль побережья Норвегии, на Балтике и в Средиземном море. Все они находились под сильной угрозой налетов вражеской авиации, корабли здесь подрывались на минах, их часто атаковали подводные лодки. Как и на железных дорогах, надежность сообщения по морю в большой степени зависела от наличия хорошо оборудованных портов и пунктов с запасами горючего, которые в свою очередь определяли размеры используемых судов. Поэтому, например, недостаточное количество пригодных портов в Финляндии и Ливии сильно повлияло на осуществление оперативных замыслов немецкого командования.

Во второй мировой войне впервые в истории получил широкое применение воздушный транспорт. Авиация играла большую роль в перевозках войск и военных материалов. не

говоря уже о том, что она была единственным средством транспорта во время проведения воздушно-десантных операций. Исключительные особенности авиации сделали возможным ее применение для снабжения, пополнения и эвакуации окруженных группировок. Именно с этого времени начинается история создания воздушных мостов, которые, пройдя ряд организационных и технических усовершенствований, стали основным средством сообщения между разобщенными группировками войск. Воздушные мосты в Нарвик, на Крит и к Демянскому котлу имели большой успех, хотя при этом и были очень большие потери. Это объясняется тем, что с удлинением воздушной трассы, проложенной над территорией противника, увеличивается и уязвимость воздушного пути. Не обладая значительным превосходством в воздухе, невозможно строить свои оперативные планы на бесперебойной работе воздушного транспорта, ибо это неизменно таит в себе огромный риск. Как раз поэтому снабжение по воздуху окруженной под Сталинградом немецкой группировки и оказалось невыполнимым. Наконец, для разгрузки железных дорог, в особенности при перевозках негабаритных грузов, широко использовались внутренние водные пути. Однако последняя война показала, что они очень часто подвергались минированию. Не считая рек, предназначавшихся для транспортировки угля в самой Германии, основной водной магистралью был Дунай, потому что по нему в Германию доставлялась румынская нефть. Для приемки ее в Вене и Регенсбурге имелись соответствующее портовое оборудование и склады.

Немцами не было использовано (вероятно, по причине нехватки сырья) еще одно средство транспорта — нефтепровод. который в будущем, безусловно, приобретет очень большое значение. Он освободит остальные пути сообщения, легко уязвимые для противника. В Советском Союзе такой нефтепровод имелся еще в довоенное время. Он проходил от Кавказских нефтяных промыслов до Донецкого бассейна. Высадившись во Франции, западные союзники также построили несколько подобных нефтепроводов, проложив их от портов Атлантического океана вслед за продвигавшимся вперед фронтом вплоть до самого Рейна.

Наконец, специфически русским путем сообщения была железная дорога, проложенная по льду. Через южную оконечность Ладожского озера русские по льду проложили довольно мощную временную железную дорогу, по которой осуществлялось

снабжение окруженного Ленинграда. Необходимым условием для такого предприятия является наличие мелководного, не имеющего течений бассейна. Однако подобная же попытка шведов организовать снабжение финнов в финско-русской войне 1939–1940 годов и проложить автомобильную дорогу через замерзший Ботнический залив успеха не имела.

Средства сообщения

Самым основным транспортным средством для снабжения. переброски и эвакуации войск по-прежнему оставались железные дороги, и в частности их подвижной состав. Однако именно, эта проблема была для Германии наиболее трудной. Удивительным фактом является то, что «Великая Германская империя» располагала в 1939 году гораздо меньшим парком паровозов и вагонов, чем «кайзеровская» империя в 1914 году. Виной этому была переоценка мотора. Полностью исправить эту ошибку не удалось и в ходе самой войны. Захваченные у русских паровозы и вагоны не играли почти никакой роли, ибо, отступая, советские войска оставляли после себя очень мало подвижного состава. Для того чтобы использовать даже этот малочисленный подвижной состав, управление имперских железных дорог создало специальную подвижную мастерскую, которая за весьма короткий срок сумела переоборудовать русские ширококолейные вагоны для движения по нормальной колее.

Вторым по важности транспортным средством для подвоза снабжения в России был гужевой транспорт. Дело в том. что для использования моторизованного транспорта в России не хватало дорог с твердым покрытием. Кроме того, ограниченное применение автотранспорта было обусловлено тяжелыми климатическими условиями, нехваткой горючего, а также тем, что начиная с 1941 года разрыв между потерями и производством новых автомашин становился все более и более ощутимым. Преимущество запряженной лошадьми повозки в оперативном отношении заключалось в том, что она могла неотступно сопровождать немоторизованные войска, скажем, от Польши до самой Нижней Волги, а тактически, по указанным выше причинам, она являлась соединительным звеном между тыловыми базами снабжения и фронтом, а иногда и единственным спасением последнего.

Оперативное и тактическое использование автотранспорта в начале войны на западноевропейском театре позволило значительно увеличить сравнительно небольшую скорость продвижения полевых войск. Очень часто небольшие войсковые соединения и наиболее важные предметы снабжения перебрасывались к местам прорыва на автомашинах. Этим самым достигался какой-либо тактический успех или устранялся

оперативный кризис. Однако требования, связанные с моторизацией войск, и в особенности с моторизацией танковых и «гренадерских» моторизованных дивизий, к сожалению, не позволяли верховному командованию усилить этот важнейший вид транспорта. Большой спрос на автомашины, который не мог быть покрыт из ресурсов самих вооруженных сил, заставлял изымать часть машин из транспортного парка народного хозяйства, а также реквизировать машины частных владельцев. Это, разумеется, создало определенные трудности в важных в военном отношении отраслях хозяйства. Большие нагрузки на автомашины в армии привели, естественно, к тому, что большинство машин частных владельцев вышло из строя, а при огромном разнообразии марок и систем обычный и сравнительно несложный ремонт в полевых условиях оказался невозможным.

Особенно остро ощущалась нехватка небольших морских судов для переброски войск и снабжения на самых крайних флангах германского фронта, то есть в Северной Африке и в Норвегии. Не хватало также и танкеров. Так, например, один зафрахтованный шведский танкер вынужден был целых четырнадцать дней стоять на рейде близ Турку в Финляндии, так как большая осадка не позволяла произвести разгрузку в самом порту, а финские лихтеры были заняты где-то в другом месте;

Опыт войны показал, что массовое использование такого средства, как транспортная авиация, было также весьма ограничено, во-первых, ее медлительностью и неповоротливостью, а во-вторых, необходимостью завоевания полного господства в воздухе. Таким образом, все более или менее удачные немецкие воздушно-десантные операции представляли собой пирровы победы, ибо потери транспортной авиации в районе Роттердама и над Критом решающим образом сократили численность германского транспортного воздушного флота.

Вооружённые силы и транспорт

Потребности фронта в транспорте во время войны были, разумеется, колоссальными. «Основные направления» в использовании транспорта менялись в зависимости от обстановки и от замыслов командования. Иногда общее направление менялось буквально в течение одной ночи, как это случилось, например, весной 1941 года, когда Югославия неожиданно перешла на сторону противника и в связи с этим потребовалось внести значительные изменения в железнодорожные перевозки войск, уже осуществлявшиеся полным ходом в направлении к границам Советского Союза.

До сих пор еще распространено неправильное мнение, что на фронте транспорт существует главным образом для перевозки материальной части и предметов снабжения. Это происходит из глубокого непонимания того. какое огромное значение имеют транспортные сооружения для оперативного руководства войной. Еще Мольтке (старший) понимал всю важность этого момента. Только в очень спокойные времена, когда еще не проводилось крупных оперативных маневров и снабженцы могли беспрепятственно пополнять свои склады, количество перевозок военных грузов превышало количество войсковых перевозок.

Ниже приводится в качестве примера несколько цифр, показывающих соотношение между количеством грузовых и войсковых эшелонов в полосе группы армии «Центр» в период тяжелых оборонительных боев 1944 года.

Месяц	Грузовые эшелоны	Войсковые эшелоны
Январь	814	1005
Февраль	726	745
Март	736	1169
Апрель	738	969
Май	857	963
Июнь	661	1013
Июль	373	1589
Август	439	1523

Эти цифры относятся к группе армий, состоявшей из пяти армий различной численности, насчитывавшей в общей сложности от 1,5 до 1,8 млн. человек. Составить расчет эшелонов снабжения включительно до дивизии невозможно, потому что документально все железнодорожные перевозки оформлялись непосредственно на группы армий или на армии. Кроме того,

потребности более мелких тактических соединений, таких, как армейские корпуса и дивизии, были настолько разнообразны в отношении численности, состава и выполняемых этими соединениями задач, что высчитать какую-то определенную норму расхода совершенно невозможно.

Внутренние пути сообщения использовались в основном Для нужд военной промышленности и продовольственного снабжения — следующих «главных потребителей» транспорта. Перемещение и децентрализация военной промышленности, перевозка железной руды из Нарвика и с юга России, доставка никеля и меди из Лапландии и Югославии, распределение по нефтеперегонным заводам румынской и австрийской нефти, перевозки угля из Рурской области, из Северной Франции и Верхней Силезии, доставка русского хлеба и голландских овощей в Германию и оккупированные страны, а также многое другое приводили к постоянной перегрузке и без того не справляющегося со своими задачами транспорта. И можно сказать, что если немецкий транспорт и не всегда удовлетворял все потребности армии и тыла, то несомненно, что организационные усилия и импровизаторский талант транспортников достойны всяческой похвалы и главная заслуга в этом деле принадлежит служащим государственных железных дорог.

Это станет понятным, если подумать о том, какие усилия прилагали обе воюющие стороны к тому, чтобы активными действиями нарушить перевозки или по крайней мере затруднить их. К этому прибавлялись и искусно используемые противниками естественные трудности, связанные с условиями погоды, распутицей, морозами (в России), тропической жарой (в Африке), приливами и отливами. Использованы были и «побежденные» средствами радиолокации туман и густые облака, под прикрытием которых немецкое население чувствовало себя вначале в безопасности.

Средствами борьбы на морских коммуникациях были подводные лодки, самолеты и мины. Все эти три вида оружия использовались друг против друга, постоянно совершенствуясь в лабораториях и на опытных станциях. Ввиду своих ограниченных возможностей на море Германия потеряла у берегов Норвегии, а также на Балтийском и Средиземном морях гораздо больше, чем Англия в Атлантическом океане.

Если в первую мировую войну активных атак на тыловые коммуникации и транспортные сооружения на суше почти не предпринималось, то с 1942 года они стали оказывать большое влияние на весь ход войны, что является, вероятно, самым ярким признаком возросшего значения транспорта в войне. Сухопутный транспорт подвергался атакам авиации и партизан, действия которых носили ярко выраженный оперативный характер.

Так, например, перед самым вторжением и во время него англо-американская авиация массированными и отдельными налетами уничтожила все товарные станции и железнодорожные мосты в Нормандии, которые могли быть использованы для подвоза немецких резервов. Позднее англо-американские воздушные силы стали контролировать все пути подхода немецких войск и таким образом воспрепятствовали немцам продемонстрировать свое традиционное искусство маневрирования.

В Белоруссии, в тылу сильнейшей ключевой позиции Восточного фронта, на коммуникациях немецких войск действовала руководимая из Москвы партизанская армия численностью 80-100 тыс. человек. Действия партизан были согласованы по времени и пространству с операциями русских войск на фронте. В марте 1943 года крупный партизанский отряд взорвал железнодорожный мост важнейшей стратегической железной дороги в самом центре немецкой ударной группировки, готовившейся к наступлению на Курск. В ночь перед общим наступлением русских на участке группы армий «Центр», в конце июня 1944 года, мощный отвлекающий партизанский налет на все важные дороги на несколько дней лишил немецкие войска всякого управления. За одну эту ночь партизаны установили около 10.5 тыс. мин и зарядов, из которых удалось обнаружить и обезвредить только 3,5 тыс. Сообщение по многим шоссейным дорогам из-за налетов партизан могло осуществляться только днем и только в сопровождении вооруженного конвоя. Подобную же деятельность партизаны развили и в Югославии, Италии и некоторых районах Франции и Бельгии,

Немецкое верховное командование считало их действия в большинстве случаев «булавочными уколами», потому что транспортные организации всегда быстро находили выход из создавшегося положения и в результате упорного труда незамедлительно восстанавливали разрушенное. Немецкие военные руководители слишком недооценивали тот факт. что в

связи с этими дополнительными работами по устранению повреждений силы транспортной службы постоянно отвлекались от их непосредственных задач по эксплуатации и строительству новых путей сообщения.

Организация военно-транспортной службы

Организация военно-транспортной службы имела весьма сложную структуру. Ее отдельные элементы были сильно разобщены, и в ней постоянно велась неутомимая бюрократическая борьба за полномочия.

Начальник транспортной службы вооруженных сил ограничивался в основном урегулированием вопросов, связанных с железнодорожным транспортом, на что полностью уходили все силы его широко разветвленной организации. Эта организация, представители которой находились на всех фронтах, во всех оккупированных и дружественных странах, руководила выполнением транспортных задач, стремясь при этом учесть все особенности данной местности в отношении установившихся там принципов руководства, в вопросе подбора обслуживающего персонала и эксплуатации материальной части.

Начальнику военно-транспортной службы подчинялась организация, которая территориально охватывала всю сферу влияния Германии в Европе. Главной ее задачей было «привести мощность транспорта в соответствие с требованиями, предъявляемыми фронтом» (Инструкция для уполномоченных офицеров по транспорту 1938 года). Ее опорой на фронте были оперативные отделы военно-транспортных управлений групп армий, которые возглавлялись офицерами генерального штаба, и подчиненные им уполномоченные офицеры по транспорту, находившиеся в штабах армий. В тыловых районах и на родине эту задачу выполняли территориальные управления военно-транспортной службы. Они осуществляли контроль через подчиненные им транспортные комендатуры, сферы действий которых совпадали со сферами действий, гражданской железнодорожной администрации. Их работу можно сравнить с работой огромной экспедиционной конторы, заказчиками которой являлись высшие командные инстанции, органы службы тыла, а также сырьевое хозяйство и военная промышленность.

Начальнику военно-транспортной службы подчинялись и так называемые полевые железнодорожные батальоны, общая численность которых составляла 11 тыс. человек. Профессиональные железнодорожники, ставшие солдатами, вели в них непосредственную фронтовую работу. Полевые

железнодорожные батальоны полностью себя оправдали.

Кроме того, начальник военно-транспортной службы имел в своем распоряжении железнодорожные саперные войска. Эти войска были сведены в бригады, численность которых постоянно колебалась в пределах 15 тыс. человек в каждой. Командовали бригадами генералы военно-транспортной службы. Продвигаясь вслед за войсками, эти бригады должны были производить первый восстановительный ремонт путей и объектов и организовывать фронтовую аварийную службу. При отступлении на них возлагалась обязанность разрушать железнодорожные сооружения с целью воспрепятствовать слишком быстрому продвижению противника. В обороне в их задачи входило развитие и усиление фронтовой железнодорожной сети, ремонт повреждений, причиненных противником, и строительство временных железных дорог. Незаметная и нередко связанная с большими потерями трудная работа этих войск, постоянно находившихся позади фронта, заслуживает самой высокой оценки.

Большая и столь необходимая для фронта инициативность и оперативность работы управления военно-транспортной службы, развитая еще талантливым генералом Гренером в годы первой мировой войны, к сожалению, не получила должного признания у Гитлера и не была полностью использована его авторитарным и часто необъективным в вопросах военного руководства аппаратом.

Служба начальника тыла, имея в своем распоряжении автомобильный и гужевой транспорт, решала задачи по подвозу снабжения и эвакуации войск между фронтом и станциями отправления (назначения), а также выполняла задачи по оказанию помощи железным дорогам в критические моменты и в тех районах, где отсутствовало всякое железнодорожное сообщение. Если одних железных дорог было недостаточно или железнодорожные пути не были еще восстановлены, снабжение осуществлялось по временным железным дорогам, а также при помощи автомобильного и гужевого транспорта. Немалую роль при этом играло и строительство новых дорог и путей, которым руководили высшие командные инстанции на фронте и в тылу. Проведение этих работ в свою очередь вызывало необходимость завоза туда большого количества предметов снабжения и материалов, для чего приходилось изыскивать дополнительные транспортные возможности.

Морские и воздушные перевозки осуществлялись самостоятельно штабом оперативного руководства войной на море и командованием ВВС. В случае необходимости переброски войск и снабжения морем или по воздуху главное командование сухопутных войск делало заявку соответствующим инстанциям. Во избежание простоев и для обеспечения бесперебойной работы транспорта все заинтересованные организации должны были установить между собой самое тесное взаимодействие, и если, например, требовалось быстро разгрузить корабль, то железнодорожные товарные вагоны должны были подаваться к причалу в соответствующем количестве и в точно установленные сроки.

Примеры и опыт

Железнодорожные перевозки, связанные со стратегическим развертыванием немецких войск в начале второй мировой войны, то есть в 1939–1940 годах, проходили без всяких осложнений, так как имелось вполне достаточно времени. Война с Польшей показала, что политическая капитуляция руководства противника[111] одновременно парализует и транспортную сеть противника. В свою очередь война на Западе убедила всех в том, что современная война, предполагающая большие передвижения войск, делает необходимым привлечение к руководству транспортом большого числа специалистов. К сожалению, это не всегда было так. Если бы авиация противника уже в то время направила свои удары по скопившемуся на железных и шоссейных дорогах в ожидании отправки транспорту, война могла бы пойти по совершенно иному пути. Тремя годами позже противник извлек урок из своего горького опыта и действиями авиации и партизан создал транспорту Италии такие же трудности, как и год спустя, в 1944 году, до и во время вторжения во Францию. Когда ремонтные и восстановительные бригады уже не могли успевать восстанавливать разрушенное, пришлось прибегнуть к методу «островной работы», заключавшемуся в том, что неповрежденный участок пути образовывал так называемый «остров», где сообщение осуществлялось оставшимся на этом участке подвижным составом, а перевозки от одного острова к другому производились при помощи автоколонн, рассчитанных на два рейса. Впервые этот метод был применен в 1941 году во время наступления в России.

В пределах самой Германии железнодорожные перевозки военного и военно-экономического характера можно было осуществлять вплоть до 1945 года, несмотря на частые налеты вражеской авиации. Это оказалось возможным благодаря большой разветвленности сети и хорошему состоянию железных дорог, а также благодаря очень гибкому и находчивому руководству транспортом со стороны управления германских железных дорог.

Сообщение с отдаленными театрами военных действий, главным образом в Северной Африке и Северной Финляндии, дало весьма ценный опыт. Оперативными целями на этих театрах военных действий были жизненно важные транспортные сооружения и центры, как Суэцкий канал и порт Мурманск.

Достигнуть этих целей не удалось. Однако это случилось не потому, что войска или их командование оказались беспомощными, а потому, что германское верховное командование в своей стратегической концепции значительно переоценило собственные транспортные возможности в этих районах и недооценило возможностей противника. Отсутствие пригодных для эксплуатации морских судов, малочисленность гаваней и портов с достаточной пропускной способностью и сильно сократившиеся возможности подвоза к фронту выгруженных на конечных пунктах войск и предметов снабжения — все это значительно сокращало мощность германского транспорта.

Сокращение транспорта явилось одной из причин ухода немецких войск из Северной Африки. А в Северной Финляндии 20-й горнострелковой армии, вероятно потому, что ее склады были полны и она не нуждалась в снабжении, была поставлена новая, на этот раз транспортно-стратегическая задача. Эта армия должна была стать своего рода armee couverture[112] для 5-го воздушного флота, который наносил удары по караванам союзников, направлявшимся североатлантическим путем в Мурманск и снабжавшим советские войска, оказавшиеся на этом участке фронта в очень тяжелом положении. Это привело к тому, что с 1942 года конвои вынуждены были изменить свой курс и выбрать себе более длинный путь — в Южную Персию.

Решающее значение оперативные коммуникации приобрели в России.

Ни в одной другой стране оперативное руководство не зависело в такой степени от надежности коммуникационных линий, шедших к фронту, и рокадных путей, как на широких просторах русской земли. Исключительно малая, по западным понятиям, интенсивность движения транспорта и тяжелые климатические условия, из-за чего зачастую прекращалось всякое сообщение, а также удачные действия партизан в тылу заставили немецкую армию и ее командование совершенно изменить свое отношение и пользоваться любыми имеющимися путями и средствами транспорта.

Русское командование сознательно использовало эти моменты и постоянно опиралось на железные дороги при отступлении, в обороне и наступлении, благодаря чему русские часто проявляли поразительное мастерство, быстро перебрасывая

крупные боевые соединения на самые ответственные участки фронта, обходясь при этом без помощи тыловых служб. Функции последних сократились благодаря снабжению войск прямо по железным дорогам, без перевалки. Такой метод обеспечивал наибольшую подвижность.

Однако Гитлер еще в 1941 году не захотел принять в расчет большое стратегическое значение транспорта и вопреки советам всех военных экспертов прервал обещавшее успех наступление на Москву перед самым его завершением, перенеся по военно-экономическим соображениям основное усилие кампании 1941 года на Украину. Этим самым он отказался нанести самый сокрушительный стратегический удар. который тогда мог бы привести Советский Союз к поражению. Он отказался выбить самую сердцевину всей русской железнодорожной сети ради достижения цели, которая в результате падения Москвы так или иначе была бы в руках группы армий «Юг».

Поучительным примером оперативного значения транспорта является поддержка боевых действий 3-й танковой армии весной 1944 года в районе Витебска всевозможными транспортно-техническими мероприятиями. Здесь нужно было отбить атаки превосходящих сил русских и удержать этот самый северный бастион группы армий «Центр» (см. схему 4). Чтобы разгрузить главную магистральную дорогу Брест — Минск — Орша, по которой уже шло снабжение трех других армий, снабжение Витебска осуществлялось вначале по проходящей несколько к северу параллельной ей дороге Лида — Полоцк. 26 декабря 1946 года эта дорога была перерезана прорвавшимися на узком участке русскими войсками. Попытки восстановить положение контратаками оставались безуспешными. Теперь снабжать войска, ведущие бои за Витебск, пришлось по дороге Брест — Орша, и без того уже перегруженной и постоянно подвергавшейся налетам крупных партизанских отрядов. Кроме того, она проходила очень близко от линии фронта и потому могла быть перерезана в любое время.

Удержание Витебска любой ценой имело решающее значение не только для группы армий «Центр», но также и для группы армий «Север», потому что в случае успеха немецких войск русские не смогли бы продолжать свое наступление в направлении Зап. Двины без опасения, что их левый фланг окажется слишком растянутым. Но так как от удержания Витебска зависела судьба обеих групп армий, а обороняющие его войска

нуждались в снабжении по железной дороге, приходилось искать какой-то другой выход. Этот выход был найден вначале в прокладке временной железной дороги, которая начиналась от станции[113] не очень загруженного участка дороги, позволявшей производить массовую перевалку грузов. Однако эта дорога проходила через район очень интенсивного партизанского движения, так называемую «Советскую республику Лепель». в результате чего строители и транспортники несли здесь серьезные потери, а материальной части партизаны причиняли значительный ущерб.

Пока не была пущена в эксплуатацию временная дорога (строительство ее затянулось на несколько месяцев). 3-я танковая армия вынуждена была снабжаться" только по весьма опасной дороге Орша — Витебск. Русское командование видело это и, конечно, пыталось перерезать единственный путь снабжения защитников Витебска, взяв под артиллерийский обстрел самое уязвимое место этой дороги — открытый для наблюдения мост через р. Черниченку.

Несмотря на это, железнодорожный транспорт работал с января по апрель 1944 года настолько успешно, что обороняющие Витебск немецкие войска ни в чем не чувствовали недостатка. Начиная с середины апреля ремонтники уже не могли восстанавливать все поврежденные партизанами места. Дорога оказалась перерезанной.

Между тем железнодорожные саперные части предусмотрительно начали строительство обходной линии длиной 5,9 км, которая шла по глубокой ложбине, поросшей лесом. Через 17 дней работы (21 апреля 1944 года) этот участок был сдан в эксплуатацию, причем обнаружить его русским не удалось. Так как 28 мая была открыта и упомянутая выше временная железная дорога, снабжение Витебска с этого момента было вновь обеспечено.

Этот пример прекрасно иллюстрирует тактику русских, всегда стремящихся к тому. чтобы различными методами (прорывом фронта, действиями партизан или артиллерийским огнем) перерезать коммуникации, ведущие к объекту атаки. Но этот же пример свидетельствует и о том, что немецкие транспортники и строители (железнодорожные саперы, строители временных железных дорог и служащие государственных железных дорог) отлично справлялись с этими трудностями.

Проблемы, связанные с транспортом, противник относил, как правило, к вопросам стратегического порядка, а у держав оси не хватало сил и средств для такого срыва работы транспорта, который мог бы повлиять на проведение русскими тех или иных операций.

Наибольшую трудность для противника представляли транспортные перевозки в Россию через страны Среднего Востока и Китай, потому что державы оси широко использовали незащищенность чересчур растянутых коммуникаций западных союзников и, посылая туда свои подводные лодки и самолеты, успешно топили караваны судов. В мае 1941 года, например, тоннаж потопленных судов противника в три раза превысил производительность английских судоверфей и в два раза — тоннаж вновь строящихся судов на всех американских и английских верфях. При этом было потоплено так много танкеров противника, что он вынужден был использовать даже норвежские китобойные суда. В марте 1942 года из 31 судна, шедшего в Россию, было потоплено 6, а из 62 судов, вышедших в море в апреле, в порты назначения не пришло 18 судов противника. В общей сложности в 1942 году было потоплено 15 % всех судов, зафрахтованных Россией.

Причина высоких потерь заключалась в том, что путь через Северную Атлантику в Мурманск находился, как мы уже говорили, под постоянным контролем немцев. Потери транспортных судов противника начали сокращаться только с осени 1942 года, когда в результате лихорадочной работы в Иране было закончено строительство и начата эксплуатация мощных портов и железных дорог. Для того чтобы пустить эти дороги, пришлось везти издалека 92 тепловоза, 2 тыс. товарных вагонов и свыше 370 км рельсов. Все это привело к тому, что уже в 1943 году общее количество потерь торгового флота союзников сократилось до 2 %.[114]

Однако и этот канал снабжения России через Иран в 1942 году был временами почти закрыт в результате блокады Средиземного моря. На переход морем вокруг Африки требовалось 70 дней, и поэтому расход судов здесь был намного больше. Это обстоятельство сильно отразилось на боях в Северной Африке и отчасти способствовало успехам Роммеля.

Частичное облегчение в этом деле принес организованный

американцами воздушный мост: США — Бразилия — Нигерия — Картум.

В оперативном отношении опыт современной войны, неизбежно связанной с большими перемещениями людских и материальных ресурсов, сводится к тому, что оперативное планирование целиком и полностью зависит от наличия и состояния транспорта. Это наглядно доказали налеты немцев на Суэцкий канал и на Мурманск. Кто хочет добиться наибольшего оперативного успеха, обязан заблаговременно обеспечить себя достаточными запасами военного имущества и продовольствия или принять меры к улучшению состояния дорог и транспорта. Типичным примером этого служит вторжение союзников во Францию в 1944 году, когда они в течение целого ряда лет занимались строительством десантного флота, искусственных портов и т. п.

Современная стратегия больших расстояний, необходимость в большой подвижности войск и огромный спрос на транспортные средства на суше, на море и в воздухе — все это делает транспорт одним из важнейших факторов современной войны. Это в полной мере доказано всем ходом второй мировой войны, в которой в противоположность первой мировой войне важное место занимала постоянная борьба на основных и второстепенных коммуникациях. Однако отводить транспорту главенствующую роль в последней войне значило бы умалять значение военного искусства

ЛИТЕРАТУРА

Teske H., Die silbernen Spiegel, Generalstabsdienst unter der Lupe, Vowinckel, Heidelberg.

Министр финансов в отставке Лутц граф Шверин фон Крозиг

Как финансировалась вторая мировая война

С древних времен и до настоящего времени источники финансирования войн менялись в зависимости от обстановки и особенностей воюющих стран.

1. Первоначальной формой финансирования войн была военная добыча. Ее значение в несколько измененном виде сохранилось и до сегодняшнего дня. Вместо сложной системы складов, которая во времена Фридриха Великого обременяла войска и затрудняла походы. Наполеон ввел организованный метод снабжения войск за счет оккупированной территории. Военные контрибуции, денежные и натуральные налоги с населения занятых районов играли немалую роль и в последней войне.

2. Долгое время одним из важнейших источников финансирования войн оставалась военная казна. Так, например, золотой запас, который Фридрих Вильгельм I оставил своему сыну, позволил великому прусскому королю вести свои первые войны. Наполеон с большой гордостью показывал миллионы золотых франков, собранные им в подвалах французского Национального банка для войны с Россией. Еще одним примером того, что золотой запас является основным источником финансирования войн, может служить тот факт, что именно перед первой мировой войной Германия собрала весь свой золотой запас в крепости Шпандау.

3. Иногда единственными предпосылками для вступления той или иной страны в войну были субсидии, то есть денежная и материальная помощь союзных и дружественных стран. Именно они заставили великого курфюрста во второй половине своего правления присоединиться к одной из воюющих держав. Эти средства сыграли значительную роль и в первой мировой войне в виде тех займов, которые Америка предоставляла своим союзникам.

4. Такая форма финансирования, как налоги, своим происхождением вообще обязана войне. В Афинах и Риме «прямые» налоги собирались только во время войны. Спор из-за

военного налога стоил головы английскому королю Карлу I. В последнее время военный налог стал незаменимым средством военного финансирования.

5. С тех пор как финансирование войны вообще стало проблемой, одним из наиболее существенных его источников стал кредит. Карл V, например, целиком зависел от нюрнбергских банкиров Фуггеров.[115] Современная финансовая система позволяет государству погашать свои долги выпуском внутренних займов и размещением их среди населения. Таким образом, кредит превратился в важнейшее средство финансирования войн.

6. Инфляция имеет более древнее происхождение, чем мы привыкли думать. Средство, которое средневековые князья и герцоги применяли для того, чтобы всякими махинациями увеличить количество серебряных денег в своей казне, Фридрих Великий планомерно использовал для финансирования семилетней войны. Однако неограниченная эмиссия денежных знаков стала возможной, вероятно, только в современном финансовом хозяйстве.

До тех пор пока войны не стали охватывать весь народ и всю экономику страны, военные издержки составляли лишь довольно умеренную часть всего народного дохода и народного достояния. «В старое доброе время» ограниченность имеющихся средств финансирования войны создавала непреодолимую преграду для ее развязывания или продолжения. Война 1870–1871 годов была последней европейской войной, в которой существовавшие до сих пор старые представления и методы финансирования имели еще какой-то вес. Никто не мог предположить, что уже следующая война внесет в эту область существенные изменения. Профессора национальной экономики, банкиры и офицеры генерального штаба в 1914 году считали, например, что длительная война по финансовым соображениям невозможна, Можно сказать, что и в будущем трудности, связанные с финансированием войн, будут служить основным тормозом развития войн.

Изменения, вызванные первой мировой войной

Мировая война 1914–1918 годов опровергла все предсказания. Развившись в «тотальную войну», она довела военные расходы до размеров, считавшихся дотоле невозможными, втянула в борьбу все крупные государства и продолжалась более 4 лет.

Германия в финансовом отношении вступила в первую мировую войну неподготовленной. Финансового «мобилизационного плана» не было. Поскольку на длительную войну не рассчитывали, существовавшая система налогов в основном осталась без изменений. Эта система осложнялась всем государственно-правовым устройством Германии, так как земли, входившие в состав империи, имели право на сбор прямых налогов, и поэтому до 1919 года империя получала от земель только так называемые «матрикулярные» взносы и практически находилась на иждивении этих земель. Тяжелые последствия военного поражения заставили Эрцбергера провести, финансовую реформу, которая изменила финансовые взаимоотношения между государством и входящими в его состав землями, которые с этого времени стали «пансионерами» центрального финансового аппарата, получая лишь свою долю от различных переводных налогов, от налога с оборота, подоходных налогов и налогов с корпораций. Упорная борьба, которую центральное правительство вело за большее участие империи в прямых налогах земель, к решающему успеху не привела. Даже умный Хельферих, будучи секретарем имперского казначейства, тешил себя и других той иллюзией, что бремя военных издержек можно возложить на побежденного. И только горький опыт войны помог убедиться в том, что это мнение было глубоко ошибочным и что репарации не только дезорганизуют хозяйство побежденной страны, выплачивающей их, но и приводят к тому, что страна, получающая репарации, оказывается вынужденной помогать побежденной стране субсидиями и кредитами, так как ее экономика оказывается ослабленной вследствие платежей и демонтажа предприятий.

Эти ошибочные взгляды на финансирование войны привели к тому, что во время первой мировой войны Германия имела

возможность покрывать налогами только 12 % военных расходов, и потому кредиты были превращены в главный источник финансирования войны. Для покрытия военных издержек были выпущены займы на общую сумму 99 млрд. марок и выданы краткосрочные долговые обязательства (векселя) на сумму 55 млрд. марок. Технически это осуществлялось таким образом: казначейство для оплаты расходов выпустило на рынок так называемые казначейские векселя, а затем погашало их выручкой от периодических займов. В начале войны военные займы имели в финансово-политическом отношении большой успех. Первый заем, выпущенный в сентябре 1914 года на сумму 4,5 млрд. марок, вдвое превышал крупнейший в истории финансов французский заем, выпущенный в июле 1872 года. Сумма займов постоянно увеличивалась и достигла в марте 1918 года, когда был выпущен восьмой заем, максимальной цифры 15 млрд. марок. Но, к несчастью, расходы росли еще быстрее. Если вначале поступлений в казну было достаточно, чтобы выкупать все выданные векселя, то с повышением издержек все большее и большее количество векселей оставалось неоплаченным.

Таким образом, доля краткосрочного кредита в финансировании увеличивалась из года в год. Еще большую опасность представляло увеличение числа невыкупленных векселей, а поскольку они не могли быть проданы на рынке, имперский банк обязан был принимать их назад. Это стало возможным благодаря изданному в начале войны закону, изменившему существующее положение об оплате имперских банкнот. Банкнота стала обеспечиваться на 40 % золотом и на 60 % — торговыми векселями, то есть такими векселями, основой которых является частнохозяйственное производство. Этот закон сделал возможным обеспечение векселей имперскими долговыми обязательствами. До тех пор пока размеры эмиссии банкнот определяются торговыми векселями и, следовательно, общим объемом производства, количество денег, находящихся в обращении, соответствует действительной экономической потребности. Если вместо торговых векселей на арену появляются государственные долговые обязательства, то ограничения эмиссии отпадают.

Количество денег, находящихся в обращении, должно соответствовать потребности государства в деньгах, а государство теперь стремилось покрыть спрос выпуском бумажных денег в размерах долговых обязательств, принимаемых эмиссионным банком. Таким образом, закон от августа 1914 года открыл путь к

инфляции. Чем больше неоплаченных и не находящих сбыта на рынке векселей вынужден был принимать государственный банк и вместо них печатать банкноты, тем большее количество денег становилось фактически обесцененным.

Инфляция как средство неограниченного финансирования войн была в финансово-экономическом отношении одним из основных «достижений» первой мировой войны. Опасение, что длительная война невозможна по финансовым соображениям, исчезло, однако средство, благодаря которому удалось продолжать войну, оказалось гибельным. Большие изменения, происшедшие в методах ведения и финансирования войны, привели к осознанию того, что, во-первых, финансовый фактор уже не является решающим для ведения войны и что, во-вторых, современная война не может финансироваться без известной степени инфляции. Война отбросила финансовый тормоз и обесцениванием денег произвела революцию в экономической, общественной и политической жизни страны. Обе эти тенденции целиком и полностью распространяются и на процесс вооружения страны, если он проходит в больших масштабах.

Вооружение Германии перед второй мировой войной

Военные расходы Германии с 1934 года до 31 августа 1939 года по всем трем видам вооруженных сил, в том числе и расходы, связанные с увеличением вооружений, составили 60 млрд. марок. В этот же период общие бюджетные расходы Германии равнялись 101,5 млрд. марок, то есть военные расходы составляли 59,1 % этой суммы.

Налоговые сборы дали в общей сложности 62,2 млрд. марок. Их вполне хватало для финансирования гражданского сектора (41,5 млрд.), и, кроме того, оставалось еще 20 млрд. марок на покрытие военных издержек. Еще одна треть военных расходов (20 млрд. марок) покрывалась «прочими хозяйственными сборами», то есть за счет прибылей железных дорог, почтовых сборов, доходов государственного банка и т. д., а также за счет кредитов, выдаваемых в первые годы в виде краткосрочных, а позднее — долгосрочных долговых обязательств. Сборы для покрытия последних 20 млрд. марок военных расходов представляли наибольшие трудности. Здесь вначале был использован так называемый «вексель Мефо»,[116] относительно которого было довольно много споров. Металлургическое научно-исследовательское общество, членами которого были важнейшие военно-промышленные фирмы Круппа, Сименса и др., соглашалось принимать к оплате векселя, предъявляемые поставщиками оружия, выполнявшими государственные заказы. Векселя, снабженные теперь двумя «хорошими» надписями, могли — по крайней мере формально — рассматриваться как торговые векселя, допущенные банком, и. следовательно, могли приниматься или учитываться государственным банком. Банки или промышленные фирмы, имевшие такие векселя, могли в любое время погасить их в государственном банке; для государственного же банка они служили основой для эмиссии кредитных билетов. Как правило, в вексельном портфеле государственного банка не находилось даже и половины векселей, так как они благодаря своей надежности и легкости удовлетворения по ним, гарантированными самим государством, охотно покупались предпринимателями, видевшими в них средство краткосрочного помещения своих свободных капиталов.

Векселям Мефо предшествовали так называемые векселя трудоустройства,[117] введенные с осени 1932 года президентом государственного банка Лютером для финансирования общественных работ государственного масштаба. Один из ответственных сотрудников государственного банка — тайный советник Шнейдер — считал, что векселя Мефо не противоречат финансовым законам. Конечно, по форме эти векселя представляли собой обычные товарные векселя, но по существу являлись финансовыми бумагами. Хотя по своему характеру они и не были безупречными, однако в тех условиях они считались незаменимыми для финансирования вооружений.

За три бюджетных года (с 1934 по 1937 год) векселей Мефо было выдано на общую сумму 12 млрд. марок, причем в 1934 году — 2,14 млрд… в 1935 — 2.72 млрд… в 1936 — 4,45 млрд. и в 1937 — 2,69 млрд. марок. С 1 апреля 1938 года их выпуск был прекращен. Финансирование вооружений должно было с этих пор осуществляться за счет обычных поступлений (на текущие расходы) и за счет займов (на чрезвычайные военные расходы).

В течение переходного этапа имперское кредитное управление выпускало так называемые «денежные переводы за поставку». Это означало, что фирмы, производящие вооружение, получали при выполнении государственных заказов вместо наличных денег денежные переводы сроком на 6 месяцев, в течение которых они могли «закладывать» их в государственном банке, то есть под залог этих переводов брать ссуды. В 1938 году таких денежных переводов было выдано на сумму 6,5 млрд. марок. В 1939 году было открыто новое средство финансирования — так называемые налоговые квитанции. 40 % своих заказов государство оплачивало не наличными деньгами, а налоговыми квитанциями; в свою очередь подрядчики при расчете со своими поставщиками также на 40 % расплачивались этими квитанциями. Их было выдано на общую сумму 4,8 млрд. марок. Государственный банк принимал их так же неохотно, как и денежные переводы за поставки. Оплата денежных переводов и уменьшение налоговых сборов, происшедшее в связи с тем, что часть налогов стала оплачиваться квитанциями, потребовали увеличения государственного кредита, который и без того почти целиком уходил на финансирование основной части вооружений. Благодаря ряду мероприятий рынок капиталов несколько упорядочился. К этим мероприятиям относятся, во-первых, консолидация, то есть сосредоточение невыплаченных коммунальных долгов путем выпуска долгового займа, и, во-

вторых, введение закона о займодержателях, который, кроме обеспечения определенных дивидендов, разрешал помещение сумм с твердым процентом. В связи с этим значительно расширился долгосрочный кредит.

Когда началась война, в технике финансирования не требовалось производить никаких изменений. Некоторый опыт финансирования вооружений уже имелся. Нужно было только расширить его.

Возложенные на Германию по плану Дауэса финансовые обязательства, основанные на международном праве (репарационный план Дауэса предусматривал независимость государственного банка при условии соблюдения установленных размеров кредита и норм оплаты векселей государственной казны), не были изменены и в 1929 году с принятием нового плана — плана Юнга. Даже конференция по вопросу о репарациях, состоявшаяся в 1932 году в Лозанне, не смогла их отменить. Новое положение о немецких банках, появившееся в 1937 году, устраняло вначале только независимость государственного банка и ликвидировало полномочия Базельского международного банка распоряжаться внутренними делами немецких банков. Однако все ограничения, наложенные на эмиссионный банк в вопросах предоставления государственного кредита, были сняты только законом о государственном банке, изданном 15 июня 1939 года. В финансово-политическом отношении этот закон был подобен закону от августа 1914 года: он расчистил путь для инфляции.

Система централизованного управления экономикой

Тотальная война требует централизованного управления производством. Во время войны Германия не нуждалась в создании новой организации, так как вся экономическая система, которая была неразрывно связана с финансовой политикой, могла быть оставлена без изменений. Еще до войны процесс централизации руководства экономикой характеризовался рядом этапов. Так называемый «Новый план» 1934 года поставил внешнюю торговлю под государственный контроль; в том же году вся экономика была разбита на 7 «имперских групп», причем каждое предприятие должно было административно принадлежать к одной из этих групп; с введением четырехлетнего плана в 1936 году государственное управление хозяйством подверглось еще большему укрупнению. С этого времени особое значение приобрело централизованное распределение важнейших видов сырья. Таким образом, когда закончился период подготовки к войне и довоенное хозяйство стало военным, создавать новые учреждения было уже некогда, нужно было более полно использовать то, что уже имелось. Перевод экономики на военные рельсы был осуществлен при помощи регулирования производства и сбыта товаров, правильного распределения сырья, четкого руководства всеми работами и запрещения новых капиталовложений в определенные отрасли мирной промышленности. Необходимое для промышленности сырье, главным образом сталь, распределялось по отдельным отраслям промышленности, что сильно ограничивало частное предпринимательство. Сокращение потребления населения осуществлялось не путем повышения налогов или, как в первую мировую войну, путем повышения цен, а новым способом, заключавшимся в том, что на все основные предметы обихода были установлены строгие нормы расхода, а покупательная способность населения обеспечивалась системой твердых (низких) цен.

Введение твердых цен и замораживание заработной платы

Форсированный темп вооружения привел к тому, что в Германии еще за несколько лет до войны стали появляться тенденции к повышению цен и явления дефицита некоторых товаров. Поэтому в 1936 году была учреждена должность специального комиссара по ценам, который не только контролировал, но и устанавливал цены на важнейшие товары. Повышение цен запрещалось законом и допускалось лишь в исключительных случаях с разрешения этого комиссара. Одновременно было предпринято и замораживание заработной платы. Чтобы сделать продукты питания дешевле, государством были введены специальные надбавки к заработной плате. В ходе войны эта система непрерывно расширялась и укреплялась. Распоряжение от 4 сентября 1939 года предписывало производство всех расчетов и установление цен проводить по так называемому «принципу хозяйствования в военное время». Этот принцип сохранял свою силу в течение всей войны. Только на молоко, птицу и яйца государственные надбавки к заработной плате составили 1 млрд. марок в год. Если до войны цены на товары внутри Германии были выше цен, существовавших за границей, и поэтому при ввозе товаров образовывалась некоторая «шлюзовая прибыль» (цены на ввозимые товары поднимались до уровня цен, существовавших на внутреннем рынке страны, а разница составляла доход государства), то в ходе войны цены на товары за границей стали выше внутригерманских цен, поэтому теперь цены на внутреннем рынке приходилось выравнивать уже в ущерб государству.

Внешне система замораживания цен и заработной платы вполне себя оправдала. Уровень (индекс) оптовых цен поднялся к июню 1944 года только на 9 %. уровень жизни — на 12 %, заработная плата — на 11 %. Но цены потеряли свою регулирующую функцию. Ее стала выполнять карточная система. В связи с увеличением доходов тех слоев населения, которые в период войны впервые поступали на службу (старики, домашние хозяйки, служанки), и в связи с ограничением потребления, которое было вызвано введением карточной системы, покупательная способность населения стала увеличиваться.

В ходе войны приобрела большое значение проблема «блуждающей покупательной способности», которую в дальнейшем мы рассмотрим более подробно. До конца 1942 года финансирование войны за счет инфляции, то есть за счет печатания большего количества банкнот, чем нужно, не превышало допустимых пределов. Кредитные возможности эмиссионного банка, узаконенные в 1939 году, использовались очень осторожно. Но с ухудшением военной обстановки росли и трудности в области финансовой политики. С середины 1944 года началось быстрое и угрожающее развитие инфляции. Растущее недоверие населения к создавшемуся положению привело к массовому изъятию банковских вкладов и сильно подорвало денежную валюту, которая стала теперь терять свои функции и была заменена «валютой материальных ценностей», а с 1945 года — «сигаретной» и другой валютой. Ни твердые цены, ни замороженная заработная плата не могли спасти положение.

В последние месяцы войны появились все признаки полной инфляции. Избыток покупательной способности в конце войны составлял 200 млрд. марок. В этом положении запрет повышения цен в сущности сводился к простой маскировке инфляции.

Финансовое обеспечение производства вооружений

В области сбыта военной продукции регулирование цен дало положительные результаты. Вначале, согласно «Положению о регулировании цен при общественных заказах», критерием цен служила себестоимость. С конца 1941 года внедрился метод «единых и групповых цен», когда критерием стала уже не себестоимость, а производительность с учетом опытных цен прежних затрат. В конце 1944 года для 22 тыс. наименований военной продукции была введена групповая цена. Это мероприятие имело такой успех, что с середины 1942 года увеличение военных расходов резко замедлилось. Этому способствовало также и другое обстоятельство.

Чтобы оказать военным заводам при их расширении и перемещении финансовую помощь, были созданы, большей частью еще до войны, особые институты финансирования: например, в армии — Военно-кредитное акционерное общество, выдававшее кредиты для военных заказов; в военно-морском флоте — Германское акционерное общество промышленного банка, которое финансировало заказы для морского флота; в авиации — Банк германского авиационного акционерного общества, финансировавший и контролировавший авиационную промышленность; в министерстве вооружений — Акционерное общество вооружений, которое руководило использованием промышленного оборудования и оплачивало расходы, связанные с перемещением предприятий. В 1942 году метод финансирования изменился. Поставщики, набравшие «жира» еще в период подготовки к войне и благодаря военным заказам значительно увеличившие производительность своих предприятий, должны были теперь полностью финансировать свое производство из собственных капиталов или же прибегать к банковским кредитам. За счет этого государство ежемесячно экономило до 800 млн. марок.

Покрытие военных издержек

Военное финансирование может осуществляться как за счет имеющихся, так и вновь производимых ценностей. И те и другие составляют основу для денежного покрытия военных расходов. Это положение нарушается только инфляцией. Для покрытия финансовых издержек во время войны имеется три основных источника.

1. Народный доход. После того как удовлетворены текущие потребности государства, а также произведены расходы, связанные с новыми капиталовложениями, содержанием населения и потреблением гражданского сектора, народный доход может быть целиком использован для покрытия военных нужд. Как показал опыт, расходы на новые капиталовложения и на содержание населения составляли 10 %, а на текущие потребности государства — 15 % общей суммы народного дохода. Народный доход в 1938 году составил в старых границах империи 80 млрд. марок (включая Австрию и Судетскую область — 88 млрд. марок). На финансирование гражданского сектора и удовлетворение военных нужд в распоряжении имелось 66 млрд. марок. Прожиточный минимум одного человека по тогдашним ценам равнялся приблизительно 300–400 маркам, что при 80-миллионном населении Германии составляло 25–30 млрд. марок. Таким образом, на военные нужды оставалось максимум 40 млрд. марок. В первый год войны, когда размеры народного дохода еще не успели существенно измениться, военные расходы Германии не превышали 38 млрд. марок. К последнему году войны они поднялись до 1000 млрд. марок.

2. Народное достояние. Большое значение для покрытия военных нужд имеет мобилизуемая часть народного достояния. В нее входят запасы товаров ла складах, золото, ценные бумаги и т. п. Немобилизуемые (недвижимые) ценности, то есть жилые дома и заводские помещения, могут быть косвенно использованы для финансирования войны благодаря тому, что в военное время отпадает необходимость их ремонта. Плачевное состояние наших жилых и заводских зданий в конце войны свидетельствует о том, как мало средств тратилось на их ремонт. В первую мировую войну по самой скромной оценке было мобилизовано 10 % всего народного достояния тех лет, составлявшего 350 млрд. марок. Мобилизуемая часть народного достояния в начале второй

мировой войны была несравненно меньше. Но если предположить, что и во вторую мировую войну мобилизуемая часть составляла 30–40 млрд. марок, то эти средства в основном были получены за — счет сокращения издержек на ремонт.

3. Иностранные займы и военные контрибуции. Германия не имела системы «ленд-лиза», которая обеспечила союзникам подвоз военных материалов из Америки, не создавая необходимости немедленной их оплаты. Не получала Германия и иностранных займов. Зато она широко использовала финансовые источники оккупированных областей. Из общих военных расходов Германии, составивших 683 млрд. марок, 87 млрд. были покрыты за счет платежей других государств. Эта сумма слагается из различных элементов. К их числу относятся следующие:

а) Германские кассовые кредитные билеты. Они являлись узаконенным средством платежей в оккупированных областях и служили для предварительного финансирования оккупационных расходов. Как только немецкие войска вступали в чужую страну, им сразу же требовалось какоелибо платежное средство. Германская марка в этих областях хождения не имела. Франков, гульденов и другой иностранной валюты у солдат не было. Вместо этого у них были так называемые германские кассовые кредитные билеты, которыми они и расплачивались. Получившие такие билеты обменивали их затем в своих эмиссионных банках. Выплата по этим билетам производилась в счет контрибуции, уплачиваемой оккупированной страной. С введением новой системы оккупационных расходов, согласно которой оккупированная страна должна была нести расходы, связанные с содержанием немецких войск в своей валюте, предполагалось, что кассовые кредитные билеты исчезнут совершенно. Если бы это было так. то эти «подвижные войска государственного банка» выполнили бы свою задачу. Но замена «оккупационных денег» платежными средствами оккупированной страны на практике происходила не так быстро и свободно, как это предусматривалось теорией. Кассовые кредитные билеты текли в оккупированную страну в виде переводов полевой почты и карманных денег, привезенных войсками с Востока в оккупированные районы Запада. Иногда это делалось незаконным путем, и поэтому при месячных подсчетах к оплате предъявлялись значительные суммы сверх оккупационных издержек. В связи с этим военное командование, например в Бельгии, видя такое наводнение своей страны кредитными билетами, вынуждено было снять их с курса. Что касается России,

то там они вообще не выкупались, поскольку на нее не было наложено никакой контрибуции. Войскам, находившимся в России, было выдано кредитных билетов на общую сумму 2,5 млрд. марок, из которых по приблизительным подсчетам 300–400 млн. марок «утекло» на Запад во время передислоцирования войск. В общей сложности не было выкуплено кредитных билетов на сумму в 3 млрд. марок.[118]

б) Оккупационные издержки, которые составили в общей сложности 66 млрд. марок. Главная часть их падает на Францию, израсходовавшую на содержание оккупационных войск 31,6 млрд. марок. С России, где расходы, связанные с оккупацией, составили 5,4 млрд. марок, контрибуция не взималась. Там обходились невыкупленными кредитными билетами, а частично снабжением армии из продовольственных ресурсов страны и прибылью, получаемой восточными торговыми обществами, созданными специально для закупки товаров на оккупированной русской территории (900 млн. марок).

В постоянной борьбе за увеличение размеров контрибуции, взыскиваемой с той или иной страны, и за выделение сумм на расходы, не связанные с оккупацией, заинтересованные немецкие финансовые органы отнюдь не были едиными. В оккупированных районах Запада контрибуции, особенно в первое время, шли отчасти на финансирование военных заказов, размещенных в промышленности данной страны, а в основном — на закупку различного стратегического сырья и материалов, то есть на расходы, не связанные с оккупацией. Закупки, как правило, производились на «черном рынке». В германских верхах долгое время дебатировался вопрос о том, следует ли способствовать развитию черного рынка или нужно бороться с ним. В 1941 году главный штаб вооруженных сил приказал производить все выплаты на содержание войск, не находящихся в пределах оккупированной территории, не за счет оккупационных издержек, а по клирингу с возвратом в случае необходимости. В 1943 году в ответ на настойчивые ходатайства местных оккупационных властей и различных берлинских ведомств черные рынки были закрыты, по крайней мере официально.

На характер и способы взимания военных контрибуций оккупационные власти не оказывали почти никакого влияния. Оккупированные страны должны были разрешать те же самые проблемы, какие возникали у них при расходах на свое вооружение и свои собственные военные нужды, с той лишь

разницей, что теперь они делали это не для собственной пользы, а для противника. Население относилось к этому либо пассивно, либо враждебно: оно мешало оккупационным властям проводить различные мероприятия, даже если в отношении финансовой политики они были вполне целесообразными. Таким образом, контрибуции широко покрывались не за счет налогов, а более легким, но зато и более опасным путем, а именно эмиссией банковских билетов. Вследствие увеличившейся потребности оккупационных войск в валюте роковым образом увеличивалась и взимаемая контрибуция. Ограничить рост инфляции удалось лишь в немногих оккупированных областях.

в) Клиринговые расчеты. Между Германией и оккупированными областями была создана система клиринговых расчетов; которая с некоторыми странами существовала у нас еще задолго до войны. Смысл этих расчетов состоит в том, что должники делают определенные взносы в валюте своей страны в свою расчетную палату; эта палата расплачивается с кредиторами собственной страны, а расчетные палаты обеих заинтересованных стран рассчитываются между собой. По системе клиринга производились расчеты за все вывозимые из других стран товары, по ней же шла оплата переводов, отправляемых на родину иностранными рабочими, находившимися в Германии, и покрывались военные расходы оккупационных властей, не связанные с содержанием войск, причем подобные взносы могли по этой системе переводиться на текущие счета оккупационных властей той или иной страны. Согласно этой системе, немецкие импортеры должны были делать соответствующие вклады в свою расчетную палату. В связи с ростом вывоза товаров из оккупированных стран и инфляционным раздуванием цен за границей (например, в Румынии цены поднялись в общем на 465 % по сравнению с довоенными) клиринговый долг Германии увеличился в общей сложности до 25,2 млрд. марок. Поскольку расчетная палата больше принимала, чем выплачивала, а вся разница поступала в имперскую казну, то и клиринг являлся косвенным источником финансирования войны.

г) Матрикулярные взносы[119] и взносы союзных с Германией государств. Во время войны Чехословакия была обязана ежегодно делать та к называемый матрикулярный взнос в общую имперскую казну. Сумма этих взносов составила 3,6 млрд. марок. Польша выплатила 0,6 млрд. марок в счет «взноса на военные издержки». После падения правительства Бадольо Муссолини заявил о своей готовности уплатить Германии «военный взнос» в

сумме 12.6 млрд. (ежемесячно — 0,7 млрд.) марок. Клиринговый долг союзников Германии составлял в общей сложности 2,8 млрд. марок.

Финансовые вклады оккупированных областей составили: в виде оккупационных издержек — 66 млрд. марок. невыкупленных кредитных кассовых билетов — 3 млрд. марок, клирингового долга — 25,2 млрд. марок, вывезенных золотых запасов — 0,7 млрд. марок (Бельгия, Голландия, Югославия) и в виде прочих платежей — 5,1 млрд. марок (сюда входят взносы Чехословакии и Польши, а также прибыль восточных обществ), что в общем равнялась 100 млрд. марок, из которых 74 млрд. были использованы непосредственно на финансирование войны.

Общий размер военных расходов

В Германии не существовало строгого разграничения между военными и гражданскими расходами. Целый ряд расходов гражданских ведомств был в действительности военными расходами. Уровень военных расходов последних месяцев войны определить точно невозможно, так как большое количество платежей уже не попало в регистрационные книги государственного банка. Однако можно определенно сказать, что на 28 февраля 1945 года чисто военные расходы составляли 394 млрд. марок, расходы на содержание семей погибших и пострадавших в войне — 24 млрд. марок, расходы на невоенные нужды — 212 млрд. марок. Таким образом, общие расходы Германии за тот же период составляют 630 млрд. марок (в конце войны они повысились приблизительно до 670 млрд. марок). Эти расходы покрывались: на 33 % — из внутренних источников, на 12 % — взносами оккупированных и союзных государств и на 55 % — взиманием различных долгов. По годам войны они распределяются таким образом: в первый год войны расходовалось ежедневно 155 млн. марок, а на пятый год — 289 млн. марок. Одновременно с этим, особенно с 1943 года, стали быстро расти и расходы на гражданские нужды, то есть расходы, связанные с содержанием семей военнослужащих, восстановлением объектов, разрушенных авиацией противника, эвакуацией и т. п. Только на компенсацию ущерба от воздушных бомбардировок было затрачено 23 млрд. марок.

Проблема покрытия расходов

Если не считать дополнительных источников финансирования (иностранные займы, контрибуции и т. п.), то основных питающих войну источников было только три: налоги, кредит и эмиссия денег.

Часто говорят, что налогами облагается современность, а долгами — будущее. Однако это неверно. Потребности всякой воюющей армии могут быть удовлетворены только тогда, когда имеется какой-то запас, накопленный в прошлом, а промышленность производит новые материалы. Этот счет никак не может быть перенесен на будущее. Вопрос о выборе между налогом и займом определяется мотивами социальной справедливости, валютной политикой и различными психологическими соображениями. Налог предполагает при наличии определенной системы тарифов равномерную финансовую нагрузку на все слои населения.

Заем же всей своей тяжестью ложится преимущественно на тех лиц, которые, имеют какие-то излишки доходов. То, что многим представляется как «перенесение сроков уплаты на будущее», есть не что иное, как обязательство, по которому после войны плательщики налогов должны будут уплатить государственным кредиторам по дополнительному счету. Вопрос о том, сохранит ли кредитор свои претензии в полном размере, остается во время войны открытым и окончательно разрешается только после войны при определении государственного долга. При установлении правильной границы между налогом и кредитом значительно более серьезной проблемой является, с одной стороны, забота о сохранении валютной ценности денег, а с другой — психологический учет сохранения производительности. Теоретически налог должен быть таким, чтобы исключить всякую возможность инфляции, а практически он не должен превышать той границы, после которой снижается интерес и платежная способность налогоплательщиков.

Инфляция как скрытая конфискационная форма имущественного налога, которая, однако, щадит «владельца имущества», является самой несправедливой формой финансирования. Выпуск бумажных денег в Германии во время войны держался вплоть до 1942 года в довольно сносных

границах. С середины 1944 года наступило упомянутое выше резкое ускорение эмиссии денег. Опасность «перейти предел» в финансировании войны за счет усиления эмиссии могла быть устранена в первые годы войны некоторым, не слишком большим увеличением налогов. Этим путем надлежало покрыть до 7 % всех расходов. Возможное с финансово-теоретической точки зрения и наиболее целесообразное радикальное разрешение проблемы «блуждающей покупательной способности» в более поздние годы войны оказалось невозможным по психологическим причинам. При резком повышении налогов, главным образом подоходного налога, работоспособность населения была бы парализована, а производительность труда значительно снижена. Эта же причина помешала использовать для привлечения всех имеющихся резервов личные и косвенные налоги, взимание которых не отразилось бы на производительности труда. В начале войны, правда, были введены так называемые «военные надбавки» к подоходным налогам и к большим косвенным налогам (на табак, пиво, водку). Но эта практика была вскоре прекращена. Неоднократные попытки сильнее завинтить налоговую гайку привели только к введению «военной надбавки» к налогам на корпорации и к повышению косвенных налогов на табак и водку.

Таким образом, проблема избыточной покупательной способности с ее роковыми последствиями, которые начиная с 1944 года превратились в настоящую опасность, осталась неразрешенной.

Налоговые сборы

Доходы государства от налогов, составившие в 1933 году 6,9 млрд. марок, в 1938 году благодаря экономическому подъему и улучшившейся технике сбора налогов поднялись до 17.8 млрд. марок; один лишь сбор подоходного налога и налога на корпорации дал увеличение доходов с 1,5 млрд. до 7,7 млрд. марок. Эти налоги и во время войны продолжали оставаться главной статьей доходов. Максимальная цифра подоходного налога равнялась в 1944 году 14 млрд. марок, а налог на корпорации в 1942 году принес государству 7 млрд. марок. Проводимые наряду с этим вычеты из прибылей дали в 1942 году 1,3 млрд. марок. Налог с оборота, составлявший несколько больше 4 млрд. марок, оставался на протяжении всей войны примерно одинаковым. Сборы пошлин и косвенные налоги, из которых налог на табак был своего рода rocher de bronze,[120] в 1941 году достигли максимальной цифры 5,7 млрд. марок. В общей сложности в 1942 году, который в истории финансирования этой войны явился поворотным пунктом, общие налоговые сборы были наивысшими и составили 43 млрд. марок. Сюда же вошел и налог с квартирной платы, общая сумма которого равнялась 8 млрд. марок. С этого времени налоговые сборы стали постепенно сокращаться. Если в 1939 году налогами было покрыто 42 % общих расходов, то в 1942 году ими было покрыто 33 %. а в 1944 году — только 19 %.

Размеры и значение государственного долга

В конце 1932 года государственный долг Германии, то есть общая сумма всех внутренних и внешних, краткосрочных и долгосрочных долгов, составлял 8,5 млрд. марок. или 15 % всех денег, находившихся в то время в обращении внутри страны. В 1939 году государственный долг поднялся до 47,3 млрд. марок, или 43,3 % всех денег, а в конце войны вырос до 387 млрд. марок, или 95 % всех денег, находившихся в обращении. В ходе войны долги Германии ежегодно увеличивались на 50–70 % по сравнению с предыдущим годом. Теоретически за счет займов можно удовлетворить только ту часть потребностей, которая относится к мобилизуемой части народного достояния. Однако этим дело не ограничилось. О причинах упоминалось выше. Кроме того, во время войны было совершенно невозможно дать какие-то руководящие линии для правильного регулирования налогов и займов. Путь между Сциллой чрезмерного обложения налогами, снижающего производительность, и Харибдой инфляционного расширения кредита весьма узок. Во время войны Германия слишком далеко зашла по пути кредитов. Никакие займы и краткосрочные кредиты не смогли уничтожить излишнюю покупательную способность, они лишь заморозили ее, а она постоянно грозила оттаять. В связи с поступлением на работу представителей все новых и новых слоев населения, в связи с поддержкой семей военнослужащих и компенсацией ущерба, понесенного в войне, покупательная способность неимоверно выросла, а количество товаров было ограничено. Конечно, избыточная покупательная способность населения могла быть устранена налогами, однако это осуществлялось весьма нерешительно. Наконец, она могла быть поставлена в определенные рамки выпуском займов.

Как мы увидим позже, это удавалось, но не всегда. Избыток денег превращался в краткосрочные вклады, чтобы потом в любое время быть снова спрятанным в чулок или отнесенным на черный рынок. Поэтому и говорят, что во время войны покупательная способность «блуждала». И ни кредитная политика, ни контроль над ценами этой проблемы не разрешили.

«Бесшумное» обременение долгами

Еще в период подготовки к войне характерным для немецкой кредитной политики было то, что она не обращалась к свободному рынку капитала. Она избегала «финансового плебисцита» и использовала вновь образующийся капитал непосредственно в местах его накопления. Превращение незанятых средств в государственные долговые обязательства проводилось по указаниям министра труда страховым кассам, министра экономики — переводному банку и управления социального обеспечения — частным благотворительным обществам.

В то время как казначейские денежные переводы находили сбыт в текущем биржевом обращении, главным образом в банках, реализация долгосрочных займов осуществлялась по соглашению с ведущими страховыми и сберегательными кассами путем широкой продажи облигаций и полисов без предварительного установления размеров займа. За период с 1935 по 1945 год этими организациями было размещено займов на сумму свыше 60 млрд. марок, причем на долю сберегательных касс пришлось около 23 млрд. марок.

Вкладчикам сберегательных касс оставался неведомым тот способ, при помощи которого они превращались в государственных кредиторов. Основана эта система была на стремлении трудящихся к накоплению и на замораживании цен. До 1943 года существовал другой способ, при помощи которого эквивалент принятых вкладов направлялся в виде пенсий и пособий солдатам и их семьям или становился заработной платой рабочих военной промышленности, а после покрытия необходимых издержек существования поступал обратно в банки и сберегательные кассы в виде вкладов и сбережений, и все начиналось сначала. Начиная с 1943 года население перестало посещать рынки и магазины, и деньги стали либо превращаться в сокровища, либо идти на черный рынок, но не в сберегательные кассы, отчего денежное обращение вскоре совершенно нарушилось. Когда в 1944 году беженцы и эвакуированные изъяли из касс свои сбережения, эта система кредитования потерпела полный крах, а инфляция, искусственно державшаяся до сих пор в определенных границах, стала быстро расти.

Формы кредита

Из всех прочих форм финансирования войны особенно сложной формой получения кредитов была. пожалуй. введенная в 1941 году система так называемых «железных сбережений», где приращение достигало 3,25 % вклада, а сами вклады не облагались почти никакими налогами. Этот способ давал государству ежемесячно до 80 млн. марок. Однако основную опору государственного кредита составляли следующие уже испытанные до войны формы получения кредита:

1) Долгосрочные (4,5-процентные, а с 1941 года — 3,5-процентные) займы, выпущенные в начале войны сроком на 20–30 лет и с ежегодным погашением в 1 %. К концу войны через банки и другие институты кредита прошло 66,5 млрд. марок.

2) Средние и долгосрочные процентные долговые обязательства. Они предназначались для того, чтобы использовать среднесрочные вклады банков и сберегательных касс, и были единственным средством привлечь к финансированию войны широкие слои населения. Они имели такой же процент, как и займы, и заключались вначале на 5 лет, а затем на 22 года. Таких долговых обязательств было выпущено на общую сумму в 77 млрд. марок.

3) Беспроцентные краткосрочные долговые обязательства, которые наряду с государственными векселями являлись основными бумагами денежного рынка. Вначале их срочность не выходила за пределы 3–6 месяцев, а позднее была продлена до 20 месяцев. Их сумма к концу войны равнялась 104 млрд. марок.

4) Государственные векселя. В краткосрочном финансировании, или так называемом непогашенном[121] долге, в противоположность «консолидированному» долгу, установленному в долгосрочных и среднесрочных долговых обязательствах, они играли ведущую роль.

В процентном отношении они являлись самым дешевым инструментом финансирования. Учетная ставка составляла в начале войны 2,75 %, а начиная с 1941 года — 2,125 %. В отношении денежной и валютной политики решающее значение имела возможность сбыта векселей на денежном рынке или

помещения их в имперском банке, где они, согласно положению закона о банках от 1939 года, способствовали увеличению денежного оборота. В первые годы войны в портфеле государственного банка осталось 20–25 % векселей, в 1944 году их было около 1/3, в последние месяцы войны число осевших в банке векселей стало еще большим. В соответствии с этим увеличился и оборот платежных средств. В конце 1938 года он составлял 10,4 млрд. марок, а к концу войны увеличился до 56,4 млрд. марок. В общей сложности за время войны было выпущено государственных векселей на сумму 130 млрд. марок.

Государственный долг к концу войны составил 143 млрд. марок в долгосрочных и среднесрочных обязательствах и 235 млрд. марок в краткосрочных кредитах. К этому необходимо прибавить 0,9 млрд. марок по налоговым квитанциям. 0,8 млрд. марок по векселям промышленных предприятий и коммерческим векселям и 8 млрд. марок по векселям Мефо; поэтому общая сумма государственного долга должна быть принята в 387 млрд. марок. Так же как и в войне 1914–1918 годов, проблема покрытия военных расходов за счет кредита была в этой войне разрешена технически совершенно безупречно. Серьезная ошибка заключалась не в технике финансирования, а в финансовой политике, которая придавала кредиту гораздо большее значение, чем налогам.

Участие банковского кредита в финансировании войны

С 1938 года характерным в развитии кредита было то, что, с одной стороны, вклады постоянно увеличивались, а с другой — все меньше и меньше использовались частные кредиты. Благодаря вышеизложенным трансакциям главным должником по отношению к кредитным учреждениям стало государство. Сумма государственного долга кредитным банкам повысилась с 6,3 млрд. марок (в конце 1938 года). до 110 млрд. марок в конце войны, причем начиная с 1942 года наблюдалось сокращение долгосрочных помещений в пользу краткосрочных. Наибольшая часть государственного долга (в абсолютных цифрах) приходится на долю крупных частных банков, однако относительная доля участия общественно-правовых институтов в общем кредите была несравненно большей. Сберегательные кассы и товарищества помещали половину своих вкладов в государственные займы, а вторую половину — как текучий запас — оставляли в своих центральных учреждениях, которые в свою очередь основную часть этого запаса превращали в беспроцентные долговые обязательства и государственные векселя. Все вклады вливались в общий бассейн государственного долга. До конца войны 54 млрд. марок государственного долга было покрыто за счет сберегательных касс и 26 млрд. марок — за счет различных товариществ.

«Упрощение» обращения

Германия является единственной страной, которая в своих кредитных делах совершенно отказалась от использования ценных бумаг в качестве акций. Благодаря организации «упрощенного» обращения была высвобождена большая часть банковских работников и сэкономлена часть издержек, возникающих в связи с печатанием, транспортировкой, хранением, проверкой, подсчетом, сортировкой и упаковкой многих миллионов бумаг. Технически это упрощение сводилось к различным усовершенствованиям в общем хранении денежных переводов и в ведении государственных долговых книг. От простого хранения собранных ценных бумаг, практиковавшегося банками на протяжении десятилетий, в 1940 году было решено перейти к учету собранных ценных бумаг, при котором акционерные банки имели право переводить государственные долговые обязательства на свое имя. Владелец части собранных ценных бумаг получал право на занесение его части в государственную долговую книгу и мог распоряжаться этой долей, продавая ее на бирже. В 1942 году упрощенное обращение было централизовано в государственном банке, как единственном месте скопления ценных бумаг. Отделение стоимости бумаг от самих бумаг было весьма характерно для немецкой техники финансирования войны. Эта «дематериализация» распространялась также и на беспроцентные краткосрочные долговые обязательства, а с 1944 года — и на государственные векселя. Подобный метод оказался настолько успешным, что к концу войны было собрано кредитных бумаг на 92 млрд. марок, из них учтенных в государственной долговой книге на 90 млрд. марок; из 104 млрд. марок в беспроцентных краткосрочных обязательствах было собрано 100 млрд. марок, а государственные векселя были собраны полностью.

Итоги

В техническом отношении финансирование вооружений было доведено в Германии до весьма высокого уровня. Что же касается управления и организации экономики, а также проведения валютной политики, то здесь было допущено немало ошибок. Хотя доля налогов в покрытии общих военных расходов была большей, чем в первую мировую войну, разрешить проблему избыточной покупательной способности все же не удалось. Метод «бесшумного» кредитования, превращавшего ничего не подозревающего вкладчика на 90 % в государственного кредитора, привел к все увеличивающемуся перевесу краткосрочных долгов, к быстрому росту инфляции и к полному разрушению всех основ этой системы финансирования. Ни в одной другой стране размеры долгов не были столь высоки, как у нас, а в то же время имевшиеся в стране налоговые резервы не были использованы до конца. Можно сказать, что в будущей войне финансовые трудности будут еще большими, так как и кредит и налоги в результате последней войны и послевоенного развития уже доведены до крайних пределов, и нам остается лишь одно, гибельное для нас, средство финансирования — инфляция.

Властное требование защиты нашего европейского образа жизни и создания объединенной организации для обороны Европы ставит перед государственным руководством трудную и ответственную задачу найти какой-то средний путь между чрезмерным обложением налогами, ведущим к снижению производственной мощи страны, и увеличением кредитов, приводящим к инфляции.

Статс-секретарь в отставке Ганс-Иоахим Рике

Продовольственная проблема и сельское хозяйство во время войны

Все планирующие и руководящие организации, отвечавшие за продовольственное снабжение и сельское хозяйство Германии, находились перед началом и в ходе второй мировой войны под впечатлением продовольственных трудностей и неудач первой мировой войны. У каждого немца, пережившего первую мировую войну, глубоко запечатлелось в памяти воспоминание о холодной зиме и брюквенной похлебке. Каждый чувствовал на себе, насколько сильно годы нужды отразились на физических и моральных силах фронта и тыла. Здоровью многих молодых людей в эти годы был нанесен большой ущерб, от которого они уже никогда не могли оправиться.

Поэтому задачей руководителей сельского хозяйства и продовольственного снабжения было понять ошибки в продовольственной политике в войне 1914–1918 годов и по возможности не допускать их в новой войне.

Зависимость продовольственного снабжения населения от ввоза продуктов, которая в результате блокады в первую мировую войну привела Германию к продовольственной катастрофе, продолжала существовать для нас и в период между 1919 и 1939 годами, пожалуй, в еще более острой форме, так как потеря Западной Пруссии и Познани[122] означала потерю наиболее важных в аграрном отношении районов.

Таким образом, можно было рассчитывать, что и во второй мировой войне Германия будет блокирована, а ввоз продовольственных продуктов ограничен.

Ошибки первой мировой войны

Ошибки первой мировой войны в области продовольственного снабжения заключались главным образом в различных упущениях. То, что сегодня, после 40 лет всяких тревог и недоразумений, принято как первая необходимость всеми зависящими от импорта странами — я имею в виду создание достаточных запасов продовольствия на случай войны, — было нами позабыто, позабыто главным образом потому, что в то время никто не думал о затяжной войне. Кроме того, у нас не было такой центральной организации, которая могла бы руководить сельскохозяйственным производством и наладить учет источников поступления продуктов вплоть до самой последней деревни. Положение было таково, что для принятия ответственных решений не имелось необходимых статистических материалов. Следствием этого явилось то, что, например, общее количество свиней, выведенных на убой, оказалось большим, чем это было нужно, а в то же самое время огромные запасы картофеля сгнили без употребления. Основанное в 1916 году, главное военно-продовольственное управление не могло уже наверстать всего упущенного перед войной и во время нее. Все мероприятия оказались слишком запоздалыми. И только тогда, когда нехватка продуктов стала исключительно острой, было решено перейти к нормированию отдельных продуктов питания. Однако выдача продовольствия по карточкам производилась большей частью с задержками и не полностью. В ходе затянувшейся войны снабжение сокращалось не только в результате блокады, но и за счет уменьшения производства сельскохозяйственных продуктов внутри страны. Сельское хозяйство Германии нуждалось в рабочей силе и средствах производства. Быстро снижалась плодородность земли, сельскохозяйственное производство замирало. Принудительные хозяйственные мероприятия проводились в сельском хозяйстве непоследовательно. Бургомистры и жандармы, на которых крестьяне смотрели, как на своих врагов, проявили себя как весьма неподходящий инструмент контроля за выполнением норм поставок. Крестьянин постоянно доказывал, что установленные нормы поставок не соответствуют объему его производства. В крупных центрах промышленных районов голод начался еще зимой 1916/17 года, да и солдаты на фронте лишь немногим лучше, чем население в тылу, снабжались на родине.

Отсутствие продовольственных планов на случай наступательной войны

По сравнению с 1914 годом Германия в отношении продовольственного снабжения находилась в 1939 году в совершенно иных условиях. Существовавшие в ту пору учреждения вопреки всему тому, что ставилось им в вину на Нюрнбергском процессе, не имели ничего общего с планированием агрессивной войны. Из таких отдельных мероприятий, как, скажем, создание продовольственных запасов, видно, что политические руководители Германии рассчитывали перед 1939 годом скорее на то, что в случае войны Германия будет вынуждена длительное время питаться за счет собственных источников, чем на то, что она получит в результате оккупации большие области, обладающие избыточными запасами продовольствия. Даже само решение министерства продовольствия о создании необходимых запасов продуктов было вызвано соображениями возможного временного отпадения от Германии таких провинций, как Восточная Пруссия и Рейнская область.

Всегерманская корпорация производителей сельскохозяйственных продуктов и ее контрольные рыночные органы возникли не в рамках военных приготовлений. «Рыночный устав» довоенных лет своим появлением обязан главным образом обстановке, существовавшей до 1933 года, когда в результате безработицы и падения покупательной способности населения значительно снизился уровень потребления продуктов, и в особенности высококачественных пищевых продуктов, что не могло не вызвать на рынке скрытого превышения предложения над спросом. Поэтому появление первых тенденций регулировать рынок относится к значительно более раннему времени, чем создание Всегерманской корпорации производителей сельскохозяйственных продуктов. Эти тенденции проявились вначале в попытках наладить организованный сбыт излишков ржи и молока. Аппарат Всегерманской корпорации производителей сельскохозяйственных продуктов был тесно связан с крестьянами, благодаря чему он мог призывать их к выполнению поставленных задач и своевременной сдаче произведенных сельскохозяйственных продуктов. Независимо от идей, приведших к созданию этого аппарата, он оказался в дальнейшем

образцовым органом продовольственного снабжения. Он представлял собой именно такую организацию, которой нам недоставало в первую мировую войну. Кроме того, он располагал исключительно хорошо разработанным статистическим материалом, который в любое время мог явиться основой для регулирования производства продуктов сельского хозяйства и их потребления.

Организация продовольственного хозяйства

Юридической базой для создания Всегерманской корпорации производителей сельскохозяйственных продуктов и ее разветвленной системы стал изданный 13 сентября 1933 года «Закон о создании временной Всегерманской корпорации производителей сельскохозяйственных продуктов и о мероприятиях по контролю за рынком и урегулированию цен на продукты». Согласно этому закону, сельскохозяйственная корпорация стала самоуправляющейся общественной организацией. В служебном порядке она контролировалась министерством продовольствия и сельского хозяйства и подразделялась на более мелкие территориальные корпорации земель, округов и общин. В центральном управлении имелся свой «штаб» и административное управление. Административное управление, а также земельные и окружные корпорации состояли из трех (главных) отделов: 1-й — «Люди», 2-й — «Двор», 3-й — «Рынок».

В задачу 2-го главного отдела административного управления входило способствовать развитию производства. Для этого были введены так называемые «дворовые карты», заполнявшиеся каждым сельскохозяйственным производителем и представлявшиеся соответствующим инстанциям сельскохозяйственной корпорации, а на специальном «дворовом совете» принимались те или иные решения по выбору культур и увеличению масштабов производства. Этот совет подготовил начавшуюся в 1934 году кампанию «по борьбе за увеличение производства сельскохозяйственных продуктов».

3-й главный отдел занимался вопросами учета, обработки и переработки сельскохозяйственных продуктов. Ему подчинялись «главные объединения», созданные в период с 1934 по 1936 год. Это были объединения всех производителей продуктов сельского хозяйства, а также представителей обрабатывающей и перерабатывающей пищевой промышленности и органов распределения. Так, например, существовали главное объединение германского зернового и фуражного хозяйства, главное объединение германского скотоводческого хозяйства и т. д. В земельных корпорациях им соответствовали хозяйственные

объединения таких же отраслевых групп. Главные объединения осуществляли руководство производством тех или иных продуктов еще в мирное время. Другими исполнительными органами рыночного контроля являлись специальные государственные управления по заготовке сельскохозяйственных продуктов, которых имелось пять. Важнейшим из них было государственное управление по заготовке зерна, фуража и сельскохозяйственных продуктов. Задачей этих государственных управлений в мирное время было создавать запасы из излишков отечественных продуктов и в случае необходимости покрывать недостаток продуктов за счет этих запасов, а также ввозить продовольствие из-за границы в таких количествах. в такие промежутки времени и по таким ценам, которые бы оказывали желательное для министерства продовольствия и сельского хозяйства действие на внутренние рынки. В отличие от главных объединений государственные управления подчинялись непосредственно министерству продовольствия. Таким образом, в начале войны существовала организация, имевшая уже довольно большой опыт работы в мирных условиях и умело направлявшая поток сельскохозяйственных продуктов. Теперь нужно было только сделать эту организацию более компактной и установить прочные связи между самым последним «распределителем» (розничным торговцем) и потребителем.

Резервы продовольствия в начале войны

В противоположность 1914 году германское государство в 1939 году имело, как уже было упомянуто, настоящий, то есть выходящий за пределы нормального, резерв основных продовольственных товаров. В соответствии с дефицитами продовольственного хозяйства он составлял около 6 млн. т зерна и около 600 тыс. т жиров. Создание запасов других пищевых продуктов представлялось излишним. Собственного производства сахара, например, вполне хватало для нормального снабжения населения. Урожай картофеля в мирное время использовался для непосредственного питания населения только на 25 %. Поголовье скота было также достаточным, чтобы обеспечить снабжение населения мясом. Однако разведение скота зависело от регулярного подвоза фуража. Ввоз хлеба и фуража составлял около 2 млн. т в год, жира — 400 тыс. т. Даже в условиях сокращения ввоза нормальные урожаи и правильно налаженное распределение продуктов давали возможность ожидать, что имевшихся в начале войны запасов зерна и жиров хватит по меньшей мере на три года. Запасы других пищевых продуктов в начале войны создавались только в той мере, в какой это было необходимо для обеспечения населения сезонными продуктами в соответствии с потребностью рынка.

Переход от системы свободных рынков мирного времени к принудительной экономике военного времени был подготовлен и проведен как часть общеэкономических мобилизационных мероприятий. При «штабе» Всегерманской корпорации производителей сельскохозяйственных продуктов и при корпорациях земель имелись так называемые отделы продовольственного обеспечения, которые занимались подготовкой материальной части и людских резервов, необходимых для этого перехода. Они работали по указаниям министерства продовольствия. Таким образом, государственное руководство Третьего рейха извлекло соответствующий урок из ошибок в продовольственном снабжении, имевших место в первую мировую войну. Теперь в Германии имелась тщательно продуманная организация, были пополнены запасы продовольствия, рассчитанные на длительную войну. а нормирование пищевых продуктов началось гораздо раньше, чем появилась какая-либо нехватка в них.

Продовольственное хозяйство военного времени

Перестройка мирного продовольственного хозяйства на военный лад произошла без каких-либо особых трений. Согласно «Распоряжению об управлении хозяйством» от 27 августа 1939 года и «Распоряжению о временном нормировании сельскохозяйственных продуктов» от того же числа, продовольственное хозяйство было превращено в особую отрасль военного хозяйства.

Организаторами всех мероприятий стали продовольственные управления земель и округов, каждое из которых состояло из двух отделов: отдела А, обеспечивавшего заготовку продовольствия, и отдела Б, ведавшего его распределением. Отделы А земельных (провинциальных) управлений создавались сельскохозяйственными корпорациями земель, а подобные им отделы окружных управлений — сельскохозяйственными корпорациями округов. Отделы Б формировались соответствующими государственными административными властями (правительствами или президентами земель и соответственно — ландратами или обербургомистрами). Начальниками продовольственных управлений земель были председатели земельных корпораций, а начальниками окружных управлений — председатели окружных корпораций. Таким образом, возник четко организованный, самоуправляющийся аппарат контроля за распределением продуктов, на который были возложены административные функции и который стал частью общего государственного аппарата.

Такое слияние административных и исполнительных органов произошло только на местах, в верхах же этого не было. Административное управление Всегерманской сельскохозяйственной корпорации осталось независимым от министерства продовольствия и сельского хозяйства. Оно хотя и руководствовалось распоряжениями министерства продовольствия, однако посылало отделам А продовольственных управлений земель и земельным корпорациям свои директивы, в то время как министерство продовольствия отдавало свои приказы о нормировании продовольствия отделам Б земельных продовольственных управлений.

Это приводило к дублированию и трениям, которых можно было бы избежать. Подобное расчленение двух высших служебных инстанций было тем более неразумным, что министр продовольствия и сельского хозяйства являлся одновременно и председателем Всегерманской сельскохозяйственной корпорации. Поэтому их можно было объединить без особых трудностей, как это и было сделано в среднем и низшем звеньях этих организаций. Только в последней фазе войны нехватка людей заставила министерство продовольствия и административное управление объединить свою работу.

В главных объединениях, которым до войны не разрешалось заниматься торговыми делами, в начале войны были созданы отделы торговых операций. Поскольку почти для каждой группы товаров существовали свои государственные управления, последние вошли в состав главных объединений в качестве отделов торговых операций. Так, например, государственное управление по закупке зерна вошло в главное объединение германского зернового хозяйства. Там, где не было соответствующих государственных управлений, как например при главном объединении германского картофельного хозяйства, были созданы особые отделы торговых операций. Главные объединения составляли для определенных видов продуктов планы ведения хозяйств и распределения пищевых продуктов, которые проверялись и утверждались министерством продовольствия. В целом слияние органов самоуправления и государственных ведомств обеспечило вполне оправдавшее себя соединение практического хозяйственного опыта с навыками администрирования.

Нормирование пищевых продуктов

Основой ведения хозяйства были обязательные поставки пищевых продуктов государству. Они стали проводиться с вступлением в силу распоряжения от 27 августа 1939 года. Растительные продукты подлежали обязательной сдаче с момента «отделения их от земли», продукты животноводства — с момента их получения. Обязательной сдаче не подлежали лишь те сельскохозяйственные продукты, которые были необходимы для питания крестьян и для прокорма. скота (по установленным нормам). Определенное количество зерна оставлялось в качестве семенного фонда. Таким образом, в сельском хозяйстве с самого начала были определены хотя и несколько ограниченные, однако довольно ясные правовые нормы.

Связь потребителя с так называемым «последним распределителем» (то есть розничным торговцем) осуществлялась по продовольственной карточке. С ней вместе и возникло вызвавшее впоследствии столько ненависти понятие «среднего потребителя». Карточная система снабжения учитывала потребности различных возрастных групп населения, а также, насколько это было возможно, и уровень производительности труда различных рабочих, и прежде всего — физического труда, так как только этот труд может быть фактически измерен. Вооруженные силы, если они не находились на оккупированной территории, за счет которой они и довольствовались, получали продовольствие по своим нормам снабжения. В соответствии с весьма различными возрастными особенностями гражданского населения и большой физической нагрузкой, испытываемой солдатами, нормы выдачи жиров были сравнительно низкими, а мяса, наоборот. — очень высокими. Крестьянское население получало карточки только на те виды продуктов, которых оно само не производило. Особое внимание при установлении норм на продукты питания с первого и до последнего дня войны уделялось снабжению беременных женщин и маленьких детей. Вся система нормирования постоянно согласовывалась с германским министерством здравоохранения, и его медицинские рекомендации соблюдались в той мере, в какой это допускало продовольственное положение в стране.

Наряду с нормальными карточками имелся еще целый ряд различных специальных продовольственных карточек: от

карточки отпускника и карточки, выдаваемой по случаю бракосочетания, до особых карточек дополнительного питания, выдававшихся при налетах вражеской авиации. Таким образом, до некоторой степени удовлетворялись более или менее все возникающие потребности. Продовольственные талоны, собранные «последним распределителем», служили оправдательным документом для нарядов на продовольствие, посредством которых устанавливался спрос и одновременно обеспечивалось достаточное его удовлетворение. Продовольственные карточки были действительны в течение четырех недель. В ходе войны система нормирования постоянно дополнялась и становилась все более «гибкой», а вышеизложенный принцип распределения оставался неизменным с первого и до последнего дня войны.

Нормы на пищевые продукты устанавливались министерством продовольствия. Чем сильнее затягивалась война, тем большее политическое значение приобретали всякие изменения норм, и в особенности сокращение их. Небольшие изменения каждый раз согласовывались с высшим партийным руководством, а более крупные требовали вмешательства самого Адольфа Гитлера. Часто требовались недели, чтобы убедить его в неизбежности тех или иных сокращений и получить на это его согласие.

О том, как проходило снабжение населения продуктами питания в течение войны, говорят следующие данные:

СРЕДНИЕ НОРМЫ ВЫДАЧИ ПРОДУКТОВ (в граммах)

Период выдачи	Хлеб	Крупа	Мясо	Жиры	Сахар	Мармелад	Примечания
1-й период (28.08-24.09.36)	—	600	2800	1360	1120	700	Хлеб, картофель и молоко без ограничений
25-й период (30.06-27.07.41)	9000	600	1600	1050	900	700	Картофель — без ограничений
50-й период (31.05-27.06.43)	9000	600	1000	800	900	700	Картофель — 12000
75-й период (30.04-27.05.45)	5800	300	1000	500	375	—	Картофель — 10000

Из этих данных ясно видно, что снижение средних норм до

минимума, необходимого для существования (1800 калорий), произошло лишь в самой последней фазе войны.

На так называемые «политические нормы» министерство продовольствия не имело никакого влияния. Это объяснялось чисто политическими соображениями. Особых норм для заключенных в концентрационных лагерях установлено не было, они получали столько же, сколько и другие заключенные и содержащиеся под стражей, то есть на 20 % меньше пайка среднего потребителя-немца. Иностранные рабочие и военнопленные из западных стран получали продукты питания по таким же нормам, как и гражданское население Германии. Не вызывает сомнений, что от принципа «политических пайков», который, кстати, является отнюдь не немецким изобретением, в будущем придется отказаться. На Нюрнбергском процессе неоднократно отмечалось, что «политические пайки» в Германии во время войны были значительно большими, чем те, которые средний потребитель получал по своим карточкам в послевоенные годы.

КОЛИЧЕСТВО КАЛОРИЙ, ПОТРЕБЛЯЕМОЕ ОДНИМ ЧЕЛОВЕКОМ В ДЕНЬ
(ПО СРЕДНИМ НОРМАМ)

Период выдачи	Промежуток времени	Калории
—	1938/38	3000
2-14	1939/40	2435
15-27	1940/41	2445
28-40	1941/42	1928
41-53	1942/43	2078
54-66	1943/44	1981
67-79	1944/45	1671
80-92	1945/46	1412

Продовольственные трудности

К концу 1941/42 хозяйственного года запасы зерна и жиров сократились до минимума. С этого времени население Германии и ее вооруженные силы стали, что называется, перебиваться с хлеба на воду, то есть с трудом дотягивать от одного урожая до другого. На все вопросы и пожелания об увеличении пайков некоторым категориям потребителей — запросы вполне оправданные, с точки зрения просящих — министерство продовольствия отвечало контрвопросом: за счет каких категорий? Из-за этого, например, не был разрешен неоднократно поднимавшийся вопрос об установлении единого пайка для рабочих восточных и западных районов, вызванный тем, что имевшие место перегибы первых лет войны сменились вполне здравыми соображениями целесообразности.

Во второй мировой войне в отличие от первой вплоть до последних дней продовольственные карточки отоваривались полностью. Технически это было возможно только благодаря той строгой системе учета и распределения, о которой мы уже говорили выше. Но, конечно, и эта система могла давать положительные результаты только в том случае, если все продовольствие, предусмотренное продовольственным балансом, составленным для каждой группы продуктов питания, в действительности имелось в наличии.

Военно-продовольственные планы составлялись с большой тщательностью министерством продовольствия на основе данных различных главных объединений задолго до начала каждого нового военно-хозяйственного года и постоянно сверялись с действительным положением вещей в области производства и потребления продуктов питания.

В самом разгаре войны, в 1942/43 хозяйственном году, на территории Германии (в границах на 1 сентября 1939 года) было израсходовано (в млн. т):

Наименование продуктов	Израсходовано вообще	В том числе вооруженными силами
Хлеб (зерно)	11,20	3,0
Картофель	26,30	3,80
Сахар*	1 46	0,17
Мясо	2,50	0,80
Жиры всех видов	1,29	0 19

*Без учета расходов, связанных с изготовлением мармелада и т. п.

Блокада и внешняя торговля

Организованная союзниками блокада не отрезала Германию от всех ее источников ввоза, как это было в первую мировую войну. По сути дела она лишилась только возможности ввозить товары из Америки и других далеко отстоящих от нее стран. Поставки продовольствия в счет погашения торговых сделок и договоров продолжались в большом объеме и во время войны. Так, например, Дания была оккупирована еще в 1940 году, но, несмотря на это, ее поставки в Германию не прекращались в течение всей войны. С 1939 по 1944 год она вывезла в Германию свыше 150 тыс. т мяса и 50 тыс. т жиров (главным образом сливочного масла). На основании торгового договора, заключенного между Германией и Советской Россией, последняя поставила около 500 тыс. т зерна в первый и 1,1 млн. т зерна во второй год войны.[123] Впоследствии поставки по торговым договорам значительно сократились.

Их место заняли поставки из оккупированных Германией областей. Однако хвастливые речи руководителей Третьего рейха создали в широких общественных кругах совершенно ложное представление о размерах этих поставок. Часто высказывалось и высказывается мнение, что Германия во время второй мировой войны могла поддерживать свое продовольственное снабжение на сравнительно высоком уровне только благодаря ограблению оккупированных областей. Это мнение ошибочно, хотя и проникло в общественность из протоколов Нюрнбергского процесса. Правильно лишь то. что Геринг действительно заявил на одном из совещаний руководящих немецких должностных лиц в оккупированных областях, состоявшемся 6 августа 1942 года, что если кому-нибудь в этой войне и придется голодать, то голодать должны не немцы, а население оккупированных районов. Правильно также и то, что на другом подобном заседании он предъявил гауляйтерам чрезвычайно высокие требования о поставках продовольственных товаров из оккупированных областей. Однако эти требования, за некоторым исключением, никогда не были выполнены. По молчаливому согласию между немецкой администрацией оккупированных областей и ответственными должностными лицами Германии объем этих поставок был сокращен. Если брать за основу старые (до 1919 года) границы рейха, как это делали обвинители на Нюрнбергском процессе, то из оккупированных областей на эту

территорию Германии. включая поставки вооруженным силам, было вывезено до конца 1943/44 хозяйственного года (в 1944/45 хозяйственном году поставки продовольствия из оккупированных областей почти полностью прекратились) следующее количество основных продуктов сельского хозяйства (в тыс. т):

Наименование продуктов	Общее количество поставок	В среднем в год
Хлеб (зерно)	7500	1500
Жиры	128	26
Мясо	1700	340

В то же время оккупированные Германией страны Центральной и Западной Европы в результате одной лишь блокады, лишившей их возможности ввозить товары из других стран, теряли ежегодно 7,5 млн. т зерна и около 1,2 млн. т жиров.

Зерно поступало главным образом из Франции и Советской России. Балканы, которые должны и могли стать главным поставщиком продовольствия, во второй половине войны почти совершенно прекратили поставки. Большие размеры поставок мяса и мясопродуктов объясняются тем, что, как и в Германии, в оккупированных областях были в принудительном порядке проведены мероприятия по убою скота, для того чтобы привести поголовье скота в соответствие с кормовой базой.

В общий баланс ввоза и вывоза продуктов из оккупированных областей не включены значительные поставки Германии отдельным странам. Так, наряду с союзными странами (Финляндия и Италия) значительное количество зерна получали Бельгия и Норвегия, а Чехия, являясь «протекторатом» Германии, кроме зерна, регулярно получала и жиры. Кроме того, незадолго до «освобождения» Бельгии сами западные союзники послали ей зерно, чтобы обеспечить снабжение населения до нового урожая.

Рассматривая критически приведенные выше цифры, следует учесть и то обстоятельство, что значительное количество продовольствия, которое Германия получала с оккупированных территорий, уходило на снабжение дислоцированных там немецких войск, что ни в коей мере не противоречит положениям Гаагской конвенции. За пять лет войны эта часть составила 5,9 млн. т зерна, 370 тыс. т жиров и 1,7 млн. т мяса. Из этих цифр следует, что почти все продовольствие, которое Германия получала с оккупированных районов, потреблялось находившимися там войсками.

Кроме того, следует принять во внимание то, что большое

количество иностранных рабочих и военнопленных должны были также снабжаться за счет ввозимого и производимого в границах старой кайзеровской Германии. Их спрос на три основных вида продуктов составил в общей сложности 2,3 млн. т зерна, 265 тыс. т жиров и 400 тыс. т мяса. Поэтому представлялось вполне законным заставить эти страны поставлять продовольствие своим рабочим. Из всего этого явствует, что снабжение территории старой Германии шло в основном не за счет оккупированных районов.

Оккупированные районы

С другой стороны, нельзя отрицать и того, что изъятие продовольственных продуктов из оккупированных областей наряду с блокадой и большими сокращениями производства создало в них большие продовольственные трудности. Помещаемые ниже данные, составленные Экономическим советом Лиги Наций (1945 год),[124] показывают размеры продовольственных норм в некоторых оккупированных областях Европы в сравнении с нормами, существовавшими в Германии и Италии.

Эти цифры, однако, не дают еще правильного представления о действительном уровне снабжения населения. В отдельных странах, как например во Франции, Прибалтийских странах и в Польше, существовал довольно крупный черный рынок, который создавал дополнительную возможность для снабжения широких слоев населения. В материалах Экономического совета Лиги Наций об этом говорится следующее: «Крестьяне стремились скрыть свои продукты, продать их на черном рынке, а зерно либо скормить скоту, либо употребить для своих собственных нужд».[125] Относительно положения в Польше в том же источнике сообщается, что эта страна является преимущественно аграрной и что продовольственные трудности там испытывает больше городское, чем сельское население.[126]

КАЛОРИЙНОСТЬ ПАЙКА СРЕДНЕГО ПОТРЕБИТЕЛЯ НА ЯНВАРЬ 1941–1944 ГОДОВ

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г
Германия	1990	1750	1980	1930
Италия	1010	950	990	1065
Бельгия	1360	1365	1320	1555
«Протекторат»*	1690	1785	1920	1740
Финляндия	1940	1491	1630	1780
Франция	1365	1115	1080	1115
Прибалтийские страны	—	1305	1305	1420
Голландия	2050	1825	1765	1580
Норвегия	1620	1385	1430	1480
Польша	845	1070	855	1200

*Чехия.

То же самое с небольшими изменениями можно сказать и о других оккупированных областях, и главным образом о России. Наиболее плохо снабжалось население Греции, а продовольствие, предусмотренное для отправки туда из Германии, нельзя было

перевезти из-за весьма ограниченных транспортных возможностей и частых налетов партизан, взрывавших железные дороги и полностью срывавших движение по ним. Несмотря на помощь Греции со стороны Международного комитета Красного Креста, здесь разразился настоящий голод, принявший катастрофические размеры не только в городах, но и в сельской местности. Оказать греческому населению какую-либо помощь германские власти были не в состоянии.

Положение с продовольствием стало катастрофическим и в крупных городах Голландии, когда на последнем году войны вследствие забастовки железнодорожников и перенесения боевых действий на территорию Голландии было совершенно нарушено всякое сообщение между городом и деревней. Однако до этого времени благодаря хорошо организованному сотрудничеству между оккупационными властями и местной администрацией положение со снабжением было здесь относительно сносным. В крупных городах Франции наихудшее положение создалось перед самой высадкой союзников, но и после того, как вся Франция была снова в руках союзников, положение не улучшилось из-за разрухи на транспорте.

Наряду с тем, что Германия вывозила продовольствие из оккупированных ею областей, германские оккупационные власти всячески стремились увеличить упавшее во время войны производство сельскохозяйственных продуктов в этих областях. Так, «Восточное торговое общество сельскохозяйственного спроса» (ставшее позднее центральным), созданное вначале для управления бывшими крупными польскими поместьями, забрало в свое ведение во Франции в 1940 году большое количество хозяйств, покинутых владельцами во время боевых действий, и добилось там весьма значительных результатов. В Россию, где сталинская тактика «выжженной земли» нанесла сельскому хозяйству тяжелый урон (при вступлении немецких войск в Россию в исправном состоянии и в состоянии, пригодном для ремонта, было найдено лишь 40 % сельскохозяйственного инвентаря), из Германии было вывезено одних лишь сельскохозяйственных машин на сумму 173 млн. марок, в том числе тракторов на 48 млн. марок. Необходимо учесть, что эти суммы подсчитаны по старым, «замороженным», ценам.

Аграрные планы для будущей Европы

Кроме всего вышесказанного, руководители сельского хозяйства и политические руководители Германии строили очень серьезные и далеко идущие планы по специализации сельскохозяйственного производства в Европе после окончания войны, основой которых должны были стать идеи, заложенные в книге министра Баке «За свободу сельского хозяйства в Европе». В Берлине в 1942 году начал функционировать специальный научно-исследовательский институт земледелия и продовольственного хозяйства Европы, главной задачей которого во время войны было опровергнуть на основании объективного цифрового материала бессмысленные представления политических руководителей о возможностях оккупированных районов. Кроме того, здесь разрабатывались конкретные планы сотрудничества европейских стран в области сельского хозяйства на основании использования природных условий стран и имеющихся рынков сбыта. Единственным документом, подготовленным институтом и имевшим практическое значение для сельского хозяйства, был выпущенный в виде аграрного устава приказ о систематическом роспуске колхозов, который должен был обеспечить мирное завоевание на свою сторону населения оккупированных областей Советской России. В германском министерстве продовольствия прекрасно понимали, что количество продовольствия, которое можно получить от той или иной области, зависит от самих производителей, а для того, чтобы они производили продукты питания, нужно более или менее добровольное сотрудничество населения этих областей.

Производство сельскохозяйственных продуктов в Германии

В противоположность сложившемуся повсюду мнению снабжение Германии продуктами питания осуществлялось главным образом за счет продукции, произведенной на территории самой Германии. По расчетам профессора Е. Вермана, [127] доля ввоза продуктов питания в общем сельскохозяйственном производстве Германии (в границах на 1 сентября 1939 года) составляла в процентах:

1938/39 г. — 9,8
1939/40 г. — 7,5
1940/41 г. — 8,0
1941/42 г. — 10,0
1942/43 г. — 14,8
1943/44 г. — 12,9

Из этих цифр еще яснее, чем из сказанного выше о производительности оккупированных районов, видно, что снабжение Германии продовольствием осуществлялось главным образом за счет внутренних средств, а не за счет ввоза. При этом следует учесть, что количество людей, которых нужно было снабжать, увеличилось с 79,2 млн. в 1938/39 до 88,8 млн. человек в 1943/44 хозяйственном году и что, следовательно, к концу войны нужно было снабжать продовольствием на 10 млн. человек больше, чем в начале войны.

Тому, что уровень снабжения продовольствием населения и армии не снижался вплоть до самых последних бурных недель войны, способствовало главным образом то, что сельскохозяйственное производство в центральных районах Германии удалось удержать примерно в рамках мирного времени.

СБОР УРОЖАЯ В ВОЙНАХ 1914–1918 И 1939–1945 ГОДОВ

(в процентном отношении к среднему урожаю довоенного времени)

(территория Германии в границах 1939 г.; по подсчетам проф. Е. Вермана)[128]

Год	Количество		
	зерна	картофеля	сахарной свеклы
1908-1913 (среднегодовой)	100	100	100
1914	98	99	110
1915	80	118	67
1916	80	55	66
1917	56	76	64
1918	64	64	60
1935-1938 (среднегодовой)	100	100	100
1939	104	105	126
1940	90	106	122
1941	84	88	119
1942	86	101	120
1943	92	75	117
1944	78	80	100

Эта таблица показывает, что снижение валового сбора главных сельскохозяйственных культур в первые четыре года войны происходило значительно медленнее, чем в 1914–1918 годах. Уменьшение валового сбора зерновых в 1941 и 1942 годах и картофеля в 1943 году объясняется главным образом неблагоприятными условиями погоды. Поддержать производство сельскохозяйственных продуктов на указанном уровне было возможно лишь благодаря тому, что даже в ходе войны в сельском хозяйстве сохранилось достаточное количество рабочей силы и средств производства. Благодаря использованию иностранных рабочих и военнопленных на сельскохозяйственных работах серьезного недостатка в рабочей силе никогда не наблюдалось. Лишь к концу войны стала ощущаться нехватка в руководителях сельскохозяйственных производств. Выпуск машин и инвентаря не был снижен вплоть до 1943 года. Тракторный парк увеличился с 70 тыс. машин в конце 1933 года до 140 тыс. машин в конце 1944 года. Производство запасных частей для сельскохозяйственных машин было обеспечено вплоть до самого конца войны. Сырье, необходимое для изготовления сельскохозяйственных машин и запасных частей, распределялось самим министерством продовольствия, которое, являясь единственным органом, имевшим правильные данные о потребностях сельского хозяйства, могло направлять усилия промышленности на покрытие самых необходимых статей спроса. Удовлетворение потребностей сельского хозяйства в минеральных удобрениях было также, за исключением фосфатов, вполне достаточным. Еще в 1943 году на каждый гектар обрабатываемой площади имелось в распоряжении (в кг) следующее количество минеральных удобрений (цифры на 1917–1918 годы даны в скобках): азота — 12,9 (3,1), калийных солеи — 30,8 (26.5), фосфатов — 10,3 (11,4). Решающим для поддержания уровня производства сельскохозяйственных продуктов наряду с относительно достаточным снабжением азотом было сохранение скота как производителя естественных удобрений. Однако ввиду некоторых обстоятельств поголовье свиней, например, все же

сократилось с 27 млн. голов в 1938/39 году до 18,6 млн. голов в 1943/44 году. Поголовье крупного рогатого скота, наоборот, почти не уменьшилось и составляло 23,25 млн. голов по сравнению с 23,8 млн. голов в 1938/39 хозяйственном году.

Снабжение углем и транспорт

Благодаря проницательности имперского комиссара по углю германская пищевая промышленность снабжалась углем до последнего дня войны. Сотрудничество министерства продовольствия с другими специальными ведомствами в вопросах обеспечения бесперебойного снабжения фронта и тыла было в общем и целом также очень хорошо налажено. Министерство путей сообщения, несмотря на все другие поставленные перед ним задачи, всегда аккуратно выполняло требования продовольственного сектора, обеспечивая его необходимым количеством вагонов. В последние месяцы войны, когда крупные сортировочные станции были разрушены воздушными налетами противника, министерство продовольствия и министерство путей сообщения занимались совместно составлением планов по перевозкам смешанных грузов. Такие эшелоны посылались в снабжаемые районы с очень небольшими интервалами, так что иногда машинист одного поезда видел последние вагоны другого. Ремонт дорог производился настолько быстро, что уже через несколько часов после разрушения полотна или моста эшелоны получали возможность двигаться дальше.

В сентябре 1944 года министр вооружений Шпеер, который с самого первого дня пребывания на своем посту заботился о выполнении не только своих собственных задач, но и задач, связанных со снабжением армии и страны. выделил для проведения снабженческих мероприятий крупную часть своего аппарата в помощь министерству продовольствия. Как правило, трудности, с которыми сталкивалась пищевая промышленность, возникали только в результате воздушных налетов противника, и, например, в последние месяцы войны мощность мельниц была все еще вполне достаточной для того, чтобы перемалывать то количество зерна, которое требовалось для удовлетворения населения хлебным, пайком. В министерстве продовольствия в это же время родилась мысль выдавать рожь в необмолоченном виде с соответствующими указаниями об употреблении.

Вплоть до самого конца войны качество пищевых продуктов оставалось вполне удовлетворительным. Это прежде всего относится к хлебу, который, несмотря на высокий помол, был значительно лучше, чем в первую мировую войну. Единственными продуктами, качество которых во время войны

снизилось, были животное масло и маргарин, где несколько повысилось процентное содержание воды, молоко, жирность которого значительно снизилась, и колбаса, в которую стали добавлять различные примеси. Суррогатных продуктов в отличие от первой мировой войны не было, если не считать суррогатного кофе. Даже овощей имелось сравнительно достаточное количество благодаря расширению общей площади огородов. Брюква как продукт питания в эту войну почти не употреблялась: Зато фруктов не было совершенно. Для выращивания и в особенности для хранения их отсутствовали всякие возможности. Минимальное количество фруктов, которое все же удавалось получать, полностью шло на изготовление мармелада, качество которого было довольно хорошим.

Нерациональное кормление скота

Чтобы обеспечить население продовольствием в трудных условиях снабжения, нужно увеличить потребление растительных продуктов и сократить потребление продуктов животноводства. В 1938/39 хозяйственном году 23,3 % всех растительных продуктов, выращенных на своей территории и ввозимых из-за границы, уходило непосредственно на снабжение населения. В 1943/44 хозяйственном году количество их составляло 28,1 %. Остальная часть растительных продуктов шла на корм скоту. Из них наибольшая часть приходилась на силос, который, разумеется, мог служить только для кормления животных. Главным конкурентом человека в потреблении основных пищевых продуктов является свинья. При кормлении свиней зерном или картофелем непроизводительная потеря калорий составляет 80 %. Поэтому во время войны было оставлено лишь такое поголовье свиней, которое можно было прокормить тем зерном, картофелем и другими продуктами питания, которые оставались после удовлетворения человеческих потребностей. В случае необходимости или нехватки продовольствия этот остаток мог использоваться и для удовлетворения потребностей населения, а поголовье свиней можно было соответственно уменьшать. Характерно, что беспорядочного убоя свиней, наблюдавшегося в первую мировую войну, на этот раз не было. Приходилось только из года в год приводить в соответствие поголовье свиней и степень откармливания скота с имеющимися остатками фуражных фондов. Решающим в деле правильного и бесперебойного снабжения населения хлебом и картофелем являлось четко организованное руководство. Когда же война приобрела затяжной характер, снабжение гражданского населения продуктами животноводства было снижено до предела. Несмотря на это, принцип первоочередности обеспечения пищевыми продуктами населения постоянно оставался в силе.

Поведение населения

Хозяйственная дисциплина населения как среди потребителей, так и среди производителей была во второй мировой войне значительно выше, чем в первой. Черный рынок не приобрел больших размеров вплоть до самого конца войны, да и существовал он главным образом в оккупированных районах. Сельское хозяйство Германии вполне справлялось с теми задачами, которые были на него возложены в отношении поставок продовольствия. Политически дифференцированных норм поставок, как в нынешней советской зоне оккупации, не имелось. К мерам принуждения приходилось прибегать лишь очень редко. Наряду с применением жестких административных мер, характерных для авторитарного государства, практиковались беседы знающих дело специалистов, которые убеждали крестьян в необходимости осуществлять поставки сельскохозяйственных товаров, если последние еще раньше сами не понимали необходимости проведения тех или иных мероприятий; эти беседы, несомненно, оказывали свое действие на основную часть крестьянства. Так, например, несмотря на постоянно снижавшуюся производительность молочно-товарных хозяйств, удалось увеличить поставки молока с 16,15 млн. т в 1939 году до 18 млн. т в 1943 году и этим самым соответственно повысить производство животных жиров. На изменения цен немецкий крестьянин реагировал поразительно хорошо. Снижение или повышение цен на свиней оставалось до последнего времени самым надежным средством регулирования степени их откормки и приведения производства мяса в соответствие с имеющимися запасами фуража. Повышение цен на обычный ячмень, в котором с 1942 года стала нуждаться пищевая промышленность для производства хлеба, до уровня цен на пивоваренный ячмень значительно способствовало увеличению производства ячменя.

Заключение

В заключение можно сказать, что система производства и распределения продовольственных продуктов во время второй мировой войны в основном себя оправдала. Но отчет о продовольственном хозяйстве был бы незаконченным, если бы мы не вспомнили о людях, которые были свидетелями и участниками этих событий. На всех участках, больших и малых, они работали с первого и до последнего дня в тесном сотрудничестве друг с другом и с полным сознанием своей ответственности за поставленные перед ними задачи. Бесспорная заслуга в этом деле принадлежит Герберту Баке, бывшему в начале войны статс-секретарем министерства продовольствия, а в конце войны ставшему министром; его высокие человеческие качества и ясный ум до последних дней накладывали на всю работу снабженцев особый отпечаток.

Очень трудно ответить на вопрос о том, что может быть использовано в будущем из того опыта, который был накоплен во время второй мировой войны. Однако если теория и практика руководства продовольственным хозяйством в период с 1939 по 1945 год оправдали себя, то это еще не означает, что в будущем надо действовать по такому же шаблону для преодоления различных продовольственных трудностей. Сейчас количество факторов, которые при предварительном планировании не могут быть учтены, стало гораздо большим, чем в 1939 году. К этому следует прибавить, что по сравнению с 1939 годом Западная Германия в настоящее время испытывает в продовольственном снабжении значительно большие трудности. Доля производства пищевых продуктов в самой Германии в общем продовольственном балансе составляет сейчас лишь 55 % по сравнению с 83 % в довоенное время. К традиционному ввозу зерна и жиров прибавился еще и импорт сахара, который является не деликатесом, а важным продуктом питания.

С окончанием второй мировой войны международное положение Германии коренным образом изменилось. Интересы мировой политики в основном переместились из Европы на запад и восток. Говорить сейчас о том, что мир во всем мире обеспечен, могут только самые беспечные оптимисты. В условиях осложнения международных отношений, за которое сегодня Германия не несет никакой ответственности, и при существующей

политической обстановке ожидать новой блокады нельзя; зато, безусловно, следует рассчитывать на сильное сокращение импорта вследствие неизбежной нехватки у нас торгового флота.

Если в случае мобилизации экономики будет принято решение о создании необходимой продовольственной базы, то, учитывая предыдущий опыт, мы должны будем выполнить следующие три условия:

1. Создать такую организацию, которая будет проводить все продовольственные мероприятия. Она должна быть построена с таким расчетом, чтобы производством, заготовкой и распределением продуктов ведал один и тот же орган. Необходимо стремиться к созданию такой организации, в которой государственное руководство и опыт администрирования сочетались бы с практическим хозяйственным опытом представителей отдельных профессий. Возможность создать такую организацию без предварительной подготовки представляется сомнительной. Вместе с тем отсутствие такой организации приведет к столь же плачевным результатам, к которым мы пришли во время первой и после окончания второй мировой войны.

2. Создать соответствующие потребностям запасы зерна, сырья для производства маргарина, сахара и кормов для скота. Как велики должны быть эти запасы, зависит от факторов, известных только правительству.

3. Сделать все приготовления к тому, чтобы постоянно поддерживать собственное производство сельскохозяйственных продуктов на высоком уровне. Для этого нужно учитывать рост тракторного парка и обеспечить дополнительные запасы тракторного горючего. Если же по тем или иным причинам строгое нормирование продовольствия не вводится, то лучшим средством обеспечить снабжение и одновременно поддержать производство на высоком уровне является создание большого стратегического продовольственного резерва. Такой резерв при условии максимального рассредоточения продовольственных складов будет, несомненно, самым лучшим средством пресечь или по крайней мере значительно ослабить рыночную панику и мешочничество в случае нарушения подвоза продуктов.

Из опыта военных и послевоенных лет следует сохранить только одно — регулирование потребления продовольственных

продуктов путем компенсации дефицитных продуктов другими. Только в этом случае руководство продовольственным хозяйством не будет нарушено. Осуществить управление при абсолютной нехватке всех видов продовольствия невозможно. Если нормы потребления не обеспечивают населению минимальный прожиточный минимум, всякая хозяйственная дисциплина исчезает и начинается борьба всех против всех.

ЛИТЕРАТУРА

Backe H., Um die Nahrungsfreiheit Europas, Leipzig, W. Goldmann Verlag, 1943.

Woermann E., Schaubilder zur deutschen und europaischen Ernahrungswirtschaft, 1944.

Немецкие женщины и война [129]

Многостороннее участие немецких женщин во второй мировой войне может представлять интерес и быть поучительным только для тех, кто сначала усвоит некоторые принципиальные положения.

Прежде всего использование женщин нельзя рассматривать в таком же смысле, как использование оружия, а их «участие» ни в коем случае не предполагает какой-то военной организации. Использование оружия и военных формирований покоится на вековом опыте участия в войне только солдата-мужчины как вооруженного представителя своего народа.

Чтобы вообще понять, как и в какой степени женщины могут участвовать в войне, нужно прежде всего подумать о том, что слова «женщина» и «война» не имеют между собой ничего общего. Военные подвиги отдельных женщин в различные эпохи и у различных народов нисколько не меняют дела, потому что женщины совершали эти подвиги не из врожденного мужества, а в силу реакции женской натуры, поставленной в исключительные жизненные условия. По своей природе женщина всегда является противницей разрушения, а значит, и войны. Это не исключает того, что из двух зол она может выбрать меньшее и если не приветствовать, то все же принять как должное и войну и ее неизбежные последствия. Это случается тогда, когда женщина не видит иных средств к тому, чтобы защитить свой дом и семью, свой народ и отечество, которое в ее глазах превращается уже в отечество ее детей. Правда, нельзя не учитывать и того, что подобное «принятие войны как должного» происходило у наших женщин по-разному в зависимости от их отношения к официальному мировоззрению и общей политике, проводимой государством.

Но на свете нет такой женщины, которая всегда оставалась бы только женщиной. Она является прежде всего человеком в широком смысле этого слова, поэтому она всегда связана со своей частью человечества — со своим народом — и наравне с мужчиной несет перед ним ответственность.

Войны часто, рассматриваются как события стихийного характера. Именно так воспринимаются они женщиной: она не

хочет войн, и она не ведет их, но участвовать в них ей приходится. В ходе великих событий она сама может стать тем решающим фактором, от которого зависит если не исход войны, то, во всяком случае, существование ее народа. Как раз таким фактором и стали женщины в годы второй мировой войны. Проигрыш войны ведет к уничтожению государства, но не народа. Народы лишь страдают от войн. Они слабеют. Однако военное поражение отнюдь не грозит их существованию.

Каково было положение вещей в начале второй мировой войны? В 1939 году мы не переживали такого всеобщего воодушевления, какое наблюдалось в 1914 году. Начиная войну, наш народ уже знал по примеру первой мировой войны, какие трудности он встретит в ней. Начало новой войны было воспринято нами как удар судьбы, которому должен был покориться каждый — и мужчина, и женщина. Война вторглась в личную жизнь людей, у одних раньше, у других позже. Незатронутыми оказались лишь немногие. Спустя некоторое время начались воздушные налеты противника, превратившие в участок «фронта» каждую деревню, каждый город. В любой день и час, сознательно или бессознательно, женщина попадала в такие условия, в которых она никогда не оказывалась раньше и которые поминутно грозили ей смертью.

Отношение женщины к войне становится понятным только тогда, когда подумаешь о том, насколько глубоко затрагивает она ее, как больно ранит она ее душу и какие тяготы взваливает ей на плечи. Война ставит ей огромные требования, отрывает от нее мужа и сына, забирает брата и друга. Длительная разлука, свидания в тревожной нереальной атмосфере до боли коротких отпускных дней и снова отъезд, снова горечь расставанья и письма — эта трудная попытка связать два мира, ставших теперь такими далекими, сделать свои переживания понятными для другого или же мягкосердечно скрывать их от всех.

Вначале неуверенно, потом, в силу необходимости, принимая это как нечто само собой разумеющееся, женщина занимает место, оставленное мужчиной, стремится заменить детям отца, принять на себя заботы о доме и ответственность за другие дела, которые она раньше с радостью отдавала мужчине, то есть взаимоотношения с властями, кассами, финансовыми учреждениями и, наконец, борьбу с разросшимся бюрократическим аппаратом государства, созданным военным хозяйством страны, окруженной противником со всех сторон.

Конечно, эти заботы ничего не решают. Они лишь фон, на котором свершается главное — груз, от которого трудно освободиться. Этот фон постепенно лишает трудные будни войны их последнего глянца, он невидимым образом треплет нервы, подавляет всякий порыв. В нем нет героизма, он — только бремя, и чтобы освободиться от него, нужны силы и упорство.

Затаив дыхание слушают женщины вести с фронта. Победы, победы… одна за другой, в течение нескольких лет. Но какой дорогой ценой! Сначала редко, но потом все чаще и все трагичнее судьба заносит свою безжалостную руку над их семейным очагом. Никакой передышки, ни одного мгновения уверенности, ни одного даже временного военного успеха, который не требовал бы самой тяжкой расплаты.

Здесь погиб отец, там сын. друзья, жених… Все это женщина переносит не с «гордой печалью», а с глубочайшей скорбью, которая только может наполнить любящее человеческое сердце. И снова победы, реют знамена, звучат фанфары…

Вот сообщают о потопленных судах: 28 тыс. т…, 10 тыс. т…, 5 тыс. т…, какая-то маленькая баржа. Говорят о боях в окружении, о количестве уничтоженных, о числе сбитых самолетов. Но странны женские сердца. Они думают о том, что скрыто за этими цифрами. Кроме гордости за армию и ее победы, они испытывают еще и другое противоречивое чувство, набрасывающее тень на каждую радость победы. Они не говорят об этом, да и вряд ли сознают они ход и развитие этих запутанных событий. Им не дает покоя только одна мысль: а разве те, чужие, разве они не люди? Тогда кто же они, эти команды потопленных вражеских судов, эти сотни тысяч солдат, убитых или взятых в плен, этот летчик, самолет которого падал, подобно пылающему факелу смерти в ночном небе? Женщина страдает в глубине души, открыто предаваться этому некогда. Вторая мировая война развертывается. Ее уже ничем нельзя удержать. Она продолжается со всей своей страшной жестокостью и требует отдачи всех сил. Женщина делает все возможное. Первые бомбы падают на города и деревни западных провинций. Люди гибнут, и их смерть совсем не похожа на смерть воинов на фронте, которые с оружием в руках защищают свою родину. Война нарушает привычные условия жизни, она стоит у самого порога жилищ. Пылают дома, рушатся стены, города превращаются в развалины. Кучей пепла становится домашний очаг, оберегавшийся целыми поколениями

на протяжении веков. Но нужно терпеть, терпеть и смиряться.

Женщина добровольно покидает обжитое место, оставляет привычную работу, Необходимо эвакуироваться, чтобы укрыть и спасти от смерти стариков и детей. Начинается великое переселение немецкого народа.

Можно ли во всем этом обойтись без женщины? Нет, нельзя. В этих бесконечных скитаниях женщина учится, она делает неожиданные открытия, из которых самым удивительным является ее отношение к чемоданам, к рюкзаку, к багажу. Они мучают ее, отягощают, причиняют боль. Но без них нельзя. Если бы сложить в кучу все чемоданы и корзинки, которые женщины тащили, а кое-где и до сих пор тащат по дорогам всех стран, затронутых войной, их получились бы целые горы. Но чемодан — это не только бремя. Он становится чем-то вроде спутника жизни: ведь он содержит в себе все те мелочи, с помощью которых можно устроиться в чужом месте, создать родину, уют, который всегда скрашивает человеческое существование. Как это делается, невозможно ни понять, ни объяснить, но то, что это именно так, знают все. Малое становится большим. И мерой вещей, которые не могут быть организованы и направлены служебной инстанцией, но зато могут быть сохранены заботливой материнской рукой становится хрупкая женщина-мать, женщина-сестра

* * *

Здесь, в эвакуации, впервые по-настоящему развертываются творческие силы женщин, продолжающие действовать еще и сегодня, в условиях непрочно завоеванного мира. Эти силы творят нечто из ничего, они улыбкой скрашивают нужду и постоянно находят новые выходы из многих жизненных положений. Все женщины, независимо от образования и социального положения, оказываются отброшенными в первобытное состояние, где основной закон велит им днем искать еду для своей семьи, а ночью — заботиться о ночлеге. Их можно сравнить с женщинами периода Великого переселения народов или со спутниками первых американских колонизаторов.

Но кратковременный приют в «безопасных от воздушных налетов» районах становится небезопасным. После первых побед война становится еще более страшной и беспощадной. Затем она идет на убыль, близится поражение. В тот момент, когда война

вопреки пропагандистским лозунгам превращается в «тотальную», она увлекает за собой и женщину. Война перестает быть «делом мужчины», она становится судьбой всего народа. Ее сверкающий меч уже нельзя сдержать у границ родины. Она ведется теперь не только в форме частых и мощных воздушных налетов на промышленные районы и крупные города. страны — театром военных действий становится вся территория Германии. И женщина, наравне с мужчиной, воспринимает борьбу как свою задачу. И все-таки в этом она значительно отличается от мужчины, ибо смысл борьбы она видит не в бою, а в стремлении сохранить себя, свою семью. Было бы, конечно. глупо проводить какие-то сравнения и делать выводы об усилиях, затраченных в войне мужчинами и женщинами. Но защитить себя, когда в руках нет оружия, гораздо труднее.

Скитающиеся массы народа превращаются в поток, бурлящий между двумя фронтами, все теснее и теснее сближающимися друг с другом. Среди этого бегущего населения уже не встретишь молодых и способных носить оружие мужчин. Вот катится повозка, запряженная измученными лошадьми, а на козлах — женщина. Вон идет автомашина, и за ее рулем — тоже женщина. А там, подальше — зенитная батарея, и у ее приборов, вглядываясь в серое небо, застыли женщины. Везде только женщины. Они следят за дорогой, оттаскивая в сторону то, что уже не может двигаться, освобождают путь этой бесконечной колонне беженцев, следят за тем, чтобы она не застряла и не стала жертвой вражеской авиации. Бурей и ледяным холодом встречает женщин новый, 1945 год. Они хоронят мертвых, кладут их прямо в снег, замерзших и убитых, стариков и старух, своих сестер и детей, но ведь это же их дети….

И вот, наконец, последнее испытание: встреча с противником, от которой нет спасения. Первыми с противником встречаются потоки беженцев с востока. Женщина становится лицом к лицу с противником, и нет рядом ни одного мужчины, который мог бы ее защитить. Кажется, что теперь все кончено.

Нет необходимости рассказывать о том, каким образом женщинам удалось выйти из этого положения, и никто и никогда не сможет сосчитать, сколько из них погибло в этом водовороте событий. Это была последняя дань, которую война потребовала от них, последняя из всего того, что можно было требовать. Но женщина продолжала жить. Как? Это знает только она одна. И тем, что жизнь народа не прекратилась, а продолжается и по

сегодняшний день, мы в значительной степени обязаны женщине, которая превозмогла все.

* * *

Война, которая продолжается пять с лишним лет, всегда полна незаметных, будничных проблем, и все они должны быть решены. Тот. кто хочет по-настоящему разобраться в том, что повседневно окружало наших женщин, должен всегда видеть за этими буднями те две основные задачи, которые выпали на долю большинства из них: работу на производстве и ведение домашнего хозяйства. Никто не в силах освободить женщину от забот о семье и доме. а ведь каждая вторая или третья работница была к тому же и матерью.

Что же касается обязанностей по дому, то с войной их стало не меньше, а больше. Введение норм на продукты потребовало строгого и точного их распределения и экономии. Закупки теперь стали отнимать гораздо больше времени. к тому же нехватка продуктов потребовала от городских хозяек создавать небольшие продовольственные запасы и консервировать некоторые Продукты питания. Не должен был пропасть ни один кусок хлеба, ни один лоскут материи. А для этого требовалось большое желание, большая гибкость ума. сообразительность и прежде всего готовность усвоить новое. На протяжении всей войны ежегодно миллионы женщин слушали лекции о кулинарий и обучались на курсах домашних хозяек. Они учились чинить и Перешивать одежду и белье, шить простую детскую одежду и домашнее Платье. Им показывали, как сшить домашние туфли, как починить ботинки. Им давали множество различных советов, которые могли быть использованы ими в домашнем хозяйстве. Однако основной их заботой оставались дети. Даже в тех кварталах, которые подверглись наиболее интенсивной бомбардировке, каждое утро предпринимались новые попытки создать при помощи самых примитивных средств хоть какие-нибудь убежища и снабдить людей продуктами и предметами первой необходимости. Как ни трудна была борьба с зимними холодами, однако еще большие трудности создавало затемнение, которое буквально деморализовало людей. Только благодаря инстинкту самосохранения наши женщины находили в себе силы устранять многие неприятности и опасности, грозившие им самим и их близким.

В настоящей статье нет места, чтобы дать более или менее

исчерпывающее описание всех экономических затруднений, обусловленных войной.

Перевод хозяйства страны на военные рельсы был значительно облегчен теми мероприятиями, которые проводились еще задолго до войны. Введенные тогда ограничения в потреблении способствовали тому, что у населения Германии выработалась привычка к экономии, что давало возможность обеспечивать его потребности только за счет продукции, производимой в пределах самой страны. Поэтому переход к карточной система в начале войны не Принес новых трудностей ни в отношении количества продуктов питания, ни в отношении привычек, связанных с едой, то есть нисколько не изменил жизненного уклада, свойственного широким массам народа. Дифференциация продовольственных карточек — от карточек на грудных детей и детей младшего возраста, карточек среднего потребителя до карточек для рабочих, занятых на тяжелых работах, и карточек на беременных женщин и кормящих матерей, на вегетарианцев, больных туберкулезом и др. — вполне удовлетворяла самые различные потребности. Строгий контроль над ценами, лимитные и заборные книжки. а также сравнительно высокий уровень заработной платы позволяли каждой семье выкупать все положенные по норме продукты. Система «единиц» в промтоварных карточках также вполне обеспечивала спрос самых различных слоев населения на промышленные товары и предметы одежды.

Оглядываясь теперь назад, вспоминая обстановку военных лет и сравнивая ее с обстановкой первых лет после войны, хочется отметить тот удивительный факт, что во время войны у нас совершенно не было ни черного, ни так называемого «серого» рынка, как не наблюдалось и ни одного случая коррупции со стороны лиц, ответственных за распределение продовольственных и иных товаров. Это объясняется прежде всего тем, что даже в самом конце войны снабжение семей всем необходимым оставалось еще на довольно высоком уровне, а также и тем, что наши женщины были в этом отношении исключительно дисциплинированными.

Помимо всего этого, несколько тысяч женщин принимали самое активное участие в широко поставленной просветительной и инструкторской работе. Основная часть этих женщин выполняла свои обязанности в порядке общественной работы, но были среди них и такие, для которых эта работа была основной.

Активистки проводили с домашними хозяйками различные собрания, читали им лекции и т. п. Объективные знания потребностей и законных претензий населения делали их незаменимыми советчицами различных хозяйственных и государственных инстанций. Активное сотрудничество женщин играло существенную роль также и в работе руководящих хозяйственных и государственных органов, помогало правильнее планировать те или иные хозяйственные мероприятия.

Несмотря на то, что по первоначальным планам, разработанным в военно-хозяйственном аппарате, снабжение населения должно было принять форму общественного питания, жизнь в корне изменила эти намерения. Основным вплоть до самого конца войны оставалось так называемое «посемейное» снабжение. За счет такого снабжения достигался не только более экономный расход продуктов, но и, что важнее, сохранялась моральная и духовная спаянность семьи. Поэтому невозможно было смотреть без боли на то, как матери расставались со своими детьми, отправлявшимися ради сохранения их жизни в районы, не подверженные воздушным налетам противника. Ввиду многочисленности лагерей для эвакуированных детей там постоянно ощущался недостаток в кадрах воспитателей, однако это полностью компенсировалось той безопасностью, в которой находились жизнь и здоровье детей. Гигиенические условия в детских лагерях были настолько хорошими, что, например, противотифозные прививки были совершенно излишними.

Вторая мировая война изобиловала случаями, когда необходимыми стали общественное питание и массовое снабжение. Здесь с особой силой встал вопрос об использовании женского труда. Именно женщины должны были работать по снабжению различных лагерей, эшелонов переселенцев, бесконечных колонн беженцев. Из женщин были созданы и специальные продовольственные команды, которые заботились о французских беженцах, двигавшихся вместе с отступавшими немецкими войсками. Для выполнения всех этих задач было заранее подготовлено и обучено большое количество женщин. Эта работа не была легкой ни в организационном отношении, ни в смысле физической нагрузки, однако женщины выполняли ее терпеливо и почти без ошибок. Особенной выдержки требовала работа с пострадавшими от бомбардировок. Иногда бывало так, что выделенные для этой работы женщины начинали доставать и готовить пищу для пострадавших еще до окончания воздушного налета. В том случае, если количество пострадавших было

особенно большим, к ним на помощь в организованном порядке приходили женщины соседних районов.

Самые энергичные и способные женщины посылались на срок не более одного месяца в отдаленные и даже в оккупированные области для работы по организации снабжения и питания в лагерях для переселенцев. Если вначале многие домашние хозяйки относились к трудностям, вызванным войной, как к дополнительному тяжелому бремени, то проявленные ими потом выдержка и настойчивость свидетельствуют о высокой степени их готовности служить народу и о больших практических навыках в ведении хозяйства.

Косвенным участием в войне были и такие работы, как помощь по хозяйству, работа в лавке, магазине или в различных мастерских, где женщины заменяли мужчин, призванных на военную службу. Эта деятельность была, разумеется, малозаметной, однако и здесь силы женщин были напряжены до самого последнего предела. Необходимость поддерживать торговлю заставляла женщину становиться на место ушедшего на фронт мужа, ибо закрытие каждой лавки, каждого магазина сильно отражалось на снабжении населения. К тому же карточная система значительно увеличила объем работы лавок и магазинов, поэтому женщине приходилось вечером, после закрытия магазина, еще долго и много работать. Наконец, нужно сказать и о том, что продовольственное снабжение населения и армии было бы просто неосуществимо на протяжении столь длительного периода времени, если бы подавляющее большинство крестьянок, несмотря на их и без того большую нагрузку, не взяли бы на себя обязанности своих мужей. Важно было не только то, что они заменяли мужей на полевых работах, но и то, что им приходилось решать многие непривычные для них организационные и административные вопросы. Сюда относились различные важные в военном отношении мероприятия по обеспечению кормами скота, повышению урожайности, ограничению собственного потребления, использованию иностранной рабочей силы для сельскохозяйственных работ, а также по выполнению инструкций о заготовках, поставках и многое другое. Даже для самого короткого отдыха женщинам-крестьянкам почти не оставалось свободного времени.

* * *

Вследствие распространения военных действий на обширную

территорию Европы и Северной Африки призыв мужчин в армию и привлечение их на работу в военную промышленность настолько выросли, что уже в самом начале войны мужчин не хватило и основным источником рабочей силы стали женщины.

В первом параграфе закона о всеобщей воинской повинности, изданного 21 мая 1935 года, говорится: «Согласно настоящему закону о воинской повинности, каждый немецкий мужчина и каждая немецкая женщина обязаны во время войны служить своему отечеству».

Чтобы высвободить для фронта мужчин, годных к несению военной службы, вооруженные силы стали по мере развертывания войны все чаще и чаще привлекать женщин в качестве помощниц в канцелярской службе и службе связи. Использование труда женщин в армии, военно-морском флоте, авиации, войсках SS и полиции было весьма разнообразным.

Женщины служили в штабах на должностях писарей и делопроизводителей, работали на узлах связи в качестве телеграфисток и радисток. Много женщин было и в авиации, где они использовались главным образом в системе ВНОС, на постах и пунктах сбора донесений. Они следили за передвижениями самолетов противника, передавали сообщения о замеченных самолетах и предупреждали о налетах жизненно важные предприятия, промышленные и складские сооружения, участки железных дорог, сельские общины и т. д. Работая в системе метеослужбы, они наблюдали за погодой и составляли ежедневные метеорологические сводки. В зенитной артиллерии женщины вначале работали главным образом в качестве телефонисток, вычислителей и машинисток. Их обучение у орудий и на измерительных и прицельных приборах началось только в самые последние месяцы войны, после того как мальчики-подростки оказались полностью неспособными к этой службе. Это, разумеется, была последняя отчаянная и вместе с тем безответственная попытка командования изменить положение вещей.

Что касается работы женщин в штабах и подразделениях связи, то тут они, несомненно, оправдали себя. Их помощь оказалась незаменимой. В пределах родины они работали не иначе, как в различных, канцеляриях, и при этом жили дома. На оккупированной же территории они размещались в общежитиях, поэтому там наиболее часто наблюдались различные аморальные

явления. Прежде всего там ощущался недостаток в кадрах опытных руководительниц для проведения воспитательной работы среди этих женщин. Женщинам, которые служат в армии и вместе с войсками вступают на территорию противника, всегда приписывают безнравственность, свойственную маркитанткам. И все же следует признать, что молодые женщины и девушки своей большой помощью в работе дали командованию возможность высвободить для фронта многих мужчин, способных носить оружие. Бесценную службу сослужили родине, а позднее и оккупированным областям также и женщины — бойцы и наблюдатели постов ВНОС. Однако безусловной ошибкой следует считать то, что в конце войны женщин-помощниц превратили в солдат. Это отнюдь не соответствовало всему воспитанию немецкой женщины. Отдав такое распоряжение, командование проявило исключительную недальновидность.

Вообще все мероприятия по использованию женщин в вооруженных силах носили в большинстве случаев весьма неорганизованный и поспешный характер: женщину приравнивали к мужчине, не считаясь при этом с тем, что для работы женщине нужна совершенно иная атмосфера. Эту рабочую атмосферу весьма хорошо сумел создать, используя опыт первой мировой войны, германский Красный Крест, продвигавшийся вместе с нашими войсками по территории противника. Здесь уже, конечно, успех зависел от руководства и от тех традиций, которые успели сложиться в этой организации. Само собой разумеется, что командование этой чисто женской организацией должно было осуществляться женщинами, а для подготовки таких кадров требовалось много времени. Поскольку женская военная организация в отличие от подобных организаций у держав противника была создана в Германии очень поздно и поспешно, то избежать недостатков было невозможно. Сравнительно небольшого количества женщин, которые с течением лет выдвинулись до руководителей, было совершенно недостаточно, чтобы обеспечить руководство всеми женщинами, находившимися в рядах вооруженных сил.

Нет сомнения, что за счет одной лишь добровольной вербовки нам никогда не удалось бы создать такую огромную армию женщин-военнослужащих, численность которой до сих пор точно не установлена. Служебные обязательства и национал-социалистское законодательство об использовании женской рабочей силы сделали возможным в случае необходимости призывать женщин на военную службу в принудительном

порядке.

Многие вопросы остаются открытыми и на сегодняшний день. Приводит ли современное развитие техники в условиях тотальной войны к использованию женщин для решения непосредственных боевых задач? Как выглядит призыв в армию женщин с точки зрения права? Ведь в 1945 году в руки противника попали тысячи немецких женщин-военнослужащих, и никому неизвестно, сколько из них томится в плену сейчас, по прошествии девяти лет со дня окончания войны. Велико и число тех, кто не вынес плена или, испытав нечеловеческие мучения, вернулся на родину больным.

* * *

Как ни велико было число женщин-военнослужащих во второй мировой войне, однако количество женщин, призванных для работы в военной промышленности, было несравненно большим.

Предпосылкой к тому, что эти силы могли быть использованы, явилась введенная в 1935 году система трудовых книжек. Такие книжки обеспечивали точный учет всех работающих людей. Это мероприятие сделало возможным автоматически заменить женщинами мужчин, когда 1 сентября 1939 года была объявлена мобилизация и тысячи немецких мужчин ушли в армию, покинув свои рабочие места.

В ходе войны государство применяло самые различные методы мобилизации сил для важнейших в военно-политическом отношении работ и в зависимости от обстановки то ослабляло, то усиливало степень принуждения. Наиболее мягкой формой принуждения являлось распоряжение о перемене работы, которое с 1 сентября 1939 года распространялось на все заводы и хозяйственные учреждения и которое запрещало отныне всякие самовольные перемещения рабочих в военной промышленности. Увольнение рабочих и расторжение трудовых договоров было поставлено в зависимость от решения биржи труда. Это дало возможность хотя и медленно, однако твердо и последовательно привлекать для работы в военной промышленности все новые и новые кадры.

С течением времени резервы женской рабочей силы становились все меньшими, поэтому органам, ведавшим набором

рабочих, пришлось обратиться к трудовой повинности, введенной законом от 13 февраля 1939 года. Посредством «прочесывании» заводов, не имевших непосредственного отношения к военной промышленности, «пригодные для перевода» рабочие переводились на предприятия военной промышленности. Нередко после таких «прочесывании» заводы, откуда были изъяты рабочие, испытывали огромные трудности, да и для самих переводимых это не всегда было легко.

Мероприятия, связанные с трудовой повинностью, и работа комиссий «по прочесыванию» наносили, конечно, большой вред авторитету местных органов по организованному набору рабочих. Однако в течение долгих лет распоряжение о перемене места работы и «прочесывания» предприятий оставались единственными принудительными средствами для пополнения военной промышленности рабочей силой. Наряду с этим проводились и широкие мероприятия по вербовке, давшие весьма положительный результат. Это относится главным образом к пожилым женщинам, не имевшим детей школьного возраста, а также к живущим на нетрудовой доход и к пенсионерам. Характерно, что именно за счет призыва женщин в возрасте старше 45 лет и был получен тот резерв рабочих, который отличался особенно высоким моральным уровнем, более высоким, чем у рабочих, отбывавших трудовую повинность в принудительном порядке. Как правило, рабочий день этих женщин был сокращенным.

Наиболее просто сокращенный рабочий день можно было установить на транспорте, потому что здесь вопрос стоял только о более частом чередовании смен. Гораздо труднее было решить проблему укороченного дня на таких заводах, где рабочие часы женщин нужно было согласовывать с временем рабочих-мужчин, которым приходилось напряженно работать по 12 часов в сутки.

Для широкой общественности использование женщин на мужской работе было особенно заметным на транспорте, где женщины работали и частично продолжают работать по сей день с большим тактом, аккуратностью и рвением. Однако количество женщин, занятых в оборонной промышленности, было несравненно большим. Непрекращавшиеся призывы мужчин в армию привели, наконец, к тому, что все оставшиеся резервы были брошены для заполнения образовавшихся брешей. По распоряжению от 27 января 1943 года все мужчины в возрасте от 16 до 65 лет и женщины в возрасте от 17 до 45 лет были обязаны

явиться на сборные пункты для направления их затем на различные оборонные предприятия.

Благодаря этому распоряжению правительству удалось создать из женщин очень большой резерв рабочей силы. Ни одно другое распоряжение не повлияло столь сильно на жизнь немецких семей. Усиленное использование женского труда и отрыв их от семей вызвали очень много осложнений. Домашнее хозяйство оказалось запущенным, отчего наряду с другими членами семей неизбежно страдали и дети. Кроме того, после этой мобилизации резко сократилось и количество домашней прислуги.

В чем же, собственно говоря, заключались главные трудности, которые приходилось преодолевать при мобилизации такой большой массы женщин для работы в военной промышленности?

Меньше всего трудностей было там, где дело шло о переводе и размещении на предприятиях военной промышленности женщин, которые уже когда-либо работали на производстве. Немецкая работница обладает такой ловкостью рук, выносливостью, терпением и прежде всего способностью приспосабливаться к новым условиям, что ее перевод, например, с предприятий текстильной, швейной, бумажной. полиграфической, пищевой и кондитерской промышленности на предприятия металлургической, химической или оптической промышленности, как правило, не представлял почти никакой проблемы. Незамужние женщины — продавщицы из сети розничной торговли привыкали к работе в военной промышленности довольно быстро. Труднее было там. где приходилось переводить на производство бывших канцелярских работников, деквалифицировавшихся или никогда прежде не работавших домохозяек. А эти последние как раз и составляли основную часть вспомогательной рабочей силы, влившейся в промышленность на основе закона об обязательной трудовой повинности.

Призыв этих групп женщин на производство показал, что женщину, которая трудится в военной промышленности, нельзя рассматривать просто как рабочего, обладающего большей или меньшей квалификацией, нежели мужчина, и что на нее надо смотреть прежде всего как на человека, связанность которого с семьей имеет для успешной работы такое же значение, как и общая обстановка на том предприятии, где она работает.

Исходя из этого, на тех заводах, где первоначально, так же как и в армии, работали одни лишь мужчины и где атмосфера была, если так можно выразиться, чисто мужской, было проведено очень много улучшений, которые отвечали природным особенностям женщины. Производственный процесс был тщательно проверен и улучшен, машины приспособлены к слабой физической силе женщины, а около станков стали устраивать сидения. Не менее важным мероприятием явилось и установление правильных человеческих взаимоотношений между мастером или администратором и подчиненными ему работницами. На тех предприятиях, где правильные взаимоотношения начинались в заводской канцелярии и где рабочая атмосфера оставалась хорошей даже у станка, производственные успехи этих необученных и не имеющих никакой профессии женщин были выше всяких ожиданий. Хорошие результаты дала также и подготовка низшего звена руководителей производства из числа самих работниц. Эту проблему можно было разрешить еще проще, если бы на ответственные должности на предприятиях выдвигалось больше женщин.

Самым крупным нашим достижением в этой области является, однако, то, что руководство своевременно поняло необходимость, создать для женщины такие условия, чтобы она могла сочетать ведение своего домашнего хозяйства с работой на производстве. Для того чтобы облегчить женщинам эту двойную нагрузку, было сделано очень многое, начиная от сокращения рабочего дня, запрещения ночных смен для женщин, введения так называемых дней «надомной работы», создания сети продовольственных лавок и столовых на территории завода, вплоть до издания специального закона о защите материнства.

Там, где в связи с ограниченными возможностями сменного порядка работы предприятия сокращенный рабочий день для женщин при всем желании не мог быть установлен, проводилась замена семейных женщин в цехах молодыми одинокими женщинами — служащими управленческого аппарата, где ограничить рабочее время было гораздо проще. Если при этом конторские служащие теряли часть заработка, им в виде компенсации выдавались специальные денежные пособия.

Состояние здоровья работающих женщин за годы войны сильно ухудшилось, и. например, в районах, особенно пострадавших от воздушных налетов, количество женщин,

которым только по состоянию здоровья или по семейным обстоятельствам было разрешено оставить работу в военной промышленности, почти в два раза превысило количество вновь принятых; в ходе войны появились еще и такие трудности, устранить которые не могло даже самое проницательное руководство. Никакая забота администрации и никакие даже самые гуманные меры не могли избавить женщину от переживаний о муже, сражающемся на фронте, об оставшихся без присмотра детях, от бессонных и полных страха ночей, проводимых в бомбоубежищах, и от многого другого. Неудивительно, что под тяжестью всех переживаний, какие принесла с собой тотальная война, в условиях двойной нагрузки, вызванной необходимостью вести свое домашнее хозяйство и одновременно работать на производстве, многие женщины если и не полностью выходили из строя, то все же настолько сильно подрывали свое здоровье, что им еще и теперь приходится обращаться за помощью к врачу.

В связи с этим вполне уместно спросить: насколько правильными были вышеуказанные методы «управления» человеческой рабочей силой и можно ли было лишать человека всякой свободы и направлять его туда, где он был больше всего нужен, или эта же цель могла быть достигнута гораздо легче, если бы мы пошли по пути добровольности, что больше отвечало бы принципам демократии? Ответ на эти вопросы дала сама тотальная война, создавшая в стране чрезвычайно тяжелое положение. Тотальная война не могла не привести к авторитарным мероприятиям по управлению рабочей силой, а облегчить тяжелое положение людей можно было только путем тщательно продуманного руководства и проведения различных социальных мероприятий.

Можно утверждать, что все перечисленные выше работы, которые выполнялись женщинами во время войны, были успешны только потому, что рядом с ними трудилось много таких же, как они, женщин, которые своей помощью и советом сообща сглаживали возникавшие трудности.

Для того чтобы хоть как-то поддержать женщин, которые несли тяжелое двойное бремя, была создана сеть домов отдыха для работающих матерей. Для детей, которых некому было воспитывать дома, создавались многочисленные дневные детские сады. к которым относились и детские площадки, организованные на тех заводах, где трудилось много женщин. Для облегчения

положения крестьянок во время уборки урожая создавались специальные сельские детские сады. Из районов, наиболее подверженных вражеским бомбардировкам, детей вывозили в сельскую местность, что требовало от обслуживающего персонала детских лагерей и воспитателей большого напряжения физических и моральных сил, для того чтобы устранить различные недостатки в размещении и содержании детей. Несмотря на то, что и там воспитатели и руководители каждую минуту несли большую ответственность за жизнь детей, у них было и большое преимущество — они могли спокойно спать, не боясь тревог и воздушных налетов. Не легче было и тем женщинам, которые во время войны были назначены на должности воспитателей, обычно занимаемые мужчинами. Наиболее трудным положение было там, где женщинам приходилось жить и работать в одноклассных училищах или в мужских школах, а также в очень отдаленных районах, где не было даже самых элементарных жилищных условий. И, наконец, совершенно невозможным было положение молодых учительниц, находившихся в восточных оккупированных областях, например в школах, где большинство детей говорило на польском языке, а учительницы в большинстве своем почти не знали иностранных языков. Они на протяжении нескольких лет были вынуждены жить в плохих помещениях, страдать от бездорожья и отсутствия гигиенических условий, потому что даже в таких крупных городах, как Лодзь, ощущался недостаток питьевой воды.

Вторая мировая война поставила перед женщинами большие социальные задачи: на них были возложены различные обязанности по уходу за больными и ранеными. Ограниченные масштабы данной статьи, к сожалению, не позволяют осветить всю работу, проделанную медицинскими сестрами на фронтах. Помимо ухода за ранеными, прибывавшими с фронта, женщинам приходилось все больше и больше заботиться о жертвах воздушных налетов. Все эти работы требовали постоянной подготовки новых медицинских сестер, санитарок и сиделок. Дополнительной задачей для сестер и женщин-врачей явилось и медицинское обслуживание лиц, содержащихся в лагерях.

Большую помощь медицинскому персоналу в выполнении всех этих задач оказали женщины-добровольцы, которые ухаживали за ранеными в госпиталях, заботились о престарелых и инвалидах, помогали воспитательницам детских домов и приютов. Многие женщины оказывали помощь своим соседкам, работавшим на производстве и в сельском хозяйстве: они брали

на себя различные закупки, чинили одежду и помогали непосредственно во время уборки урожая. Женщины-добровольцы дежурили на железнодорожных вокзалах, помогая железнодорожникам обслуживать уходящие на фронт эшелоны и прибывающие партии отпускников. В многочисленных швейных мастерских они шили одежду для пострадавших от налетов авиации противника и для беженцев, чинили белье для госпиталей и армии, готовили комплекты для новорожденных.

Что касается вербовки женщин на работу в промышленность, то и здесь женские организации провели исключительно большую работу. Правда, иногда это делалось в такой форме, что некоторые женщины-общественницы чувствовали, что выполняют свои обязанности скорее в порядке принуждения, чем добровольно, однако бесспорным историческим фактом остается то, что во время войны наши женщины совершили подвиг. Спаянность людей, появившаяся в ходе войны, возникла из общих трудностей и сознания общности задач.

Особую помощь оказали в сельском хозяйстве отряды трудовой повинности, состоявшие из девушек. Своим трудом эти девушки значительно облегчили положение женщин-крестьянок. Уже в начале войны число девушек, призванных в отряды трудовой повинности, составляло 100 тыс., а за годы войны эта цифра увеличилась вдвое. Вскоре после начала войны срок службы в системе трудовой повинности для девушек был увеличен еще на полгода, в течение которых девушки несли так называемую военно-вспомогательную службу. Это означало, что все это время девушки должны были работать на предприятиях военной промышленности. Отряды трудовой повинности работали также и на городском транспорте, в госпиталях и в сельских школах. Свои обязанности в рамках военно-вспомогательной службы девушки, как правило, выполняли хорошо, потому что необходимость такой работы была для них очевидной и потому что фабричная служба или служба в качестве кондукторов городского транспорта после первого полугодия, проведенного на сельскохозяйственных работах в деревне, вносила в их трудовую деятельность некоторое разнообразие.

В совершенно иной обстановке оказались женщины и девушки тогда, когда через некоторое время был объявлен призыв женщин в авиацию. В условиях лагерной жизни воспитательная работа с ними была сильно затруднена. В служебное время девушки подчинялись соответствующим офицерам и начальникам

по линии командования ВВС, а в свободное от работы время поступали в распоряжение своих начальниц из системы трудовой повинности. Иногда девушкам приходилось работать в очень опасных местах, поэтому много их погибало, особенно во время ночных налетов авиации противника. Девушек, отбывающих трудовую повинность, посылали служить в авиацию только в самых крайних случаях, ибо это никоим образом не соответствовало взглядам начальников отрядов трудовой повинности на воспитание девушек и использование их труда,

В ходе войны потребовалось все больше привлекать женщин и девушек для службы в системе противовоздушной обороны. Свыше 200 тыс. женщин стали наблюдателями постов ВНОС, пожарниками и бойцами дружин и отрядов ПВО. Для их подготовки были организованы специальные курсы. Служба в системе ПВО была дополнительной задачей, которую они должны были выполнять наряду со своими прочими обязанностями. Здесь, кроме чисто технических навыков, от них требовалось еще и большое мужество, способности организатора и умение завоевать авторитет. История службы женщин в системе противовоздушной обороны полна многих ярких примеров исключительного мужества, решительных действий и самоотверженности в оказании помощи пострадавшему. Смелые поступки женщин вызывали восхищение даже у фронтовиков, находившихся в это время в отпуске.

Воздушная война над Германией коснулась не только этих женщин и девушек, она заставила всех женщин выполнять такие задачи, какие им часто были просто не под силу. Женщинам приходилось на протяжении нескольких лет часто дежурить по ночам на своих предприятиях, чередуя дежурство со своей работой, что сильно отражалось на их здоровье. Большой вред здоровью причиняли также и непрерывно учащавшиеся воздушные тревоги, отнимавшие у людей сон, столь необходимый им для восстановления затраченных на производстве сил и для успокоения нервной системы. Но самым ужасным, с чем встретились женщины, был страх смерти, ужас бессмысленного разрушения и мучительной гибели в подвалах и жилых домах, объятых пламенем пожаров. В те страшные ночи бомбардировок во многих женщинах угасла последняя искра веры в бога. И только большие заботы о семье, о доме, о близких и врожденный инстинкт самозащиты вероятно не дали женщинам окончательно впасть в отчаяние. Воздушные бомбардировки мирных городов и деревень покрывают позором каждого, кто начинает и ведет их.

Сегодня снова слышатся разговоры о возможностях противовоздушной защиты и проведении соответствующих мероприятий, и все это делается с непонятным легкомыслием и безразличием. Но мы, женщины, вправе спросить, кто будет честно и энергично бороться за запрещение войны, кто запретит убивать беззащитных и ни в чем не повинных женщин, стариков и детей, если война вспыхнет снова? Не должны ли лучшие люди всего мира выступить против невероятно жестоких форм ведения современной войны? Наиболее многочисленные жертвы воздушных налетов во время второй мировой войны были среди женщин, детей и стариков, и поэтому всем политическим деятелям не следует говорить о справедливости до тех пор, пока на эти формы ведения войны не будет наложен надежный запрет.

* * *

Последствия второй мировой войны продолжают сказываться и в настоящее время. В ходе войны и после ее окончания женщины встретились с совершенно новыми для них задачами и обязанностями. Жизнь стала трудной, ее законы потеряли свои старые формы, а гарантий осталось очень мало. Но, как бы то ни было, жизнь продолжается и требует, чтобы каждый день что-то вновь создавалось, прибавлялось и выращивалось. Многие женщины остались одинокими, и для большинства из них единственным источником существования является их работа, поэтому сейчас с особой силой возникает необходимость, во-первых, принять меры для облегчения положения работающих женщин и, во-вторых, окончательно и принципиально решить проблему улучшения жизненных условий семей, пострадавших от войны.

Роль немецких женщин во второй мировой войне была бы освещена крайне недостаточно, если бы мы стали рассматривать ее только с точки зрения целесообразности использования женщин на различной работе военного и полувоенного характера или только с точки зрения технических навыков, физической нагрузки, годности женщин к той или иной работе, а также их умения приспосабливаться к различным обстоятельствам и условиям. Эта война наглядно показала, насколько важными для существования отдельных семей и, следовательно, всего народа явились дела наших женщин. Они наиболее ярко проявили себя во время неудач немецкой армии на фронтах, во время ночных бомбардировок городов и деревень, а также на дорогах, в колоннах беженцев и эвакуируемых. Они вливали в людей новые

духовные силы, благодаря которым выжил наш народ и благодаря которым жизнь продолжается дальше. Им мы обязаны тем, что сумели спасти наши последние культурные и материальные ценности и постепенно восстановить порядок, что в нас, наконец, снова пробудилась вера в добро, постоянство, благородство и красоту, во все то. ради чего стоит жить.

Условия безоговорочной капитуляции сделали наших мужчин пассивными. Всякое активное действие, без которого мужчина, по сути дела, не может жить, было им запрещено. В основе же характера женщины лежит другое — стремление спасти и сберечь все живое. И если мы до сегодняшнего дня продолжаем существовать как нация в обеих частях Германии, то это в первую очередь дело рук наших женщин.

Сознание этого дает нам надежду на то, что до тех пор, пока не перестанут действовать эти охраняющие нас силы, у нас будет и дорога в будущее. Но отсюда для нас вытекает и необходимость беречь и разумно расходовать животворные духовные силы женщин, чтобы они могли оказать свое благотворное влияние на весь наш народ. Эти силы ни в коем случае не должны исключаться из нашей повседневной жизни, иначе они могут стать бездейственными. Нет, эти силы должны быть призваны для решения великих задач человечества.

Судьба, предначертанная женщинам нашего народа, во многом схожа с судьбой женщин всех европейских стран. Одинаковы и силы, порожденные в них войной. А если это так, то какое же может быть сомнение в том, что эти силы не будут гораздо лучше способствовать миру и сотрудничеству между народами Европы, чем всякие политические переговоры и конференции?

Проф. К. Г. Пфеффер

Немцы и другие народы во Второй мировой войне

Отношение германского правительства и немецкого народа к другим народам во время второй мировой войны имеет очень большое значение. Весьма распространенное убеждение, что немцы относились к другим народам, как правило, отрицательно, является неверным. В действительности же наше отношение было сильно дифференцированным. Дать точную картину этих отношений трудно не только потому, что современное поколение само участвовало в минувших событиях и в связи с этим не лишено определенной пристрастности в этом вопросе.

Большая часть наших архивов уничтожена и разграблена, да и из свидетелей почти никого не осталось в живых, а это ведет к тому, что любое суждение илл даже просто какая-либо информация о событиях тех лет могут сегодня сильно повредить тем, кто осмелится их дать, и тем, кого они затрагивают. Инстинкт самосохранения заставляет людей либо молчать, либо приукрашивать собственные наблюдения, уменьшает их тягу к отысканию «улик».

Сдержанность становится сейчас еще более упорной, ибо всякая оценка событий, происходивших с 1939 по 1945 год, расценивается теперь как определенная позиция в современной «холодной» войне, которая в числе прочих вовлекла в свою орбиту и немецкий народ.

Все это в значительной степени затрудняет объективное и исчерпывающее освещение политики немцев по отношению к другим народам. Поэтому сейчас пока еще речь может идти только о личных переживаниях, мнениях представителей различных наций.

Национальная политика без концепции

В начале войны немецкий народ еще не имел четко выработанного отношения к другим народам. Оно еще только складывалось под сильным влиянием различных близких и далеких исторических событий. Древнейший общечеловеческий опыт основывается на том, что между людьми различных языков и жизненных укладов могут существовать нормальные производственные, соседские и иные отношения до тех пор, пока какие-либо внешние силы или проявленная свыше воля не вызовут нового, совершенно противоположного чувства и не создадут условия для возникновения цепной реакции взрыва. Это подтверждается всем ходом развития империи[130] и всех ее преемников, династии Габсбургов и прусских монархов, достигавших временами больших успехов в деле установления мирных взаимоотношений между немцами, с одной стороны, и чехами, поляками, литовцами, кашубами, словаками, румынами, мадьярами, сербами, хорватами, словенами, ладинами,[131] итальянцами, валлонами и т. д. — с другой. Кроме того, в немецком народе были живы и воспоминания о ставшей в Европе традиционной ненависти к немцам, о восстаниях гуситов. о насильственном изгнании немцев из обжитых ими районов, о нетерпимости к немцам и о разбойничьих набегах на их земли. В сознании немцев живо и учение Гердера[132] о божественном происхождении всех народов; не исчезли в нем и националистические тенденции XIX века, обостренные сознанием величия, которого когда-то достигло их отечество, а также стремлением освободиться от ига иноземного господства и запоздалой, не доведенной до конца попыткой политического объединения.

Для разрешения вопроса о путях национальной политики ничего нового и ясного не принес немцам и национал-социализм. Ни у нацистской партии, ни у ее государства в национальном вопросе не существовало никакой особой и специфической доктрины. Обоснованная биологически расовая теория являлась не чем иным, как стремлением создать новый, более совершенный тип человека, что в условиях Германии невозможно было осуществить, несмотря ни на какие расовые учения. Учение о расах нашло свое выражение в неправильно истолкованной теории о расовости наций, из которой пытались создать определения для «национального характера» и заложить основы «учения о естественном праве народов на определенное место в

истории». Однако в своем развитии это учение было крайне непоследовательным. Его представители не только не были едины в своих взглядах, но и не понимали, какое значение для формирования народа как нации имеют язык, расовая принадлежность, история и общественное сознание народа. Чаще всего они скатывались к буржуазному признанию государства-нации, господствовавшему в период империи Бисмарка, согласно которому «мы» (на данном историческом отрезке времени) противопоставлялись «всем прочим». К ясному пониманию этого вопроса не пришли ни представители господствующей партии, которые искали и хотели найти ключ к его решению, ни их противники, ни широкие слои политически и идейно более пассивных элементов. Вот поэтому отношение немцев к остальным нациям было в 1939 году таким же неясным, нетвердым, нелогичным и непостоянным, как и у других народов.

Однако отдельные факты, имевшие место непосредственно перед началом войны, уже тогда давали возможность определить в основном ход событий второй мировой войны.

Некоторое время у всех было такое впечатление, что мы идем к национал-социализму, основанному на плебисците. Это, вероятно, объясняется тем, что национал-социализм вначале использовал плебисцит и пропаганду как средство политического формирования масс и этим самым, казалось, продолжил развитие демократических принципов, начавшееся во время французской революции.[133] В 1935 году в результате плебисцита Германии была возвращена Саарская область. Аншлюсс с Австрией был предрешен таким же широким народным голосованием, какое проводилось еще в 1919 году по тому же самому вопросу. Плебисцит узаконил и Конрада Генлейна в качестве представителя су детских немцев в правящих кругах Германии, и предопределил присоединение к Германии таких провинций, как Богемия, Моравия и бывшая австрийская часть Силезии. Плебисцит сделал возможным возвращение Германии Мемельской области. Попытка мирного разрешения польского кризиса летом 1939 года, провалившаяся по чисто дипломатическим причинам, также предусматривала проведение плебисцита по вопросу о «коридоре». Отказ же немцев от. Эльзаса и Лотарингии произошел не только по внешнеполитическим мотивам, но основывался прежде всего на понимании невозможности добиться успеха во всенародном голосовании.

Немцам пришлось убедиться также и в том, что их

политические руководители при известных обстоятельствах совершенно не считались с мнением жителей интересующей их области. То ли потому, что эти жители не занимались политикой, или, может быть, потому, что считали нарушение их воли в большинстве случаев меньшим злом по сравнению со злом, приносимым политическими беспокойствами, однако все они, забыв о своей совести, равнодушно смирялись с «антинародной» — или, как ее еще называют, «империалистической» — политикой правящих кругов Германии, которые, торжественно отказываясь от претензий на Южный Тироль, позволяли Венгрии и Польше проводить осенью 1938 года изменения в своих границах и выселять чехов и словаков из своих пограничных областей. Жители Богемии и Моравии спокойно смотрели на то. что их родина превратилась в протекторат Германии, что самостоятельность чешского народа была ограничена, и не препятствовали тому, что Закарпатская Украина была принесена в жертву интересам мадьяр. С точки зрения «собирания немецких земель» не оправдывали себя ни отказ от пересмотра национального состава общин в «неудачном четырехугольнике» Северного Шлезвига, ни мирная политика по отношению к Польше до 1938 года, ни надежды на воссоединение с Германией всей Западной Пруссии. Нужно было искать другие, более веские причины.

По отношению к народам, которые входили в состав крупных национальных государств, с 1933 по 1939 год проводилась политика примирения, и ненависть к ним не разжигалась. Государство осуществляло энергичные мероприятия по формированию общественного мнения, используя для психологической подготовки к примирению и взаимопониманию всевозможные организации и средства. Сильнее всего это выражалось, вероятно, по отношению к Франции, Англии, Италии и — вопреки существующему мнению — по отношению к Польше. Что касается США, то стремление к примирению с ними не было так велико, ибо обида, нанесенная нам американцами, еще не была забыта. Народы Советского Союза нападкам не подвергались, атаки в этом направлении велись только против господствующих там политической идеологии и политического строя. Немецкий народ начал войну без ненависти.

Из соображений политического характера некоторые положения расовой теории были на время «забыты». После того как обычное в лингвистике понятие «арийский» стали по недоразумению применять для обозначения расового понятия,

народы неиндогерманского и, следовательно, неарийского происхождения, то есть народы финно-угорской группы, были спешно объявлены народами «арийской расы». Были изданы законы, запрещавшие немцам вступать в брак с японцами. Что касается неевропейских народов древних культур, как например индийцев и арабов, то, хотя здесь и не было определенных политических принципов, а распространенные точки зрения представляли собой хаотическое нагромождение понятий и убеждений, стремлений осложнять отношения с ними не наблюдалось.

Трудно определить, насколько сильно укрепились в массах ненависть к евреям и желание освободиться, избавиться от них или даже уничтожить их. «Официально партийная» точка зрения на положение евреев была неясна, потому что часто, несмотря на то, что в действительности евреи входят в состав многих рас, мы начинали оперировать понятием «еврейская раса», чтобы впоследствии снова решительно отказаться от него. Во всяком случае события 8 и 9 ноября 1938 года[134] показали, что у широких масс немецкого народа не было ни силы, ни воли, ни соответствующих органов для того, чтобы влиять на политику правящих кругов по отношению к «другим» народам. Но ясно стало также и то, что своей молчаливой пассивностью немцы все же могли подавлять волю своего политического руководства, а в отдельных случаях даже временно смягчать его нетерпимость к другим народам.

Между двух стульев

Говоря о крупных политических мероприятиях, определявших отношение немецкого народа к другим народам, следует отметить, что здесь влияние народа было наименьшим. Вряд ли можно предположить, что в начале войны у нас имелся какой-либо исчерпывающий план установления международных отношений в Европе и за ее пределами. Во всем преобладал элемент импровизации. Предусмотреть, как сложатся впоследствии отношения Германии с Италией, Испанией или Югославией, в начале войны было невозможно, поэтому только развитие самих событий на каждый данный исторический момент могло определить и характер и масштабы всех мероприятий.

От принципиальных и окончательных решений правительство Германии, как правило, всегда уклонялось. Оно не желало, принимать решений на послевоенный период. Оно не хотело принимать решений, обусловленных преходящими требованиями момента, и не ставило себя в зависимость от обстановки и от тех, кто пользовался ею. Правительство не было настроено и на то, чтобы позволить кому-либо предъявлять к Германии какие-либо претензии в виде компенсации за услуги в войне. Наше правительство мечтало о тотальной победе над такой страной или группой стран, масштабы которых обеспечили бы ему переустройство всего мира. Француз Пьер Лаваль открыто, но безуспешно предостерегал немцев от политики, следуя которой нужно было вначале завоевать мир, а затем принимать политические решения, вместо того чтобы с помощью политических решений избежать военного поражения. Поэтому все мысли и планы создания нового порядка в Европе были недодуманными и неполноценными, ибо они никого ни к чему не обязывали. А ведь когда-то было совсем наоборот. Что же касается западных союзников, то они, разумеется, отнюдь не интересовались тем, что в Германии разрабатывались различные конструктивные, вполне приемлемые планы создания мирного порядка, опирающегося на народы. Если бы они узнали про них, число союзников Германии, безусловно, увеличилось бы.

Роль, задуманная для Франции, не была обеспечена ни наличием ясных фактов, ни созданием определенного общественного мнения в самой Германии. Нередко еще высказывалось мнение, что Франция должна прекратить свое существование как национальное государство, что она должна

быть разделена на северную и южную части, лишена своих пограничных провинций (Бургундии, а также фламандского севера). Чаще всего, однако, высказывалась совершенно противоположная мысль, а именно, что Франция в будущем должна стать столпом нового европейского порядка. При этом, конечно, не делалось никакого намека на то, в какой степени Франции будет обеспечено право на нейтралитет, например, по отношению к США, на сохранение своей внутриполитической организации (например, оставление в силе государственного устройства Третьей республики), а также на суверенность и авторитарность (например, в форме католическо-патриархального уклада). Такая неясная обстановка породила чувство неуверенности даже у тех французов, которые вначале были готовы сотрудничать с немцами. Их политическая капитуляция вызвала у немцев стремление к тому, чтобы отсрочить принятие каких бы то ни было решений в отношении Франции.

В начале войны, несмотря на все сомнения, считалось, что Италия в будущем разделит власть и славу, завоеванную в совместной борьбе. Однако вспыхнувшая в 1943 году в Италии гражданская война заставила Германию переменить свое отношение и к «Итальянской социальной республике», основанной Муссолини.[135] Здесь, так же как и во Франции, неясность политической линии привела к тому, что немцы оказались неуверенными в правильности своих решений.

Что касается таких нейтральных государств Европы, как Испания, Португалия, Швеция, Швейцария и Турция, то политический курс Германии в отношении их был весьма неровным и колебался в ту или иную сторону в зависимости от изменений в военной обстановке. Далекая Ирландия, как и Исландия, оставались вне интересов Германии, а относительно прочих государств наши соображения были самыми противоречивыми.

По отношению к соседям Германии наша политика постоянно менялась, четко выработанного единого курса не имелось. Никому не было ясно, собираемся ли мы действительно создавать «Великую германскую империю», чтобы в ней растворить все ненемецкие народы германского происхождения, или же они должны оставаться самостоятельными нациями в рамках своих государств. Например, самостоятельность Дании сохранялась официально до 1943 года (фактически она сохранялась гораздо

дольше), а ее политический режим оставался в том виде, в каком он существовал и до войны. В Норвегии, наоборот, вмешательство Германии во внутренние дела было более сильным и осуществлялось как с согласия, так и против воли норвежских коллаборационистов. Не было единого мнения и в отношении Голландии. Интересно, что в самой Голландии господствовали два противоречивых мнения: самая сильная и наиболее многочисленная группировка, сотрудничавшая с немцами и руководимая Мюссертом и Ростом ван Тоннингеном, надеялась, что Голландия станет самостоятельным вассальным государством Германии, в то же время более мелкие группы говорили о возможности «возвращения» нижненемецких племен, то есть «нидерландцев», когда-то выделившихся в самостоятельное государство, в состав единой германской империи. Во Фландрии шла борьба между представителями направлений, выражавших различные мнения и настроения от признания независимой «Великой Голландии» до открыто фашистских мыслей. К Бельгии немецкие оккупационные власти относились, как к государственно-правовой единице, которая могла иметь определенное будущее в системе германской империи. В самой Германии имелись политические и иные деятели, которые ратовали за восстановление в Бельгии монархии; были и такие, которые доказывали необходимость поставить во главе этого государства коллаборационистов; третьи говорили, что обеспечить существование Бельгии как независимого государства рядом с рейхом смогут только рексисты,[136] и т. д. Нашлись и такие деятели, которые утверждали, что захваченные Германией английские острова в проливе Ла-Манш могут быть «превращены в немецкую Мальту», что им должен быть дан статут «свободной германской республики», находящейся под защитой Германии, что там должна быть создана германская военно-морская база и т. д. Все эти планы и пожелания, разумеется, вносили невероятную путаницу в национальную политику Германии. Аннексированные Бельгией в 1919 году области Эйпен и Мальмеди были взяты Германией обратно. Люксембург, Лотарингия и Эльзас вошли де-факто в состав империи, причем изгнание из Лотарингии коренного французского населения вызвало большое беспокойство и волнения не только среди лотарингцев немецкого происхождения, но и в более широких кругах самих немцев. Все договоры о Южном Тироле после 1943 года потеряли силу, кроме того, часть Тридентской области должна была в силу исторических тенденций отойти к Австрии, да и Триест начал активизировать свои действия, добиваясь присоединения его к Германии.

Вся Восточная Европа находилась во власти разногласий и противоречий, возникавших как между немецкими оккупационными властями различных районов, так и внутри самих этих районов, а также между группами немецкого населения оккупированных областей и внутри самой Германии (правда, они не стали достоянием «общественности» ни в устном, ни в письменном виде). Разногласия и противоречия существовали между восточно-европейскими народами и в них самих. У нас не имелось никакой единой и принципиальной политической линии в национальном вопросе и никаких ясных и окончательных решений в каждом отдельном случае. Например, вначале наше внимание было направлено на то, чтобы в германской общественности шире распространялась идея о единстве Югославии. Затем вдруг было принято решение о разделе Югославии: Македония была поделена между Болгарией и Албанией, Сербия стала самоуправляющимся государством под особым контролем со стороны Германии, Хорватия — королевством, области Бачка и Баранья отошли к Венгрии; вопрос о Словении остался открытым, после того как итальянцы были снова вытеснены из района Любляны, а города Нижней Штирии с их окрестностями были включены в состав Штирии. Румыния при поддержке Германии получила Бессарабию, Буковину и отнюдь не желательную для большинства румын русскую часть Молдавии. Ей пришлось отдать Южную Добруджу Болгарии, а Северную Трансильванию — Венгрии. Решение Венского арбитража[137] о Трансильвании было подвергнуто в широких немецких кругах резкой критике, так как симпатии немцев во время войны на Востоке были больше на стороне румын, чем венгров. Тем не менее территория Венгрии постоянно увеличивалась, и в силу этого она вынуждена была, хотя и с запозданием, признать право венгерских немцев на автономию. Тщетными оставались попытки словаков апеллировать к Венгрии по поводу отнятой у них территории, они были вынуждены нехотя удовлетвориться частью Польши, прирезанной им после ее раздела.

На довоенной территории Польской республики царила большая путаница: отношение Германии к присоединенным польским областям было весьма различным и зависело от того, в состав каких германских провинций и областей они вошли: Восточную Пруссию, Данциг (Западную Пруссию), Вартеланд или в Верхнюю Силезию. У малых народностей. населяющих Бескиды, был искусственно вызван антагонизм к полякам. Надежды украинцев на объединение Западной и Восточной Украины не

осуществились. Несмотря на это, львовский губернатор проводил более дружественную политику по отношению к украинцам, чем к полякам. Виленская область стала частью Литвы, однако немецкая гражданская и военная администрация в самом Вильнюсе опиралась на поляков. Совершенно иное отношение по сравнению с областями, отошедшими к Германии, было к полякам на территории генерал-губернаторства. Мысль о завоевании на свою сторону отдельных групп польского населения по-настоящему никогда не преследовалась, она была скорее оружием пропаганды.

Отдельные группы немецких поселенцев были разбросаны по всей территории Восточной Европы между Балтийским и Черным морями. Их положение оставалось неясным, ибо принципиально не было решено, следует ли ради очищения границ Германии переселить их всех в одну чисто немецкую область и тем увеличить людские резервы страны или оставить их на территории тех государств, в которых они проживали, и нельзя ли, кроме того, использовать их на руководящей работе в этих странах в качестве советников при представителях Германии или, может быть, вообще отстранить их от всякой политики. В каждом отдельном случае этот вопрос решался на месте в зависимости от сложившихся условий. Более того, иногда оставалось неясным, кого именно можно считать немцем по происхождению.

После того как с 1941 года Германия распространила свою власть на области, принадлежавшие Советскому Союзу, национальная проблема стала еще более запутанной. Литовцы, латыши и эстонцы разочаровались в своих надеждах на то, что немецкие освободители восстановят их государственную независимость. Они, правда, получили право иметь собственную администрацию, однако полная самостоятельность предоставлена им не была. И, наконец, последняя прибалтийская страна, входившая в состав имперского комиссариата Остланд, — Белоруссия — была оставлена в полном неведении относительно своей судьбы. Оккупированные области Восточной Украины, а в некоторых вопросах и вся Украина управлялись особым имперским комиссариатом. Кроме того, претензии на управление некоторыми областями предъявлялись и со стороны румын. Все это лишало украинцев возможности создать собственное независимое государство. Малые народы, как например народы Северного Кавказа, хотя и получали поддержку со стороны немцев, но будущее их территорий оставалось им неясным.

Наибольшей нашей ошибкой оказалось все же то, что мы не имели окончательно сформулированного решения о судьбе России и русского государства. Сторонники крайних мер говорили о необходимости лишить русских всякой государственности и за их счет ускорить развитие всех остальных народов и в том числе финнов и немцев. Но даже в самой Германии раздавались и такие голоса, которые призывали создать свободное от большевизма русское государство в его старых границах, где нерусские народы пользовались бы правом автономии.

Таким образом, во время второй мировой войны Германия не смогла привлечь на свою сторону ни один народ ясным обещанием перспектив. Тот, кому удалось ближе познакомиться хотя бы с одним из многочисленных народов Европы, знает, что его интересы совершенно не соответствовали стремлениям и чаяниям других народов, расходились с интересами Германии и совсем не удовлетворялись обстановкой общей нерешительности. Германия не сумела разобраться в претензиях Испании, Италии и Франции, равно как и не смогла понять национальных стремлений хорватов и сербов, венгров и румын, поляков и украинцев, литовцев и белорусов, финнов и русских. У многих специалистов создалось такое впечатление, что Германия в национальном вопросе очутилась между двух стульев.

Судьба военнопленных

Столкновение государств и народов воспринималось каждым отдельным немцем, как встреча с представителем ненемецкой национальности. Первыми встречались солдаты. Здесь вступали в силу параграфы и положения Женевской и Гаагской конвенций о порядке сдачи в плен и обращения с военнопленными. В большинстве случаев военнопленным, попавшим в руки немцев, приходилось переносить общие для всей Германии трудности снабжения, совершать утомительные марши, подвергаться опасности быть уничтоженным авиацией западных держав и жить в этой обстановке под контролем и надзором со стороны государств-посредников и Международного комитета Красного Креста вплоть до самого конца войны. Это относится прежде всего к офицерам, в том числе и к офицерам польской армии, попавшим в плен в 1939 году. Нарушить Женевскую конвенцию Германии не удалось, несмотря на то, что подобная мысль высказывалась довольно часто. Правда, некоторым военнопленным пришлось испытать большие жестокости и лишения, но, как правило, несмотря на отдельные выходки со стороны слишком распущенных людей, обращение с военнопленными было весьма корректным. Рядовые и унтер-офицеры, которые направлялись из лагерей на работу к крестьянам или ремесленникам, чувствовали себя в общем настолько хорошо, насколько это было возможно в условиях ненадежности их положения. В отдельных случаях они, конечно, становились объектом грубости со стороны хозяев, но коллективная ненависть не встречала их нигде. Несколько щекотливым является вопрос о том, как обращалось немецкое население с летчиками западных держав, совершавшими вынужденную посадку в районах, где частые налеты авиации противника создавали атмосферу большого нервного напряжения. Ответить на этот вопрос невозможно, ибо в нашем распоряжении нет достаточных материалов. Но здесь уместен контрвопрос о том, каким образом воспринимали западные союзники в 1945 году во время оккупации Германии каждый даже самый незначительный перегиб со стороны немцев, допущенный в момент общего возбуждения.

Что касается защиты прав военнопленных, изложенных в Гаагской конвенции, то нужно признать, что эта защита не была обеспечена всем военнопленным на протяжении всего пребывания их в плену. Приказы, которые отдавались солдатам, охранявшим

военнопленных, и которые они не могли не выполнить, не роняя при этом своей воинской чести и достоинства, способствовали иногда нарушению международного права в отношении тех или иных групп военнопленных. Распоряжение не брать в плен диверсантов было издано, разумеется, не из ненависти к ним, оно было продиктовано суровыми условиями военного времени. Отдельные случаи жестокого обращения с военнопленными, как например расстрел английских офицеров после неудачной попытки к бегству из лагеря Саган или казнь итальянских офицеров и солдат после их капитуляции на острове Кефалонии, могли иметь место только потому, что у немецких солдат, принимавших участие в этих расстрелах, притупилось, а то и совсем отсутствовало чувство ответственности за свои поступки. Случаи нарушения норм международного права в отношении польских военнопленных наблюдались только в лагерях для военнопленных и в трудовых лагерях. Что касается крестьян, то они нисколько не изменили отношения к «своим» полякам. Вообще же население, как правило, не проявляло к военнопленным никакого интереса, потому что оно и без того было перегружено своими обязанностями, связанными с работой и воздушной войной. Страдания военнопленных не вызывали у наших людей никакого ответного чувства только потому, что они сами находились почти в таком же положении. Если военнопленным приходилось выполнять особо трудную и тяжелую работу, то в глазах населения их участь была нисколько не хуже участи немецких солдат, сражавшихся на фронте. Народ смотрел на пленных без ненависти. вероятно, потому, что он был слишком ошеломлен войной и всем происходящим вокруг.

Отношение к советским военнопленным было несколько другим. Это отчасти объясняется тем, что Советский Союз не подписал Женевской конвенции, что вызывало справедливое возмущение у немецких солдат и гражданского населения. Но большей частью суровое обращение с ними обусловливалось объективными трудностями. Массы военнопленных умирали потому, что их размещение, продовольственное снабжение и транспортировка были исключительно плохими. Тяжелые условия работы и скверное питание в лагерях были лишь отражением той участи, которая могла ожидать нас самих в Советском Союзе, если бы мы находились там в качестве военнопленных. Безразличное отношение немцев к советским военнопленным объясняется еще и тем, что они совсем не знали русских как людей и почти не встречались с ними до войны. Кроме того, уже во время войны к нам часто проникали известия о том, как

обращались с немецкими военнопленными в Советском Союзе, и это, конечно, отнюдь не способствовало росту симпатии к советским военнопленным. Большую роль сыграла и немецкая пропаганда, объявившая всякого русского и в особенности нерусского советского солдата человеком «низшего» происхождения. Тяжелая обстановка на фронтах также подействовала на обращение с военнопленными. Правда, следует отметить, что немцы сразу же изменяли свое отношение к военнопленным, когда видели их работающими на общее благо, как например при очистке и восстановлении кварталов и районов, разрушенных авиацией противника.

Нельзя также забывать, что во многих странах, как например в Норвегии, Голландии и Греции, военнопленные зачастую немедленно отпускались на. свободу. Германское правительство считало, что этим оно способствует примирению немецкого народа с народом оккупируемой страны.

Немецкие солдаты и их отношение к другим народам

В оккупированных областях и в районах боевых действий. расположенных за пределами Германии, немецкий солдат встречался с чужими народами на их собственной земле. Эти встречи были столь же разнообразными по своему характеру, как и инструкции, определявшие поведение солдат на оккупированной территории. Неодинаковым было и отношение к ним со стороны гражданского населения оккупированных районов. Не принимая в расчет отдельных, иногда совершенно неизбежных эксцессов и случаев недисциплинированности, наиболее частых в момент вступления немецких войск в какую-нибудь область, за которые, кстати сказать, немецкие военнослужащие весьма строго наказывались германскими военно-полевыми судами, можно утверждать, что внезапная оккупация какого-либо района только ошеломляла его население. Солдаты хорошо снабжались, и поэтому случаи грабежей и мародерства были весьма редки. В походах первых лет войны солдаты чувствовали, что выполняют великую задачу, и всячески стремились к тому, чтобы расположить к себе население оккупируемых стран. Они были очень дисциплинированы, но вместе с тем испытывали глубокое уважение к себе и несокрушимую веру в собственную правоту, что придавало их поведению простоту и скромность. Военнослужащие младших возрастов постоянно помнили о призывах к установлению мира между народами, с которыми к ним обращалось правительство перед началом войны, и потому они с глубоким уважением относились к памятникам европейской культуры, встречавшимся им на чужой земле. Так проходила оккупация Голландии, Бельгии, Франции, Дании, Норвегии, английских островов в проливе Ла-Манш и Греции. Немцы завоевали себе уважение народов Богемии и Моравии. Наиболее корректным их поведение было там, где они проходили через союзные с нами страны и прежде всего через Италию, Румынию и Болгарию.

Такие народы Советского Союза, как литовцы, латыши, эстонцы и украинцы, приветствовали немецкие войска как своих освободителей, и, если бы Германия проводила в отношении этих народов более ясную дружескую политику, у нас были бы все предпосылки для завоевания их на свою сторону.

Что касается наших отношений к гражданскому населению Польши, то вражда поляков к нам, понятная вначале как реакция на угрозу существования польской нации, вылилась в террор против каждого немца и сделала эти отношения весьма натянутыми. Несмотря на это, между польскими семьями и солдатами, размещенными в их домах. часто завязывалась дружба, и во многих польских городах в продолжение долгого времени войска относились к местным жителям очень корректно.

Отношения солдат к жителям всегда обострялись там, где появлялись партизаны, которые одну из своих задач видели именно в том, чтобы нарушать мирные взаимоотношения, вызывать репрессии и этим самым пробуждать у населения ненависть. Последующие годы войны были почти повсюду омрачены беззаконными действиями партизан. Это относится в равной мере к Франции, к Италии, к Югославии и Греции, к России, Украине и Польше, и в меньшей степени — к другим государствам. Действия партизан способствовали тому, что первоначальная мягкосердечность немцев сменилась ненавистью. Партизанская война против немецких оккупационных войск превратилась повсеместно в гражданскую войну населения оккупированной территории, и поэтому указать точно, где проходил фронт, было невозможно. Политическое преследование всех лиц, сотрудничавших с немцами, проводившееся после войны, скрыло от нас многие факты, которые могли бы воочию убедить людей в том, что немецкий солдат оставил о себе неплохую память и что в свою очередь многие немецкие солдаты сохранили самые теплые воспоминания о людях других стран.

Иностранцы в военной экономике Германии

Военная экономика Германии могла обеспечивать наши огромные военные усилия только в том случае, когда вместо ушедших на фронт мужчин в ее распоряжение предоставлялась рабочая сила из других источников. Долгое время политическое руководство Германии не принуждало немецких женщин работать в военной промышленности, исходя из тех соображений, что в большинстве случаев, как например в сельском хозяйстве, на мелких ремесленных предприятиях, в магазинах и т. п., женщины сами без всякого принуждения добровольно заменяли ушедших на фронт мужчин. Но помимо этого, требовалось большое количество рабочей силы, чтобы обеспечить высокий уровень производства, отвечающий требованиям военного времени. Одних военнопленных было для этого недостаточно, к тому же надзор за ними и снабжение создавали дополнительные трудности.

Выход был найден в вербовке рабочих в оккупированных областях ив нейтральных странах. Это мероприятие привело в Германию миллионы рабочих-иностранцев. Часть их жила в специальных закрытых лагерях, где было налажено общественное питание и снабжение. Иногда рабочим разрешалось делать закупки и самостоятельно. Они распределялись по мелким предприятиям, по крестьянским хозяйствам, работали в качестве прислуги в домашнем хозяйстве. Такие иностранцы имели право свободного передвижения по стране и жили так же, как и все остальное немецкое население, что приводило людей разных национальностей к тесному общению. Иностранцы стояли рядом с немцами у станка, несли службу в системе противовоздушной обороны, работали в магазинах, на транспорте; они встречались друг с другом в немногочисленных в ту пору увеселительных заведениях. Немецкий народ во время войны отнюдь не был изолирован от людей других наций — он жил с ними одной жизнью.

Завербованные, а также отправленные в Германию отечественными биржами труда в более или менее принудительном порядке французы, бельгийцы, голландцы, датчане, испанцы, итальянцы, югославы, словаки, болгары и чехи столкнулись со строгими законами военного времени, но они не были поставлены в исключительное положение. Для людей,

которые долго были безработными, отправка в Германию означала улучшение их материального положения. Некоторые расценивали ее, как увлекательное приключение, другие ехали из любопытства. И несмотря на то, что для многих такое переселение было сопряжено с большими заботами и большой затратой сил, вряд ли можно утверждать, что оно приносило людям одни лишь страдания.

Иначе обстояло дело с «восточными рабочими», которых отправляли на работу в Германию из оккупированных областей Советского Союза. Обращение с ними при сборах, погрузке, транспортировке и в самих лагерях было недостойным человека. Но в тех случаях, когда им приходилось работать отдельно в качестве прислуги в домах или на полевых и других работах в крестьянстве, им жилось нисколько не хуже, чем военнопленным или самим немцам.[138] Труднее всего восточным рабочим приходилось в крупных городах или в промышленных районах на предприятиях, где они использовались целыми «рабочими колоннами». Здесь условия труда были гораздо худшими, чем те, в которых работали сами немцы или иностранные рабочие, завербованные по вольному найму, да и надзор за восточными рабочими был гораздо строже, а отдельные случаи попустительства со стороны надзирателей только усугубляли положение. Продовольственные нормы были очень низкими, а дисциплина — исключительно строгой. Одеждой рабочие почти не снабжались, а квартирные условия были весьма плохими, свободным временем рабочие не располагали. Именно к этим рабочим относится вошедшее после войны в употребление слово «угнанные». После войны большая часть их была репатриирована в Советский Союз. Иностранные рабочие были обязаны носить на своей одежде нашивки с буквой «О», что означало «Остарбейтер», то есть «восточный рабочий». За малейшие проступки эти рабочие подвергались строжайшим наказаниям. Немецкое население часто нарушало закон, запрещавший всякое сношение с восточными рабочими, и стремилось хотя бы немного скрасить их существование. Число таких проступков было довольно большим. Но так как властям удавалось уличить и наказать лишь сравнительно немногих из помогавших восточным рабочим, то можно сделать вывод, что подобная товарищеская помощь оказывалась в самых широких масштабах.

Поляки, работавшие в Германии в порядке вербовки или "переведенные на работу в гражданский сектор из лагерей для военнопленных, жили почти в таких же условиях, что и восточные

рабочие. Они носили нашивки с буквой «П» и были также лишены всяких прав и льгот. Им, например, так же как и русским, не разрешалось пользоваться общественным транспортом. И для них, как и для восточных рабочих, единственным облегчением была личная помощь и поддержка отдельных немецких граждан.

Общение с народами, находившимися в военном союзе с Германией

Наиболее тесные связи существовали у немцев с народами союзных с Германией стран. С союзниками Германии:

Италией, Финляндией, Венгрией, Словакией, Хорватией, Румынией и Болгарией — сотрудничество осуществлялось главным образом через старших офицеров и генералов. Подобным же образом обстояло дело и с так называемой «голубой дивизией» — добровольческим испанским соединением, сражавшимся на Восточном фронте. Но кроме деловых связей между офицерами и в штабах, существовало и другое сотрудничество, выражавшееся в повседневной встрече солдат всех союзных армий на поле боя, в тыловых районах, а также в качестве военнопленных в лагерях противника. Солдаты союзных государств имели возможность знакомиться и с немецким гражданским населением во время транспортировки войск через Германию, а также во время отдыха и проезда отпускников на родину. Несмотря на политические противоречия, солдаты всех наций проникались после таких встреч глубоким взаимным уважением. Особенно тесными были узы, связывавшие немцев с итальянцами на североафриканском театре военных действий и со многими румынами. И если немецкие солдаты знали что-нибудь о действительной обстановке на участках фронта союзных войск или об их плохом вооружении, моральной неустойчивости и т. д., они никогда не делали общих выводов о неполноценности войск своих союзников. Очень часто в разговорах солдат и офицеров распад военного союза в конце войны расценивался как общая трагедия. Но даже и это не могло сгладить в их памяти воспоминаний о боевом сотрудничестве прежних лет.

Другое положение было с добровольцами из стран противника, которые целыми частями, а иногда и в одиночку выступали на стороне немецких войск. Благодаря им война принимала ярко выраженный характер гражданской войны. Эти люди проявляли большое гражданское мужество, когда наперекор общественному мнению и мнению своих близких и родных они принимали решение о переходе на сторону немецких войск. Среди таких добровольцев было немало профессиональных солдат, служивших ранее в войсках своей страны, авантюристов, политических идеалистов и молодежи, считавшей борьбу своим

долгом. Большинство добровольцев из стран Западной Европы шло на Восточный фронт только потому, что усматривало в этом общую задачу для всего Запада. В дивизии SS «Викинг» сражалось много норвежцев, а также солдат так называемого «Свободного корпуса Дания» под командованием своих кадровых офицеров. Целая дивизия состояла из одних только голландцев. Из валлонских рексистов была создана бригада, командовал которой их организатор Дегрелль. Одна воинская часть была сформирована во Фландрии. На Восточном фронте сражался также и отдельный французский батальон. Добровольцы из Западной Европы, как правило, придавались соединениям и частям SS.

Характерно, что даже после того, как Италия, Венгрия и Румыния вышли из союза с Германией и объявили ей войну, многие итальянские, венгерские и румынские части продолжали сражаться на стороне немцев, и некоторым из них, как например, итальянским войскам, приходилось теперь бороться против собственных партизан, то есть против своего народа. В Югославии, кроме частей хорватской армии, на стороне немцев остались и сербские соединения, сражавшиеся как против королевских, так. и против коммунистических партизанских отрядов. Мужчины немецкого происхождения из Юго-Восточной Европы большей частью попадали в дивизию SS «Принц Евгений». В эту же дивизию входила одна боснийская часть, которая не была ни хорватской, ни сербской, ни югославской, а называлась общим именем дивизии.

Положение латышских, эстонских и западно-украинских солдат, которые воевали на стороне немцев целыми дивизиями, принципиально ничем не отличалось от положения других добровольцев. Своими действиями они хотели добиться впоследствии независимости для своей родины. Из аналогичных убеждений на военную службу к немцам приходили и добровольцы из закавказских и среднеазиатских советских республик, а также из более мелких национальных групп Советского Союза. Число их составило значительную часть того миллиона бывших советских военнослужащих, которые либо еще раньше открыто перешли на сторону немцев, либо, находясь в лагерях для военнопленных, изъявили желание сражаться на стороне немецких войск.[139] Воинские части были сформированы из представителей почти всех национальностей Советского Союза: армян, азербайджанцев, грузин, представителей азиатских республик, украинцев и т. д. Среди них был даже один казачий

корпус. Эти части использовались и на Восточном фронте, и в Югославии, и в Италии, и даже на фронте вторжения союзников на Западе. Командовали ими немецкие кадровые офицеры.

По признанию самих немцев, эти части вполне оправдали себя в бою. Причиной возникавших иногда трудностей в использовании и снабжении этих войск всегда было плохое знание характера и обычаев этих людей, однако удивительным остается факт, насколько быстро и эффективно эти трудности преодолевались.

Особое место среди добровольцев занимала «русская освободительная армия» под командованием бывшего советского генерала Власова. В этой армии было очень мало перебежчиков, основу ее составляли бывшие советские военнопленные. Долгое время немецкое командование смотрело на эту армию с недоверием и потому не вооружало ее и не вводило в бой. Она была использована лишь в самой последней фазе войны. В отличие от других «восточных войск» люди генерала Власова не хотели делить Советский Союз по национальному признаку. Они мечтали целиком освободить свою страну от сталинского режима и. не уничтожая того, что было достигнуто в период советской власти, включить ее в европейскую семью народов. Непостоянство в отношениях и частые обиды, наносимые власовцам немцами, объясняются отсутствием у нас ясной военно-политической цели на Востоке.

Кроме войсковых частей, которые создавались сиз граждан Советского Союза, в обозах и тыловых службах немецких частей и соединений служило много русских, украинцев и представителей других национальностей Советского Союза. Эти «добровольные помощники», как их называли, оказывали нашим войскам очень большую помощь, и часто случалось так, что при отступлении немецких войск они уходили вместе с ними. Принимая во внимание трудности, создаваемые партизанской войной, можно сказать, что немецкие фронтовые войска и служба тыла на Востоке были бы не в состоянии продолжать борьбу в течение долгого времени, если бы значительная часть населения не работала на немцев и не помогала немецким войскам. Советских военнопленных можно было встретить и в зенитных частях в самой Германии.

Отношение немцев к солдатам других стран было всегда хорошим там, где они оправдывали себя в бою. Но до этого

момента часто возникали разные недоразумения. В частности, немцам, занимавшимся обучением и подготовкой иностранных солдат, почти всегда не хватало человечности и опыта в обращении с такими солдатами. А узостью своего кругозора они поражали даже немецких солдат негерманского происхождения. Тем не менее задачи общей борьбы связали воедино все, и немецкое и ненемецкое.

Нечеловеческое отношение к другим народам

Наряду с тем, что немецкий народ стремился повсеместно завязать дружеские отношения с представителями других народов, в отдельных случаях наши люди проявляли к ним ничем не объяснимую вражду. Солдаты из Советского Союза, воевавшие на нашей стороне, с огорчением читали унижающие человека инструкции для восточных рабочих и сильно переживали, видя, как жестоко обращаются немцы с советскими военнопленными. Вмешательство полиции в личные отношения людей, когда, например, поляков, работавших в Германии на сельскохозяйственных работах, публично наказывали за связь с немецкими девушками, воспринималось как оскорбление человеческого достоинства. Если бы это проводилось повсюду, то сотрудничество немцев с другими народами было бы невозможно.

Стремление изолировать немцев от других народов доходило, например, до того, что браки между немцами и иностранцами считались нежелательными, а вместе с тем широко провозглашалась германская и даже европейская общность народов, и даже дипломаты, имевшие жен иностранного происхождения, должны были уходить со службы.

Но в целом стремление к изоляции было гораздо слабее, чем тяга немцев к общению с другими народами. Несмотря на все законы, изданные во время второй мировой войны, Германия не оказалась оторванной от других народов. Наоборот, борьба за равенство всех наций, начавшаяся еще до войны и поддержанная молодежью, студенчеством и союзами фронтовиков, продолжалась с новой силой.

Когда война окончилась, многие из тех, кто сражался на стороне немцев, разделили общую участь немецкого народа. Западные державы передали Советскому Союзу большое количество бывших советских солдат, носивших немецкую форму. Там их ожидало суровое наказание. Люди из центральных областей Восточной и Юго-Восточной Европы, сотрудничавшие с немцами, становились беженцами, изгнанниками, эмигрантами. Друзья Германии в Западной Европе преследовались партиями, победившими в гражданской войне. Рассчитывать на помощь Германии было нельзя потому, что сама она оказалась

поверженной, и потому, что пробуждавшиеся в ней новые политические силы тогда еще не хотели да и не могли объявить о своей солидарности с теми, кто поддерживал старый режим. Но память о совместной борьбе и общей судьбе сохранится у людей навсегда. Пройдут года, и в сознании народов сгладятся последние воспоминания о гражданской войне, а победители и побежденные забудут свою былую вражду. И можно сказать, что этот антагонизм теряет свою силу уже сейчас.

Вряд ли забудутся те отношения, которые существовали во время войны между целыми народами. Ведь из них выросло уважение человека к человеку, а это даст в будущем свои плоды, ибо теперь кругозор широких народных масс стал гораздо более широким.

Не следовало бы забывать, что в проигрыше войны частично повинна и политика Германии по отношение к народам Восточной Европы. Человечность, моральная ответственность и мудрость политического руководства должны быть приняты всем цивилизованным миром как руководство к действию, чтобы в дальнейшем никогда не повторилась трагедия, вызванная на Украине слишком жестокими мероприятиями рейхскомиссара Эриха Коха. Необходимо также бороться и с той теорией, согласно которой другие народы являются «низшей расой», теорией, оправдывающей «коховские» мероприятия. Не исключена возможность, что и безразличие к судьбе других народов, имеющих к нам какое-либо отношение, представляет сегодня большую опасность.[140]

Рудольф Зульцман

Пропаганда как оружие в войне

К началу второй мировой войны публицисты и пропагандисты всех стран сходились к одному мнению, что пропаганда будет играть в войне решающую роль. Это мнение появилось благодаря почти невероятному успеху пропаганды, распространявшейся Антантой в первую мировую войну, а также под влиянием огромного технического прогресса в развитии средств связи, ив первую очередь в развитии радио. Немалое значение имел и опыт идеологического руководства большими массами, накопленный за истекший период между двумя войнами. К началу второй мировой войны группировки противников были почтя такими же, как и перед первой мировой войной, но теперь противники уже знали, что пропаганда является мощным оружием: союзники — по своим удачам, «средние государства» — по своим неудачам. Не было почти никакого сомнения в том, что в случае войны весь этот многолетний опыт будет использован в полной мере.

Чтобы правильно понять события и явления, связанные с пропагандой во второй мировой войне, совершенно необходимо хотя бы бегло остановиться на методах и видах пропаганды, применявшихся во время войны 1914–1918 годов.

Если изучать явления войны изолированно друг от друга и только с точки зрения сегодняшнего дня, то есть опасность, что это столь горячо оспариваемое ныне средство войны, нанесшее людям оба раза более глубокие и трудноизлечимые раны, чем любое другое оружие, и впоследствии сильно затруднившее установление мира. будет не только неправильно понято, но. и неправильно применено. Эффективность действия различного оружия сравнительно нетрудно предусмотреть и рассчитать. Однако успех того или другого мероприятия пропагандистского характера является в большинстве случаев чистой случайностью, он может совершенно не зависеть от наших замыслов и намерений и нередко давать обратный результат. В этом-то и заключается исключительная рискованность всех попыток психологического воздействия, неизбежные последствия которых привели нас прямым путем от мировой войны к современному психологическому кризису,[141] из которого мир пока что еще не нашел выхода.

Способы ведения современной войны ограничиваются целым рядом международных соглашений и правил, которых обязано придерживаться каждое цивилизованное государство. Эти правила ставят границы применению определенных тактических приемов и видов оружия. Однако до сих пор ни одно положение международного права не касалось пропаганды во время войны. Не появилось даже никаких условных ограничений, хотя об ужасающем действии пропаганды стало известно еще во время войны 1914–1918 годов. Таким образом, пропаганда стала теперь средством ведения войны, применение которого никак не регулируется нормами международного права. Даже самая беззастенчивая пропаганда не оговорена ни в одном параграфе международных конвенций.

От представителей самых различных народов поступает очень много предложений, в которых они, исходя из тех соображений, что народы должны общаться не только в период мира, но и во время войны, требуют совершенно прекратить пропаганду или ограничить ее определенными рамками. Первый официальный шаг в этом направлении был сделан польским правительством в 1931 и 1932 годах, которое направило в Лигу Наций[142] два меморандума. Согласно этим меморандумам, правительства всех стран получали право путем открытых запрещений и усиления цензуры не допускать различных публицистических и пропагандистских выступлений, которые могли бы испортить отношения между народами. Эти предложения были отвергнуты как противоречащие принципу свободы слова. Поскольку основные понятия политической жизни истолковываются существующими группами держав по-разному, а идеологические фронты застыли на мертвой точке, пропаганда на сегодняшний день не может быть ограничена какими-либо сдерживающими правовыми нормами.

Рождение военной пропаганды

Хотя психологическое воздействие на противника является столь же старым средством, как и сами войны, причем на более ранних ступенях развития оно заключалось главным образом в том, чтобы демонстрацией силы внушить противнику страх, а себе самому придать мужество (самая примитивная форма — воинственные крики диких), однако систематическое применение пропаганды как оружия впервые отмечено в мировой войне 1914–1918 годов. Германия была совершенно ошеломлена этим оружием, потому что, согласно немецкому мировоззрению, военный конфликт мог разрешаться только военными средствами. Член английского парламента Понсонби в своей книге «Ложь во время войны» говорит следующее:

«Применение оружия лжи в тех странах, где нет всеобщей воинской повинности, более необходимо, чем там, где мужчины призываются в армию автоматически».

Созданная осенью 1914 года военная служба информации имела вначале только одну задачу — собирать различного рода информацию о противнике. Трудность этой задачи заключалась в том, что союзники организовали блокаду Германии и не оставили почти ни одного канала для проникновения к ним материалов нашей пропаганды. Что же касается их пропаганды, то она почти беспрепятственно шла в Германию через немецкую прессу и в особенности через прессу нейтральных стран. В довершение всего германским офицерам службы информации было строго-настрого запрещено «заниматься политикой». А когда случаи нарушения этого приказа стали учащаться, то в августе 1917 года появилось следующее распоряжение:

«Поскольку офицеры отдела информации могут заниматься политическими вопросами в служебном порядке, они должны ограничиваться только выполнением данных им приказов. Самостоятельная политическая деятельность офицеров должна немедленно пресекаться вышестоящими начальниками, о чем следует каждый раз сообщать начальнику отдела информации». [143]

Это мероприятие вполне соответствовало традициям офицерского корпуса держаться вдали от всяких политических вопросов, но в сущности именно оно стало причиной того, что

впоследствии наши офицеры оказывались абсолютно неосведомленными и не могли правильно оценить влияние политических событий на ход войны. И поскольку занимавшиеся этим органы не имели возможности сделать общий вывод о значении пропаганды для войны, то противник был застрахован от проникновения нашей пропаганды в его ряды. Сбрасывавшиеся с самолетов в конце войны немецкие листовки были весьма малочисленны и буквально тонули в огромной массе листовок, распространявшихся противником. Непонимание руководящими немецкими органами значения политической пропаганды в военное время было настолько глубоким, что управление разведывательной службы министерства иностранных дел совершенно серьезно решило привлечь на совещания по вопросу о влиянии пропаганды противника на солдат врача-психиатра, который в качестве эксперта должен был на основании анализа материалов пропаганды противника «доказать» его ненормальное душевное состояние.[144]

Пропаганда, направленная против Германии, осуществлялась противником, во-первых, в форме фронтовой пропаганды, то есть в виде миллионов листовок, обращенных к немецким солдатам (через солдат листовки проникали и на территорию Германии), во-вторых, в форме кампании, развернутой в прессе, которая благодаря своей организации и методам психологического воздействия доносила свои идеи до самых отдаленных уголков света. Идейным руководителем пропаганды этого рода начиная с февраля 1918 года являлся Лорд Нортклифф. Он объединил различные существовавшие до тех пор самостоятельно органы пропаганды и превратил их в один из важнейших инструментов войны. Ллойд Джордж писал ему после заключения перемирия следующее: «Я хотел бы заверить Вас в том, что я бесконечно благодарен Вам за те большие услуги, которые Вы за время Вашей службы оказали нашему общему делу. У меня есть много прямых доказательств успеха Вашей неоценимой работы, немало способствовавшей поражению противника».

Уже упомянутый нами Артур Понсонби также заявляет в своей книге, что официальная британская пропаганда под руководством Нортклиффа работала исключительно успешно. Метод англичан, заключавшийся в сбрасывании с самолетов миллионов листовок, превосходил все, что мы могли им противопоставить. В книге «The Secrets of Crewe House» дано описание деятельности нашей пропаганды. Правда, часто встречающееся в ней заверение об «истинности приведенных

фактов» не совсем вяжется с описанием подложных писем, фальшивых заголовков и сфабрикованных переплетов, которыми мы пользовались в целях пропаганды.

Пропаганда ужасов

История пропаганды в первой мировой войне является прежде всего историей пропаганды ужасов. Именно с этого времени пропаганда становится чем-то вроде позорного клейма, налагаемого на противника; она завоевывает себе в широких кругах весьма дурную славу, которая до некоторой степени и объясняет ее успехи и неуспехи во время второй мировой войны. Двух десятилетий, прошедших со дня окончания первой мировой войны, оказалось недостаточно, чтобы забыть о пропаганде ужасов и этим освободить пропаганду военного времени от ее основного зла — лжи. Многие противники министра пропаганды Геббельса признавали за ним определенный пропагандистский талант, но нет никакого сомнения, что при существовавшем в ту пору положении вещей и при наличии богатого опыта пропаганды, извлеченного из первой мировой войны, сделать немецкий народ невосприимчивым к пропаганде противника мог и гораздо менее талантливый человек. Стоило только напомнить немцам об опасности пропаганды ужасов, о лорде Нортклиффе и о его методах. К тому же из памяти многих немцев, переживших первую мировую войну, все эти «ужасы» еще далеко не изгладились. В Германии не было ни одних курсов для пропагандистов и агитаторов, на которых ложь пропаганды противника не разоблачалась бы на основании устаревших уже приемов борьбы с пропагандой ужасов. Разоблачение вражеской пропаганды становилось предметом политических занятий в школах, а редакции газет и журналов были буквально завалены этими материалами.

По сути дела пропаганда ужасов не являлась уже настоящей пропагандой. «Факты», которыми она оперировала, представляли собой выдумки самого дурного пошиба. В массовой литературе еще в двадцатых годах были разоблачены наиболее известные факты лжи и вскрыты их корни. Ложь об отрубленных детских руках в самых различных версиях обошла всю мировую прессу. Даже в 1927 году эту ложь еще можно было встретить на страницах лотарингских школьных учебников, а в 1946 году ее приводил в качестве примера на Нюрнбергском процессе защитник радиокомментатора Ганса Фриче.[145] Тысячи граждан со всех концов мира заявляли тогда о своей готовности усыновить изувеченных детей, и даже сам римский папа обещал выразить протест германскому правительству, если ему будут предъявлены неопровержимые данные. В своей книге «Diary of the World War»

американский полковник Репингтон впоследствии отметил, что из всех этих случаев «не доказан ни один».

Огромную убедительную силу имела и легенда о «распятии канадца», и рассчитанная на католиков ложь о насилиях над монашками, и так называемые «показания свидетелей» о муках католических священников, которых якобы подвешивали к колоколам. Однако ни одно из этих обвинений, предъявленных Германии и распространенных пропагандой противника по всему миру, впоследствии не было доказано.

Самой гнусной и одновременно самой действенной ложью оказалось сообщение о том, что немцы перерабатывают трупы солдат, своих и чужих, на стеарин и на корм для свиней. Это сообщение вызвало во всем мире бурю негодования и послужило поводом для вступления Китая в войну на стороне Антанты. 30 апреля 1917 года английскому премьер-министру в палате общин был задан вопрос, намерен ли он принять меры к тому, чтобы в Египте, Индии и на всем Востоке стало известно, что немцы перерабатывают трупы собственных солдат и солдат противника на корм для свиней. Только в 1925 году эта ложь была. наконец, разоблачена в статье, появившейся в американской газете «Times Dispatch», которая писала по этому поводу: «Из всех ужасных орудий современной войны едва ли не первое место занимает пропаганда, являющаяся важной составной частью военной машины любой нации. Знаменитая история с трупами, которая во время войны довела ненависть народов к Германии до предела, объявлена сейчас английской палатой общин ложью. Несколько месяцев тому назад мир узнал о том, что эта ложь была сфабрикована и распространена одним из ловких офицеров английской разведки.

Несколько лет тому назад описание того, как кайзер добывает жир из трупов солдат, раздуло пламя ненависти среди американских граждан и среди народов других цивилизованных стран. Совершенно нормальные люди, узнав об этом, сжали кулаки и бросились к ближайшим бюро по вербовке в армию. Теперь им рассказывают, что в действительности они были обмануты и одурачены. В следующей войне пропаганда должна быть более хитрой и искусной, чем та, которую создала прошедшая война. Открытые признания в лжи, сделанные правительством, в которое народ верил, могут явиться роковыми».[146]

Ложь — плохое средство

О значении лжи в военной пропаганде много сказано и много написано. Некоторые оправдывают эту ложь, другие — проклинают ее. «Когда начинается война, первой жертвой становится правда», — гласит распространенная поговорка. и как бы подтверждая это, автор вышеназванной статьи говорит следующее:

«Ложь — это признанное всеми и чрезвычайно полезное оружие войны; каждая страна сознательно использует его только ради того, чтобы ввести в заблуждение собственный народ, завоевать на свою сторону нейтральные страны и обмануть противника».[147]

И действительно, ложь всегда была самым страшным оружием. она наносила противникам серьезные раны и существенно влияла на ход военных событий. Но нельзя забывать, что пропагандистская ложь является не простым оружием, что она имеет еще одно свойство, благодаря которому это оружие становится исключительно опасным. Дело в том. что действие пропаганды продолжается и после окончания войны, и остановить его так, как, скажем, останавливают огонь пушек или сбрасывание бомб с самолетов, невозможно. Пропаганда подобна снаряду, снабженному множеством дистанционных взрывателей, заставляющих его взрываться по прошествии многих лет, иногда даже десятилетий, и разбрасывать вокруг себя питательную среду для бесчисленных укоров и обид. мешающих нормализации международных отношений. Поэтому можно сказать, что успехи, которых пропаганда достигла путем лжи, никогда не выгодны даже для тех, кому она вначале принесла победу. Это объясняется тем, что ложь сводит на нет значение пропаганды как оружия. Многие склонны сегодня отождествлять ложь с политической пропагандой, забывая при этом опыт двух поколений, заключающийся в том, что именно ложь и является злейшим врагом для успешной пропаганды, рассчитанной на длительное время.

Если пропаганда — оружие, то ложь — не что иное, как песок в его механизме, и в этом пришлось убедиться каждому государству, пользовавшемуся этим оружием.

Многим это может показаться странным, однако уже в

последней мировой войне обе воюющие стороны все больше и больше отказывались от «абсолютной лжи» и по возможности избегали ее. Если, например, немецкая служба информации сообщала о потоплении того или иного корабля противника, а позднее выяснялось, что это не соответствует действительности, то здесь можно говорить не о заранее подготовленной лжи, а просто о недоразумении, происшедшем в результате ошибок наблюдения и т. п. Любая опытная служба информации никогда не сделает такого заявления, которое противник может проверить простейшими средствами и тут же, используя радио, разоблачить перед всем миром как ложь. Несколько по-иному воспринимается сообщение о своих успехах, когда преувеличиваются потери противника в танках, самолетах и т. п., потому что эти цифры не всегда могут быть проверены. Во всяком случае там, где штабы пропаганды на той и на другой стороне работают активно и к тому же имеют одинаковые технические средства, ложь становится весьма трудным и проблематичным делом. Вместо лжи во второй мировой войне появилось и стало сущностью всей пропаганды какое-то эквилибристское извращение понятий и открытая брань. С этим наследием прошедшей войны нам приходится встречаться и сейчас почти на каждом шагу. Оно же стало одним из самых главных средств «большой политики».

Пропаганда ужасов в стиле первой мировой войны впоследствии никогда более не повторялась. Даже самые убежденные ее сторонники признали, что причиненный ею вред был несравненно большим, чем все полученные с помощью этой пропаганды кратковременные успехи. Немецкая пропаганда приобрела на этом деле громадный капитал. "Она никогда бы не имела успеха, если бы ей не предшествовала пропаганда ужасов времен первой мировой войны. И если впоследствии немецкий народ не верил пропаганде Геббельса, то он почти инстинктивно не верил и пропаганде западных держав.

Пропаганда во второй мировой воине

Психологические и технические предпосылки для пропаганды во второй мировой войне были принципиально новыми. Мы обладали уже большим опытом, кроме того, на нашей стороне был момент внезапности, а германское министерство пропаганды представляло собой такую организацию, которая могла явиться очень мощным рычагом власти авторитарного государства. Возникающие здесь идеи в основном распространялись при, помощи радио.

Но такой же технической возможностью в равной мере обладал и противник, поэтому для войны в эфире границы Германии были с самого начала совершенно открыты.

Закрыть доступ в Германию чужой информации в виде газет, журналов и т. п. не представляло большого труда, но ограничить проникновение радиоволн и сделать их безвредными было гораздо труднее. Для этого в нашем распоряжении имелось два средства: мешающие радиостанции и официальное запрещение слушать иностранные радиопередачи. Конечно, оба эти средства далеко неполноценны и по существу совершенно не исключают возможности проникновения вражеской пропаганды. Эту задачу нельзя решить и принудительным введением так называемых «народных радиоприемников», обладающих незначительной мощностью приема. Но все же неуспех радиопередач противника объясняется не этим. Мероприятия, направленные на запрещение слушать радиопередачи противника, временами проводились очень интенсивно. Нарушение запрета влекло за собой самые различные наказания: от тюремного заключения до смертной казни в зависимости от того, слушались передачи в одиночку или коллективно, и передавалось ли услышанное другим. Небольшого дополнительного приспособления было достаточно, чтобы слушать радиопередачи противника на большей части территории Германии даже при помощи маломощного «народного приемника».

Радио позволило объединять в определенное и самое короткое время миллионы людей в один, напряженно слушающий коллектив. Как показал опыт, психологически наиболее действенной была та форма, в которой передавались наши особо важные сообщения (перед началом передачи оркестр фанфаристов из 100 человек исполнял определенную мелодию).

Такое оформление заставляло прислушаться к голосу диктора даже тех. кто не проявлял к этому никакого интереса и кто полностью отвергал всякую пропаганду, в какой бы форме она ни распространялась. Сильно театрализованная передача особых сообщений (повторяющиеся позывные с промежутками в несколько минут, прерывание программы маршевой музыкой, паузы и т. п.) стала основной формой всех пропагандистских передач вплоть до самого конца войны. Кроме того, каждый день, начиная с 5 час. 30 мин. утра и до полуночи, радиослушатель регулярно прослушивал девять передач последних известий. Главная передача последних известий начиналась в 20 часов и продолжалась нередко до 20 минут. Практиковались также и регулярные обзоры радиокомментаторов сухопутных сил, военно-морского флота и авиации, а также фронтовые репортажи пропагандистов с передовой линии, с подводных лодок и бомбардировщиков, находящихся в момент передачи над территорией противника. Поскольку эти репортажи были умело организованы и подавались в виде радиомонтажа, они производили очень сильный эффект. Радиопередачи такого рода были впоследствии охарактеризованы американцами, как «самая великолепная и совершенная война нервов», которая когда-либо велась за поддержание в народе духа сопротивления. О том, каков был ее успех с точки зрения американцев, сказано ниже.

Особое значение приобрели с 1942 года выступления радиокомментатора Ганса Фриче. По мнению противника, они имели величайший пропагандистский успех.[148] Секрет этого успеха американцы видели в том, что Фриче был не столько пропагандистом, сколько контрпропагандистом. Его задача заключалась в первую очередь в том, чтобы лишить пропаганду противника всякой почвы раньше, чем его сообщения успеют достичь немецких радиослушателей через Би-Би-Си и прочие радиостанции противника. Если обычно принципом военной пропаганды является наступательный дух и стремление никогда не ссылаться на сообщения и аргументы противника, потому что таким образом они лишний раз становятся известными радиослушателям, то Фриче предложил совершенно иной метод. Он постоянно цитировал, иногда правильно, иногда тенденциозно, все сообщения радио и прессы противника, пытаясь одновременно апеллировать непосредственно к государственным деятелям противной стороны. Этим он создавал у своих слушателей впечатление непрерывной связи с противником.

Все попытки очернить противника имели бы очень малое значение, если бы немецкие радиослушатели не стремились получить информацию из иностранных источников. Фриче все свои передачи обставлял так, что всякому немцу казалось, будто бы он сам принимает участие в ожесточенном словесном споре, а радиокомментатор — этот «рыцарь без страха и упреков» — борется против злого дракона, или заговора закоренелых лжецов. «Никакой другой радиокомментатор не обладал таким талантом запутать слушателя в бесконечной и сложной сети противоречий».[149]

Такой способ комментирования привел к тому, что многие немцы были твердо уверены в своей исключительной осведомленности о прессе противника. Более того, у них даже складывалось о ней определенное мнение. Если, например, радио противника раз за разом передавало сообщения о серьезных разногласиях между германскими вооруженными силами и партией или о попытках восстаний в Германии, то эти утверждения не просто опровергались: в этом случае германское радио передавало выдержки из сообщений противника примерно с таким вступлением: «Полагаясь на политическую зрелость немецкого радиослушателя, мы предоставляем ему самому возможность дать оценку следующим сообщениям». В одной из таких «подборок» (от 16 января 1942 года) содержалось следующее: «Би-Би-Си сообщает, что немецкие генералы хотят взять власть в свои руки. Как передают из Скенектади,[150] заговорщики уже имеют на территории Германии тайную радиостанцию, ведущую пропаганду, направленную против Гитлера. Корреспондент агентства Рейтер утверждает, что генералы приступили к формированию правительства. Из Скенектади сообщают, что на Вильгельмсплац[151] установлены пулеметы и партия борется с вооруженными силами. «Дейли Геральд» поместила обзорную карту с отелями, на крышах которых установлены пулеметы; здесь же приведены имена генералов, которые руководят восстанием. «Дейли Телеграф» сообщает. что немецкие войска отступают к Одеру. Би-Би-Си передает, что в одном берлинском кинотеатре произошел бунт. Нью-йоркское радио сообщает о казни 25 тыс. немецких офицеров; по сообщению Би-Би-Си, число казненных составляет 62 человека».

Защитник Фриче на Нюрнбергском процессе[152] привел в своем выступлении тот аргумент, что успех Фриче как радиокомментатора в основном заключается в стремлении

создать у слушателя иллюзию, что сообщения противника приходят к нему из первых рук. Этот метод контрпропаганды значительно способствовал тому, чтобы забаррикадировать открытые границы в эфире.

Психологические ошибки

Пропагандисты всегда должны помнить о том, что между пропагандой, которая имеет целью поднять моральный дух собственного народа, и пропагандой, которая свою задачу видит в ослаблении воли противника к сопротивлению, существует большая разница. Само собой разумеется, что пропагандист должен знать и образ мышления своего народа, и то, как он должен к нему обращаться. Для того же, чтобы узнать чужой народ, необходимо много дополнительных знаний, достаточный опыт и очень большое искусство. Еще в первую мировую войну генерал Людендорф предложил однажды создать для этой цели небольшую группу специалистов. Но тогда же нами были допущены и довольно грубые ошибки. Например, потопление корабля «Лузитания» было тут же использовано пропагандой противника, что принесло Германии ощутимый вред. Некоторые психологические ошибки обнаружились у нас и у наших противников и во время последней войны. Когда, например, пропаганда, направленная против Англии, проводилась наиболее интенсивно, министерство пропаганды стало издавать серии фотоснимков, рассказывающих о жизни английского народа, которые по идее должны были заклеймить глубокие социальные противоречия в этой стране. Поэтому рядом со снимком, изображавшим молодых принцесс верхом на пони в Гайд-парке, помещалась фотография беспризорных детей из лондонских трущоб, а рядом с лордами, выезжающими верхом со сворой собак на охоту, красовались снимки изможденных рабочих Уэльса. Сомнительность пропагандистского успеха подобных фотосерий стала вскоре совершенно очевидной, потому что немецкий читатель увидел в этом в первую очередь не социальное неравенство, а свидетельство того, что в Англии, несмотря на войну, люди продолжают жить беззаботно и красиво. Не достигали своей цели и радиопередачи на коротких волнах, которые, используя эти же темы социального неравенства, должны были сеять недовольство в стране противника, потому что фотоснимки, иллюстрирующие жизнь высшего общества, можно было увидеть и в самой английской прессе, из которой они собственно и брались германским министерством пропаганды. Это объясняется тем, что средний англичанин не видел в жизни высших слоев своего народа никакой несправедливости в отношении себя самого, наоборот, он видел в ней скорее незыблемость существования государства и стабильность политической обстановки, что не могло не действовать на него

самым успокаивающим образом.

Раздраженный и удивленный этой неудачей, Геббельс сделал на одной из пресс-конференций предложение немецкой прессе описывать частную жизнь отдельных выдающихся деятелей Германии, подобно тому, как это делали сами англичане. Он даже дал согласие сфотографировать для этих целей своих собственных дочерей катающимися на пони в парке Шваненвердер. Фотоснимки были сделаны, но подобная «пропаганда» дала результаты, совершенно противоположные тем, которых все ожидали, и поэтому практика фотографирования «знаменитых» личностей была немедленно прекращена. Это доказывает, что к пропаганде больше, чем к какой-либо другой области, подходит общеизвестная пословица: «Двое делают одно и тоже, а вещи у них получаются разные».

Американцы уже после войны вынуждены были признать, что их метод пропаганды листовками часто заводил их в тупик.[153] Например, однажды 5-я американская армия, сражавшаяся в Италии, должна была сбросить над немецкими позициями листовки, призывавшие немецких солдат капитулировать. В листовках расписывалась райская жизнь военнопленных в американских, английских и канадских лагерях. На фотоснимках пленные изображались сидящими в глубоких мягких креслах, к завтраку им подавалась яичница с ветчиной. Для того чтобы убедиться в эффективности листовки, ее предварительно показали немецким военнопленным, находившимся в Аверсе. Увидев листовку, они разразились громким смехом. Хотя сказанное и написанное в листовке вполне соответствовало действительности и многие из сдавшихся впоследствии сами получили возможность жить в таких же условиях, однако никто из немцев не мог поверить в это, потому что такая жизнь просто не соответствовала их представлениям о плене. После этого вся партия листовок была уничтожена и случаи выпуска подобных листовок больше никогда не повторялись. Вместо обещаний угостить яйцами и ветчиной появился значительно более трезвый аргумент: «Лучше сдаться в плен, чем, находясь в безвыходном положении, в условиях полного превосходства союзников, ожидать своей смерти».

Такая же участь выпала и на долю листовок, в которых утверждалось, что потери союзников на море компенсируются с избытком благодаря новым методам работы американских верфей, где Генри Кайзер «в течение пяти дней строит крупный

океанский корабль». Несмотря на то, что это тоже был бесспорный факт, у немецких солдат не появилось к нему ни капли доверия, ибо это совершенно противоречило их прежним представлениям о производственной мощности судоверфей. Отсюда можно заключить, что любое, даже абсолютно правильное, сообщение не будет воспринято желательным образом, если оно не соответствует представлениям тех, к кому оно обращено. Поэтому все свои листовки и другие пропагандистские средства американцы почти всегда заблаговременно проверяли на военнопленных (опрос эмигрантов представлялся нецелесообразным) для определения возможного психологического эффекта. В необходимости такой тщательной проверки они убедились на опыте, потому что часто тысяча правдивых сообщений не в состоянии восстановить доверие к пропаганде, однажды потерянное в результате какой-нибудь лжи или просто неловкого приема. Опыт американской пропаганды сводится к следующему: «Никакая правда после лжи не восстанавливает должным образом веру в пропаганду».

Немецкие листовки, которые сбрасывались над позициями противника, вместе с радиопередачами для Америки разоблачали тех, кто наживался за счет войны. Американцы сами признавали, что подобная пропаганда могла бы иметь определенный успех среди некоторых слоев американского населения,[154] но поскольку в списке получателей военных барышей упоминались такие имена, как Сэм Леви и Мордекай Езакиль, то вся эта акция была объявлена антисемитским выпадом. В результате пропаганда такого рода потеряла всякий смысл и перестала интересовать даже самых отсталых американских солдат и рабочих, как «пропаганда» плохого толка. Столь же малый успех имела и немецкая контрпропаганда, стремившаяся поколебать союзников в их стремлениях к созданию Организации Объединенных Наций. Союзники ухватились за идею создания этой организации только потому, что поняли, какой важный козырь дали они противнику, объявив о требовании безоговорочной капитуляции Германии. Однако немецкая пропаганда сразу же обрекла себя на провал тем, что в своих выступлениях стала называть Объединенные Нации «Объевреенными Нациями».

Не меньшее значение для пропаганды имеет и проблема отношений к руководителям государства противника. Так, например, немецкая пропаганда, направленная против Рузвельта, потерпела полную неудачу, потому что средний американец

верил своему президенту независимо от того, соглашался он с отдельными его мероприятиями или нет. Немецкая листовка, изображавшая Рузвельта в виде жнеца, не собирающего, а разбрасывающего колосья, вызвала у солдат союзников исключительно враждебное отношение к немцам и укрепила их боевой дух.[155] То же самое можно сказать и про антигитлеровскую пропаганду союзников, совершенно не пользовавшуюся успехом среди немцев. В обоих случаях пропаганда велась против таких государственных деятелей, которые пользовались исключительным уважением у своего народа и на которых широчайшие массы народа смотрели по крайней мере как на гарантов успешного завершения войны. Такие действия органов пропаганды как с нашей стороны, так и со стороны противника означали отказ от проверенного практикой основного принципа ведения психологической войны, который еще в первую мировую войну настолько уважался Антантой, что ее пропаганда никогда не делала резких выпадов против генерал-фельдмаршала Гинденбурга, тогда как кайзер изображался чем-то вроде зверя.

Этапы развития немецкой пропаганды

Во время войны пропаганда не может замыкаться в кругу своих собственных задачи интересов, она должна быстро откликаться на каждое из военных событий. Это весьма наглядно подтверждается практикой. Трудности немецкой пропаганды заключались в том, что после небольшого периода военных успехов пришло время неудач, тогда как противник пережил как раз обратное. Подобный переход от побед к поражениям, естественно, ставит перед пропагандой очень большие задачи.

В соответствии с ходом боевых действий можно довольно четко отметить три основных этапа развития немецкой пропаганды:

1. Пропаганда военных успехов.

2. Пропаганда путем критического анализа своих ошибок.

3. Пропаганда путем внушения страха поражения.

Первый этап пропаганды охватывает начальный период войны вплоть до поражения нашей армии в России зимой 1941 года. С окончанием первого периода перед немецкой пропагандой встала задача заставить немецкий народ забыть о том, что ему говорилось раньше, то есть о том, что противнику на Востоке нанесено поражение и что он никогда больше не сможет поднять голову. В первый период сила морального воздействия пропаганды была обусловлена военными успехами. Пропаганда питалась победами на фронтах, а также тем, что немецкие сухопутные армии находились далеко за пределами родины. Пропаганда видела свою главную задачу в том, чтобы разъяснить немецкому народу справедливость этой войны и доказать ее превентивный характер. Сейчас трудно сказать, выполнила ли она тогда эту задачу. Высокий моральный дух народа в период частых военных побед является столь же слабым доказательством успешного выполнения этой задачи, как и все послевоенные высказывания перед любым международным форумом или субъективное мнение отдельных лиц. Сводки германского верховного командования считались в то время вполне надежными не только в нейтральных, но даже и во враждебных странах.

Второй этап развития германской пропаганды, с точки зрения ее тактики, является, вероятно, самым интересным. К этому периоду относятся уже упомянутые «споры» Фриче с пропагандой противника, немалую роль на этом этапе сыграли и еженедельные передовицы Геббельса в газете «Дас Рейх». Эти статьи во многих отношениях представляли собой нечто новое в пропаганде. Они создавали впечатление, будто правительство совершенно открыто и непринужденно беседует с каждым немецким гражданином о самых щекотливых вопросах политической и военной обстановки и разрешает ему иметь в этом вопросе свое собственное мнение. В своих выступлениях министр пропаганды использовал и известные ему сообщения пропаганды противника, успевшие проникнуть в народ. Он анализировал всяческие распространяемые в народе слухи и в определенных случаях позволял себе намеренно сгущать краски. Стиль и тон правительственных передовиц существенно отличались от стиля и тона прочих выступлений прессы и обзоров радиокомментаторов, которые «создавали общественное мнение». Если в первых своих статьях, осенью 1941 года, Геббельс обращался к представителям высших слоев немецкого населения, которые относились к примитивной пропаганде, разумеется, более критически. то с течением времени он стал приспосабливать содержание своих статей к интересам более широких слоев народных масс. Широкой гласности статей способствовала регулярная передача их по радио. Между прочим, текст одного из первых выступлений Геббельса распространялся среди населения в виде приложения к продовольственным карточкам.

К этому же этапу относится и демонстрация уже давно подготовленного, но не выпускавшегося на экраны фильма «Фридерикус». Фильм должен был показать, как Фридрих Великий, несмотря на все неблагоприятно для него сложившиеся обстоятельства, упорством и настойчивостью добился победы, которая долгое время казалась невозможной. Кадры, на которых король был изображен в дырявых ботинках, долго не сходили со страниц прессы. С этого времени фронтовые репортажи становятся еще более реалистичными, а еженедельные обозрения впервые помещают фотографии убитых немецких солдат.

Пропаганда путем критического анализа своих действий была рассчитана на то, чтобы убедить народ в необходимости войны, заставить его внутренне ожесточиться и сделать его невосприимчивым к неудачам на фронте.

Переход к третьему этапу — к пропаганде путем внушения страха — был вызван предчувствием близкого поражения Германии. Этот этап начинается с момента вторжения союзников в Европу летом 1944 года. Теперь уже немецкая пропаганда могла рассчитывать только на чудо. Она пыталась мобилизовать для оказания сопротивления противнику последние силы народа, внушая ему страх и ужас поражения. Возможности в этом отношении были огромны. Обширный материал для пропаганды ужасов поражения давали безжалостные бомбардировки противником наших городов. Большое количество аргументов представляли министерству пропаганды и сама политика западных держав и ставшие известными послевоенные планы. В этой атмосфере появилась и получила большое распространение поговорка: «Радуйтесь войне, ибо мир будет страшным». Может быть, ее придумал сам Геббельс, кто знает. Но именно в этот момент многие немцы открыто или тайно поверили в существование у Германии какого-то чудодейственного оружия.

На последнем этапе у немецкой пропаганды появился еще один лозунг: «Победа или Сибирь!» Он возник так. Когда в рядах немецких солдат окончательно сложилось убеждение, что война скоро закончится, американцы из опроса пленных заключили, что многие немецкие войска воюют так ожесточенно только потому, что не хотят быть отправленными в качестве пленных в Америку, опасаясь, что из-за океана им будет труднее вернуться на родину. Это заставило американцев быстро уничтожить сотни тысяч пропагандистских листовок, изображавших немецких пленных на пути в Америку, и заменить их новыми листовками, в которых объявлялось, что пленные немцы отныне не поедут в Америку, а будут содержаться в лагерях на территории Западной Франции. Немецкая пропаганда немедленно опубликовала эту листовку как «доказательство» того. что теперь всех немецких пленных будут передавать русским и угонять в Сибирь. Эта пропагандистская дуэль не принесла успеха ни одной из сторон. Листовки с красной надписью также не побудили ни одного немецкого солдата перейти на сторону противника, а лозунг «Победа или Сибирь!» вызвал у них чувство недоверия, потому что они никак не ожидали от западных держав применения таких мер.

И все же, несмотря на то, что Геббельс пустил в ход все средства пропаганды с целью доказать стремление противника уничтожить немецкий народ, он не решился опубликовать полученную в Берлине летом 1944 года карту предполагаемого

раздела Германии. Эта карта была перепечатана из одной турецкой газеты, она иллюстрировала первый проект разделения Германии на три зоны. Согласно этому проекту, Берлин, разделенный на три сектора, должен был находиться в центре английской зоны оккупации. Геббельс опасался, что с опубликованием такой карты немецкое население восточных провинций начнет переселяться на территорию будущей американской или английской зоны и следствием этого явится огромный беспорядок на транспорте, что отнюдь не способствовало бы усилению сопротивляемости Германии.

На основании опыта тех лет можно сделать вывод, что большая часть немецкого народа не верила собственной пропаганде в отношении судьбы Германии после войны, и в том разочаровании, которое немецкий народ испытал впоследствии, в общем повинна сама немецкая пропаганда.

Угроза, шедшая с Востока, дала немецкой пропаганде новые отправные пункты. Но поскольку эта опасность воспринималась народом инстинктивно, соответствующая реакция могла произойти и без всякого участия пропаганды. Здесь решающим оказалось действие бумеранга, вызванное всей пропагандой предыдущих лет, которая в дни побед твердила немцам о том, что советский человек является «представителем низшей расы», а в период отступления и военных неудач значительно ослабила силу сопротивления немецких войск. Использование расистских лозунгов явилось одной из грубейших ошибок немецкой пропаганды, нанесшей большой вред Германии как в дни побед, так и в период поражения. Вместе со всеми другими ошибками \536 — схема\ нашей политики в оккупированных восточных областях и неправильным обращением с той частью русского населения, которая благосклонно относилась к Германии, ошибки немецкой пропаганды привели к тому, что сегодня русский народ почти не поддается западной пропаганде и американцы вынуждены вести холодную войну в условиях продолжающегося влияния этих наших и своих собственных упущений.

Результаты пропаганды

Вопрос о том, насколько успешной была немецкая пропаганда, по меньшей мере неуместен, потому что мнения, которые складывались у немецких солдат и гражданского населения на разных этапах войны, ни в коем случае не отражали действий немецкой пропаганды. Поэтому, если известный радиокомментатор Би-Би-Си Линдлей Фрейзер говорит о «полной победе пропагандистов над немецким народом»,[156] то это верно только с большими оговорками. Немецкая пропаганда апеллировала главным образом к чувствам, задевающим сердце и душу народа, то есть к немецкому национализму, к готовности народа к самопожертвованию, к его вере в своих руководителей и преданности своим властям, равно как и к его солдатским добродетелям. Именно эти чувства проявлялись почти во всех областях общественной и частной жизни немецких людей. О том, что эти идеалы и чувства стали средствами обмана, большая часть немцев узнала слишком поздно. И возникшее вследствие этого глубокое разочарование породило еще большее недоверие к пропаганде.

Но следует отметить, что жертвой злоупотребления идеями стал не только немецкий народ. Так, например, один из тезисов немецкой пропаганды о создании Великой германской империи был подхвачен молодежью других европейских стран, о чем свидетельствуют судебные процессы, проходившие там после войны. Стремление молодежи избавиться от европейской разобщенности народов было использовано немецкой пропагандой в своекорыстных политических целях.

Самое тяжкое преступление немецкой пропаганды перед своим народом заключалось в том, что в конечной фазе войны она не только неправильно сообщала о положении на фронтах, но и делала это с большим промедлением. Многие тысячи людей, живших в восточной части Германии. могли бы своевременно спастись и не были бы застигнуты противниками врасплох, если бы официальные информационные сообщения были правдивыми. Такой образ действий в военном отношении не имеет никакого смысла. Постоянно продвигавшимся вперед войскам противника подобные немецкие сообщения не могли принести ни пользы, ни вреда, тем более, что немецкие части и соединения, которые не потеряли еще связь друг с другом, были вполне осведомлены о действительной обстановке на фронте. В том же случае, когда

войска оказывались в окружении, они действовали на собственный страх и риск. По поводу обстановки тех дней Геббельс, выступая на пресс-конференциях, говорил, что пропаганда должна приложить максимум усилий, чтобы пережить всего лишь несколько ближайших трудных недель, пока новое оружие существенно не изменит обстановки. То, что сейчас остается в тылу у противника, говорил он, будет освобождено позднее, а пока оно может и там приносить пользу немецкой армии. (В связи с этим следует вспомнить о его призывах к партизанской войне.) Но хаос, созданный паникой, нельзя устранить никакими мерами, поэтому все, что тогда говорилось, напоминало скорее азартную картежную игру, чем пропаганду, а народу, который внутренними и внешними событиями был доведен до своего рода фанатического исступления, уже не могли помочь ни вера, ни неверие.

Для успеха пропаганды немалое значение имеет и поведение противника. В критические моменты войны вплоть до самых последних дней оно иногда играло решающую роль. Бомбардировка немецких городов,[157] требование безоговорочной капитуляции (которую пропаганда союзников всячески замалчивала, а немецкая пропаганда, наоборот, сделала своим основным аргументом), план Моргентау, а также далеко не двусмысленные намеки на судьбу, которая ожидает немецкий народ после войны, и не в последнюю очередь дружеские отношения между западными державами и Советским Союзом — все это являлось козырем в руках немецкой пропаганды, которым она пользовалась весьма гибко. Не допусти союзники некоторых психологических ошибок, немецкая пропаганда не смогла бы воодушевить народ на такие достижения.

Решающее влияние на волю немецкого народа к сопротивлению оказали события на Восточном фронте. События, связанные с продвижением Красной Армии по территории Германии, имели настолько законченный характер, что абсолютно не нуждались в какой-либо оценке со стороны немецкой пропаганды. И хотя она всеми своими средствами пыталась реагировать на это трагическое событие, поведение войск и гражданского населения определялось непосредственно самим ходом событий, а никак не пропагандой.

Поскольку мы не располагаем надежными статистическими данными, постольку оценить пропаганду побежденного народа после всех его успехов и неудач, тем более что как раз в этой

области всегда превалирует личное мнение, представляется весьма трудным делом. У нас, однако, имеется множество анкетных данных, составленных в конце войны американским Division of Psychological Warfare[158] путем опроса немецких военнопленных для получения более точной картины морально-боевого духа немецких войск.

Задача этих опросов состояла в том, чтобы установить, как немецкие солдаты реагировали на отдельные сообщения пропаганды союзников.

Это позволяло сделать соответствующие выводы о доходчивости и целесообразности собственной пропаганды и пропаганды противника.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПИСЬМЕННОГО ОПРОСА ПЛЕННЫХ, ПРОВЕДЁННОГО АМЕРИКАНСКИМ ОТДЕЛОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (в %)

Вопросы и ответы	Время взятия в плен								
		26-28 06. 1944	1-17 07. 1944	1-10 08. 1944	1-10 09. 1944	09. 1944*	10. 1944*	15-30 11. 1944	1-14 01. 1945	03. 1945
Количество опрошенных		363	155	160	643	634	345	453	324	388
1	Да	67	57	68	65	60	42	64	62	31
	Нет	18	27	17	19	24	43	22	30	52
	Без ответа	15	16	15	16	16	15	14	8	17
2	Да	42	37	49	27	—	—	51	39	10
	Нет	38	49	29	51	—	—	30	47	83
	Без ответа	20	14	22	22	—	—	19	14	7
3	Да	—	—	52	38	46	28	50	44	11
	Нет	—	—	11	39	33	57	27	42	78
	Без ответа	—	—	37	23	21	15	23	14	11
4	Да	16	13	36	28	21	18	—	—	—
	Нет	75	81	51	61	67	74	—	—	—
	Без ответа	9	6	13	11	12	8	—	—	—
5	Да	37	44	66	49	48	33	53	47	14
	Нет	35	37	15	37	32	52	29	40	77
	Без ответа	28	19	19	20	20	15	18	13	9

ВОПРОСЫ:

1. Доверяете ли вы Гитлеру?

2. Считаете ли вы возможным изгнать союзников из Франции? (В марте 1945 года вопрос следует читать…изгнать…из Западной Германии?)

3. Верите ли вы в то, что Германия выиграет войну?

4. Верите ли вы, что после войны немецкий народ должен будет держать ответ за совершённое в ней?

5. Верите ли вы, что Германия имеет секретное оружие, которое может решающим образом повлиять на исход войны?

Ответы на поставленные вопросы показали, что, несмотря на шок, пережитый немцами при вторжении союзников в Европу, свыше 40 % пленных верило, что изгнание союзников из Франции было тогда еще вполне осуществимым делом. В ноябре, то есть во время активизации действий немецких войск, процент верящих достиг 50 в январе снова составил 40 и затем стал быстро падать. Характерно, что из опрошенных в августе 1944 года

военнопленных более половины верило в конечную победу Германии; по мере того как положение становилось все более критическим, их число сокращалось, затем в ноябре снова поднялось до 50 %. Уже в январе 1945 года количество уверенных в победе Германии составляло 40 % числа опрошенных. Согласно этому американскому документу, число веривших в полководческий гений Гитлера составляло около 60 %, в ноябре эта цифра увеличилась и затем снизилась до минимальной величины (примерно 30 % всех опрошенных). В то, что Германия получит чудодейственное оружие, верила половина всех опрошенных с ноября по январь.

Доверие к Гитлеру и вера в чудесное оружие часто находились в вопиющем противоречии с обстановкой на фронтах. Моральный дух немецких солдат часто поднимался именно тогда, когда на фронте наступало самое отчаянное положение и спастись можно было только чудом.

Поэтому весьма своеобразным в пропагандистской войне явилось то, что западным державам не удалось использовать определенные критические моменты и своей пропагандой сломить моральный дух немецкого солдата. Надежда на чудо, а также сознание нелогичности политического поведения противника были у немцев вплоть до самого конца войны настолько сильными, что заглушали у них всякое желание верить пропаганде противника.

Страх перед местью и расплатой, готовившейся западными державами немецкому народу, был, как отмечают различные материалы американской статистики, сравнительно небольшим. Утвердительно на этот вопрос отвечало не более 20 % опрошенных. Американцы объясняют это обстоятельство верой широких масс немецкого народа в порядочность и честность американцев и англичан.[159] Результаты подобных опросов на первый взгляд противоречат существовавшему ранее мнению, что военная пропаганда союзников в значительной степени способствовала укреплению воли немецкого народа к сопротивлению и этим самым затягивала войну. Действительно, многое из того, что было сделано американцами и что Запад расценивал как измену общему делу, ожесточило большую часть немецкого народа и вызвало в нем стремление к сопротивлению. Подавляющее большинство немецкого народа, несомненно, не могло представить себе политику, которую западные державы будут проводить после 1945 года, и считало предостережения

Геббельса сильно преувеличенными. В этом противоречии между надеждой и реальностью и заключается вообще весь трагизм данного этапа пропаганды.

Доверие к Гитлеру было отмечено даже у таких военнопленных, которые давно отказались от веры в победу Германии и в силу нового секретного оружия. Эти солдаты все же думали, что Гитлеру удастся найти какое-либо политическое средство, чтобы смягчить тяжесть поражения. В большинстве своем они верили в то, что между западными державами и Советским Союзом произойдет разрыв, который должен будет коренным образом изменить политическую и военную ситуацию. Эта вера была обусловлена всем образом мышления немцев, которые не могли себе представить, что «их фюрер» не сможет найти выхода из создавшегося положения и допустит полное поражение Германии и что англичане и американцы смогут отдать в руки СССР всю Центральную Европу. Как только эта вера рухнула, перед пропагандой встали совершенно новые проблемы.

Целью другого опроса, проведенного американцами среди военнопленных, было установить, какие сообщения фронтовой пропаганды союзников оказывали на немецких солдат наиболее сильное влияние. Большинство ответов сходилось на том, что нападки на политический режим и на видных политических деятелей Германии не имели почти никакого успеха. О своей реакции на эту пропаганду заявили лишь около 5 % всех опрошенных.[160]

Пропаганда в будущем

Нет никакого сомнения в том, что после войны пропаганда стала нести на себе самую большую нагрузку. В первую мировую войну пропаганда превратилась в оружие, при помощи которого была сломлена сила сопротивления центральных держав Европы и значительно ускорено окончание войны. Однако это осуществлялось за счет тех средств, которые впоследствии поставили под сомнение всю пропаганду вообще. Во второй мировой войне методы и средства пропаганды были совершенно иными. По общей оценке специалистов всех стран, пропаганда на этот раз сильно способствовала затягиванию войны. Она уже потеряла характер наступательного оружия, позволявшего раньше ускорять ход войны, и превратилась в средство обороны и оттягивания конца войны.

В течение двух мировых войн пропаганда настолько подорвала у людей всякое доверие к себе, что сейчас народы оказались почти невосприимчивыми к любой пропаганде извне. Мирному сосуществованию различных государств мешает в настоящее время то, что в каждом народе под влиянием собственной пропаганды сложились уже определенные представления о других народах, которые сейчас положены в основу политического курса любой страны. Призыв к борьбе против режима, а не против народа во второй мировой войне уже не находил почти никакого отклика. Поэтому он окончательно исчез из лексикона современной пропаганды. Вера во всемогущество пропаганды пропала, и поэтому теперь пропаганда должна не только решать свои насущные задачи, но и одновременно освобождаться от присущих ей традиций. Американские специалисты холодной войны выразили это следующим образом: «Пропаганда практически только тогда обречена на провал, если она внешне похожа на пропаганду».

Современную обстановку, сложившуюся на идеологическом фронте, невозможно облегчить или изменить обычными средствами пропаганды. Политическая пропаганда находится в состоянии кризиса и ищет новых путей. Ее старое оружие пришло в негодность, а основные понятия большей частью отмерли. Если она и продолжает еще пытаться воздействовать на идеологию противника, используя радио и т. п., то ни для кого не является секретом, что средства, затрачиваемые на это, ни в коей мере не оправдываются получаемыми результатами. Наряду с признанием

исключительного положения, в котором сейчас находится пропаганда, направленная против тех, кто должен был бы поддаться ее влиянию, бесспорным остается факт, что сегодня пропаганда более необходима, чем когда бы то ни было. Мы не сможем сейчас назвать ни одного сколько-нибудь значительного политического или экономического события, которое не сопровождалось бы мероприятиями пропагандистского характера. Правда, при этом у нас нет еще единого мнения относительно того, что понимается под словом пропаганда. Пропасть между знанием и незнанием, между различными ступенями экономического развития отдельных стран, а также ложные представления о соседних странах составляют иногда причину социального и политического напряжения в мире, который благодаря огромному развитию транспорта стал слишком тесным для того, чтобы отдельные народы могли жить по соседству, не замечая друг друга.

Средства связи, эти инструменты человеческого общения, за последнее время невероятно усовершенствовались. Они имеются в арсенале любого народа. Вопрос заключается только в том, для каких целей они используются: то ли для укрепления взаимопонимания между народами, то ли для разжигания взаимной ненависти. Развитие телевидения открывает перед нами безграничные перспективы как для правильного применения этих средств, так и для злоупотребления ими со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Мы знаем, что идеологическое поражение является самым тяжелым и что восстановить прежнее положение в сознании людей неизмеримо труднее, чем восстановить разрушенные бомбардировкой города. Но как бы то ни было, а восстановление взаимного доверия является единственным средством преодолеть последствия прошедшей войны и избежать ужасов новой. За ложь в пропаганде и за искажение истины народы заплатили слишком дорогой ценой, чтобы снова браться за них в будущем.

Д-р Ганс Латернзер

Вторая мировая война и право

Могли ли процессы над военными преступниками создать новое международное уголовное право?

Когда Черчилль 25 октября 1941 года заявил, что расплата за военное преступление, в котором обвиняется германское правительство, является одной из главных задач антигитлеровской коалиции, никто еще не мог предугадать, какая форма расплаты будет выбрана в случае военного поражения Германии. Те, кто следил за попытками, предпринимавшимися за границей с конца первой мировой войны, создать международное уголовное право, имели основание предполагать, что расплата произойдет в форме судебного процесса. В попытках кодифицировать международное уголовное право, имевших место между двумя мировыми войнами, немецкая юридическая наука принимала лишь самое незначительное участие, что объясняется единодушным отрицанием в Германии законности односторонних определений Версальского договора.

Судебная ответственность за военные преступления была впервые провозглашена в Заявлении девяти европейских эмигрантских правительств, сделанном в Лондоне 13 января 1942 года, и объявлена непременным условием окончания военных действий. Осенью того же года Черчилль и Рузвельт объявили, что все лица, ответственные за военные преступления, должны будут предстать перед правосудием тех стран, в которых они совершали свои преступления. Советское правительство также присоединилось к этому заявлению.

После поражения Германии эта угроза была осуществлена со всей методичностью и последовательностью. В своих мероприятиях союзники не ограничились простым осуждением действительных военных преступников. Они ввели в международное право два новых понятия состава преступления: преступление против мира и преступление против человечности. Этим самым впервые в истории была предпринята попытка разрешить политическую проблему ликвидации войны юридическим путем.

Удалась ли эта попытка? Восстановили ли процессы над военными преступниками надежность правовой защиты, которую

в век тотальных войн народы требовали больше, чем когда-либо? Если представить себе, что в то время, когда проходили эти процессы, миллионы людей выселялись из своих обжитых мест и что через восемь лет после окончания военных действий огромное количество немецких военнопленных еще не возвращено на родину, то многие будут склонны ответить на этот вопрос отрицательно.

Международное уголовное право, которое призвано гарантировать надежность правовой защиты и мир, должно быть абсолютно беспристрастным. Попытки создать международное уголовное право, предпринятые в период между двумя войнами, доказали однажды, насколько трудно создать международный уголовный трибунал, который по своему составу был бы непартийным и который мог бы всю силу юрисдикции направлять в равной степени как против побежденных, так и против победителей. Союзники решили не создавать такого трибунала. Судебные процессы по делу немецких и японских государственных деятелей велись либо оккупационными властями, либо непосредственно державами-победительницами. Даже созданный специально для этого Международный военный трибунал был, по сути дела, не международным, а оккупационным правовым органом.

Уголовное право, призванное выполнять свои задачи в международном масштабе, должно одинаково распространяться как на победителей, так и на побежденных. Но именно в этом и заключается основной недостаток всех процессов над военными преступниками, имевших место после второй мировой войны. Для того чтобы объявить человека военным преступником, мало было одного преступления, совершенного им против законов и обычаев войны, необходимо было еще установить, принадлежал ли преступник к побежденной нации или находился у нее на службе. Лондонское соглашение четырех держав от 8 августа 1945 года, на основании которого был создан и вступил в свои права Международный военный трибунал, постановление Союзного контрольного совета за № 10 от 20 декабря 1945 года, а также законы и распоряжения, изданные в различных государствах о предании суду всех военных преступников, являются исключительными законами, которые были обращены только против побежденных.

Международное уголовное право должно иметь весьма четкие определения и стоять над правом любого государства. А для этого

оно должно быть кодифицировано. В процессах над военными преступниками роль, отведенная международному праву при осуждении немецких граждан, была в разных странах в высшей степени неодинаковой. Во французском суде международное право сильно уступает государственному французскому уголовному праву. Согласно статье 1 французского уложения о наказаниях для военных преступников от 28 августа 1944 года, французские военные трибуналы выносят обвиняемому окончательный приговор, руководствуясь французскими законами, если соответствующие действия — что обвиняемый и должен доказать — не оправдываются самими законами и обычаями войны. При этом преступление против законов и обычаев войны уподобляется обычному уголовному преступлению, наказуемому по уголовному кодексу Франции, тогда как, по сути дела, эти преступления не имеют друг с другом ничего общего. Точно так же и закон от 2 августа 1947 года (в Люксембурге) говорит об уголовной ответственности военных преступников по существующим в этой стране законам. Поскольку законы и обычаи войны являются очень неопределенными и даже в Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» запрещение распространяется лишь на некоторые средства войны и притом само оно сформулировано весьма туманно и расплывчато, то положение, в которое попадает обвиняемый французским судом, является далеко не завидным. Иногда, правда, французские военно-полевые суды, учитывая неопределенность военного права, оправдывали подсудимых, применяя к ним § 3 постановления от 28 августа 1944 года, отменяющий наказание в том случае, если преступление было совершено по приказу свыше. В Бельгии, Дании и Норвегии имеются специальные законы о наказании военных преступников. Голландские законы целиком базируются на положениях Лондонского соглашения. По ним наказуемыми военными преступлениями считаются действия, подлежащие судебному разбирательству как с точки зрения внутригосударственных законов, так и с точки зрения международных законов и обычаев войны, и поэтому какое-либо лицо может быть объявлено военным преступником и соответствующим образом наказано только тогда, когда его действия являются преступлением, караемым по законам международного права. Английские и американские суды пользуются при разбирательстве военных преступлений только положениями военного и международного права. В их понимании военным преступлением является любое преступление против законов и обычаев войны безотносительно к праву, существующему в пределах данного государства.

Писаные и неписаные нормы военного права настолько неопределенны, что различные государства не в состоянии выработать какую-то одну общую для всех точку зрения по вопросу о том, что является запрещенным и что нет. В судебных процессах, где подданные победивших государств выносят приговор подданным побежденного государства, эта неопределенность отнюдь не приносит пользы обвиняемому, что является совершенно неизбежным фактом.

Кроме того, имеется еще одна проблема, разрешить которую вообще невозможно. Она заключается в том внутреннем конфликте, который возникает у каждого обвиняемого из сознания того, что он будет осужден по положениям двух совершенно различных правовых систем, а именно по существующим законам собственного государства и по нормам международного права. Почти все, кто с 1945 года обвинялся в военном преступлении правовыми органами победивших наций, на самом деле совершали их либо по приказу своего начальника, либо на основании распоряжений своего правительства. Согласно законам своего собственного государства, он не смел отказываться от выполнения приказов, поступавших сверху, а, согласно между на родному уголовному праву, должен был теперь подвергнуться наказанию, потому что совершил нечто такое, от чего не мог отказаться. Уже одно это исключало всякую возможность справедливо разрешить судебным порядком проблему определения ответственности за военные преступления.

Юрист Иешек в своем исследовании «Ответственность государственных органов по международному уголовному праву. К вопросу о нюрнбергских процессах» подробно разбирает основные проблемы международного уголовного права, возникшие в связи с приговорами, вынесенными на Нюрнбергском процессе. Он справедливо указывает на то, что вопрос о возможности создания международного уголовного права касается пересмотра основ всего международного права и правового положения как государств, так и отдельных людей. Международное уголовное право, по его мнению, предполагает наличие таких международных правовых норм, которые стояли бы выше государственного суверенитета и непосредственно распространялись бы на каждого гражданина любого государства, а также имели бы преимущество перед противоречивыми нормами государственного права. В этом случае любой надгосударственный правовой орган должен иметь возможность

защитить отдельного представителя какой-либо страны, если он подвергается необоснованному с точки зрения международного права преследованию со стороны своего государства.

Противоречие между военной необходимостью и военным правом

После второй мировой войны американская прокуратура в Нюрнберге утверждала, что германский офицерский корпус с давних пор относился отрицательно к нормам военного права а существование определенных законов и обычаев войны признавал только на словах. Она приводила в пример распространенные в Германии выражения вроде: «цель войны оправдывает средства» и «военная необходимость важнее военного права». Нельзя отрицать, что мнение об оправданности некоторых отклонений от норм военного права, вызванных военной необходимостью, получило в Германии довольно широкое распространение. Во всех крупных послевоенных процессах немецкие военачальники и офицеры оправдывали свои действия военной необходимостью. Даже в показаниях немецких свидетелей нередко можно было услышать, что военная необходимость оправдывает любое «неприятное» мероприятие. Это мнение берет свое начало от прусского генерала Гартмана. который в 1877 году опубликовал несколько статей в газете «Дейче Рундшау», где высказывался против кодификации военного права, а «идеализму права» противопоставлял «реализм войны».

Этот прусский генерал не был одинок в своем мнении. Годом раньше, в 1876 году, швейцарский полковник Рустов в своей книге «Военная политика и военные обычаи» вообще отрицал существование какого-либо военного права. Он придерживался той точки зрения, что в принципе воюющим дозволено все и что они при определенных обстоятельствах могут применять любые средства для достижения победы над противником. Характерно, что в то время британское правительство также не было согласно с кодификацией военного права, что вместе с отрицательным отношением к этому немецких военных кругов затянуло кодифицирование военного права на целые 25 лет, до первой Гаагской мирной конференции 1899 года. В 1874 году в Брюсселе состоялась конференция, целью которой было уменьшить страдания людей посредством кодификации законов и обычаев войны. Интересно, что делегат Англии на этой конференции получил от своего правительства указание не принимать

никакого участия в дебатах. Русский специалист по международному праву Мартене, чей проект международной конвенции относительно законов и обычаев войны лег в основу работы Брюссельской конференции, писал, что «пресловутое молчание английского делегата компрометировало конференцию гораздо сильнее, чем если бы он отсутствовал вовсе». На первой Гаагской мирной конференции 1899 года английский делегат снова пытался помешать принятию соглашения о соблюдении законов и обычаев войны. На заседании 10 июня 1899 года он заявил, что цель его правительства состоит в том, чтобы внести в свой военно-юридический справочник лишь те статьи декларации о законах и обычаях войны, «которые оно считает совместимыми с принципами международного права и с которыми до сих пор оно сообразовывало все свои действия». Против этого решительно выступил упомянутый уже русский специалист Мартене, являвшийся председателем второй подкомиссии, которой была поручена выработка законов ведения сухопутной войны.

Германский военный уполномоченный на Гаагской конференции 1899 года стремился включить в проект соглашения о законах и обычаях войны специальную оговорку о том, что военная необходимость в отдельном случае может оправдать те или иные мероприятия и действия. Председательствовавший на Брюссельской конференции 1874 года русский уполномоченный барон Жомини указывал на то, что, строго говоря, слова «при условии военной необходимости» можно было добавить к любой статье соглашения. Германский уполномоченный полковник фон Шварцгофф на заседании I июня 1899 года предложил дополнить статью 46 проекта, содержавшую основные права гражданского населения, словами «насколько это позволяет военная необходимость». Профессор Ролин в своем докладе пленуму конференции выразился по этому поводу таким образом:

«Впрочем, как следует из замечания полковника фон Шварцгоффа. которое, кстати, ни у кого не встретило возражений, эти положения при известных обстоятельствах не ограничивают свободу действий воюющих». Еще во время прений по отдельным статьям оккупационного права Ролин заявил, что оно ставит оккупанту такие правовые границы, которые он не может перешагнуть, «за исключением случаев военной необходимости».

В соответствии с этим в тетради 31 «Об обычаях сухопутной войны» из серии военно-исторических монографий, изданной в

1902 году по поручению германского генерального штаба, высказывается мнение о том, что в сравнении с законами и обычаями войны военная необходимость играет первенствующую роль.

Такую же точку зрения отстаивало и английское военное министерство в изданном им в 1902 году «Field Service Pocket Book».[161] Он содержал ряд положений Гаагской конвенции под общим заголовком: «Настоящие положения являются общими правилами поведения, насколько это допускает военная необходимость. Силы международной конвенции они не имеют». Однако последнее не соответствовало действительности, хотя и в немецком тексте Гаагской конвенции, опубликованном в 1902 году, имелась подобная же оговорка.

Когда профессор Холлэнд издал положения Гаагской конвенции, снабдив их небольшими комментариями, в Англии произошел переворот во взглядах. В этих комментариях он отмечал, что военная необходимость оправдывает только такие мероприятия, которые могут быть совместимы с современными законами и обычаями войны. Еще раньше это мнение высказывал и профессор Либер в «Инструкциях по управлению войсками США на поле боя», изданных в 1864 году президентом Линкольном. В 1912 году профессор Оппенгейм, один из виднейших современных специалистов по международному праву, вместе с полковником Эдмундсом составил на основании положений Гаагской конвенции исчерпывающий свод законов под общим названием «Законы и обычаи войны». В 1914 году эти положения целиком вошли в официальное «Руководство по военному праву», предназначенное для служебного пользования в английской армии. В том же году американское военное министерство издало «Правила ведения сухопутной войны», представлявшие собой такой же полный свод законов и обычаев войны.

В обоих военных справочниках принцип военной необходимости был объявлен одним из основных принципов войны. Хотя тексты и допускали его толкование в том смысле, что «военная необходимость играет первенствующую роль перед военным правом», все же оба эти справочника ставили воюющим странам определенные границы в рамках писаных и неписаных норм военного права.

В Германии, как уже было сказано, продолжало существовать мнение, что после военного права решающее значение имеет

военная необходимость. При этом немалую роль сыграло также и то, что у немецких офицеров и военных юристов не имелось в распоряжении свода законов и обычаев войны наподобие английского военного справочника или американских «Правил ведения сухопутной войны». Правда, во исполнение обязательств, данных державами, подписавшими Соглашение, и содержащихся в статье 1 Гаагской конвенции, ряд правовых органов опубликовал текст Соглашения о законах и обычаях войны в виде специальных уставов. Но для практики войны этого было явно недостаточно. Требовался надежный свод писаных и неписаных норм военного права. Полуофициальный комментарий «Нормы ведения сухопутной войны» вышел в свет только в 1942 году, и в таких важных вопросах, как например казнь заложников, он отражал в основном только официальное мнение, существовавшее в самой Германии.

Точку зрения о первенствующей роли военной необходимости разделяли в период, предшествовавший первой мировой войне, и некоторые крупные немецкие специалисты по международному праву (Мейрер, Цорн и др.), однако иностранными авторами эта точка зрения преимущественно отвергалась. Среди иностранных авторов, которые подчеркивали первенствующую роль военной необходимости, находился один из виднейших специалистов международного права Спэйт. Но его авторитет столь же мало способствовал признанию другими странами решающего значения военной необходимости, как и авторитет американца Фулке и бельгийца Ривье.

Поэтому и американский военный трибунал в Нюрнберге во время «юго-восточного процесса» (дело VII) и в процессе над сотрудниками главного штаба вооруженных сил (дело XII) отказался признать военную необходимость в качестве оправдательного мотива для отклонения от норм военного права, поскольку эти нормы сами не допускают исключений, рассчитанных на военную необходимость, как это делает, например, статья 23 (пункт «ж») Гаагской конвенции, которая в этом случае допускает разрушение или захват собственности противника.

Трибуналы государств-победителей не могли принимать в расчет и того, что было сказано перед первой мировой войной всеми авторами и специалистами права. Эти специалисты, подобно американцу Фенвику, англичанам Холлу и Гарнеру. немцам Людеру, Ульманну и Листу, а также швейцарцу Губеру,

выпустившему в 1913 году наиболее полное теоретическое исследование, охватывающее весь комплекс вопросов военного права, оправдывали военную необходимость, вызванную такими исключительными обстоятельствами, как например необходимостью спасения своего государства, и в то же время отвергали военную необходимость, обусловленную оперативными и стратегическими планами.

Когда генерал фон Гартман в 1877 году изложил свою точку зрения о первенствующей роли «реализма войны» перед «идеализмом права», он исходил при этом из «континентальной» теории войны, берущей свое начало в философии Руссо. Согласно этой теории, войны должны вести только вооруженные силы. Этим самым «реализм войны» прошлого века в отличие от того, что мы пережили в наш век, был ограничен очень узкими рамками. Кроме того, генерал Гартман жил в то время, когда господствовавшие взгляды на мораль и честь вполне отвечали духу прусско-немецкого офицерства. «Можно думать, — писал русский юрист профессор Мартене в своей книге «Мир и война», — что генерал Гартман не хочет ставить военному насилию никаких границ и не стремится обуздать страсти разъяренных армий, однако на самом деле он весьма далек от этого. Он не ограничивается признанием некоторых законов и обычаев войны, а с усердием доказывает, что их соблюдение является для цивилизованной армии делом чести и совести. По словам генерала Гартмана, сознание права и высокая мораль должны влиять абсолютно на все действия воюющих».

Когда же, наконец, германскими вооруженными силами, насквозь пропитанными традициями, в основе которых лежит высокая мораль, овладел солдат, для которого мораль и человечность были пустыми звуками и для которого сознание ответственности являлось не чем иным, как слабостью, солдат, объявивший военную необходимость руководством к действию для всех воюющих, тогда-то и появились приказы и были проведены мероприятия, которые полностью разрушили все понятия о праве и человечности.

Теория военной необходимости развилась в рамках старых, традиционных представлений о континентальной войне. Совершенно другой теории придерживаются англосаксы, по убеждению которых война является борьбой между нациями. Когда генерал фон Гартман опубликовал свои труды, известный американский юрист и публицист В. Бич Лоренс высказал

совершенно новую точку зрения, которую, русский юрист Мартенс охарактеризовал как нечто совершенно чудовищное. Этот американский автор восставал против всякой попытки уменьшить зло войны. По его мнению, чем больше бед приносит война и чем больше страдают народы, тем лучше. Еще в 1875 году он писал, например, что «война — это, конечно, ужасный бич для всего человечества. Но народы страдают гораздо больше от ее последствий, чем от нее самой. Короче говоря, именно поэтому война должна быть ужасной, ибо только тогда она будет вселять страх и народам и их правителям».

Воздействие английской и американской авиации на немецкий народ во время второй мировой войны, когда она беспрепятственно уничтожала огромное количество немецкого гражданского населения, полностью доказало правильность этого принципа. Жертвой того же принципа явилась и Япония, капитулировавшая после взрывов атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки. Однако различных авторов международного права этот вопрос до сего времени почти не занимал, их интересовало другое, а именно защита немцами принципа военной необходимости. Профессор Лаутерпахт (Кембридж) написал капитальный труд «Международное право и наказание за военные преступления», опубликованный в 1944 году в английском ежегоднике международного права, который наряду с книгой американского профессора Глюка «Военные преступления, их мера пресечения и наказание» стал важнейшей теоретической основой для всей политики союзников во время судебных процессов над военными преступниками. В этом труде он открыто заявляет, что ответить на вопрос о законности воздушных налетов в условиях судебного процесса, направленного против отдельных лиц, не представляется возможным.

Сейчас на повестку дня встал вопрос о том, вступило ли человечество с началом воздушных войн и с появлением атомной бомбы, используемой против гражданского населения, в новую фазу, когда самыми страшными средствами поражения противника являются достижения науки и техники, и не должны ли люди как-то соразмерять их с существующими нормами права? Статья 25 Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны гласит: «Запрещается атаковать или обстреливать незащищенные города, деревни, жилища и здания какими бы то ни было средствами». Слова «какими бы то ни было средствами» были добавлены в 1907 году на второй Гаагской мирной конференции. Их целью являлось разъяснить то положение, что

незащищенные населенные пункты не должны атаковаться и с воздуха. Делегаты сочли необходимым внести это добавление, потому что ссылка, сделанная 29 июля 1899 года «относительно запрещения сбрасывать снаряды и взрывчатые вещества с дирижаблей и других летательных аппаратов», не была включена в новый текст этой статьи. Эта ссылка была рассчитана на пять лет.

За последнее время сложилось мнение, что статья 25 относится только к использованию тактической авиации на театре боевых действий, а не к ведению воздушной войны как таковой. Мы не можем согласиться с тем, что это утверждение правильно. Что бы ни говорили, а бомбардировки американской и английской авиации по площадям без всякого разбора, в результате которых разрушались немецкие города и уничтожалось гражданское население, целиком противоречили нормам международного права. Во время этих воздушных налетов союзники не ограничивались уничтожением военных объектов и сооружений, складов и учреждений, предназначенных непосредственно для удовлетворения нужд германских вооруженных сил, их действия были всегда направлены против гражданского населения и рассчитаны на то, чтобы сломить волю народа к сопротивлению.

Заложники, репрессалии и пленные

Шведский граф Ф. Бернадотт писал в 1946 году, что «шведский народ возмущала не столько борьба вооруженных сил, сколько попрание ими всех человеческих принципов и всех международных соглашений, выражавшееся в арестах и казнях в качестве заложников ни в чем неповинных людей».

Он, конечно, вполне правильно оценивает психологическое воздействие, которое немцы своей практикой взятия заложников и репрессалиями оказывали на народы других государств. Однако он совершенно неправ, говоря о том, что взятие заложников или убийство невинных людей в ходе репрессалий противоречат каким-либо международным соглашениям, как и вообще всем законам и обычаям войны. В своем труде «Репрессалии в свете судебных процессов над военными преступниками» юрист Шютце показал, что до Женевской конвенции, принятой 12 августа 1949 года, не существовало никаких международных соглашений о защите гражданских лиц в военное время, как не существовало и

никаких норм военного права, которые запрещали бы взятие заложников «для обеспечения своей безопасности в ходе репрессалий» и казнь невинных людей, в том числе и заложников. Репрессалии, направленные против гражданских лиц и их имущества, были запрещены только с включением в Женевскую конвенцию, принятую 12 августа 1949 года, статей 33 и 34. Что касается репрессалий по отношению к военнопленным, то они были формально запрещены еще Женевским соглашением об обращении с военнопленными, заключенным 27 сентября 1929 года.

Характерной чертой всех репрессалий является то, что они, как правило, касаются тех лиц, которые либо не имеют никакого отношения к актам сопротивления, вызывающим репрессалии, либо их участие в подобных актах невозможно доказать. Как отмечается в параграфе 454 английского военно-юридического справочника, «репрессалии представляют собой исключительное мероприятие, так как в большинстве случаев они причиняют страдания невинным людям». «Между тем, — говорится в справочнике, — именно в этом и заключается их эффективность как средства принуждения, почему они и незаменимы в качестве самого крайнего средства».

До принятия Женевской конвенции от 12 августа 1949 года международное право допускало применение репрессалий для того, чтобы заставить государство противника, его вооруженные силы или его население, если они нарушили какие-либо нормы военного права, придерживаться их в дальнейшем. При этом. разумеется, применявший репрессалии сам становился нарушителем международного права. Таким образом, военные репрессалии являлись исключительно средством принуждения и ни в коем случае не должны были использоваться как средство наказания или мести.

Еще американские инструкции, изданные в 1863 году, содержали некоторые положения об ответственности, которую любое государство несет за те или иные действия, не соответствующие нормам военного права. При этом особенно подчеркивалось, что репрессалии должны являться только мерами принуждения. На Брюссельской конференции 1874 года была сделана попытка урегулировать нормы и характер военных репрессалий в международном масштабе. Однако это не удалось. Поэтому на обеих Гаагских конференциях, 1899 и 1907 годов, этот вопрос более не поднимался. В 1899 году он был затронут

лишь вскользь при обсуждении статьи 50 Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. В этой статье закрепляется положение, что из-за действий отдельных лиц, за которых весь народ не может нести ответственность, население не должно подвергаться никакому наказанию. Редакционный комитет и специальная комиссия, занимавшаяся разработкой конвенции о законах сухопутной войны, установили, что статья 50 не является преюдициальной по вопросу о репрессалиях. Этот вывод был сделан на основе того факта, что репрессалии являются средством принуждения, а не наказания. Поэтому все попытки иностранных юристов обосновать незаконность немецких репрессивных мер статьей 50 были безуспешными.

Репрессалии, направленные против гражданского населения, всегда имеют место там, где население совершает акты саботажа или принимает широкое участие в движении сопротивления, что и в том и в другом случае противоречит нормам международного права. Высокая степень германских репрессивных мер во время второй мировой войны обусловлена тем, что правительства антигерманского блока организовывали в оккупированных немцами областях мощное нелегальное движение сопротивления, призванное ускорить военное поражение Германии.

Мнение о том, что репрессалии отнюдь не предполагают уничтожение людей, господствовало за границей еще и после окончания второй мировой войны и основывалось, как указывал Шютце в своем труде о репрессалиях, большей частью на том, что в международной литературе этот вопрос исследовался только в связи с проблемой заложников. Представители этого течения утверждали, что международное право давно уже признало необходимость щадить заложников. Большинство специалистов ссылалось при этом на де Фаттеля, одного из классиков международного права, который еще в середине XVIII века писал: «La liberte seule des otages est engagee».[162] А за 100 лет до него Гроциус, отец современного международного права, говорил, что, согласно практике государств — положительному международному праву, — убивать заложников хотя и разрешено, но, по естественному праву, только тогда, когда заложник действительно виновен сам. При этом, конечно, не учитывалось, что высказывания Гроциуса и де Фаттеля относились только к первоначальной форме заложничества, а именно, к договорным заложникам, то есть к таким заложникам, которые брались в мирное время как средство гарантии договоров. В отличие от этого существует еще одна форма заложничества, когда войска,

находясь на территории противника, берут заложников для обеспечения своей собственной безопасности. Эти заложники предназначены для того, чтобы в случае нелегальных актов сопротивления населения подвергать их репрессиям ради благополучия остального населения.

То, что подобных заложников при определенных обстоятельствах можно казнить, подтверждает и параграф 358 американских «Правил ведения сухопутной войны», где, между прочим, сказано, что «заложники, которых берут и держат с целью предупредить какие-либо незаконные действия со стороны вооруженных сил противника или его населения, могут наказываться и уничтожаться, если противник не прекратит эти действия».

До войны известнейшие немецкие авторы, и главным образом Колер, Лист и Флейшманн, а из иностранцев Спэйт считали, что убийство заложников, взятых для гарантии безопасности, в ходе репрессалий вполне допустимо. Во время второй мировой войны американские авторы Гаммер и Салвин также признавали, что убийство заложников в принципе вполне допустимо. Видный американский юрист-международник Хайд во втором издании своего труда «Международное право, его толкование и применение в Соединенных Штатах», вышедшем в 1945 году, охарактеризовал параграф 358 (пункт «Г») американских «Правил ведения сухопутной войны», допускающий убийство заложников, как вполне пригодный для американских вооруженных сил руководящий принцип.

Американский военный трибунал в Нюрнберге, судивший генералов группы войск «Юго-Восток» (дело VII), после тщательной проверки фактов взятия заложников и проведения репрессалий объявил в своем приговоре от 19 февраля 1948 года, что заложники, которые берутся для обеспечения безопасности своих войск, и так называемые «репрессивные пленные», то есть заложники, берущиеся только после совершения акта, вызывающего репрессалии, по закону могут быть казнены. При этом американский трибунал создал ряд теоретических предпосылок и наметил некоторые мероприятия, которые должны предшествовать репрессалиям как последнему, крайнему средству, и выразил такое убеждение, что количество казненных заложников должно соответствовать акту, совершенному противной стороной, результатом которого и явились данные репрессалии. Этот так называемый принцип пропорциональности

имелся еще в русском проекте, подготовленном для Брюссельской конференции. Он был включен и в проект кодекса военного права (Oxford Manual), разработанный Институтом международного права в Оксфорде. Однако этот принцип не дает определенного численного соотношения между репрессалиями и актами сопротивления. Так как репрессалии по своей природе предназначены для того, чтобы быть эффективным средством принуждения, то соотношение каждый раз определяется из цели репрессалий. Общее правило для определения его дано французским юристом Пилле, который писал, что «репрессалии должны обязательно производить соответствующее впечатление на тех, кто явился виновником или зачинщиком акта, противоречащего нормам международного военного права».

Бельгийские, французские и итальянские суды во время процессов над военными преступниками второй мировой войны не признавали законность репрессалий и казнь заложников. Но по целому ряду дел они выносили оправдательные приговоры на том основании, что приказы высших инстанций, во исполнение которых и проводились те или иные репрессалии, не во всех случаях были беззаконными. При этом определенную роль сыграло и то, что сами французские войска в ходе оккупации территории Германии также пользовались репрессалиями, казнили заложников и применяли угрозы. При этом соотношение между серьезностью актов саботажа и сопротивления, с одной стороны, и строгостью репрессалий — с другой, было гораздо выше чем 1:1.

Голландский юрист ван Ниспен-тот-Севенер в изданном им в 1948 году труде о проблеме заложников рассматривает ее с позиций тотальной войны. Автор хотя и неохотно, но все же отмечает, что там, где репрессалии являются крайним средством и где противник превратил определенные и по старым понятиям «невоюющие» группы населения в активные боевые группы, подобное репрессивное вмешательство в жизнь народа вполне оправдано. Сказанное выше является не столько выводом из анализа сущности тотальной войны, сколько выводом из того факта, что в современных условиях население начало вмешиваться в вооруженную борьбу в форме нелегальных актов, противоречащих нормам международного права. Тотальная война привела к тому, что известные положения Гаагской конвенции о законах сухопутной войны, как отметил бельгийский военный трибунал в Льеже, значительно устарели. Использование экономического потенциала оккупированных областей

оправдывается, несмотря на положения Гаагской конвенции, развитием войны и превращением ее в тотальную. Это утверждение, однако, американским военным трибуналом в Нюрнберге было признано неправомочным. Вмешиваться в жизнь гражданского населения оккупируемой страны тотальные методы современной войны пока еще не разрешают, но вмешиваться в нее, руководствуясь положениями международного права, можно.

Благодаря Женевской конвенции о защите гражданских лиц в военное время, принятой 12 августа 1949 года, репрессалии, направленные против гражданских лиц, а также взятие любых заложников абсолютно запрещены.

Вряд ли кто-либо сможет сейчас с уверенностью сказать, как это запрещение будет осуществляться в новой войне. Однако совершенно несомненным остается тот факт, что абсолютное запрещение подвергать репрессалиям военнопленных во второй мировой войне оказалось более или менее действенным. Еще во время первой мировой войны репрессалии против военнопленных играли довольно большую роль. Английский делегат в Женеве в 1929 году выразил опасение, которое тогда волновало многих. Он говорил, что, несмотря на единогласное запрещение репрессалий, применение их против военнопленных в будущей войне не исключено. И действительно, во время второй мировой войны военнопленные в отдельных случаях подвергались репрессалиям. Командующий французскими войсками осенью 1944 года перед занятием Страсбурга приказал, например, за каждого убитого из засады французского солдата расстреливать пять немецких военнопленных. Однако верховное командование союзников возразило против такого приказа, ссылаясь при этом на положения Женевской конвенции 1929 года.

В общем, абсолютное запрещение репрессалий, достигнутое Женевской конвенцией 1929 года, оправдало себя во время второй мировой войны в большей мере, чем предполагалось в 1929 году. Здесь, конечно, огромная заслуга принадлежит Международному комитету Красного Креста и нейтральным государствам, выступавшим в качестве посредников и тем самым отстаивавшим права военнопленных.

Выполнение приказа

Почти все действия, за которые немецкие солдаты после

второй мировой войны предстали перед трибуналами стран-победительниц, совершались на основании приказов немецкого верховного командования и руководителей германского государства. Это придает приказам и действиям, связанным с их выполнением, особое значение.

Все солдаты и офицеры вплоть до командующих крупными войсковыми объединениями находятся в положении подчиненного. С одной стороны, они обязаны выполнять приказы своих начальников. Если они не сделают этого, то на основании законов военно-уголовного права они будут наказаны самым строгим образом. Без этого принципа не могут существовать никакие вооруженные силы. С другой стороны, солдат, как и его начальник, обязан подчиняться общим законам, которые запрещают ему совершать преступления. Конфликт, в который попадает солдат, когда ему дается противоречащий законам приказ, может быть разрешен по-разному: либо безоговорочным подчинением воинскому приказу, либо осознанием того, что и солдат должен выполнять лишь те приказы, которые не противоречат общим законам. Между этими двумя крайностями на практике могут быть и любые средние решения. Так, например, приказ может представляться внешне вполне законным; далее, он может настолько явно превышать власть и компетенции отдающего приказ, что оценить его законность не представляется возможным; иногда подобный приказ может вызвать открытое сомнение у выполняющего его.

Характерным для этой проблемы является то, что законы, действующие внутри данного государства, рассматривают уголовную ответственность подчиненного, выполняющего приказ, несколько иначе, чем это делает международное право.

Государственные законы многих стран в основном сходятся на признании того, что солдат, который подчиняется явно преступному приказу, несет уголовную ответственность. Параграф 47 германского военно-уголовного кодекса говорит о том, что подчиненный, выполнивший какой-либо приказ начальника, несет уголовную ответственность только в том случае, если ему было известно о преступном характере действия, вызванного этим приказом. По этому параграфу подсудность подчиненного предполагает знание им незаконности приказа и того, что его начальник имеет намерение совершить уголовное преступление. В связи с такой формулировкой параграф 47 мог быть истолкован по-разному. Например, после окончания первой

мировой войны германский верховный суд во время процесса над офицерами-подводниками Дитмаром и Больдтом признавал уголовную ответственность подчиненных только тогда, когда приказ для всех и каждого был несомненно преступным.

На основании статей 114 и 190 уголовного кодекса Франции подчиненный в некоторых случаях не несет уголовной ответственности, даже если он и выполняет противозаконный приказ. Однако количество подобных случаев весьма невелико. Для случаев, не отраженных в законе, действует принцип, по которому подчиненный несет уголовную ответственность в том случае, если он выполнял приказ, незаконность которого очевидна для каждого.

Положения английского и американского общего права акцентируют необходимость подчиняться только законному приказу гораздо сильнее, чем кодексы континентальных стран. Однако в отношении уголовной ответственности в Англии существует такой принцип, по которому солдат. думающий, что, действуя по приказу, он выполняет свой долг, не может быть наказан, если к тому же приказ командира не имеет открыто преступного характера и подчиненный не может сразу обнаружить его противозаконность. Современное американское право также исходит из того, насколько очевидным и явно преступным является тот или иной приказ, чтобы человек, находящийся в положении солдата, выполняющего приказ, понял бы его несоответствие с нормами права. Отрицательное мнение о принципе, лишавшем подчиненного защиты в том случае, если приказ после его выполнения оказывался преступным, сложилось и в Соединенных Штатах. Американские военные круги утверждали, что подобный принцип не только суров и несправедлив по отношению к подчиненному, но представляет также большую опасность для дисциплины. Все решения по аналогичным делам, и в особенности по делу Джонса, ставшему еще во времена наполеоновских войн судебным прецедентом для всех последующих дел. не оправдывали преступных действий солдата, если он знал или по крайней мере должен был знать о том, что отдаваемый ему приказ противоречит законам.

В отношении военных преступлений английский военно-юридический справочник (до 1944 года) в параграфе 4~43 «Законов и обычаев войны» после перечисления важнейших нарушений военного права, относящихся к военным преступлениям, предусматривал, что военнослужащие,

совершающие по приказу своего правительства или своих военачальников действия, которые противоречат общепризнанным правилам ведения войны, военными преступниками не являются и потому не могут быть наказаны судебными органами противника.

Подобное положение существовало (до 1944 года) и в параграфе 347 американских «Правил ведения сухопутной войны».

После того как в 1942 году восемь эмигрантских правительств и международный комитет «Свободная Франция» в принятом в Лондоне решении обязались позаботиться о наказании после войны так называемых военных преступников, а в московском заявлении от 30 октября 1943 года Соединенные Штаты, Англия и Советский Союз также объявили о своем решении преследовать военных преступников, английские и американские власти были вынуждены внести изменения в свои военные кодексы. В 1944 году параграф 443 английского и параграф 347 американского военных кодексов получили новую формулировку. В новом варианте эти параграфы уже не оправдывали незаконных действий, совершенных по приказу командира или правительства, и не снимали ответственности с выполнявшего этот приказ, однако они все же имели еще оговорку, что долгом солдата является выполнять любой приказ, преступность которого не очевидна, и что в таких случаях выполнявшие приказ могут быть оправданы. В английских послевоенных процессах подобных явлений не наблюдалось. Причиной изменения английского и американского военных кодексов явилось намерение лишить обвиняемого в предстоящих процессах над подданными побежденных государств возможности использовать для своей защиты старый принцип международного права. Кроме того, это обусловлено мотивами, которые были высказаны профессорами Лаутерпахтом и Глюком. Изменения в военных кодексах теоретически были подготовлены ими еще раньше в различных опубликованных ими работах.

Статья 8 Лондонского статута и статья 2 (пункт 4 «б») постановления Союзного контрольного совета за № 10 вообще исключают оправдание подчиненного, который выполнял преступный приказ своего правительства или своего командира, независимо от того. понимал ли он его преступный характер или нет. Ссылка на приказ свыше может служить поводом только к смягчению наказания. Оба эти положения противоречат тем

принципам, которые признаются правом любого государства в качестве аргумента для защиты подчиненного, выполнявшего приказ.

Правовые гарантии в будущем

Дальнейшая разработка норм международного уголовного права является задачей Организации Объединенных Наций. Принятый в 1950 году Генеральной Ассамблеей проект «Свода законов, гарантирующих мир и безопасность человечества», подготовленный Комиссией международного права, содержит все основные положения международного уголовного права. Основой для выработки этого проекта явились пункты и положения Лондонского статута, а также некоторые принципы, содержащиеся в приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге. Согласно этому проекту, все уголовные преступления делятся на три основные группы: преступления против мира, преступления против человечности и военные преступления. Военным преступлением называется всякое преступление, совершенное против законов и обычаев войны. Ссылка на приказ свыше признается оправдательным аргументом лишь в тех случаях, если сам приказ был вызван исключительными обстоятельствами.

Дополнением к этому служит разработанный Комитетом международной уголовной юрисдикции по заданию Генеральной Ассамблеи «Статут международного уголовного права». Этот статут будущего международного уголовного трибунала является пробным камнем того, действительно ли практика Международного военного трибунала в Нюрнберге знаменует собой начало новой эры международного права и действительно ли человечество находится на пути к созданию такого международного права, которое распространялось бы одинаково на все государства. Тот факт, что, согласно этому проекту, правом юрисдикции в отношении обвиняемых в преступлении будет пользоваться только международный трибунал и только при том условии, если на это имеется согласие как государства, где совершено преступление, так и государства, подданные которого совершили это преступление, доказывает, что ни о какой действительно международной уголовной ответственности не может быть и речи. Если совершивший преступление является подданным государства, победившего в войне, оно никогда не согласится на выдачу преступника. Кроме того, проект не

исключает возможности ведения особых и односторонних процессов, каковыми были процессы, проведенные Международным военным трибуналом в Нюрнберге и другими военными трибуналами после 1945 года.

Поэтому вполне вероятно, что односторонние судебные процессы не прекратятся и после любой войны в будущем.

Международное право предполагает также, что вопрос об уголовной ответственности за новую войну необходимо подвергнуть судебному разбирательству, ибо в таком случае будут правильно освещены все моменты политического характера. Компетенции будущего международного трибунала должны ограничиваться вынесением приговоров за военные преступления и преступления против человечности, совершенные против подданных других государств. Наконец, в распоряжение международного трибунала необходимо дать международный уголовный кодекс с твердыми определениями состава преступлений.

Вальтер Людде-Нейрат

Конец на немецкой земле

11 сентября 1944 года во второй половине дня первые американские разведчики перешли германскую границу в районе западнее Прюма. Начались бои за Германию. Германская западная армия была разбита. Одна часть ее была расформирована, другая — продолжала вести отчаянные бои. Граница оказалась открытой. Линия Зигфрида, с которой ради укрепления Атлантического вала было снято большое количество техники и живой силы, превратилась в простое географическое понятие и лишилась всякой стратегической ценности. Была предпринята попытка спешно создать хотя бы видимость обороны.

Однако главнокомандующий союзными войсками явно переоценивал значение линии Зигфрида. Он был серьезно озабочен тем, как будут снабжаться его соединения, неустанно и быстро двигавшиеся вперед, если для этого в его распоряжении имелось лишь незначительное количество пригодных морских портов. Поэтому он не решался принять предложение Монтгомери о создании на севере Франции крупной ударной группировки для осуществления оперативного прорыва в Рурскую область, что могло бы значительно ускорить окончание войны.

Эйзенхауэр не предполагал, что этим самым он давал Гитлеру возможность в последний раз похвастаться перед подчиненными своей необыкновенной стратегической прозорливостью. Что же касается немецких генералов, то они боялись осуществления плана Монтгомери и не видели никаких возможностей для своевременной организации обороны. Когда же союзники 17 сентября начали осуществлять в Голландии крупнейшую воздушно-десантную операцию, стремясь добиться здесь быстрого и решающего успеха, было уже слишком поздно. Военное счастье немцев и отчаянное упорство их войск, только что приступивших к созданию обороны, свели на нет это наступление. В арнемском котле рухнули надежды союзников на провозглашенный Монтгомери «близкий конец войны». В конце сентября непосредственная опасность на западных границах Германии была устранена.

Тем более угрожающим стало положение на Востоке. В середине октября русские, двигаясь по обе стороны Роминтер-Гейде, начали свое первое мощное наступление на территории

Германии. В их руках оказались Неммерсдорф и Гольдап. Лишь ценой чрезвычайных усилий немцы смогли ликвидировать прорыв и взять обратно оба города. То, что здесь произошло, явилось прелюдией трагедии, которая ожидала всю восточную часть Германии. После неудачи этого наступления русских на Восточном фронте еще раз воцарилось обманчивое затишье.

В этот момент между Гитлером и преобладающим большинством его Генералов возникли серьезные разногласия по вопросу о необходимости продолжения боевых действий. Немецкие генералы отлично понимали безвыходность создавшейся военной обстановки и настоятельно требовали основное внимание обратить на оборону Германии от русских. При этом, конечно, они надеялись на то, что им удастся найти политический выход на Западе, пусть даже ценой капитуляции. Гитлер же, наоборот, не видел никакого политического выхода из создавшегося положения и потому гнался за призраком изменившего ему военного счастья, рассчитывая на то, что в ходе войны наступит, наконец, переломный момент. При существовавшем тогда положении с сырьем и территориальных возможностях такой перелом был возможен только на Западе. Видя это, Гитлер стал готовить наступление в Арденнах, оголяя все остальные фронты и стягивая к западу все последние резервы… Но, несмотря на мужество и храбрость войск, это наступление провалилось. Причиной тому явилась слишком труднодостижимая цель, поставленная войскам, а также быстрые и эффективные оборонительные мероприятия Эйзенхауэра. Немалую роль в этом сыграли недостаток средств и подавляющее превосходство противника в воздухе. Результатом наступления в Арденнах было не улучшение обстановки, а дальнейшее ослабление сопротивляемости всего немецкого фронта, который теперь уже не был способен отразить начавшееся в это время общее наступление союзников.

Это наступление началось 12 января 1945 года в большой излучине Вислы. В течение нескольких дней весь Восточный фронт был взломан. Верхняя Силезия оказалась в руках противника. Восточная Пруссия была отрезана, и на центральном участке фронта русские продвинулись до самого Одера. Последняя отчаянная попытка ударом из Померании на юг ликвидировать опасность, угрожавшую столице Германии, провалилась в середине февраля. Теперь уже сам Жуков принялся очищать район Померании, подготавливая одновременно за Одером свой последний удар. А в это время далеко в тылу его

армий решалась судьба смятых или оставшихся там по приказу Гитлера немецких войск и гражданского населения.

Трагедия близилась к развязке. 7 марта американцы форсировали Рейн в районе Ремагена. Необходимость дальнейшей обороны Рейнской области стала весьма сомнительной. 18 апреля было сломлено последнее сопротивление немцев в Рурской области, а в конце месяца армии западных держав почти повсюду вышли на согласованную с Советским Союзом демаркационную линию.

Между тем 16 апреля русские нанесли сокрушительный удар через Одер. Навстречу советским войскам с мужеством отчаяния ринулись пехотинцы, матросы, летчики, полицейские, фольксштурмовцы и даже школьники. Фронт продержался три дня, пока не истощились материальные и духовные силы обороняющихся. Батареи израсходовали все снаряды, кончилось горючее. 19 апреля противник прорвал немецкие позиции и начал охват Берлина. Через пять дней кольцо окружения сомкнулось.

Гитлер приказал прорвать кольцо окружения. 9-я армия под командованием генерала Буссе должна была наступать с юго-востока, 3-й танковый корпус SS под командованием генерала «СО» Штейнера — с севера, 12-я армия генерала Венка — с запада. Это была смелая, но абсолютно безнадежная попытка. 9-я армия попала в исключительно тяжелое положение. Штейнер предпочел спасти свои соединения, уведя их на запад, чем вести их на верную гибель. Лишь немногим уцелевшим дивизиям Венка удалось провести это наступление и еще раз установить связь с гарнизоном Потсдама. Смысл этой героической борьбы заключался в спасении защитников города и остатков разбитой 9-й армии и в совместном отходе на запад через Эльбу.

30 апреля, накануне падения Берлина, Гитлер покончил жизнь самоубийством. Дальнейшая борьба на Востоке велась теперь только для того, чтобы дать возможность войскам и беженцам уйти на территорию, оккупированную западными державами. 9 мая в 0 часов она закончилась безоговорочной капитуляцией германских вооруженных сил.

Такое изложение чисто военных событий не может, разумеется, отразить тех неизмеримых страданий, которые принесли с собой последние месяцы войны; оно не может передать весь тот трагизм положения, в которое попали наше

руководство, войска и население.

Психологическая ситуация

Осенью 1944 года немецким народом овладевали попеременно то надежда, то сомнения, то страх, то уверенность. В результате длинной цепи поражений моральный дух войск, воля народа к сопротивлению, доверие войск и населения к командованию оказались значительно ослабленными. Однако то обстоятельство, что противник был остановлен на границах самой Германии, вернуло народу и войскам утраченное мужество. Общественность, конечно, не подозревала, что этот успех обороны свидетельствовал не о силе сопротивления немцев, а о том. что наступательный порыв противника иссяк. К тому же события 20 июля, связанные с покушением на Гитлера, отвлекли внимание общественности от поражений на фронтах. Военные неудачи совершенно несправедливо ставились в причинную связь с заговором.

Появились и другие факторы, решающим образом влиявшие на усиление воли к сопротивлению и заставлявшие нас быть готовыми ко всему, вплоть до последней отчаянной схватки. Это были в первую очередь страх и надежда. Страх перед тем, что будет «потом», и надежда на то, что все-таки найдется какой-то выход, чтобы избежать этого «потом». Геббельсу ничего не нужно было выдумывать, чтобы поддерживать в немцах этот страх перед будущим. Он мог лишь повторять то, что твердили все пропагандисты Америки и Советского Союза. Проповеди ненависти Ильи Эренбурга. которые уже принесли свои первые плоды на Востоке, план Моргентау, то есть план предполагаемой территориальной «кастрации» Германии и требование безоговорочной капитуляции пресекли всякие попытки немцев как-то договориться и придали сопротивлению очень острый и ожесточенный характер не только в Европе, но и во всем мире. Подавляющее большинство немцев не видело для себя иного выхода, кроме борьбы. Даже явные противники нацистского режима становились теперь отчаянными защитниками своей родины.

Народ стал крайне восприимчивым к тому, о чем писалось и говорилось в прессе и по радио; он стал верить слухам, ибо они были его последней надеждой. А в этом деле требовались только красноречие и сила убеждения, которых у опытных пропагандистов геббельсовой школы было больше чем достаточно. Каждый даже самый слабый проблеск надежды на

скорое применение каких-либо новых боевых средств превращался у них в пропаганду готового к бою чудодейственного оружия.

Однако объявленного пропагандистами перелома на фронтах не произошло, и когда в рождество 1944 года наступление в Арденнах окончательно провалилось, надежда сменилась чувством глубокого разочарования. Оно перешло в отчаяние, когда в середине января 1945 года был прорван фронт на Висле и русские войска вступили в восточные провинции Германии.

Теперь мнение большинства немецкого народа о продолжении войны окончательно разошлось с лозунгами его руководителей. Одновременно стали заметными и расхождения между населением западных и восточных областей Германии по вопросу о прекращении борьбы.

Война на Западе никогда не была популярной в Германии. Ее воспринимали как несчастье, в которое Германия попала абсолютно помимо ее воли. Лишь в ходе самой войны руины немецких городов и невинные жертвы воздушных бомбардировок вызвали у немецкого народа ожесточение и ненависть к западным державам, главным образом к руководителям западных держав, а также к летчикам, совершавшим террористические налеты на Германию. Немцы никогда не испытывали ненависти к американским и английским солдатам, от которых они ожидали гуманного обращения. Таким образом, когда население Германии почувствовало себя обманутым в своих надеждах, воля немцев к сопротивлению, закалявшаяся на протяжении многих лет, превратилась, не выдержав напряжения, в покорность и готовность капитулировать.

Война на Востоке, напротив, с самого начала рассматривалась почти всем народом как роковая национальная необходимость. Она вылилась в такие формы, которые противоречили всем человеческим законам. Поведение советских войск на немецкой земле действительно было таким, каким его рисовала немецкая пропаганда. Здесь никто и не помышлял о плене: все думали только о том, как спастись бегством. Характерно, что с начала 1945 года все население Западной Германии стало считать неоправданным безумием каждый следующий день войны, в то время как миллионы немцев на Востоке страстно ожидали ее продолжения по крайней мере до тех пор, пока они сами не скроются от русской опасности. Это

различное отношение немецкого народа к войне значительно повлияло на течение конечной фазы войны.

Морально-боевой дух немецких войск почти ничем не отличался от морального духа всего населения Германии, однако в ходе войны здесь появился целый ряд отрицательных факторов. Покушение 20 июля было воспринято войсками, и особенно фронтовыми, как «удар в спину». Но вместе с тем оно посеяло в душе каждого солдата зерно сомнения. Это сомнение росло и ширилось, находя себе пищу в той нечеловеческой реакции, которой нацисты ответили на заговор, а также в дальнейших неудачах на фронтах и в частой смене оправдавших себя и любимых командиров за те «ошибки», причиной которых чаще всего были подавляющее превосходство противника или некомпетентность собственного высшего командования. Сомнения в гениальности фюрера и его помощников все же мало повлияли на боеспособность германских вооруженных сил, потому что теперь они сражались не за отдельного человека, не за режим и даже не за национал-социалистские идеи, а за Германию.

Только когда стало ясно. что спасти Германию уже невозможно, для войск началось новое решающее испытание, в котором на карту были поставлены солдатская честь и доблесть. Не у всякого хватит духа сделать такую ставку.

Попав весной 1945 года в жестокие противоречия между приказом и совестью, присягой и личными интересами, выполнением долга и самосохранением, солдаты немецкой армии начали падать духом. Увеличилось количество дезертиров и таких, которые при первой возможности были готовы сдаться в плен. Путем террора, военно-полевых судов и драконовских законов Гитлер, рейхскомиссары по обороне страны и некоторые командующие войсками стремились всячески задержать падение морального духа немецкой армии. Но если большинство соединений немецких войск, напрягая последние силы, продолжали оставаться верными присяге, то этим они обязаны отнюдь не вышеуказанным мероприятиям. Решающее значение при этом наряду с чисто солдатскими качествами, то есть военным воспитанием и постоянным сознанием своего долга, имел и тот простой факт, что даже после поражения войска продолжали получать боевые задачи, касавшиеся либо порядка отхода, либо прикрытия движения соседних частей и соединений, либо, наконец, защиты гражданского населения.

Уроки тотальной войны

Гитлер не хотел тотальной войны. Но он все-таки развязал ее, сделав предварительно совершенно неправильную оценку политической обстановки. Переоценив свои возможности и недооценив военные возможности противников, он раздул ее в 1941 году в мировой пожар. Самым подходящим моментом для отыскания германским руководством какого-либо политического выхода и для мобилизации всех экономических и военных ресурсов мог быть только момент провала «молниеносной войны» в России и вступления в войну Америки.

Однако на то, чтобы добиться этого, не было затрачено такого количества энергии, которое соответствовало бы создавшейся обстановке. Не было организовано исчерпывающего, своевременного и четкого управления германским военно-экономическим потенциалом. Резервы освобождались не сразу и часто только под давлением неудач на фронте, иногда весьма опрометчиво, а большей частью слишком поздно. Концентрация экономики отразилась на производстве оружия в полной мере лишь в 1944 году. Но в это же самое время начались усиленные налеты авиации противника на Германию, потребовавшие от нас крайних усилий и полного использования всей имеющейся рабочей силы, чтобы поддержать производство и транспорт на должном уровне.

Германское правительство не научилось правильно и своевременно высвобождать и распределять людские резервы ни в экономике, ни в руководящих органах, ни даже в самих вооруженных силах. Все мероприятия последнего года войны носили на себе печать отчаяния. Их проведение было возложено Гитлером на партию, причем для выполнения этих совершенно непривычных для них задач партийные работники не имели никаких других данных, кроме одного желания. Геббельс как руководитель тотальной мобилизации сил в тылу провел экстренные меры по изъятию рабочей силы с предприятий военной промышленности и из учреждений тыловых служб, совершенно оголив их. В свою очередь Гиммлер как командующий армией резерва сформировал «народно-гренадерские» и «народно-артиллерийские» дивизии. Наконец Борман со своими гаулейтерами и крейслейтерами[163] взял на себя задачу создания фольксштурма, в который 18 октября были призваны все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет, способные

носить оружие. Большого военного значения соединения фольксштурма, однако, не имели. Это объясняется не только их недостаточной подготовкой и плохим вооружением, но прежде всего заимствованной у освободительных войн начала прошлого столетия концепцией, что подобные соединения являются «вооруженным народом». Данная концепция, породившая в этой войне такие понятия, как «отечественный фронт» и «тотальная война», превратилась в бессмысленный анахронизм. В грядущих войнах «тотальность» будет выражаться не в том, что навстречу роботам современной военной техники встанут дети и старики, вооруженные охотничьими ружьями, а в том, что все силы народа будут заранее и вполне разумно подчинены требованиям войны. В начале 1945 года правительство обратилось к немецким женщинам с призывом «вступить в вспомогательные отряды фольксштурма». В марте в армию был призван очередной, 1929 год, то есть, по сути дела, 15-летние подростки. Наконец, последним плодом тотальной войны явилась кампания «Вервольф», которая была «организована» партией под впечатлением успехов партизанских соединений противника, сражавшихся, кстати сказать, в совершенно иных условиях. Однако созданная в ходе этой кампании организация не была подготовлена к решению задач партизанской войны ни материально, ни морально.

Тактика «выжженной земли»

Еще более тяжелыми для Германии оказались последствия тотальной войны в другой области. Дело в том, что если все последствия организационных мероприятий должны были прекратиться вместе с окончанием войны, то мероприятия по разрушению мостов и промышленных предприятий подрывали жизнь страны на очень долгое время.

Тактика «выжженной земли» в несколько смягченной форме, в какой она применялась немцами в конце войны на своей территории, имела уже исторические прецеденты. Пожар в Москве в 1812 году, разрушения, имевшие место в американской войне Севера и Юга, опустошительное отступление немцев на позиции Зигфрида в 1918 году, разрушение англичанами французских портов в проливе Ла-Манш в 1940 году и взрывы, сопутствовавшие отходу немцев из Северной Норвегии в 1944 году, — все эти случаи применения тактики «выжженной земли» получили ввиду особых обстоятельств или своего исключительного успеха полное признание истории.

Когда осенью 1944 года боевые действия были перенесены на территорию Германии, перед командованием встала трагическая, но в военном отношении совершенно законная необходимость всеми путями затруднить противнику продвижение вперед и не дать ему возможности использовать в своих интересах важнейшие военные объекты. Это создавало для немецких войск кое-какое военное преимущество и позволяло надеяться на менее катастрофический исход войны.

Однако в марте 1945 года, когда Гитлер лично отдал последние и очень строгие приказы, предписывавшие разрушать все, всякая надежда была потеряна. Дело в том, что эти распоряжения выходили далеко за пределы необходимого. Поэтому верховное командование, стремясь смягчить действие приказов Гитлера, издало специальную директиву о порядке их выполнения. Директива сильно ограничивала первоначальные приказы Гитлера и предусматривала не разрушение, а временное выведение из строя важных военных объектов. Кроме того, некоторые военные и гражданские органы и учреждения, сознавая свою ответственность, не пожелали выполнить приказы о разрушении подведомственных им объектов. Но если «по сю сторону Рейна»[164] и были разрушены многие мосты и другие

важные сооружения, то это произошло потому, что в эти дни в общем хаосе противоречий смешалось все: близорукое упрямство и дальновидная прозорливость, преступный приказ и человеческая совесть, страх перед наказанием и сознание ответственности.

Было ли бессмыслицей продолжать борьбу?

Главной проблемой для каждого немца на исходе войны был вопрос о целесообразности продолжения борьбы. Сравнительно гуманным концом первой мировой войны мы обязаны главным образом прозорливости нашего военного руководства. От руководства Третьего рейха такой прозорливости ожидать было, разумеется, нельзя, потому что оно находилось в совершенно иных условиях. Вместо обычных умеренных военных целей противник поставил своей целью уничтожение. Вместо обещаний Вильсона, которым никогда не суждено было осуществиться, немецкому народу теперь грозили планом Моргентау, а вместо спокойного тыла на востоке Германию подстерегала смертельная опасность. В таких условиях ни руководство, ни население не строили себе никаких иллюзий о том, что принесет им безоговорочная капитуляция. Страх перед национальной катастрофой был у многих значительно большим, чем страх перед теми страданиями, которые причиняет сама война. Отвратить или хотя бы смягчить эту катастрофу стало единственной целью и движущей силой всей кампании 1944 года.

Во многих областях военной науки и техники немецкие ученые и конструкторы добились исключительных результатов. Созданием новых реактивных истребителей, новых подводных лодок, приборов для обеспечения большей видимости танкам в ночное время и оружия, управляемого на расстоянии, надеялись положить конец поражениям и найти путь избавления от безоговорочной капитуляции. Предпосылкой для этого могло служить то, что как раз в это время немцам удалось остановить продвижение противника на линии Зигфрида и на Висле и создать таким образом нечто вроде «крыши над Германией». При наличии этой двойной защиты Германия могла использовать на фронте свое новое оружие в достаточном количестве и в подготовленных для этого войсках. Однако все это могло быть сделано только при том условии, что «крыша» будет обеспечена необходимым количеством авиации, ибо без этого невозможно было защищать промышленные районы Германии, удерживать фронты и осуществлять те технические усовершенствования, которые могли бы оказать влияние на ход войны. Даже самые неисправимые оптимисты утверждали в конце года, что надежды на армию и новое вооружение иллюзорны.

Несмотря на это, германское командование и не помышляло о капитуляции. Для Гитлера, одержимого манией Пророчества, решающим была, вероятно, его непреклонная вера в свою миссию, а в каждом последующем ударе судьбы он видел только новое, еще более суровое испытание. Этому, однако, противоречит сказанное Гитлером без свидетелей одному из своих адъютантов перед катастрофой на Висле, сразу же после провала наступления в Арденнах. Подозревая, что он уже не может доверять никому, в том числе и Гиммлеру, Гитлер сказал, что «с нетерпением ждет того момента, когда сможет покончить с собой». Эти слова заставляют нас предположить, что Гитлер полностью понимал безвыходность создавшегося положения, но почитал святым долгом держаться во что бы то ни стало.

Страшный призрак безоговорочной капитуляции изгонял у людей всякую мысль о собственном «спасении», тем более что пропаганда без устали твердила о том. что грядущие поколения немецкого народа станут спрашивать не о том, какие были потери и как долго длилась война, а о том, все ли средства были исчерпаны, чтобы избежать подобного конца.

Последней соломинкой, за которую еще можно было ухватиться, был «развал коалиции союзников». Утверждали, например, что союзников связывает только враждебное отношение к Германии и что при встрече их фронтов коалиция распадется. Насколько близки к действительности были эти предположения, можно было увидеть из того, что при встрече русских и американских войск 25 апреля в районе Торгау, происшедшей уже после смерти Рузвельта, скончавшегося 12 апреля, не все обошлось благополучно; это еще раз подало Гитлеру слабую надежду. А Гиммлер ровно за день до капитуляции заявил даже, что со своими отрядами SS он не более чем через три месяца «выровняет чаши на весах».

Однако военные круги, стоявшие близко к Гитлеру, отнюдь не питали подобных надежд. Они, правда, одобряли продолжение войны и причем не просто в силу солдатской привычки подчиняться, а из своего глубокого убеждения. С вступлением русских войск в Германию война приобретала для них совершенно новый смысл — спасение населения восточных областей Германии.

Трагедия Восточной Германии

Размеры угрозы, нависшей над Восточной Германией, яснее, чем кто-либо другой, видел начальник генерального штаба генерал-полковник Гудериан. С тех пор как после покушения на Гитлера (20 июля) на него была возложена ответственность за весь Восточный фронт, он с необыкновенным упорством, энергией и гражданским мужеством пытался создать необходимые предпосылки для отражения русского штурма. И винить его за неудачу, конечно, нельзя. Он ничего не мог поделать с Гитлером, который в своей стратегической концепции стремился во что бы то ни стало отыскать нужный ему для продолжения войны гласис[165] и вырвать инициативу из рук противника на Западе. С отчаянием игрока Гитлер пожертвовал ради этой бессмысленной затеи все силы и резервы, в которых так нуждался Восточный фронт. Таким образом, он стал основным виновником трагедии на востоке Германии.

Интересно, что население этих областей чувствовало себя в безопасности вплоть до самого последнего дня. Летнее наступление русских было остановлено на границе, удар по Восточной Пруссии был отбит с большими потерями для противника. Призыв к защите отечества вызвал в сердцах народа горячий отклик. В невыразимо трудных условиях в тыловых районах сооружались окопы и противотанковые заграждения, строились полевые укрепления. Создание фольксштурма внушало уверенность в собственные силы. Это объясняется тем, что люди не знали истинного положения на фронтах, они привыкли слышать только заверения гаулейтеров и рейхскомиссаров по организации обороны. Мероприятия по эвакуации, как якобы ненужные, были запрещены. Все были уверены, что непосредственной опасности нет.

Пробуждение было ужасным. Во многих населенных пунктах ничего не подозревавшие люди были застигнуты советскими войсками врасплох. Русские буквально упивались своей победой, а перед ними катилась волна ужаса и панического страха. Только теперь оживились дороги Восточной Германии. Несмотря на жестокий холод, население пыталось бежать, унося с собой свое имущество. Многие колонны беженцев были смяты и уничтожены русскими. Другие после нескольких недель ужасных скитаний также оказывались в руках русских где-нибудь между Вислой и Эльбой. Когда путь отступления на запад вдоль берега залива

Фришес-Гафф был прегражден выходом русских к Эльбингу, колонны беженцев двинулись по льду залива и, понеся большие потери, вышли на косу Фрише-Нерунг. По ней под обстрелом авиации и артиллерии противника бесконечный поток беженцев устремился на запад, через низовье Вислы, Западную Пруссию, Померанию в Мекленбург и Шлезвиг. Но и этот путь отступления в начале марта был перерезан ударом русских на Померанию. Для спасения оставался только один путь — море. С самого начала этого «великого бегства» все военные и торговые корабли были брошены на эвакуацию беженцев из Кенигсберга, Пиллау, Данцига, Готенхафена, Хеля, а позже и из портов Померанни.

На суше было не лучше: по дорогам между Одером и Эльбой шли сотни тысяч людей. Поэтому Дениц, ставший 30 апреля преемником Гитлера, продолжал оттягивать конец войны, чтобы дать возможность беженцам и отступающим войскам уйти за линию фронта западных союзников. Однако некоторых из них американцы не пустили на занятую ими территорию за Эльбой.

Трагедия Восточной Германии не закончилась капитуляцией. Поляки и чехи с согласия союзников насильственно выгнали всех оставшихся немцев из своих домов и потребовали их выселения в и без того переполненную народом и сильно сократившуюся территорию, оставшуюся от прежней Германии.

Можно ли было избежать катастрофы в Восточной Германии?

Катастрофа в Восточной и Западной Пруссии, в Померании и Силезии принесла населению неизмеримые страдания и вызвала огромное количество жертв. Она лишила Германию важных продовольственных баз и резко изменила этнологическое лицо Центральной Европы отнюдь не в пользу западного мира. В связи совсем этим возникает вопрос, можно ли было, после того как осенью 1944 года Германия оказалась зажатой в тиски, предотвратить или по крайней мере смягчить эту катастрофу?

Конечно, при концентрации всех сил и резервов фронт мог остановить наступление русских где-нибудь между Балтийским морем и Карпатами и сдерживать его при условии, что западный противник не будет этому мешать. Но, принимая во внимание заключенные между союзниками соглашения, на это вряд ли можно было рассчитывать. Вероятнее всего, что Эйзенхауэр, одержимый тогда идеей крестового похода, добился бы безоговорочной капитуляции и на Восточном фронте, как он сделал это 7 мая 1945 года в Реймсе[166] на Западном. Тогда, разумеется, трагедия на Востоке приняла бы другие формы, а в руки русских попало бы значительно меньшее количество немцев.

Однако не может быть никакого сомнения в том, что жертвы и потери при своевременно принятых мерах и достаточно гибком руководстве были бы значительно меньшими. Эвакуация могла быть начата и уж во всяком случае организационно подготовлена гораздо раньше, и тогда население было бы избавлено от многих страданий. Но руководство национал-социалистской партии гнало прочь даже самую мысль об этом, называя подобные настроения пораженчеством и трусостью. Руководству Германии следовало предоставить военному командованию гораздо большую свободу действий, дать ему возможность вести эластичную оборону, руководствуясь тактическими принципами экономии и сосредоточения сил, а не лишать его всякой свободы даже при решении тактических вопросов и не навязывать ему бесплодных приказов об удержании позиций, потерявших всякое значение. Это пошло бы на пользу как войскам, так и беженцам. Все эти ошибки лежат на совести Гитлера.

Безоговорочная капитуляция

Национал-социализм изобрел легенду об «ударе в спину» и сделал ее важнейшей составной частью своей пропаганды. Причину поражения нацисты видели не в истощении военного потенциала Германии, а в «измене тыла». Они были убеждены, что и преждевременная капитуляция была обусловлена слабостью командования. Из этих убеждений впоследствии возникло то самое «никогда», которое Гитлер вбивал немецкому народу и вооруженным силам на случай, если встанет вопрос о капитуляции.

Но судьба оказалась сильнее людей. В Сталинграде и Тунисе, в Нормандии и Кенигсберге, как и в других многочисленных «крепостях», получивших это название не за силу своей обороны, а по приказу Гитлера, пришел день, когда сопротивление обескровленных и отрезанных от тылов соединений было окончательно сломлено, потому что продолжение борьбы в военном отношении потеряло всякий смысл.

Гитлер уже не отрицал того факта, что это «никогда» не может быть распространено на весь народ (этим лозунгом можно воодушевить лишь отдельного человека или маленькую кучку заговорщиков), что оно является одним из тех требований, которым уже по своей природе никогда не суждено осуществиться. Но он уже слишком далеко завел немецкий народ по пути упорного нежелания покориться неизбежной судьбе. Сам он избежал развязки, лишив себя жизни. Но в своем завещании он призывал как народ, так и тех, кому он передавал власть, «продолжать войну всеми средствами».

Об этом завещании его преемник Дениц узнал лишь через несколько месяцев в камере Нюрнбергской тюрьмы. Однако, когда 30 апреля 1945 года на него были возложены обязанности рейхспрезидента и предоставлена полная свобода действий, о чем он узнал по радио, Дениц подумал, что Гитлер просто уходит в отставку, дабы «не мешать капитуляции». Поэтому свою задачу Дениц понял совершенно не так, как ее представлял себе Гитлер.

Это недоразумение, однако, почти не повлияло на события последней фазы войны. Теперь Дениц нес ответственность не только перед своей совестью, но и перед своим народом. Он выбрал путь. который считал наиболее правильным. Приняв на

себя командование всеми вооруженными силами, он решил как можно скорее окончить войну, чтобы не допустить новых бессмысленных жертв с обеих сторон. И все же согласиться с одновременной безоговорочной капитуляцией на всех фронтах, как этого требовал противник, он не мог. Не мог. потому что на Востоке капитуляция привела бы к потере новых миллионов немцев. А его целью было спасти их. Он заявил об этом 1 мая в своем обращении по радио к немецкому народу вполне открыто: «…я считаю своей первой задачей спасти немецких людей от уничтожения наступающими войсками большевиков. Вооруженная борьба продолжается сейчас только ради этой цели. Пока и поскольку англичане и американцы будут мешать нам выполнять эту задачу, до тех пор мы будем бороться и против них. При этом англо-американцы станут продолжать войну уже не ради собственных интересов, а за распространение в Европе большевизма…»

Горькую истину этого заявления западные союзники в то время еще не понимали. Напротив, главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Европе всеми силами способствовал тому, чтобы сломить сопротивление немцев также и на Востоке. Уже через день после речи Деница английские и американские войска прорвались от Эльбы к Балтийскому морю в районе Любека и Висмара на территорию будущей Восточной зоны и этим самым закрыли последние ворота, через которые шел на Запад поток беженцев. Теперь все зависело от того, окажутся ли англичане и американцы столь благожелательно настроенными, чтобы пропустить беженцев в Западную Германию. Поэтому вполне понятно, что борьба против них потеряла всякий смысл. И как раз в этот момент Дениц приказал своим войскам на Западе капитулировать.

Перед этим он обстоятельно продумал, нельзя ли как-нибудь избежать официальной капитуляции и заменить ее простым прекращением борьбы. Из всего того, что было высказано относительно этой проблемы, верх одержали долг перед войсками и обязательства, данные победителями.

Немецкий солдат давал присягу подчиняться Адольфу Гитлеру как «фюреру германской империи и народа и верховному главнокомандующему германских вооруженных сил». И если смена глав правительства не освобождала немецких солдат от выполнения своих обязанностей, то все же формально со смертью Гитлера действие присяги прекращалось. Дениц совершенно

правильно рассчитал, что, если он вообще не хочет потерять влияние в войсках, ему ни в коем случае нельзя отказываться от этого самого действенного средства. Поэтому в своем приказе войскам от 1 мая 1945 года он объявил, что принимает на себя ту присягу, которую войска дали его предшественнику. Он рассматривал клятву не как одностороннее обязательство солдат, данное своему фюреру, но и как обязательство для себя самого по отношению к войскам. Он объявил, что будет требовать выполнения присяги только тогда, когда после проверки это требование окажется оправданным.

Если бы он отказался принять решение прекратить борьбу и предоставил бы это низшим инстанциям, такой путь должен был бы неизбежно привести к совершенно иным результатам. Даже в мае 1945 года находились еще отдельные солдаты и даже целые части, которые были готовы выполнять присягу, сражаясь до последнего дыхания. Настроенные таким образом неизбежно должны были сталкиваться с элементами, способствующими моральному разложению войск и народа, равно как и с людьми более благоразумными, что, конечно, могло привести к серьезным противоречиям в войсках и народе, к гражданской войне, к хаосу. Помешать этому Дениц считал возможным только путем военной капитуляции, организованной и направляемой сверху.

Наряду с этими соображениями чисто военного характера не менее важными представлялись и соображения политические. Германское правительство опасалось, что если капитуляция не станет официальным актом, то этим самым победителям будет дан повод увековечить состояние войны и предоставлена возможность творить гораздо больший произвол, чем они могли себе позволить при наличии подписанного «акта» о капитуляции. Предполагалось, что такая «молчаливая» капитуляция позволит противнику быстрее ликвидировать политический режим данного государства, согласно нормам международного права, нежели официальный акт о капитуляции, совершенно исключающий всякую возможность апеллировать к международному праву. Поэтому германское правительство считало, что требование Германии относиться к ней с учетом существующих положений международного права будет выполнено только таким образом.

Чтобы выиграть время на Востоке и оттянуть там капитуляцию, Дениц решился осуществить частичную капитуляцию на Западе. Этому замыслу вполне соответствовала и

прошедшая без ведома Деница капитуляция группы армий «Юго-Запад» в Северной Италии, начавшаяся 2 мая. 4 мая в ставке фельдмаршала Монтгомери генерал-адмирал Фридебург подписал безоговорочную капитуляцию всех германских вооруженных сил, находившихся в Голландии, Дании и на северо-западе Германии. Утром 5 мая боевые действия были прекращены. В тот же день капитулировала и группа армий «Г», сражавшаяся на территории Южной Германии против 6-й американской группы армий.

Ободренный тем, что его план частичной капитуляции претворяется в жизнь, Дениц послал сначала Фридебурга, а затем дополнительно генерал-полковника Иодля к генералу Эйзенхауэру, чтобы там заявить о капитуляции остальных немецких войск на всех западных театрах военных действий. Его план провалился из-за позиции, занятой Эйзенхауэром, который решил не принимать никаких предложений германских парламентеров. Ни отчаянное положение немецких беженцев, ни уверения немцев в том, что капитуляции на Востоке не допустят сами воюющие там немецкие солдаты, не могли заставить Эйзенхауэра отменить принятое им политическое решение. Он настаивал на немедленной безоговорочной капитуляции немцев на всех фронтах, в том числе и на русском. Но для германского командования принятие этого требования было равносильно «измене войскам Восточного фронта», поэтому оно упорно стояло на своем. Тогда Эйзенхауэр стал на путь запугивания, грозя немедленно и наглухо закрыть демаркационную линию для каждого немца и возобновить воздушные бомбардировки неоккупированных еще городов Северной Германии. 7 мая в 2 часа 41 мин. ночи Иодль от имени германского верховного командования подписал безоговорочную капитуляцию всех германских вооруженных сил как на Востоке, так и на Западе. 9 мая 1945 года в 0 часов по среднеевропейскому летнему времени акт о безоговорочной капитуляции немцев вступил в силу. Шестнадцатью минутами позже делегация главного штаба германских вооруженных сил. возглавляемая Кейтелем, подписала в Карлсхорсте вторичный акт о капитуляции, официально датированный 8 мая 1945 года.

До сих пор еще окончательно не выяснено, какой из этих актов является основным: подписанный в Реймсе или в Берлине? В то время как западные союзники и германское правительство рассматривали второе подписание акта о капитуляции только как «ратификацию» документа, подписанного в Реймсе, русские

видели в нем нечто гораздо большее. Они предприняли в Берлине основательную проверку положений о капитуляции и внесли в них некоторые изменения. Немецкие представители подписали эти измененные положения, ибо они нисколько не сомневались, что речь идет о чисто военной капитуляции.

О драме, которая разыгралась за кулисами союза стран-победительниц из-за текста этого акта, общественность узнала лишь через несколько лет после окончания войны, и то далеко не полностью. Еще осенью 1943 года союзники создали специальную Европейскую консультативную комиссию с задачей разработки условий капитуляции Германии. Подготовленный ею проект предусматривал наряду с подписанием военной капитуляции также и безоговорочную государственную капитуляцию. Понимая, что германское правительство не согласится на подобные требования, Эйзенхауэр решил заменить подготовленный уже политический акт документом о чисто военной капитуляции, который и был подписан немецкими представителями. Как утверждают союзники, к этому решению Эйзенхауэр пришел только 5 мая, то есть в самый день переговоров. Этим актом была прекращена вооруженная борьба и сохранены жизни многих людей на той и другой стороне. Однако политикам и юристам Эйзенхауэр задал своим решением настоящую головоломку.

Документы касались, как явствует из текста и подписей, только германских вооруженных сил. Представители германского правительства не только не участвовали в переговорах, но даже не были приглашены на них ни одним противником. В пункте 4-м акта о капитуляции было даже сказано, что данное заявление не является преюдициальным для последующего за ним полного акта, содержащего все условия капитуляции Германии и ее вооруженных сил. Однако германское правительство никогда не получало полного перечня условий капитуляции, и уж конечно не признавало и не подписывало его.

В своих комментариях противники пытались превратить вышеупомянутый пункт акта в юридическое доказательство государственно-правовой капитуляции Германии. Этот аргумент с исторической точки зрения никуда не годится, так как полномочия германских парламентеров были четко и ясно ограничены только военной областью. Они действовали исключительно «по поручению и от имени верховного командования германских вооруженных сил». Даже если бы они были предупреждены о двусмысленном характере пункта 4 (чего,

однако, не случилось), то и тогда их подписи могли иметь силу только в рамках их полномочий.

5 июня 1945 года на объединенном заседании командующих союзными войсками этот «отсутствующий» документ о государственно-правовой капитуляции Германии был заменен следующим односторонним заявлением:

«Германские вооруженные силы на суше, на воде и в воздухе полностью разбиты и безоговорочно капитулировали. Германия, которая несет ответственность за войну, неспособна больше противостоять воле государств-победителей. Безоговорочная капитуляция является ныне свершившимся фактом, и потому Германия обязана подчиняться всем требованиям, которые будут предъявлены ей теперь или позднее».

Поэтому ради восстановления исторической истины следует отметить, что те изменения в структуре и границах германского государства, внести которые победители чувствовали себя обязанными, а может быть даже и правомочными, не нашли никакого правового выражения в аутентичных документах о капитуляции.

Правительство Деница

«Закон о главе правительства германской империи» от 1 августа 1934 года передавал полномочия рейхспрезидента и рейхсканцлера одному лицу — Гитлеру. Этот же закон давал Гитлеру и право назначать своего заместителя. Не встретив никаких возражений, он расширил рамки этого закона тем, что в своем заявлении, сделанном в рейхстаге 1 сентября 1939 года, сделал своим преемником Германа Геринга. Однако 23 апреля 1945 года Гитлер обвинил Геринга в измене, освободил от всех занимаемых постов и приказал его арестовать. В завещании, написанном 29 апреля 1945 года, вместо Геринга преемником Гитлера назначался гросс-адмирал Дениц. Здесь же указывались и фамилии членов нового правительства, которому, однако, так и не пришлось вступить в свои права.

Текста завещания Гитлера Дениц не получил. О своем назначении преемником Гитлера он узнал 30 апреля из радиограммы, где ему предлагалось «немедленно взять на себя организацию и проведение всех мероприятий, сообразно создавшейся обстановке». Из этой формулировки Дениц понял, что ему предоставлена полная свобода действия. Поэтому он не счел себя обязанным подчиняться тем директивам, которые днем позже были переданы ему по радио из Берлина.

Он сразу же отыскал наиболее правильный курс, которого решил придерживаться до конца. Зная о том, что спасти немецких беженцев с Востока можно только путем переговоров с Западом и что для этого нужно иметь определенный аппарат, он полностью освободился от всех партийно-политических обязанностей и поручил графу фон Крозигу сформировать кабинет министров. В него наряду с фон Крозигом вошли в качестве министров: Шпеер, Баке. д-р Зельдте, д-р Дорпмюллер и в качестве государственных секретарей д-р Штукарт и Клемм. Хотя Германия стояла накануне поражения, нужно было создать новое правительство, потому что несвоевременное опубликование указанного Гитлером в завещании состава кабинета могло вызвать общее замешательство, а также и потому, что отказ от формирования правительства мог быть воспринят противником как государственно-правовая капитуляция и, следовательно, как законное основание для образования противником на территории Германии военного правительства.

После капитуляции германских вооруженных сил противник оккупировал всю Германию, однако маленький анклав в Фленсбурге, где находилась резиденция германского правительства, остался нетронутым. Лишенное всякой возможности осуществлять какую-либо исполнительную власть, правительство видело свою задачу лишь в том, чтобы, пусть на бумаге, разрабатывать задачи, которые могли бы облегчить бедственное положение народа, выбитого из колеи и потерявшего всякое представление о порядке. Министры нового кабинета Шпеер (министр экономики), д-р Дорпмюллер (министр транспорта) и Баке (министр продовольствия) имели не только богатый собственный опыт, но и располагали конкретными данными и вспомогательными силами.

При разработке всех мероприятий, направленных на ликвидацию хаоса и последствий военной разрухи, новое правительство руководствовалось не тем, что оно практически сможет уменьшить страдания беженцев, восстановить транспорт, оживить экономику или решить продовольственную проблему. Для него важно было лишь подготовить проведение этих мероприятий независимо от того, кем они будут осуществляться. Поэтому оно приветствовало появление в Фленсбурге представителей Союзной контрольной комиссии, среди которых было много специалистов в области военной администрации. Вскоре между комиссией и новыми германскими министрами наладилась оживленная деловая связь. Все мероприятия, выработанные в ходе подготовительной работы кабинета, получили свое выражение в виде различных меморандумов и протоколов.

Таким образом, правительство Деница надеялось оказать хотя бы косвенную помощь своему народу. Эта надежда усилилась, когда министры Баке и Дорпмюллер, согласившись на предложение союзников использовать их для более важной работы, в середине мая вылетели из Фленсбурга. Но не успел их самолет сделать посадку, как они тотчас же были арестованы. Дух плана Моргентау был в то время значительно сильнее, чем понимание насущных задач, ждущих своего разрешения в Германии. Вскоре, однако, враждебность союзников уступила место готовности оказать любую помощь, благодаря чему экономика Западной Германии была спасена от полной разрухи, а ее население — от голодной смерти.

Несмотря на все разочарование, которое западные

противники вызвали в немецком народе своими действиями во время вторжения, оккупации и проведения первых послевоенных мероприятий, Дениц стоял за полную и последовательную ориентацию Германии на Запад. Поэтому его исключительно угнетала та беззаботность, с которой Запад смотрел на большевистскую опасность. Он и его сотрудники пытались при всякой возможности информировать своих западных партнеров об опыте, полученном немцами в борьбе с большевизмом. Но для их предложений в то время еще не было достаточно благоприятной почвы. Надежды на более дальновидную политику западных держав, питаемые сочувственным отношением Монтгомери к вопросу о капитуляции и отводе германских войск на территорию западных союзников, пока еще были бесплодны.

23 мая 1945 года по приказу Эйзенхауэра, согласованному с советским верховным командованием, германское правительство было расформировано и арестовано. Арест был произведен военной полицией совместно с представителями 11-й английской танковой дивизии в самой недостойной и унизительной форме.

Еще задолго до ареста Дениц принял решение не уходить добровольно в отставку, так как это могло нежелательно отразиться на его авторитете. Он остался на своем посту, потому что пост главы правительства являлся воплощением незыблемости и суверенитета германской империи и потому что статья 51 Веймарской конституции юридически не допускала прекращения этой функции.

Правительство Деница просуществовало 23 дня. Несмотря на то, что оно было лишено всякой силы, ему удалось добиться, что:

1) окончанию войны, учитывая те условия, в которых оно проходило, сопутствовал удивительный порядок; беспокойства и различные эксцессы, вызывавшие лишние жертвы, наблюдались исключительно редко;

2) свыше двух миллионов людей успело в мае 1945 года достичь спасительных границ западных зон;

3) пожар войны не перебросился на оккупированные немецкими войсками области за пределами Германии: Норвегию, Данию и Голландию, которые были избавлены от последних актов насилия со стороны немецких войск, вызванных их отчаянным положением;

4) несмотря на поражение Германии, германскому народу было сохранено право на суверенность и целостность своего государства.

Нам известны далеко не все источники, которые могут пролить свет на причины и внутреннюю взаимосвязь событий во время и после поражения Германии, а также показать степень влияния ее поражения на Европу и на весь мир. Поэтому вполне возможно, что в будущем та или иная из рассмотренных нами проблем будет как-то дополнена и даже изменена. Однако уже сейчас представляется вполне справедливым тот вывод, что требование безоговорочной капитуляции, с одной стороны, и ответное «никогда» — с другой, вызванное слепым фанатизмом, раздули мировой пожар настолько сильно, что он сам оказался бессмысленным как в военном, так и в политическом отношении и превратился в сущий ад.

Проф. Гельмут Арнтц

Людские потери во Второй мировой войне

В ходе двух мировых войн человечество понесло огромный ущерб, превышающий все обычные понятия, которыми оперирует финансовая и экономическая статистика. На фоне тех цифр, которые отражают материальные потери того или иного народа, выразившиеся в бесконечных разрушениях, демонтаже, репарациях и т. п., потери в людях могут показаться менее значительными, тем более, что они автоматически восполняются избытком рождаемости, появляющимся после всякой войны, и естественным движением населения. Между тем подобные суждения представляются слишком поверхностными. Человечество всегда и вполне справедливо считало своей основной потерей людей, убитых и раненных во время войны. Каждый убитый означает невосполнимую утрату для народа, всякая утрата означает печаль и сострадание его родственников; уничтожение человека, в отличие от уничтожения материальных ценностей, оставляет открытыми последние вопросы жизни и смерти, становящиеся еще более острыми, если эта смерть наступила не естественно, а была обусловлена другими людьми.

Два раза за жизнь одного поколения смерть собрала такой обильный урожай, последствия которого долгое время ощущались и будут ощущаться всем миром, и в особенности странами Западной Европы с их низким процентом рождаемости. Потери понесла не только каждая семья, но и весь западный мир. В связи с этим часто предпринимаются попытки определить степень ослабления народов, пострадавших от войн. В отношении потерь немецкого народа, то есть населения территории Германии в границах 1937 года и немцев из других стран, загнанных во все четыре оккупационные зоны, Федеральное статистическое управление на протяжении вот уже целого ряда лет стремится получить более точные цифры.[167]

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА НАСЕЛЕНИЯ (В ТЫС.) ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН, УЧАСТВОВАВШИХ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (КРОМЕ ГЕРМАНИИ И СОВЕТСКОГО СОЮЗА)

Страны	Население в 1938 г.	Естественный прирост с 1938 по 1947 г.	Естественная убыль за период с 1938 по 1947 гг.	Погибло на войне		Прочие потери населения {1}	Население в 1947 году
				Военнослужащих	Гражданского населения		
Австрия	6653	1070	—872	—230	—104	512[2}	7029
Англия	47814	7360	—5220	—326	—62	87	49653
Бельгия	8386	1111	—960	—12	—76	62	8511
Болгария	6270	1350	—820	—10	—10	320{3}	7100
Венгрия	9200	1612	—1199	—140	—280	—5	9188
Голландия	8729	1929	—772	—12	—198	38	9714
Греция	7180	1610	—1040	—20	—140	—	7590
Дания	3794	750	—362	—0,4	—1	58	4239
Италия	43780	8590	—5600	—330	—80	—750[4}	45510
Люксембург	301	40	—31	—4	—1	16	289
Норвегия	2926	513	—269	—6	—4	—	3160
Польша	43800	4400	—3600	—100	—4200{5}	—7600{6}	23700
Румыния	19850	3620	—2910	—200	—260	—4350{7}	15750
Финляндия	3697	760	—434	—82	—2	—4	3935
Франция	41680	5844	—5741	—250	—350	422	41605
Чехословакия	15310	2656	—1823	—150	—215	—3515{8}	12263

[1} Перемещённые лица и т. д.(+); не возвратившиеся военнопленные (—) до 1947 г.

[2} Главным образом за счёт вселения немцев негерманского происхождения и 167 тыс. иностранцев.

[3} В связи с увеличением территории.

[4} В связи с уменьшением территории.

[5} К этому следует прибавить ещё 1,5 млн. человек, погибших во время восстаний в восточных провинциях Польши (теперь — территория СССР).

[6} Из них 3,6 млн. человек в связи с потерей территории на Востоке.

[7} Из них 4180 тыс. в связи с потерей территории.

[8} Из них 700 тыс. в связи с потерей территории.

[9} Сокращение населения на 440 тыс. ч еловек компенсируется приростом на 700 тыс. в результате увеличения территории.

Потери Германии в первой мировой войне могут быть определены значительно легче, чем потери во второй мировой войне, ибо в конце последней немцы, проживавшие в восточных областях Германии и в других странах, были изгнаны оттуда, а

все документы, акты и другие материалы — уничтожены. Затрудняет определение потерь и то, что все имперские ведомства прекратили свою деятельность, что большое количество немецких граждан оказалось угнанным на Восток и что совершенно неизвестна судьба немцев, пропавших без вести или находившихся в плену на Востоке. Поэтому все цифры, относящиеся к второй мировой войне, должны оцениваться с учетом вышеуказанных моментов. При этом, разумеется, такие данные, как численность населения в 1939 году и современная численность (вместе с рядом других показателей), позволяют сузить пределы ошибок до весьма незначительных величин.

Потери германских вооруженных сил убитыми и умершими от ран и болезней в 1914–1918 годах, включая дополнительные сведения об умерших (до 31 декабря 1933 года), составили 1 936 897 человек.[168] Из них на военно-морской флот приходится 34 836 человек, а на бывшие колонии — 1185 человек. Если к этому прибавить и 100 тыс. человек, пропавших без вести, то общие потери германских вооруженных сил в 1914–1918 годах составили 2 036 897 человек.

Количество гражданских лиц, погибших в Германии в результате военных действий во время первой мировой войны, не слишком велико, если принять во внимание, что во всем мире эти потери не превышают 500 тыс. человек. Таким образом, совершенно очевидной становится резкая разница между количеством гражданских лиц, убитых в первую и во вторую мировые войны.

Потери вооруженных сил всех остальных воюющих стран в первую мировую войну оцениваются в 7200 тыс. человек. Общие же потери человечества в войне 1914–1918 годов составили около 9700 тыс. человек.

* * *

Потери немецкого народа во второй мировой войне, вызванные непосредственно боевыми действиями, достигают примерно 6500 тыс. человек. Вооруженные силы Германии (в границах 1937 года) потеряли (все последующие цифры взяты из внушающих доверие источников) 3050 тыс. убитыми. Из них около 1650 тыс. зарегистрированы документально до октября 1946 года. Остальные 1400 тыс. приходятся на долю пропавших без вести и военнопленных. В конце 1946 года ожидалось

возвращение в Германию 1900 тыс. военнопленных, однако количество пропавших без вести военнослужащих равнялось всего 1600 тыс. человек. По оценкам экспертов службы розыска, около 400 тыс. человек из общего числа военнопленных следует считать погибшими и 800 тыс. — умершими в плену. Таким образом, общие потери вооруженных сил убитыми и умершими в плену составляют 2650 тыс. человек. Остальная часть солдат — около 200 тыс. человек, находящихся в плену и пропавших без вести в Советском Союзе, — судя по позиции, занятой советским правительством, в Германию больше не вернется.[169]

К этому общему числу потерь следует прибавить и всех убитых солдат из судетских немцев и немцев, проживавших за пределами Германии, которые стали собственно немецкими гражданами только с 1944 года, когда им пришлось покинуть свой дом и перейти на территорию Германии (данные по Австрии в эти цифры не входят). Общее количество погибших немецких солдат негерманского происхождения составляет 200 тыс. человек. Таким образом, общая цифра потерь (только немцы) германских вооруженных сил во второй мировой войне равняется 3250 тыс. человек.

Потери среди гражданского населения Германии могут быть подразделены на потери, вызванные боевыми действиями, главным образом воздушной войной, и потери, связанные с изгнанием немцев, живших в аннексированных впоследствии областях и за пределами Германии. О количестве убитых в результате воздушных бомбардировок имеется много весьма преувеличенных данных. Однако общая цифра жертв воздушной войны приближается к 500 тыс. человек, то есть к общей цифре потерь гражданского населения во всех странах в первую мировую войну. Необходимо при этом учесть, что в последнюю цифру включены только убитые из числа немцев, проживавших в теперешних четырех зонах оккупации, и что в нее не входят жители Восточной Германии, ставшие жертвами воздушных налетов во время эвакуации на Запад. По данным Госдепартамента США, один лишь налет на Дрезден 13 февраля 1945 года вызвал 250 тыс. жертв. В большом количестве потерь среди гражданского населения и заключается коренное изменение принципов ведения современной войны.

Несравненно б**о**льшими и в связи с обстановкой более трагическими были потери среди гражданского населения восточных провинций Германии во время насильственного

выселения в 1944–1946 годах; 1550 тыс. человек, пропавших без вести (за исключением лиц, перемещенных в Советский Союз), следует считать погибшими. Ориентировочная цифра в 1 млн. немцев, погибших во время изгнания их из Румынии, Венгрии, Югославии, Чехословакии и Польши, а также вывезенных в Советский Союз, лишь немного уступает предыдущей цифре. Таким образом, количество убитых и пропавших без вести среди немецкого гражданского населения составляет Свыше 3 млн. человек, то есть приближается к общей цифре потерь германских вооруженных сил. Оно будет еще большим и превзойдет потери вооруженных сил, если сюда прибавить 300 тыс. немцев (в том числе 170 тыс. немецких евреев), которые в годы войны лишились жизни в результате преследований расового, религиозного или политического характера, предпринимавшихся органами Третьего рейха. В вышеуказанные цифры потерь среди немецкого гражданского населения не включены, кроме того, потери немцев Поволжья и прочих групп немецкого населения, проживавших еще до войны в Советском Союзе. Этих данных невозможно получить даже путем приблизительного подсчета.

Из 16,5 млн. немцев и лиц, относящихся к группам немецкого населения, проживавших до 1944 года в провинциях Германии, расположенных восточное Одера и Нейса, а также в Данциге, Мемеле, Польше, Румынии, Венгрии. Югославии и Чехословакии, около 2 млн. человек вначале задерживались противником в этих областях в принудительном порядке. Согласно последним приблизительным данным, количество немцев, оставленных поляками в неприкосновенности на территории управляемых ими восточных областей Германии, составляет 1120 тыс. человек, которые распределяются там следующим образом (в тыс. человек):

Восточный Бранденбург — 45
Силезия — 450
Померания — 175
Юго-Восточная Пруссия — 200
Западная Пруссия —140
Вартеланд — 110

В управляемой Советским Союзом северной части Восточной Пруссии немцев, по-видимому, больше не осталось.

Таким образом, в общей сложности потери немцев составляют 6,5 млн. человек. Значительная часть их — это люди

молодого и среднего возраста, совершенно незаменимые в экономике страны. Из 2010 тыс. солдат и гражданских лиц, получивших ранения, большая часть стала инвалидами с ограниченной степенью пригодности. На территории одной лишь Германской Федеральной Республики живут ровно 2 млн. инвалидов войны; из них всего 470 тыс. потеряли трудоспособность менее чем на 25 %.

Цифра 6,5 млн., как уже было сказано, определена по материалам самого различного происхождения. Поэтому следует особенно подчеркнуть, что отдельные статистические данные нуждаются в уточнении и фактическое число потерь может оказаться еще большим.

Попытка сопоставить потери немцев с потерями всего остального мира наталкивается, как и в первую мировую войну, на большие трудности, заключающиеся в отсутствии точных данных о потерях Советского Союза. Поскольку в последней войне на его долю приходится значительная часть людских потерь, а имеющиеся данные, в противоположность Германии, не опираются на фактические доказательства, возможность ошибок в общем результате не исключена. Эти цифры колеблются между 7 и 40 млн., причем четкого разделения потерь вооруженных сил и гражданского населения в них не существует.

По мнению Фрумкина,[170] который, как полагает Федеральное статистическое управление, располагает наилучшим из имеющихся в настоящее время материалов, все же наиболее достоверными данными являются данные полковника Калинова.[171] Находясь до 1949 года в аппарате Советской военной администрации в Берлине, этот полковник имел доступ к секретным советским документам. Калинов сообщил, что Советский Союз потерял убитыми 13,6 млн. человек; в том числе (в млн.):

Погибшими и пропавшими без вести — 8,5
Умершими от ран — 2,5
Погибшими в плену — 2,6

Из этих данных следует, что речь идет только о потерях советских вооруженных сил. Определить потери среди гражданского населения России можно опять-таки лишь приблизительно. Возможно, что общая цифра потерь, понесенных Советским Союзом в результате оккупации и вывоза рабочей

силы, составившая, как указывал Сталин 13 марта 1946 года,[172] 7 млн. человек, вполне соответствует действительности, так как потери среди гражданского населения стран Восточной и Юго-Восточной Европы с 1939 по 1945 год составляют примерно 8010 тыс. человек.[173] По этим данным, однако, нельзя судить о том, каковы были потери среди гражданского населения в восточных районах Польши, аннексированных Советским Союзом в 1939 году, и входят ли они в эти 7 млн. человек. Таким образом, 20 млн. человек — это наиболее приближающаяся к истине цифра общих потерь[174] Советского Союза во второй мировой войне.

В общем сумма потерь немецкого и русского (в широком смысле) народов составляет около 10 % всего населения Германии и России. Еще большие общие потери понесли: Польша — 5,9 млн. человек и Югославия — 2 млн. человек (в 1938 году население этих стран составляло соответственно 34,8 млн. и 15490 тыс. человек).

Вооруженные силы Италии и Австрии потеряли 560 тыс. человек, гражданское население — 190 тыс. человек, а вооруженные силы западноевропейских союзников — 610 тыс. человек. Потери среди гражданского населения этих стран равны 690 тыс. человек. Вооруженные силы стран Восточной и Юго-Восточной Европы (без Советского Союза) потеряли убитыми 1 млн. человек. Выходит, что Европа лишилась во второй мировой войне (опять-таки без Советского Союза) 17,91 млн. человек.

Для сравнения укажем, что население Европы (без Советского Союза) в конце 1938 года равнялось 393.9 млн. человек, а в конце 1945 года — 377,45 млн. человек. В то же время естественный прирост населения составил 50,2 млн. человек, а сокращение населения в результате естественной смерти — 37,9 млн. человек. Таким образом, не будь войны и переселения народов, которое, впрочем, почти не влияло на рост населения, Европа за эти годы увеличила бы свое население на 12,3 млн. человек, а если еще принять во внимание все случаи абортов, вызванных тяжелыми условиями войны, то можно с уверенностью сказать, что население Европы превысило бы 410 млн. человек.

Население всех вышеперечисленных стран составляло в 1947 году 264 млн. 936 тыс. человек против 275 млн. 860 тыс. в 1938 году, то есть сократилось почти на 11 млн. человек (более чем на 3,5 %). Это сокращение произошло вследствие потерь вооруженных сил, составивших 2172 тыс. человек, гражданского

населения — 7383 тыс. человек, а также вследствие прочих изменений в составе населения, вызванных войной и уменьшивших население Европы на 14 481 тыс. человек. В этот баланс потерь Европы не входят, однако, потери двух стран, понесших в последней войне основные потери в людях: Германии и Советского Союза (европейская часть).

Сравнение со странами, которые не участвовали в войне (Ирландия, Португалия, Швеция, Швейцария и Испания). показывает, насколько сильно изменилось население Европы в результате второй мировой войны. В 1938 году они имели население в 46 542 тыс., а в 1947 году — 49 715 тыс. человек, то есть за этот период оно увеличилось на 3173 тыс. человек, что составило больше 6,5 %.

* * *

Вооруженные силы Соединенных Штатов Америки потеряли 229 тыс. человек убитыми, из них 174 тыс. на европейском и североафриканском и 55 тыс. на восточно-азиатском театрах военных действий.

На весь остальной мир, и в частности на Восточную Азию, приходится приблизительно 7,6 млн. убитых солдат и 6 млн. убитых среди гражданского населения. По самым последним данным, число убитых здесь достигает 13,8 млн. человек. Претендовать на абсолютную точность эта цифра, разумеется, не может уже потому, что в 1945 году война в Восточной Азии не была закончена (борьба продолжалась в Китае, Малайе и других странах), а также потому, что количество людей, умерших от чумы и пр., в сравнении с потерями в результате военных действий не поддается точному исчислению. К указанному выше общему количеству погибших необходимо прибавить также и всех пропавших без вести, число которых (смотри выше) без количества немцев, пропавших без вести, составляет около 5 млн. человек. Можно предположить, что по меньшей мере 3 млн. из них убиты.

Таким образом, общие потери, составляющие 55 млн. убитых, распределяются главным образом на три основных театра военных действий: европейский, русский и восточно-азиатский. Если сопоставить цифры потерь с общим количеством населения и цифрами естественного прироста населения трех основных районов земного шара, то даже после вычета всех неевропейцев,

убитых в европейской войне, перед нами предстанет картина биологического упадка западных народов, уже обессиленных в результате первой мировой войны. Сокращение рождаемости в годы войны также служит общему ослаблению Запада. Но настоящей трагедией западных стран является то, что они ослабли в ходе борьбы друг против друга.

Количество раненых (в первую мировую войну — 21,1 млн.) во второй мировой войне составило 35 млн. человек.[175] В обеих мировых войнах под ружьем побывало около 170 млн. человек, из них более чем 36 млн. погибло, а 5 млн. пропало без вести. Свыше 56 млн. человек было ранено. В этот же период в результате боевых действий было убито 25 млн. человек гражданского населения.

* * *

Читатель, напуганный и потрясенный этими цифрами, хотел бы в конце статьи увидеть заверение в том, что эти жертвы были не напрасными и что они никогда более не повторятся. Он хотел бы, чтобы автор, с одной стороны, встал в положение историка, беспристрастно оценивающего события прошлого, а с другой — в положение пророка, которым историк отнюдь не может быть.

Причины военных конфликтов различны. В ходе истории народы, обманутые и введенные в заблуждение своими правительствами, не раз бывали втянутыми в несправедливые войны. Но ни один народ никогда не начинал войну просто ради убийства и грабежа; всегда и во все времена солдат действовал из убеждения, что он жертвует своей жизнью и здоровьем ради такой цели, которая целиком оправдывает эту жертву. Величие его поступков придает извечному спору о том, следует ли избегать войн и являются ли их мотивы всегда правильными или же история должна пойти по какому-то иному пути, почти академический характер.

События, имевшие место перед войной, во время войны и после нее, показали миллионам людей, что жизнь сама по себе еще ничего не значит, если нельзя жить свободно. Но они показали также и то, что свобода, которую решили защищать только на словах, не является настоящей свободой. Есть только одно средство избавиться от скрытой угрозы войны, и оно заключается в силе и спаянности всех свободных народов, которые после раскола, происшедшего за последние десять лет,

находятся сейчас на пути к окончательному объединению.

Генерал в отставке Хассо фон Мантейфель

На переломе

Перед нами, подобно разноцветным кускам большой мозаичной картины, прошли отдельные главы настоящей книги, и каждая из них представляет собой отчетный доклад о накопленном опыте и уроках, извлеченных из событий второй мировой войны, доклад, обнимающий какую-либо одну конкретную область жизни. Дорогой ценой заплатили мы за то, чтобы научиться вести маневренную войну (особенно в России), чтобы понять исключительное стратегическое значение средиземноморского театра военных действий, чтобы, наконец, осознать те особенности ведения войны в России, с которыми столь роковым образом встречались все наступавшие здесь, будь то Карл XII, Наполеон или Гитлер. Впервые за всю историю войн партизанская борьба приобрела совершенно небывалые размеры, поразив всех и опрокинув все имеющиеся положения и нормы права своей трезвой и суровой реальностью. И нет никаких гарантий, что такая борьба не повторится в будущем. Хорошо освещены в книге различные проблемы, которые в то или иное время возникали перед штабом оперативного руководства войной на море в вопросах использования тяжелых кораблей и подводных лодок против господствующих на море держав. Понятными становятся также и те причины, по которым прекрасная немецкая авиация, с одной стороны, могла стать решающим фактором молниеносных войн, а с другой — во второй фазе войны превратилась в фактор, мешавший успешной борьбе. Большое место в книге отведено парашютным войскам. Это сделано не только потому, что их появление в этой войне явилось новшеством, но и потому, что в будущих войнах операциям воздушно-десантных войск, к которым относятся и парашютные войска, и их взаимодействию с бронированными подвижными соединениями будет придаваться исключительно большое значение. Не менее важным было показать и колоссальную революционизирующую роль военной техники и одновременно доказать, что там, где люди слепо следовали устаревшим традициям и из-за этого недооценивали возможности использования современной техники на поле боя, чаще всего войска теряли превосходство, несли потери и терпели поражение. Но эти возможности техники можно было использовать только в том случае, если политические и военные руководители страны постоянно направляли и регулировали развитие науки и военной промышленности, если силы и средства народа правильно распределялись и использовались в масштабах, необходимых для

четкого ведения войны.

Теперь уже нам всем становится ясно, что в условиях современных войн прежнее различие между военным и гражданским секторами совершенно неприменимо и что из-за недооценки того, что раньше называлось «гражданским», мы вынуждены были испытать много самых различных неприятностей. Поэтому итоги второй мировой войны были бы неполными без отчетов об опыте, полученном экономикой, промышленностью, органами снабжения, транспорта, финансов, равно как и без описания достижений в области психологического воздействия, которое дало возможность бросить на чашу весов — то ли к счастью, то ли к несчастью — все духовные силы нашего народа.

Мы рассмотрели по частям всю картину прошедшего исторического события. В заключение хочется сделать несколько шагов назад, чтобы увидеть ее всю целиком, чтобы за многими деталями и отдельными штрихами не упустить главного, не проглядеть основных признаков превращения мира, овладеть ими и уметь легко ориентироваться в них. В этом состоит основная задача немцев, живущих в середине XX века.

Преобразованный мир

1. Вторая мировая война завершила собой период развития, начавшийся не в 1939 и не в 1933, а в 1914 году. Попав в сети противоречивых идей национализма, европейские народы оказались втянутыми в братоубийственные войны, исход которых пришлось решать не им самим, а чуждым Европе державам и континентам. Результатом обеих европейских войн, которые каждый раз превращались в мировые, является то, что вся Европа в целом, а не только побежденные, лишилась своей руководящей функции, которой она обладала в течение нескольких веков. Европа перестала быть центром мира. Та Европа, в которой наследие античной культуры в сочетании с христианством привело вначале к средневековью, а затем, подобно вулкану, извергало из своих плодотворных недр одну за другой такие эпохи, как Ренессанс, Реформацию, Просвещение, Французскую революцию, гуманизм XVIII века, современный либерализм, эпоху естественных наук и, наконец, преобразующую весь мир эпоху технического прогресса; та Европа, с берегов которой путешественники, исследователи и колонизаторы отправлялись во все страны света, открывали новые континенты, проникали в них и отчасти преобразовывали их; та Европа, чья культура, цивилизация и экономика распространяли свои лучи во все концы земли, была действительно сердцем мира, его руководящим и оплодотворяющим центром. Эта Европа начиная со второй мировой войны пришла к своему концу, она потеряла свои позиции и теперь уже ничем не выделяется из общего ряда прочих континентов.

2. Параллельно с утратой Европой своей функции центра мира в первой половине нашего века, ознаменовавшегося частыми европейскими братоубийственными войнами, проходил еще один процесс, также имеющий мировое значение: эмансипация остальных континентов. Перемещение политического центра тяжести и явилось тем фоном, на котором пылали европейские братоубийственные войны. Чем ожесточеннее бились друг с другом европейские нации, тем важнее казалась им задача мобилизации сил своих колониальных владений и заокеанских партнеров, для того чтобы бросить их на свою чашу весов и тем решить исход войны. Именно таким было вступление Америки в первую мировую войну. Своей военной техникой Америка решила и исход второй мировой войны, подготовила самое сердце Европы для штурма как на сухопутных

фронтах с запада и востока, так и путем воздушных бомбардировок.

Поддержка Америкой европейских войн способствовала тому, что страны других континентов получали все большую экономическую самостоятельность. Количество крупных индустриальных городов с населением более ста тысяч человек выросло за период с 1900 по 1950 год в Европе на 137 %, в Америке — на 280 %, в Африке — на 457 %, в Азии — на 219 % и в Австралии — на 200 %. Это означает, что во всех других странах света индустриализация в первую половину XX века проходила гораздо интенсивнее, чем в старой Европе.

Параллельно с этим развитием и как частный его аспект шел и рост населения. Естественный прирост населения в первой половине века составил: в Европе — 35 %, в Америке — свыше 127 %, в Африке — 70 %, в Азии — 48 %, в Австралии — 133 %. Таким образом, и рост населения в других частях света происходил гораздо быстрее, чем в Европе.

Уменьшилась и политическая роль Европы. Если до первой мировой войны Европа была руководящим политическим центром, то теперь она представляет собой нечто вроде политического вакуума силы, очага скрытой угрозы войны или магнитного поля между двумя противоположными полюсами, которые, подобно огромным конденсаторам, изо дня в день накапливают материальные и моральные силы. Из обоих этих источников в Европу устремились крайние, полярные силы: политическая, экономическая и духовная поддержка Америки, с одной стороны, империалистические социально-революционные и классовые устремления Советского. Союза — с другой. В этом и заключается третий и самый главный результат второй мировой войны.

3. Результатом этой войны явилось также и колоссальное увеличение мощи и влияния Советского Союза. Излишне сравнивать нынешнюю сферу влияния Советского Союза со сферой его влияния в годы Октябрьской революции. Она простирается сегодня от самого сердца Германии, от Вартбурга и города Гете и Шиллера[176] до Тихого океана, и от Северного Ледовитого океана через Китай до ворот Индии. В эту сферу влияния входят народы молодой неисчерпаемой биологической силы. Все достижения западной науки подвергаются здесь острой критике, направленной против всей западной культуры, против

всякой иллюзии цивилизации и прогресса. Однако эти же самые научные достижения, перенесенные в Советский Союз и сознательно стимулируемые его политическим руководством, вызвали в наивном советском народе прямо-таки упоение техникой и индустриализацией. Там царит сейчас один бог — мотор, там вырастают из земли промышленные комбинаты, там сознательно культивируется фанатическая вера в прогресс. Русский полковник Кирилл Калинов в своей книге «Слово имеют советские маршалы» пишет о выступлении Сталина перед слушателями военной академии следующее: «Сталин говорил медленно. Без всяких ораторских приемов комментировал он лозунг Ленина: «Коммунизм есть марксизм плюс электрификация».[177] Испанский представитель культурфилософии Сальвадор де Мадариага начинает свою книгу «Портрет Европы» словами: «Моторизованный Чингис-Хан угрожает Европе…» Вот в чем заключается третий компонент силы Советского Союза. Потрясения и кризисы, которым на протяжении пятидесяти лет подвергаются европейские народы и которые они понимают как призыв к созданию нового, стабильного порядка, правителями Советского Союза объясняются как закономерное историческое явление, как движущая сила перманентной революции во всем мире. Следовательно, сознательно способствовать этим кризисам и потрясениям повсюду — значит создавать предпосылку для успеха мировой революции, для создания «бесклассового общества».

Функция центра мира и защитного вала против наступающего Востока, которая еще со времен Великого переселения народов принадлежала Европе, отнята теперь у нее историей и передана Америке. В связи с этим Америка не может пожинать плоды своей победы в этой войне и заниматься укреплением мира и разрядкой международного напряжения. Наоборот, она должна использовать все свое могущество и направить все свои усилия на создание еще большего напряжения сил, дочти не уступающего напряжению военного времени, чтобы быть в состоянии выполнить эту задачу. Решение этой задачи Америка не может передать никому другому, так как своим непосредственным участием в мировых войнах она сама поставила ее перед собой.

4. Что касается нас, немцев, то мы как раз находимся на самой границе, — разделяющей силы двух противоположных полюсов, это также есть один из результатов второй мировой

войны. Разграничительная линия проходит через самое сердце нашей страны. По последним данным, потери только одного немецкого народа во второй мировой войне составляют 6,6 млн. убитыми. Тысячелетняя история немецких колонизаторов на Востоке окончена, немцы изгнаны из этих районов. Немецкие поселения и даже целые области, в которых преобладает немецкое население, на Балканах и в Советском Союзе можно за небольшим исключением считать потерянными.

5. В общем итоге войны имеется еще один результат, еще одна особенность, характеризующая всю вторую мировую войну. Хотя орудия молчат уже девять лет, мира до сих пор нет. Если в прежние времена заключение мира, создававшего новый порядок и делавшего жизнь людей стабильной, являлось как бы запоздавшим, но вместе с тем более глубоким оправданием войны, то окончание этой войны мира не принесло. Если раньше война была преддверием к миру. подобно ночи, за которой следует новый день, то 1945 год имел скорее характер перемирия, за которым в дальнейшем должна последовать перегруппировка сил воюющих держав. Два новых мировых центра соревнуются между собой в перетягивании каната, которым являются отдельные народы и страны. Это перетягивание сменяется иногда открытым использованием военной силы, где пробуются новые средства и методы. И все это вместе взятое называется «холодной войной». Если вторая мировая война была начата нашими противниками ради уничтожения фашизма и национал-социализма, если в ходе ее предполагалось, что после их уничтожения ни одна из этих побежденных идеологических систем не будет мешать немецкому народу заключить мир с другими народами, то уже сама война вызвала к жизни так много новых сил, новых идей и новых противоречий, что сейчас, в 1953 году, разговор о заключении мира и окончании спора с фашизмом и национал-социализмом прозвучал бы настоящим анахронизмом. Возможность заключения мирного договора сведена на нет гораздо более глубокими противоречиями. И они не только не приближают этот мир, но с каждым годом все более и более отдаляют его от нас.

Силы, преобразующие мир

В настоящее время по сравнению с 1914 и 1939 годами наблюдается принципиальное изменение в общей расстановке сил. Сейчас не только отдельные народы, но и целые континенты коренным образом изменили свое политическое лицо. И это стало возможным отнюдь не в результате действия всех стихийных сил, выпущенных на свободу войной, а скорее представляет собой следствие глубоких изменений, которым подверглись активные исторические силы и идеи. Сам процесс этой эволюции носил двоякий характер: старые идеи, некогда творившие историю, постепенно утрачивали свою силу, им на смену появлялись новые революционные идеи. И для того, чтобы научиться правильно ориентироваться в современном мире, нужно постараться осознать эти идеи.

1. События двух мировых войн положили конец веку европейского национального империализма. Теория национального государства сложилась в Европе в XVIII–XIX веках не только в виде идеи, но и как реальная, творящая историю сила, которая нашла свое завершение во Французской революции XVIII века, сделавшей Францию единым национальным государством. В XIX веке национальными государствами стали Италия и Германия. Соперничество европейских национальных государств, стремление к политическому равновесию и ограниченность территории Европы толкнули ключевые державы Европы в конце XIX века на путь захвата колоний и упрочения своего влияния на других континентах, то есть к политике, нашедшей, по выражению Дизраэли, свою классическую форму в политике Британской империи. Первая мировая война явилась борьбой европейских национальных государств за гегемонию. Точно так же и вторая мировая война была вначале войной между национальными государствами. С потерей европейскими народами во второй мировой войне 17,9 млн. человек и, следовательно, с беспрецедентным биологическим ослаблением западных народов по сравнению с народами других континентов стремление к гегемонии независимо от того, из какого европейского государства оно исходило, довело себя до абсурда, превратившись в смертельную опасность для всей Европы. После окончания второй мировой войны колонизаторские идеи старого стиля и империалистические устремления, с помощью которых раньше намеревались упрочить мир между народами на более длительное время, исчезли. Их сменили новые идеи и силы,

которые теперь определяют всю внешнюю и внутреннюю динамику развития мира.

2. С индустриализацией стран и континентов социальный вопрос получил характер проблемы мирового масштаба, тем более что из старого духовного наследия Европы были вновь вытащены на свет основные права человека, которые, кстати сказать, были тут же подхвачены и соответствующим образом изменены воинствующим марксизмом. Социальные проблемы занимают сегодня все народы и государства, и государственные границы уже не представляют для этих проблем непреодолимых барьеров. Когда с вступлением в войну Советского Союза и Америки война в Европе в 1941 году превратилась в мировую, для всех союзников основной идеей войны стала мысль о крестовом походе против фашизма. Считали, что война ведется не против немецкой нации, что исторической целью этой войны является искоренить фашистскую идеологию. После войны образовались новые идеологические группировки. Мир разделился на две сферы: коммунистическую и антикоммунистическую. Исторически «новым явлением оказалось то, что над нацией была возведена так называемая «идеологическая надстройка». Теперь принято говорить о «народах свободного мира» и «народах, лишенных свободы». Иными словами, мы вступаем в век, в котором первичными становятся идеологические противоречия. Умерший недавно представитель культур-философии Гендрик де Ман называет это «модернизированной формой религиозных войн с той лишь разницей, что вместо религиозных догматов и ереси речь идет только о политических «измах» и «антиизмах», связанных с различными мировоззрениями». [178]

3. Следует отметить и еще одно явление, имеющее всемирный характер. В истории человечества не наблюдалось еще ни одного события религиозного порядка, ни одной революции или какого-либо другого проявления власти, которое смогло бы в столь короткий срок и столь существенно изменить лицо земного шара, как это сделали современная техника и развивающаяся на ее основе цивилизация. Изобретенные европейскими и американскими учеными и исследователями, принесенные ими в дар народам мера, как. евангелие, расширенные и усовершенствованные в результате двух мировых войн шоссейные и железные дороги, каналы, авиалинии, радиостанции и телецентры создали вокруг земного шара густую сеть путей для передвижения людей и передачи звука и изображения во все концы мира. Развитие машин, рост индустриальных центров,

более или менее одинаковые жизненные привычки цивилизованного человека и многое другое все больше способствовали унификации, выработке единых шаблонов, нивелированию, взаимному проникновению самых различных культур. Все это ведет к тому, что именно сейчас понятие единого человечества в отличие от абстрактной, теоретически-космополитической идеи «объединенного человечества» эпохи гуманизма начинает становиться реальной исторической действительностью. Национальные культуры независимо от того, хотим мы этого или не хотим, начинают взаимно уподобляться, приспосабливаться друг к другу и выравниваться.

4. Исчезновение у отдельных наций способности творить историю, могущество новых, распространяющихся по всему миру идеологий, рост техники и индустриализации, знаменующий во всем мире начало коренного преобразования мира, — все это вместе взятое представляет собой в социологии нечто совершенно новое. В ходе этих процессов структура человеческого общества существенно изменилась. Современная техника и цивилизация выработали у людей более или менее однообразные жизненные устои и привычки, сгладили разницу между отдельными формами экономической и культурной жизни, превратили человечество в серую, однообразную массу. Современные средства связи и управления дают возможность влиять на массы, направлять и организовывать их деятельность из немногих мировых центров: радио доносит вести о событиях между народного характера почти до каждого уголка земли. В представлениях человека о пространстве и времени мир сократился до таких размеров, которые составляют лишь незначительную часть того, каким он был для него прежде. Если наши отцы еще безразлично относились к тому, что происходит за Уралом, в Канаде или на Цейлоне, если мнения или решения какой-нибудь отдельной личности или политической группы не имели тогда непосредственного влияния на судьбы отдельных людей на нашем континенте, то сегодня решения, принятые в Москве или Вашингтоне, могут повлиять на судьбу людей всего земного шара в течение нескольких часов и могут оказаться роковыми для каждого из нас. Структура современного преобразованного человеческого общества выглядит сейчас так: огромные массы людей, населяющие тот или иной крупный район или политическую сферу влияния, а над ними — отдельные, немногие центры власти.

Новое лицо Земли и новые действующие во всем мире силы и

законы неизбежно влияют и на характер войны, на ее стратегию, формы и функции военной организации. Поэтому все законы войны должны быть приспособлены к этой новой международной ситуации.

Преобразованная война

В одной из глав этой книги говорится о том, что во второй мировой войне, совершенно независимо от того. о какой из воюющих сторон здесь идет речь, настоящий успех имели лишь те страны и народы, которые правильно поняли смысл тотальной войны, и что поражения и кризисы переживали чаще всего те, кто в силу нежелания освободиться от старых традиций или из-за своей нерешительности и узости кругозора нарушал внутренние законы тотальной войны.

Главными чертами этой войны явились: во-первых, тотальное использование всех материальных и моральных сил и средств, которыми располагали воюющие государства, во-вторых, тотальная мобилизация населения, в-третьих, тотальный перевод экономики на военные рельсы, обусловленный экономической и военной блокадой и экономической войной на море, в воздухе и на суше, в-четвертых, развертывание всех средств пропаганды для поддержания и укрепления морально-боевого духа, в-пятых, устранение различий между воюющими войсками и гражданским населением как в отношении участия их в боевых действиях, так и в отношении опасностей, которым они подвергались (воздушная война), и. наконец, в-шестых, использование боевых средств не столько для уничтожения живой силы и техники противника, сколько для уничтожения его военного потенциала, совершенно независимо от того, идет ли при этом речь о материальных ценностях или о самих людях.

На это можно жаловаться, этим можно возмущаться, ссылаться на различные требования этики, обращаться с заклинанием к рыцарскому духу прошлых войн, можно, наконец, делать прогнозы о гибели человечества, но в облике современной войны от этого ничего не изменится.

Если бы мы могли укрыться на таком сказочном острове, где нет ни забот, ни тревог, тогда, разумеется, мы избавились бы от всех неприятностей современной международной ситуации. Если бы, изучив опыт этой войны, мир настолько «поумнел», что нам не пришлось бы больше говорить о войнах, то все обсуждаемое. на этих страницах осталось бы исключительно объектом истории. Но в том-то и дело, что, победив в этой войне, большевизм развернулся в воинствующую мировую силу первой величины. Его программа классовой борьбы и мировой революции выходит

далеко за пределы географических границ своей сферы влияния. К тому же руководители Советского Союза настолько извратили в своей практической деятельности основной принцип Клаузевица — война есть продолжение политики другими средствами, — что они и мир используют для «продолжения войны другими средствами». Поэтому во всем мире и во всех областях жизни: духовной, моральной, экономической, политической и, наконец, военной — должны быть найдены и развиты такие формы защиты, которые целиком бы соответствовали современной международной обстановке.

В настоящее время отдельные нации с их примитивными армиями старого стиля просто не в состоянии обеспечить свою безопасность. В этих новых условиях предпосылкой для создания настоящей безопасности становятся уже крупные континентальные и зональные военные союзы, в которых нации, находясь в тотальной боевой готовности, приспособленной к их географическим условиям, могут объединиться для совместной борьбы за свое существование.

К этому прибавляется второе обстоятельство. Непрерывное взаимное стимулирование политической активности и одновременное развертывание военного могущества коммунистического лагеря принуждают нас — если мы вообще хотим оказать какое-либо сопротивление этой силе — выбросить за борт устаревшее представление о вооруженных силах, стоящих вне политики. Под этим, конечно, не следует понимать, что армия должна насквозь состоять из партийно-политических работников, но в век идеологических войн, в предполагаемой борьбе против военной силы, которая, как губка, пропитана коммунистическими идеями, успех может иметь только такая армия, которая в свою очередь до конца убеждена в ценности тех идей и нравственных принципов, которые она призвана защищать.

Оборона больших пространств приведет к возникновению новых оперативно-тактических идей и положит конец устаревшим понятиям и формулам. Использование в войне крупных войсковых соединений и тактические приемы отдельных родов войск будут решающим образом зависеть от соотношения сил в воздухе над предполагаемым противником.

Однако даже при достижении кем-либо из противников абсолютного превосходства в воздухе и несмотря на наличие у

него новых бомб, обладающих большим разрушительным действием, он все же непременно должен будет иметь наземные войска. При этом решающим родом войск будет уже не пехота, как это было в 1939–1945 годах, а воздушно-десантные войска, оперирующие в теснейшем взаимодействии с авиацией, а также мотомеханизированные соединения. Указанные роды войск (воздушно-десантные, парашютные и мотомеханизированные), оснащенные превосходными, по всей вероятности, какими-то новыми боевыми средствами, будут в состоянии самым лучшим образом выполнить те изначальные требования военного искусства, согласно которым «внезапность» и «сосредоточение сил на направлении главного удара» являются главными предпосылками для победы.

При этом, конечно, следует рассчитывать на появление новой, еще более усовершенствованной военной техники. Так, например, можно ожидать, что в недалеком будущем для изготовления шасси артиллерийских орудий, боеприпасов и т. п. будут применяться легкие металлы, что для увеличения эффективности стрельбы будет применен ракетный двигатель, что интенсивность действия взрывчатых веществ будет увеличена за счет использования атомной энергии, что еще большее развитие получит радиолокационная техника, что будут значительно улучшены средства связи и техника передачи сообщений. Реактивные двигатели, различное оружие, управляемое на расстоянии, дальнобойные реактивные снаряды, посылаемые даже через материки и океаны, найдут широкое применение как весьма эффективные боевые средства для поражения жизненных центров и центров военной промышленности противника.

Правда, у миллионов людей свободного мира — и в этом надо честно признаться — страх уже вошел в кровь. Это объясняется тем, что они рассматривают современную обстановку не как преддверие новой войны, а как состояние скрытого самоуничтожения, делая отсюда вывод, что пушки заговорят сами собой, как только будут созданы новые армии. Подобным соображениям противоречат, однако, мнения и доводы многих ведущих ученых современности. В итоге двух прошедших мировых войн, во-первых, появилась возможность распространения войны на весь земной шар и, во-вторых, выяснилось, что, несмотря на огромные материальные разрушения и душевные переживания, вызванные второй мировой войной, и появление в конце ее атомной бомбы, способной

сильно сократить население нашей планеты, ни одна из прошедших войн не привела к ослаблению международного напряжения и к заключению приемлемого для всех конструктивного мира. Итог всякой современной войны очень убедительно показывает, что «горячая война» будущего потребует таких колоссальных жертв, что в ней не останется ни «победителей», ни «побежденных», и поэтому подобная война как конструктивное средство политики может привести к абсурду. Как сказал президент США в своем послании конгрессу, «будущая война создаст такие возможности, что человек одним ударом сможет уничтожить жизни миллионов людей, разрушить крупнейшие города мира, уничтожить многие достижения культуры прошлого, сможет даже уничтожить всю культуру, которая с большим трудом создавалась сотнями поколений. Такую войну разумный человек не сделает средством своей политики. Нам это известно, но мы не должны полагать, что другие не поддадутся искушению испробовать на деле достижения современной науки».[179]

Видный английский военный писатель генерал Фуллер выразил это мнение в своей статье «Третьей мировой войны не будет» в следующих словах:

«Хотя это часто отрицается, однако всякая реальная война сегодня, как и в прошлом, является дипломатической войной, и поскольку в международных делах нельзя аргументировать с позиции слабости, постольку всякий спор должен потенциально поддерживаться вооруженной силой… Однако в настоящее время дипломатическая война претерпевает целый ряд коренных изменений… Ее целью теперь является уже не разрешение спорных вопросов путем переговоров, как это было раньше, а скрытый подкоп, выражающийся в агитации среди народа противника, рассчитанный на то. что под ее воздействием народ сам свергнет свое правительство… В этом и заключается новая дипломатия, которую обычно называют «холодной войной». Война как инструмент политики стала настолько обоюдоострой, что применять ее становится опасно… Огромная разрушительная сила новейших средств войны стала тормозом для самой войны. Если люди хотят продолжать свой спор, не подвергая себя риску уничтожения, они вынуждены ограничиться психологическим театром военных действий — сражением принципиальных идей. И если концентрическая «холодная война» ведется под защитой атомной бомбы и других нормальных боевых средств против непримиримого врага западной культуры и цивилизации, то

атомное оружие вместо проклятия может стать настоящим благословением. Под такой «защитой» войну можно оттянуть, а затем она станет настолько невыгодной, что к ней не будут больше прибегать. Война ограничится областью идей».[180]

Стратегия идей

Мы неправильно поймем высказывания Фуллера. если станем успокаивать себя надеждой, что третьей мировой войны не будет уже потому, что война в ее наивысшей стадии развития сама лишает себя всякого смысла, что она никому не может принести пользы и поэтому становится. совершенно нерентабельной.

Фуллер говорит о новой форме мировой дипломатии — о «холодной войне» и о «сражении принципиальных идей». Для этого сражения нужно быть достаточно сильным. Все политические и другие коалиции, которые общим знаменателем имели одно лишь «анти», никогда на протяжении всей истории не были прочными и никогда не имели никакой преобразующей силы. И если в новой широкой коалиции «антибольшевизма» будут представлены самые крупные силы, самая передовая техника и самая современная стратегия, все равно ее механизм не будет иметь основного стержня, он останется телом без сердца, строением без всеоживляющего, формирующего и всепроникающего духа.

Где взять этот новый дух, эту движущую силу новых идей? Потеря Европой своих позиций на международной арене, предоставление самостоятельности другим континентам и расам, усиление мощи Советского Союза, учащение внутриевропейских кризисов, расчленение Германии, лишение миллионов людей крова и родины, уничтожение в ходе войны бесчисленного количества людей произвели на народы, как и следовало ожидать, самое ужасное впечатление. Они породили чувство полной покорности судьбе и абсолютное безразличие к заключаемым ныне договорам и обязательствам. Еще в конце первой мировой войны Освальд Шпенглер[181] пытался научно обосновать закономерность гибели Запада. Гендрик де Манн назвал первую главу своей книги, в которой он пытается поставить диагноз обстановке, сложившейся после второй мировой войны, «Век страха». Вся ныне модная философия экзистенциализма также проникнута глубочайшим пессимизмом, что особенно сильно выражено у французов Сартра, Марселя и Камюса.

К тому факту, что люди теряют сейчас всякую уверенность в жизни, следует относиться со всей серьезностью, потому что это явление имеет подчеркнуто европейский характер. Ведь новые

полюса мира: Америка, с одной стороны, и Советский Союз — с другой, преисполнены не только кипучей верой в жизнь, но и сознанием своей исторической миссии. Еще Бенджамен Франклин на исходе XVIII века охарактеризовал отношение американца к жизни следующими словами: «Внести ясность в природу вещей, усилить власть человека над материей, умножить удобства и радости жизни». Современный американец, исходя из своих колонизаторских и христианских убеждений и демократических идеалов, также верит в то, что найдет «правильный выход» из создавшегося положения, если будет «правильно» искать его. На другом же полюсе, в Советском Союзе, у людей сложились оптимистические взгляды на всеспасительный характер воспитания. Миллионы людей пропускаются там через новые школы, рабочие факультеты, профсоюзные организации, союзы молодежи, пятилетние планы культурного строительства, через всю эту мельницу схематического, но целеустремленного формирования людей. Эта вера в воспитание человека соединилась там с верой в технический прогресс, с политической догмой о создании нового мирного порядка и с верой в освободительную миссию, которая в будущем якобы будет возложена на славян, и в частности на русских. Всё это вызывает у них некоторое опьянение от величия своих задач по переустройству мира и от своего собственного величия.

Но люди и народы, которые находятся в магнитном поле этих великих государств и которые в собственном развитии не видят никаких перспектив, должны будут погибнуть, если они окончательно не изживут свой пессимизм. Европейским народам поможет не тенденциозный оптимизм лозунгов, пропаганды и иллюзий, а только глубокое осознание своего положения, чтобы, трезво оценив действительность, занять свое новое место в мире. Это значит, что из всего имеющегося опыта второй мировой войны должны быть сделаны соответствующие выводы. Обе мировые войны означают для Европы не завершение, а начало перелома, начало коренного преобразования существующих порядков. И этот процесс преобразования должен вполне соответствовать новому положению Европы на международной арене и должен стимулироваться не столько правительствами и конгрессами, сколько самими людьми и народами.

В этом и заключается задача Европы. Она должна найти сама себя, потому что до сих пор этого еще не произошло. Было бы ошибкой и ложным выводом надеяться на то, что холодная война уводит нас от горячей войны. Нет. В действительности она только

приближает нас к ней. Питать иллюзию, что холодная война до известной степени безвредна, означает быть безответственным и практически способствовать большевикам в выполнении их задач.

«Сохранится Старый Свет или погибнет? Да, сохранится, потому что он существует сейчас и, следовательно, должен существовать дальше». Такими словами начинает свою книгу о Европе испанский представитель культур-философии Мадариага. «В первую очередь, — продолжает он, — мы должны любить Европу. Ведь именно в Европе звучал смех Рабле, именно здесь светила улыбка Эразма, именно здесь искрились остроты Вольтера. На духовном небосводе Европы, подобно звездам, сверкают пламенные очи Данте, ясные глаза Шекспира, веселые глаза Гёте и страдальческие глаза Достоевского. Вечно улыбается нам лик Джиоконды; вечны для нас, европейцев, мраморные образы Моисея и Давида, созданные великим Микеланджело. В Европе звучали фуги Баха, покоряющие слух своей математически четкой гармонией звуков; в Европе ломал себе голову Гамлет над тайной своей апатии; здесь гётевский Фауст пытался перейти от мучительных раздумий к действию; здесь Дон-Жуан искал в каждой встречной женщине ту, которую он так и не мог найти; по европейской земле скитался с копьем наперевес Дон-Кихот, упорно стремясь добиться справедливости. Но та Европа, в которой Ньютон и Лейбниц измеряли бесконечно малые и бесконечно большие величины и где кафедеральные соборы, по словам Альфреда де Мюссе, «склонились в каменных одеждах на колени», где «на серебряные ленты рек нанизаны кристаллы городов»… эта Европа еще спит, ее время еще не настало. Она проснется только тогда, когда испанец скажет «мой Шартр», когда англичанин заговорит о «нашем Кракове», итальянец станет рассказывать о «своем Копенгагене», а немец — о «нашем Брюгге». И когда это будет действительно так, тогда Великий дух, направляющий нас и руководящий нами, скажет свое магическое слово Fiat Europa!.[182]

Разумеется, это будет лишь тогда, когда европейцы забудут военный клич своих древних предков, кое-как прикрытый «историками» всех наций фиговым листком псевдонауки. Европа должна вновь продумать и прочувствовать свою историю».

На это можно возразить, заявив, что все вышесказанное является проблемой преимущественно эстетического порядка. Но, ограничиваясь только европейским культурным наследием, мы хотим указать на главную задачу, стоящую перед Европой:

поднять сознание всех европейцев — как отдельных людей, так и целых наций — до общеевропейского сознания. Это отнюдь не означает, что отдельная нация должна отречься от своих собственных традиций. от своего культурного наследия, от своих национальных признаков; наоборот, это означает, что при сохранении своей собственной национальной культуры каждая нация воспримет часть культурного наследия других наций. Нам нужен не процесс нивелирования, который сглаживает особенности наций, а процесс роста, который дает нациям возможность развиваться, невзирая ни на какие государственные границы, и который даже стирает эти границы и сливает все нации в одну общеевропейскую нацию, обладающую таким сознанием, которое охватит не только все культурное наследие Европы, но которое сможет критически переработать итоги прошедшей войны, сделав их достоянием всей Европы для утверждения ее в своей новой роли в будущем преобразованном мире. Немцы, которые с чувством злорадства смотрят сегодня на Францию, сотрясаемую забастовками, правительственными кризисами и происками коммунистов, не сознают при этом, что угрозе подвергаются и они сами. Со своей стороны, те французы, которые сейчас говорят о гарантиях безопасности и призывают надеть на Германию новые тормозные колодки как раз в то время, когда там на фоне общего хаоса начинают вырисовываться черты нового порядка, также не понимают, что будущее Франции зависит от восстановления Германии. Если кто-нибудь в Европе наслаждается кризисами, происходящими в Англии, то этим самым он обнаруживает свою близорукость, не видя, что эти кризисы сотрясают и его собственный фундамент. Все, кто думает так, отстали от жизни, застыли во вчерашнем мире, не поняли смысла конца второй мировой войны, не сделали правильных выводов из этого события и не видят еще изменений, происшедших в мире! До тех пор, пока в любой части Европы люди не станут сочувственно относиться к несчастью каждого из их европейских соседей, до тех пор, пока они не станут переживать успехи других народов, как свои собственные, вчерашняя Европа будет продолжать жить в умах людей как призрак, именно как призрак, потому что та Европа погибла на полях сражений второй мировой войны.

Безусловно, такое перерождение потребует много времени, потребует терпения и большой осторожности, потому что в каждом отдельном европейском народе всегда будут иметься тенденции к рецидивам. Иначе и не может быть, ибо здесь столкнутся два исторических явления, две исторические эпохи:

традиционная система прошлого и определенная новая система, которая из идеи должна претвориться в действительность во всех областях нашего совместного существования внутри европейского сообщества, вызванного к жизни исторической необходимостью. Задачей этого сообщества уже сейчас является развивать новые конкретные формы экономики, управления, внутренней и внешней политики, общественного строя, культурной политики, воспитания и обучения молодежи, а также военной организации. История не знает ни одного случая добровольного ухода со сцены какой-либо силы, идеи и т. п. Они всегда уходят только с боем. Так было в период становления средневековья, когда ему приходилось шаг за шагом разбивать сознание родовой общины, так было и в последующие эпохи, когда идеям и силам Реформации, Ренессанса и Гуманизма приходилось бороться против уже упрочившихся и сопротивлявшихся порядков средневековья. Это обстояло не иначе и тогда, когда в борьбе с Просвещением и индивидуализмом победили те идеи и силы, из которых вышли и сформировались новые европейские национальные государства.

Нельзя втыкать штык в землю, пока над противником не будет достигнута окончательная победа, нельзя останавливаться на полдороге, потому что современная история развивается семимильными шагами. Сейчас, в период восстановления, люди не могут не мечтать о полном искоренении войны, о создании настоящего мирного порядка, ибо это лежит в их плоти и крови. Но восстановить то, что было в Европе вчера, еще не значит разрешить проблему полностью.

Она может быть разрешена только мутацией, то есть коренным преобразованием всех форм жизни: политики, экономики, религии и культуры, которые должны быть созданы заново.

Если мы достигнем этого, тогда силой, объединяющей европейские народы, уже не будет какое-то отрицательное «анти», тогда помощь, оказываемая Америкой, будет представлять собой не одну лишь пустую оболочку внешней силы, технических средств, организации и аппаратуры, тогда возникнет новая жизненная суть, новый ведущий центр, новая настоящая сила; именно тогда будет покончено с тем вакуумом, который неизбежно порождал у европейцев страх за судьбу мира.

Если все это будет выполнено, то европейская оборона

получит принципиально новое лицо, потому что только тогда Европа будет по-настоящему подготовлена к веку «идеологических войн», потому что тогда идеологическое наступление с Востока встретит на своем пути не явления разложения и распада, а новый растущий организм народов, который преодолел свою болезнь и теперь настолько упрочился, что не поддается больше влиянию восточной идеологии.

Если все это будет сделано, тогда итоги минувшей войны не останутся простой суммой теоретических взглядов, но будут использованы в новой практической жизни. Тогда вторая мировая война перестанет казаться нам падением и гибелью мира, а превратится в новую ступень развития. рожденную в нечеловеческих муках, принесенных ей в жертву в результате глубочайших потрясений. Тогда — как и всюду в природе — сама смерть на поле боя станет у нас в Европе предпосылкой для начала новой жизни.

Но ничто не придет к нам само собой: все будет зависеть только от наших действий. И если для достижения этого мы приложим все свои силы, тогда — и этим замыкается круг — будет, наконец, скована та неведомая сила, которая с 1914 года — очевидно, по высшим метафизическим причинам — ввергала людей и народы в одну катастрофу за другой. Сила эта будет подчинена людям, ибо они уже осознали, преобразовали и оформили то, что в нашем непрочном мире давно стремилось к единому целому — к созданию в нашей части света нового всеобъемлющего порядка.

Мир есть не только состояние, мир должен быть задачей, и эта задача встала сейчас перед нами во весь свой огромный рост. И наш святой долг перед теми, кто пал в последней мировой войне, взяться за устройство этого мира и работать, работать, не отвлекаясь и не связывая себя никакими лишними обязательствами, чтобы все уроки второй мировой войны не пропали даром.

Общая литература

Assmann K., Deutsche Schicksalsjahre, Brockhaus, Wiesbaden, 1950.

Beumelburg W., Jahre ohne Gnade, Chronik des Zweiten Weltkrieges. Stalling Verlag, Oldenburg, 1952.

Churchill W., The Second World War, vol. 1–5, Cassel and Co,

London, 1948–1952.

Eisenhower D. D., Kreuzzug in Europa, Bermann Fischer.

Фуллер Д.Ф., Вторая мировая война 1939–1945 гг., ИЛ, М., 1956.

Guderian H., Erinnerungen eines Soldaten, Verlag Vowinckel, Heidelberg.

Henderson N., Failure of a Mission, Hodder and Stoughton, London, 1940. (Предыстория второй мировой войны.)

Ho11dack H., Was wirklich geschah, Nymphenburger Verlagsanstalt, Munchen, 1949. (Предыстория второй мировой войны.)

Kalinow K., Sowjetmarschalle haben das Wort, Toth-Verlag, Hamburg.

Kesselring A., Soldat bis zum letzten Tag, Athemaum Verlag, Bonn, 1953.

Namier L. B., Diplomatic Prelude 1938/39, Macmillan, London, 1949. (Предыстория второй мировой войны.)

Liddel Hart B.H., Letzt durfen sie reden — Hitlers Generale berichten, Stuttgarter Verlags-GmbH, 1950, Die Strategic einer Diktatur, Aufstieg und Fall deutscher Generale, Verlag Amstutz, Herdeg und Co., Zurich.

Типпельскирх К., История второй мировой войны, ИЛ, М., 1956.

Wi1mot Ch., The Struggle for Europe, Collins, London, 1952,

notes

Примечания

1

В ряде работ зарубежных историков о А. Кесселъринге говорится, что он, как и генерал-фельдмаршал Э. Манштейн, В. Модель, К. Рунштедт, заметно выделялся среди многих других командующих немецкими армейскими группировками.

2

В ряде русских источников Хайнц Гудериан.

З

Марк (1880–1916) — немецкий художник-экспрессионист один из основоположников современного сюрреализма. Кандинский Василий (1866–1944) — русский художник-график, работавший в Германии и во Франции. Вместе с Францем Марком создал в Мюнхене группу «Голубой всадник» и заложил основы «беспредметной» живописи. Рильке, Рейнер-Мария (1875–1926) — немецкий поэт-мистик, произведения которого оказали большое влияние на немецкую поэзию начала XX века. Георге, Стефан (1868–1933) — немецкий поэт-символист. Планк, Макс (1858–1947) — выдающийся немецкий физик, лауреат Нобелевской премии (1918). один из основоположников квантовой механики. Эйнштейн. Альберт(1879–1955) — великий немецкий физик, создатель теории относительности

4

Немецкая Австрия — республика, провозглашенная 12 ноября 1918 года после падения кайзеровской Австро-Венгрии в качестве автономной части Германии и просуществовавшая до 10 сентября 1919 года, когда по Сен-Жерменскому договору были окончательно определены ее границы и она стала называться просто Австрией. — Прим. ред.

5

Мейнеке, Фридрих — видный немецкий историк. См. «Weltburgertum und Nationalstaat», 1908. — Прим. ред.

6

«Пруссия не является государством, которое владеет армией, она скорее является армией, которая завладевает нацией» (франц.).

«Заметки о любви к родине» (франц.).

8

«Государство — это я» (франц.), — фраза, которую любил повторять французский король Людовик XIV. — Прим. ред.

9

«По преимуществу» (греч.).

10

Философ Сансуси — ироническое прозвище Фридриха II. Сансуси — название загородного дворца в Потсдаме, построенного Фридрихом. — Прим. ред.

11

«Denkschrift Gneisenaus», 1807.

«Заметки о воспитания» (франц.).

13

Автор имеет в виду международный скандал в ноябре 1913 года в эльзасском городе Цаберне, вызванный нечеловеческим обращением прусских офицеров с эльзасскими рекрутами. — Прим. ред.

14

Очевидно, подразумевается Ноябрьская революция (1918 год) в Германии. — Прим. ред.

15

Подготовить мир к демократии (англ.).

16

Эрцбергер, Матиас (1871–1921) — один из видных политических деятелей Германии. Вождь левого крыла парламентского центра. В 1918 году подписывал текст договора о перемирии в Компьене. Убит офицерами-террористами. Ратенау, Вальтер (1867–1922) — немецкий политический деятель, демократ. Выступал за точное выполнение Германией всех пунктов Версальского договора, за что и был убит террористами. — Прим. ред.

17

В этот день Гитлер произнес у могилы Фридриха Великого клятвенную речь быть верным принципам «великого монарха». — Прим. ред.

18

Без страха и упрека {франц.).

19

Приведение в прежнее состояние (лат.)

20

Стеффенс, Генрик (1773–1845) — немецкий философ, последователь Шеллинга, представитель романтического течения немецкой натурфилософии. — Прим. ред.

21

Клаузевиц. О войне, том II, изд. 3-е, М., Воениздат, 1941, стр. 5. — Прим. ред.

«Moltkes Kriegslehre», Eine Auswahl aus seinen militarischen Schriften, Berlin, S. 38.

23

«Moltkes Kriegslehre», Eine Auswahl aus seinen militarischen Schriften, Berlin. S. 22.

Там же, S. 26.

25

Greiner H., Die Oberste Wehrmachtsfuhrung 1939 bis 1943. Wiesbaden, 1951, S. 326.

26

Там же.

de Mendelssohn, Die Nurnberger Dokumente, S. 334.

de Mendelssohn. Die Nurnberger Dokumente, S. 367.

de Mendelssohn, Die Nurnberger Dokumente, S. 401.

Там же, S. 404.

31

Клаузевиц. О войне, том I, изд. 5-е, Воениздат, М., 1941, стр. 62. — Прим. ред.

32

Клаузевиц. О войне, том II. изд. 3-е. Воениздат, М., 1941, стр. 36. — Прим. ред.

33

«Moltkes Kriegslehre», Eine Auswahl aus seinen militarischen Schriften, Berlin, 1938, S. 23.

34

Автор имеет в виду главный штаб вооруженных сил и главное командование сухопутных войск — два высших органа, между которыми на протяжении почти всей войны не было никакого единства взглядов и действий. — Прим. ред.

35

Клаузевиц, О войне, том I, изд. 5-е, Воениздат М., 1941, стр. 226. — Прим. ред.

36

Клаузевиц. О войне, том I, изд. 5-е, Воениздат, М., 1941, стр. 175. — Прим. ред.

37

Там же.

«Наше море» (итал.).

39

Невысокое (200 м) плоскогорье в восточной прибрежной части Киренаики. — Прим. ред.

40

Автор имеет в виду немецкую группу армий, находившуюся в Италии и подчинявшуюся непосредственно главному штабу вооруженных сил (ОКВ). — Прим. ред.

41

Переговоры с американцами, ведшиеся через представителей католической церкви и швейцарских посредников, начались в конце 1944 года. Целью этих переговоров было открыть путь для ведения дипломатических переговоров о прекращении военных действий. Впоследствии об этом был проинформирован и Гитлер (март 1945 года). Переговоры не привели ни к чему определенному и не облегчили положение войск Юго-Запада. Требование «безоговорочной капитуляции» оставалось действительным и для этого театра военных действий.

42

В действительности мир был подписан 8 августа 1700 года на очень тяжелых для Дании условиях: отказ от Голштинии, большая контрибуция. Этим миром Карл XII устранил из дальнейшей войны самого опасного (ввиду наличия у Дании крупного флота) противника. — Прим. ред.

43

Мазепа казнен не был, а бежал вместе с Карлом XII в Бендеры, после того как его казаки отказались от участия в измене. Умер в Бендерах в 1709 голу. — Прим. ред.

44

Высокая Порта — официальное название двора и правительства Османской (Турецкой) империи. Название это возникло в XIV–XV веках и просуществовало вплоть до свержения монархии в 1924 году. — Прим. ред.

45

Нормальная ширина колеи в СССР — 1524 мм, в Западной Европе — 1435 мм. — Прим. ред.

46

Цейтлер был в то время начальником немецкого генерального штаба. — Прим. ред.

47

Приложение к 4-й Гаагской конвенции 1907 года. — Прим. ред.

«Правила ведения сухопутной войны» (англ.).

49

Так у автора. — Прим. ред. **Hoaxer:** ничего удивительного. Почитайте мемуары Старинова (в разделе Мемуары на сайте militera.lib.ru) "Записки диверсанта", в частности главу 6 "1930 год. Партизанская школа".

Пономаренко, Партизанское движение в Великой Отечественной войне, Большевик № 13, 1943 г.

51

Британская тайная разведка (англ.).

52

Армейская организация сопротивления.

53

Движение сопротивления оккупантам и предателям.

Отряды вольных стрелков и партизан.

55

Французские силы внутреннего фронта.

То есть ставившее их вне закона. — Прим. ред.

Так, например, у Черчилля в книге «The Second World War», I, London, 1948, p. 108, и у Типпельскирха в книге «Geschichte des Zweiten Weltkrieges», Bonn. 1951, S. 10.

То есть 650–700 брт. — Прим. ред.

59

Английский военный историк, автор нескольких томов «Британской официальной истории второй мировой войны». — Прим. ред.

Битва за Англию (англ.).

11 декабря 1941 года. — Прим ред.

«Политика Нового курса». — Прим. ред.

63

Типпельскирх приводит цифру 651. — Прим. ред.

Крайнее средство (лат.).

Так в оригинале. — Прим. ред.

Автаркия — политика, направленная на создание обособленного и в случае войны не нуждающегося в помощи извне хозяйства, обладающего всеми необходимыми запасами стратегического сырья, продовольствия и т. п. — Прим. ред.

Надежнее всего идти в середине (лат.).

«Рискованным» он был назван потому, что по своему составу и долям не был рассчитан на длительное ведение войны. — Прим. ред.

Я особенно подчеркиваю, что снабжение воздушным путем было обеспечено Герингом лишь при предварительном создании необходимых для этого предпосылок и в весьма ограниченный срок.

«Небесная постель» и «дикая свинья» — названия боевых порядков немецких истребителей, которые приблизительно похожи на «этажерку» и «клин». — Прим. ред.

Фуллер Дж. Ф. Ч., Вторая мировая война, Издатинлит, М„1956, стр. 292.

Manstein, Seine Feldzuge und sein Prozess. 1951.

Harris A., Bomber-Offensive, Collins, London. 1947.

Бедекер — популярный английский путеводитель по Европе. — Прим. ред.

75

Замкнутый круг (лат.)

Macmillan. IV, The Royal Air Force in Fire World War, Harrap and Co., London, 1950.

Harris A., Bomber-Offensive, CoHins, London, 1947.

78

Почтовые открытки с изображениями городов (англ.).

Лица немецкого происхождения, проживавшие на территории других стран Европы. — Прим. ред.

То есть налеты на города. — Прим. ред.

81

Подробно это изложено в моей книге Der hochrote Hahn, E. S. Mitter und Sohn. Darmstadt, 1952.

82

Автор имеет в виду воссоздание немецкой авиации. — Прим. ред.

83

Так условно назывался район мощных укреплений, расположенный в центре Голландии и включавший в себя города: Утрехт, Амстердам и Дордрехт. — Прим. ред.

Эти «сведения» автора являются чистейшим вымыслом — Прим. ред.

85

Несколько другая структура этого управления приводится в книге Б. Мюллер-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии», т. 1, Издатинлит, М., 1956, стр. 219. — Прим. ред.

86

Государственное разведывательное управление в Англии.

87

69-й пехотный полк армии США, сражавшийся в Европе во время Первой мировой войны. — Прим. ред.

88

Игры в цирке (лат.).

89

Игра слов: генерал «Тревога» — выдуманный народом в шутку генерал, который будто бы, проезжая по стране, вскрывал различные недостатки. — Прим. ред.

Верховный орган власти (лат.).

Так в оригинале. — Прим. ред.

То есть построенные после первой мировой войны. — Прим. ред.

Генерального штаба. — Прим. ред.

Автор имеет в виду торпеды, управляемые по радио или при помощи кабеля. — Прим. ред.

95

Первый серийный реактивный истребитель-перехватчик Ме-163 поднялся в воздух 2 февраля 1944 года, а летом 1944 эти самолеты начали поступать на вооружение в истребительную эскадру JG-400. На день высадки Союзников в Нормандии (6 июня 1944 г.) в Люфтваффе было 30 истребителей Ме-262 Schwalbe. Темп выпуска этого самолета к началу 1945 года достиг 36 машин в неделю. Так что утверждение автора статьи ложно. — Прим. **Hoaxer.**

Так немцы называли наши реактивные минометы РС «катюши»). — Прим. ред.

В различных других источниках эта цифра колеблется в пределах от 1500 до 9000. — Прим. ред.

Автор хочет изобразить дело так. будто бы эти ограничения были сняты кем-то, а не самой Германией в результате одностороннего акта. Именно поэтому он оперирует такими безликими выражениями, как «достижение военного суверенитета», «получение независимости» и т. п. — Прим. ред.

Предместье Берлина. — Прим. ред

100

Величина, которой можно пренебречь (франц.).

101

Целью этой «операции», проведенной в конце войны и после нее, был захват всех ценных научных материалов (а вместе с ними и ученых-специалистов) и вывоз их из Германии. Советские войска в этой операции участия не принимали. — Прим. ред. В **этой** — не принимали. — Прим. Hoaxer.

102

Жигмонди (или Зигмонди), Рихард (1865–1929) — известный австрийский химик, изобрел (1913) ультрамикроскоп. — Прим. ред.

103

Специально оборудованные и вооруженные торговые суда или корабли военно-морского флота (чаще всего подводные лодки), которым ставилась задача прорвать блокаду на море и любой ценой достать нужное стратегическое сырье. — Прим. ред.

104

К сожалению, автор не располагает данными о производстве вооружения в 1940–1941 годах.

105

Дело в том, что так называемые «партийные» фашистские формирования (отряды СА, СС и пр.) имели почти такую же форму одежды, что и организация Тодта. — Прим. ред.

106

Настоящая статья написана на основании материалов, переданных нам многими лицами, занимавшими ранее руководящие посты в лагерях военизированной трудовой повинности.

Ср. Vafts A., Hitler's Second Army, Infantary Journal, Washington, 1943.

108

В конце 1944 года в армию были призваны 15-летние подростки. — Прим. ред.

109

Высказывание генерала Тома, цитируемое Лидделлом Гартом в книге «The German Generals Talk», N. Y., 1948.

Национальные дороги (франц.).

111

После первых военных неудач правители Польши уехали из Варшавы, а затем и вообще из пределов страны. — Прим. ред.

Армия прикрытия {франц.).

Парафьяново. — Прим. ред.

Приведенные здесь цифры взяты из книги Stettiniu R. Jr. Welt in Abwehr, Leih — Pacht.

115

Семья крупнейших аугсбургских ростовщиков. Якоб Фуггер (1459–1525) основал один из самых значительных банков Европы. Он давал ссуды и кредит римскому папе, а также финансировал королей Максимилиана I и Карла V. — Прим. ред.

116

Сокращенное обозначение Металлургического научно-исследовательского общества (Metallwirtschaftliche Forschungsgesellschaft — Mefo). — Прим. ред.

117

Кредитные бумаги в форме векселей, выдававшиеся фирмами, которые занимались трудоустройством безработных. Эти векселя акцептировались банками, так как государство приняло обязательство погашать их. Они редисконтировалнсь государственным банком. Цель этих векселей заключалась в ограничении эмиссии преждевременным финансированием общественных работ. — Прим. ред.

В основном вся эта сумма приходится на территорию оккупированных областей Советского Союза. — Прим. ред.

119

Взносы отдельных провинции и земель Германии в общую имперскую казну за право пользования транспортом, почтой, телеграфом и т. п., рассчитываемые на душу населения. Были отменены Веймарской республикой в 1919 году и восстановлены нацистами для некоторых оккупированных стран. — Прим. ред.

120

Бронзовый столп (франц.), то есть нечто огромное и дорогостоящее. — Прим. ред.

В текучем долге. — Прим. ред.

Указанные области были, согласно Версальскому договору, переданы Польше в 1919 году. — Прим. ред.

123

То есть в 1939 и 1940 голах. — Прим. ред.

124

«World Economic Survey», Eleventh Year 1942–1944, Series of League of Nations Publications, II. A. 4,5, S. 125, Table 2. a

125

Там же, S. 31, Table 2.

«World Economic Survey». Eleventh Year 1942–1944, Series of League of Nations Publications, II. A. 4,5, S. 129, Table 2.

127

«Schaubilder zur deutschen und europaischen Ernahrungswirtschaft».

«Schaubilder zur deutschen und europaischen Ernahrungswirtschaft».

129

Статья написана по материалам одной из женских общественных организаций Западной Германии.

130

Имеется в виду империя тевтонов (Regnum teutonicorum), образовавшаяся при Отто I в 919 голу. — Прим. ред.

Народность, живущая в Южном Тироле. — Прим. ред.

132

Гердер, Иоган Готфрид (1744–1803) — немецкий философ-монотеист, видевший в основе всех сил божественное начало. Его мысли об истории человечества и о взаимоотношениях человека с окружающей природой получили свое завершение в философии Гегеля. — Прим. ред.

133

То есть революции 1789–1794 годов. — Прим. ред.

Начало еврейских погромов в Германии. — Прим. ред.

135

В конце сентября 1943 года Муссолини, освобожденный гитлеровскими войсками из тюрьмы, куда он был посажен по распоряжению демократического правительства Бадольо, бежал на север Италии. В местечке Сало, на берегу озера Гардии, он основал так называемую «Итальянскую социальную республику», явившуюся, по существу, в условиях растущего партизанского движения абсолютной политической фикцией. — Прим. ред.

136

Организация реформистов-католиков в южной, так называемой валлонской части Бельгии, созданная в 1935 году Леоном Дегреллем, которая во время второй мировой войны целиком встала на сторону гитлеровских захватчиков и оказывала им значительную поддержку. — Прим… ред.

137

Венские арбитражи 1938 и 1940 годов — название соглашений между гитлеровской Германией, фашистской Италией и хортистской Венгрией об отторжении части территории Чехословакии и Румынии в пользу Венгрии. — Прим. ред.

Интересно сравнить этот вывод автора с выдержкой из «Памятки домашним хозяйкам об использовании восточных работниц», изданной в Германии в годы войны, где, в частности, сказано, что «…немецкие положения, касающиеся условий труда и охраны труда, к восточным работницам не относятся… права на свободное время они не имеют… посещение различных… учреждений и церквей запрещено… немец не должен жить в одной комнате с восточными работницами… одежда восточным работницам не выдается…» и т. д. См. Нюрнбергский процесс, Сборник материалов, I, изд. 2-е, Госюриздат, М., 1954, стр. 800–801. — Прим. ред.

139

По данным германских историков за период с 22 июня 1941 г. до конца войны вермахтом было взято в плен приблизительно 5,7 млн. красноармейцев. К началу 1945 года 930 000 из них находились в немецких лагерях для военнопленных. Максимум 1 млн. пленных были выпущены из лагерей главным образом в обмен на соглашение служить в вермахте в качестве «желающих помогать» (Hilfswillige). Еще примерно 500 000 бежали или были освобождены Красной Армией. Остальные 3,3 млн. погибли. — Прим. ред.

140

Если бы Германия победила во Второй мировой войне, эта статья целиком, слово в слово, могла бы быть помещенной в «Das Reich» в качестве передовицы. Автор изобразил немцев ангелами во плоти, а положение советских военнопленных и «остарбайтеров» прямо-таки идиллическим. Ни слова не было сказано о **миллионах** убитых немцами людях из Советского Союза — в концлагерях и «на местах», о тотальном истреблении евреев — по национальному признаку. Я мог бы привести массу фактов, опровергающих автора, но тогда бы эта ссылка получилась очень, очень большой. — Прим. **Hoaxer**.

То есть к «холодной войне». — Прим. ред.

142

«Lettre du Ministre des Affaires etrangeres de Pologne au Secretaire general de la Societe des Nations». C 602 M 240, Oct. 1931.

143

Цитируется по книге Nico1ai, Nachrichtendienst, Press und Volksstimmung im Kriege.

144

См. там же.

Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher. Band XIX.

Ponsonby A., Falsehood in War-Time.

Ponsonby A., Falsehood in War-Time.

Kris Speier., German Radio Propaganda. N. Y.. 1944.

Kris Speier., German Radio Propaganda. N. Y.. 1944.

150

Город в штате Нью-Йорк, где находилась старейшая и едва ли не самая мощная в США коротковолновая радиостанция. — Прим. ред.

151

Одна из центральных площадей Берлина теперь называется Маркс-Энгельсплац. — Прим. ред. (Теперь она снова называется Вильгельмсплац. — Прим. Ноахег)

Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher. Band XIX.

Lerner, Propaganda in War and Crisis. 1951.

Lerner, Propaganda in War and Crisis. 1951.

155

Там же, стр. 426.

Fraser L., Kriegsschuld und Propaganda, Zurich, 1947.

157

Американское управление пропаганды подготовило весьма сложный статистический документ о воздействии воздушных бомбардировок на моральный дух немецкого населения и дифференцировало эти данные. В одном месте этого документа говорится следующее (взято из статьи «The effects of Strategic Bombing on Germany»): «…было установлено, что страх и ужас, вызываемые воздушными бомбардировками, не имеют никакого отношения к практически более важной стороне морального духа, а именно к готовности капитулировать. Как подверженные страху, так и сохраняющие спокойствие одинаково не желали складывать оружие».

158

Отдел психологической войны при штабе главнокомандующего экспедиционными войсками союзников в Европе. — Прим. ред.

159

Lerner, Propaganda in War and Crisis, N. Y., 1951: «Countering the German propaganda-line, the traditional respect of the broad masses towards the American and British as people of dignity and fair play was at work».

«Хотя по причине отсутствия необходимых материалов чрезвычайно трудно установить степень воздействия нашей пропаганды, однако некоторые отправные точки могут быть найдены в ответах пленных немецких солдат на вопросы об их основных взглядах, согласно ежемесячным идеологическим тестам, проводившимся американским отделом психологической войны. По данным этих исследований, существенного ослабления нацистской идеологии до февраля — марта 1945 года не наблюдалось. Иными словами, нападки пропаганды на нацистскую идеологию имели, по-видимому, очень незначительный успех, а вера в другие идеалы, например в Гитлера, была поколеблена лишь тогда, когда немецкие воинские части начали распадаться под сильным натиском войск противника».

161

«Справочник по полевой службе».

162

«Свобода заложников — это связанная свобода» (франц.).

163

Областные и районные руководители нацистской партии. Прим. ред.

Автор имеет в виду центральную часть Германии. — Прим. ред.

165

Земляная пологая (в сторону противника) насыпь впереди наружного рва укрепления, здесь имеет фигуральное значение. — Прим. ред.

166

Ср. высказывание адмирала Томпсона в его книге «The Blue Pencil Admiral», London: «Надеясь быстро закончить войну, генерал Эйзенхауэр просил русских разрешить ему потребовать безоговорочной капитуляции

Ср. Wirtschaft und Statistic 1. Jg. N. F., H. 8, Nov., 1949, S. 226 (Dr. Horstmann).

«Sanitatsbericht liber das deutsche Heer im Weltkrieg 1914–1918», Band 3, Berlin, 1934, S. 12.

169

1300 тыс. военнослужащих пока еще считаются пропавшими без вести, из них 1200 тыс. на Востоке, 100 тыс. на Западе. Судьба еще 103 тыс. германских военнопленных на сегодняшний день не выяснена. Оценки службы розыска, таким образом, вполне подтверждаются.

Frumkin G., Population Changes in Europe, London, 1951, s. 160–164.

171

Бывший офицер Советской армии Калинов предал Родину, перейдя в 1949 году в Западный сектор Берлина. — Прим. ред.

Это сообщение было сделано 9 февраля 1946 года. — Прим. ред.

173

Из них 4,2 млн. человек приходятся на Польшу (сюда не входят 1,5 млн. человек в восточных провинциях, отошедших к Советскому Союзу) и 1,4 млн. человек — на Югославию, то есть в общей сложности 7,1 млн. человек. См. Evolution demographique de 1'Europe 1938–1947, помещенный в Bulletin economique pour I'Europe, edite par les Nations Unies, Premier Trimestre 1949. Там же имеются и другие данные по Европе.

174

Территории, отошедшие к Советскому Союзу после второй мировой войны (Закарпатская Украина, северная часть Восточной Пруссии, Восточная Польша, Бессарабия, Северная Буковина и Карелия), имели до войны население в 17 800 тыс. человек.

Z. B. Erich Schmidt Verlag, Berlin, Zahlenbild 431.

Город Веймар. — Прим. ред.

177

Автор искажает ленинский лозунг «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны». — Прим. ред.

De Man H.. Vermassung und Kulturverfall, S. 175.

179

Из выступления президента Трумэна накануне выборов 1952 года. — Прим. ред.

См. «Deutsche Soldaten-Zeitung», 25.12.52.

181

Шпенглер (1880–1936) — немецкий философ и историк, поклонник и последователь Ницше. В 1918–1922 годах написал книгу «Крах Запада», в которой пророчил полную деградацию и вымирание западной культуры. — Прим. ред.

Да будет Европа! (лат.)